

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ

Чужие миры

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

Чужие миры


ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЕКЦИЯ

ВЛАДИМИР

ВАСИЛЬЕВ

Чужие миры

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА
2006

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
В19

Серия «Звездный лабиринт: коллекция»
основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А.С. Сергеева

Подписано в печать 10.03.06. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 42. Тираж 5000 экз. Заказ № 1087.

Васильев, В.Н.
В19 Чужие миры : [сб.] / Владимир Васильев. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 794, [6] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

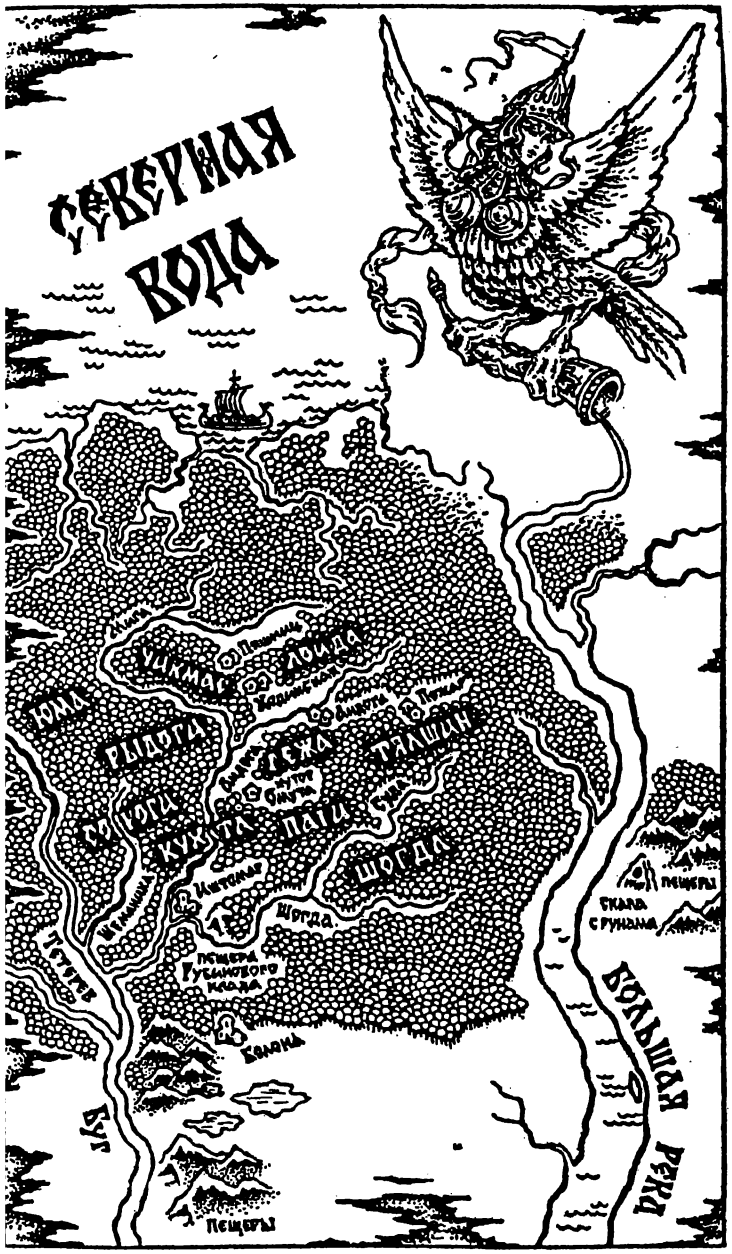
ISBN 5-17-038159-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-2815-8 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9762-0184-9 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

В эту книгу вошли повести и рассказы известного отечественного фантаста Владимира Васильева, относящиеся к разным направлениям жанра фэнтези.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В.Н. Васильев, 2006
© ООО «Издательство АСТ», 2006

КЛИНКИ


СЕВЕРНАЯ ВОДА
Ильмень
Ильмер
Двина
Ладога
Ока
Рыдрга
Ряд
Кукута
Пати
Тялшин
Шегда
Шегда
Пещера Гусиного Клада
Колина
Буг
Пещеры
Пещеры
Скала с рунами
БОЛЬШАЯ РЕКА

КЛИНКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РУБИНЫ ХОЗЯИНА КО

Пролог

Весна взбиралась в горы медленно, но неотвратимо. В долинах уже зеленела молоденькая трава, в предгорьях только сошел снег и обнажилась исходящая паром, черная, как ночь в новолуние, земля, а повыше все еще гулял ледяной ветер. Весне не суждено взобраться к самым вершинам — там снег никогда не тает. Но она каждый год стремилась утвердиться как можно выше. В долинах уже кипела жизнь, а горные пики оставались погруженными в величавое зимнее безмолвие.

Только беркуты знали это место в горах, недоступное бескрылым созданиям, — ровную квадратную площадку на самой вершине высокого пика, где хозяйничает бродяга-ветер. Небольшой прямоугольный ящик, наполовину вросший в мерзлую землю, грязно-серый, без выступов и впадин, неподвижный и безжизненный. Беркуты его нисколько не боялись и часто отдыхали на теплой поверхности. Теплой, несмотря на окружающие ящик снега.

Но ящик не был просто бессмысленной глыбой. Там, внутри, жил таймер, отмеряя минуты и часы, дни и столетия. И когда подходило время, он извергал сложный и мощный телепатический импульс, раз в тысячу лет. А потом ждал ответа, пусть слабенького и несмелого. И, не дождавшись,

замирал еще на тысячу лет, чтобы вновь послать в мир протяжный крик — призыв к пробудившемуся и крепнущему разуму.

Шестнадцать раз импульс оставался безответным. Правда, последний раз послышался слабый и неясный шепот, но ответом это назвать было еще нельзя.

Когда солнце коснулось краем горизонта и над долиной повис вечер, последний регистр таймера сбросился на ноль и в пространство ушел очередной, семнадцатый, импульс.

На этот раз его услышали и поняли. Эхо пришло сразу с трех сторон, с интервалом всего в полсекунды. Ящик засек направления, оценил расстояние, снял с эха матричные отпечатки и оцепенел, ожидая дальнейших сигналов.

То, ради чего он здесь стоял, началось.

Формуляр на серийный ментальный ретранслятор-усилитель ХА-27С

Габариты, мм	—	*1572 x 1505 x 620.*
Вес (масса), кг	—	*110.*
Дальность, км	—	*до 6000.*
Мощность импульса, бВт	—	*12,4.*

Состав импульса: (для данного изделия)

1. Верхний модулятивный ряд, ВМР:	*характеристика объекта, качественная и количественная. Накладывается на индивидуальный ряд корреспондента.*
2. Нижний модулятивный ряд, НМР:	*прямая информация о нахождении объекта, координаты введены.*
3. Боковая немодулированная составляющая (на подкорку):	*Блокирование интереса к источнику информации, закодированной в ВМР и НМР, ложная память о давнем обладании ею.*

Предусмотрен модуль непрерывного сканирования на частоте первого эха, а также возможность дежурного приема и пе-

ренастройки на биочастоты второго, третьего и т.д. эха при длительном прекращении первого.

Примечание. Ретранслятор устанавливать только горизонтально!

Глава 1
ЗНАК

Оставалось еще около двух часов ходьбы, когда Вишена решил передохнуть и съесть остатки мяса. Лес мрачно наваливался на тропу, смыкаясь вверху сплошным зеленым сводом, но Вишена давно привык к его постоянному давлению. Мало кто в здешних краях решался на путь в одиночку через Черное — громадный старый бор, за которым прочно закрепилась дурная слава. Вишена все же пошел, потому что попутчиков не нашлось, а не откликнуться на зов Боромира он не мог. Четвертый день Вишена мерил шагами единственную тропу через Черное, вспугивая зверье и нечисть, и пока никто его ее трогал. Правда, второй ночью кто-то долго бродил вокруг костра, Вишена явственно видел темный силуэт и два пылающих красным глаза. Пришлось обнажить меч, и два волшебных изумруда на гарде отогнали ЭТОГО. Кто ЭТО был, Вишена так и не понял. Для вовкулака он слишком велик, а для упыря вел себя уж очень тихо. Впрочем, Вишена не особенно ломал голову — мало ли нечисти водится в Черном?

Костер разводить не имело смысла — он хотел передохнуть и подкрепиться, чтобы сегодня же успеть к Боромиру. Привалившись спиной к старой сосне, Вишена жевал сушеное мясо, щурясь и поглядывая вверх, на пробивающийся сквозь кроны солнечный свет, изредка зачерпывая ладонью из шустрого лесного ручейка холодной, до ломоты в зубах, и чистой, как горный хрусталь, воды.

Шел Вишена в Андогу — поселок на берегу неширокой спокойной реки, носящей то же название. Он уже бывал там дважды — у Боромира перед Северным Походом и у него же на празднике Желтых Листьев. Видимо, Боромиру приглянул-

ся ловкий и бесстрашный боец-южанин, ибо далеко не все витязи Северного Похода получили приглашение на тот памятный праздник. Вишену пригласили, встретили с радостью и почестями. А теперь, спустя три года, Вишена получил послание — маленький медный нож. На рукоятке виднелась резьба — всего два слова: «Ты нужен». Раздумывать Вишена не стал. Ножен не было, а это значило, что меч свой забывать никак нельзя. Утром он уже отправился в путь. Что затеял Боромир, Вишена еще не представлял. Но только не большой поход. Наверняка. Перед Северным Походом о нем знали и Лойда, и Тялшин, и все окрестные селения. Сейчас вообще никто ничего не знал. Вишена догадывался, что Боромир не прочь предпринять что-то крупное, но предварительно решил собрать самых верных людей на совет. Весна только началась, и времени до холодов оставалось предостаточно, чтобы добраться даже до Северной воды.

Стрела, пущенная из чащи, вонзилась в дерево, о которое опирался Вишена. Он мгновенно упал и отполз за ствол, раньше, чем стрела запела, воткнувшись в сосну. На звук спускаемой тетивы Вишена всегда реагировал раньше, чем стрела долетала до цели.

На той стороне ручья не шевельнулась ни одна ветка. Стрелок затаился. Но он стоял, либо на ногах, либо на коленях, ведь лежа из лука на выстрелишь, а Вишена лежал. Рано или поздно стрелок двинется и выдаст себя. Вишена же мог лежать хоть до утра.

Нечисть оружием не пользуется. Значит, за ним охотятся люди.

Ждал Вишена долго. На соседней сосне орал пересмешник и беспечно носились белки, ручей грузно пересек громадный вепрь-одиночка, недовольно хрюкая и косясь в сторону Вишены, которого, конечно, давно унюхал, а вот на стрелка звери не реагировали. Когда за ручьем шевельнулись кусты, Вишена напрягся. Но это была всего лишь косуля. И тогда он понял, что противника давно уже нет в зарослях. Но как же он тогда удрал? Вишена выждал еще немного, осторожно поднялся. Постоял и вышел из-за сосны. Никого... Скосил глаза вниз, на стрелу.

Стрелы не было. Вишена присел на колено и присмотрелся. Даже отметины на коре не осталось. Колдовство?

Он нахмурился. Кто-то явно не желает, чтобы он попал в Андогу.

«Посмотрим!» — решил Вишена и, круто развернувшись, пошел по тропе прочь от ручья, на ходу дожевывая последнюю ленту мяса. Пока он ждал, солнце успело сползти почти к самому горизонту, Вишена этого не видел из-за деревьев, но знал и чувствовал: чтобы успеть до темноты в селение, нужно двигаться чуть ли не бегом.

Вишена так и сделал. Подошвы истертых кожаных сапог мягко вминали прошлогоднюю хвою. Дышал он ровно и глубоко, три шага вдох — три шага выдох...

И вдруг Вишена уловил еще чье-то дыхание и слабый топот. Это напоминало уже серьезную попытку задержать его. Кто там, сзади?

Вишена метнулся в сторону и бесшумно исчез в кустах. Но тропа оставалась пустынной, хотя он снова довольно долго прождал. Время шло, солнце садилось, а Андога оставалась такой же далекой, как и два часа назад. Вишена нахмурился. Его не трогают — его просто пугают. И вместо того, чтобы идти, он сидит и ждет. Ловко!

Слева тропа изгибалась и пропадала из виду шагах в ста. Справа, откуда он пришел, тропа была прямой и пустынной.

Вишена прислушался и, не уловив ничего, кроме обычных лесных голосов, осторожно двинулся прямо через лес, рассчитывая выйти на тропу впереди, там, где она поворачивала. Деревья сразу же заслонили тропу, но Вишена не придал этому значения, потому что миновать ее просто не мог — попробуйте миновать воду, пересекая остров!

Шагов через триста Вишена чертыхнулся и начал забирать вправо. Бродил он долго, с полчаса, но тропы так и не нашел. Солнце уже село; начинало потихоньку темнеть.

«Завели!» — скрипнул зубами Вишена. Он пожалел, что чертыхался, когда потерял тропу. Сколько раз говорили ему: «Не поминай черта никогда. Его только позови, а он уж тут как тут!»

И словно в ответ послышался короткий издевательский хохот. Вишена тоже скривил губы в усмешке и демонстратив-

но обнажил меч — пусть чуют серебро, им полезно. Хохот оборвался, словно впереди поперхнулись. Ответ не задержался: через полста шагов Вишена наткнулся на конский череп — выбеленный ветром и временем, он скалился навстречу путнику, манил к себе провалом пустых глазниц. Вишена невозмутимо обошел его — знал, что переступать нельзя, — огляделся, неторопливо срубил молодую осину, заострил ее. «Съели?» — злорадно подумал он и, забросив кол на плечо, пошел туда, где должна была находиться Андога. Время шло, сумерки сгущались, а его больше не трогали. Это настораживало. Вишена удивился и все озирался, шаря взглядом по зарослям. И вдруг вышел к болоту — лес ровной стеной оборвался, впереди зажелтели мхи, кое-где разбавленные зеленью кустиков голубики. У горизонта опять виднелся лес.

Вечером в болото не сунулся бы и самоубийца, а Вишену ждали в Андоге. Поэтому он развернулся и пошел назад, решив, что уж лучше лесная нечисть, чем болотная. Едва деревья сомкнулись у него за спиной, Вишена наткнулся на тропу, вьющуюся под углом к болоту. Радостно хмыкнув, Вишена двинулся по тропе и вмиг оказался снова на болоте. Тропа, петляя, уходила в глубь мхов и словно звала: «Ну, чего стал? Пошли!» Вишена мрачно оглядел все, бормоча: «Эх, ты, топь-мочаг, ходун-трясина, крепи-заросли... знаем мы вас!» В болото он не совался сроду и не собирался нарушать эту добрую традицию. В конце концов он изрек: «А, вот, хрен вам!» — и уселся прямо на опушке.

С тем, что в Андогу сегодня уже не попасть, Вишена смирился. А до утра дотянет, не впервой. Первым делом, он срубил два дерева, уложил их накрест и развел костер. Огня боятся все — и зверье, и нечисть.

Стемнело, и над миром повисли звезды. На болоте хором орали лягушки, в воздухе бесшумными тенями замелькали летучие мыши. Вишена уселся у костра и вздохнул — он-то мечтал, что выспится сегодня у Боромира, да, видно, не судьба. А Боромир небось тоже думает о нем — гадает, где да почему не пришел, срок ведь уже. Интересно, а кого он еще вызвал, кроме Вишены? Понятно, Боград и Тикшу. Может, Славуту или Омута. А еще? Должно быть, человек десять, не меньше. Что же там затеял Боромир-Непоседа? Вишена слышал, что жители Перкумзя жаловались на какие-то беспорядки, но под-

робностей не знал, где Перкумезь, а где Пожар! Пожар вообще в стороне от дорог, Вишена поэтому там и зимовал. Новости туда опаздывали. А на западе, где Перкумезь, всегда неспокойно. Боромир вполне мог туда нагрянуть со своей отважной дружиной. Но стоило ли тянуть из-за этого Вишену, зимовавшего на Пожаре?

Лягушки умолкли разом, как по команде, и Вишена лениво потянулся за мечом. Он твердо знал — если не суетиться и не казать страха, тушуются даже самые наглые из чертей и вовкулаков, а нечисть помельче и вовсе охладевает и отстает.

Стало тихо, ужасно тихо, даже ветер почему-то вдруг улегся. Вишена нерешительно оглядывался — он сообразил, что не видит даже хаотичного полета летучих мышей, хотя обычно их было как звезд на небе в безлунную ночь. Некоторое время Вишена сидел в полной тишине, потом услышал тихий, но мощный звук рассекаемого крыльями — огромными крыльями! — воздуха. На фоне неба вскоре мелькнул и силуэт — гигантская летучая мышь летела прямо на костер. Одновременно Вишена ощутил мягкие толчки пучков ультразвука. Под один из них он поспешил подставить меч — пусть знает, что его ждет, кто бы это ни был.

Быстрая тень мелькнула над головой, обдав упругими струями ветра, поднялась выше и снова скользнула над Вишеной. Рядом с костром что-то упало, почти бесшумно, но Вишена заметил и услыхал.

Два громадных крыла распростерлись, на секунду застыли, закрыв собою звезды, и вдруг с неприятным писком *это* распалось на несколько сот обычных летучих мышей. Стая мгновенно рассыпалась; почти сразу Вишена услышал первый, несмелый и одинокий крик лягушки.

И все прошло. Он снова оказался на опушке обычного леса, где полно зверья, но нечистью и не пахнет. Пока.

До рассвета Вишену не трогали, но он не смыкал глаз. К подарку с неба тоже не подходил, хотя видел его в свете костра. Под утро Вишена заметил, что-то пролетевшее очень высоко — может, стаю птиц, а может, и ведьму. На костер оно не обратило внимания. И еще из кустов на Вишену ночь напролет пялился здоровущий филин, так что вполне в безопасности он себя не ощущал. Когда взошло солнце, Вишена вздохнул с облегчением и позволил костру погаснуть. Потом взял

меч поудобней и как мог медленно да осторожно приблизился к тому, что сбросили ночью с неба.

Это был небольшой сверток. Вишена присел, кончиком меча развернул податливую волчью шкуру и невольно вздрогнул. Внутри лежал человек. Лицом вниз. Махонький, ростом всего с локоть, но не ребенок. Вишена поколебался, мечом же перевернул его на спину, мрачно оглядел.

Он сам. Это он сам — Вишена узнал свое лицо, пусть и очень маленькое, узнал одежду и даже меч, торчащий у человечка из груди. Меч выглядел точной копией его оружия, за исключением одного: на гарде вместо волшебных зеленых изумрудов рдели два крохотных рубина.

«Что это? Предупреждение? Дурной знак?» — подумал Вишена с тревогой. Ни о чем подобном он доселе не слыхивал.

А маленький мертвец вдруг вздрогнул, подернулся слизью и стал на глазах перерождаться во что-то иное — Вишена отпрянул и отдернул меч. Изумруды горели, словно вокруг слонялась сотня чертей в обнимку с сотней леших. Оживший комок ворочался, будто там внутри происходила неистовая борьба, и вскоре развалился, став семью лесными тварями — большой рыжей сколопендрой, жабой, гадюкой, козодоем и тремя летучими мышами. Вишена смотрел на все это широко распахнутыми глазами и боялся двинуться, только непроизвольно гладил левой рукой изумруды. Вдалеке, на болотах, крикнула выпь, и козодой тотчас упорхнул в кусты; мыши, взмахнув крыльями, рассыпались и исчезли; жаба, переваливаясь, удирала в сторону болот; гадюка зашипела и скользнула прочь, и последней в траве мигом растворилась сколопендра. На влажной волчьей шкуре остался лежать лишь маленький отточенный меч.

Глава 2
МЕЧИ

К Андоге Вишена вышел около полудня. Болото он обогнул и обнаружил, что завели его далеко в сторону Лежи. Андога оставалась справа, и Вишена быстро зашагал по найден-

ной тропе. Дважды за время пути тропа пропадала, но он невозмутимо возвращался и вновь находил путь. Вздохнуть свободно он посмел лишь тогда, когда лес оборвался и впереди, за зеленеющим житным полем, стали видны тесовые крыши Андоги. Крепкий бревенчатый сруб окружал селение, защищая от набегов вражьих дружин, и Вишена зашел с востока, где высились окованные медью ворота. Стучать не пришлось — стражники его заметили, в воротах приоткрылась узкая дверь. Хмурый бородатый воин мрачно осведомился:

— Чего надобно, мил-человек?

Вишена ответить не успел; где-то во дворе заскрипела отворяемая дверь и громовой бас растекся по всей Андоге:

— Кто там, Пристень?

Пристень, ратник у ворот, повернул голову и нехотя ответил:

— Путник пожаловал...

— Гей-гей, Роксалан, это же я — Вишена Пожарский! — перебил Пристеня Вишена, сразу узнавший густой и мощный голос Роксалана, товарища по Северному Походу. — Встречай!

— Хо! Вишена! Мы уж заждались.

Пристень посторонился, пропуская Роксалана, и через миг Вишена оказался в объятиях не менее могучих, чем голос Боромирова побратима. Они расцеловались по обычаю трижды, и Вишена наконец вошел в Андогу. Позади загремел засовами Пристень, запирая дверь.

— Долгонько же ты собирался, — басил Роксалан. Выглядел он немного озабоченным. Вишена глянул на него, чуя недобрые вести.

— Вчера бы явился, да нечисти в Черном уж больно много. Заплутал, завели едва не в Лежу.

Роксалан нахмурился. Когда Вишена рассказал о знаке и развернул сверток с мечом, он нахмурился еще больше — туча тучей.

— Да... У нас тут тоже... — Он поднял глаза. — Омут помер.

Вишена вздрогнул. Омут, витязь-молчун, как-то раз в одиночку разогнавший дюжину печенегов, не раз прикрывавший Вишене и Роксалану спины в битвах, ставший родным. И его больше нет?

— Вчера, — сказал Роксалан, — влез на ярмарочный столб да и свалился маковкой на полено. Тут же и помер.

— Куда влез? — удивился Вишена. — На столб? Зачем?

Роксалан пожал плечами:

— Леший его знает. Как пришел три дня назад, так и молчал все время. Поди разберись, что на уме.

Они подошли к высокому терему; среди людей, стоявших на крыльце, Вишена узнал Боромира, Славуту и Боград. Вокруг сновали дворовые и прислуга; Роксалан с Вишеной остановились напротив, переглянулись и разом, как бывало, молодецки свистнули. На крыльце обернулись, Боромир радостно выкрикнул и всплеснул руками.

Потом Вишена долго здоровался со всеми — здесь был и возмужавший Тикша, и брат Боград — Богуслав, и превратившаяся из голенастого подростка в статную девку Соломея, не изменившись лишь в одном — буйном нраве и тяге к походам и приключениям.

Они стояли во дворе кругом. Вишена повторил свой рассказ о прошедшей ночи, бросив под ноги волчью шкуру, развернувшуюся на лету, и сверкнул на солнце клинок крохотного меча, и полыхнули недобро маленькие рубины.

Меч поднял Боромир. Осмотрел осторожно, с опаской, и бросил вновь на шкуру.

— Нечистая штука...

Вишена оглянулся:

— Тарус-то где? Уж он растолкует.

Боромир кивнул:

— Тарус был здесь, да в Шогду подался. Завтра воротится.

Роксалан тем временем поднял меч-малютку и с сомнением вертел его в руках. Вишена пытливо наблюдал за ним. Там, на болотах Лежи, он долго думал, брать ли с собой этот меч, бросить ли. Решил взять.

Роксалан тем временем тронул Боромира за плечо, и тот прочел в его глазах вопрос.

— Сказывай, — велел он.

Роксалан тряхнул головой:

— Взглянуть бы на Омута нож...

Боромир стрельнул глазами, словно пойманный тур.

— Рубины? — догадался он. Роксалан кивнул. Вчера еще заметил он, что у Омута на ноже рубины, а сейчас вдруг вспомнил, Омут ведь обычно не расставался с длинным турецким кинжалом с костяной рукояткой и безо всяких камней.

Все направились в терем. Омут, покрытый полотном, лежал в дальних покоях на высокой дубовой лавке. У изголовья застыл резной деревянный идол — фигура бога Хорса.

Боромир чуть приподнял полотно с левой стороны, и в глаза ему полыхнул алый рубин. Боромир оглянулся, а Вишена осторожно вытащил нож из кожаного чехла. И вскрикнул пораженно.

Если была у подброшенного ночью меча точная копия, то в руке он сейчас держал именно ее. То, что все принимали за нож Омута, оказалось крохотным мечом. На гарде искрились рубины, такие же малые и чистые, по одному с каждой стороны. Вишена развернул шкуру и уложил второй меч подле первого.

И тут раздался крик, неожиданный и громкий. Соломея указывала пальцем на лежащего Омута. Когда Боромир приподнял полотно, укрывавшее покойника, стала видна рука — ладонь и предплечье. Взгляды, прикованные к мечу, не сразу остановились на ней.

Это не была рука человека. Темная кожа со вздутыми венами, жесткая щетина, крючковатые пальцы и длинные звериные когти.

Вишена вздрогнул, кто-то позади охнул, а Боромир рывком сдернул с Омута покрывало.

— Чур меня, — выдохнул он и отшатнулся.

Вместо Омута на лавке лежало сущее страшилище. Та же темная звериная кожа, сильно выступающая нижняя челюсть, белоснежные клыки, не меньше медвежьих, закатившиеся глаза — сплошные белки без зрачков.

Все отпрянули невольно, как обожженные.

— Вот тебе и Омут, — процедил Боромир и накинул покрывало на неподвижное тело. Роксалан крикнул, в палату ввалились два дюжих стражника с крючьями.

— В лес и сжечь! Немедля! — приказал Боромир, кивая на лавку.

В палате повисло озадаченное молчание, и тут в дверях возникла высокая фигура Таруса-чародея, вызвав вздох облегчения и надежды.

Тарус-чародей мог многое, все это прекрасно знали. Вишена вздохнул, как и все, и нагнулся, чтобы поднять сверток с мечами.

Меч на шкуре остался только один, но он стал заметно крупнее, словно два маленьких меча слились воедино.

Вишена застыл полусогнутым.

Вечером Боромир с Тарусом собрали всех приезжих на совет. Тарус уже выслушал истории Вишены и Омута и выглядел озабоченным, несколько настороженным, но уж никак не запуганным — кто может запугать Таруса-чародея?

Ему исполнилось всего двадцать шесть лет, но славу Тарус успел стяжать немалую. Особенно заговорили о нем после Северного Похода, когда выяснилось, что заклинаниями Тарус владеет не менее успешно, чем мечом, и хотя чаще ему приходилось быть чародеем, это совсем не значило, что он перестал быть воином. Без Таруса Боромир не мыслил теперь ни одного похода. И не зря — чародей приносил удачу и всегда верил в свои силы, заражая уверенностью и всю Боромирову дружину.

Тарус медленно окинул взглядом присутствующих. Потом усмехнулся.

— Боромир!

Боромир ответил взглядом.

— Боград!

Бородатый и плешивый венед поднял руку.

— Тикша!

Крепкий черноглазый хлопец, не отпуская руки Соломеи, встал.

— Славута!

Высокий белокурый дрегович, как и Боград, поднял руку.

— Вишена!

Вскинул кулак и он.

— Соломея!

Девушка поднялась, и в углу кто-то хмыкнул. На него тотчас зашикали.

Тарус прикрыл глаза, готовый говорить. Вишена, оглядев названных, сразу понял — лишь Боград знает, о чем пойдет речь.

— Помните ли поляну в Чикмасе? В год долгой осени?

Вишена зажмурился. Еще бы не помнить! События семилетней давности стояли перед глазами, словно и не было этих лет и зим.

Тогда их собралось семеро — Тарус, совсем еще юный и никому не известный чародей, Боромир — его ровесник, добряк и домосед, Славута — тоже еще молодой бродяга-дрегович, пришедший с севера и подружившийся с обоими, Вишена, случайно попавший из Лойды в Чикмас и так же случайно встрявший в эту компанию, Тикша — хулиганистый мальчишка-сорвиголова и не менее хулиганистая Соломея; им с Тикшей не исполнилось тогда и по четырнадцати лет. Лишь Боград уже тогда был бородатым и плешивым, он оказался старшим в семерке. Жил он на востоке, у самой границы печенежских земель, со своими венедами-кочевниками и часто наведывался в Лойду, Тялшин, Рыдоги и Чикмас, к отцу Боромира и другим знакомым. Боград тоже мог бы назваться чародеем, потому что немало умел, но все же оставался больше воином. Именно после встречи с Боградом Тарус стал чаще и охотнее пользоваться чарами, хотя нельзя сказать, что Боград его чему-то учил. К этому времени Тарус накопил достаточно знаний; Боград лишь добавил ему веры в себя.

Вишена ясно помнил, началось все вечером. Темнело, Пяшниц, селение, подобное Андоге, затих; Вишена строгал весло к моноксилу, когда его окликнули. Боград с Тарусом одновременно махали руками из-за плетня, и Вишена тут же отбросил в сторону надоевшее весло. Они выбрались за стену и вал, где уже ждали Славута с Боромиром, а чуть позже, держась за руки, появились Тикша и Соломея.

До этого момента Вишена все помнил совершенно отчетливо, а вот дальнейшее как-то слилось в памяти в сплошную яркую картинку.

Боград откуда-то принес меч и отдал его Боромиру, Тарус отвел всех в лес, на небольшую круглую поляну. Тут уже лежали квадратом четыре бревна; те, что на северо-запад и юго-восток, — прямо на траве, два других — поверх первых. В стороне, торчком, стояло еще одно, комелем к небу. И горели рядом с ним два костра.

Боромир взял меч, правой рукой за рукоятку, левой за лезвие, и сел внутрь квадрата, по-басурмански скрестив ноги. Остальные разошлись по углам и присели — Тикша у северного, Вишена с Тарусом у восточного, Соломея у южного, Славута и Боград — у западного. Тикша с Соломеей, скрестив руки,

положили их на кончики бревен. Остальные четверо лишь одной рукой коснулись дерева, другую направив ладонью на Боромира, причем Тарус через Боромира замыкался на ладонь Борада, а Вишена точно так же на Славуту.

Сначала Вишена долго ничего не замечал и, стараясь ни о чем не думать, пробовал мысленно «нащупать» ладонь Славуты. Потом костры вдруг стали разгораться, хотя дров в них никто не подбрасывал, стало светло, почти как днем. Боромир, сидя внутри квадрата, чуть заметно покачивался. Постепенно Вишена ощутил легкое жжение в ладонях, но оно было не болезненным, а скорее приятным. Боромир замер, и Вишена машинально закрыл глаза. И увидел... нет, не увидел, а воспринял — ощутил, что ли? — картину, которая потрясла его враз. Все они — все семеро — представились мечом, но не конкретно мечом, а неким образом, понятием меча вообще. Тарус и Борад — клинок, Боромир — острие, Славута — рукоятка, сам Вишена — гарда, а Тикша с Соломеей — ножны. Соединившись в одно целое, чему трудно подобрать название, они накачивали меч в руках Боромира энергией, даже не вполне сознавая, что делают. Вишена не мог понять, откуда берется эта сила, но она присутствовала здесь. Чувствовалось, как она перетекает по бревнам, скользит в руку, тянется с ладони к Боромиру, а от него — к мечу. Ощущение было воистину сказочное.

Открыв глаза, Вишена увидел, что Боромир, словно окаменев, сжимает в руке что-то светящееся и продолговатое, а остальные зажмурились и замерли, касаясь бревен, по которым течет, струится мерцающий поток радужного света, поглотив руки до локтей. А потом сияющий меч в руках Боромира вдруг полыхнул пламенем и взорвался, развалившись на мелкие осколки; они, словно падающие звезды, рассыпались вокруг. Костры сразу же погасли, стало темно, лишь ночное небо нависло над поляной, будто удивляясь — что это там внизу происходит?

Вишена отнял руку от бревна и встал одновременно с Тарусом.

«Странно, — подумал он, — совсем не затекли ноги. А ведь долго сидел...»

Остальные тоже поднимались. Только Боромир неподвижно остался сидеть в центре квадрата.

— Не трогайте его, — сказал Тарус предостерегающе. — Он не здесь, не мешайте ему вернуться.

Все тихо отошли. Боград развел костер на старом месте, и они собрались вокруг него. Бревно, прежде стоящее торчком, упало и обуглилось; никто не заметил когда.

Боромир «возвращался» долго. Полночь давно прошла, когда он шумно вздохнул и шевельнулся. Тарус с Боградом кинулись к нему и вскоре вернулись к костру уже втроем. Боромир выглядел так, словно бегал с чертями наперегонки и только-только отдышался. С тех пор он сильно изменился — из добряка и домоседа превратился в непоседу и драчуна. Его и назвали позже так — Боромир-Непоседа. Когда умер его отец следующей зимой, Боромир возглавил боевую дружину, и в том же году многие недруги испытали на себе крепость его руки и остроту меча.

А в ту памятную ночь они, каждый по-своему ошеломленный, вернулись в Пяшниц и более никогда об этом не говорили. Вишена видел, что Тарус ходил наутро в лес, но зачем — пытать не стал.

Каждый из семерых вспомнил сейчас эту ночь и заново пережил ее. Боград усмехался, неизвестно чему, остальные ждали, что же скажет Тарус.

Чародей смотрел на семерку долго и пристально.

— Я вернулся потом на ту поляну. И собрал все, что осталось от меча, — двадцать один осколок.

Вишена вздрогнул, потому что догадался зачем. Это же материал для нового меча, и кто знает, какими свойствами он будет обладать!

Тарус щелкнул пальцами; откуда-то сзади ему подали клинок в ножнах. Неторопливо и почти беззвучно чародей освободил его.

— Из них снова отковали меч, — сказал Тарус. — Три года заготовка дозревала в болоте. Год жарилась у огня в печи и еще три пролежала в холодном пепле. Это не просто отточенная лента стали.

Все взгляды скрестились на сверкающем клинке. Чародей протянул меч Боромиру, медленно и торжественно. Боромир встал.

— Это твое оружие, Боромир-Непоседа. Да поможет тебе оно в битвах, и сегодня, и всегда.

Непоседа принял меч, оглядел его, взволнованно и пристально, коротко поцеловал. Изумруды на гарде на миг вспыхнули и погасли.

А Вишена вдруг медленно извлек из ножен свой меч, и все увидели, что они с Боромиром родные братья, от клинка до изумрудов.

— Тарус-чародей, что ты на это скажешь? Это меч моего отца.

А сам подумал: «Что-то сегодня много мечей-близнецов. Чересчур».

Подумал и улыбнулся.

Глава 3
ЗА КНИГАМИ

Тарус взял меч у Вишены из рук и некоторое время пристально разглядывал. Потом поднял взгляд и спросил:

— Говоришь, отцов меч?

Вишена кивнул.

— Давно ли он у тебя?

— Второй год.

— А у отца?

На это Вишена пожал плечами:

— Сколько себя помню.

Тарус повертел меч в руках, отыскал клеймо мастера — он было решил, что оба сработал один и тот же мастер-оружейник, но знаки были разные.

— Знаешь ли, откуда он у отца?

Вишена не знал.

— Нет, Тарус, не знаю. Отец сказал лишь, что изумруды на нем волшебные — нечисть чуют, да клинок посеребрен, его черти, вовкулаки и прочее отродье тоже опасаются.

— Неспроста это, — покачал головой Тарус, возвращая меч, — но не бойся, зла в нем нет, изумруды — каменья добрые. Чую, светел сей меч, не раз выручал хозяев своих от всяких напастей. Верь в него и береги, Вишена. И ты, Боромир,

что услыхал — запомни, ибо мечи ваши, ровно братья, близки и похожи. Может, вместе они еще сильнее станут.

Вишена и Боромир переглянулись с улыбкой. У воинов-побратимов мечи-побратимы. Сила!

Тарус тем временем сел и положил ладони на стол. Волшебные мечи скользнули в ножны, все вновь приготовились слушать.

— Слыхали вы когда-нибудь о Книге Семидесяти Ремесел?

Сидящие в комнате напряглись — каждый, хоть раз в жизни, хоть краем уха, да слышал об этой полумифической Книге. Сказывали, много-много лет назад жил на свете мастер-умелец Базун. Приходилось ему и плотником быть, и кузнецом, и оружейником, и ткачом, да все казалось, что мало умеет. А поскольку посчастливилось ему еще в детстве грамоте обучиться, стал Базун все секреты мастерства собирать да записывать. Захватило его это дело — страсть. Долго собирал, и как-то раз встретил он бродягу-полешука, ничем особо не примечательного, однако рассказывавшего разные невероятные вещи. Вот этот-то бродяга и поведал ему, что есть на белом свете Книга Семидесяти Ремесел, где описаны такие тайны мастерства, какие и не снились нынешним умельцам. Книга очень древняя, написана давным-давно, задолго до Длинной Зимы, когда люди знали и умели во сто крат больше, чем ныне. И сказано там обо всем — и как металлы разные плавить, и как из них орудия всякие мастерить, и как дворцы строить, и корабли не чета теперешним моноксилам, и даже будто бы сказано, как летающий корабль справить и как на нем потом в небе летать. Пытались найти Книгу эту, многие тратили на поиски всю жизнь. Несколько раз ползли слухи, будто бы нашли, да так и оставалось это слухами. Купцы и северные князья готовы были заплатить за Книгу золотом, жемчугом — чем угодно, но не за что пока оказывалось платить.

И Базун стал ее искать. Сорок два года ходил он по ближним и дальним селениям, доходил и до скифских, и до варяжских земель. Все даром. О Книге мало кто знал, а кто и знал — ничем не мог помочь. Умер Базун в пути, в поиске, и осталась после него записанная им самим история хождения за Книгой Семидесяти Ремесел. И тогда о ней заговорили люди, по следам Базуна пошли сотни бродяг-мечтателей и алчных гон-

цов за наживой, но Книга так и не была найдена. Со временем число искателей поубавилось, но в память людскую она вошла прочно и надолго.

Тарус всматривался в лица собравшихся, замечая блеск в глазах, азартно сжатые кулаки, и понял: они пойдут за ним куда угодно, хоть к чертям в зубы, хоть к лешим на блины.

— Я знаю, где эта Книга, — твердо сказал Тарус. — И не только она. Целых девять Книг — девять! Там все секреты древних, не одни ремесла, а и магия, земледелие, звезды и предсказания, места, где водятся золото, каменья, железо, уголь — все! И это будет наше, доберись мы до этих книг. А будем знать много, будем уметь много — сильной станет земля наша, не осмелятся более хазары да печенеги, варяги да норманны набеги совершать, чинить нам смерть и разорение.

Тарус остановился, перевел дух. Остальные внимали, боясь пошевелиться и затаив дыхание.

— Осталось одно — пойти и взять их, все девять Книг. Это пошибче и потруднее Северного Похода. Боромир-Непоседа, согласен ли ты возглавить дружину? Пойдут ли за тобой твои витязи?

Боромир встал, не задумываясь, сжал рукоять меча:

— С тобою, Тарус-чародей, и я, и вся моя дружина. Проведешь — добудем Книги.

Тарус переглянулся с Боградом — коротко, мельком; оба довольно усмехнулись.

— Тогда, — подал голос Боград, — принимай под начало меня и моих венедов. Молодцы — хоть куда, вся сотня!

Крепыш Боромир улыбнулся и склонил голову.

— Поклон тебе, Боград, за веру!

Венед ответил тем же — легким поклоном. Тем временем Боромир обратился к своим соседям-приближенным:

— А вы, побратимы мои, Позвизд, Роксалан, Заворич?

— С тобою мы, Боромир-Непоседа. Веди, — хором отозвались те, — и войско наше с тобою.

— Ну а вы, витязи-храбры, Славута, Похил, Вишена, Мурмаш, Брячеслав?

Никто не противился, верили все Тарусу и Боромиру, верили в их силу и удачу неизменную.

Непоседа повернулся к Тарусу:

— Вот тебе и войско, чародей!

И тут вскочил Тикша.

— А меня что же, и пытать не надобно? А, Боромир? — крикнул он с жаром. — Всех спросил, а меня нет. Или я недостоин?

Боромир отмахнулся от него, как от назойливого слепня:

— Сиди, хлопче. Чего тебя пытать, ты в моей дружине на службе или в чьей? Я иду, стало быть, и ты не останешься.

Тикша смутился, порозовел — все опрошенные и впрямь были гостями, как это он сразу не догадался?

— А меня возьмешь, Боромир? — неожиданно послышался голос Соломеи. Все повернулись к девушке. — Я-то не на службе.

— Гей, Соломея, девкам место в тереме у прялки, а не в походах. Хорошо ли подумала?

Соломея гордо тряхнула русыми косами:

— Мои руки более к мечу тянутся и к поводьям, чем к прялке, и сидеть привычнее не на лавке в светлице, а в седле. Возьми меня, Боромир! Меня и сестру мою — Купаву. Не подведем!

Боромир ухмыльнулся:

— Как знаешь. А будете выть — высеку!

И подумал: «Огонь, не девки. Что одна, что другая. Попробуй не возьми, хлопот потом не оберешься. Запилят ведь...»

Тарус остался доволен — с таким войском можно было перевернуть свет и самого Перуна подергать за седую бороду, но не сильно, слегка. Не сказал он только одного — во сто крат важнее Книги Семидесяти Ремесел были для него три магические Книги, средоточие вековой мудрости и силы древних. Обладание ими давало Тарусу невиданные доселе возможности и власть.

Выступить порешили через три дня.

Глава 4
ЧЕТЫРЕ БЕРСЕРКЕРА

«Хей-я! Хей-я!» — раздавался над водой ритмичный слаженный крик, и мерно взлетали весла над волнами, и разом ныряли, без брызг и плеска. И неслись, будто на крыльях, к

чернеющему вдали берегу четыре боевых драккара и еще пятнадцать ладей поменьше. Девять дней минуло с тех пор, как видели воины землю в последний раз. Правду сказал Рафер-длиннобородый: там, где заканчиваются морские волны и лежит большая земля, густо заросшая лесом, течет спокойная, как тихий майский вечер, река. Течет на юг, куда держат путь воины Йэльма-Зеленого Драккара. Но вскоре повернет она на запад, остановятся их верные ладьи, им же предстоит далекий и опасный поход, через леса, через чужую и непонятную землю. Но... так велели асы, и он, Йэльм-Зеленый Драккар, ведет своих датов. И легко и спокойно ему, ибо с ним три брата — Ларс, Свен и Стрид, три сердца и три дыхания, а когда они вместе — их хранит Один. Не зря звали их «четыре берсеркера», и не зря боялись даты, викинги и заносчивые южные конунги четырех боевых драккаров, первый из которых зеленел на волнах, как молодая трава на оттаявшей земле. Но братья не были безумцами и никогда не рубили своих, выплескивая ярость только на врага, и после битвы никто не помышлял навеки успокоить объятых боевым безумием берсеркеров.

Со скрипом ткнулся зеленый, исхлестанный морем драккар по имени «Волк» в каменистый речной берег, и первым на него ступил Йэльм-ярл, вождь, старший среди четырех братьев-берсеркеров. А потом сошли воины — сто и еще пятьдесят. Они уйдут в леса на юг, уйдут, чтобы вернуться с заветной добычей или не вернуться вовсе.

Когда последний дат ступил на траву и отзвучал прощальный клич, гребцы погнали ладьи на север, к морю. Йэльм, приставив к глазам ладонь, провожал их взглядом, пока самый крупный драккар не стал маленькой точкой на горизонте, а после и вовсе не исчез. Лишь тогда ярл повернулся к датам.

— Волею Одина мы оказались здесь. Волею Одина сюда же мы и вернемся будущей весной, и будет с нами волшебный ларец Мунира-ворона! Все в руках ваших, даты, вернуться ли домой для славы и почестей и услышать сагу в свою честь, или сегодня в последний раз увидеть морские волны.

И первым устремился в лесной неясный сумрак.

Далек был путь четырех берсеркеров, но долго мечи их оставались в ножнах, а секиры у пояса. Солнце вставало и

опускалось, уходило за невидимый горизонт, а вокруг стоял лес, великий и нескончаемый. Реки преодолевали на плотах, здесь же наспех срубленных и бросаемых сразу после переправы; по частым болотам или гуськом, пробуя дорогу перед собой длинными шестами. Кормились тем, что распугивали по пути, — кабанами, лосями, птицей. Растянувшись длинной цепочкой, даты пронзали чащу, как игла пронзает звериные шкуры. И хоть непривычен северянам лес, не пристало им пугаться и опускать головы.

Йэльм неутомимо мерил шагами чужую землю, задумчиво глядя под ноги. Он вспоминал, как начался этот неожиданный поход, — ведь еще зимой Расмус и не заикался о ларце Мунира. Впервые старый колдун заговорил о нем, когда стали спадать холода. Вечером, на тинге, когда собрались старшие воины у Йэльма, посреди речи Ларса-хевдинга, Расмус вдруг вскочил и схватился за голову, словно огрели его палицей, а потом тихо сел и чужими глазами оглядел датов. Йэльм это запомнил. Через два дня колдун рассказал ему о ларце, и тинг собрали вновь. Там и стало известно, что пришло время асам-богам делиться с датами своей силой и секретами, и выбрали они для этого Йэльма с братьями-берсеркерами, голосом же их служил Расмус-Моргун, седой колдун, переживший восемьдесят вторую зиму. Годы выбелили его голову, согнули спину и ослабили члены, но не смогли притупить разум, и магическая сила не покинула старца.

Далеко прятал Мунир свой волшебный ларец, в землях южан-дулебов, не мог уже старый Расмус отправиться в путь с Йэльмом, как не раз отправлялся с его отцом Эриком, и потому отослал с воинами своего внука Бролина.

Когда солнце — щит Отца асов — стало согревать землю, а весна отогнала холода, Йэльм снарядил свой драккар, а его спутники — свои ладьи, и ушли даты в море. Расмус простился с ними, проводил до берега, оставив под защитой асов и Бролина, сказав на прощание лишь одно — не ключом заперт ларец: смертью, и всякий, кто посмеет открыть его, падет от руки Мунира тотчас же. Лишь колдун Расмус сумеет сделать это без вреда себе и остальным. Даты поверили — ибо о том же говорили легенды — и поклялись принести Расмусу заветный ларец, чтобы смог он договориться с Муни-

ром-вороном и Отцом асов Одином, чтобы сила их стала доступна датам.

Йэльм взял с собой сто пятьдесят воинов; еще полсотни ушло с ним, чтобы вернуть ладьи, когда скроется ярл в лесах. И скоро зеленый драккар впервые пристал к берегу без хозяина на вике, но пока это было добрым знаком. Расмус этому только вздохнул — ему оставалось лишь долгое ожидание. Поздней осенью ладьи посетят восточный берег, а если Йэльма не будет, еще раз пойдут туда весной. Весной ярл должен вернуться обязательно. Если не вернется весной, значит, не вернется никогда, Расмус это прекрасно понимал.

А воины Йэльма тем временем шли к землям дулебов, упорно и настойчиво, и каждый шаг приближал их к ларцу Мунира.

Хокан давно перестал глазеть по сторонам — лес однообразно тянулся и справа, и слева сплошной непроглядной стеной; редко когда сквозь кроны пробивалось солнце. Первые дни было немного не по себе, а позже Хокан свыкся. Теперь он видел лишь ноги и спину идущего впереди Верворта, все остальное слилось и внимания не привлекало. Хокан был уверен, что шагающий позади Магнус тоже смотрит лишь на его ноги, мерно ступая след в след. Мысли вязли в ритме шагов — раз-два, раз-два, интересно, каков он, этот сказочный ларец? Раз-два, раз-два... и так изо дня в день, от привала до привала.

Впереди посветлело, сквозь бронзу могучих стволов пробилась свежая яркая зелень. «Или река, или поляна», — подумал Хокан, выглядывая из-за спины Верворта. Ларс в голове растянувшейся цепочки датов поднял руку, воины остановились. Хокан сразу же повалился на резные листья папоротника; Магнус, Верворт, Огрис и Коек-скальд уселись рядом с ним. Сзади подходили все новые и новые воины, прошли Свен и Стрид, присоединившись к Йэльму и Ларсу у самой опушки, ибо не поляна была впереди и не река — лес заканчивался здесь, а дальше, почти до горизонта, тянулась ровная зеленая степь и виднелись невдалеке стены селения. Может, это уже первое дулебское селение, а может, еще полешуки. Берсеркеры совещались, даты ждали их решения и попутно отдыхали, расположившись на траве.

До сих пор они не трогали встречные селения, скрытно обходя их стороной. Йэльм справедливо считал, что раньше времени не стоит восстанавливать против себя многочисленный лесной народ. На побережье проще — налетели воины на селение, словно ветер на паруса, взяли свое и ушли в море на испытанных не раз ладьях. А здесь кругом леса, селений много, а датов всего полторы сотни, и не приютит, не укроет их чужая земля после удачного набега.

Йэльм, нахмурившись, рассматривал селение, братья молча ожидали рядом.

— Пройдем мимо, — неожиданно сказал ярл, не меняя позы, — не будем ни прятаться, ни нападать.

Он повернулся к Ларсу:

— Что скажешь, Ларс-орм?

Тот пожал плечами, словно не видел разницы.

— Бролин! — позвал Йэльм колдуна. — Далеко ли пещеры?

Молодой черноглазый дат, внук старого Расмуса, мигом оказался рядом с ярлом. Он, как и все, был вооружен, но, кроме всего прочего, носил на боку сумку, украшенную рунами из бисера. Что он там держал — не знал никто, но все видели, что перед самым походом эту сумку дал Бролину сам Расмус.

— Расмус-Моргун сказал, что, когда леса станут низкими и пропадут, до пещер останется идти два дня.

Йэльм огляделся на окружающие их стройные громады сосен и проворчал:

— Низкие леса, ничего не скажешь!

Бролин без тени смущения парировал:

— Но лес обрывается, Йэльм-Зеленый Драккар, а значит, пещеры близки. Не зря твои даты идут уже который день, и даже птица, взмывшая ввысь, не увидит морских волн, что остались за спиной.

— Так, колдун, но увидит ли она пещеры? — спросил ярл. — Это важнее.

Бролин промолчал.

Йэльм снова повернулся к Ларсу:

— Когда ларец будет у нас, воины найдут, где повеселить мечи и чем наполнить походные сумы. А пока побережем силы!

На шум справа он не обращал внимания, пока не послышались крики и треск сухих веток под людскими ногами.

Стрид беспокойно оглянулся и украдкой тронул Ларса — там остановились его воины.

Обернулся и Йэльм, взявшись за рукоять меча:

— Что там?

Хокан, Верворт, Магнус и еще несколько воинов Ларса вели к ярлу двоих упирающихся желтоволосых парней в одеждах, что носили местные жители. Руки у них были стянуты за спиной крепкими кожаными ремнями.

Хокан-младший, сын Хокана-свея, держал одного, совсем еще юнца, силач Магнус — второго, остальные им помогали.

Хокан, обращаясь одновременно и к Йэльму, и к своему ярлу Ларсу, сказал, еще как следует не отдышавшись:

— Местные! Прятались в зарослях...

Старший из пленников сердито покосился на Хокана. Левый глаз его быстро заплывал от молодецкого удара — очевидно, это постарался именно Хокан.

— Толмача! — потребовал Йэльм. Позвали Коека-скальда, щуплого рыжеволосого юношу с озорным взглядом. Он встал между ярлом и пленниками и сейчас был непривычно серьезен.

— Спроси, что это за селение и кто они?

Коек произнес несколько фраз, парень с заплывшим глазом неохотно ответил:

— Это дулебы. Селение зовется Болона.

Йэльм нашел глазами Бролина.

— Спроси, где пещеры, — велел он Коеку.

— Те пещеры, что у озера, — уточнил Бролин.

Коек спросил, оба пленника вдруг уставились на него с неподдельным испугом и удивлением, а потом заговорили, одновременно, Коек едва успевал вертеть головой и вслушиваться.

— Чего они? — не вытерпел Бролин.

Коек развел руками.

— Пещеры они знают, до них два дня ходу. И еще говорят, что там живут... — толмач замялся, — люди с головами, как у собак.

— Сваны? — изумился Йэльм. — Что делают злые духи-оборотни рядом с ларцом Мунира?

Коек принял это за вопрос и обратился к дулебам. Отвечали они долго и с прежним испугом, снизив голос почти до шепота. Наконец скальд растолковал:

— Они живут как люди. Носят похожую одежду, пользуются оружием — ножами и мечами, — но обитают в пещерах. Последнее время часто нападают на окрестные селения, грабят, убивают, жгут. Многих, особенно молодежь, уводят с собой под землю, и никто из плененных еще не возвращался. Пришли они недавно, откуда-то с юго-запада, из-за гор, и ранее о них мало кто слыхал.

Йэльм нахмурился:

— Что скажешь, Бролин-колдун?

Тот выглядел сильно озадаченным.

— Скальд, спроси, можно ли их убить?

Коек поговорил с пленниками.

— Да, в битвах гибнут и они. Кровь у собакоголовых, как и у людей, красная. Но они сражаются яростно и убить их нелегко.

Бролин поразмыслил:

— Нет, не духи это, ярл. Не бывает духов смертных и истекающих кровью.

— Что же это за твари?

— Не знаю. Может быть, песьи головы — это только шлемы?

Коек замотал головой:

— Нет! Они говорят, что видели мертвых. Голова самая настоящая.

— Много ли их в пещерах? — спросил вдруг Ларс.

Пленники не знали. Нападали собакоголовые большими отрядами, по сто—двести воинов, иногда мелкие группы сталкивались в лесах с людьми, и тогда ни те, ни другие не знали пощады. Война шла не на жизнь, а на смерть.

— Если их можно убить, они будут убиты, — сказал твердо Йэльм, — песьи головы рубить не труднее, чем человечьи. Слышите, даты, застоялись ваши мечи в ножнах, уснули секиры у пояса. Будет им скоро дело, два дня ходу до логова хунткоппов. Так ли, братья мои?

— Хей-я! — в один голос отозвались Ларс, Свен и Стрид. — Веди, ярл!

Воины-даты одобрительно загудели.

Йэльм зловеще ухмыльнулся и спросил Бролина:

— Нужны ли провожатые, колдун?

Тот пожал плечами:

— Зачем? Я узнал, где пещеры, сам доведу.

Йэльм обнажил меч, и солнце отразилось от клинка: был это Медвежий Клык, оружие дедов и прадедов, добытое предками братьев-берсеркеров в битвах с южными конунгами много лет назад. Два крупных изумруда блистали на лесном сумраке, как глаза огромной кошки.

Пленники побледнели при виде его, но вождь датов лишь освободил их от пут. Дулебы, беспокойно озираясь, переминались с ноги на ногу.

— Скажи им, скальд, чтоб убирались в свое селение. Даты разят врага в бою и не трогают желторотых.

Коек махнул рукой в сторону Болоны и произнес всего одно слово:

— Уходите.

Дулебы, еще не веря, медленно, озираясь на каждом шагу, двинулись к опушке, а потом кинулись бегом, едва не обгоняя ветер.

— Вперед, даты! — закричал Йэльм, и воины дружно вышли из леса. Приминая буйную сочную траву, они сбились в плотный беспорядочный строй и зашагали вперед. Селение стало медленно приближаться.

Хокан видел, как освобожденные дулебы добежали и юркнули в ворота; почти сразу послышался резкий звенящий звук. Селение быстро изготовилось к защите — стали видны воины на стенах. Солнце играло на их клинках и остриях копий.

Йэльм захохотал:

— Пусть порезвятся, трусливые южане!

Болона застыла в ожидании нападения, но даты, приблизившись, отклонились в сторону и, не задерживаясь, прошли мимо стен. Дулебы-воины мрачно наблюдали с укреплений, ожидая возможного подвоха, и скоро ими овладела растерянность — такого никто еще не видал.

Даты, не проронив ни звука и не задерживаясь, промелькнули совсем рядом и проворно скрылись на юге за близким туманным горизонтом.

Бролин вел их дальше, к пещерам, где шумел у озера водопад, где хозяйничали невиданные хунткоппы — собакоголо-

вые люди, где Мунир-ворон хранил свой ларец, полный магической силы, и даты готовы были сокрушить все, чтобы завладеть им по праву меча и милостью Одина, Отца асов.

Впереди вставали горы.

Глава 5
ШАМАН

Кибитки стояли неровным кольцом. Временное печенежское стойбище отгородилось от степи лишь ими — надежными и удобными домами на колесах. Ветер, ничем не сдерживаемый на равнинных просторах, шевелил натянутые шкуры, служившие степнякам стенами. В свете костров падали на них причудливые живые тени, казалось, это демоны бесшумно пляшут вокруг стойбища.

Алликас-хан вышел из центрального шатра и, прищурив без того узкие глаза, огляделся. Кибитка шамана пристроилась внутри кольца, входом к центру. Алликас, мягко, по-кошачьи, ступая, направился к ней; следом, словно тени, скользнули два верных телохранителя — Сабир и Фаткулла. Им еще в детстве отрезали языки и воспитали на одном — звериной верности хану. Алликас тогда был тоже совсем еще мальчишкой и успел за годы привыкнуть к немым стражам, общаясь с ними только жестами, хотя телохранители прекрасно слышали и понимали речь. Что делать, привычка.

Саят сидел прямо на земле, привалившись спиной к колесу, и курил длинную раскрашенную трубку. Приторный сладковатый запах ударил в ноздри. Алликас поморщился — шаманит могучий. Отсутствующий взгляд Саята и мерное покачивание из стороны в сторону говорили о том же. Хан хмыкнул, из кибитки выглянул один из помощников Саята — шустрый чернявый юноша-хазар по имени Нурали. Увидев Алликаса, он выпрыгнул на землю и поклонился.

— Давно шаманит? — спросил хан, кивнув в сторону Саята.

Нурали пожал плечами и хихикнул:

— С детства...

Алликас одновременно и вскипел, и готов был расхохотаться — смешливый слуга колдуна имел довольно дерзости, чтобы шутить в присутствии хана, но и достаточно ума, чтобы не слишком зарываться. Схватив его за ухо, Алликас грозно крикнул:

— Смотри, хазар, голова у тебя лишь одна!

Нурали взвыл от боли, ибо хан на слабость рук не жаловался, но, видя смеющиеся глаза его, не особенно расстроился.

— Вай! Прости, Великий и Светлый, слугу твоего за дерзость!

Алликас тут же сменил гнев на милость, усугубив все крепкой оплеухой хазару.

— То-то! Отвечай, когда смогу поговорить с Саятом Могучим?

Нурали, потирая горящее ухо, собирался что-то сказать, но его перебил сам шаман:

— Говори, Алликас-хан, Саят тебя слушает.

Взор у шамана был потухший и блуждающий, сейчас он задержался на Алликасе. Хан жестом отослал Нурали и сел рядом с Саятом. Треск костра заглушил тихий говор.

— Весна пришла, Могучий. Не пора ли отправиться на заход солнца за Волшебным Сундуком? Сколько времени прошло с того дня, когда услыхал ты голос Неба? Белокурые урусы могут о Сундуке пронюхать, им ли дано владеть его магической силой? Придем и возьмем первыми — конница моя быстра, а сабли воинов отточены. Что держит тебя, шаман?

Приторный дым висел в воздухе, Алликас чувствовал, что дурман начал опутывать и его, мутить взор, нагонять блаженную вялость.

Саят долго сидел недвижимо, потом медленно взял изо рта трубку.

— Великий и Светлый, силен ты в бою, но не спеши в бой. Урусы уже давно проведали о Волшебном Сундуке и идут за ним. — Он криво усмехнулся. — Не дойдут, я постараюсь.

Зрачки шамана напоминали черные зияющие провалы.

— А знаешь ли, Великий и Светлый, что не только урусы проведали о нем? Северный морской народ оставил своих плавучих коней и отправился за Сундуком в земли урусов.

Алликас вспыхнул:

— За обладание Сундуком уже идет драка, а я сижу и тебя слушаю? Темнишь, шаман!

Саят выпустил сизый клуб дыма, принявший форму всадника с длинной саблей.

— Не спеши, Великий и Светлый! Плохо знаешь ты Саята, прозванного Могучим. Не обязательно ходить за Сундуком. И не северян-мореходов следует опасаться, а урусов светловолосых, ибо стоит за ними грозная сила. Иди, Алликас-хан, и будь покоен, ибо не менее тебя мечтаю я, Саят Могучий, о Волшебном Сундуке древних!

Чувствовал Саят что-то неясное в силе урусов. Многие его беспокоили, кого видел и осязал, наполнив разум священным дымом Индры; и вожак светловолосых, обладатель молодого меча Грома, и колдун их непонятный и темный, и особенно воин, носивший старый меч, оружие древних, клинок, освещенный волшебными изумрудами подземной страны Ко, меч Грома, помнивший седую старину и вековые страшные битвы. Пытался Саят запугать воина, когда в одиночестве пробирался он сквозь чащу-бурелом, да не робок тот оказался, не испугался крылатого посланца, и тогда предупредил его Саят — смерть ждет тебя, а ранее — гнев и козни нечисти лесной, небесной, болотной да подземной. Далеко, не сумел шаман достать его душу и выжечь ее сразу, дотла. Далеко. Да и меч Грома защитил бы. Но ничего, силен Саят, не зря прозвали его степняки Могучим, горько посетуют на судьбу свою злую урусы-ослушники.

Он хрипло рассмеялся, запрокинув голову и обнажив крепкие желтоватые зубы.

Хан взглянул в глаза шаману и медленно потянулся за его трубкой. Сабир с Фаткуллой сидели невдалеке, не издавая ни звука.

Костер догорал.

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-27С
Отчет по импульсу № 17

Состав импульса:	*стандартный*
Мощность:	*стандартная*
Засечка:	*без помех*

Эхо-сигнал: *полный*
Уровень искажений: *(э/с) не искажен*
Число корреспондентов: *три*

Корреспондент № 1

Пеленг — *117"*
Расстояние, км — *5692*
Имя/БП-код — *Расмус/Р*
Возраст, а.л. — *81,4*
Коэфф. биолокации — *0,27*
Характеристика: *использует биочастоты нормального спектра, импульс принял, обработка 0,14 мксек, эхо сигнал естественный.*

Корреспондент № 2

Пеленг — *142"*
Расстояние, км — *3415*
Имя/БП-код — *Тарус/Т*
Возраст, а.л. — *26,1*
Коэфф. биолокации — *0,35*

Характеристика: *судя по всему, использует дробные биочастоты, механизм выработки и удержания коэффициента дробности неясен, равно как и процесс кодирования дробной частоты. Импульс принял, обработка 0,13 мксек, эхосигнал естественный.*

Корреспондент № 3

Пеленг — *181"*
Расстояние, км — *1979*
Имя/БП-код — *Саят/С*
Возраст, а.л. — *36,8*
Коэфф. биолокации — *6,94*

Характеристика: *впервые у человека зарегистрирован коэффициент биолокации, превышающий единицу и равный 6,94. Имеет аномальную структуру ментальных цепей, использует биочастоты нормального спек-*

тра. Способен подпитывать по амплитуде свой и чужой менто-сигнал на любой дальности. Импульс принял, обработка 45,29 мксек, эхо-сигнал искусственно скомпонованный, достоверность — 96 %.*

** Примечание: информацию верхнего и нижнего модулятивных рядов считал впрямую, боковую составляющую сразу же закольцевал, блокировав одновременно подкорку, и считал по наводкам. Результат: осознание источника информации об объекте. Последствия: стал использовать сканирующие цепи ретранслятора и отдельные цепи усилителя в собственных целях. Блокировать управление ими корреспондентом Саят/С не удается.*

Конец отчета.

Глава 6
ОМУТ

Могучие длинногривые кони, привычные к лесам, бойко рысили по сухому зимнику. Еще недавно, в разгар половодья, здесь смело ходили на моноксилах, нигде не чиркнув по дну, а теперь вода спала, лучшей дороги нечего было и желать.

Тарус и Боромир ехали во главе войска. Непоседа собрал неплохую рать: вдоль зимника вытянулись две сотни его воинов; после скакали полста молодцов Позвизда и столько же Заворича; почти девяносто — Роксалана; замыкала поход сотня венедов Боград.

Боромир вел дружину на юго-запад, вдоль Андоги. Апрель буянил вовсю — после тучных полей жита и овса воинов окружило высоченное разнотравье-дурнина, рай для скотины и зайцев. А потом пошел лес, огромный, звенящий на все лады и полный жизни.

Вишена, чуть поотстав от Боромира, дремал в седле, припустив поводья. Вчера они со Славутой и Боградом долго сидели в горнице, попивая крепкое лойдинское пиво и поминая

былое. Славута покачивался на вороном коне справа и, похоже, тоже задремывал, убаюканный мерной поступью. Как рядом очутился Тарус, Вишена не заметил, очнулся он от легкого похлопывания по плечу. Славута, тоже разбуженный, тряс головой и протирал глаза.

— Спим, ратнички? — ухмыльнулся Тарус.

Вишена пожал плечами, и чародей вдруг посерьезнел.

— В Рыдоги наведаться надобно. Поможете.

— В Рыдоги? — удивился Вишена. — Это ж не по пути. Да и зачем? Там ведь болота непролазные, завязнем, я тех мест не знаю.

— Я знаю, — сказал Тарус. — Поехали.

Серый конь, послушный воле чародея, скользнул вбок и стал головой к проезжающей дружине; Вишена и Славута замерли подле Таруса. Все заметили, как Боромир обернулся в седле и помахал им рукой. Тарус ему ответил — значит с Непоседой чародей уже успел сговориться.

Мимо тянулась и тянулась Боромирова дружина. Вот проехал Роксалан и его люди, Заворич со своими пажанами, Позвизд. Потом пошли венеды, и около них задержался Боград с братом Богуславом.

— К Омуту? — спросил Боград, осаживая коня.

Тарус кивнул.

— Где сойдемся?

— Думаю, в устье Шогды. Там селение есть, Иштомар зовется. Боромира там знают.

Боград кивнул согласно — там он тоже бывал.

— Удачи вам!

И хлестнул коня, уносясь вслед дружине. Богуслав, вскинув на прощание кулак, умчался за ним, и на зимнике остались лишь трое — Тарус-чародей, Вишена Пожарский и Славута-дрегович.

А вокруг стояли нескончаемые лойдинские леса.

— Поехали... — проворчал чародей, тронув коня, и углубился в чащу. Троп он не искал, вел напрямик, сквозь редкий подлесок. Вскоре зимник затерялся где-то позади. Здесь дремать уже не стоило — трое это не четыре сотни с лишком. Ухо востро, глаза бегают... Да и Тарус выглядит суровее, чем обычно. Видать, неспроста.

Ехали долго и почти все время молчали. Приближался вечер, Ярило-солнце готовился к отдыху, и путникам тоже пора было позаботиться о ночлеге, а Тарус все гнал и гнал вперед. Под ногами у коней начала хлюпать темная болотная вода — Рыдоги есть Рыдоги...

Вишена догнал Таруса:

— Гей, Тарус-чародей, где ночевать-то будем? Не здесь ли, по колено в воде?

Тарус обернулся к нему:

— Не серчай, Пожарский, знаю, куда веду. Почти уж на месте.

Скоро и впрямь жижа из-под ног исчезла; открылся пологий холм-остров, поросший редкой ольхой и ежевикой. В центре виднелся старый бревенчатый овин. Тарус указал на него рукой:

— Какая ни есть, а все ж крыша над головой. Отсюда до хутора, где Омут живет, рукой подать. Завтра с утра там будем.

Около овина они спешились, вытерли коней, стреножили и оставили пастись. Славута с Вишеной принесли дров, развели костер, Тарус тем временем приготовил мясо и хлеб.

Смерклось; лишь огонь освещал закопченные старые стены. Чернел огромный зев входа, эхом отдавался внутри хохот ушастого филина. Путники не спеша поели и стали устраиваться у пламени. Вишена лениво отстегнул меч и вздрогнул от неожиданности — изумруды горели, перекрывая даже свет костра.

— Гляди, Тарус! Нечисть рядом!

Славута, уже было улегшийся, вскочил. Чародей тревожно оглядывался, но вокруг было тихо и покойно.

— Может, овинник? — предположил Славута.

Тарус развел руками:

— Кто знает...

Филин захохотал снова — Вишена вслушивался в ночь, пытаясь понять, что кроется за ее кажущимся спокойствием.

— На коней взгляну, — сказал он, поднимаясь.

Когда Вишена подошел к выходу, крупная черная тень, похожая на огромного кота, метнулась в угол и пара пылающих глаз впилась в него.

— Овинник! — вскрикнул Вишена, видевший этого нечистого впервые. Глаза в углу сверкнули и погасли, но дока Тарус успел его разглядеть и наложить защитное заклятье.

Злого овинника, обычно хохочущего нагло и издевательски, на этот раз ловко обезвредили, еще до всех его возможных козней. Изумруды теперь лишь слабо лучились зеленью.

— Готов, — довольно сказал Тарус. — Нас он теперь не тронет — не сможет. А за коней не бойся, Вишена, Сирко мой от нечисти тоже заклят, а волков он гоняет пуще, чем ветер листья. Да и вот они, рядом.

У овина и впрямь виднелись затертые темнотой силуэты всех трех коней. Вишена успокоился и лег. Тишина и особенно уверенный голос Таруса разогнали страхи. Он поддался наваливающемуся сну, сладко расслабившись.

Снилось лето. Солнце жарило так, словно Ярило взбесился и собрался сжечь леса да вскипятить реки. И — странно! — среди чистого неба гремел гром и трещали частые вспыхивающие молнии. Жара становилась невыносимой.

— Вишена, вставай! — Голос у Таруса был злой, срывающийся.

Вишена проснулся и понял, откуда такой сон. Овин пылал, как факел на ветру. Треск и гудение пламени казались громом, отсветы огня — молниями, а нагретая земля и накалившийся воздух навеяли сон о лете.

Они едва успели выскочить, как с грохотом обвалилась крыша. Овин сгорел мгновенно, пламя сожрало сухие бревна, оставив лишь жирную горячую золу. В предрассветной мгле осталась круглая обгорелая проплешина, все трое потерянно таращились на нее. Огонь завяз во влажной росистой траве, захлебнулся и угас. А люди успели заметить, как в лес метнулся крупный черный кот, оставив звучать в ушах злорадный хохот.

— Эх! — сокрушенно вздохнул Тарус. — Навредил-таки, нечисть поганая!

Славута недоуменно протянул:

— Как же так? Он не мог нас тронуть, ты ж его заклял.

— Нас он и не трогал, — ответил Тарус. — Он только поджег овин.

И подумал: «Хитер. Кто-то за ним стоит...»

Впрочем, потери были невелики. Сгорело ничейное ветхое строение, украдена пара часов сна, а все вещи успели вынести из огня — можно и порадоваться.

Тем временем светало. Вишена затянул походную суму и выпрямился, пристегивая меч. Возглас Славуты застал его врасплох.

— Вот те на! А кони-то наши где?

— Что? Кони? — Вишена озирался. Он ясно помнил: на влажной земле Рыдог копыта коней оставляли четкие глубокие отметины.

Следы нашлись недалеко от пожарища — когда овин вспыхнул, кони галопом рванули врассыпную.

«Вот те на! Они ж стреноженные были! Как освободились?» — растерялся Вишена.

Примерно на полпути к лесу следы обрывались. Конь Таруса оставил еще пару слабых, далеко отстоящих друг от друга, смазанных отпечатков, словно чайка на взлете. Но ведь кони — не птицы и поэтому не летают!

Славута присоединился к следопытству Вишены, но напрасно — больше ничего не нашли.

— Черти их утащили, что ли? Не пойму... — растерянно протянул Вишена. — Вы ничего не слышали?

Славута пожал плечами и ответил:

— Что тут услышишь? Пожар, не до того.

Тарус очнулся от каких-то своих потаенных дум.

— Темное это дело, други. Чую — сила за этим стоит.

Вишена и Славута уставились на него.

— Ну а дальше-то что?

Тарус не собирался пугать спутников — не из пугливых. Просто высказал свои ощущения.

— К Омуту пойдем. Пешком.

— Ну и пошли! Неча время терять.

Солнце окрасило небо на востоке в нежно-розовый цвет. Запела первая проснувшаяся лесная птаха, и новый день начался.

Чародей грустно сказал:

— Сирка жалко... Добрый был конь. Верный.

Добавил что-то еле слышно и зашагал к лесу, оставив заходящее светило за спиной.

Славута догнал его, хлопнул по плечу: «Ничего, мол, живы покуда — и то ладно», — и поправил у пояса боевую секиру. Меча дрегович не любил и поэтому не имел, а вот секира его прославилась еще во времена Северного Похода, многие враги если и успевали перед гибелью что-нибудь увидеть, уносили на небеса застывший в зрачках лунный полукруг.

Мутная и холодная с ночи вода противно хлюпала под ногами. Поднялся сильный ветер, шумел наверху в кронах, гнул старые деревья, завывал грозно и свирепо. Тарус то и дело поглядывал на небо.

— Ишь ты, расходился Стрибог, — заметил он, качая головой, — вчера закат красным выдался, ровно клюква.

Вишена тоже глянул вверх, но ничего не сказал, Славута вообще редко говорил, больше отмалчиваясь, все к этому давно привыкли. Вишену настораживало поведение чародея. Доверял он ему полностью; удивляло спокойствие и покорность, с какой Тарус расстался с конями. Наверное, существовала какая-то важная причина, но какая?

Солнце взошло совсем еще невысоко, когда они вышли к месту, где жил Омут-Молчун, — маленькому лесному хутору всего-то на три избы. Ветер хлопал болтающимися дверьми и ставнями, свободно гуляя везде, где вздумается, и выл над покинутым людским жилищем. Всюду царило запустение — наполовину упавший забор, брошенная впопыхах утварь, сиротливо воздетые к небу дымоходы давно не топленных печей... И никого вокруг.

Тарус переглянулся с товарищами, читая в их глазах такое же недоумение.

Вблизи хутор оставлял еще более гнетущее впечатление. Избы и дворы без людей и животных теряли всякий смысл, подавляли пустотой и безысходностью.

Куда девались хуторяне, они так и не выяснили. Тарус поспешил покинуть это несчастливое место. К полудню, обогнув громадное и мшистое Чайково болото, путники вышли к реке Шогде. В прибрежных кустах нашелся жидкий старый челн, и течение, подхватив его, унесло почти точно на юг, к устью. Вокруг тянулись сплошные бескрайние мхи; Шогда петляла меж них, как змея в бреду. Вишена, сидя на носу и уставившись на свои насквозь промок-

шие ноги, монотонно твердил: «Эх, ты, топь-мочаг, ходун-трясина, крепи-заросли...»

Славута, не особо напрягаясь, греб, Тарус, казалось, спал, но спутники понимали — думает чародей. События этой весны вязались в тугой непонятный клубок, и над ним стоило поломать голову. Размышляй, Тарус, распутывай витую нить истины, гони прочь петли и узлы, разгадывай козни недругов...

— Глядите, — услышал вдруг Вишена отчетливо тихий свистящий шепот чародея и вышел из оцепенения, — глядите, чертенок!

На берегу, в редких кустиках ракиты, возилось небольшое, с десятилетнего ребенка, темно-серое существо, поросшее густой короткой шерсткой. Чертенок был совсем близко, шагах в десяти. Согнувшись и виляя тонким длинным хвостом с чудной светлой кисточкой на конце, он выискивал что-то у корней. Славута перестал грести, но как тихо ни скользил челнок по гонимой ветром волне, чертенок его учуял и повернулся.

Мордочка у него тоже была пушистая, словно у котенка; голову венчали аккуратные маленькие рожки, а рыло выдавалось далеко вперед и немного походило на поросячье.

Увидев людей, он подпрыгнул от неожиданности, резво дернул руками и исчез в короткой дымной вспышке. В нос шибанул запах серы, но ветер быстро его развеял.

Теперь берег опустел. Нечистый предпочел убраться, то же решили сделать и путники. Славута с удвоенной силой заработал веслом. А Тарус на корме качал головой: «Что же? Нечисть Рыдоги заполонила, светлым днем шастает. Что творится-то?»

Вскоре болота Рыдог остались позади, а перед ними раскинулась обширная зеленая равнина, известная всем под названием Кухта. Где-то там, впереди, в селении Иштомар, их должен поджидать Боромир с дружиной. Славуту на весле сменил Вишена. Греб он привычнее, чем дрегович, челнок бойко вспарывал расходившиеся речные волны.

На ночлег стали у пологой излучины. Тарус убил мечом на отмели крупную зеленовато-серую щуку, прямо из лодки, и они испекли добычу на костре. Выручивший их челн Вишена вытащил далеко на берег и привязал к толстой вербе. Через невиди-

мые щели из него потихоньку вытекала набравшаяся за день вода. Разгулявшийся ветер, дыхание Стрибога, к сумеркам утих, лишь волны ходили по реке, накатываясь с шипением на илистый берег, да мелкой дрожью тряслись листья осин. Небо заволокло низкими тучами, стало душно, как перед грозой.

Путники улеглись у костра. Снопы искр то и дело с треском взлетали вверх и рыжими светляками зависали в неподвижном воздухе.

Тарус размялся немного с мечом в светлом круге, делая резкие выпады и отбивая воображаемые удары; Славута резал из корневища очередную фигурку — он и на это был мастак. Лишь Вишена лениво развалился у огня и отдыхал.

Первым голоса услыхал Тарус. Он замер с мечом в руке и прислушался, похожий на настороженного журавля.

Ниже по течению, в леске, раздавался приглушенный людской говор и смех. Вскинул голову Славута, отложив незаконченную фигурку Даждьбога; приподнялся на локтях Вишена и, переглянувшись с Тарусом, вмиг разбросал костер. Головешки и жар тотчас залили водой из реки.

Ночь сразу навалилась на путников — тучи скрывали луну и звезды — и окутала плотной, как кисель, тьмой. Теперь стало видно зарево походных костров, пробивающееся сквозь жидкие кроны. По-прежнему слышались голоса.

— Славута, — сказал Тарус шепотом, — схоронись здесь и себя не кажи, а мы с Вишеной поглядим, кто это там.

Вишена широко раскрыл глаза, но после яркого света костра почти ничего не видел.

— Дак темень же, глаз выколи, — прошептал он с досадой, — поймают.

— Обернемся волками, — спокойно предложил Тарус, и Вишена вздрогнул от неприятного холодка, прогулявшегося по спине.

Чародей повозился и встал.

— Меч и суму оставь Славуте. Нож, если есть, — тоже. И не пужайся, не подведу.

Вишена повиновался. Отдавая дреговичу меч, он пытливо глянул на изумруды — ни искорки, ничего.

Тарус взял его за руку и увлек за собой. Шли в сторону от реки, долго, казалось — полночи. Вишена то и дело споты-

кался, всматриваясь под ноги, и все дивился, что это у него получается тихо. В лесу было еще темнее, но Тарус не сбавлял шаг, волоча беспомощного побратима.

Наконец чародей замер; Вишена, оглядевшись, довольно отметил, что кое-что видит, глаза помалу привыкли к темени. Они стояли на небольшой поляне, а вокруг смыкался черно-непроницаемый лес. Трава под ногами слабо светилась, слева, у самых деревьев, мерцали мертвенно-синим два старых гнилых пня.

— Туда, — прошептал Тарус и двинулся к ним. Какое-то время он переводил взгляд с одного пня на другой, потом полез за пазуху.

Вишена внимал и наблюдал — а что ему еще оставалось? Тарус тем временем вонзил в гладкий срез большего пня нож, по самую рукоятку, прошептал несколько непонятных слов и повернулся к Вишене.

— Делай, как я. И ничего не бойся, понял?

Вишена кивнул. Теперь его даже стало разбирать любопытство.

А чародей отпустил его руку, стал напротив пня и ловко перекувыркнулся через него, как раз над ножом.

Вишена оцепенел.

Тарус упал на все четыре лапы, мучительно вытянулся, махнул хвостом и обратил к Вишене клыкастую морду. Полыхали красным волчьи глаза, а над ними топорщились мохнатые остроконечные уши.

Вишена ошалело таращился на все это, и волк вдруг совсем по-человечьи нетерпеливо дернул головой: «Давай, мол, чего тянешь?»

И Вишена, поборов в груди неприятную пустоту, кувыркнулся следом.

Он рассчитывал встать на ноги, но колени неожиданно подогнулись назад; он упал. Заломило в позвоночнике, заныли кончики пальцев, на миг заволокло алым взгляд, а потом челюсти без боли и без всяких ощущений уползли вперед, перед взором предстала волчья морда, как видит ее волк. Земля приблизилась, Вишена уперся в нее четырьмя лапами и встал. Огляделся недоверчиво. Тело слушалось беспрекословно, словно сидел в нем Вишена не одну тысячу лет. И улыбался ря-

дом, глядя на него, Тарус, скаля мощные зубы лесного хищника.

Теперь Вишена видел далеко вокруг, почти как днем, но перестал различать краски — мех Таруса и листва на деревьях казались ему одноцветными. В нос ударили тысячи запахов, таких разных и выразительных, что Вишена присел от неожиданности. Запахи были большей частью незнакомые.

— Ну, как? — спросил вдруг Тарус.

«Во, дела! Он что же, и говорить может?» — ошалело подумал Вишена, глядя чародею в глаза.

— Конечно могу! — ответил тот. — Так же, как и ты.

Вишена только заморгал.

— Ладно, пошли. По ходу освоишься.

Могучий пепельно-серый зверь развернулся и резво затрусил на знакомый запах дыма, доносящийся со стороны реки. Вишена — такой же крупный матерый волк — побежал следом.

Голова шла кругом. «Волк... я — волк, леший меня забери! Неужто правда?»

— Правда, правда, — не оборачиваясь подтвердил Тарус и добавил ворчливо: — Чего болтаешь, однако? Помолчи.

Вишена умолк. Унять скачущие мысли удалось на удивление легко.

— Ну, Тарус, ну кудесник! — вздохнул он напоследок и сосредоточился на голосах и запахе дыма. Пахло не только дымом — людьми, конским потом, жареным мясом. Близкие запахи сами собой отошли на задний план, а нужные — выделились, стали четкими и выпуклыми.

На четырех ногах передвигаться оказалось ничуть не труднее, чем на двух. Вишена быстро приспособился. А вот лес, видимый с непривычно низкой точки, локтей с двух, немного сбивал с толку. И еще это странное ночное зрение...

Пока они добирались до костров, Вишена все осваивался. Впереди угадывался речной берег, у опушки на ночлег расположились люди. Много, с полсотни, но еще никто не спал. Над кострищем жарились два лося; поодаль, под присмотром двух рослых воинов, паслись стреноженные, но не расседланные кони.

Тарус бесшумно скользнул сквозь густой кустарник и улегся на прелые листья, наблюдая за стоянкой. Вишена, как мог, пристроился рядом, вышло это так же ловко и бесшумно.

Волки рассматривали пришлых людей, пытаясь понять, кто они и что их сюда привело. По виду чужаки напоминали и жителей Лойды, и пажан, и даже венедов, но бросались в глаза чудные остроконечные шапки, огромные луки и, наоборот, слишком короткие мечи. И звучала почти совсем непонятная речь. Большая часть воинов собралась у костров, громко переговариваясь и гогоча; Вишена долго не мог сообразить, чем же они заняты. Потом догадался: пытают пленника. Высокий, почти детский голос жалобно и монотонно тянул:

— Не знаю! Не знаю! Отпустите!

Эти слова произносились на языке жителей Лежи, соседней с Рыдогами земли. Воины задавали вопросы на одном из дальних западных наречий.

Тарус проворно пополз вперед, Вишена последовал за ним. Костры приближались. Ветер слабо тянул с реки, принося приторный запах ила и гнили. Воины продолжали звучно гоготать и переговариваться, словно находились за околицей своего селения, а не на чужой земле. Тарус дополз до опушки и высунул из кустов острую волчью морду. Мерцание огня отбрасывало во все стороны колеблющиеся блики, они метались по траве и деревьям, но совсем не слепили звериные глаза.

— Слышь, Вишена, — тихо сказал Тарус, оборачиваясь, — надо бы мальчонку вызволить.

— Коней пугну, — немедленно нашелся тот. — Авось всполошатся...

Тарус коротко поразмыслил.

— Давай!

Вишена уполз назад, сделал по лесу широкий полукруг, направляясь к лошадям пришлых, и у самой опушки, нос к носу, столкнулся с тремя волками. Размером каждый из них уступал Вишене, видать, молодежь, переярки, но все же — трое, и каждый из них всю жизнь был волком...

Оборотень оскалился, из горла вырвался хриплый утробный рык. Переярки поджали хвосты, и Вишена почувствовал уверенность.

— Пошли прочь! — гаркнул он, и все трое опрометью бросились к реке, прямо на лошадей. Вишена притих и обратился в слух, куда более чуткий, чем человечий.

Послышалось надрывное ржание и дружные проклятия на чужом языке, звучавшие на удивление понятно.

— Ай да я! — пробормотал Вишена и, разогнувшись как тугая пружина, устремился к кострам.

Воины переполошились и рассыпались, обнажив свои короткие мечи. Теперь стало видно — у огня, привязанный к столбу, испуганно стрелял глазами пленник, мальчишка-подросток, оборванный и грязный. Перед ним осталось всего трое вооруженных чужаков, остальные резво подались на крики. Тарус уже спешил сюда — хвост поленом, глаза горят. Он несся крупными прыжками со стороны леса. Стражи обернулись к нему все разом, оголив спины; двое из них вдруг рухнули словно подкошенные от молодецкого удара булавой. Один в костер, другой рядом. Третий в панике обернулся и получил кулаком прямо в лоб; вряд ли он много выиграл — кулак булаве ни в чем не уступал. Резко запахло паленой плотью.

Омут, а это постарался именно он, крякнул, подобрал у ближайшего воина меч и с размаху рубанул по ремням, освобождая пленника. Столб брызнул щепами и едва не раскололся надвое.

Тем временем десяток чужаков поспешили к кострам, размахивая мечами и изрыгая проклятия. Омут схватил мальчишку и потащил к лесу. Тарус с Вишеной прикрывали их сзади, но Омут волков словно не замечал, сосредоточив все внимание на преследователях. Те охватывали беглецов полукольцом, явно нагоняя; Омут на бегу уворачивался от сучьев и скоро остановился, взявшись за булаву. Крохотная полянка давала простор для замаха, и Омуту это понравилось. Где-то невдалеке продиралась сквозь колючий подлесок вторая волна догоняющих, грозно завывая и крича.

Омута окружили, не обращая никакого внимания ни на Таруса, ни на Вишену, и волки, переглянувшись, прыгнули. Мощные челюсти сомкнулись на глотках двоих чужих воинов, пасти наполнились пьянящей солоноватой кровью, и жертвы упали на траву. Вишена вскочил, увернулся от меча, глянул на Таруса. Тот, рыча, наседал на очередного врага.

Воин, поправляя свою нелепую остроконечную шапку, отмахивался как мог и пятился.

Увидев, что подмога беглецам — всего лишь пара волков, чужаки было воспрянули, но тут вдруг сверкнул во тьме знакомый лунный полукруг, знаменитая секира повергла наземь сначала одного, потом второго; ухнула тяжелая шипастая булава, проламывая череп еще одному; Вишена вцепился в руку и повалил ближнего воина, а невесть откуда вынырнувший мальчишка вмиг добил его длинным кинжалом.

Славута и Омут уложили еще по чужаку, когда подоспела вражья подмога. Десятка три воинов высыпали из леса.

Тучи разошлись, и луна залила поляну зыбким ночным серебром, зловеще мерцали в полумраке обнаженные мечи.

Они застыли друг против друга — воины-пришельцы и странная пятерка: Омут с булавой, Славута с секирой, два матерых волка и мальчишка, подобравший короткий вражий меч.

— Тарус, Вишена, сюда! — крикнул Славута, прыгнув в сторону и падая на колени у гладкого, еще не успевшего сгнить пня. Рука дреговича взметнулась, в пень, коротко тюкнув, вонзился тарусов колдовской нож. Чародей все понял без слов. Забежав с севера, он прыгнул и кувыркнулся над ножом, снова обращаясь в человека. Вишена последовал его примеру, на этот раз не колеблясь. Опять заволокло красным мир, заныл позвоночник и пальцы, и Вишена-человек затряс головой, все еще стоя на четвереньках.

Мечи Славута принес в заплечной сумке и сейчас метнул их хозяевам. Омут хлопал глазами, не выпуская, впрочем, булаву. А чужаки враз отступили.

— Влки! Обратие влкодлаки!

Вишена сжал верный меч, изготовившись к битве, но пришельцы внезапно дружно развернулись и исчезли во тьме меж деревьев. Лунный свет лился на опустевшую поляну, небо вновь затягивало низкими тучами.

Тарус опустил меч и отер взмокшее чело. После напряжения пришла обволакивающая расслабленность. Омут пристегнул свою двухпудовую булаву к поясу и басом прогудел:

— Здорово, други! Не чаял помощи, дак поди ж ты...

Для Молчуна это была длинная фраза. Славута довольно хлопнул его по плечу:

— Жив, Омут! Мы уж решили — нечисть тебя извела.

С Омутом крепко обнялись. Чародей спрятал за пазуху свой волшебный нож, Вишена с завистью провел его взглядом. А мальчишка вдруг длинно и затейливо выругался, как умеют жители Лежи. Омут немедленно отвесил ему крепкую оплеуху.

— Не сквернословь!

Вишена засмеялся и отбросил в сторону тяжелую руку витязя.

— Будет, Омут. Небось натерпелся малец...

— Да какой он малец? — пробурчал Омут. — Восемнадцатый год.

Вишена обернулся:

— Как тебя зовут-то, хлопче?

Тот смерил Вишену настороженным колючим взглядом.

— Яр! Ярослав.

Тарус, забрасывая за плечо суму, вмешался:

— Уходим, Вишена!

Яр встрепенулся:

— Так ты — Вишена Пожарский? Мне про тебя Омут рассказывал!

Вишена усмехнулся: неужели Молчун что-то рассказал? Слова, наверное, клещами из него добывали.

— А ты, — Яр ткнул пальцем, — ты, выходит, Славута!

Большая секира в руке дреговича красноречиво это подтверждала.

— Ну а ты, наверное, Боромир-Непоседа! — указал Яр на Таруса.

— Совсем наоборот, — усмехнулся Славута, — это Тарус-чародей. Однако пошли. Время.

Вишена двинулся за уходящими побратимами, споткнувшись о мертвого чужака.

На гарде торчащего из груди кинжала темнели драгоценные камни, и Вишена задержался. Нагнулся, вытащил кинжал из раны и вздрогнул.

Пальцы ощутили холод пары знакомых рубинов.

Спутники споро шагали прочь от реки, минуя лагерь пришельцев. Утлый челнок не выдержал бы пятерых, поэтому уходить решили пехом.

Вишена полез в суму, нашел сверток из волчьей шкуры, развернул и долго разглядывал два одинаковых длинных клинка — тот, что принес с собой, и тот, что подобрал здесь.

— Вишена! Догоняй!

Он завернул оба кинжала разом, сунул их в сумку и поспешил за товарищами.

Они шли старым бором по гладкой, истоптанной зверьем тропе. Что вело их в ночной темноте, что помогало преодолевать препятствия, никто толком не понимал, но все пятеро упрямо и уверенно шагали на юг, к устью Шогды.

— Почему вы оставили хутор? — не оборачиваясь спросил чародей.

Омут долго собирался с духом, прежде чем ответить.

— Нечисть довела. Из избы стало не выйти — то камни летят, то палки. На тропах ям понарывали, ноги переломаешь. Скотину почти всю извели. Ночью мы и спать-то боялись: завывают, ровно совы. Собрались, кто уцелел, да и в Паги ушли, к Заворичу.

— А Боромирову весточку получил? — спросил Славута.

Омут покачал головой, скорее для себя, чем для дреговича, шедшего позади.

— Нет. Как все в Паги подались, я решил в Андогу пойти, зачем — и сам не знаю. Не дошел, снова нечисть попутала. Блудил дня три, хотя Рыдоги сотни раз прошагал-промерил и никогда с пути доселе не сбивался. В болоте крепко завяз, а вышел прямехонько к Леже. А там эти, в шапках. Налетели с запада, почти всех перебили, мало кто в лесу схоронился. После, — Омут качнул головой, — на Яра наткнулся. С тех пор вместе и бродим. А намедни он пришлым попался у реки. Думал — не отобью...

Омут улыбнулся — отбили!

— К Боромиру в твоей личине упырь какой-то явился, — мрачно изрек Тарус, — пару дней покрутился меж всех, а потом на ярмарочный столб влез — и башкой о полено. Мы решили — все, конец Омуту. Да на счастье еще раз взглянуть на мертвеца додумались. Глядь, а он личину-то и сбросил. Ох мы и побегали...

Тарус смолк, некоторое время слышался лишь тихий шорох осторожных шагов.

— До сих пор не пойму, к чему все это? Упырь ведь за два дня никого и пальцем не тронул, ни единую душу. Нож еще этот странный с рубинами...

Вишена напрягся. Очень захотелось проверить сверток, но он сдержался. Решил — позже.

К утру они ушли достаточно далеко от места стычки с чужаками. Перед самым рассветом, в густом вязком тумане, разнесся совсем рядом стук множества копыт — может, это проскакали те самые люди. Звуки затихли на северо-западе; больше их никто не тревожил.

После бессонной ночи решили отдохнуть и, когда пригрело вставшее солнце, устроились в светлом березняке. Яр натаскал кучу веток и сразу же уснул, Славута и Вишена последовали его примеру, Тарус же с Омутом некоторое время посидели на замшелой колодине.

Перед сном Вишена заглянул в сумку. Как он и ожидал, вместо пары длинных кинжалов там нашелся тонкий короткий меч; на его гарде каплями крови застыли крупные чистые рубины. Меч был ровно вчетверо больше первого из ножей.

Над головой в чистоте березовых стволов и нежной зелени веток дружно пели-щебетали голосистые лесные птахи. Вишена, поддавшись сладкой дремотной силе, провалился в крепкий молодой сон, гадая, что за судьба уготована чужому рубиновому мечу.

Глава 7
РУБИНОВЫЙ КЛАД

Проснулся Вишена после полудня. Донимали глазастые слепни; жужжа, они носились около людей и немилосердно грызли спящих — Яра и Омута. Тарус сидел на корточках, протянув руки к едва тлеющему костру и устремив неподвижный взгляд в землю перед собой. «Когда же он спит?» — недоуменно подумал Вишена. Он вдруг сообразил: знает чародея уже много лет, но не может вспомнить его спящим.

Славуты нигде не было.

Вишена встал, с хрустом потянулся, потряс головой, отгоняя остатки сна. Тарус даже не пошевелился, лишь скосил немного глаза.

«Меч!» — вспомнил Вишена и потянулся к суме. Сверток лежал на месте. Волчья шкура пока еще скрывала меч целиком, от острия до рукоятки. А вырасти он еще на кинжал-другой, и все, больше не завернешь. Да и в суму, пожалуй, тогда не влезет.

Вишена присел у костра и молча положил меч перед чародеем. Отсветы пламени заплясали на гранях рубинов, и заискрились они, заиграли, зажили, впитывая неяркий рассеянный свет; и съежился вдруг Вишена, ощутив на себе чей-то чуждый тяжелый взгляд, что камнем свалился на все его естество; вздрогнул Тарус-чародей, отдернув руки от костра; зажглись зелеными светляками изумруды на мече Вишены, и был их свет на этот раз приглушенный, неяркий, словно заволокло взор призрачной тусклой дымкой.

А потом ЭТО отступило — прочь, в глубь рубинов, на самое дно, и пришло облегчение, только изумруды долго еще тлели, никак не успокаиваясь.

— Что это, Тарус-чародей? — тревожно спросил Вишена, смахнув с лица холодный пот. Тарус поднял на него глаза — зрачки у него сделались как два провала.

— Не знаю. Кто-то на нас взглянул.

— Откуда?

— Оттуда! — Чародей указал на рубиновый меч. — Он стал больше, я вижу. Ты находил ножи?

Вишена кивнул:

— Да. Яр убил одного из чужаков двойным кинжалом; я положил его к своему, в суму. Они снова срослись — теперь в мече четыре кинжала.

Тарус долго и внимательно глядел на Вишену, после глухо изрек:

— Оставь его, Вишена. Выбрось в лесу. Он страшен. Да и не меч это вовсе.

Вишена внимал, распахнув глаза. Сегодня он впервые ощутил силу рубинов, вернее часть силы, ибо кто знает, на что способна эта непонятная колдовская вещь?

— Ты сможешь сдержать его мощь, Тарус?

Чародей качнул головой:

— Не знаю. Может быть, и нет. От него исходит что-то очень древнее и чужое. Боюсь я этого меча, Вишена, потому что он мне неподвластен. Лучше от него избавиться. Задумайся: с каждым новым кинжалом сила рубинов растет.

— Но у нас есть своя сила — изумрудные мечи! Целых два!

Тарус усмехнулся:

— Меч Боромира еще не проверен. Да и молод он пока. Успеет истлеть прах наших правнуков, а меч все еще будет молодым. Век железа несравним с веком людей.

— Но мой-то не молод!

Тарус рывком приблизился к Вишене.

— В этом-то все и дело! Когда рубиновый меч сравняется с изумрудным, неизвестно, какой получится сильнее. Думаешь, зря тебе на пути попадаются кинжалы? Именно тебе? Их хотят столкнуть, твой меч и этот, понял? И не говори, что жаждешь такого поединка, ибо солжешь.

Вишена задумался:

— Но почему кинжалы попадаются мне? Найди их враг — тогда поединок станет неизбежным. Но не могу же я биться сам с собой! Нет, чародей, пока рубиновый меч у меня в сумке, я уверен, что его не имеют недруги. Я оставлю его себе!

Тарус пристально поглядел — и только. Согласился он, нет ли, Вишена не понял.

— Будь осторожен, — тихо сказал Тарус немного погодя. — И держи его подальше от своего меча.

Вишена заворачивал меч в шкуру, когда проснулся Яр.

— Поди сюда, отрок, — поманил его Тарус; мальчишка охотно подбежал. Лицо его было помятым и заспанным.

— Видел ли кинжал с рубинами? Отвечай!

Яр встрепенулся:

— Длинный такой? Видел! Я его ночью у чужого костра подобрал.

Тарус насупил брови. Вишена, стоя на коленях у своей сумы, полуобернулся и тоже вслушался.

— Я его давно приметил, еще как у столба стоял. Только Омут явился, я его и схватил.

— Где приметил? — перебил Тарус.

— У огня, — пожал плечами Яр, — прямо у огня. А что?

Чародей промолчал, а Вишена медленно отвернулся и запихнул меч поглубже в суму.

— Хороший кинжал, — вздохнул Яр, — жаль, остался на той поляне. Знаете, — добавил он проникновенно, — в руке как влитой сидел, будто коготь.

Проснулся и Омут. Покряхтывая и покашливая, он устроился у костра, не проронив ни слова. Не зря его прозвали Молчуном. Вчерашний рассказ был редким случаем, когда слышался его густой неторопливый говор.

Вишена вернулся к огню.

— А Славута где?

Тарус, вновь застывший с протянутыми к пламени руками, указал на чащу:

— Охотится.

Припасы у них и впрямь иссякли, никто ведь не рассчитывал отрываться от дружины надолго. Но утрата коней спутала все планы. Они потеряли уже два дня, а до Кухты оставалось еще не меньше дня ходу. Боромир уже разволновался, поди...

Вскоре вернулся Славута, добывший двух тощих, еще не отъевшихся зайцев. С луком и стрелами дрегович управлялся не хуже, чем со своей секирой.

В путь двинулись часа через два.

— Все у нас не по-людски, — ворчал Славута, — днем спим, на ночь глядя в дорогу пускаемся. Ровно нечисть какая...

Тарус укоризненно глянул на него, но смолчал. Вишена цокнул языком.

— Не поминал бы ты нечисть, друже... И так спасу от нее нет. — Сума с рубиновым мечом теперь жгла ему спину. Слова чародея не на шутку встревожили.

Славута в ответ только вздохнул.

И опять потянулся навстречу лес; неслышно стелилась под ноги неприметная звериная тропа; трещала вдали вредная белобокая сорока. Яр пристроился рядом с дреговичем и вполголоса что-то у него выпытывал; Омут, погруженный в свои извечные думы, ступал в трех шагах за ними. Вишена шел за Тарусом и все вспоминал прошлую ночь. Волчьи ощущения накрепко врезались в память. То, что можно обернуться волком, воткнув нож в гладкий пень на поляне и перекувыркнув-

шись через него, знал даже ребенок. Но — знал как сказку, ибо каждый мальчишка с замиранием в сердце хоть раз пробовал проделать это. Вишена тоже пробовал. С замиранием в сердце. Сказка оставалась сказкой...

— Тарус-чародей, — встрепенулся Вишена, — это трудно — обернуться волком?

Тот усмехнулся:

— Нет.

— Я думал, что нож, пень, поляна — это только сказки.

— Почему же сказки? — ответил Тарус. — Вчера сказки были? То-то.

— Я же пробовал раньше. Да и многие пробовали. Отчего же ни у кого не выходит, только у тебя? — недоумевал Вишена.

— Оттого что я — чародей, — опять усмехнулся Тарус. — То, что всем известно, это далеко не все. Люди повторяют только то, что видят: нож, пень, поляна. А всякий ли нож сгодится?

Вишена не знал. Это действительно никогда раньше в голову не приходило. Казалось, нож есть нож, чего там, бери и вгоняй в подходящий пень.

Чародей полез за пазуху и подал ему невзрачный, потемневший от времени нож с липкой резной рукояткой. Вишена повертел его в руках и, не разглядев ничего необычного, вернул.

— Ну?

— Запоминай, Вишена. Этим ножом четыре года назад я убил волка. В ночь на Ярилу. Одним ударом, прямо в сердце. И вынул его из раны только на рассвете.

— В ночь на Ярилу... — пробормотал Вишена, — прямо в сердце...

На Ярилу ночь была самой короткой в году. Редко кто спал в это время. Это ночь гаданий, ночь чародейства и волшебства, ночь колдовских заклинаний и нечисти.

— Только в эту ночь? — спросил Вишена, заранее уверенный в ответе.

— Только в эту, — подтвердил Тарус.

— И все?

— Нет, не все. Пень тоже не всякий сгодится. Только гладко спиленный.

Вишена довольно сказал:

— Это я знаю!

— А почему — знаешь? — проворчал неодобрительно Тарус.

Вишена смутился:

— Нет...

— То-то! — Тарус говорил негромко. — Макошь, Мать-сыра земля, дает тебе свою силу. По корням стекается она в пни и лишь на гладких пульсирует ровно и спокойно. Изломы не годятся, долго на них живет крик умирающих деревьев, и Макошь кричит вместе с ними.

Тарус умолк и некоторое время безмолвно шарил взглядом по чащобе. Вишена семенил рядом, нетерпеливо заглядывая ему в лицо.

— А еще что?

— Когда хочешь обернуться волком, — возобновил рассказ чародей, — заходить к пню нужно с юга на север. Человеком — наоборот, с севера на юг. Ну и конечно, приговор...

— Чудеса, — прошептал Вишена.

— Это еще что, — усмехнулся Тарус, — настоящие чудеса начнутся, если станешь к пню спиной и перекувыркнешься назад. Приговор здесь уже другой...

Заклинания Тарус произнести не успел. Идущий впереди Славута поднял руку и замер. Встал, будто на стену наткнулся, Омут; застыл с поднятой ногой Вишена.

Там, впереди, кто-то пробирался сквозь чащобу. Слышались мягкие шаги, тихий хруст сухих веток и приглушенный говор, издали похожий на невнятное бормотание. Все пятеро путников мигом нырнули в густой малинник. Летом здесь вполне мог сидеть жирующий медведь и лакомиться ягодами. Но весной в малиннике делать нечего, и они без помех схоронились в густом переплетении ветвей и сочных зеленых листьев. Вишена и Тарус наблюдали за тропой впереди себя, Славута посматривал в стороны.

Сначала казалось, что никто не приближается — голоса раздавались все так же в отдалении, после говор стих, а звук шагов стал медленно нарастать.

Кто-то шел прямо на убежище-малинник. Тарус неслышно, одними губами, выругался и прошептал:

— Не везет нам эти дни...

Оставалось надеяться, что их не заметят в зарослях и пройдут мимо.

Ждали, казалось, вечность. А потом впереди на тропе показалась знакомая кряжистая фигура Боромира; за ним шел еще кто-то.

— Наши? — изумился Славута. — Как их сюда занесло-то?

Вишена хотел встать и выйти из укрытия, но чародей рукой задержал его, и тогда Вишена вспомнил того упыря, что явился в Андогу в личине Омута.

Боромир — если это был Боромир — приближался. Вишена стал узнавать остальных — Боград, Богуслава, Тикшу, Роксалана, Пристеня.

Тарус мягко коснулся плеча Вишены и чуть заметно указал на его меч. И тут Вишену прошибло: будь это нечисть в личинах друзей, изумруды непременно зажглись бы, возвещая об опасности, но они мирно поблескивали в полутьме малинника и не было в них огня.

— Боромир! — окликнул Тарус и поднялся.

Люди на тропе вдруг замерли, разом обернулись к нему и обнажили мечи. Все это они проделали быстро и без слов.

Вишена встал рядом с Тарусом и вопросительно уставился на Боромира.

— Вы чего? — вырвалось невольно.

Боромир, взглянув на гарду своего меча, смягчился, а Боград обменялся с Тарусом быстрыми взглядами и облегченно сказал:

— Это они, Боромир. Чисто.

Мечи вернулись в ножны, а встретившиеся побратимы крепко обнялись.

— Почему вы здесь? — спросил Тарус. — Сговорились же в Иштомаре сойтись.

— Не дошли мы до Иштомара, чародей, — ответил невесело Боромир, — в первую же ночь без коней остались.

Славута, Вишена и Тарус быстро переглянулись, настороженные.

— Мы тоже, — протянул чародей. — Как это было?

Боромир горько усмехнулся. Как? Расскажи кому — не поверят, засмеют. Он и сам до сих пор не мог поверить. Кабы не четыре сотни его воинов, видевших то же самое, Боромир решил бы, что умом тронулся.

Едва стемнело и стали на ночлег, едва развели костры и расседлали коней, едва уселись у огня и потянулись к походным сумам...

Дикое громовое ржание вспороло ночную тишь. Кони всполошились, их никак не удавалось успокоить. А потом люди взглянули на небо и попадали на колени, взывая к Перуну и моля о защите.

Вверху, над ними, разметав меж звезд буйную гриву, мчал огромный светящийся конь. И гремел над миром его крик, и вторили ему земные сородичи. А когда вихрем пронесся он над головами, весь табун сорвался с места и поскакал следом. На полпути к горизонту земля ушла у коней из-под копыт, и повел их огненный жеребец небесной тропой, и растворились они в угольном бархате неба, затерялись среди звезд, и затихли вдали топот да ржание.

А люди долго еще не вставали с колен, обратив лица к небесам.

Дружину Боромир отправил в Иштомар, как и договаривались. Позвизд и Заворич увели ратников, а сам Непоседа, взяв Боград, Роксалана, Тикшу и еще некоторых, двинулся искать Таруса, потому что почуял неладное, а без чародея, без его знаний и мудрых советов не решился что-либо предпринять, ибо именно Тарус затеял этот поход за Книгами и кому, как не ему, подсказать в трудную минуту?

Боромира никто не перебивал; Вишена и Славута слушали с заметным интересом, Тарус — мрачно. Им тоже было что поведать, и когда Боромир иссяк, заговорил чародей. Рассказал он все — и о сгоревшем овине, и о чертенке в Рыдогах, и о чужаках, и об Омуте, и о рубиновом мече.

События вязались в тугой замысловатый узел со множеством завитков, и им предстояло его разгадать-распутать.

Разговор продолжили на ходу, шагая в сторону Иштомара.

— Пошто за оружие хватались, нас увидевши? — спросил вдруг Омут-Молчун, приспосабливая поудобнее свою исполинскую булаву на поясе. Ответил Боград:

— А мы вас уже встречали! Нечисть какую-то в вашей личине. Если бы не Боромиров меч, кто знает, как все обернулось бы. Воистину волшебной силой наделили мы тот клинок

в Чикмасе! Разогнали поганых. Да что там, мы и себя вчера встретили! Вот Боромир осерчал, себя узрев! Сами разбежались, видать, почуяли, на кого нарвались... С Непоседой и его мечом шутки теперь плохи...

— Бесится погань... Задержать хотят, извести, не иначе, — задумчиво протянул Тарус. — Ой, други, крепко делается, туго вяжется. Трудно нам будет, пока до Книг доберемся, ох трудно! Меч еще рубиновый на нашу голову...

Тарус замолчал, и Вишена радостно воскликнул:

— Так, значит, и Боромиров меч силу имеет, раз нечисть его боится? Выходит, молод ли меч, стар ли — все одно: сила!

— Не спеши, Пожарский. Увидим, все увидим, только не спеши, — предостерег чародей, покачивая головой.

Вереница путников растянулась по тропе, ведущей в сердце Кухты, где-то впереди шумела река Шогда, и в устье ее, в селении Иштомар, ждала их верная дружина, а события продолжали нанизываться на бесконечную нить реальности.

В Иштомаре провели всего два дня. Коней в селении на всю дружину не хватило бы, решили идти пехом. Либо на запад, к реке Шеманихе, шустрой и мелкой, и уже по ней спускаться на плотах. По ней, по Тетереву, по Бугу, прямо к землям дулебов. Либо сразу повернуть к югу и идти так до самых озер. На плотах быстрее и легче, конечно, чем пешком, но дальше. Шумели и спорили недолго.

Хмурым ненастным утром дружина выступила за стены селения и скрылась среди отливающих медью стволов кухтинского бора. Боромир проводил их пристальным долгим взглядом и обернулся к своему отряду.

Вчера Непоседа заполночь совещался с Тарусом, Боградом и побратимами-полководцами. Теперь почти вся дружина, во главе с Заворичем и Позвиздом, ушла к Шеманихе, чтобы достичь цели по воде. Сам Боромир вел небольшой отряд прямым путем. Кроме Таруса, Вишены и Славуты с Непоседой отправились Боград с братом и еще четырьмя венедами, Тикша, сестры-сорвиголовы Купава и Соломея, Омут, Яр и Роксалан с пятеркой своих ратников. Всего двадцать один человек.

Скоро их поглотил лес, огромный и тихий; лишь хоженая тропа напоминала о людях среди этой дикой чащи.

Вишена шагал третьим, после Боромира и Таруса. Он не знал, почему чародей с Непоседой решили пойти врозь с дружиной, и сейчас размышлял над этим. Скорее всего Тарус желает кого-то обмануть, сбить с толку. Но почему тогда разделились на такие неравные части — четыре сотни и двадцать один?

Вишена думал и не находил ответа.

Путники гуськом топали по извилистой тропе, и те, кто шел позади, часто теряли из виду передних. День выдался пасмурный, в густом лесу казалось, что уже наступили сумерки. Когда тропа немного расширилась, Вишена поравнялся с Тарусом и зашагал рядом с ним. Тот искоса взглянул на витязя, но смолчал.

Нарушил тишину Вишена. Говорил он негромко, чтобы кроме чародея никто не мог услыхать вопрос.

— Скажи, Тарус, почему мы опять откололись от дружины? Зачем вообще Боромир ее брал, коли все старается сделать сам?

Чародей снова покосился на Вишену, но ответил не скоро. И так же негромко:

— Поймешь ли, храбр? Поверишь ли? — Тарус словно размышлял вслух, а не рассказывал. — Запутанное это дело. Нечисть нами уж больно интересуется. Что? Уже заметил? Ну да, трудно не заметить. Вот потому-то дружина и идет врозь с нами, чтоб добралась целиком туда, где будет нужнее. Хватит и того, что коней увели. Думаешь, все едино будут мешать? Нет, не будут. Почему? Да потому, что нечисть, вернее тот, кто ее науськивает, следит за двумя вещами. Во-первых, за твоим мечом. И, пожалуй, теперь еще за Боромировым. Как следит? Да очень просто. Твой меч чувствует нечисть, так ведь? Ну, вот. А теперь подумай головой — всегда ведь есть обратная сила любому свойству. Нечисть тоже чует твой меч. Просто? Да, несложно. Ну и во-вторых, следят за семерыми из нас — за Боромиром, Боградом, Славутой, Тикшей, Соломеей да за ними двоими. Почему? Да потому, что отмечены мы Боромировым мечом, семь лет назад отмечены, в Чикмасе. Мы для нечисти как огонь в ночи, видны всегда и везде. Что? Да-да,

именно отвлекать все козни от дружины на себя. Почему же не выдюжим? Выдюжим, думаю. Тарус-чародей — не мешок с соломой. Да и вы богами не обижены. Да. Понятно? Ха-ха! Да не болтай об этом, молчание — золото!

Вишена невольно отстал, обдумывая услышанное. Действительно, если меч чует близость нечисти, то и нечисть должна чуять волшебную силу изумрудов. Мысль была такой очевидной, что Вишена долго удивлялся, как не додумался до этого сам. Впрочем, он-то знал, что нечистые боятся меча, но связать это впрямую с силой изумрудов пока не догадывался.

Тучи весь день клубились над лесом, предвещая дождь, но Даждьбог милостиво отослал его на крестьянские поля. Хороший подарок людям к Семику! Прошли много — кухтинский бор остался далеко позади; последние часы путники продирались сквозь плотный ольховник.

Старца первым заметил Яр.

— Эй, Боромир! Гляди!

В стороне от тропы на огромном, как столешница, пне сидел, свесив ноги, седой старик, здесь же рядом виднелась крохотная, подслеповатая, сильно покосившаяся избушка.

Все остановились. Ветер едва заметно шевелил длинную бороду старца. Боромир взглянул на Таруса, испрашивая совета, но тот лишь пожал плечами. Вишена украдкой опустил глаза на гарду меча — изумруды не горели — и толкнул тихонько Таруса, показывая это. Чародей кивнул и, наклонившись к уху Боромира, прошептал несколько слов. Боромир мельком взглянул на свой меч и обернулся к Тарусу.

Старец вдруг медленно поднял руку, поманил скрюченным морщинистым пальцем Таруса, Боромира и Вишену.

— Подойдем, — сказал чародей.

Они приблизились и стали в трех шагах от старца, остальные наблюдали с тропы, переминаясь с ноги на ногу.

— Поклон тебе, старче, — негромко поздоровался Боромир, и все трое склонились перед седым человеком.

— Здоров будь, Боромир-Непоседа, защита родного края, — надтреснутым голосом ответил старик, — здравствуйте и вы, верные сыны земли нашей.

Боромир не удивился, что старец его узнал. Его знали все. ВСЕ. По крайней мере после Северного Похода.

— Ведаю обо всех ваших напастях, воины-храбры. И знаю, как уберечься от них.

Старик полез за пазуху, достал свернутую трубкой грамоту. Через мгновение глаза его встретились с глазами Вишены; тот медленно, как во сне, извлек из сумы сверток с рубиновым мечом и подал старику. Тарус удивленно созерцал все это; Боромир, казалось, оставался спокойным.

Покряхтывая, старец сполз на землю, развернул волчью шкуру, отбросил ее в сторону. Вишена глянул на Таруса и проследил за его глазами — чародей неотрывно смотрел на левую руку старика, где на среднем пальце сидел перстень с кровавым рубином.

Вишена вздрогнул, а старик тем временем коснулся перстнем камня на гарде меча. И меч распался — послышался сухой треск, к ногам упали четыре знакомых кинжала.

— Помогите мне! — властно сказал старик. Боромир подобрал кинжалы. Старик уже развернул грамоту и стелил ее на пне, не позволяя скручиваться. Лист был девственно чистым, только по углам его виднелись неясные темные пятна. Скупым расчетливым движением старец взял один из кинжалов из рук Боромира и коротко, без замаха, всадил его в грамоту, в правый верхний угол, прямо в пятно.

— Теперь вы! — скомандовал он.

Тарус протянул руку, и второй кинжал, сочно тюкнув, проткнул пятно в левом верхнем углу листа. Боромир отдал один из оставшихся кинжалов Вишене, и они разом опустили руки. Грамота, приколотая по углам, отчетливо белела на темной поверхности старого пня.

Спустя несколько мгновений сквозь нетронутую белизну чистого листа стал прорываться неясный еще рисунок; он постепенно всплывал откуда-то из глубины грамоты, с каждой секундой становился все четче и четче.

— Карта! — воскликнул Боромир. — Глядите, вот устье Шогды, вот Иштомар! А вот Шеманиха!

Старец указал на крохотный рисунок в центре, походивший на небольшой ларчик.

— Рубиновый клад? — догадался вдруг Тарус. — Но у нас ведь нет ключа!

Старик усмехнулся и снял с пальца левой руки массивный свой перстень. Тарус тотчас протянул ладонь, но старец отрицательно покачал головой.

— В тебе живет сила изумрудов. Никто из вас семерых не сможет носить этот перстень.

Неспешно оглядев всех оставшихся на тропе, старик поманил к себе Яра, и тот словно завороженный приблизился. Некоторое время он разглядывал юношу и вдруг стремительным ладным движением надел перстень ему на руку, только не на левую, а на правую. Яр дернулся, беспомощно взглянул на Таруса, но тот улыбался, и Яр успокоился.

— Запоминайте, где спрятан клад. Карту вы не увидите боле.

Тарус, Боромир и Вишена молча глядели на грамоту, навеки впечатывая в память скупой, но понятный рисунок-план окрестных лесов. А потом старик поочередно выдернул кинжалы, и карта рассыпалась, обратилась в горстку невзрачной сероватой пыли.

— Удачи вам! — пожелал старец и исчез. Только-только стоял напротив и вдруг пропал, растворился, как и не было. И избушка подевалась невесть куда, сгинула, оставив после себя слабо примятую траву. Лишь ветер, дыхание Стрибога, подхватил и разнес остатки показанной стариком грамоты.

Вишена подобрал кинжалы, секунду поколебался и отдал Яру. Тарус, видевший это, согласно кивнул.

В подкравшихся сумерках призрачной тенью разрезала небо надвое первая летучая мышь.

— Эй! — закричал вдруг Яр испуганно и восторженно. — А перстень-то не снимается! Прирос к пальцу!

Тарус мрачно вздохнул и похлопал его по плечу:

— Крепись, хлопче! Это только начало...

«Успокоил, нечего сказать, — подумал Боромир. — Что ждет-то нас впереди?»

Темнело.

Костер весело пылал, раздвигая темень, путники, рассевшись вокруг, слушали Таруса-чародея.

— Давным-давно были на свете семь волшебных рубинов. Тот, кто владел ими, получал огромную силу и власть. Далеко

не всякий мог совладать с этой силой, говорят, рубины извели-сгубили не одного хозяина. Сила их — темная, сказывают — нечистью данная, но никто из обладателей никогда открыто с нечистью не якшался. Сколько лет рубины служили Тьме — никому не ведомо. Покуда кто-то не разделил их. Три схоронили в ларце, а четыре пустил по белу свету. По отдельности рубины большой силы не имели, и мало кто знал, что они на самом деле волшебные. Хитрость состояла в том, что сперва нужно было собрать потерявшиеся в разных землях четыре рубина, потом с их помощью прочесть карту и, наконец, добраться до ларчика с оставшимися тремя каменьями. Да ларчик тоже непрост — отпирается ключом, и доселе никто ничего не знал о нем... — Тарус ненадолго умолк. — Я не знал ни где он, ни что он, ключ этот тайный, пока старик не надел Яру на палец вон тот перстень.

Все обернулись к юноше, непроизвольно поглаживающему перстень, старый и темный. Первый испуг оттого, что он прирос к пальцу, у Яра уже прошел, но смутное беспокойство все не покидало его.

Костер сухо потрескивал, плевался искрами, путники жались к нему, светлому и доброму, веря, что огонь защитит их, слабых, от любых ночных страхов.

— Мы возьмем клад? — спросил Боромир глухо. Тарус ответил не сразу, поразмыслил немного.

— Да. Затем, чтобы силу рубинов не обернули против нас.

Тарус-чародей надеялся на лучшее. Предание ни слова не говорило не только о ключе, а и о кинжалах, сливающихся в меч. Но ничем иным кинжалы быть не могли — Тарус внимательно осматривал клинки и убедился, что не два рубина красовались на гарде каждого, а лишь один, пронзивший сталь насквозь, так, что наружу выступали две стороны.

Клад схоронили совсем недалеко от них, если завтра с утра выйти и забрать немного на восток, до полудня можно поспеть к месту.

Ночь прошла спокойно, если не считать шумной возни в кустах да частого злобного воя, слишком далекого, чтобы обращать на него внимание.

Едва взошло солнце, пустились в дорогу и к полудню действительно вышли к большому глубокому оврагу, где

карта обещала клад. На дне щетинились колючками буйные заросли чертополоха. Тарус криво усмехнулся — чертополох боле нигде не рос, видать, заговоренное это место, нечисть пугать.

Глиняные склоны круто, почти отвесно обрывались вниз, и пришлось поискать место для спуска. Да и там ничего не оставалось, как сигать с высоты в три человеческих роста.

Первым прыгнул Боромир, с размаху врубился в плотные колючие заросли, шипя и вполголоса ругаясь. Пока спутники присоединились к нему, Непоседа схватился за меч и успел выкосить небольшую полянку.

Медленно двинулись вперед, расчищая дорогу. Солнце висело прямо над головами и заливало овраг резким безжалостным светом. Скоро нашелся и вход в пещеру — две гранитные глыбы, вросшие в одну из стен, да узкая щель между ними. Чертополох у входа разросся особенно буйно, выше людей. Когда его выкорчевали, взорам открылся темный лаз куда-то под землю; на камне у входа виднелся искусный барельеф: черт, полуприсев и чуть склонив рогатую голову набок, сжимал в руке длинный, несомненно, рубиновый меч. С кем он дрался, можно было лишь догадываться.

В кривой трещине у входа неровно торчал старый полуобугливший факел и некоторое время потратили, зажигая его.

Наконец огонек заплясал на смолистом дереве. Боромир кивком подозвал Яра, Вишену, обнажил меч и собрался первым войти в пещеру, но его задержал Тарус, сжимающий в опущенной руке факел.

— Стой, Боромир! Первым — огонь!

Непоседа пропустил его, и чародей медленно скрылся в расщелине. За ним след в след ступал Боромир. Вишена подтолкнул Яра, чтобы не шел последним, тоже обнажил меч и ушел вглубь.

Впереди пылал факел, но даже в его свете ясно виднелись горящие зеленые точки волшебных изумрудов.

Ход змеился в каменной толще, узкий и длинный. Наверху, в овраге, камня никто не видел, только глину, здесь же они попали в настоящее гранитное царство.

Наконец ход втек в небольшую овальную пещеру. На стенах Тарус приметил несколько факелов и немедля зажег их; сразу стало светлее.

В центре пещеры, на длинных тускло-серебристых цепях свешивалась с потолка массивная гранитная плита, отполированная до блеска; на ней стоял небольшой плоский ларчик, вырезанный из крупного синеватого самоцвета. Маленький и неприметный, он терялся на гладкой и обширной поверхности плиты.

А рядом, на полу, в драных полуистлевших одеждах, скорчились четыре человеческих скелета и один чужой, жуткий, незнакомый. Что это было за существо, не смог определить даже всезнайка Тарус.

Изумруды мечей продолжали беззвучную песнь зеленых искр и горели теперь еще ярче, чем у входа.

Яр храбро потянулся к ларцу, но Тарус мгновенно поймал его за шиворот.

— Куда? К ним хочешь? — указал он на скелеты. Яра передернуло.

Тарус долго рассматривал ларчик, потом щелкнул пальцами:

— Кинжалы!

Яр полез в сумку. Рубиновые клинки вновь соединились в короткий меч, но, послушные прикосновению магического перстня, тут же распались. Тарус аккуратно, словно боялся обжечься, взял один кинжал и склонился над ларцом. Рубин на гарде тотчас вспыхнул, и, вторя ему, усилили свечение изумруды на мечах. Чародей отшатнулся и попятился. Что-то ему мешало. Он потряс головой, вытянув вперед руку без кинжала.

— Яр! Ну-ка, ты! Видишь вон те углубления по углам ларца? Вложи в них по кинжалу. Да потише, без спешки!

Яр мягко, по-кошачьи, подобрался к плите.

— Цепей и камня не касайся! — предупредил Тарус. Тем временем Яр изловчился, один из кинжалов скользнул куда полагалось, войдя по самую гарду, и рубин чуть заметно ожил. В глубине его заструилось что-то похожее на слабый свет. Цепь на этом же углу плиты, глухо звякнув, разорвалась посредине, но плита даже не шелохнулась. Второй кинжал занял свое ме-

сто, и свечение рубинов стало более ярким. С тем же звуком лопнула вторая цепь. Падая, она задела один из человеческих скелетов, и он распался в мельчайшую сероватую пыль.

Когда все четыре кинжала оказались где нужно, рубины пылали, как летний закат накануне ветреного дня. Все цепи лопнули, обрывки свешивались с неподвижной плиты и касались пола. Лишь один не доставал до пыльной поверхности, не хватало нескольких звеньев. Казалось, плита стоит теперь на диковинных ножках. Остатки цепей на своде пещеры слабо покачивались и жалобно поскрипывали.

Тарус хотел сказать Яру, что пора открывать ларец, но тот и сам догадался. Настороженно, с опаской, он коснулся перстнем ларца и отдернул руку.

Рубины ослепительно вспыхнули и погасли; теперь вместо них зыбким синеватым маревом засветился ларец. Сначала свечение разгоралось, потом стало тускнеть, и вдруг, слабо блеснув, в свете факелов, ларец растаял, обратился в ничто. В центре плиты на черном бархатном ложе покоились три рубиновых кинжала. Лежали они треугольником, лезвие к рукоятке, и были ослепительно чистыми, словно из начищенного серебра. А потом сверху на них с тихим мелодичным звоном упали четыре потемневших от земных скитаний кинжала-ключа, все рубины вспыхнули вновь, но горели недолго, ровно столько, чтобы люди успели заслонить глаза рукой и отступить.

Когда сияние угасло, на плите остался лежать длинный рубиновый меч, тускло отблескивая в дымном пламени факелов. Он был точной копией мечей Вишены и Боромира, с одной лишь разницей: вместо двух изумрудов гарду его украшал огромный рубин.

— Возьми его, Яр! Отныне он твой.

Голос Таруса повис в гулкой тишине пещеры.

Юноша решительно протянул руку, и пальцы его сомкнулись на рукоятке. Ладонь ощутила приятную тяжесть меча.

Боромир легонько толкнул Таруса, указывая на скелет чужака:

— Гляди, чародей!

Тарус присел. Вишена, до этого молча стоявший позади всех, всмотрелся и едва не вскрикнул: скелет был опоя-

сан сгнившим кожаным ремнем с длинными ножнами. Яр вопросительно уставился на Таруса, по-прежнему вцепившись в меч.

— Мне взять это?

Тарус думал всего мгновение:

— Бери!

Яр сделал два маленьких шага и нагнулся. Ему вдруг стало не по себе — череп, похожий на собачий, только гораздо крупнее, щерился ему прямо в лицо, словно мертвец не хотел отдавать свою вещь. Но Яр пересилил себя и храбро взял ножны свободной рукой. Истлевший пояс не выдержал и расползся; скелет осел мелкой пылью, и лишь череп продолжал зло скалиться на людей.

— Уходим! — скомандовал Тарус, властно глянув на Вишену. Дважды повторять не пришлось, тот охотно отступил в ход, слишком уж здесь было неуютно.

Когда Тарус, последним из четверых, покинул пещеру, застывшая в центре плита с грохотом обрушилась на каменный пол, подняв облачко пыли и обратив в труху оставшиеся три скелета, но чародей даже не обернулся.

Солнечный свет ослепил их после долгого полумрака подземелья. Спутники ждали у входа, радостно зашумев, когда все четверо, целые и невредимые, выбрались из узкой расщелины. А в следующее мгновение все взгляды надолго скрестились на сверкающем мече.

— Это и есть Рубиновый клад?

Яр восторженно воздел руки, и меч засиял еще ярче, впитывая ослепительные лучи Ярилы-солнца.

Один лишь Тарус выглядел встревоженным. Что принесет им этот неведомый, но несомненно могучий меч? Этого он не знал.

Пора было и уходить. Вишена, отерев со лба выступивший пот, бросил последний взгляд на зияющий чернотой ход в пещеру и вдруг пораженно замер.

Барельеф у расщелины изменился. Черт словно отпрянул назад, испуганно вытянул руки перед собой; знакомого меча в его руках больше не было.

— Эй! Глядите! — крикнул Вишена остальным.

Тарус впился глазами в барельеф. Боромир, стоящий рядом, хмуро оглядел камень и тихо, сквозь зубы, процедил:

— Жуткое место... Уйти бы...

Люди застыли перед ходом, разглядывая ожившую скалу и гадая, что же это может значить.

Голос, раздавшийся сверху, застал всех врасплох.

— Чего всполошились?

Вверху, на обрыве, опираясь на длинный резной посох, стоял давешний седой старик, и ветер точно так же, как и вчера, шевелил его длинную белесую бороду.

— Кто ты, старче? — крикнул резко Тарус. — Как твое имя?

Старец поднял руку:

— Удачи вам, храбры! Добудьте Книги!

Он на секунду умолк, словно размышлял.

— А имя мое — Базун!

Старик не двинулся и не ушел. Он просто растворился на фоне прозрачной небесной голубизны.

Вдалеке закричала чайка.

Глава 8
ПУСТЫНЯ И СКАЛЫ

Солнце неподвижно застыло прямо над головами путников и жгло так, словно хотело выпить всю, до последней капли, влагу из их изнуренных тел. Сухая каменистая почва стелилась под ноги, и каждый шаг поднимал в раскаленный воздух небольшое облачко пыли.

Никто не заметил перехода — еще в лесу начали попадаться небольшие, лишенные растительности проплешины. Постепенно их становилось все больше, и вот они уже весь день шагают по жаркой непонятной пустыне, а солнце и не думает садиться: висит себе в зените и печет, и печет, и печет... Так, что пот заливает глаза и даже мысли цепенеют и размягчаются. И что плохо, они давно не встречали воды. Последний раз пили из ручейка в лесу, когда Боромир устраивал отряду привал.

Невесел Боромир-Непоседа, тяжкие думы одолевают вожака лойдян. И Тарус стал мрачнее тучи, насупился, втянул голову в плечи, уныло плетется рядом с Боромиром. Видать, плохи дела...

Вишена облизал пересохшие губы и покосился вправо — рядом мерно вышагивал Славута-дрегович. Куртку он давно снял, мускулистое лоснящееся тело влажно поблескивало. Вишена знал, что выглядит так же. Отряд страдал от жары, и все сбросили лишнюю одежду.

Пустыня. Откуда она здесь, в лесном краю? Вишена испытал похожее чувство недоумения и подвоха, когда нечисть водила его в Черном. Идешь, не останавливаясь, целый день, а получается, что топчешься на месте, кружишь по одним и тем же дубравам да перелескам. А после забредаешь совсем в другую сторону, к чертям на кулички.

Рыжие потрескавшиеся валуны слегка разбавляли монотонность пейзажа. То и дело их скопления попадались на пути. И крупные глыбы, в рост человека, и совсем небольшие, просто россыпь камней. Иногда приходилось их обходить.

И мертво вокруг. Никого. Только однажды видели в белесом от жары небе крупного и одинокого орла-падальщика. Да шныряют среди камней коричневые мерзкие сколопендры.

— Боромир! Тарус! Стойте!

Вишена очнулся от невеселых дум и встрепенулся. Все стали, только Боград бегом спешил к вожакам.

— Что такое? — спросил Боромир.

Боград, слегка запыхавшись, подбежал.

— Вода. Там, — указал он влево, на видневшиеся невдалеке крупные неровные глыбы. Собственно, это были уже не валуны, а самые настоящие скалы.

— Вода? Где?

— Там, в скалах. Я чувствую! — Венед выглядел взволнованным.

— Веди! — коротко приказал Боромир.

Боград, погладив бороденку ладонью, на секунду прикрыл глаза, потоптался на месте, поворачиваясь и так, и эдак; после уверенно зашагал к дальней оконечности скал. Остальные пустились за ним. Откуда только силы взялись у них, усталых, едва тащившихся посреди этого знойного бесконечного

дня... Одно лишь сладкое и волшебное слово «вода» вдохнуло в них жизнь и надежду.

Между отдельными скалами змеились узкие проходы-расщелины. Боград пропустил несколько без внимания и замер напротив одного, ничем на вид не примечательного.

Перед расщелиной в пыль впечатались следы, странные и незнакомые. Словно кто-то протащил мимо крупную корову, прямо на брюхе, ловко и бесцеремонно, а корова изо всех сил упиралась всеми четырьмя ногами, но это мало помогло.

В расщелину след не заходил.

Боград решительно нырнул в узкий проход и углубился в скалы. За ним след в след ступал Боромир, далее — Тарус, Вишена и все остальные. Проход петлял и извивался в каменном царстве. Темные изломанные стены взметнулись ввысь, лишь далеко вверху оставляя яркую полоску неба. Под ногами хрустело мелкое рыжее крошево, вылущенное жарой со стен за долгие неподвижные годы. А проход все вел и вел вперед, в самое сердце скал, увлекая и маня познавших жажду путников.

Радостный крик всколыхнул тишину — Соломея нашла на стене невзрачный серый лишайник, а это значило, что где-то поблизости действительно есть вода.

Скоро проход разветвился. Путь преградила громадная неровная глыба. Боград неуверенно повертелся перед ней и пошел вправо. Шагов через сто он замедлился, мотнул головой.

— Не сюда... Удаляемся.

Пришлось вернуться и обойти препятствие с другой стороны. Шли еще некоторое время. И наконец уловили слабое журчание, прозвучавшее для всех слаще самой лучшей музыки.

Боград недоуменно озирался. Воды нигде не было. Он снова закрыл глаза, расставил руки, поворотив их ладонями вперед, и стал медленно крутиться на месте. Отыскал направление, сделал несколько шагов вперед.

Все смотрели на него со жгучей надеждой, ибо вода сейчас означала жизнь.

— Здесь... — прошептал Боград, открыл глаза и задумчиво огляделся. — Ничего не понимаю!

Он вновь зажмурился и прислушался к себе.

— Вода где-то рядом, я ее чувствую, — сказал он тихо.

Под ногами была только сухая земля да камни.

Тарус несильно подергал венеда за мизинец — тот все стоял, растопырив руки, — и указал вверх. Там, где скалы уступом громоздились одна на другую, стекала, чернея на фоне сухого камня, узенькая лента долгожданной влаги.

Боград сказал «Хм!», опустил на землю суму и умело вскарабкался на скалу. Скрылся с глаз он всего на миг.

— Есть! — радостно выкрикнул он и вскинул к небу руки. — Хвала Даждьбогу!

Путники, помогая друг другу, поднялись на уступ, где стало тесновато. Вода слабой струйкой стекала откуда-то сверху и исчезала в зеве темной бездонной трещины. За неровности камней цеплялся живучий неприметный лишайник; здесь его было довольно много.

Пили по очереди, долго и жадно, а потом спустились вниз и заснули кто где упал. Над спящими повисло недвижимое солнце, заглядывая в расщелину сверху, следило за ними пристально и неотрывно.

Когда Вишена проснулся, по-прежнему стоял день, надоевшее до чертиков светило продолжало вылизывать землю горячими желтыми языками. Спутники еще спали; гулко отдавался в скалах могучий храп Омута. Вишена нехотя встал, разминая затекшие ноги, влез на уступ и некоторое время с наслаждением пил. Вода была теплая и солоноватая на вкус, совсем не такая, как в студеных лесных ключах.

Неприятный шорох заставил быстро обернуться.

Перебирая десятками членистых ножек, к нему приближалась огромная сколопендра. Ростом с добрую собаку, длинная, ровно спиленная сосна. Вишена ясно видел уродливую голову, хищно изогнутые жвалы с мутными каплями зеленоватого яда на кончиках. Виднелось и что-то вроде глаз: два невыразительных пятна того же рыжего цвета, что и все тело сколопендры.

Меч сам скользнул в ладонь. Тварь неотвратимо приближалась. Вишена припал спиной к скале, чувствуя, как струйка воды смочила волосы и потекла за шиворот. В нужную секунду взмахнул мечом, коротко и резко. С противным хрустом клинок взломал крепкий хитиновый панцирь, голова ско-

лопендры отделилась от тела, которое продолжало мерно перебирать ногами и ползти вперед. На мече осталась густая сероватая слизь. Вишена, скривившись, подставил его под струйку воды. Обезглавленная сколопендра тем временем ткнулась в стену и полезла по ней вверх. Скоро она скрылась из виду. Вишена, гадливо поморщившись, сапогом отшвырнул подальше отрубленную голову и уже хотел спускаться, как вдруг знакомый сухой шорох заставил его замереть и осмотреться.

Внизу по расщелине ползла точно такая же тварь; еще одна, цепляясь за едва заметные выступы, спускалась по противоположной стене. А вон и еще, на верхушке пузатого валуна... И над трещиной две...

Вишена пронзительно закричал и споро спустился. Спутники просыпались, разбуженные Вишеной, тут же хватались за мечи, а к ним со всех сторон сползались десятки и сотни мерзких многоногих гадов, издавая стройное отчетливое шуршание.

И пошло-поехало. Люди с хрустом крушили рыжие длинные тела, которые не хотели умирать сразу, кромсали их на части, части эти продолжали ползать и дергаться. Новые и новые сколопендры появлялись отовсюду, прыгали сверху, выскальзывали из трещин и извилистых ходов, зло щелкали мощными ядовитыми жвалами и бросались в атаку.

Вишена яростно отбивался от наседающих тварей. Справа от него Боград, Богуслав и близнецы-венеды Чеслав, Вавила и Ярош размахивали мечами, перемалывали накатывающийся из прохода вал; слева Боромир и Купава отступали под дружным натиском дюжины извивающихся гадов. Им на выручку спешили Омут, Роксалан и Дементий, а еще дальше, за причудливым выступом скалы, Славута, Пристень и Соломея пытались пробиться к загнанному в угол Яру. Яр держался молодцом: орал и ругался не хуже пьяного сапожника, но мечом действовал ловко и исправно.

Закричал от боли Светозар — ратник Роксалана. Ядовитые челюсти впились ему в лодыжку. Свистнул в воздухе чей-то меч, поражая удачливую многоножку, но голова, разлученная с телом, словно в отместку еще крепче стиснула жвалы.

— Хе!

Тяжелая булава Омута обратила голову ближайшей к нему твари в полужидкий блин, а длинное рыжее тело заскребло ногами.

Боромир изловчился, взмахнул мечом и располосовал одну сколопендру точно вдоль спины. Длинные узкие половинки разошлись в стороны, словно вскрытый стручок гороха, Боромир разинул рот от удивления. Но всего лишь на миг: подоспела новая тварь.

Тикша в пылу схватки пытался достать загнанную высоко на стену гадину. Прыжок, еще один, и та обрушилась на него сверху, царапая жестким панцирем. Измочалив и исхлестав ее, Тикша вскочил, ногой отшвырнул бесформенные шевелящиеся клочья в сторону и оглянулся в поисках нового врага.

Пристень со Славутой прорвались наконец к Яру и сражались теперь втроем, плечом к плечу; Соломея присоединилась к сестре Купаве и Боромиру.

Боян и Акила, земляки Роксалана и Дементия, пытались освободить Светозара от намертво вцепившейся мертвой уже головы, а Тарус и Омут их обороняли.

И вдруг все прекратилось. Вишена снес полкорпуса ближайшей твари и огляделся, не веря, что остальные уйдут просто так, ни с чем. Но уцелевшие сколопендры исчезли, растворились в скалах, остались лишь разрубленные беспорядочные части да слизкое месиво под ногами. Лойдяне, сжимая оружие, сбились в плотную группу, готовые к новому нападению. Но никто не нападал.

Светозар стонал, нога его посинела и распухла, пораженная сильным ядом. Над воином склонился Тарус.

Можно было перевести дух. Оружие продолжали держать наготове. Грязный и заляпанный слизью Славута вытирал секиру содранными со стены пегими лохмотьями лишайника.

Боромир, стоящий рядом с Вишеной, хмуро произнес:

— Сдается мне, что это еще не конец...

Вишена не мог не согласиться — перед бурей всегда бывает затишье.

Рубины на мече и перстне Яра неспешно разгорались и надолго приковали в себе взгляды путников; изумруды же молчали.

К этому времени Светозар потерял сознание и начал бредить. Товарищей он не узнавал.

— Идет! Она идет! — хрипел он и судорожно выгибался, дергая руками и здоровой ногой.

И тут чья-то огромная тень упала на скалы, поглотив их целиком. Все вскинули головы.

Над узкой расщелиной, где столпились люди Боромира, нависла передняя часть исполинской сколопендры. Острые зазубренные жвалы запросто могли перекусить быка, а каждая из ног по длине вдвое превышала человека.

Люди невольно отпрянули и вжались в шершавую скалу. В движениях твари сквозила величавая медлительность, а голову ее венчала ярко блестящая в лучах солнца корона.

Светозар захрипел и затих; глаза его остекленели.

— В расщелины! — негромко промолвил Боромир. — Хоронитесь среди камней, там, где она вас не увидит и не достанет!

Отряд рассыпался. Вишена скользнул в щель между глыбами вслед за Яром.

Сколопендра, издавая отчетливый шелестящий звук, высматривала людей, изгибалась из стороны в сторону, и наклонялась все ниже. Десяток ног вдруг вцепился в скалу, земля дрогнула, и изумленные люди проводили глазами здоровенный обломок. Послышался грохот, в воздух взлетела туча невесомой пыли, и сколопендра нагнулась за следующей глыбой. Миг, и она утащила сразу две скалы. Трое остались без укрытия — Пристень, Дементий и Славута. Посреди ровной площадки эта троица выглядела беззащитно и обреченно. Тварь проворно склонилась к ним, не давая времени на отступление в скалы, до которых было не меньше двадцати шагов.

С отчаянным боевым кличем на помощь рванулись сразу пятеро — Боромир, Вишена, Тарус, Роксалан и Тикша.

Сколопендру встретили мечами, но они отскакивали от крепкого панциря, словно от камня. Только Боромир, хвативший по толстой, как колодина, ноге слегка надломил ее.

Славута изловчился и, наскочив сбоку, обрушил секиру на голову гадине. Более тяжелая, чем мечи, секира с хрустом проломила темную броню и застряла, а тварь мотнула голо-

вой, Славута взвился в воздух и приземлился далеко в стороне, расшибив до крови локоть.

В пылу схватки никто не увидел, как Боград поймал за плечо ринувшегося в самую гущу Яра, прокричал ему что-то, и оба бегом бросились прочь от укрытий, в глубь скал.

Путники, став полукругом, пытались нанести сколопендре хоть какой-то ущерб, а та дергала головой и ногами, но люди успевали увернуться и отскочить. Мечи то и дело проверяли на прочность ее панцирь; вскоре Тарус нашел слабину.

Удар его пришелся точно в щель между пластинами-сегментами, и оттуда брызнула уже знакомая серая слизь.

— Хо! — крикнул Тарус обрадованно. — Цельте меж пластин!

Боромир, увернувшись от ноги сколопендры, изо всех сил рубанул, следуя совету Таруса. Меч пропахал в теле глубокую борозду, прошел насквозь и ткнулся в землю. Впервые тварь болезненно дернулась от нанесенного удара; до этого она ничего будто бы и не замечала.

Еще несколько человек поразили уязвимые места, и сколопендра отпрянула передней частью от земли. Секира Славуты по-прежнему торчала в ее голове недалеко от короны.

А Яр и Боград тем временем достигли задней части гигантской многоножки. В сотне шагов отсюда, за грядой причудливо нагроможденных глыб, их товарищи сражались с головой твари. Здесь темно-коричневое тело цеплялось за камни десятками уродливых щетинистых ног. Невдалеке оно отделялось от грунта и по воздуху уходило за камни, образовав чудовищную живую арку.

Меч Яра излучал ярко-красный свет, перстень на пальце пламенел алым светляком. Так ярко рубины еще никогда не светились.

— Давай! — скомандовал Боград почему-то шепотом. — Руби!

Клинок дважды вгрызся в тело сколопендры, почти не встречая сопротивления. Боград, напрягая мускулы, действовал своим мечом, но пробить защиту толстого панциря так и не смог.

А от ударов Яра сколопендра вздрогнула, судорожно дернулась, и арка впереди вдруг стала свиваться кольцом. Богра-

да отшвырнула распрямившаяся нога, он мешком повалился на камни.

Тварь тянула голову к Яру. Тот, слегка присев, обеими руками держал меч.

Кривые жвалы разошлись, готовые перекусить единственного противника пополам, но рубиновый меч успел раньше.

Выпад — и голова гадины развалилась надвое, словно гнилой орех, извергнув целое море густой зловонной слизи, а Яр продолжал молотить мечом, кромсая врага в мелкие клочья. Для рубинового меча будто и не существовало крепкой брони, а раны он наносил куда более серьезные, чем можно было ожидать.

Все решилось в несколько секунд. Голова и передняя часть сколопендры перестали существовать как единое целое — Яр добросовестно все измочалил. А потом рука его сама вонзила меч в единственное утолщение на теле многоножки и трижды повернула.

Протяжный, леденящий душу вопль потряс скалы. Небо потемнело, и вслед грянул оглушительный удар грома.

Яра отбросило в сторону, он изо всех сил пытался за что-нибудь уцепиться свободной рукой; вот пальцы уже сомкнулись на чем-то гладком и удобном, и вдруг Яр с размаху грянулся оземь, носом в пахучую траву, успев краешком глаза узреть светлые и стройные березовые стволы.

Пела иволга, куда-то подевалась изнурительная жара, а вместо нее пришла привычная и благодатная лесная прохлада.

— Батюшки-светы!

Яр поднял голову — рядом стоял целый и невредимый Боград и ошеломленно озирался.

Вокруг раскинулся привольный березняк, а скалы и пустыня бесследно исчезли.

— Жив? — участливо спросил его Боград.

Яр прислушался к себе.

— Сдается, да! — довольно сказал он и встал на ноги. В правой руке Яр держал свой меч, в левой обнаружилась Славутина секира, которая раньше торчала в голове чудовищной многоножки.

А рядом с ними дивным зубчатым кругом застыла меж белых стволов золотая корона, и самым странным было то, что внутри круга тоже росли березы, зеленея нетронутыми кронами, словно корона возникла прямо здесь из ничего.

Яр присвистнул и подошел поближе. Вблизи корона из-за своих размеров более напоминала диковинную ограду. Каждый ее зубец почти равнялся по высоте человеку, и маленькой корона казалась только на огромной голове сколопендры.

— Э-ге-гей! — донесся сбоку тревожный голос Боромира.

— Сюда-сюда! — отозвался Боград, сложив ладони воронкой. — Мы здесь.

Меж светлых стволов замелькали людские фигуры, и скоро отряд воссоединился. Пришли все, кроме Светозара, убитого сколопендрой.

— Гей, Славута! Получай свою секиру!

Дрегович принял оружие и благодарно сжал Яру руку.

Боромир ошеломленно разглядывал корону, бормоча: «Золото! Как пить дать — золото!» Остальные, переговариваясь вполголоса, столпились вокруг этого чуда, и только Вишена с Тарусом неотрывно смотрели на рубиновый меч в руке Яра.

Клинок стал меньше, словно от него отделили один кинжал. Клинок, но не рубин, ибо камень на этот раз остался таким же крупным.

Вишена с Тарусом обменялись пристальными взглядами.

— Знаете, — неожиданно сказал Яр, — я заметил еще кое-что.

И он протянул вперед правую руку.

Рубин на его перстне стал немного крупнее.

— Что вы на это скажете?

Тарус хрипло ответствовал:

— Я скажу на это — раз!

Вишена понимающе кивнул.

Вечерело.

Глава 9
ПОД СЕНЬЮ ТРАВ

До самого утра утомленные путники беспробудно спали. Лишь Вишена, оставленный на страже, одиноко сидел у огня. В середине ночи он долго гонял по кустам настырного молодого вовкулака. Тускло мерцал костер, вкрадчиво поблескивали

звезды, еле-еле тлели изумруды на мече, вовкулак взрыкивал и поскуливал, бегая кругами. В конце концов, так ничего и не добившись, Вишена плюнул и вернулся к огню. В кустах еще некоторое время вздыхали и возились, а после все затихло.

Ближе к рассвету Тарус отправил Вишену спать. Тот повалился прямо у костра и тотчас же захрапел. Чародей подбросил в жар сухих смолистых веток, протянул к огню руки и застыл на корточках, похожий на резного деревянного идола из какого-нибудь дальнего селения.

В этой позе застал его проснувшийся Боромир. Ярило-солнце взбирался все выше по хрустально-синей глади небосвода и насквозь пронизывал веселый березняк. Покряхтывая, Боромир уселся рядом с Тарусом.

Отряд просыпался. Встал Роксалан, проверил лук, кликнул Дементия и Пристеня и подался с ними в лес. Зашевелились венеды, спавшие как всегда в походе голова к голове, кругом. Славута, посмеиваясь, расталкивал здоровяка Омута, который сердито отмахивался и что-то невнятно бормотал. Яр, глядя на это, покатывался со смеху, то и дело опрокидываясь на кучу веток, служившую ему постелью. Один Вишена продолжал спать, невзирая на возню.

Охотники добыли оленя. Дементий и Пристень принесли его на короткой жерди. Пока разделывали да хлопотали у костра, Тарус и Боромир отвели в сторону Яра.

Мальчишка не знал, что заставило его ударить в смертельную точку на теле сколопендры. Все произошло само собой: удар, и гадина мертва. Меч слушался охотно, броню пробивал, словно наст на снегу. Перстень? А что перстень? Сидит себе на пальце, врос, притаился... Но не мешает, нет. Да и не замечаешь его вовсе. А хотя... Нет, нет, ерунда это, кажется, небось, только. Что? Сказывать? Ну, лады... Когда меч в правой руке держишь, он будто бы легче, рука почти не устает. И слушается вроде тогда охотнее. Что замечу? Странное? Ну, да, скажу, конечно, если замечу...

Купава и Соломея набрали пропасть грибов-сморчков, пошедших с олениной куда как в охотку!

В путь пустились за час до полудня, как следует отдохнув.

Березняк скоро кончился, и дорогу им перечеркнула река. Миновали ее быстро, по камням на близком перека-

те, едва замочив ноги. За рекой лес уже не рос, раскинулись привольные зеленеющие луга. Зайцы так и шмыгали у ног, а в резко-прозрачном воздухе мелькали быстрые тени ястребов-охотников.

Вишена дождался идущего особняком Таруса. Чародей вопросительно глянул в лицо.

— Помнишь ли знак, что в Черном мне подбросили?

Тарус кивнул утвердительно:

— Как не помнить! Потому и сказал намедни: сколопендра — это раз.

— А два?

— Два? — Тарус пошарил взглядом в траве. — Вон тебе и два, Вишена!

Зеленовато-серое существо неуклюже, но проворно удирало у них с дороги.

— Жаба?

Тарус пожал плечами:

— А почему нет? Была же жаба в знаке... Козодои да летучие мыши в лесах вроде бы не водятся...

— А гадюки?

На этот раз чародей промолчал.

Трава вокруг них становилась все выше и выше, скоро пришлось раздвигать сочные зеленые стебли, чтобы идти. Горизонт, еще совсем недавно ясно видимый, заслонился зеленью. Почва под ногами начала вдруг бугриться неровностями и чем дальше, тем больше. Небо постепенно заволоклось странной белесой дымкой, похожей на туман; вскоре она опустилась ниже, поглотив все вокруг. Странная это была дымка, не несла она в себе ни капли влаги и оттого казалась удушливой и колючей. Дышать стало труднее, но ненамного.

Все это заняло минут десять—пятнадцать, никто толком не успел сообразить что к чему.

Лишь когда Вишена столкнулся с крупным, по пояс, пауком и не без труда заставил его отступить, путники заволновались.

В этом месте трава больше напоминала дремучий лес — толстые длинные листья, жестче самой грубой дерюги, стебли, более походившие на стволы...

Туман вскоре исчез, и снова Ярило-солнце радостно засверкал в высоком небе. Путники сбились в тесный круг; в центре оказались Тарус и Боромир.

— Что за чудеса, чародей? — спросил Тикша. — Отродясь такой здоровущей травы не видывал!

Тарус не очень-то желал разговаривать:

— Я тоже не видывал...

— Очередная напасть? — предположил Боромир.

Чародей пожал плечами:

— Похоже... Однако чего стали? Идти надобно.

Он зашагал первым, разомкнув людское кольцо. Солнце висело вверху и чуть впереди, яркое и слепящее; казалось, оно источает искристую золотую пелену, волшебное покрывало, растянутое меж землей и небом.

Они углубились в чудной лес, неотличимый от гигантской травы. Вишена озирался и часто переглядывался со Славутой. Здесь же вертелся и Яр, не зная, к кому пристать — к Омуту или же к Славуте. Купава как-то незаметно оказалась рядом с Боромиром, а Соломея — с Тикшей. Пристень, Дементий и Акила с Бояном сгрудились вокруг своего ватажка Роксалана, а венеды — вокруг Богра да. Один лишь Тарус долго шагал впереди прочих, пока его не нагнал Вишена.

— Там что-то есть, Тарус-чародей?

Тарус остановился. Среди зеленых стволов-стеблей и мешанины огромных листьев угадывалось что-то жарко-блестящее.

Ветер тихонько пел где-то вверху, в пушистых головках, венчавших стебли-исполины, шуршал невдалеке кто-то живой, монотонно и безостановочно.

Вишена с Тарусом долго вглядывались, пытаясь понять, кто издавал эти звуки. За несколько минут ходьбы они успели встретить поджарого лесного муравья, ростом с добрую свинью, и несколько букашек никак не меньше собаки. Букашки исчезли, будто по волшебству, а муравей некоторое время с сомнением шевелил рыжими щетинистыми усами, после с достоинством развернулся к путникам задом, то бишь полупрозрачным полосатым брюхом, и, быстро перебирая шестью мощными лапами, умчался прочь. Вряд ли бы его догнал добрый конь...

Тарус, Вишена и Боромир, с опаской ступая, двинулись вперед, прямо в желтое сияние. Остальные замерли в ожидании.

Вишена обнажил меч и мельком взглянул на изумруды, но те успокаивающе молчали. Взялись за свои клинки и Тарус с Боромиром; и тут с шелестом и треском сверху на них свалилось что-то круглое, красно-пестрое, дурно пахнущее. Мечи пустить в ход не успели, все трое мигом оказались сбитыми с ног; их расшвыряло в разные стороны. Вишена сильно ударился спиной о стебель-ствол и рухнул на широкий мохнатый лист. Боромира отбросило под другой, точно такой же. Тарус упал на свободное место и поэтому вскочил первым.

Рядом на длинных черных ножках стоял красный, в черных же круглых пятнах, купол, высотой не ниже Таруса. Спереди к нему примыкал еще один, поменьше, весь черный. Два белых пятна очень походили на глаза, а над ними торчала пара отростков с треугольными пластинами на концах.

Боромир изумленно разглядывал это чудище, Вишена украдкой обходил его слева. Вдруг купол разложился надвое и что-то полупрозрачное с гудением затрепетало, обдав людей тугими порывами ветра. Чудище взмыло ввысь, задевая стебли и листья, некоторое время металось у них на виду, после чего с шуршанием рухнуло где-то в стороне.

Троица немного расслабилась и переглянулась. Боромир вдруг захохотал от души, весело и беззаботно; Тарус тоже криво усмехнулся; Вишена недоуменно глядел на них.

— Знаете, что это было? — спросил Боромир, не переставая смеяться.

— Что? — Вишена по-прежнему ничего не понимал.

Тарус хмыкнул и покачал головой:

— Коровка луговая! Жучок! Дети его солнышком-небушком кличут!

Купол и впрямь очень походил на солнышко-небушко, только чересчур уж огромное.

«Что за фокусы? — подумал Вишена с тревогой, — сначала многоножки, теперь — пауки-громадины, муравьи, жучки... А как же знак, как же жаба?»

Они пошли дальше. Справа долго тянулось что-то светлое, уходящее ввысь до самых небес, окрасившихся почему-то в зеленоватые тона. Желтое сияние впереди постепенно меркло. Вскоре наткнулись на высоченную стену, слегка закруглявшуюся, которая преградила им путь. Стена в землю не

уходила, казалось, неведомый великан принес ее, уже готовую, и опустил прямо на грунт. Нижний край стены, ровный и гладкий, прилегал неплотно, кое-где под него можно было подлезть.

Вишена приблизился и с опаской потрогал поблескивающую поверхность. Боромир легонько постучал по ней рукоятью меча — звук получился звенящий, металлический.

— Золото! — сказал Боромир. — Батюшки-светы, целая стена!

Вишена нырнул в яму и выбрался наружу за стеной — такой же травяной «лес» и светлые громады, кое-где уходящие к зеленым небесам.

И ему вдруг все стало ясно — и жучки-паучки великанские, и лес этот чудной, и стена золотая...

Трава самая что ни на есть обычная, и букашки в ней копошатся самые обычные, да вот только они все, люди, крохотными стали, затерялись в травах! Стена — не стена вовсе, а корона, корона исполинская с головы сколопендры, какую они в лесу оставили. Ну а светлые громады, уходящие к небесам, не что иное, как березовые стволы.

Так что же это получается? Кто-то сотворил из них коротышек и забрасывает куда попало — то в пустыню, кишащую сколопендрами, то сюда?

Немного поразмыслив, Вишена решил, что в пустыне они оставались все же самими собой. Во-первых, песчинки не казались огромными, с гусиное яйцо размером, как теперь. Во-вторых, корона главной многоножки и в обычном лесу выглядела как исполин, а сейчас и вовсе необъятной стала...

Додумать он не успел. Жирная косматая муха, басовито жужжа, шлепнулась на длинную травинку-ствол и закачалась, будто на качелях. Вишена попятился. Муха со скрипом терла щетинистые лапы одна о другую и хищно шевелила хоботком, похожим на омутову булаву.

«От такой, пожалуй, и мечом не отмахаешься...» — неприязненно подумал Вишена.

— Гей-гей! Пожарский, где ты? — послышался из-за стены клич Боромира.

Муха насторожилась, даже лапами своими погаными прекратила скрипеть.

Вишена замер. В тот же миг в воздухе мелькнуло что-то розоватое и длинное, ткнулось на мгновение в муху, и та с чавкающим звуком исчезла.

Отступив, Вишена осмотрелся и невольно вздрогнул. Невдалеке сидел кто-то огромный, с белесым отвислым брюхом и криво растопыренными лапами, обладатель безобразно большого рта и стеклянно-водянистого взгляда. Взгляд прилип к Вишене.

«Жаба!» — понял он и мигом нырнул под стену-корону.

Увы, хода уже не было. Вишена стукнулся о что-то, преградившее путь, и затаился.

«Что делать? Найдет ли меня жаба в этой ямке?»

А преграда вдруг заворочалась и сердито сказала голосом Боромира:

— Ну, Вишена, ну, пряник, так тебя через это самое! Руку отшиб, дурилка!

— Назад! — просипел Вишена тревожно. Голос куда-то подевался; горло враз пересохло. Боромир понял и мгновенно выбрался из-под стены, потом помог выбраться Вишене.

— Ну? — требовательно спросил Боромир, когда побратим оказался наверху и пытался отдышаться.

— Жаба, — коротко объяснил Вишена и растопырил руки, — вот такенная. Только что сожрала муху себе под стать.

Подоспели остальные путники во главе с Роксаланом.

Боромир, обернувшись, оценивающе глянул на корону.

— Думаю, на эту сторону ей не выбраться. А посему — у нас своя дорога, у нее своя.

Тарус отрицательно покачал головой.

— Не выйдет, Непоседа. Жаба все едино нас отыщет. Покуда мы ее не убьем, будем оставаться букашками в траве. Такова наша вторая напасть.

— Почем знаешь? — засомневался Вишена и, прищурив по обыкновению глаз, склонил набок кудрявую голову.

— Уж знаю, — отмахнулся Тарус.

Ему поверили, как всегда.

Боромир обнажил меч.

— Что же. Не станем мешкать. Ты со мной, чародей?

Тот кивнул и многозначительно подмигнул Вишене:

— Пошли, Пожарский?

Они направились к лазу под короной. Боромир и Вишена скользнули вниз, ровно пара ужей в реку; чародей задержался и нашел глазами Яра.

— Ну, чего стал? Марш за нами!

Яр просиял и, на бегу вытащив меч из ножен, скрылся в яме. Рубины коротко сверкнули, отразившись от золотой стены, затем их багровое сияние увязло в полумраке лаза. Последним нырнул под стену Тарус.

Долго было тихо. Путники полукругом замерли над ямой-ходом, вслушиваясь в шорохи травяного леса. Потом из-за стены донеслись приглушенные крики и звуки поединка, странные и непривычные, ибо никто не услышал первейшего и обязательного звука битвы — звона клинков. Но все понимали: это не просто сеча, меч в меч, сталь в сталь.

— Подсобить бы... — нерешительно сказал Роксалан и шагнул вперед, к стене. Боград поймал его за плечо.

— Куда? Тарус знает, что делает. Жди, друже.

Роксалан скрипнул зубами. Душою он был там, за стеной. Да и не он один: нервно поглаживал рукоятку секиры Славута, хмурился здоровяк Омут, закусила губу Купава...

Первым из-под стены показался Вишена. На щеке выделялся огромный кровоподтек, отсутствовала большая часть куртки. Казалось, драл его медведь своими когтищами. Вишена пошатывался, тряс головой, все еще сжимая в руках окровавленный меч. Тарус и Боромир лишь запыхались; мечи они уже убрали в ножны. Одежда Боромира потемнела от крови и еще какой-то влажной вонючей гадости, но, судя по улыбке, это была кровь твари. На Тарусе виднелось всего несколько пятен.

И наконец выбрался из ямы сияющий Яр. Его целиком залило той же вонючей гадостью, но мальчишка торжествовал и не собирался этого скрывать. Он радостно вскрикнул и воздел руки к небу, чтобы все смогли увидеть уменьшившийся меч.

— Гей, Тарус, говори: «Два!» Самое время.

Чародей засмеялся, запрокинув голову, и послушно молвил:

— Два, Яр! Два, это уж точно!

Вишена рухнул на землю и блаженно расслабился, растрепанный и исцарапанный.

— Кто это его так? — удивился Славута.

— Да эта дура лупоглазая, — восторженно ответил Яр. — Ей-ей больше терема! Она Пожарского языком своим липким тюкнула, да хорошо Боромир успел его перерубить. А Вишену все одно по земле да колючкам протащило.

После сражавшиеся долго отмывались в озере неподалеку. Странно, но избавление от второй напасти не вернуло их в мир, где трава — это лишь ковер под ногами и где жабу запросто можно отшвырнуть с дороги носком сапога, а можно раздавить и не заметить этого. Дремучие заросли трав не отпускали их, окружив и стиснув в крепких зеленых объятиях.

Тарус задумался. Что предпринять? Идти на юг к дулебам? Так ведь для них, крохотных, непосилен такой далекий путь. Жизни не хватит, чтобы добраться. Оставалось надеяться на третью напасть; напастью этой будет гадюка, чародей не сомневался. Он быстро смекнул, что избавлением от напастей служит убийство твари из знака рубиновым мечом. Тарус решил ждать.

Долго ждать не пришлось. Вскорости Дементий и Пристень нашли пару огромных сероватых яиц, и чародей понял — началось! Посреди груды изломанной скорлупы уже извивались четыре вылупившихся змееныша. Даже эти малыши казались гигантами. А вдалеке уже качались толстые зеленые стебли: к людям наверняка ползла мамаша.

— В стороны! Живо! — скомандовал Тарус.

Отряд рассыпался, как стая скворцов. Солнце весело играло на обнаженных клинках.

Боромир неотрывно глядел в сторону ползущей твари. Ее еще не было видно, но шорох и шевелящаяся трава ясно показывали, что она приближается. Рядом с Непоседой застыл с мечом в руке Тарус. Вторая его рука лежала на плече Яра. Вишена сбросил остатки куртки и переглянулся со Славутой. Тот придерживал свою секиру и криво улыбался. Тикша напротив — остался серьезен, все крепче стискивая зубы. Угрюмо утерся рукавом Омут; Боград покусывал ус, сжимая в правой руке меч, в левой — кинжал. Венеды по своему древнему обычаю часто сражались с мечом и кинжалом. Сейчас лишь Радислав из людей Богарда ограничился одним мечом.

Змея была огромна. Многие, увидев ее, вскрикнули, пораженные. Треугольная голова поднималась над грунтом на добрых два человеческих роста; алый раздвоенный язык плясал перед мордой, ощупывая дорогу. Немигающие круглые глаза уставились на людей, и каждому показалось, что змея смотрит именно на него. Черное поблескивающее тело вилось петлями; каждая чешуйка отчетливо выделялась, а все вместе они составляли безукоризненный узор, идеальный и неповторимый в своем совершенстве.

— Как же эту громадину убить? — прошептал растерянно Яр, и Тарус сильно сжал его плечо.

— Не дрейфь, хлопче, на то мы и люди, а не твари безмозглые...

Цепочка людей ощетинилась клинками. Змея громко зашипела и приподняла переднюю часть тела, приняв оборонительную позу.

— Нападайте со всех сторон одновременно! — крикнул Боромир. — По сигналу!

С криком бросились на гигантского гада путники, пытаясь достать черную плоть сталью, но змея ловко уворачивалась, сшибив с ног Богуслава коротким молниеносным выпадом. Венед рухнул на землю и не поднялся более. Вторая атака привела к тому же — гадюка осталась невредимой, а Ярош с Дементием выбыли из битвы.

— Яр, Тарус, обходите ее сзади, пока мы здесь донимаем, — крикнул снова Боромир.

Чародей, Яр, а за ними и Вишена исчезли среди стволов.

Обладая поразительной реакцией, змея не позволяла даже зацепить себя. Люди напрасно наскакивали на нее, вкладывая в удары всю силу: клинки со свистом рассекали пустоту.

Троица тем временем зашла с противоположной стороны. Именно так, не сзади, ибо гадюка свилась кольцами и могла обороняться или нападать по кругу.

— Мы с Вишеной рубанем ее, а ты, Яр, будь наготове! Как она голову сюда сунет, сам знаешь, меч в руке, — сказал Тарус шепотом. Но этого хватило. Не успели они и с места сдвинуться, змея, шипя, ударила. Плоская тупая голова отшвырнула чародея и Вишену далеко прочь. Следующий удар

предназначался Яру. Прежде чем взвиться в воздух и захлебнуться болью, мальчишка успел дернуть мечом.

В этот же миг десяток клинков вгрызся в чешуйчатое тело — Боромир и его войско времени не теряли. Их тотчас отбросил могучий толчок, змея судорожно дернулась всем телом. Но теперь ее мрачное совершенство нарушалось несколькими кровоточащими ранами, и еще Боромир успел заметить глубокий рубец на змеиной голове и что у нее не хватает пол-языка.

Теперь гадине противостояли всего семеро — Славута, Омут, Роксалан, Соломея, Чеслав, Вавила и Боян. Змея боле не шипела — мешала раскроенная челюсть.

— Эх, в глаз бы ее окаянную! — тихо и зло сказал Роксалан. Чеслав и Вавила переглянулись. Как всякий венед, каждый из них великолепно владел кинжалом. И два коротких клинка со свистом рассекли воздух, один за другим. От первого змея уклонилась, сумела, да метнули их с малым промежутком, и поэтому кинжал Чеслава достиг цели, вонзился в голову, правда не в глаз, а рядом. Змея, нырнув, пригнула морду к земле, и тут ее настигла остро отточенная Славутина секира. В мгновение ока венеды и дрегович были отброшены страшными ударами, а змея вновь вскинула голову. Кинжал и секира остались торчать в ранах.

Некоторые из лежащих сумели встать — Боромир, Пристень, Боград... Гадюка подобралась, готовая к новому удару.

— Так нам не одолеть ее, — прошептал Боромир. — Где же Яр со своим мечом?

И вдруг послышался тихий, но пронзительный свист. Казалось, он сверлит голову изнутри.

Змея замерла, вслушиваясь.

Свистела Соломея. Безостановочно, и на вдохе, и на выдохе. Уродливая голова с рассеченной челюстью завороженно склонилась к девушке.

Меч Роксалана с отвратительным звуком воткнулся в левый глаз змеи, а с другой стороны Омут размахнулся попривольней, и тяжеленная его булава проломила громадный череп. Гадина вздрогнула, отчего и Омут, и Роксалан покатились кубарем, но тут же вскочили на ноги. Соломея свистела без умолку, показывая свободной рукой: «Бейте же ее, чего ждете?» Боромир, Боград и Тикша одновременно взмахнули мечами.

— Стойте!

Соломея на миг перестала свистеть, змея встрепенулась, но резкий сверлящий звук вновь пригвоздил ее к месту.

— Стойте!

К ним приближался Тарус, волоча за руку полуоглушенного Яра. Боромир недоуменно опустил меч.

— Убить ее должен Яр! Свисти, свисти, Соломея.

Чародей подтолкнул мальчишку:

— Отсеки ей голову!

Соломея зажмурилась при первом же ударе.

Скоро все было кончено. Уродливая безглазая голова гигантской змеи лежала у ног людей, и они наконец поверили, что победили. Обезглавленное тело подергивалось, свившись в мерзкий клубок, и через пару минут затихло.

Тишина показалась всем бездонной и всепоглощающей. Когда Соломея открыла глаза, перед ней стоял обычный лес — березы вместо диковинных зеленых стеблей и причудливых, похожих на мохнатые ковры листьев. Трава стала просто травой, ничем более. Солнце отражалось от поверхности маленькой круглой лужи, которая еще совсем недавно казалась им озером. В траве валялась обезглавленная гадюка, и с трудом верилось, что это с ней все они только что сражались.

Тарус огляделся. Вид нормального леса успокоил его. Теперь стало ясно, что третью напасть удалось одолеть. Он вплотную подошел к Соломее и, не говоря ни слова, требовательно протянул руку. Девушка послушно отдала ему свистульку. Несколько минут чародей пристально разглядывал изящную резную деревянную змейку-медальон.

— Откуда она у тебя?

Соломея пожала плечами:

— От матери. У Купавы есть похожая, только в виде ящерицы.

— Покажи! — обратился Тарус ко второй сестре, и Купава сняла с шеи ящерку на цепочке. С минуту чародей, щурясь, разглядывал вещи-близнецы. Цепочки выглядели совершенно одинаковыми; глазки-бериллы — тоже.

Вернув свистульки девушкам, Тарус, словно разом позабыв о них, обернулся к еще не вполне пришедшему в себя Яру.

— Ну, хлопче, что я должен сказать? — поинтересовался он, устало улыбаясь. Мальчишка нашел в себе силы улыбнуться в ответ.

— Ты должен сказать: «Три», чародей...

— Нет еще! — вмешался вдруг Боромир. Все глянули на него, не понимая.

И только когда сапог Непоседы впечатал в чернозем змеенышей и уцелевшие яйца, стало ясно, что теперь уж точно — три!

— А где Вишена? — спросил дрегович и завертел головой.

Пожарского нигде не было. И еще — Яроша.

Глава 10
БУРЯ С ВОСТОКА

Разгулявшийся ветер гонял по степи косматые пылевые смерчи. Сайгаки, сбиваясь в плотные стада, залегали на такырах, пряча ноздри в гущу тел. Живность помельче хоронилась в глубоких норах, не смея противостоять мускулам слепой стихии.

Печенеги на полколеса врыли кибитки в неподатливую землю и пережидали бурю. Коней ввели прямо в стойбище, в кольцо жалобно скрипящих на ветру повозок.

Алликас-хан второй день не выходил из шатра, предаваясь размышлениям. Немые стражи-телохранители застыли на корточках у входа. Снаружи доносилось только завывание бури и слабый скрип. Алликас усмехнулся: он вспомнил, как несколько лет назад в такую же бурю одна из кибиток не выдержала бешеного натиска и развалилась; порыв ветра подхватил и понес вытертый старый ковер. Кто-то крикнул: «Ковер-самолет!» Что тут началось! За злосчастным ковром гнались до самой темноты и все-таки настигли. Сколько заклинаний над ним потом произнесли, сколько ягнят зарезали, принося богатые жертвы. Дырявая тряпка не желала летать, буря вдохнула в нее силу лишь на короткий миг. А как горели глаза у печенегов: ковер-самолет, сокровище...

Хан вздохнул. Тюкуручу с ним, с ковром, до волшебного Сундука добраться бы... Что Саят Могучий, чем порадует? Дни

идут, лето уж скоро, а шаман слова красивые произносит да трубку свою пеструю покуривает. И все...

Резко вскочив на ноги, Алликас направился к выходу. Сабир и Фаткулла пропустили повелителя и выскользнули в бурю вслед за ним. В глаза, в ноздри, всюду сразу же набилась противная мелкая пыль, ветер выл, набрасываясь на людей, все трое едва удерживались на ногах. Кибитка шамана по случаю бури стояла в кольце. Спотыкаясь о лошадей и баранов, Алликас-хан достиг ее первым. Телохранители отстали всего на шаг.

Внутри было сумрачно, уютно и тихо. Шевелились ковры и шкуры, сопел в стороне спящий Нурали. Шаман сидел, склонившись над толстой книгой.

— Что скажешь, Саят? Обрадуешь наконец?

Шаман обернулся:

— Садись, Великий и Светлый!

Алликас вскинул голову, ибо шаман не скрывал радости. Значит, было что сказать.

— Говори, шаман.

Саят засмеялся:

— Хорошие вести для тебя, Великий и Светлый. Долго не мог я навредить урусам, с тех пор как их стройные кони пополнили твой табун. Сегодня мой день. Я лишил светловолосых их главной силы — старого меча Грома! Радуйся, Алликас-хан, это главный шаг на пути к Волшебному Сундуку.

Но хмурился Великий и Светлый.

— Давно слышу твои речи, Саят Могучий. Речи, слова... Ничего больше. Заменят ли они Сундук? — Алликас задумчиво покачал головой.

Улыбка медленно сползла с лица шамана. Взгляд сделался едким и колючим, как высохшие травы, хан даже поежился. Снаружи жутко завывала буря.

— Пятнадцать лет я служу тебе, Великий и Светлый. Хоть раз подвел? Обманул? Не спеши, повторяю тебе. Все наши прежние дела в сравнении с этим — тьма ночная рядом с блистающим солнцем. Не спеши и верь мне, Великий и Светлый. Саят знает, что делает. Недолго уж осталось.

Алликас молчал. Не знал, что и думать. Шаман и впрямь служил ему верой и правдой. За эти годы сколько раз выручал, помогал советом и искусством своим. Но все же...

Молчал Алликас-хан...

Вдруг Саят встрепенулся, прислушиваясь. Телохранители у входа насторожились, почувствовав неясную тревогу. Сжался Алликас-хан, враз стало ему неуютно и неспокойно. Кибитка наполнилась странными негромкими звуками — шорохами, попискиванием. Зашевелились по углам аспидно-черные тени, вразнобой, каждая сама по себе.

Шаман торопливо раскуривал трубку. Приторный дурманящий дым повис в воздухе сизым причудливым маревом. Даже буря, казалось, притихла.

Зрачки Саята расползлись на весь глаз, взгляд затуманился, отрешаясь от всего, что находилось рядом. Алликас знал: в такие моменты шамана лучше не трогать, и раньше всегда уходил, едва Саят начинал шаманить.

Губы Могучего шевелились, произнося неведомые и непонятные слова. Дым плавал в кибитке, скрадывая очертания предметов.

В верхнем углу затрепетал узорчатый ковер; от него вдруг отделилась маленькая, с голубя, крылатая тень. Но это была не птица.

Алликас стиснул зубы и кулаки.

Существо внушало смутную тревогу. Может быть, из-за того, что слегка походило на крошечного человечка? Кожистые, как у летучей мыши, крылья сложились и повисли, словно плащ. Существо было черным, как уголь, лишь выпуклые полушария глаз слабо светились красным.

— Меч! — прошептал Саят и протянул руку.

Уродец-малютка упал на колени и странно, с хрипотцой, запищал. Шаман осторожно опрокинул его на спину, расправил крылья во весь размах. Гневный крик вырвался у него.

Алликас присмотрелся и невольно вздрогнул. Все тело крылатого создания покрывали раны и рубцы; из них сочилась густая темная жидкость. В руке оно сжимало крошечный топорик, сверкающий и острый.

— Меч! — повторил требовательно Саят.

Существо покачало головой.

— Проклятие! Ты же держал его в руках! Шаман вскочил, переполненный яростью. Алликас с некоторым испугом гля-

дел на него. Недолго простоял Саят, сел, взял трубку, медленно затянулся и выпустил плотный клуб дыма.

Хан прищурился. Дым все отчетливее принимал очертания лежащего на спине создания и плавно опускался на него. Саят что-то неразборчиво пробормотал; дым тут же окутал крылатое существо. Маленькая фигурка теперь казалась нереальной, подернутая зыбкой зеленоватой пеленой. Расшитая блестками и бисером шапка шамана прикрыла его; Могучий повернулся к Алликас-хану.

— Урусы всерьез разозлили меня, Великий и Светлый. Клянусь, я натравлю на них демонов, обрушу такие силы, что содрогнется мир, не будь я Саят Могучий!

Глаза его горели бешенством. Кривым булатным кинжалом шаман полоснул себя по пальцу; темная капля крови, не долетев до пола, вспыхнула, превращаясь в НЕЧТО.

Заколебалось неясное марево, и Алликас увидел лес — густой, дикий, непролазный. Могучие деревья-великаны угрюмо шевелили узловатыми сучьями, скрипя и раскачиваясь. Серая птица с большим уродливым клювом сидела не поперек ветки, как все птицы, а вдоль, и пристально глядела на Саята. Было в птице что-то жабье.

Хан оцепенел от всего этого. Захотелось стать маленьким и незаметным.

А буря крепчала.

Как долго Вишена валялся в беспамятстве — трудно сказать. Когда он очнулся, голова гудела, ровно колокол. Руки-ноги ломило, саднили царапины, тупо болели синяки и ушибы. За последние два дня ему здорово досталось; хотелось упасть на что-нибудь мягкое и долго не вставать. Но прежде — напиться воды из ключа, студеной, хрустально-чистой, вдоволь, досхочу.

Стиснув зубы Вишена поднялся. Все тело заныло, но Пожарский старался не обращать на это внимания. Огляделся. Что за чудеса?

Раньше трава казалась ему лесом. Теперь же — кустарником, высоким редким кустарником. Сам Вишена стал больше, но ненамного. Совсем недавно жаба выглядела рядом с ним гигантом. Сейчас, пожалуй, Вишена смог бы ее оседлать.

К чему бы это? И где все спутники — лойдяне, венеды, чикмы? Пожарский помнил неудачное нападение на гадюку. Ошеломляющий удар в грудь, долгий полет затылком вперед. Вспышка, и вслед за ней — сплошная бездонная чернота. Но подрос-то отчего? Тарус говорил, что нужно убить жабу да гадюку, тогда и станут они вновь нормальными людьми, а не коротышами. Что же, выходит, не убили ее? Или не так это сделали, как следовало? Чародей сказывал, непременно рубиновым мечом надобно... Стоп! Меч! Где мой меч?

Клинок валялся позади него на земле. На гладко отполированном металле плясали солнечные блики, прорываясь сквозь густую листву. Вишена облегченно вздохнул и потянулся к своему оружию.

Резкий удар по шее швырнул его наземь. Вишена упал, перекатился и проворно вскочил на ноги.

Противник был одного роста с ним. Только черный весь: и кожа, и мешковатый плащ, отороченный снизу неровной бахромой. Человека он лишь напоминал. Голова, руки, ноги. Глаза огромные, красные, навыкате, точно у стрекозы. Носа нет вовсе. Уши круглые, стоячие, как у старого кота. Пасть, полная мелких треугольных зубов. Руки мускулистые, совсем человечьи, пальцев, правда, всего четыре, по крайней мере на правой, которой этот тянулся к мечу. Его, Пожарского, мечу.

— Ах ты, погань!

Молодецкий удар обрушился на чужака, ничего худого не подозревавшего, опрокинув его на бок.

Вишена сомкнул пальцы на шершавой рукояти меча и сразу почувствовал себя много лучше. Изумруды заметно тлели, предупреждая об опасности.

ЭТОТ оправился быстро. Вскочил, обнажил странные свои зубы и... зашипел. Не так, как змеи. И не так, как рассерженные кошки. Иначе. Будто сказал что-то.

Вишена неотрывно глядел ему в вытаращенные глаза. А тот вдруг выхватил откуда-то из-под плаща ладную секиру, замахнулся...

Пожарского спасла реакция. Остро отточенное лезвие с воем рассекло воздух в пальце от уха и чудом не задело плечо. Меч тут же взвился и пал на чужака, но тот успел заслониться древком секиры.

Они застыли друг против друга, напряженные, внимательные, выжидающие. Всего на миг.

Крик и громкое шипение раздались одновременно. Вздулись тугие бугры мышц, гулко зазвенело железо. Воздух разваливался на причудливые ломти от стремительных ударов. Бойцы сталкивались нос к носу, зрачок в зрачок, и отскакивали в стороны.

Чужак владел секирой отменно. Вишену спасало лишь то, что он часто сходился со Славутой-дреговичем, докой по этой части, зная все уловки да хитрости назубок. А противник, видать, не первый раз сражался против меча и галок тоже не ловил.

Увернувшись от секущего бокового удара, Пожарский резко рубанул мечом сверху. Чужак отскочил, взяв секиру двумя руками. Еще раз, с вывертом, справа налево! Меч ткнулся в подставленное древко, чужак вытянул руки. Ага, открылся. На, получай, прямо в твои поганые зубы!

Вложив всю силу, Вишена ударил ногой. Противник опрокинулся, но секиры не выпустил. Перехватив меч в обе руки, Вишена навис над ним, но рубанул лишь землю. Откатиться успел, гад!

Покуда Вишена оборачивался, чужак вскочил, впившись в него взглядом, и замер, сжимая свою секиру.

Лишь теперь Вишена заметил крупный изумруд, вправленный в сверкающий металл вражьего оружия.

А чужак, прижав уши, вдруг прыгнул, черный его плащ развернулся, наполнился воздухом и оторвал своего хозяина от земли. Тонкие кожистые крылья расправились, чужак взмахнул ими, ловко кувыркнулся в полете... Не готовый к такому повороту событий, Вишена получил с размаху ногами по затылку, не успев защититься или отпрыгнуть.

Свет померк, земля рванулась навстречу, Вишена, нелепо дернув руками, рухнул, а его изумрудный меч взвился ввысь, слабо вращаясь. Чужак ловко развернулся в полете, скользнул легко, будто стриж, и поймал его свободной рукой.

Пожарский нашел в себе силы приподняться и взглянуть наверх.

Крылатая фигура на миг застыла, четко выделившись на фоне неба, воздев руки, одну с секирой, другую с добытым ме-

чом, и торжествующе зашипела. А в небесной синеве вдруг ясно прорисовалось смеющееся раскосое лицо со зрачками во весь глаз. Вот кому чужак показывал меч!

Вишена в отчаянии упал на спину. Как же теперь, без меча-то?

В тот же миг нечто невообразимо огромное ударило чужака, бросив его в переплетение сочных стеблей. Кувырком, как подбитого ястребом тетерева. Упругие черные крылья сухо шуршали, задевая за листья.

Чужак выронил меч; узкий клинок нырнул острием вниз, падая прямо на Вишену. Тот дернулся из последних сил. Успел: меч воткнулся в рыхлый чернозем, слегка оцарапав Вишене бок.

Казалось, вздрогнула и закричала сама Макошь, Мать-сыра земля.

— Что за птица такая? — раздался громовой голос откуда-то из поднебесья. С хрустом смялась трава, и рядом с Вишеной опустился гигантский сапог.

— А это что за птица? — Тот же голос.

— Вишена-а! Пожарский! Ау-у-у!.. — Это уже донеслось немного сбоку.

Вишену подхватила громадная рука и подняла, казалось, к самому Яриле-солнцу.

Возникло бородатое лицо размером с терем. Но это был не Ярило.

— Боград, — сказал Вишена устало, — это ты, Боград...

— Тарус! Боромир! Подите-ка сюда!

Они искали пропавших Пожарского и Яроша второй час, когда Боград невзначай сшиб коленом диковинную черную птицу. Он и рассмотреть-то ее толком не успел, птица канула в траву, поминай как звали; а под ногами Боград увидал маленького человечка. Рядом с ним из земли торчал крохотный меч.

Первое, что подумал Боград: еще один знак. Такой же, как сбросила Вишене крылатая неведомая тварь.

Тут Боград вспомнил, что «птица» сегодняшняя более напоминает летучую мышь. Случайно ли? Там летучая мышь,

только огромная и ночью, здесь нечто похожее, но — маленькое и днем. И еще меч. Неужто снова рубиновый?

Ан нет, на мече искристыми точками зеленели изумруды. Это Боград подбодрило, и он решительно протянул руку к неподвижному тельцу. Приготовился увидеть себя, все еще думая о знаке. Увидел же Вишену Пожарского.

— Вот тебе и знак! — пробормотал венед удивленно. На зов уже спешили чародей и Непоседа, да и остальные поворотили головы.

Вишена был жив, пищал что-то тоненьким голоском, сидя на ладони, размахивал ручонками. Надо же, чуть выше среднего пальца...

Подоспели Тарус с Боромиром. Чародей сразу все понял, едва взглянув венеду на ладонь; Непоседа с надеждой на него взирал.

— Вот оно что... — молвил чародей тихо. — Коротышом наш Пожарский остался.

— С чего бы это? — спросил Боромир. — Колдовство?

— Похоже. Смотри, Непоседа, он больше, чем мы были, когда с жабой да гадюкой рубились. Но мы-то сами собой стали, а он — гляди...

— Ну?

Чародей задумался:

— Опять сила какая-то нами вертит. Ох, не к добру это, не к добру!

— Может, Базун снова? — спросил Боромир, машинально поглаживая рукоятку своего меча. — Постой! — воскликнул. — А меч-то его где? Меч изумрудный?

Боград разжал другую ладонь. Меч-малютка заблестел на солнце.

— Вот!

Боромир обнажил свой клинок и взял его обеими руками, сравнивая.

— Он! Какой, однако, крохотный...

Изумруды вдруг засветились, но иначе, чем обычно. Свет исходил не из глубин каменьев, а возникал вокруг них; сами же они оставались темными.

Тарус вдруг стремительно протянул руку и взял меч Пожарского двумя пальцами, словно булавку. Глянул на Боро-

мира, на Боград, на Вишену-коротыша (тот стоял на коленях, держась руками за полусогнутый большой палец венеда), на спутников, кольцом сомкнувшихся вокруг.

— Ну, изумруды, выручайте, — сказал чародей со вздохом и коснулся махоньким камешком на гарде малютки изумруда Боромирова меча.

На миг потемнело солнце. Зеленоватый свет залил все вокруг. Рука Борада рванулась вниз под чьей-то тяжестью, словно ее задело падающее бревно.

В людском кольце находились четверо: Боград, потирающий ладонь левой руки о колено; Тарус и Боромир, каждый с изумрудным мечом; и еще Вишена, растянувшийся на траве.

Издали донесся тягучий раскат грома. С востока ползла косматая темная туча.

— С возвращением, Вишена, — улыбнулся чародей и помог ему подняться. Путники обрадованно загалдели, видя, что Пожарский жив, хоть и потрепан, и даже улыбается в ответ. Первым делом Вишена взял свой меч, оглядел его восхищенно и сказал:

— Спасибо тебе, друг верный, за службу! — поворотился к побратимам. — И вам, люди добрые, спасибо!

И поклонился в пояс.

Его хлопали по спине, плечам, ерошили русые кудри. Тарус пережидал, когда все это закончится, чтобы порасспросить витязя, ибо тому нашлось бы, что поведать.

Растянувшись цепочкой, стали обшаривать лужайку в поисках Яроша. Вишена на ходу рассказывал:

— ...меч мой был ему нужен, твари распроклятой. Уж почти одолел его, а он возьми и взлети, окаянный. Нежданно, я и сообразить не успел ничего. Кабы не Боград...

Тарус слушал, одновременно внимательно глядя под ноги.

— Не похож ли этот красноглазый на тварь, что знак тебе в Черном подбросила?

Вишена уверенно замотал головой:

— Нет, чародей. То была просто летучая мышь, огромная только. А этот боле на человека смахивает, даром что черный. Шипит по-своему, будто разговаривает. Руки у него почти как у нас, четырехпалые, правда. У летучих мышей рук нет — кры-

лья. У этого же крылья на спине, висят, ровно плащ. А уж секирой как махает, будь здоров! Не хуже Славуты.

Чародей хмыкнул. Вишена размышлял, не забыл ли он ненароком чего поведать. Словно кололо что-то: «Забыл, забыл...» Что-то важное. Но что?

И вдруг его осенило:

— Тарус!

Он даже остановился. Стал и чародей, и Непоседа, и остальные.

— Самое главное я и не вспомнил доселе!

Все молча внимали.

— На секире у него изумруд! Я видел!

У Таруса расширились глаза. Похоже, он здорово испугался.

Яроша так и не нашли, сколько ни искали. Канул венед во мрак колдовских напастей вслед за Светозаром. Каждого грызла одна и та же мысль: «Кто следующий?» Схватившись с темными силами, не приходилось уповать на их милость. Три напасти — три потери... Чудом Вишену вызволили, изумрудам спасибо. Однако нечисть долгов не любит. После четвертой напасти недосчитаются двоих — Тарус знал это наперед. И наверняка следующий удар будет точнее: целят в семерку, отмеченную изумрудным мечом. Тарус, Вишена, Боград, Боромир, Тикша, Славута, Соломея... Кто?

Гром гремел все ближе, стоило уйти подальше в лес. Кому охота мокнуть? Путники бойко вышагивали по тропе, надеясь, что Ярош жив, просто потерялся. Но в это верилось с трудом.

Раскаты грома звучали беспрестанно; свинцовая туча заволокла уже полнеба. С востока надвигалась буря.

Глава 11
ЛЕС

Даже в Черном Вишена не влезал в такую чащобу, а уж Черное-то приходилось не раз пересекать. Ветер истошно завывал где-то вверху, в густом переплетении корявых узловатых сучьев. Свет едва пробивался сюда, в мир коварного по-

лумрака; оживали густые бесформенные тени, и рука сама хваталась за рукоять меча. Многолетний слой перепревшей листвы глушил все звуки, изредка только звонко хрустела сухая ветка под ногой кого-нибудь из путников. Коренастые силуэты дубов-исполинов, раскинувших могучие руки-ветви, напоминали мрачных великанов, исподтишка взирающих на вереницу людей.

Буря бушевала два дня, и за это время ни одна капля не упала с неба на землю. Грома и молний хватило бы Перуну на целый год, а вот дождь так и не пошел. Оно к лучшему, конечно, зачем лишнее купание? Но странно все же, непривычно — как без дождя?

После они шли, дней десять, не меньше, все по той же чащобе. Боромир хмурился и часто поглядывал на невозмутимого Таруса. Каждый из путников понимал: много прошли, давно уж должны оказаться в дулебских землях, где к югу начинаются бескрайние ковыльные степи, а на западе виднеются горы. Лес и не думал кончаться.

Никто не жаловался. К чему? Однако долгое ожидание новой беды основательно измотало всех. Нервы напряглись до предела.

День сменялся днем, но ничего не происходило. Вернее, все выглядело так, будто ничего вокруг не происходит. Вишена давно заметил, что неподалеку от них беспрестанно шныряют козодои, перепархивая с ветки на ветку. Птица эта скрытная и малоприметная, дневной свет не любит. Неспроста, выходит?

Вишена поведал это Тарусу, тот лишь усмехнулся в ответ и погрозил пальцем: молчи, мол! Усмешка вышла печальная. Позже Пожарский понял, что козодоев видят и Боград со Славутой, однако помалкивают. О-хо-хонюшки, ведь три напасти всего-навсего одолели, три из семи!

«Ладно, — возразил себе Вишена. — Выдюжим и с остальными справимся! Недаром с нами Тарус-чародей да Боромир-Непоседа! Да и прочие не лаптем щи хлебают, руки-ноги на месте, головы ясные тоже...»

Полумрак непролазной чащобы густел, уступая место все более глубокой тьме. Надвигалась ночь. Путники расположились у трех костров, неохотно переговариваясь приглушенны-

ми голосами. Нарушать бездонную тишину здешних лесов почему-то совсем не хотелось. Припасов у них почти не осталось, а дичи в этой глуши днем с огнем не сыщешь...

Великаны-деревья окружали людей, что сидели у колышущегося пламени костра. Казалось, глядят они с неодобрением, хотят отойти подальше, да не могут и потому лишь топчутся на месте, нехотя подбирая узловатые корни, негромко поскрипывают, словно жалуются.

Вишена сидел у огня и жарко горящие изумруды на мече увидал не сразу. Боромир в это время переговаривался с Тарусом и на свой меч не глядел.

«Начинается!» — понял Вишена и вскочил.

Ему показалось, что на плечо обрушилась скала. Тяжело завалившись набок, Вишена глянул вверх — над ним нависала, слегка покачиваясь, толстенная ветвь дуба.

Сбоку кто-то удивленно вскрикнул; усиливался скрип. Люди вскочили с мест, сомкнулись плечом к плечу и застыли кольцом, ощетинившись мечами.

Деревья ожили. Издавая глухие неприятные звуки громадные дубы окружили Боромиров отряд и наступали на него, протянув темные морщинистые руки-сучья. В величавом неторопливом движении угадывалась скрытая неодолимая мощь.

— Уворачивайтесь от них! — крикнул Тарус звонко. — Раздавят!

На темных высоких стволах тускло замерцали неправильные пятна с ладонь величиной — точь-в-точь глаза! Среди качающихся ветвей, неслышно хлопая мягкими крыльями, замелькали большие совы. Их крик зазвучал громко и зловеще. Защелкали крючковатые клювы, растопырились когти-кинжалы, готовые впиться в живую трепещущую плоть.

Отряд рассыпался. Воины уклонялись от ветвей, те двигались не слишком быстро, но вот закричал от боли Тикша — кривые совиные когти вонзились ему в плечо. Птицу-бестию тут же разрубила надвое Соломея. Куртка Тикши быстро пропитывалась кровью, рука бессильно повисла.

Могучая ветвь опрокинула наземь Бояна-чикма. Дементий и Акила напрасно рубили ее мечами, клинки глубоко втыкались в плотную древесину, но вреда, похоже, не причиняли.

Славута нырнул, спасаясь от такой же ветви, выпрямился и проворно сшиб под ноги пеструю сову древком своей лунной секиры.

Боромир, щурясь от яркого света изумрудов, отмахивался от толстого медлительного дуба. Изумрудного меча дерево старательно избегало. Непоседа не замедлил предупредить об этом Вишену. Не зря: тот изловчился и мигом отрубил толстый, с руку, сук, почти без усилий, словно шею гусю.

Плясало пламя костра, под ногами мелькали причудливые живые тени, шевелились со скрипом дубы, метались совы с горящими, словно угольки, глазами, отблескивали сталью узкие серебристые клинки...

Отрубленные сучья падали на прелую листву, начинали извиваться и скоро превращались в больших черных змей. К скрипу, воплям сов и хриплому людскому дыханию добавилось громкое шипение.

— Змеи! Под ноги, под ноги зрите!

Боград размахивал пылающим факелом, истошно крича:

— Огнем! Огнем их, окаянных!

Факелов стало больше; один дуб даже вспыхнул, оглушительно затрещав.

— Так, други! Так их!

— Э-эх, ма!

Факелы полетели веером, огонь принялся весело пожирать окружившие людей деревья. Дым поплыл ввысь, разгоняя сов и затмевая проглянувшие звезды. За первым рядом горящих дубов зашевелился, казалось, весь лес.

— Уходить надобно, чародей! Сомнут, затопчут! — закричал Боромир. Но куда уходить-то?

Тарус, услыхав это, замер на миг, словно ухватил за хвост какую-то важную, готовую сбежать мысль.

— А ведь уйдем, Непоседа!

Пожар входил в силу, разрастался, пламя прыгало с дерева на дерево, и пошло, и пошло пластать... Отряд остался в кольце сплошного огня.

Из самого пламени вынырнула небольшая птица и свечой взмыла ввысь, исчезнув из виду. Где-то далеко зло засмеялся раскосый печенежский шаман, но его здесь, конечно, никто не услышал.

— Сюда, други, все сюда! — с надрывом закричал Тарус. За спиной его ясно виднелось на фоне языков пламени засохшее деревце ростом с человека, раздвоенное на верхушке. Знатная получилась бы рогатина, не засохни оно раньше времени...

Огонь громко гудел, и Тарусова заклинания никто не расслышал, видели только, как зашевелились губы чародея. Пожар торопился сомкнуть кольцо и сожрать попавших в плен людей.

Одним сильным ударом Тарус разрубил деревце надвое, сверху до самого комеля; в открывшуюся щель хлынул яркий солнечный свет. Там был день, там была степь, там было опасение.

— Туда!

Боромир шагнул первым, раздвинул половинки дерева, словно входил в басурманский шатер, и исчез там, в слепящем дневном свете.

— Споро!

Один за другим путники покидали горящий лес, вырываясь на свободу, в ровные, будто пол в избе, степи. Последним ушел Тарус. Сделав шаг, он обернулся. В узкой клиновидной щели виднелась неистовая пляска огня и темное ночное небо.

— Все? — спросил он.

Переглянулись: не хватало Бояна. Боянов клинок сжимал Дементий, и в глазах его плясала холодная ярость.

Чародей произнес заклинание и взмахнул мечом, словно собирался срубить этот волшебный клин-ход под корень, как молодую березку.

Щель исчезла, как и не было. О лесе и пожаре напоминал лишь слабый запах дыма. Вокруг раскинулась степь, и они знали: там, на западе, — горы, а в горах ждут не дождутся драгоценные Книги.

Боромир вытер опаленное лицо и счастливо обратился к Тарусу:

— Вырвались, чародей? А? Не могу поверить! Четыре небось?

Тарус отрицательно покачал головой, указывая на рубиновый меч в руке Яра. Со времени поединка с гадюкой клинок не уменьшился ничуть.

Соломея перевязывала плечо Тикше, тот скрипел зубами и терпел. Боград со Славутой склонились над ним, подбадривая.

Вишена тронул Таруса за руку:

— Где мы, чародей?

Тарус ответил не сразу, на секунду задумался:

— Думаю, в дулебских землях, Пожарский. Надолго ли?

— Уведут?

Покачал головой задумчиво:

— Кто знает? С четвертой напастью-то еще не покончили...

Рядом неслышно возник Боромир:

— О чем толкуете?

Лесные жители неуютно чувствовали себя посреди голой степи. Порешили немедля уходить к горам.

Тарус, Вишена, Боромир и Боград с Роксаланом держали совет прямо на ходу. Позади них вышагивал Славута-дрегович, но молча, не вмешиваясь в разговор.

— Трижды избавлялись мы от напастей. Сколопендра, жаба да гадюка. Стало быть, надобно Яру убить козодоя.

— Дак где же он, козодой-то?

— Прилетит, не замешкается...

Некоторое время все молчали. Наконец Боромир негромко молвил:

— Раз от разу труднее тварей нечистых одолевать.

— Почему же? — не согласился Роксалан. — Гадюку живо хлопнули, быстрее, чем сколопендру.

Тарус криво усмехнулся; Боромир пояснил:

— Кабы не Соломея со своей свистулькой, кормили бы уже ворон...

Роксалан притих.

— Есть тут еще одна странность, — сказал вдруг чародей. Боромир глянул на него:

— Сказывай!

— Свистульки те, знамо, не простые, заговоренные. Да только не против змей.

Все стали будто вкопанные.

— Как так? — молвил за всех Роксалан. — Против кого тогда?

Тарус задумчиво глядел в небо:

— Бериллы, что в них вправлены, это каменья жабы.

— Жабы? Мы ж ее и так... того...

— Постойте, — перебил Боромир, — почему жабы? Что, у зверей есть свои каменья?

Тарус кивнул:

— А как же! У орла — сердолик, у медведя — аметист, у барана сапфир...

— А изумруд чей? — выпалил Вишена.

— Изумруд — скворцов камень. Вот только рубин ничей.

— Ладно, — кивнул Вишена, — ну а змеиный камень?

— Яшма или гранат.

— Бериллы тогда к чему?

— Сам не уразумею, — развел руками Тарус. — Не сходится тут что-то.

«Последнее время чародей стал часто говорить «Не знаю». Раньше такого с ним не бывало», — подумал тревожно Вишена. Правда, вопросы стали посложнее...

— Но ведь свистулька имеет вид змеи, так, чародей?

Их уже почти нагнали остальные путники, и пришлось шагать дальше.

Никто не видел, как позади всех невесть откуда вынырнули четыре всадника на крупных черных волках. Ветер развевал отливающие металлом плащи.

Волки негромко зарычали, и путники обернулись. Во всадниках Вишена сразу узнал родичей крылатого воина с изумрудом на секире.

— Кто это? — прошептал Боромир, обращаясь к Тарусу.

— Почем я знаю? Сроду таких не видывал.

На всякий случай взялись за мечи.

Всадники подъехали вплотную. Размерами они не уступали человеку, а вот волки их черные были куда крупнее своих лесных сородичей. Один из крылатых заговорил, тихо, с пришептыванием:

— Оттайте свои меши...

Боромир неодобрительно смерил их взглядом. Волки свирепо обнажили белоснежные клыки и снова зарычали. Звери, конечно, матерые, но их-то всего четверо!

— Ну, возьми, коли сможешь! — сказал Непоседа вызывающе и сделал шаг вперед.

Крылатые мигом соскочили на землю и застыли в боевых стойках, взметнув сверкающие секиры. Рядом с Боромиром плечом к плечу стали Вишена, Тарус и Боград.

— Осторожнее, они летают, — предупредил побратимов ученый Вишена. — Ловкие, ровно кошки.

— Погодите, — вдруг выступил вперед Славута. — Дайтека я, други. Поглядим, чья секира лучше. — И сжал покрепче дреговичсвою лунную подругу.

Трое крылатых отошли к черным, как ночь, волкам, четвертый остался на месте, не изменив позы. Вишена неотрывно глядел на его оружие. Точеное ладное древко, сверкающий острый металл. И кроваво-красный рубин, вправленный в это великолепие. Рубин, а вовсе не изумруд. И у остальных троих тоже рубины.

Вишена обернулся к Тарусу, перехватил быстрый взгляд чародея и понял, что тот все видит.

С криком сшибся Славута с крылатым. Напряглись мышцы, заработали руки-ноги, замелькали секиры, зазвенела сталь. Противники ни в чем не уступали друг другу: ни в силе, ни в быстроте, ни в умении. А Славута никогда еще не бывал бит, даже Боромир иногда не выдерживал его бешеного натиска, а уж Вишене сколько раз доставалось...

Крылатый, тщетно пытавшийся одолеть дреговича, застыл, тоже невредимый и снова тихо промолвил:

— Ты шильный воин, ты тоштоин таже пыть отним ис наш, но ты умрешь, шеловек!

Славута усмехнулся:

— Не говори «Гоп»...

Они вновь сшиблись. Боромир негромко сказал Тарусу:

— Что делать-то будем, чародей? Вона, звери у них какие... Сожрут, не пикнешь...

Тарус не успел ответить. Крылатый вдруг отскочил от Славуты.

— Штой!

На дреговича он боле не глядел. Выпуклые красные глаза его обратились к Яру, стоящему вместе со всеми. Солнце играло на рубине Ярова перстня, кровавые лучики бегали по рукояти его меча.

Крылатый переводил взор с перстня на гарду и всюду видел рубины. Трое его спутников незаметно оказались подле

предводителя; секиры их исчезли под плащами-крыльями. Как по команде стали они разом на правое колено, прошипели что-то по-своему, затем споро вскочили на ужасных своих волков и пропали. Просто пропали, и все. Только необычные узкие следы остались в пыли.

Ошарашенные путники молча хлопали глазами, не веря себе. Вишену больше всего поразило, что странная четверка совершенно их не опасалась, будто они не умелые воины и нет у них оружия.

— Чародей, что за диво?

Все поглядели на Таруса, а тот как-то странно всматривался в пустоту справа от себя, словно видел там нечто.

— Что такое, Тарус? — спросил Боромир беспокойно.

Чародей вдруг стремительно прыгнул к Яру, схватил его за руку, поверх ладони, сомкнутой на рукояти рубинового меча. Клинок молнией рассек степной воздух.

Прозвучал крик, не поймешь чей, звериный или человечий. Чистый блестящий меч вдруг обагрился кровью, людям под ноги невесть откуда упал разрубленный надвое козодой.

Яр ошарашенно глазел на все это, не веря, что видит плоскую широкую голову убитой ночной птицы. Стало тихо, доносились только переливчатые трели жаворонков откуда-то из поднебесья да стрекот кузнечиков в траве.

Путники переводили взгляд с мертвой птицы на меч, а Тарус вдруг тяжело и неловко рухнул лицом вниз, отпустив Яра. Жиденький кустик ковыля жалобно захрустел. Нечисть сравнивала счет.

Ярило-солнце равнодушно взирал на все это с высоты.

Глава 12
ПЕЩЕРЫ

Селение первым заметил Мурмаш.

— Хо! Глядите, други! Я знаю это селение. Болоной зовется.

Позвизд и Заворич остановили дружину. Они тоже знали это селение и хозяев его — дулебов. Приходилось здесь бы-

вать. Давно, правда, еще с отцом Боромира. Прочные, серые от времени, деревянные стены-заплоты мало изменились с тех пор.

Долго стучать в окованные медью высокие ворота не пришлось. На стенах появились хмурые стражники.

— Кто будете, путники, да с чем пожаловали?

Вперед выступил Заворич:

— Мир вам, мир Болоне. Скажите своему правителю Радогору-Решму, что дружина Боромира-Непоседы стоит у ворот и просит гостеприимства.

— Что-то не видно среди вас Боромира! — недоверчиво сказал один из воинов-дулебов.

— Ты прав, храбр, нет с нами Боромира. Но Радогор знает меня. Я — Заворич-Пажанин. И еще скажи, что Позвизд из Лежи здесь же.

— Ждите!

Недолгим было ожидание, вскорости на стену поднялся сам Радогор-Решм.

— Гей-гей, Заворич, ты ли это? Поклон тебе, старый лис! И тебе, Позвизд!

Ворота уже открывались, дружина втянулась в них словно улитка в раковину. Радогор спускался со стены по узкой приставной лестнице.

— Лумич, Ком! Позаботьтесь о ратниках! Чай, притомились.

Заворич с Позвиздом ждали правителя Болоны внизу у ворот и улыбки их походили на веселый молодой месяц, тот, что к сухой погоде, рожками вверх.

— Здорово, витязи!

Витязи убедились, что Радогор хоть и сед стал ровно лунь, да не слаб по-прежнему. Он повел их в терем. Мурмаш, Похил и Брячеслав направились туда же.

— Где же Роксалан, Боград? А сам-то Боромир-Непоседа? — допытывался, усмехаясь в белую бороду, Радогор. Все расположились в просторной гридне на резных приземистых лавках. Румяные дулебские девки споро накрывали на стол.

— Рад вам, витязи, так, что и сказать не могу!

Заворич переглянулся с Позвиздом. Радогор и впрямь выглядел так, будто они — спасение. Но от чего? Или от кого?

— Что стряслось, Радогор? Аль ворог какой рядом?

— О том и толкую, други! Не поверите. Намедни вражья дружина к Болоне вышла. Белым днем, не кроясь. Думали — попотеть придется, осадят. Ан нет, потрясли оружием, да и мимо протопали. К озерам.

— Кто такие? — подал голос Похил.

Радогор поворотился к одному из своих молодцов:

— Сарат! Ступай, приведи Ольшана и Щигра. Да поживее!

Спустя минуту в гридну, запыхавшись, ввалились два молодых хлопца. У старшего под глазом красовался обширный синяк, посаженный умелой рукой.

— Их чужаки в лесу сцапали. Порасспросили, да и прогнали прочь, не тронув, — объяснил Радогор. — Ну, сказывайте!

Хлопцы поотдышались, взглянули друг на друга нерешительно; после старший, Ольшан, молвил:

— Мастер в лес нас послал вчера... бор-корень искать. Вдруг слышим: голоса, и говорят не по-нашему. Щигр деру хотел задать, да ветками затрещал на весь лес. Эти и налетели как воронье. Глаз вон мне подбил один долгорукий...

Заворич нетерпеливо перебил:

— Кто такие, не смекнули?

Ольшан, не задумываясь, ответил:

— Они звали себя «датами». А ищут, видать, пещеры у озер, о них пытали. Толмач у них такой рыжий, тщедушный.

Заворич с Позвиздом тревожно переглянулись: именно о пещерах поведал им Тарус в Иштомаре. Книги хранятся в одной из пещер неподалеку от водопада, так сказал чародей. И как их отыскать в самой пещере тоже научил.

— Даты пошли туда?

— Да! — сказал Радогор. — Это меня и беспокоит. Селений тут совсем уж вблизи нет, а на Болону даты не напали. Хитрят они что-то, выдумывают. А мы, как на грех, отослали полторы сотни на юг, к Явищу, там просили подсобить. Потому я и обрадовался вашей дружине.

— Постой-ка, Радогор-Решм! Даты ведь северный народ. Набеги они чинят только на побережье, куда могут доплыть на своих ладьях. Как их сюда-то занесло? Не по рекам же? Неужто пехом, неужто, как и мы, Книги ищут?

Радогор о Книгах не ведал, пропустил слова мимо ушей. Его волновала боле всего безопасность Болоны.

— В пещеры они не сунутся, поверьте. Там уж лет пять песиголовцы хозяйничают.

— Кто?!

— Песиголовцы.

Боромировы соратники насторожились. Это слово было им почти незнакомо. Сказывали старые люди о таком народе чудном, так — вроде бы люди, руки-ноги есть, а голова точно у собак. Однако толком никто не мог сказать кто они и что они. Радогор знал больше.

— Они пришли с юго-запада, из-за гор. Поселились в пещерах, и с тех пор нет никому в округе покою. Мы как-то даже уходить отсюда наладились. Сколько селений они сожгли, сколько людей загубили, проклятые, сколько полонили, не счесть...

— Погоди, Радогор. Сперва давай с датами разберемся. Откуда они пришли и сколько их?

Болонич пожал плечами:

— Пришли, думаю, с севера. А сколько — кто знает? Мы видели сотни полторы-две, не боле.

— А Боромир, значит, не объявлялся в ваших краях?

— Нет, Заворич. Не видал я Боромира с самого Северного Похода.

Заворич, размышляя, обернулся к Позвизду, ища совета и поддержки.

— Ну, друже, что делать-то будем?

Позвизд задумался. Плохо, запоздали Боромир с Тарусом. Коли знают даты о Книгах, тогда надобно их опередить во что бы то ни стало. А коли не знают? Песиголовцы еще на нашу головушку...

— Пойдем, — твердо сказал Позвизд.

— К пещерам? — поразился Радогор.

— К пещерам, — подтвердил Позвизд. — И немедля.

Некоторое время все молчали.

— Что ж... — протянул Радогор. — Воля ваша. Однако помните: туда ушли даты и там живут песиголовцы. Сами знаете...

Заворич, Позвизд и их люди встали из-за стола, поблагодарили хозяев за радушие и направились к дружине. Ратнички тоже успели подкрепиться и немного отдохнуть.

Выступили через час. Болона проводила их молчанием, словно отправились они на верную смерть. Заворич вел дружину быстро, без всяких задержек. Пришел вечер, расположились лагерем, отоспались до рассвета, и снова в путь. Горы оставались далекими и недоступными, вольный ветер беспрепятственно гулял по степям. Второй день миновал, поглядели на дружину звезды, убаюкали, да и поблекли под утро на сон ратничков глядючи. С рассветом пошли дальше.

Следы датов искать не приходилось: шагали северяне той же дорогой, прямо к горам, сминая еще не высохшее от летней жары степное разнотравье.

За полдень вышли к озерам. Цепочка небесно-голубых, искрящихся на солнце водоемов открылась взору нежданно, будто выскочивший из засады озорной щенок. Горы все маячили вдалеке, но ровная степь осталась уж позади. Здесь попеременно чередовались холмы, поросшие низким смолистым кустарником, и сонные долины. Тишину нарушало лишь звонкое пение птиц и еще далекий шум водопада.

Дружина споро вышагивала берегом дивного озера. Холодная хрустальная вода еле-еле играла в своем каменном ложе и манила к себе пропыленное уставшее войско.

— Ну что, Позвизд? Пришли, поди?

Позвизд молчал.

— Не иначе, даты уже в пещеры сунулись. Поспешать надобно, друже.

Воины и так едва не бежали. Кто знает, может, не хватит им всего нескольких минут?

Водопада достигли в сумерках. На слух найти его оказалось непросто: гулкое эхо гуляло меж холмов, сбивая с толку, казалось, шум раздается отовсюду. Ратники, растянувшись цепью и беспрестанно перекликаясь, долго бродили окрест, вспугивая зверье. Даты могли их услышать, только если еще не нашли водопад. Если нашли — гул поглотит все звуки и крики. Но датов никто не боялся — сеча так сеча, затем и мечи булатные в руки брали.

Черный зев пещеры обнаружился в скале напротив водопада. Соваться под землю в темноте? Рискованно. Но время-то идет!

— Факелы!

Скоро склон осветился пламенем десятков факелов. Воины вошли в пещеру, сжимая в одной руке меч, в другой — пылающую смолистую палицу. Кустарник у пещеры заметно поредел.

В самой пещере было сухо, вопреки ожиданиям — ни звука капель, падающих сверху, ни луж под ногами. Широкий ход вел вглубь, под землю. Множество летучих мышей, еле слышно попискивая, носилось под сводами пещеры. И следы в мельчайшей пыли, устилающей каменный пол, сотни следов, словно прошагала здесь не одна дружина, не одна рать. Некоторые из отпечатков были странными. Короткие и очень широкие, напоминающие по форме слегка вытянутое копыто.

— Вперед, други! — скомандовал Заворич.

Плотным строем дружина пустилась вглубь, покрывая пыль новым слоем следов. Однако далеко зайти не пришлось. Впереди послышались крики, далеко-далеко, звон мечей и вскоре — топот множества ног.

Звуки приближались; Боромирова дружина стала поперек хода, перегородив дорогу, и заиграли сотни бликов от сотен факелов на сотнях обнаженных клинков.

Эй, бегущие из-под земли, кто бы вы ни были! Воины-храбры готовы вас встретить. Ну, смелее!

Пещеры открылись датам на третий день пути. Осталось позади встревоженное дулебское селение, осталась степь, такая же непривычная северянам, как и непролазные леса. Когда шли мимо озер, Коек-скальд долго стоял у тихо шепчущей что-то воды, а потом догонял вприпрыжку оторвавшихся на сотню шагов датов.

— Знаешь, отчего вода в озерах такая синяя? — спросил он потом Хокана. — Наверное, эта земля лежит ближе к небу, чем наши фиорды. Откуда еще может взяться такая дивная голубизна?

Верворт, Огрис, Магнус-силач рассмеялись. По-доброму, без обиды. Ведь рыжеволосого выдумщика-скальда все любили. Хокан тоже улыбнулся. Фантазер!

Водопад первыми увидели воины Стрида. Скоро все даты собрались у нужной пещеры — Бролин указал на вход как на цель похода. Йэльм недолго разглядывал ее.

— Милостив Один, Отец асов! — сказал ярл воинам. — Осталось войти и взять волшебный ларец. Говорили трусливые южане о полчищах хунткоппов, живущих в пещерах — где же они? Попрятались, завидев настоящих воинов? Не будем же ждать. Вперед, даты! И поступайте так, чтобы не пришлось потом ни о чем жалеть. Вперед! Хей-я!

— Хей-я-а! — вырвалось из десятков глоток. — Веди, ярл!

Даже рев водопада, казалось, стал тише после боевого клича датов. Блеснул на солнце Медвежий Клык, заискрились изумруды на клинке Йэльма-Зеленого Драккара. Обнажили мечи остальные братья-берсеркеры, Ларс, Свен и Стрид, схватились за оружие воины-даты.

— Бролин, указывай путь! — велел ярл.

Внук колдуна с факелом в руке нырнул в черноту пещеры; за ним последовали остальные.

— Хей-я-а-а!

Вспугнутые летучие мыши, гроздьями висящие под каждым выступом и в расщелинах, пищали, взмывали в воздух, перечеркивая спертые сумерки тоннеля, уводящего вниз, под землю. Бролин уверенно шагал в глубь хода, увлекая за собой воинов.

Но напрасно так презрительно отозвался Йэльм о собакоголовых. Не знали даты о том, что два хунткоппа идут вслед за ними от самых озер, прячась в низком кустарнике и не выдавая себя ни звуком. Зоркие их глаза цепко следили за вереницей воинов, ни на минуту не отвлекаясь. Не успели даты исчезнуть в разверзнутой бездне пещеры, собакоголовые проворно спустились с холма и разделились: один последовал за датами, второй отправился на запад, к сородичам.

А даты уходили все дальше от солнца, от дня, в давящую глубину пещеры, ведомые Бролином и Йэльмом. Ход то сужался, и тогда низкий свод нависал над самыми головами, то вдруг стены разбегались в стороны и даты оказывались в просторных каменных гротах. Колеблющееся пламя факелов выхватывало из темноты старые выщербленные каменные сосульки, выросшие некогда и с потолка, и с пола, лица датов, темные стены пещеры.

Бролин и секунды не задерживался на развилках, словно провел в этом подземном лабиринте всю жизнь и дорогу зау-

чил намертво. Даже Йэльм не знал, что колдун и внук колдуна уже не раз проделал этот путь, наученный своим дедом Расмусом. Правда, подземелье старый колдун чертил кинжалом на земле, а Бролин потом показывал, как хорошо он научился ориентироваться в нем. Научился еще там, дома, в Лербю-фиорде.

Воздух сделался тяжелым и неподвижным, ход становился все уже, и вот всего по трое в ряд вынуждены идти даты. Тоненькой ниточкой змеился ход в толще камня, забираясь все глубже и глубже под землю. Тихо было здесь, лишь слабо струилась пыль под ногами воинов, да шипели и плевались искрами смолистые факелы.

— Пришли, Йэльм-ярл, — вдруг сказал Бролин и остановился.

Все четверо братьев-берсеркеров огляделись. Ход вел дальше, в плотную непроглядную черноту подземелья; с боков цепочку датов стискивали каменные мрачные стены, бугристые и неровные. Йэльм пристально взглянул на колдуна. Тот криво улыбался, изучая одну из стен.

И тогда Йэльм-Зеленый Драккар понял, что справа от них вовсе не монолитная стена пещеры. Кладка, старая каменная кладка, серая от времени, покрытая толстым слоем пыли и грязи. За ней, видимо, и хранил Мунир-ворон свой волшебный ларец.

Даты застыли, вслушиваясь в бездонную тишину подземелья.

— Что скажешь, Бролин? Как ее сломать?

Колдун ощупывал руками шершавые камни кладки.

— Позволь, ярл? — выступил вперед великан Магнус, сжимая тяжелую боевую секиру. В неверном свете факелов его могучая фигура, состоящая, казалось, сплошь из тугих бугров мускулов, напоминала такой же твердый неподатливый камень.

— Не спеши, Магнус, — отозвался негромко Бролин, — не стоит мериться силой с асами.

Колдун вдруг нащупал что-то только ему ведомое, надавил на один из камней, и тот провалился внутрь, оставив в стене небольшую овальную дыру. Вторую глыбу голыми руками выворотил Йэльм.

— Факел! — потребовал он.

За стеной притаилась небольшая квадратная пещера. Пол, потолок и стены ее были умопомрачительно гладкими, словно хорошо накатанный лед; в них отражался свет факела. И ни пылинки нигде. В центре стоял прямо на полу небольшой, отливающий черно-фиолетовым ларец.

— Во имя Одина, Отца асов! Мы достигли цели!

Бролин и братья-берсеркеры глядели на ларец словно завороженные. Остальные даты толпились поодаль, не смея приблизиться. Приглушенный шепоток пополз к тем, кто не мог видеть происходящего.

Йэльм вывоpотил еще один камень из кладки.

— Магнус!

Могучий дат вмиг оказался рядом. Ярл кивнул в сторону ларца. Магнус бросил быстрый взгляд на Бролина — тот согласно кивнул — и, согнувшись, нырнул в чудную квадратную пещеру. Он ожидал, что гладкий отполированный пол окажется скользким, но это было не так. Магнус присел у ларца, внимательно рассматривая его. Тончайшая филигранная резьба покрывала ларец полностью, даже две вычурные, но удобные на вид, ручки.

— Возьми его! — приказал Йэльм.

Магнус встал и протянул руки к ларцу. Внутри что-то звонко щелкнуло, и поверх затейливой резьбы с быстротой молнии пронеслись десятки тусклых синеватых искр. Пальцы Магнуса сомкнулись на прохладном металле ручек, и дат вдруг почувствовал себя неизмеримо сильнее. Он ясно понял: ларец не причинит ему зла, по крайней мере сейчас. Откуда бралась эта уверенность, Магнус не понял, да и не пытался понять. Он просто поверил ларцу.

Йэльм уже приготовился принять сокровище из рук Магнуса, как вдруг противоположная стена пещеры с грохотом рухнула и в образовавшийся пролом хлынул свет десятков пылающих факелов. На фоне пролома явственно выделялась фигура высокого воина с длинным узким мечом. Голова у него казалась странной — не круглая, а скорее треугольная, и венчали ее большие остроконечные уши, стоящие торчком.

Ларец мигом оказался у Йэльма, Ларс рывком выдернул из пещеры Магнуса. По сигналу Бролина два воина схватили

ларец, и все даты быстро отступили по своим собственным следам. Они поспешили наверх, к солнцу.

— Арр-роу!

Из дыры, в которую лазил Магнус, ловко выбрались два песиголовца. Факелы датов едва мерцали далеко впереди, в каменном рукаве, ведущем на поверхность. Песиголовцы переглянулись; один из них хрипло прокричал что-то своим сородичам по ту сторону пещеры.

Охота началась.

Даты спешно возвращались. Довольно долго их никто не трогал, хотя чувствовалось, что в многочисленных боковых переходах кто-то шныряет. Ясно слышались похожие на сдавленный кашель крики хунткоппов.

Первая стычка состоялась в большой, напоминающей формой подкову, пещере. Невесть откуда вынырнули десятка четыре собакоголовых и обрушились на датов с яростью снежной лавины. Зазвенели мечи, полилась первая кровь.

Хунткоппы оказались умелыми и беспощадными бойцами. Длинные и узкие их мечи мелькали, словно белые молнии, вспарывая плотный воздух подземелья. Датов было больше, но едва они попытались использовать это, собакоголовые мгновенно отступили и исчезли во тьме одного из переходов. В пещере остались лежать четверо датов и два хунткоппа — им уже никогда не суждено было увидеть солнце.

Так повторялось еще дважды. Песиголовцы появлялись и исчезали во мраке после короткой битвы. Йэльм стал нервничать — не он хозяин затеянной игры и хорошего теперь не жди!

Вскоре на них напали сразу с трех сторон. Несколько сот собакоголовых против полутора сотен датов.

Буря меча, звон железа, крики сражающихся. Помоги нам, Один, помоги верным сынам своим! Сделай руки еще крепче, клинки еще острее! Не покиньте, асы, датов в безумной битве!

— Хей-я-а!

Пламя вспыхнуло в очах берсеркеров, взмыли над головами разящие мечи, сея смерть поганым хунткоппам.

Хокан, Магнус и Верворт ни на шаг не отходили от ларца. Здесь же бок о бок, рука об руку сражались Коек-скальд, и

Огрис, и Харальд, и Матс, и Гунн, и Эспен — все те, с кем Хокан не раз рубил недругов. Плечом к плечу, не отступая ни на шаг.

— Хей-я-а!

— Арр-роу!

Вековая пещерная пыль жадно впитывала пролитую кровь. Одинаково красную. Только в дымном свете факелов она казалась черной. Гулкое эхо металось в каменном мешке и далеко разносилось под землей.

Свистящее дыхание, яростные крики, хрип. Стоны раненых и умирающих. Хунткоппы тоже стонут — поскуливают, как обыкновенные домашние псы. Добивать некогда, руки заняты очередным противником.

— Хей-я-а-а!

— Арр-оу!

Тарус оправился быстро, часов за семь. На немой вопрос Вишены и Боромира, все это время не отходивших от него ни на шаг, он только слабо усмехнулся, не без самодовольства. Подумаешь, углядел и убил тварь в запредельщине! Если кому непонятно или недоступно — что же, место ли ему тогда в окружающем мире? Тарус-то колдун не из слабых, в запредельщину заглядывать научился давно. Правда, кто знал, что козодой оттуда явится... Обошлось, и ладно.

Когда чародей упал, спутники порешили ждать, никуда не двигаясь. Отряхнули его от степной пыли да и расселись кружком. Дышал Тарус легко, без надрыва, и никто не усомнился, что тот в порядке.

Уже к утру следующего дня Тарус обрел способность воспринимать окружающий мир. Боромир не скрывал радости — ведь четыре напасти они сумели преодолеть, а недосчитались пока троих. Рубиновый меч Ярослава превратился в длинный тройной кинжал с большим — полным — камнем на гарде. Увеличился и рубин на перстне, вросшем в палец Яра, но пока он был поменьше размером. Оба камня, несомненно, имели некую власть и силу; покуда они помогали путникам преодолевать напасти, и посему люди видели в них сейчас защиту, но каждый помнил и Рыдоги, нечистью заполоненные, и упыря, что Омутом притворял-

ся, и спутников своих сгинувших — Светозара, Бояна и Яроша.

Да и Яра последнее время стали потихоньку сторониться. Мол, хоть и друг ты нам, да кто знает...

Впрочем, на остальных Яр обращал мало внимания. Вросший в палец перстень с рубином доставлял ему немало волнений. Он уже успел понять, что рубиновый меч имеет свою волю и поступает, как захочет. Совпадает ли она с волей самого Яра — дело другое. Пока совпадает, но говорит ли это хоть о чем-нибудь? Загадки, загадки, кругом загадки! Спасу нет от загадок. Это как раз в духе бесовских вещей, сначала помочь, а потом, когда человек доверится и расслабится, нанести ему сокрушительный удар, от которого уже не оправиться.

Поэтому все ждали Таруса-чародея. Он вернулся, не покинул спутников посреди пути, и те сразу воспрянули духом. Вокруг разлеглись бескрайние дулебские степи, и каждый ждал продолжения. Четыре напасти преодолели путники — сколопендру, жабу, гадюку и птицу-козодоя. Оставались летучие мыши. Как будут выглядеть три последние напасти — кто знает? Тарус надеялся на рубиновый меч и на удачу, поскольку больше надеяться было не на что. Знал чародей, чуял: кто-то чужой все время затевал против них рискованную игру со всяческими каверзами, но до сих пор мужество каждого ратника, знания Таруса и некоторое везение спасало Боромиров отряд.

Отправились они на запад, к горам, пещерам и водопаду. Через неделю пути рассчитывали выйти к дулебскому селению — Болоне, а еще через два дня и к пещерам. Беспокоило многое. И напасти будущие, и загадочные черные всадники на огромных волках, и неведомая, но ясно ощутимая чужая сила, что часто вертела ими, будто ветер тополиным пухом.

Вишена шагал подле Боромира, беседуя с ним, как уже успели привыкнуть путники, прямо на ходу.

— Быстрее бы уж пещеры. Покуда нечисть поганая козней не настроила, не наворотила...

— Черт горами качает! Доберется, где бы мы ни были. Я вот что смекаю: три напасти еще впереди. Сдается, не видать нам Книг, покуда не справимся с ними.

Боромир задумался:

— Летучие мыши... Не в пещерах ли они нас поджидают, а, Пожарский? Пещеры — самое их место.

Задумался и Вишена, устремив под ноги взгляд зеленых своих глаз.

— Может, и так. Увидим, Непоседа. Почаще только на изумруды гляди — небось не подведут. Не то что рубины, не верю я им...

— Дак вроде помогали ж доселе?

— А дальше? Кто знает... На Таруса погляди, Боромир. Издергался весь. Ты помнишь, чтобы дома, в Лойде или Тялшине, он на половину вопросов отвечал «не знаю»? То-то.

Вишена замолчал, разглядывая далекую рыжеватую тучу, клубящуюся над горизонтом прямо впереди путников. Непоседа поразмышлял немного и молвил:

— Разве справились бы мы с козодоями да сколопендрами всякими без рубинового меча? Нет, Вишена, рано хоронить его. Раз уж попал нам в руки, раз уж сечет гадов разных, дело ли бросать, не дойдя до конца? Тарус сказал нам только «четыре». Подождем, пока не скажет «семь», а там — поглядим. Так, мыслю.

Вишена покивал, невольно оглядываясь на Яра. Тот как ни в чем не бывало вышагивал рядом со Славутой и жарко что-то дреговичу втолковывал. Вид Славута имел скептический.

Туча у горизонта клубилась, росла и вроде бы приближалась. Слышался уже и отдаленный гул. Боромир забеспокоился:

— Что там, Пожарский?

Подошел Тарус, приставил к глазам ладонь, вглядываясь вдаль. Подтянулись остальные путники, вытягивая шеи в надежде что-нибудь разглядеть.

— Табун, что ли, дулебы перегоняют? — предположил степняк-Боград, часто видевший подобную картину в исполнении печенежских пастухов.

— Ничего себе табун, — проворчал, приподняв брови, Боромир, — на всю степь раздольную...

Туча все разрасталась, грозя занять полнеба. Гул, до сих пор цельный и непрерывный, распался, перешел в далекий дробный топот, словно на путников и впрямь скакали кони.

— Окстись, Боград, — подал голос чародей, — какие, к лешему, у дулебов табуны? Они ж не хазары и не печенеги.

Это была чистая правда — сроду не держали дулебы больших табунов.

— Затопчут, — сказала вдруг тихо Купава и нервно провела ладонью по лицу.

Несколько пристальных взглядов скрестились на ней — мысль вовсе не беспочвенная.

Вишена в тоске озирался — куда скрыться-то? На горизонте тем временем зачернела узкая полоска — это показались первые скакуны, если там, конечно, кони. Туча все росла и росла вширь; уйти вбок и со стороны поглазеть на несущихся быстрее ветра животных, стало быть, не получалось.

Взоры путников обратились к Тарусу, как всегда полные надежды и веры в его безотказные чары.

— Ну, чародей?

Топот звучал все громче.

— Это не кони, — сказал вдруг глазастый Богуслав негромко.

Боград проворчал:

— Утешил...

— Может, овраг какой, балка? — без особой надежды спросил Роксалан. Какой, в самом деле, овраг?

Отряд рассыпался в поисках спасения, но окружала их лишь поросшая сивыми травами степь-разгуляй. Боград сердито топтал невысокие хрупкие кустики.

— Знаешь, — сказал он зачем-то Вишене, — а ведь черти полынь не любят почище чертополоха. Запомни, может, когда пригодится.

Вишена не ответил. Таков уж Боград — станет молоть незнамо что и у черта на сковороде. Хоть с полынью, хоть без.

Топот нагонял, несмотря на то что люди мчались во весь опор. Кто бы это ни был, резвостью коням он ничуть не уступал. Оставалось надеяться только на чудо.

— Эй, глядите! — вскрикнул вдруг Тикша.

Невдалеке застыла высокая белесая фигура с посохом в руке. Длинную седую бороду шевелил знойный полуденный ветер. Фигура, казалось, была соткана из редкого клочковатого тумана; сквозь нее смутно проглядывала все та же степь.

— Базун! — узнал чародей. — Туда, други!

Сменив направление, путники заспешили шибче прежнего.

А позади, растянувшись от горизонта до горизонта, сплошной стеной мчались косматые горбоносые звери, впечатывая твердые копыта в столь нелюбимую чертями степную полынь, в пушистые стебли уже начавшего желтеть от жары ковыля. Все живое гибло под этими копытами — редкие оцепеневшие суслики, змеи, ящерицы, не успевшие схорониться в норах, длинноногие дрофы, птенцы жаворонков вместе с нехитрыми гнездышками — все втаптывалось в пыль, в прах. Стремительный безудержный бег стада был подобен смерчу, неистовому урагану, и вздымались в небо тяжкие клубы рыжей, как ржавчина, пыли, затмевая само солнце.

— Зубры! — на бегу бросил Славута. — Ей-право, зубры!

Дрегович не мог ошибиться и не узнать зверей своей родины. Откуда они здесь, в степях? Им место в привольных полесских пущах, а не здесь, на юге.

Фигура старца медленно таяла, растворяясь в колеблющемся летнем воздухе.

— Базун! Постой! Не уходи! — в отчаянии закричал Боромир.

Людей от передних зубров отделяли всего несколько сот шагов.

— Эй, Тарус! — гаркнул сипло Тикша. — Давай, взмахни мечом, уйдем хоть куда, хоть назад в горящий лес!

Чародей и отвечать не стал. Откуда в степи подходящее раздвоенное дерево? А без него...

Первым на место, где призрак-старец опирался ногами о землю, примчался легкий на ноги Дементий. Базун успел раствориться почти полностью, лишь слабый силуэт еще дрожал на фоне чистого, пронзительно голубого неба.

— Пещера, други!

Люди сгрудились вокруг нее спустя несколько мгновений. Взорам их открылся невеликий, шагов пять в поперечнике, голый каменный пятачок. Посреди него зияло небольшое круглое отверстие, ведущее куда-то вниз. Пол в этой странной пещере отстоял от поверхности на три-четыре человеческих роста.

Боромир, распластавшись на камне, заглянул туда. После яркого дневного света ничегошеньки он не разобрал в затхлых потемках, однако выбирать не приходилось.

— Прыгайте! И сразу в сторону, там, внизу!

Один за другим исчезали путники в подземелье, тяжело падая с высоты на камень. Все меньше оставалось их вверху у дыры. Последними юркнули в нее Тарус и Вишена. Не сговариваясь, растопырили они локти и задержались на мгновение. Чудовищное стадо зубров неслось на них, словно горный обвал, слепой и глухой к стонам и мольбе.

— Вниз, Пожарский! — скомандовал Тарус, и они оба разом ухнули в черноту пещеры.

Пол жестко ударил по ногам. Спустя короткий миг первый зубр мелькнул вверху, перечеркнув светлый круг. Посыпалась пыль, зацокали копыта на камне, слегка задрожал неровный пол пещеры. Стадо, сотрясая, казалось, весь мир, проносилось над головами тяжело дышащих после быстрого бега людей. Неужто спаслись?

Зубры скакали над дырой минуты три. Сколько косматых туш промелькнуло перед взором путников? Откуда и куда бежали эти могучие быки-исполины по бескрайним дулебским степям? Чем питались они в пути — не полынью же горькой? Кто знает...

Еще совсем немного — и превратились бы путники в кровавое месиво под тысячами копыт. Тарус как никогда ясно почувствовал ту самую чужую силу и с тревогой подумал, что, если бы не эта пещера нелепая посреди степей, он не смог бы спасти отряд. Не успел бы.

Топот медленно затихал вдали; оседало рыжее облако пыли. Дышать стало трудно.

Теперь стоило подумать, как выбираться наверх. «Придется пирамиду строить, будто на ярмарке, — размышлял Тарус, уставившись в липкие сумерки подземелья. — Вниз — кого покрепче. Омута, Боромира. А малышей — Яра, Тикшу, Богрáда — этих на вершину. Главное, уцепиться за край покрепче. А там уж ремни кое-как закрепить... Чего там, выберемся», — довольно зажмурился чародей.

Радовала его и еще одна мысль. Помнит о них Базун-старец. Значит, ведет их, наблюдает. Сейчас помог, может, и дале

не станет забывать... Спасибо, Базун, поклон тебе, человече, хоть и умер ты больше тысячи лет назад!

И вдруг померк свет. Каменная плита с неприятным скрежетом легла поверх дыры в потолке; стало темно, как ночью в погребе без свечи.

У многих перехватило дыхание. Вот те раз!

— Сделано крепко, завязано туго, — с досадой пробормотал чародей. — Захлопнулась мышеловка-то!

Если бы он мог видеть, что творится наверху!

А там чародей увидел бы черных всадников, скачущих прочь от пещеры верхом на огромных волках цвета ночи. И неизвестно, рубины ли у них на секирах, изумруды ли. Черные безмолвные всадники прятали оружие под ниспадающими плащами-крыльями. Мохнатые волчьи лапы мягко шлепали по вспаханной сотнями копыт земле.

Глава 13
ПЕЩЕРЫ
(Продолжение)

— Ну, други, разом! И-и-и-э-эхх!

Напряглись мускулы, захрустели суставы. Некоторое время слышалось лишь сопение, потом у кого-то подогнулась нога, и живая пирамида рассыпалась, будто песчаный теремок под порывом ветра. Плита, закрывающая дыру в потолке, и на этот раз даже не шевельнулась. Ратники поднимались с каменного пола, отряхиваясь и покряхтывая.

— Не сдвинуть нам ее, чародей, — хмуро молвил Боромир. — Уж больно тяжела.

Повисло мрачное молчание.

— А ежели подземельями идти? Вона ход, точно куда надо, на запад, — спросил Роксалан.

Тарус безмолвно покачал головой, не поймешь, соглашаясь или возражаючи. Чикму ответил Боград:

— Пойти — значит покориться чужой воле. Недаром же нас сюда загнали?

— Чародей, а чародей, — сказал в раздумье Вишена, — нас ведь Базун сюда поманил, к пещере этой. Он-то небось знает, что делает. Пошли. Семи смертям все одно не бывать...

Тарус кивнул:

— Правда твоя, Пожарский. Да и нет у нас иного выхода. Двинули, други!

Путники стали гуськом, положив руку на плечо переднего. Во главе шел Боград, видевший (или чуявший, кто его разберет) в темноте получше других. Едва углубились в неширокий ход, венед замер и молвил негромко:

— Постойте! Тут есть что-то под ногами. Палки, что ли?

Он присел, шаря перед собой руками. Чуткие его пальцы вдруг нащупали шершавое высохшее дерево.

— Хо! Факелы! Целая уйма!

— Держи огниво! — радостно выдохнул Славута и метнул ему плотный брусок.

Боград и во тьме исхитрился поймать его на лету. Вспыхнул сноп желтых искр; вскоре смолистый факел занялся жарким, почти без дыма, пламенем. От него зажгли еще один.

Пыльные стены хода осветились неровным красноватым светом. Факелов на полу было очень много. Кто догадался оставить их здесь? Как долго пролежали они во мраке, покрываясь прахом и пылью? Вопросы без надежды на ответ...

— Берите кто сколько унесет, — сказал Тарус спутникам. — Будем зажигать по два, по три. Авось хватит на пару дней, если что.

Факелы рассовали по сумкам; вешали за спину, связав по нескольку штук ремнями; просто брали в руки.

И потянулся навстречу подземный коридор; ненадолго выхватывал огонь его отрезки из мрака. Тьма расступалась перед путниками и снова смыкалась за их спинами. Лишь мерные шаги нарушали рыхлую чуткую тишину. Тоннель почти не изгибался, и казалось, что путники стоят на месте, а стены, пол и потолок неспешно проползают мимо. Воздух здесь был тяжелый и неподвижный, как и везде в подземельях. Очень скоро путники уже не могли поверить, что где-то наверху сияет Ярило-солнце и растет-зеленеет трава, живут люди и текут медленные реки, что вообще существует что-нибудь кроме этого бесконечного коридора. Низкий свод заставлял склонять голову; идти приходилось нелепо согнувшись. Скоро под ногами вкрадчиво захлюпала прохладная вода. Дикие каменные стены вдруг сменились древней, но хорошо сохра-

нившейся кладкой. Изредка путь преграждали цельные тяжелые балки, под них приходилось подныривать чуть ли не ползком. Вода текла куда-то вглубь, ей одной известным путем, хотя наклона вроде бы не чувствовалось.

Впереди всех шагал Тарус-чародей, за ним Боград, остальные венеды, чикмы с Роксаланом, Яр, Омут, Тикша, Соломея, Купава, Славута, Вишена, и замыкал цепочку Боромир. Зажгли третий факел, в середине, ибо не хватало света двух. Нес его Дементий.

Часа через полтора пути ход разветвился. Такие же низкие коридоры уводили вправо и влево; еще один вел прямо. Левый коридор заканчивался тупиком шагах в двухстах от перекрестка. Тот, что прямо, судя по эху, тоже. Дотошный Яр, утянув с собой Омута, проверил — точно, тупик. Тарус усмехнулся, но Яру ничего не сказал. Дотошный — и ладно, иногда это даже на пользу.

Оставался правый коридор. Эхо в нем звучало вязко, нечетко, стало быть, никаких тупиков. Но ведет-то он прямехонько на север; когда надо бы на запад.

— Разведаем, — решил Тарус. — Боле ведь все одно некуда.

Пошли. Дважды ход делал короткие изгибы. Ступенька, вверх, поворот направо, шаг вперед и поворот налево, в прежнем направлении. Вода здесь текла навстречу. Ждали хода влево, на запад. Попался один, да уж больно низкий, с локоть всего в высоту. Миновали его. Позже набрели еще на один, повыше, с более древней кладкой. Сюда можно было и сунуться — голову пригнул и иди себе знай! В этот ход и свернули, но прежде Тарус послал Яра и Тикшу дойти до северного тупика. Откуда чародей проведал о тупике, никто не спросил. Хлопцы вернулись минут через десять.

— Точно, чародей, тупик. А вверху небо видать: дырки круглые, в них каштанов нападало — страсть!

— Гей-гей, окстись, хлопче! — засмеялся Роксалан. — Какие в степи каштаны?

Яр рассердился.

— На, гляди! — Он сунул чикме под нос два грязных проросших каштана. Белесые, как поганки, ростки торчали из твердого ореха, чахлые от недостатка света.

Подал голос и Тикша:

— Каштаны, Роксалан. Как дома, точно. Что я, каштанов не видал, что ли?

Роксалан только руками развел.

— Пошли, ратнички, — сказал Тарус, прерывая спор. — Не обрыдло еще дивиться штукам всяким? Каштаны, мол, откуда... А зубры откуда? А?

— У зубров хоть ноги есть... — проворчал Роксалан уже на ходу. Отправились на запад, в тот самый ход с древней кладкой. Тарус пояснял спутникам:

— Скоро выйдем в шахту, широченную, шагов семь, там и передохнем. Потом будет вторая, поуже. А уж после...

Чародей вдруг умолк, словно ненароком проглотил ежа.

— Что после? — не вытерпел Богуслав.

— В шахте расскажу, — отрезал Тарус и замолчал окончательно.

«Недоговаривает чародей... Ой, недоговаривает!» — подумал каждый из путников.

Некоторое время слышалось лишь хлюпанье воды под ногами, треск факелов в застоявшемся воздухе да тихие голоса Вишены и Славуты, о чем-то переговаривавшихся на непонятном наречии дреговичей. Ход тянулся и тянулся, пока не втек в обещанную шахту, высоченную, добрая мачтовая сосна уместилась бы стоймя без всякого труда. Один за другим путники проскальзывали меж прутьев частой железной решетки, перекрывшей коридор у самой шахты. От кого ее держат здесь такую, крепкую, надежную? Человек ведь пролазит? И как она не проржавела насквозь в этой жуткой сырости?

В шахте можно было и выпрямиться. Путники, покряхтывая от удовольствия, выгибали спины, словно проснувшиеся коты. Шутка ли, пять часов согнувшись, а иногда и ползком!

Боромир приблизился к Тарусу:

— Я гляжу, ты знаешь дорогу, чародей?

Тарус отвернулся, подумал сперва немного, и ответил:

— Знаю, друже.

— Откуда?

— Бывал здесь, в этих пещерах.

— Где — здесь? — не успокаивался Боромир.

— В дулебских землях. Давно, лет десять назад.

— А откуда же каштаны, скажи пожалуйста, ежели это дулебские земли? А, чародей? Степь наверху и ты это знаешь!

Тарус вздохнул, выбрал сухое место и сел, хотя найти такое во влажной шахте оказалось непросто.

— Садись, Непоседа, в ногах правды нет. Отдыхай.

Путники сгрудились вокруг чародея, часто поглядывая вверх, где сквозь множество круглых дыр в плоском потолке шахты виднелось небо и, кажется, кроны деревьев.

Тарус сменил догоревший факел и молвил:

— Каштаны вовсе не здесь. Пророй ты сейчас лаз наверх — сам Перун-громобой не скажет точно, где выберешься, в степи ли дулебской, в чаще непролазной или среди снежных пустынь далекого севера. То, что вы видите вверху, может находиться где угодно. Поймите же, мир многолик и многогранен и грани его переплетаются иной раз так причудливо, что голова набекрень сворачивается. Если мы вошли в эти подземелья из дулебских степей, это не значит, что мы остались под ними. Хотя может и так статься — кто знает? Вспомните, как привел я вас в степь — прямо из пылающего леса. Отчего же тогда никто не спросил, откуда, мол, в лесу степь взялась, а?

Кто-то засмеялся, не рассмотреть в полумраке кто.

— То-то!

— Тарус-чародей! — выпалил Яр со звоном нетерпения в голосе. — Я хотел спросить, что за второй шахтой?

— Там? — Тарус нахмурился. — Есть там одно место. Смутное, не скрою. Нечистое. Эхо там еще какое-то странное — двойное, что ли? Словом: сами увидите. Один уговор — ничего не бояться. Лады?

— Лады! — нестройным хором прозвучали голоса, всколыхнув воздух подземелья. В шахте еще ничего дышалось, сверху, из дыр, тянуло свежим сквознячком. Это в переходах похуже...

Передохнувши и слегка утолив голод остатками припасов, двинулись дальше. Сразу за шахтой влево и вправо ушло по коридору; Тарус не обратил на них внимания.

— Что там, чародей? — спросил было Боград, но Тарус лишь пожал плечами.

— Не знаю. Туда не забирались.

В этом переходе из стен и потолка торчало много деревянных и даже железных скоб и прутьев. Зачем они — не подозревал даже всезнайка Тарус. Впрочем, они не особо мешали. Однако идущий первым чародей всегда предупреждал о подобном сюрпризе, и предупреждение его ползло по цепочке к замыкающему — Боромиру.

Миновали еще ответвления вправо и влево; вскоре заметили и первую летучую мышь.

— Ну, други, крепитесь, — вздохнул Тарус. — Начинается.

Вода стала немного холоднее. Тем, у кого худые сапоги, завидовать не приходилось.

— Осторожно! Железка! — предупредил в очередной раз чародей. Слова его повторились несколько раз, факелы заботливо осветили коварную помеху.

— Железка!

— Осторожно!

— Глядите! Во, здоровущая!

Железка была длиной с локоть и торчала из потолка ровнехонько посреди хода.

— Железка, Непоседа! — сказал, полуобернувшись, Вишена.

— Угу, — буркнул не поднимая головы Боромир и с размаху боднул неподатливый стержень. Послышался тихий звон.

— Э-эх, ма! Так тебя через это самое! — взревел во всю силу своих могучих легких лойдянин.

Вишена растерялся — он-то предупреждал!

Все стали.

— Что там? — спрашивали передние обеспокоенно.

Им объяснили:

— Ватаг железяку забодал!

— Жив, Непоседа? — поинтересовался издалека Тарус. Купава протиснулась мимо Славуты с Вишеной и, отобрав у Боромира полуобгоревший факел, рассматривала пострадавший лоб ватажка.

Боромир отделался дешево, даже крови не было. А звон случился знатный!

Дальше шли поосторожнее. Попалось еще несколько летучих мышей; одна долго металась перед факелом Таруса, то

и дело исчезая впереди, во тьме и всякий раз возвращаясь бесшумной тенью-призраком. Миновали третий после шахты перекресток. В правом коридоре сильно шумела вода, словно там сверху низвергался небольшой водопадик. Пошли прямо, и шагов через триста путь преградил завал.

— Вот те раз! — расстроился Тарус. — Почти уж дошли до второй шахты, минут пять бы еще... Вот незадача!

Перед самым завалом из пола кто-то ловко вынул квадратную каменную плиту. Внизу виднелся такой же ход; туда, тихо журча, тонкой струйкой стекала вода.

— Гляди-ка! Тут и нижние ярусы имеются! Лабиринт-путанка, да и только, — сказал Боград. Из-за плеч передних, вытягивая шеи, выглядывали венеды. В низком коридоре это выглядело забавно — вытянутые вбок шеи.

— Неохота что-то вниз, чародей, — проворчал из второго «ряда» Вавила. — Спустимся, а дыру, поди, снова закроют.

— Кто?

— Да уж найдется погань какая-нибудь. Закрыли ведь уже раз!

— Дак то ж наверху, под небом ясным, там всяких тварей полно, и людей, и зверья...

— Коли нечисть захочет, и под землей отыщет. Черт горами качает, знаем!

Вавила препирался с кем-то из своих; чародей не встревал в спор.

Тем временем Яр, заглядывая в дыру, кинул вниз почти уж догоревший факел. Тот зашипел во влаге, зафыркал и погас.

Тарус шагнул к завалу и присел, разглядывая его вблизи.

— Хо! Други, да это не просто завал! — молвил он слегка даже изумленно. — Руками это сделано, не ведаю уж, человечьими или чьими еще, но руками!

Все щели неведомо кто тщательно забил камнями, щепками, замазал глиной, законопатил липкой коричневой пакостью наподобие смолы. Попытались развалить или хотя бы проковырять — пустое, сработали на совесть.

Чародей обернулся к спутникам:

— Ну, что делать-то станем?

Сначала молчали, потом кто-то несмело предположил (кажется, кто-то из чикмов):

— Может, вернемся к боковым ходам? Авось кружной какой путь есть.

Чародей колебался недолго, хотел уж согласиться, сказать, что так, мол, и поступим, и тут за завалом раздались странные для подземелья звуки — неясный глухой скрип, постукивание, щелчки, вроде как ложкой по глиняной чашке, шорох.

— Назад! Негромко, но властно прошептал Тарус. Путники мгновенно и безмолвно отступили. Уже на перекрестке чародей подумал: «Как же эти звуки из-за завала доносятся? Ерунда какая-то, не должны они ничего услышать, коли за завалом кто копошится. Но что это? Ладно, шорох — вода журчит, да камень глушит и журчание в шорох оборачивает. Или, может, каштан какой по дну течением тащит. Ну, мышь может скрестись-постукивать, даром если летучая. Может, ведь? Или та же вода капает на деревягу. Но скрип-то, скрип, ровно дверь на ветру — что может так звучать? И почему он, Тарус, так вдруг испугался? Будто огнем опалили. Наваждение прямо...

Спутники тем временем совещались, в который из коридоров податься — в правый или же в левый. В правом попрежнему шумела вода, и все склонялись к мысли, что в левый. Боград попытался втолковать что-то насчет «черт вечно на легкую дорожку подталкивает», но успеха не поимел. Все сомнения быстро и просто разрешил Боромир, поднеся факел к стене.

— Что тут гадать? Глядите!

В глубь левого коридора, в кромешную тьму, указывала нарисованная на влажной кладке стрелка. Под ней начертали всего одно слово: «Базун».

Все притихли. Вишена потрогал стрелку пальцем.

— Мел. Дулебская крейда, с желтизной, — молвил он тоном знатока.

— Двинули! — скомандовал чародей и споро зашагал по стрелке-подсказке. Когда все спутники углубились в левый ход, последние двое — Вишена и Боромир — переглянувшись, разом поднесли к надписи и стрелке свои мечи.

Ни искры не родилось в глубине волшебных изумрудов, надпись была чиста.

Витязи-храбры отправились вослед товарищам, и основной коридор опустел, окунувшись во мрак.

Сначала ход вел прямо; изредка в стенах встречались неглубокие ниши, обыкновенно там хватало всякого хлама, принесенного потоком воды, однако встречались и пустые, словно вычищенные. Позже путники несколько раз свернули. Вишена, не привыкший ориентироваться под землей, не видя солнца, окончательно утратил направление. Тарус ведет, ну и пусть.

Боромир топал сзади, расплескивая ручей-воду. На очередном повороте дождем, неистовым летним ливнем, откуда-то сверху, из черноты хлестали упругие водяные струи. Втянув головы в плечи, путники проскакивали эту купель как можно быстрее.

— Кто там говорил, что в этом коридоре посуше? Подайте-ка мне его! — ворчал Вишена, без особого, впрочем, недовольства.

— Стойте! — донеслось от головы шествия. В ноздри ударил удушливый неприятный запах. Боромир с Вишеной протиснулись к Тарусу, миновав всю цепочку.

— Что там?

Тарус принюхивался, шмыгая носом и прикрыв зачем-то глаза.

— Смерть-воздух, что ли? — предположил Боград. — В шахтах да копях такое случается: надышишься, и все. Почитай, пропал...

— Не похоже, — покачал головой чародей. — Смерть-воздух пахнет иначе. Ну-ка, други, давайте быстро! Проскочим, авось пронесет!

И впрямь проскочили. Неприятный запах остался позади, а путники скоро уперлись в стену, дойдя до тройного перекрестка. Прямо здесь хода не было, только влево или вправо. Свернули направо. Тарус не колеблясь выбрал направление.

Шагов через пятьсот коридор опустился на два с лишком локтя, и пол, и потолок. Путники, пригибаясь еще сильнее, спустились по шаткой металлической лесенке.

— Ишь ты! — удивился практичный Роксалан. — Чего удумали — лестницу из железа сотворить. Два меча, поди, извели, а то и все три...

— Гляди: осерчал! — засмеялся беспечно Дементий. — Тебе-то что? Чай, не твои мечи.

— Негоже металл зря переводить, — покачал головой Роксалан. — Могли бы и деревянную... того и гляди — ложки станут железные мастерить, чаши, телеги...

— Деревянная сгнила бы, — уверенно молвил Дементий, глянув на лестницу. — Клянусь Даждьбогом!

За спуском коридор сворачивал вправо. Вода тут уже не текла — стояла, как в болоте, поддерживая на плаву щепки, труху, сухие листья и прочий мусор. Путники брели, хлюпая, по голень в мутной жиже. Брести так, однако, пришлось недолго — то ли подъем незаметно пошел, то ли еще что, но вскоре лужа обмелела и вовсе пропала, а под ногами тек-журчал маленький слабый ручеек, как и раньше. Темные стены сочились влагой — и как только старая кладка ее выдерживала, не поддавалась?

Не замешкался и следующий спуск, на этот раз более глубокий, в добрый человеческий рост, а то и побольше. Вниз вела длинная лестница, тоже металлическая.

— Гей-гей, Роксалан! Гляди не свались: тут уж мечей дюжины две наберется! — хохотнул язва-Дементий. Роксалан только удрученно отмахнулся.

Сверху едва пробивался слабенький свет.

Оказалось, что в самом низу есть еще один ход, на третий, нижний ярус. Второй, средний, вел вправо; нижний — влево.

Тарус сперва повел по среднему — пролезть в нижний, как ни странно, мешала тяжелая лестница. Когда Вишена спускался, за рукав ему затекла коварная струйка неприятно холодной воды, и он сердито зашипел.

Прямой коридор живенько завел в глухой тупик, оставалось одно-единственное ответвление вправо. Сунулись туда. Коридор долго тянулся прямо, после чуть изогнулся, плавно-плавно, так и не разветвившись.

Закончился он тоже тупиком.

Тарус мрачно смотрел на монолитную плиту, насмерть вмурованную в оконечность стен. Хода тут не было никогда, виделось и слепцу.

— Эге! Да тут наверху дыра! — Тарус догадался поднять взгляд горе. — Ну-ка, приподнимите меня!

С факелом в руке чародей высунулся в небольшое квадратное окно, если дыру в потолке считать окном. Вперед уводил коридор, неотличимый от всех предыдущих; позади встала неровная стена.

— Полезли!

Путники один за другим выбирались наверх, на первый уровень.

— Стойте-ка, други! — Чародей присмотрелся. — Так и есть! Это тот завал, от которого мы воротились.

— Не может быть! — поразились сразу несколько воинов, успевших выбраться наверх. Из дыры как раз лез Яр.

— Посветите-ка! — попросил он, присев на краю. Тарус протянул ему пылающий факел. Яр, смешно перекосившись, заглянул вниз.

— Точно, чародей! Вона, головешка внизу валяется, какую я тогда бросил.

Тарус секунду поразмыслил.

— Подождите тут, мы мигом. Боград, Роксалан, за мной!

Быстро достигли перекрестка. В правом коридоре все так же безудержно шумела вода, но никто боле не обольщался на этот счет — не успели еще просохнуть после вынужденного купания, пусть и короткого. Надпись со стрелкой в левом коридоре нашлась сразу — свеженькая, белая.

— Водит... — прошептал глухо Роксалан и нервно оглянулся. Враз стало как-то тревожно и неуютно.

— Тише, Роксалан, — прервал чикму Тарус. — Молчи-знай: Не буди лихо, пока оно тихо. Пошли назад, нижний ярус испытаем.

Вернулись к завалу, знакомой дорогой живо дотопали до длинной лестницы. Сдвинули ее, поднатужившись. Коридор, по которому они впервые вышли сюда, убегал вверх и влево. Нижний продолжался, вроде бы, прямо.

— Готовы? — спросил чародей. — Двинули!

Негромко затюкали подошвы сапог о металлические ступени-перекладины.

«Вниз. Дальше от солнца, от света и тепла. В сырую глубину подземелий... Что-то летучих мышей не видно боле, по-

явились перед завалом и пропали...» — думал Вишена рассеянно, перехватывая ладонями влажный металл. На этот раз коварная струйка с верхнего яруса угодила ему прямо за шиворот.

— Ух-х ты-ы! — взбодрился Вишена.

— Чего? — вопросительно уставился на него сверху Боромир. На лбу его красовался продолговатый синяк, выглядевший в неверном свете пламени совсем черным.

— Да ничего... — ответил со вздохом Вишена. — Вода холодная.

— Держи факел, — сказал Боромир и протянул горящую ветвь, берясь другой рукой за перекладину лестницы.

Когда они скрылись в ходе нижнего яруса, тьма надолго поглотила верхние коридоры. Лишь здесь, над лестницей, едва-едва пробивался сверху слабенький дневной свет.

Вдали затихали шаги, плеск и чавканье; Боромиров отряд забирался все глубже и дальше, в самое сердце горы, хотя никаких гор в степи, конечно, не было и в помине.

Этот ход мало отличался от предыдущих — та же древняя кладка, тяжелые капли на влажных стенах, низкий полукруглый свод, только воды, грязи и ила на полу скопилось побольше. Сапоги вязли, подземелье коварно сдергивало их с ног путников. Приходилось идти раскорякой, ступая у самых стен, где грязи нанесло не так много. Да еще голову не забывай пригибать, ход-то низок! Посмотрел бы кто на них — со смеху помер бы, точно. Скоморохи на ярмарках, и те так не ходят...

Воздух здесь был более сперт, чем наверху, даже факелы горели не так ярко, шипели погромче да часто фыркали на падающие с потолка капли.

Боромир ушел во главу цепочки, к Тарусу; последним шагал теперь Вишена. С факелом идти оказалось веселее: при свете и ступать удобнее, и стены рассмотреть можно. Совсем не то что в потемках, наугад, на ощупь, широко раскрывая глаза. Правда, неуютно давил смыкающийся за спиной мрак... Ранее позади топал-хлюпал Боромир-Непоседа, витязь крепкий и надежный, теперь же приходилось поминутно оглядываться. Пожарский обратился во внимание: губы сжаты, глаза прищурены, ухо востро... Вроде бы все спокойно, позади тяжкой пеленой клубится и оседает непроглядная темень, едва

потревоженная светом тройки факелов. Подземелье, страна вечной ночи...

Ход никуда не сворачивал и не разветвлялся. Слабый уклон ясно давал понять, что путники спускаются все глубже и глубже. Тарус вел уверенно и невозмутимо, словно из гридны в сени.

Смутное чувство опасности и беспокойства охватило Вишену спустя часа три с лишком. Наползало оно вроде бы сзади. Путники почему-то ускорили шаг, не сговариваясь, хотя все давно уже притомились не на шутку. Почувствовали, что ли, эту чертовщину за спиной? Вишена не был уверен. Может, и так.

Оглядывался он теперь вдвое чаще. Что там, позади, гром и молния? Чу! Воды ли плеск? Послышалось ли?

Скосил глаза на изумруды — темны, как мрак подземелий. Однако успокоение не пришло. Вишена давно понял: волшебные каменья реагируют лишь на СВОЮ нечисть, на создания ЕГО, Вишены, мира.

Эх, ноги-ноги, выручайте! Хотя, куда бежать-то? Коридор, он и есть коридор. Эта тварь, что позади, все одно нагонит, ежели бегает как следует, быстро. Хорошо еще, что ход узок да невысок, знать, тварь не особо велика...

«Стоп! — подумал Вишена, оборвав скачущие в ритм шагам мысли. — Стоп! Откуда я знаю о твари?»

В этот же миг то, что сидело у него внутри, царапалось, шипело и нашептывало, вдруг сжалось в упругий комок, скукожилось и отступило. Отступило, но не ушло. Притаилось, ждет.

Холодный пот прошиб Вишену. Сильна тварь! Не заметил как грызть начала, как внутрь пробралась, в мысли, в разум. Эх-ма, Тарус далеко, уж он бы дал твари, надолго запомнила бы!

Впопыхах никто не заметил, как кладка сменилась диким камнем; не обратили внимания и на изменившееся эхо. Путники, скорчившись в три погибели, бежали теперь ходом, прорубленным прямо в гранитной скале, и спустя несколько минут ворвались в пещеру. Велика ли она была — попробуй скажи. Света трех факелов хватало лишь на то, чтобы отогнать

мрак от части стены и отверзнутого зева хода, откуда только что вырвались люди, гонимые непонятным страхом.

— Стойте! — окликнул Тарус кинувшихся было врассыпную путников.

Огляделись — стало немного легче. Теперь их снова много, почти два десятка. В узком коридоре, когда видишь лишь того, кто впереди, да ощущаешь присутствие того, кто сзади, казалось, что больше никого и нет. Теперь все в порядке — вот все, стоят, глаза злые, руки цепкие, отсветы тусклые на клинках. Вон нас сколько!

Из хода кто-то упрямо лез, гнал перед собой волну липкого противного ужаса, однако волна разбилась о сталь клинков и холодную людскую решимость.

Путники застыли полукругом шагах в пятнадцати от хода.

Когда тварь показалась, изумруды на мечах Боромира и Вишены вспыхнули так ярко, что осветили всю пещеру. Она оказалась огромной — сотни шагов в поперечнике. Свод терялся далеко вверху.

Было совсем тихо, но каждый ощутил неприятный толчок в уши, от которого размякали мышцы и оживали всякие полузабытые детские страхи. Тварь разевала клыкастые пасти и беззвучно хлопала огромными кожистыми крыльями.

«Летучая мышь? — вяло подумал Вишена. — Но почему у нее три головы? Почему лапы боле походят на медвежьи и зубы остальному под стать?»

Меч едва не вывалился из ослабевшей руки Пожарского.

Со стоном упала Купава — сначала на колени, потом на бок. Бессильно опускались руки. Схватился за голову Боград, впервые в жизни выронив меч и кинжал.

Отряд словно засыпал стоя, охваченный страхом и оцепенением.

— Яр! — прошептал едва слышно чародей и вцепился отроку в плечо — намертво, как ястреб в утку. — Только не вырони меч, слышишь, Яр! Слышишь?»

Тарус, не отнимая руки, крепко зажмурился и сжал зубы, отгоняя противную слабость. Черты лица его заострились, дыхание стало ровным и спокойным.

Тварь вздрогнула.

* * *

Саят Могучий страшно закричал и ничком рухнул на пушистый ковер, устилающий дно кибитки. Длинная его трубка откатилась вбок, несколько тлеющих комочков выпрыгнули на свободу.

Когда в кибитку сунулся слуга Нурали, огоньки уже успели проесть в ковре небольшие дыры; было серо от дыма.

— Могучий! — позвал Нурали и, кашляя, упал рядом с шаманом. Перевернул на спину, заглянул в лицо — глаза пусты и безжизненны, как бесплодные южные пустыни. Однако дышит.

Подхватив его под мышки, Нурали, часто мигая отчаянно слезящимися глазами и едва живой от удушья, поволок хозяина прочь из кибитки.

Чистый степной воздух показался сладким, словно персик. Стойбище встревоженно гудело, печенеги растаскивали деревянные повозки подальше от пылающего жилища Саята Могучего.

Пламя сожрало кибитку шамана в несколько минут.

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-27С
Внеплановый экспресс-отчет

Корреспондент Тарус/Т по каналу непрерывного сканирования вклинился в ментальную цепь корреспондента Саят/С. Использована дробная биочастота. Всю энергию активно подпитанного по амплитуде сигнала корреспондента Саят/С Тарус/Т дважды прогнал по цепям усиления, доведя до мощности 16,5 бВт, и разрядил через себя за 0,002 мксек.

Естественное эхо повысил до нормальной (целой) биочастоты и смикшировал на канал непрерывного сканирования, подканалы приема и управления корреспондента Саят/С точно в фазу (погрешность 0,006 %). Результат: Мощный управляющий сигнал корреспондента Саят/С дважды усилен и использован в качестве ментального удара. Мощность в 1500 раз превышает смертельную для человека и в 7000 раз для крупных млекопитающих. Ввиду использования дробных биочастот захвата корреспондент Тарус/Т не пострадал. Эхо-сигнал сжег приемные и управляющие цепи корреспондента Саят/С. Уцелевшие ментальные цепи Саят/С заблокировал и впал в кому (предположительно на 3—4 местных суток, 50—65 а.ч.).

Примечание. *Излученный передатчиком сигнал превысил паспортную номинальную мощность на 4,1 бВт. Передатчик и антенные контуры не пострадали.*

Конец отчета.

Далеко на северо-западе, на каменистом берегу Лербю-фиорда, в селении датов, тяжело заворочался во сне и хрипло задышал старый колдун Расмус.

Тарус-чародей открыл глаза. Вишена, Боромир, Дементий и Роксалан кромсали мечами крылья и лапы твари; та злобно отбивалась, но двигалась вяло и неуверенно, не то что раньше. Рядом вертелся Славута, улучая момент для доброго удара. Остальные воины стояли поодаль — им не хватало места, чтобы биться, но каждый готов был вмиг прийти на помощь. Соломея склонилась над все еще лежащей Купавой.

Тарус обнаружил, что до сих пор сжимает плечо Яра; хлопец преданно таращился на него.

— Убей ее! — тихо сказал чародей, указывая на тварь, и юноша молча сжал короткий меч. Воины расступились, пропуская его.

Тварь еще далеко не сдалась, когти и зубы рвали воздух, а если удавалось, то и живую плоть людскую. Три головы, пара лап и шершавые, раздирающие кожу крылья поспевали всюду. Но вот одно крыло перерублено пополам, повисло и другое, сломанное тяжелой булавой великана Омута.

Скоро все было кончено: тройной меч-кинжал Яра по самые рубины воткнулся в шерстистую грудь твари, прямо в сердце, если эта тварь имела сердце.

Холодное дыхание опалило людей. Погасло сияние чудоизумрудов. Вздрогнула земля.

Путники отшатнулись, отступили назад, изумленно распахнув глаза. Ненадолго воцарившаяся тьма отступила. Откуда-то снизу надвигался рассеянный кроваво-красный свет, мутноватый и неверный. Низкие бормочущие звуки всколыхнули застоявшийся воздух пещеры. Рубиновый меч на глазах распался на три сверкающих кинжала; кинжалы эти вспороли тело поверженной твари, и та осыпалась темными хлопья-

ми, исчезла. Светлыми краткими молниями кинжалы канули вглубь, под землю, прямо сквозь камень, а посреди пещеры, невысоко над полом остался висеть крупный рубин цвета заката. Гул и вой усиливались.

Вдруг закричал Яр — приросший к пальцу перстень теперь легко соскользнул, хлопец не смог сдержать крик, подняв перстень над головой.

— Брось его! Брось туда, — прохрипел еще не вполне пришедший в себя чародей.

Пещерный полумрак перечеркнула красная светящаяся дуга, и рубин перстня завис рядом со своим братом. Они стали медленно опускаться, две красные горячие точки. Но на пол они так и не упали.

С низким гулом, зловещим, как затмение солнца, встала перед путниками громадная бесформенная тень. Не стало боле колдовских рубинов — горела в неплотной темноте пещеры пара кроваво-красных глаз. Что за создание, бесконечно древнее и бесконечно чужое, настолько чужое, что исходящий от него невольный ужас даже не способен как следует напугать человека?

Путники замерли, оцепенели, глядя на эту разбуженную тень, завороженные взором красных ее очей.

Так длилось, наверное, долго. Потом ЭТО прошло сквозь них, опалив ледяной пустотой, и ушло в широкий коридор на противоположном краю пещеры. Люди мало-помалу очнулись.

— Ну и ну! — пробормотал хрипло Боромир, утирая чело, и заперхал: в горле пересохло, словно не пил он давным-давно.

Взгляды обратились к Тарусу, и тот не стал ждать вопросов.

— Тише, други! Пытать будете после. Ушло оно в единственный коридор, ведущий к поверхности. Мы ему неинтересны: сами видели, прошло, не заметило. Стало быть, за ним!

— А Книги? — спросил Боромир, все еще покашливая.

Тарус указал рукой на тот же ход:

— Книги там, на полпути к солнцу!

И путники двинулись за пробудившейся от векового сна Тенью, сжимая оружие и факелы. Без меча остался только Яр,

гадая, как же произошло, что впору говорить всего лишь «пять», а клинка, состоящего из СЕМИ кинжалов-частичек, вместе с рубинами, к коим он так привык, боле нет.

Боромиров отряд шел к поверхности. Туда же скользила и красноглазая призрачная Тень. Скоро миновали разрушенную Бролином и Магнусом кладку, и Тарус убедился, что их действительно опередили — Книг в знакомой пещере с гладкими стенами и полом уже не было. Делать нечего — направились дальше, за Тенью.

Все чаще попадались пятна крови, застывшие тела людей, видимо северян, и песиголовцев. Тарус наконец понял, чей скелет они с Вишеной, Боромиром и Яром видели в пещере рубинового клада. Песиголовца, конечно... Чародей хмурился — вокруг Книг завязалась какая-то смертельная игра-охота. Путники притихли, след в след ступая за Тарусом.

И вдруг из темноты бокового тоннеля высыпал отряд собакоголовых, потрясая мечами. Зазвенело железо, Вишена отбивал сыпавшиеся удары, уворачивался и рубил, рубил, рубил... Вскрикнул рядом кто-то из друзей, тонко закричала Соломея, упал окровавленный Тикша, заслоняя девушку от узкого меча. Вишена рванулся туда, но секира Славуты уже спела кому-то последнюю песню, и на тела друзей упали тела песиголовцев. Но убиваться некогда, снова сверкает рядом вражий клинок...

Песиголовцы исчезли все разом, минуты через три. Отступили в темноту бокового коридора и скрылись.

— Все целы? — спросил издалека Боромир.

— Тикшу с Соломеей убили, — глухо сказал кто-то.

— А Радислав где? — спросил Боград. Ему никто не ответил.

А Тень, древний ужас рода собакоголовых, тем временем достигла пещеры, где кипела другая жаркая битва. Даты толком ничего и понять не успели: почти уж истребили их хунткоппы, и вдруг исчезли все до одного, будто по волшебству. Тень погнала прочь более чувствительных песиголовцев; за ними отступали, поспешая, и уцелевшие даты, узрев черную фигуру с пылающими глазами. Ларец бережно несли два воина-дата.

Насмерть перепуганные песиголовцы недалеко от поверхности столкнулись с дружиной, возглавляемой Позвиздом и Заворичем. Ужас, внушаемый Тенью песиголовцам, придал им сил, и они обрушились на ратников с утроенной яростью, с кровью продрались сквозь строй лойдян и венедов, пажан и чикмов. Дружина отступила к выходу, чтобы принять бой на просторе, под звездами, однако прорвавшиеся на поверхность песиголовцы разбегались кто куда, растворяясь в окрестных холмах и долинах, которые знали вдоль и поперек. Следом за ними выскользнули и даты, почти без боя, краем только схлестнувшись с десятком венедов. Несколько взмахов мечами — и даты, недолго думая, повернули к северу, обогнули ближнее из озер, и что есть духу припустили к далекому еще лесу, унося ларец с Книгами.

Потом вынырнула Тень, и дружина, напугавшись, откатилась от входа в пещеру на добрые триста шагов.

А к выходу уже поспевал Боромиров отряд, не ведая, что происходит впереди, но кое о чем догадываясь. На всякий случай стали недалеко от выхода и вслушались в шум снаружи.

Уже успела опуститься ночь; над миром повисли колючие светляки звезд, желтый лоснящийся месяц, похожий на ноздреватый ломоть сыра, освещал землю ровным призрачным светом.

Так получилось, что Тень выплыла под открытое небо ровно в полночь.

Леденящий душу вой потряс горы, перекрывая нескончаемый рев водопада. Встал у пещеры, развернулся черный неистовый смерч, оперся о землю, сунул косматую макушку в темный провал хода и мигом вытащил на поверхность затаившихся у выхода людей — Боромира и его отряд, всех до единого. Хотя искал смерч только лишь Яра-мальчишку.

Вой перешел в грохот; меж звезд, раскалывая небо, скользнула красная ветвистая молния. Смерч разложился надвое, словно разрубленный озорником гриб, тая на глазах.

Разом все стихло. Одинокий шум водопада показался всем полной тишиной. Черная воронка пропала, как и не было, Яру же на спину и плечи опустился длинный черный плащ.

Опешившая дружина приходила в себя.

— Боромир! Омут! Други! — послышался радостный крик Заворича. — Целы! Гей-гей!

Воины-дружинники бросились к ватажку и его спутникам.

— Заворич! Позвизд! — всплеснул руками Непоседа и счастливо улыбнулся. О Книгах ненадолго позабыли.

На Яра удосужился взглянуть лишь Тарус-чародей.

Черный, как безлунная осенняя ночь, плащ пеленой ниспадал с плеч юноши-лежича; на груди серебрилась крупная овальная застежка, кажется покрытая замысловатой тонкой резьбой, не различишь в потемках. На ней искрились в свете многих факелов вправленные каменья-рубины, крупные, один краше другого.

— Что это, чародей? — нетвердым срывающимся голосом спросил Яр.

Тарус промолчал, поджав губы.

Четверку всадников на волках, застывшую на вершине ближайшего холма, не заметил даже Тарус. Да и мудрено было ее заметить.

В пещерах, недалеко от выхода, лойдяне похоронили погибших. Среди них четверых из отряда, что шел с Боромиром через подземелья, — Радислава, Акилу, Тикшу и Соломею. Была ли это плата за преодоление напастей или просто смерть в бою? Во всяком случае, покончив с семью напастями Боромиров отряд недосчитался семерых. И с каждым разом удары нечисти становились все точнее.

Пока разобрались что к чему, узнали о датах и песиголовцах, северяне-мореходы успели уйти с ларцом далеко на север, в леса. Страх придал сил да быстроты и им.

В погоню наладилась вся Боромирова рать, едва рассвело. Следом, стараясь ничем себя не выдать, поспешили три с половиной сотни песиголовцев, изготовившихся к дальнему походу. К этому времени они успели оправиться от навеянного Тенью страха и наблюдали за дружиной с холмов.

Совсем уж позади всех неторопливой рысцой трусили крупные черные волки, неся своих молчаливых крылатых всадников.

Погоня началась.

Глава 14
ПОГОНЯ

Датов осталось совсем мало — шестнадцать человек. Тяжело далась им битва с хунткоппами в чужих подземельях, лишь появление Тени спасло их от неминуемой смерти. Теперь они спешно уходили на север, к морю, такому знакомому и желанному. Все прекрасно понимали, что лишь быстрота может спасти, поэтому ног и сил не щадили. Нелегок поход через чужие земли, но добытое сокровище подхлестывало и помогало.

Боромирова дружина также спешила, надеясь, что нагоняет беглецов, но на самом деле постепенно отставала. Следопыты сразу определили, что датов впереди всего полтора-два десятка, и уж было порешили развернуться подковой, чтоб попробовать захватить северян в полукольцо, но тут оставленный в засаде дозор донес об идущих следом песиголовцах. Допускать еще и этих странных созданий к древнему знанию вовсе не входило в планы Таруса, и скорый совет порешил, что испытанный напастями и долгим походом Боромиров отряд, вновь дополненный до двадцати одного человека, продолжит погоню, дружина же во главе с Заворичем и Позвиздом задержит или отгонит песиголовцев, как получится. Боромир с Тарусом тут же увели отряд вдогонку датам; ратники споро развернулись в линию и стали дожидаться супостата.

Однако песиголовцы поступили еще хитрее. Каким-то образом проведав о планах дружины, вожак их, Анча, отобрал тридцать шесть воинов и повел далеко стороной, в обход; остальные же схлестнулись с Боромировой ратью.

Четверка крылатых всадников некоторое время понаблюдала за вспыхнувшей битвой и вскоре отправилась на север.

Сеча дружины с песиголовцами получилась долгой и малоуспешной для обеих сторон: истребив друг друга на треть, войска разошлись и попытались продолжить погоню, изредка сталкиваясь в новых битвах помельче. Однако и те, и другие уже на третий день сбились с верного следа: песиголовцев увел на запад неведомо чей небольшой отряд, случившийся в тех местах; войско Заворича и Позвизда завязло в Сорожских

топях и безнадежно отстало. Когда же песиголовцы обнаружили ошибку, их выследили многочисленные юмичи и отогнали на юго-восток. Уцелевшие после всех этих мытарств песиголовцы отправились восвояси, пройдя однажды совсем рядом с Сорогами, где барахтались ратники Заворича. Эти же, выбравшись наконец из болот Сороги, миновали Кухтинский бор, заночевали в Иштомаре и скоро вышли к родным землям — пересекли Рыдоги, Лежу, Чикмас и, не заворачивая в Лойду, проследовали на север. Однако ни Боромирова отряда, ни их следов отыскать так и не удалось, и дружина поздней осенью вынуждена была возвратиться.

Даты, Боромир с отрядом, шайка песиголовцев и четверка крылатых в первые десять дней погони успели уйти гораздо дальше, чем полагали; прошли они западнее Кухты почти на месяц раньше, чем туда заявились Заворич и Позвизд с ратью.

В это же время на востоке, в далеких печенежских степях, наконец оправился от удара Саят Могучий и вновь принялся за свои козни, злой, раздраженный и теперь уж ученый.

В лесах, что ни говори, чувствуешь себя привольнее и спокойнее, не то что в степи. А уж с подземельями всякими и равнять нечего. Вишену переполняли азарт и непонятная радость, хотя вроде чему радоваться-то? Книги упустили, друзей не уберегли, от дружины вновь пришлось отбиться... Ан нет, радовался. Где-то внутри Вишена уже было смирился с окончанием всех приключений: напасти одолели (кстати, надо бы спросить у чародея о напастях), добыли бы Книги, и все, и домой. Продолжение похода вдруг приоткрыло новую страницу во всей этой истории, а значит, новый путь, значит, опять дорога, незнакомые места, и если рядом верные друзья-побратимы, то почему бы и нет?

Тарус, напротив, хмурился, отнюдь не разделяя воодушевления Пожарского. Книги проворонили — раз; крылатых всадников забывать негоже — два; песиголовцы еще... Жили они в горах, и пусть бы себе жили. Однако нет, устраивают драку с датами, добывшими ларец, и едва сами им не овладевают. И дале: собрали рать свою ушастую, да и вдогонку за всеми, ни

секунды не колеблясь. Хоть бы Заворич с Позвиздом их задержали... И скелет, скелет в пещере рубинового клада, у какого они ножны для меча колдовского отняли. Неспроста все вяжется, ой, неспроста! Ну и, конечно, главное: плащ с рубиновой застежкой у Яра на плечах. Думал, избавимся от рубинов с последней напастью — на тебе, избавились... Соглядатая своего темного оглушил в самый нужный момент, того и гляди оправится, вновь ворожить начнет, пакостить... Неудача, нечего и говорить!

Чародея нагнал Вишена:

— Скажи, Тарус, последняя напасть за три сразу пошла, да? Потому и в знаке летучих мышей было три? Так ли, чародей?

— Точно, Пожарский, — подтвердил тот.

Вишена задумался:

— Что-то уж больно легко мы ту тварь в пещере доконали. Тройная ж напасть...

Тарус поглядел на воина снисходительно — Боград единственный, кто сразу все понял, подошел еще там, в подземелье, да по плечу похлопал...

— Не так уж и легко, Пожарский. Пришлось мне изрядно попотеть. Погладил тихонько того, кто тварь проклятую науськивал. Да слегка переусердствовал. Сам ведь видел — разбудили невесть что. Добро, что обошлось, даже вроде бы подсобило. А ну разбуди мы какое заклятье из тех, что посильнее, или нечисть какую древнюю да могучую?

Вишена только вздохнул. Обошлось... Хорошо, если в самом деле обошлось. Знай, как оно в конце-то концов все обернется?

Десятый день, как вторично простился отряд с дружиной, и день этот подходил к концу. Скоро нашли удобное место для ночлега — большую поляну да четыре раскидистые сосны посредине. Развели костер, пожевали кто чего и попадали спать — устали все изрядно.

Проснулся Вишена среди ночи словно от толчка. У костра сидели двое — неугомонный Тарус и с ним Яр, выглядевший последние дни так, будто его поминутно макали в прорубь и выставляли на лютый мороз.

— ...сразу понял, что пуста будет та пещера. Глянули: точно, ни синь пороха. Вот только решил я сперва, что песиголовцы Книги утянули. Ан нет, северяне...

Негромкий говорок Таруса словно бы согревал; в сочетании с теплом костра это действовало благоприятно. Огонь согревал тело, слова чародея — душу.

— Полуношничаете? — спросил Вишена, подсаживаясь к костру.

Встретился глазами с Яром, вздрогнул — хлопец глядел с надломом, с неверием и отчаянием в зрачках. Знать, не слишком утешил его чародей...

— Садись, Вишена, помыслим-покумекаем, одна голова хорошо, две, как ни крути, лучше.

Яр кутался в аспидно-черный плащ, тот самый. Застежка с рубинами мирно поблескивала, отражая рыжие языки пламени.

И вдруг, как когда-то в лесу за Рыдогами, изнутри рубинов кто-то поднялся, глянул на людей пристально, тяжко, длинно, пригвоздил намертво к месту, парализовал, оглушил...

А после сгинул вглубь, затаился до поры, до времени.

Вишена ловил ртом воздух, жадно, с надрывом и сипением. Он был мокрый насквозь. Тарус дико сверкал глазами и судорожно хрустел костяшками пальцев. Яр, казалось, ничегошеньки не заметил.

Сейчас ЭТО подействовало в сотню раз сильнее, чем тогда, когда сидели Пожарский с Тарусом вот так же у огня среди леса, на кинжал-четвертинку глядючи. Точнее, на один рубин-камень, вполовину меньший, чем любой из сегодняшних двух.

— Вы чего? — удивился Яр. Он и вправду ничего не заметил.

— Пустое, хлопче. Все хорошо.

Тарус обратился к Вишене:

— Плащ и рубины ты сам видал, друже. Так что Яра поймешь. — При этом чародей выразительно поднял брови и прикрыл глаза, мол, ни слова об ЭТОМ. Вишена понял. К чему пугать парня? И без того ему несладко. Который день в походе, намается, к вечеру будто на иголках. Другой дрых бы без задних ног, а этот, вона, горюет, глаза красные, невыспавшиеся. Чародей тем часом продолжал: — Не успел от рубинового

меча избавиться, вздохнуть спокойно — на тебе, новые напасти. Покажи, — велел он Яру.

Отрок резким движением откинул плащ с левого бока. Черное ничто заискрилось, поплыло. Диво, да и только: есть вроде плащ, и в то же время вроде бы его и нету, пустота, дыра на месте ткани. Однако Яр показывал Пожарскому вовсе не свой новый плащ.

Ножны. Те самые, что из пещеры рубинового клада вынесены, сняты с мертвого песиголовца, те самые, в которых Яр хранил рубиновый меч. Серебряная ажурная отделка восхищала любой, самый притязательный взор. Скалились вставшие на дыбы гривастые львы; серебрился в полете змей-дракон; распростерли крылья двуглавые орлы, сжимая добычу в когтистых лапах... Знатные ножны, мастер, видать, сработал. Вишена раньше и не замечал всего этого серебряного волшебства-великолепия.

В ножнах покоился клинок — темнела витая ухватистая рукоятка, переплетались железные змейки, образуя причудливой формы гарду. Вместо привычного шарика или ромба рукоять венчала ощерившаяся собачья голова.

— Ну? — спросил Вишена, оглядев все это повнимательнее.

Яр поднял на него неуверенный взор — так смотрят затравленные, выбившиеся из сил олени.

— Я не знаю откуда взялся сей клинок. Как рубинового меча лишился, ножны пустыми носил. Плащ этот меня занимал... Словом, когда я за ножны ненароком взялся, он уже был там. Но откуда? Кто его подсунул? Когда? Уж и не ведаю...

Коротким ладным движением Яр извлек меч из ножен, и Вишена едва не вскочил: он-то привык к сверкающим полированным клинкам; сей же клинок был черен, как плащ у лежича на плечах. Вороненый булат едва заметно поблескивал, а на гарде, там где Вишена привык видеть драгоценные камни, рубины иль изумруды, все едино, виднелись непонятные символы, разные с обеих сторон гарды.

— Это варяжские руны, — пояснил Тарус. — Мало кто в мире их помнит и понимает. Древние они, не теперешние.

— Что же значат они, чародей?

Тарус указал на гарду длинным коричневым пальцем:

— Это руна судьбы, Гэнмар. Но она перевернута. Вторая — Морк, означает постоянство и верность.

Вишена долго глядел, не мигая, на чародея.

— Что же? Отголоски рубинового колдовства?

Тарус пожал плечами:

— Похоже. А ты, Яр, не горюй. Где бы мы были без рубинового меча? А сначала-то и его убоялись не на шутку. Авось и этот, черный, на что сгодится. Ступай поспи. Набирайся сил.

Хлопец отошел в сторону и прилег рядом с Омутом, закутавшись в плащ. Плащ здорово согревал, несмотря на то что казался тонким и невесомым. И от дождя он защищал, третьего дня застал путников ливень-озорник, кругом струи поливали, на сажень не проглядишь, а на Яра хоть бы капля упала. Даже на голову — ни-ни! Вот только снять его нельзя. Точнее, снять-то можно, да едва отойдешь в сторону от него шага на три — коршуном взмоет в воздух, и на плечи. Застежка с рубинами сама собой: «Клац!» Попался, мол, голубчик... Эхма, что творится-то?»

Одолеваемый тревожными думами Яр забылся тяжким глубоким сном. Вишена с Тарусом остались сидеть у костра.

— Бедняга хлопец... изведется ведь... — пробормотал Пожарский со вздохом.

— Ничего. Коли сейчас не сломается, после его уж ничем не согнешь, — ответствовал Тарус, подбрасывая хворосту в пламя, жадно набрасывающееся на пищу. — Молодчага он, Яр. Иному и перстня с рубином, вросшего в палец, хватило бы с лихвой. А наш-то? С нечистью дрался, не робел, головы не опускал. Орел, да и только. Неужто мечом черным его доймут? Не, Вишена, не та кость. Кремень, не хлопец!

— Перехвалишь, — поморщился Вишена, — будет.

Тарус умолк, снова подкармливая костер. Ветер вкрадчиво шуршал в кронах четверки сосен: «Шу-шу-шу...» Где-то вдали орали лягушки, выл, протяжно и тоскливо, не то волк-одиночка, не то престарелый вовкулак. Над поляной мелькали черными молниями летучие мыши, чертя меж звезд замысловатую сеть; изредка бесшумно проносилась крупная неясыть.

— Как думаешь, далеко ли те, с Книгами? — спросил Вишена, задумчиво уставившись в огонь.

Чародей почти и не думал:

— Дня на два отстаем. Быстроногие они, черти, на север спешат, к морю. Поди их догони...

— Вдруг не догоним? А?

— Догоним, мыслю. Впереди болота сплошные, там они как пить дать задержатся. Ну а я тропку одну знаю счастливую, полешуки мне о ней поведали. Главное, к морю поспеть вместе с утеклецами. Там, думаю, их ладьи ждут не дождутся.

— А ежели они пехом?

— Тогда на запад свернут, вдоль побережья. Только и успевай! Но скорее — ладьи их дожидаются. Мореходы они, мореходами и останутся.

Вишена поскреб в затылке.

— А ежели — волками обернуться, а, чародей? Догоним вмиг, отобьем Книги — и деру!

— В зубах ты их потащишь, что ли? Умник! Как есть догонять надобно!

Вишена вздохнул печально. Вот она, магия. Когда помогает, а когда и мало от нее толку.

— Не серчай, Пожарский, придумаю что-нибудь. Чай не впервой.

— Небось придумаешь... — согласился Вишена и усмехнулся. — Думай, голова, шапку куплю!

Тарус уселся на корточки, протянув ладони к огню, — его излюбленная поза.

— Иди и ты досыпай, друже. Чего схватился посреди ночи? — сказал он.

— А ты как же? Не спишь?

— Я завтра отосплюсь, в походе...

Вишена только рукой махнул. Вот, мол, чародей-кудесник, вечно со своими штучками!

Разбудили его на рассвете. Лесные птахи затеяли обычный многоголосый звонкий концерт; ветерок за ночь улегся — спать, наверное.

— Вставай, Пожарский! Сейчас снимаемся!

Путники, зевая, готовились к дневному переходу. Купава успела сообразить какого-то бодрящего отвару, пустив деревянную чашу-долбленку по кругу. Звенело точило о металл — Славута ладил свою любимую пуще всего секиру.

Яр наутро выглядел повеселее, даром что в плащ все кутался. Ему как раз совали чашу с отваром:

— Держи братину, отрок!

Принял, отхлебнул и закашлялся.

— Ух-х! Горячий!

— Горячий, — передразнил Роксалан и хохотнул, — студи, дураче, под носом ветер!

Воины засмеялись; усмехнулся и Яр, подул в чашу, отхлебнул и передал дальше.

Ярило-солнце скоро высушит росу на траве. Пора бы и в путь.

И вновь шаг за шагом, пронзая леса, перебираясь через реки, по следам неуловимых скороходов-северян. Где бегом, где помедленнее, взбираясь на пригорки и петляя по извилистым тропам. Впереди — следопыты, дока-Боград да чикмы Пристень с Дементием. Здесь, здесь прошли даты! День, а то и все два назад. Живее, други, прибавим шагу! А солнце все клонится к макушкам сосен; уж и вечер опускается. В желудке урчит — страсть, ноги натруженные ноют, глаза слипаются... Который день спят все по четыре часа, не боле, летняя ночь с воробьиное крылышко, не успело стемнеть, уж и рассветает.

Вновь поляна, костер, спят наспех утолившие голод спутники, а у костра сидит на корточках Тарус-чародей, да Боромир-Непоседа рядышком на бревне пристроился.

— Слышь, чародей, что говорю, — завел беседу ватаг, — так мыслю: завтра пройдем недалече от Рыдог. Что, если свернуть? Коней добудем — в два счета северян достанем.

Тарус покачал головой, не соглашаясь:

— Нечисть в Рыдогах беснуется. Люди, кто цел, в Паги подались. Какие там кони?

— Да неужто все селения извели? Хутор Омута — еще ладно, но чтобы большое селение, не бывало такого!

— Много чего раньше не бывало, да теперь спасу нет. Меняются времена, друже. Меняются.

Боромир хлопнул ладонью по колену:

— Добро, пусть не в Рыдоги. В Чикмас можно, чуток севернее. В Пяшниц иль в Ходинскую. Большие селения, коней точно дадут. А?

— Северяне-то больше лесом прут. Какие уж тут кони, говорю? Да и нельзя уходить со следа. Отыщем ли после?

Боромир поглядел недоверчиво:

— Уже ль мы не следопыты? Али незрячие?

На это Тарус лишь загадочно усмехнулся:

— Умен ты, Боромир-Непоседа, не спорю. Однако не мни себя умнее прочих. Почем знаешь, может, и за нами кто идет? Песиголовцы, к примеру. Отвлечемся, время потеряем, а они след в сторону уведут, и все. Где кого сыщешь? Или сами Книги отберут, поминай потом, как звали! Нет, покуда мы на хвосте у северян висим, никуда не сунемся. Себе дороже.

Задумался Непоседа над словами Таруса. Рядом храпели ратнички. Венеды, как у них водится, легли кругом, голова к голове, остальные — как придется.

Прав, пожалуй, чародей. Кто их песиголовцев знает? Да и крыланов тех лупоглазых с секирами вспомнить нелишне. Недаром же они появились-то у отряда на пути?

— Не шевелись, Боромир, — вдруг тихо сказал Тарус, не поднимая при этом головы.

Боромир напрягся, но внешне это ничуть не было заметно.

— Что такое?

— Позади тебя в кустах возится кто-то. Вроде бы не зверь. Я глаза его видел, блеснули против костра.

Непоседа покосился на изумруды — светятся, правда, слабо. Как на нечисть, только если она далеченько. Странно.

— Буди Вишену, он ближе всех. Спать, мол, ложишься, уразумел?

— Угу...

Боромир потянулся, очень натурально, и встал.

— Пойду, пожалуй, — сказал он погромче. Приблизился к Вишене и пихнул того в бок, став на колени.

— Тихо, Пожарский!

Вишена приоткрыл глаза: чего, мол?

— Позади меня кусты, кто-то там хоронится, изловить надобно. Готов?

Вишена нашарил меч.

— Готов!

— Нумо!

Словно две тугие пружины распрямились — Вишена опрометью кинулся влево от куста, Боромир вправо; Тарус же поспешил прямо на куст. Заняло все секунды две.

Никого в кустах не оказалось.

— Что за наваждение? — удивился Тарус. — Ясно же видел!

Из-за толстого дубового ствола бесшумно, словно бесплотная тень, вынырнула размытая темнотой полусогнутая фигура. Скользнула в самую чащу, в сторону от поляны.

— Вот он!

В мгновение ока чужака зажали с трех сторон; послышалось не то рычание, не то хрип, и в дело пошли мечи. Фехтовал беглец круто, знай поспевай за ним, втроем едва справлялись. Подоспели вскоре Славута, Похил и кто-то из венедов, однако из лесу вынырнули еще двое с мечами.

— Песиголовцы! — сообразил наконец Тарус. — Не упустите их, други!

Вишене достался один из пришлых, в первый же момент разделавшийся с Дементием. Руку достал, тать!

Изумрудный меч замер в умелом хвате. Ну, поглядим, на что ты годен!

Запела сталь, зарычал противник; истинно — пес, дело твое — рычать! Однако мечом умеет. Эк лихо отбивает да отводит удары! А ежели тебя снизу? Увернулся, гляди. А ногой? Ага, не сладко, собачья башка!

Вишена угодил песиголовцу точно по мохнатому уху, и тот взвыл, от боли да от досады. Правильно учил отец — дерешься на мечах, руки-ноги тоже не забывай! Здорово помогает.

Бз-зиннь! Бз-зинь! Гец!

Кулаком между глаз! Хоть бы не куснул, зараза. С него станется. Сверху-сбоку, сверху-сбоку, лезвием. Успеваешь, песья морда? На тебе с вывертом!

Лязгнув, вражий меч улетел в кусты, и песиголовец отступил, растопырив руки да прижав уши.

— Ага! Испужался, отродье? — Вишена убрал меч в ножны. — Ну, иди сюда! Поглядим, каков ты на кулаках!

Но песиголовец вдруг развернулся, вознамерившись юркнуть меж тесно стоящих стволов. Удирать навострился. Да не тут-то было!

Ловкая подсечка — и вражина ткнулся мордой своей собачьей в прелые листья.

— Что, не по нраву? — спросил Вишена с издевкой. — Будешь знать, как по ночам в кустах шастать да подкрадываться.

Песиголовец тем временем поднялся и бросился на Пожарского, зарычав еще громче и злее, чем вначале. Рычал он, надо все же отметить, совсем иначе, нежели собаки. Есть ведь разница между речью и песней?

Вишена согнул руки, отвел прямой удар, уклонился от бокового и умело, от души залепил противнику ногой по треуглой голове. Только ноги взбрыкнули! Гляди-ка, приподнимается! Живуч. На тебе еще!

Твердая ладонь угостила вражину промеж ушей, тот упал, на этот раз окончательно.

— Не убей его, Вишена. А то мы двоих сдуру уже зарубили, — сказал вдруг Тарус, хватая Пожарского за руку. — Поспрошаем, глядишь, чего и скажет.

— Ну да! Неужто эта погань по-нашему разумеет? — не поверил Вишена.

— Да кто ж его собачью душу знает?!

Вокруг собрались уже все путники, разбуженные шумом. Роксалан с Купавой занялись раненым Дементием, венеды скопом скрутили пленника, да тот и не упирался. Висел, ровно тряпка, Вишена из него дух вышиб напрочь.

— Ловко ты его! — с завистью молвил Яр, пожирая Вишену восхищенным взглядом. — Что это?

Вишена усмехнулся:

— Это? Борьба такая, без оружия. Спас называется. Отец научил!

— А меня научишь?

— Научу, коли впрямь захочешь. Дай только Книги найти. Лады, хлопче?

— Лады, Пожарский!

Вернулись к кострам. Боромир заворчал на Вишену, скорее для порядка, чем всерьез:

— Орел, так тя... Меч в ножны — и ну кулаками махать! Ярмарка, что ли? Где ж это видано, без оружия драться?

— Ладно, Непоседа, не бурчи. Я ж у него меч выбил.

— Ну и что? Огрел плашмя или рукояткой по башке, да и дело с концом. А то — Спас, отец научил... Плохо учил, так тя...

Тарус возился с песиголовцем. По-людски тот не соображал ни бельмеса, как и полагал Пожарский с самого начала. А жаль.

— Ладно, — сдался наконец чародей после получаса безуспешных попыток найти общий язык. Песиголовец только рычал да скалил зубы. Клыков у него, кстати, почти и не было видно. Маленькие, чуть поболе остальных зубов. Да и вообще, зубы совсем не собачьи, ближе уж к человеческим.

— Свяжите его, чтоб не удрал. На рассвете отпустим.

— Отпустим? — удивился Боромир. — Это еще зачем?

— Не убивать же его? — ответствовал уверенно чародей. — С мертвого какой прок? Вернется к своим, расскажет, так, мол, и так, задали нам жару, еле живот сберег. Другой раз поостерегутся соваться.

Боромир махнул рукой:

— Будь по-твоему. Голова ты, Тарус-чародей. Ох, голова!

На том и разошлись. Выставили часового на всякий случай, и на боковую. Однако на этом приключения сей беспокойной ночи не завершились. Спустя час Пристень-часовой вновь поднял тревогу: к костру невесть откуда выбрел дикий злющий упырь. Здоровущий, глаза красным полыхают, что твои угли, клыки наружу, когти — что у медведя, страхолюдина, ей-право... С таким в одиночку встретиться, хлопот не оберешься.

— Огнем, огнем его, братцы! — командовал Тарус.

Братцы живо похватали пылающие ветви и окружили упыря; Тарус нащупал старинный амулет в виде человеческой ладони, наложил защитное заклятье и отослал упырину на запад, к бездонным омутам речки Векши. Пущай поплавает! Убрел сбитый с толку вурдалачище, вращая глазами да сопя.

— Тьфу ты, пропадь! Отоспаться не дадут, вражьи дети, — проворчал Боромир, возвращаясь к костру. — Гоняй их по ночам, словно дела больше нет.

С рассветом кое-кого было не растолкать — умаялись ратнички. Однако с грехом пополам наладились в путь-дорогу.

Пленника-песиголовца отпустили. Боград, разрезая ему путы, приговаривал, хоть и знал, что его не поймут:

— Так и скажи сброду своему несусветному, мол, не ваше это собачье дело — за Книгами ходить! Уразумел, ушастый?

Песиголовец щурился на свет и недоверчиво косил глубоко посаженными маленькими глазками, не веря, что свободен. Меч его подобрал Омут и спрятал в суму-чехол; два других взяли Славута и подраненный Дементий. Клинки были старые, добротные, но чересчур узкие и длинноватые.

— Чудно! — вздыхал Боград. — Одет вроде по-людски, руки-ноги на месте, даром что мохнатые. И — на тебе! — такая рожа. Что за твари эти песиголовцы? Чудно, одним словом.

— Чего только на белом свете не бывает, — вздохнул вслед за Боградом Роксалан, басом, низким и раскатистым.

Выступили, все еще обсуждая это странное создание — впервые ведь увидали такого. Раньше Лойды и окрестных земель достигали лишь смутные, искаженные до неузнаваемости слухи о собакоголовых. Ожидали, что окажутся они пострашнее. Не сравнишь с вовкулаками — вот те воистину чудища!

Мало-помалу приближались к болотам. Около полудня захлюпало под ногами, стали попадаться обширные желтые моховища.

— Морошки будет сей год — страсть! — заметил довольно Омут, большой до морошки охотник.

След датов весьма уверенно вывел к берегу Миги-реки и чуток свернул к северо-западу.

— Ну, чародей, — кисло молвил Вишена, — видать, знают они тропку твою счастливую...

— Не говори «Гоп»... — ничуть не смутился Тарус. — Еще не вечер, Пожарский. Поглядим, кто кого.

У Каменного Брода переправились на левый берег Миги. Первая полоса болот осталась за рекой; дальше пошло каменистое голое всхолмье, оттененное с севера и востока зубчатой стеной хвойного леса. Следы на твердой, усеянной ледниковыми валунами почве мудрено было разглядеть, однако следопыты свое дело знали и вели без задержек. Даты быстро оставили реку, вновь устремляясь на север, в леса. Бор,

крепкий, медный, ядреный поглотил и беглецов, и преследователей.

Степняки-венеды, выросшие в седлах, часто вздыхали: «Коней бы...» Да где их возьмешь? Шли все в стороне от селений, западнее. Границы родных земель оставались справа, за лесом и болотистыми равнинами.

Конское ржание услыхали под вечер. Боград мигом насторожился и известил Таруса с Боромиром.

— Тут нигде в округе селений нет ближе чем в Чикмасе. Отряд это чей-то, — уверенно сказал Боромир.

— Может, наши? — предположил Боград. — Заворич с Позвиздом.

Тарус недоуменно пожал плечами:

— Да что им тут делать?

— Разобрались с песиголовцами, и в Лойду. А оттуда верхом. Нас ищут.

— Вряд ли, — упорствовал Тарус. — Они бы искали совсем в другой стороне, южнее. А эти на севере.

— Не даты же это?

— Уж конечно...

До захода солнца оставалось еще порядком, часа три, а то и поболе. Боград, задумчиво глядя на слепящий лик Ярилы, пробормотал, будто каждое слово пережевывал:

— Поглядеть кто такие, а, чародей?

— Пожалуй. Бери брата и пошли.

Богуслав был тут как тут. Немедля и отправились на звуки. Боромир с остальными спутниками присели отдохнуть в густых зарослях можжевельника.

Тарус с венедами забрали немного к западу, чтоб выйти ко всадникам, имея солнце за спинами. Неслышно пробирались меж сосен, топча прошлогоднюю хвою, мягко-мягко, ровно рыси. Вскоре открылся просторный луг; с востока его ограничивал широкий безымянный ручей, приток Миги. Горели костры, вокруг них копошилось человек сорок. Почти все щеголяли в знакомых Тарусу остроконечных шапках.

— Ба! — узнал чужаков чародей. — Те самые всадники, что Яра в Рыдогах пленили.

Некоторое время все трое пристально разглядывали пришлых. Те расселись у костров, ели небось. В стороне, у табу-

на, сновали еще человек пять; чем они там занимались, рассмотреть толком никак не удавалось.

— Пугнуть бы их... — прошептал Боград с некоторым сомнением.

— Зачем? — удивился Тарус. — Сидят, ну и пусть себе сидят. Обойдем лесом, и дело с концом. А так — всполошатся, чего натворят-наворотят? Иди знай! Обойдем, вернее не придумаешь.

Чужаки сниматься со стоянки явно не собирались, что было на руку.

Вернулись к отряду, перемолвились с Боромиром. Неслышно, словно тени, обогнули луг берегом Миги-реки и ушли на север. До захода солнца успели оторваться достаточно далеко.

— Коней бы у них увести... — всю дорогу монотонно бормотал Боград. — Эх, жаль, много их, окаянных...

Уже в сумерках Тарус не выдержал и оборвал ватажка венедов:

— Да уймись ты, всадник! Не будет толку нам от коней, понял? В первый же день похода лишились их, зря думаешь? ТОТ, с востока, над коньми властен пуще нас всех вместе взятых. Как еще не погиб никто под копытами, дивлюсь до сих пор. Нельзя нам верхом, никак нельзя! Да и сейчас уйти бы подальше от них, гривастых, спокойнее. Ушлый ОН. И ученый.

Путники выслушали это молча.

— Ну что? — спросил наконец Боромир. — Еще отойдем?

Топали часа два, натыкаясь в темноте на сучья; после все же стали на ночлег. Сморило всех не на шутку, ночью хоть бы кто окрест шлялся, все одно не проснулся бы ни один. К утру разлепил веки Боромир-Непоседа — все целы, только костры давно погасли. Если кто и проник в лагерь, скрываемый мраком, вреда не учинил.

Наскоро собрались-отряхнулись, и в путь-дорогу. Гонка за датами-беглецами изрядно всех утомила, однако до моря оставалось еще порядком, полпути только прошли. И как бы не отстать?

Часа через два их настиг мерный стук копыт, волной накатывавшийся сзади, из-за спин.

— Вот черти! — в сердцах обронил Тарус. — За нами пустились. Придется и впрямь пугнуть.

К чародею приблизился Дементий.

— Слышь, Тарус! Помнишь ли, как на празднике Желтых Листьев Назислав-венед лешим переоделся? Как девок в бору пугал?

Тарус помнил. О проделке Назислава, известного боле под прозвищем Лоботряс, долго судили-рядили-пересуживали от Рыдог до Тялшина. Как не помнить! Весь люд хохотал до упаду.

— Я как-то пробовал... — сказал Дементий серьезно. — Мужичков после еле брагой отпоили. Дозволь, а?

Тарус задумался:

— Добро, друже! Только тебе другое дело сыщется. Богуслав!

Венед мигом предстал пред чародеевы очи.

— Лешего видел хоть раз?

Тот пожал плечами.

— Пойдешь пришлых пужать!

— Гей, Тарус! Лучше уж я, — стал перечить Дементий, — не в первый раз, не подведу.

— Богуслав пойдет, — отрезал Тарус. — Сказано! Да и ранен ты. Дементий насупился и отошел в сторону. Чародей проводил его жестким взглядом. Выбор пал на Богуслава не случайно: и быстроног, и коней лучше разумеет, и кинжалом если что попроворнее любого чикма... А главное — глаза у него разные, левый карий, правый зеленый. Это, правда, больше на полевого смахивает, зато от сглаза сбережет наверняка. Кто их знает этих, в шапках... Чикмы же наоборот, на земле тверже стоят, не проймешь их ни мечом, ни секирой.

О секирах чародей вспомнил не случайно: утром углядел рядом с безмятежно спящим Яром крупные волчьи следы. Крыланы-всадники, больше некому. И песиголовцев давно не видать, не слыхать. Не замышляют ли чего?

Богуслав скинул куртку, вывернул наизнанку; сапоги переодел с правой ноги на левую. Волосы его долгие и волнистые враз зазеленели, едва чародей посыпал их порошком из разукрашенного мешочка, приговаривая вполголоса. И бороду приклеил, седую, косматую, нечесаную...

— Ну, Тарус! Чего у тебя в суме только не сыщется, — восхитился Боромир, оглядывая переодетого Богуслава. — Кабы не знал, кто это, давно уж стрекача бы задал!

Тарус усмехнулся, поворачивая Богуслава и так, и эдак.

— Похож! На тебе «волчину», — протянул он венеду крохотный землистого цвета шарик, невзрачный и на первый взгляд никчемный. Однако волчьим духом от него разило как от целой стаи. Богуславу не требовалось объяснять для чего он — кони, учуяв запах своего извечного врага, да еще такой плотный и ядреный, поднимут невообразимый хай, а там уж и всадников перепугать не мудреная задача.

— Главное, глаза выпучи и дыши погромче, — наставлял перевертыша Тарус. — Мы уж повоем по кустам, страсти подпустим. Одним словом — не маленький, не мне тебя учить. Уразумел?

Венед кивнул:

— Справлюсь, чародей.

Тарус еще разок оглядел его и хлопнул по плечу:

— Давай, друже!

Всадники приблизились за это время вполовину. Богуслав скользнул в густую тень кустарника, ступая слегка вперевалку — ни дать ни взять: леший! Аж мороз по коже.

— Чеслав! Вавила! — позвал близнецов чародей. — Со мной пойдете. А ты, Непоседа, людей схорони, да глаз прищурь, авось и разглядишь чего. Могут гости пожаловать.

— Добро, Тарус! — кивнул Боромир и обернулся. Отряд, повинуясь его мягкому жесту, вмиг рассыпался по кустам. Чародей с близнецами-венедами неспешно двинулся вслед за Богуславом.

А тот уже успел отбежать далеченько. Отыскал тропу, по которой ехали всадники, и трусил им навстречу чуть в стороне, вслушиваясь в чуткие шорохи леса да зорко шаря взглядом по зелени. Приглушенный стук копыт звучал все ближе и отчетливее.

«Схоронюсь, — решил Богуслав. — А после как выскочу!»

С тем и юркнул в ломкие притропные кусты.

Невзрачную фигуру, серую, согбенную и бесформенную, он заметил не сразу. Присмотрелся — одежда наизнанку, усы

с бородищей седы, волосы — как вековой лишайник. И глазами: зырк направо, зырк налево! Тоже лешим переодет.

Богуслав ничком отполз назад и, прячась за стволами, перебежал. Теперь фигура была обращена к нему лицом. Всмотрелся — Дементий! Эх, ма, ослушался чикм Таруса, переоделся, решил, видать, и себе попугать пришлых. Ладно уж, куда деваться? Вдвоем так вдвоем.

Богуслав ненадолго показался Дементию, знаками пояснил: мол, подъедут всадники поближе, разом выскакиваем! Ну а там как получится.

Дементий секунд пять глядел на венеда, потом согласно кивнул. Тут и спрятались оба.

Птахи щебетали, будто в последний раз. Солнце, играючи, проглядывало сквозь густые кроны, швырялось озорными лучиками, разгоняя лесной полумрак. «Благодать! — подумал с тоской Богуслав. — Сейчас бы в сено и спать. А мы воюем...»

Чужаки вскоре показались из-за дальнего поворота тропы. Островерхие их шапки чиркали по упругим свежим ветвям, и шуршание это вплеталось в звук мерной поступи копей. Богуслав не успел еще ничего предпринять, как вдруг могучий дуб, растущий в двух шагах от тропы, заскрипел так, что мороз продрал по коже у самых отчаянных, и покосился; из гущи листьев с хриплым карканьем вырвалось с пяток ворон.

Всадники замерли. Дементий по ту сторону тропы вдруг заголосил-заулюлюкал и упал, скрывшись из виду. Кони захрапели, вздымаясь на дыбы; Богуслав, подливая масла в огонь, дунул на шарик-волчину, кони забились пуще прежнего. Справа вроде сотня филинов угрюмо заорала-заухала; дуб поскрипел-поскрипел, да и рухнул поперек тропы с ужасающим скрежетом.

Чужаки опомнились и рванули верхом к западу, поворотив с тропы, прямо через чащу, не разбирая дороги. Богуслав поглядел на них с усмехом — во, испужались! Из зарослей ежевики показался Дементий, махая рукой: пошли, мол!

Пробежали шагов сто лесом и неведомо как оказались впереди и чуть сбоку от удирающих напропалую чужаков. Слышались невнятные крики:

— Лешак! Лешак!

Дементий семенил, припадая к земле, потом растопырил руки: стой! Богуслав остановился на полшаге.

Впору было протереть глаза: лес впереди скачущих прочь всадников вдруг разом поплыл влево; причем дальние деревья плыли быстрее. Даже солнечные лучи, издревле образцово прямые, немыслимо изогнулись, походя теперь на гигантские коромысла.

— Ну, Тарус, ну дает! — пробормотал восхищенно Богуслав, списывая все чудеса на Таруса.

Всадники, полагающие, что скачут прямо, неожиданно вывернули опять на тропу и, не успев остановиться, кувырком полетели через ствол упавшего дуба. Неистово ржали от боли кони, переломавшие ноги, вопили в ужасе потерявшие голову чужаки. Кто успел-таки отвернуть, влетел с разгону в невесть откуда взявшийся овраг. Скопом туда, в клубящиеся колючие заросли ежевики, обрушились человек двадцать; мало кто сумел выпрыгнуть из седла и спастись. Прочих же насмерть давили обезумевшие кони.

Богуслав пошарил глазами, узрел Дементия. Тот призывно махал рукой. Венед, не подозревая ничего худого, пошел к нему, осторожно раздвигая неподатливые ветви. Приблизился и обмер: вовсе это не Дементий! Старик какой-то. Кожа морщинистая, словно кора древнего дуба, глаза горят-полыхают ровно угольки. И уха правого нет вовсе.

«Леций! Настоящий лесовик-хозяин! Вот попал-то!»

— Здорово, соседушка! — скрипуче поздоровался леший. Прищурился, поглядел. — Ба! Да это и не сосед!

Богуслав похолодел, но испуга старался не казать.

— Откуда ж ты забрел, родич? Из каких лесов? — допытывался старик.

Венед несмело указал перстом на восток:

— Из-за Лойды да из-за Тялшина я...

«И вовсе он не востроголовый, — подумал Богуслав растерянно. — Черти ж все востроголовые. А этот — нет. Может, впрямь переодетый?»

Однако присмотрелся и зажмурился в отчаянии: у старика не было тени. Точно, леший!

Нечистый приблизился, шумно дыша, Богуслав едва не пошатнулся — от него разило крепким пивом!

— В гости, значит? — молвил леший и вдруг громко икнул. — Хик-к!

Богуслав бестолково хлопал глазами. Старик вздохнул:

— Пошли выпьем, что ли? Именины у меня сегодня, родич.

Венед покорился. А что оставалось? Едва ступить успели, закружились вокруг них елки да дубы, учинили хоровод, тропа с оврагом пропали, как и не было, а стала поляна широкая с рубленой избушкой посредине. С каждого бревна сивыми гроздьями свисали мохнатые лишайники; у стен возвышались здоровущие ядовито-красные мухоморы. Сама собой отворилась дверь, заскрипела на весь лес.

— Входи! — пригласил хозяин, полуобернувшись на пороге.

«Пропаду!» — отчаянно подумал Богуслав, ныряя вслед.

В избушке было тепло и сумрачно. Из-под ног шарахнулся толстый удивленный заяц. Леший на него по-разбойничьи засвистал.

— Садись, родич!

На столе румянились блины, полная миска, стояла резная деревянная чаша со сметаной и другая со смородиновым вареньем. И еще небольшая ендова с солеными крепкими грибочками.

Богуслав с опаской опустился на грубую дубовую скамью, словно на ежа. Леший грохнул на стол объемистую бадью с хмельным и мигом наполнил устрашающих размеров кружки.

— За именинника? — несмело предложил Богуслав.

Леший благодарно кивнул, поднял кружку и порядком отхлебнул. По буйным его усам потекла обильная пена.

Отведал напитка и венед, довольно крякнув, — не какое-нибудь деревенское полпиво. Знатное питье!

— Ух! Куда как с добром! — восхитился Богуслав совершенно искренне. Леший только хмыкнул.

Выпили еще по одной, закусили грибами. Страх незаметно улетучился, старик вдруг стал милым и дорогим, что твой родич. Шумит слегка в голове, однако ж здорово!

К четвертой кружке Богуслав встал.

— Какие именины без подарка? Держи, хозяин, носи не переноси!

С этими словами снял венед расшитый атласный пояс, какой мать ему подарила прошлой весной, вещь любимую и красивую, и протянул старику. Тот принял, глаза сверкнули, видать, понравился подарок.

— Ну, спасибо, родич. Уважил! Никто мне доселе подарков не делал...

За второй бадьей гуляки обнялись.

— А знаешь, друже, — сказал Богуслав, осоловело глядя на лешего. — Не скрою от тебя правды (буль-буль).

Старик попытался сосредоточить взгляд на венеде. Удалось, хотя и не сразу.

— Я ведь человек! Ж-живой!

— Ну и что? — ответствовал леший. — Я знаю. Сразу понял. Дак ведь и среди людей хорошие попадаются. Давай лучше за лес мой выпьем? Чтоб стоял он, всех перестоял! А?

— А-гей!

Со стуком встретились кружки.

— Уф-ф! Наливай еще, хозяин!

Пиво с клокотанием полилось из бадьи.

— Я ведь быстро смекнул, что ты не леший, а людского роду-племени...

Венед захохотал:

— А я наоборот, тебя за человека переодетого принял. Вот потеха!

Посмеялись. Леший, обняв Богуслава, изливал ему душу (ибо и черти спьяну имеют душу):

— Ты не думай, я не злюка, даром что нежить. Людей редко трогаю. Те конники едва пол-леса не сожгли, злодеи. Как не проучить? А вот намедни заблудился мужичонка в дальней пуще. Проклинал меня, страсть, хотя я его и не думал водить. Показался. Так, мол, и так, объяснил бедняге, что ни при чем. Домой отвел; а он мне из селения блинов вон приволок. «Держи, говорит, жена передала. Ешь на здоровье».

Леший вновь взялся за кружку.

— Ты молодец, однако, что не испужался. Не люблю пужливых! Давай теперь за смелость выпьем!

Бам-м! Выпили.

Приговорили помалу и вторую бадью. Третью леший, пошатываясь, выкатил наружу и вышиб кулаком крышку. Сели,

обнявшись крепче прежнего, на пороге, черпая кружками прямо из бадьи и глядя на потемневшую стену леса.

— Споем, что ли? — предложил леший. — Люблю я ваши людские песни петь.

— Непременно споем! Вот эт-ту: «Ой, на горе ветер свищет!»

Леший подхватил зычным дивным голосом. На славу спели. Потом и «Походную» затянули, и «Чудный месяц», «Веселого зайца» (эту леший с особой радостью пел, даже кружкой по бадье ритм отстукивал), и «Реченьку».

Спели, выпили, отдышались.

— А нашу венедскую слободскую знаешь?

Леший закивал:

— Ну а как же!

И завели с самого начала:

Мы не жнем хлеба, не сеем,
Нам страда — не страда,
Для земли родной для всей
Мы заслон — слобода...

Малых детушек вскормили,
Отымая от груди,
Кто с ухваткою и в силе —
В слободу приходи!

Тут и услыхали их Тарус и близнецы, сбившиеся с ног, разыскивая пропавшего Богуслава. А над лесом гремело:

Печенеги да хазары
Серым волком снуют,
А татары, что ли, даром
У дорог стерегут?
И стоим, покуда живы,
Сколько надо стоять,
Чтоб на легкую поживу
Не загадывал тать!

— Наша песня, венедская, — прошептал Вавила чародею. — Слободяне ее поют.

Тарус прислушался к далеким голосам и покачал головой: ишь, выводят!

Выводили в два голоса:

Вражьи головы сымали
Да с плечей сволочей,
Да в загривок натолкали
Из печей калачей.

Позабудет тать дорогу,
Знать, не мил белый свет.
Коль споткнулся у порога,
Значит, в дом хода нет!

Не захочешь, а и будешь сердит:
Наша степь не нашей сбруей звенит.
Собиралася намедни орда,
Разобралася с ордой слобода!

И Боромир с товарищами-побратимами удивленно вслушивались в пение, не особо вроде и громкое, однако слышимое по всему лесу. Стемнело; круглый лик луны, желтый, как масло, взирал свысока на землю. Беспокойно вертели головами песиголовцы, ставшие на ночь юго-восточнее; повскакивали на севере даты, хватаясь за оружие и внимая непонятным словам.

Ужо, молодушки-лебедушки,
Не след вам серчать,
Добра молодца зазнобушке
Не век привечать,

Уж такая наша доля,
Что сам черт нам не брат:
Добрый конь, широко поле
Да каленый булат!

Обнимает нас кольчуга —
Нам до смерти жена,
Нету лучшего досуга,
Как с седлом стремена,

Али мало ковылями
Басурмана полегло,
Али мало крови нашей
По степям протекло?

— Хорошо ведь поют, обормоты! — в сердцах сплюнул Тарус. — С кем же это Богуслав наш пьянствует? Не с лешим же?

Гуляки тем временем закончили:

Впереди того немало,
Что навеки и брань,
Слободу не прогадала
Наша Тьмутаракань!

Такую бравую песню стоило как следует запить.

— Уф! Молодцы мы, правда, лесовик? Где б я еще ночью вот так спел?

— Да уж! — подтвердил леший, вздыхая на луну и отхлебывая пиво.

— И питье у тебя доброе! И грибочки вкуснятина! Одним словом, спасибо, хозяин! Вовек не забуду нашей встречи.

Леший опять вздохнул:

— Пойдешь уже? — Он вроде бы даже слегка протрезвел. — Пора, что ли? У вас, людей, всегда дел по горло...

Помолчали. Богуслав вспомнил о спутниках, потому и заспешил.

— Ну да ладно. Спасибо за компанию! Славно попели.

Леший с чувством потрепал венеда по плечу:

— Зовут-то тебя как, человече?

— Богуславом...

Вздохнул:

— Прощай, Богуслав. Может, когда и свидимся...

— Прощай, хозяин!

Обнялись на прощание. Богуслав только и успел, что ступить — исчезла поляна, и избенка, и леший. Лес словно закружился в величавом хороводе; р-раз — и оказался венед среди своих, рядом с Боромиром и Омутом. Из чащи показались Тарус, Вавила и Чеслав. Все недоуменно оглядывались: леший их тоже завернул невесть откуда.

— Ну и ну! Богуслав, ты ли это? Вот это спели, на весь лес! — всплеснул руками Боромир.

— Глядите, глядите — бадья! С пивом небось! — разглядел Дементий и слегка пнул ее. — Полная!

«Безобразие да и только», — покачал головой Тарус. Лишь он да Вишена видели, как коротко вспыхнули волшебные изумруды, вспыхнули и медленно погасли.

Богуслав доказывал спутникам, что леший — славный парень, у чародея безудержно разболелась голова, а Славута, заткнув секиру за пояс, глубокомысленно заметил:

— Стало быть, ужинаем сегодня с пивом...

Наутро голова у Богуслава гудела, словно там поселились шмели. Тарус мрачно поднес ему чашу на опохмел.

— На, испей, обормот.

Венед жадно выпил. Чародей обернулся к Бограду, лениво жующему травинку:

— Погляди на своего братца, ватаг! А ведь велено было — всего-то! — чужаков пугнуть. Ан нет, весь лес на уши поставили! И с кем, с кем — с нечистью! С лешим!

Богуслав, виновато глядя в землю, молвил:

— Я думал, это кто из вас переоделся... Куда ж мне деваться-то было? Струхнул малость... Да и он-то, леший, получше многих людей будет, я вам скажу. Хоть и нечисть.

— Полно, не оправдывайся. Не за то отчитываю, что пили, а за то, что орали на всю округу.

Взлохмаченный с ночи Богуслав только вздохнул. Не объяснять же, что пиво больно доброе, да душа требовала попеть?

Моря достигли спустя одиннадцать дней. Шли все время чуть не бегом, лиственные леса и болота Полесья остались далеко на юге. Здесь царили степенные сосновые боры. Казалось, что медные, пышущие здоровьем древесные стволы тихонько звенят, наполняя воздух тончайшими хрустальными нитями.

Богуслав эти дни помалкивал: тише воды, ниже травы. Раз только сказал чародею:

— Жаль, что сразу не догадался лешего попросить, чтоб датов по кругу поводил, а нас прямехонько к ним направил. Где ж его теперь искать?

Тарус возразил:

— Оставь, друже. От нечисти помощь примешь — вовек не расплатишься. Сами уж как-нибудь...

Боле об этом речи никто не заводил. Да и не поговоришь особо: днями шли, за дыханием уследить бы, не запыхаться, какие там разговоры! А ночами спали без просыпу. Дважды

во мраке отбивались от вовкулаков; Яр в гневе изрубил на кусочки глупого упыря-подростка. Черный меч повиновался хозяину беспрекословно, чувствовалась и в нем немалая сила.

А после в воздухе стала угадываться непривычная солоноватая свежесть. Над лесом часто пролетали белые птицы с перепонками на лапах. Чайки, вестники моря. Скоро и лес поредел, островками топились невысокие стройные сосенки на песчаных дюнах.

Путники торопились. Боромир рвался к берегу, как забияка в драку. А Тарус вдруг начал чаще оглядываться, словно кого-то искал.

На вершине высокой дюны чародей остановил спутников. Перед ними разлеглось беспокойное Варяжское море, до самого горизонта, казалось, нет ему ни конца, ни края. Гуляли на просторе белопенные барашки, облизывая голый песчаный берег. Туманная дымка застила даль и скрадывала расстояния, но ясно виделось: на водной глади не покачивалась ни одна ладья, на прибрежном песке никто не оставил ни единого следа.

— Так-так, — пробормотал чародей, оглядывая все это. — Похоже, повезло нам, други. Не смогли северяне уйти морем! Значит, догоним!

Взгляды путников обратились к западу. Пустынное побережье терялось вдали; справа море, слева дюны да сосны редкие.

— Гей, Тарус!

На дюну взбирались ушедшие было вперед следопыты — Боград, Пристень и Дементий, теперь оказавшиеся почему-то позади всех.

— Как след? — нетерпеливо спросил чародей.

Следопыты приблизились. Боград негромко молвил, поглаживая курчавую бороду:

— Сворачивает след. Вдоль моря.

Глаза Таруса заблестели: сбывались его надежды и догадки. Он вновь поглядел на запад. Так смотрят лисы в сторону курятника.

— Намного ли отстаем, как думаешь? А Боград?

Венед пожал плечами:

— На день, около того.

Чародей согласно кивнул, продолжая всматриваться вдаль.

— Не туда глядишь, чародей. Даты повернули на восток.

Слова Боград поразили всех, словно гром в январе. Тарус рывком обернулся.

— На восток? В своем ли ты уме, Боград? Что им там делать?

Такого изумления за чародеем никто не помнил. Ветер развевал его длинные волосы, а древнее море невозмутимо шумело, мерно накатываясь на песчаный берег.

Глава 15
ТРИ ЗВЕЗДЫ И ТРИ МОЛНИИ

Почему Йэльм решил идти на восток, он и сам толком не понимал. Ладьи должны были вернуться за ними лишь осенью, сейчас же лето только-только пошло на убыль. Дышала в затылок погоня, ярл это чувствовал. Сначала думал свернуть на запад и уходить к родным фиордам сушей; однако чем ближе подбирались к морю даты, тем сильнее становилось желание свернуть на восток. Йэльм не знал, что там. Но туда тянуло словно магнитом. Остатки дружины подчинились ярлу с радостью, хотя никто не задумался, чем привлекает его сторона восходящего солнца.

Даты просочились сквозь вереницу пологих песчаных дюн; море плескалось по левую руку от них.

Каждый новый шаг уводил все дальше от Лербю-фиорда, и мысли эти наполняли тревогой сердца воинов, но тревога смешивалась с непонятной радостью, охватившей всех датов после поворота на восток.

Скоро морской берег изогнулся к северу, даты вновь углубились в дремучие чужеземные леса.

Странное дело: на восток за датами идти оказалось легче, чем доселе на север. И уставать стали меньше, и след беглецов яснее виднелся. Хотя расстояние между северянами и Боромировым отрядом, похоже, оставалось прежним, чуть больше дня пути.

Все лойдяне повеселели, чаще улыбались. Отчего — не стали гадать. Лес принимал их без злобы. Приветливо махали ветвями сосны да березы, беззаботно считала непрожитые кем-то годы далекая кукушка, барабанной дробью салютовал дятел. Отъевшееся уже зверье мало заботили спешащие по своим делам люди. Волки вообще не показывались на глаза, хотя следов их вдоль ручьев да озер хватало, медведи бурыми косматыми шарами замирали, провожая путников беззлобными взглядами. Зато стрекот сорок преследовал отряд неотступно. Казалось, целая стая крикливых птиц увязалась за людьми и отставать вовсе не собирается.

Впрочем, на них никто не обращал внимания. Разве только Яр иногда зачем-то швырял в сорок валежинами — из озорства, что ли? Его не поддерживали, но и не останавливали.

Боромир часто говорил с Тарусом прямо на ходу, особенно с утра. Время от времени к ним присоединялись Боград, Роксалан или Вишена со Славутой. Пристень с Дементием следопытствовали впереди, порой даже на ночь не возвращаясь к отряду. Разводили свой костер, а с рассветом первыми снимались с ночевки.

Даты разделились на девятый день после поворота на восток. Миновав светлые рощи и медные дубравы Тумани, треть северян неожиданно направилась на юг; остальные продолжали резво топать к восходу. Какая группа несла ларец с Книгами, гадать было бесполезно, а посему Боромир с Тарусом порешили пустить по их следу шестерых чикмов — Роксалана, Пристеня, Дементия, Палеха, Атяша и Прона, и вдобавок Омута; сами же поспешили за остальными. Спустя три дня история повторилась: оставшиеся даты разделились поровну, половина свернула к югу, другая двинулась по плавной дуге, все больше склоняясь к юго-востоку. Теперь на юг отправили шестерку венедов с Яром. Тарус велел Бограду присматривать за хлопцем. Неровен час случится что... Темный клинок, плащ, рубины...

За три дня следы последней группы датов отклонились почти точно на юг. Зачем понадобилось им делиться, чтобы идти тремя группами в одном и том же направлении? Может, хотят разделить и людей Боромира? Какая группа несет Книги? И зачем, скажите на милость, было забираться так далеко к се-

веру? Шли бы сразу на восток от пещер дулебских, и все тут. Так нет же... Тарус терялся в догадках.

Сухой восточный ветер застревал в пыльных кронах невысоких корявых деревьев. Небо словно выцвело: куда подевалась его бездонная голубизна? Стало оно белесым, жарким. Справа все явственней обозначалась река. Сначала малый ручей, после — речушка-озорнушка, а потом — могучий плавный поток, впитывающий в себя другие реки и ручьи. Лес редел, распадаясь на отдельные группы деревьев. Это значило лишь одно: приближались путники к печенежским землям. Все труднее отыскивались дрова для костра, меньше зверья попадалось навстречу, зато вдоволь лойдяне ели необычайно вкусной востроносой рыбы, черной и крупной, которой кишели местные воды. Славута легко добывал ее, насадив на костяной крючок длинных речных червей. Вечера выдавались все чаще тихие; легкий дымок костра столбом поднимался прямо вверх. Купава обычно возилась у костра, готовила снедь; Боромир, Тарус, Похил, Озарич, Вишена и Славута, выкупавшись, некоторое время блаженствовали на песке у воды, давая отдых натруженным ногам. Так же, вероятно, поступали и венеды, если шли недалеко от противоположного берега. Хотя вряд ли. Свернули они раньше, чем приблизились к реке.

Утром поднимались рано, до света, и тотчас отправлялись в путь по свежим следам датов. Похоже на то, что северяне, непривычные к пешим переходам, все сильнее уставали и лойдяне их постепенно нагоняли. Впереди всегда шел Тарус, замыкал семерку обычно Боромир. Крохотное облачко пыли вздымалось до уровня колен при каждом шаге. Часто попадались крупные камни, рыжие, угловатые, шершавые. Вишена привык к гладким ледниковым валунам, серым и округлым; эти же непривычные глазу глыбы казались осколками чужих неведомых миров.

Погоня завела их далеко в чужие земли. Вишена слыхал когда-то об этой громадной Реке от венедов, сам же доселе ни разу ее не видел. И не слыхал, чтобы кто-нибудь из венедов переправлялся на левый печенежский берег. Смутное чувство вселилось в Пожарского: далеко родной край; скоро ли доведется его увидеть?

Река со слабым шелестом накатывала на песчаный берег ровные зеленоватые волны. Над путниками кружила пустельга, высматривая добычу; Тарус наблюдал за ней, прищурив глаз.

— Что не так, чародей? — не останавливаясь спросил Вишена.

Тарус, задрав голову, продолжал глядеть на небо. Стал и Вишена, и остальные. Подошли Боромир с дреговичем. Птица тем временем слетала к северу, туда, откуда пришли лойдяне, покружилась там и вернулась. Теперь парила точно над головами путников.

— Нешто так близко? — глухо молвил Боромир. Все его поняли: песиголовцы. Последние дни дым их костра был ясно заметен. Так же, как и дым костра датов.

Тарус вздохнул:

— Идем, други. Авось повезет...

Пыльные облачка вновь заплясали под ногами. Следы датов ясно виднелись на земле; шли те, никуда не сворачивая, вдоль Реки.

Скоро берег стал возвышаться над водой, попадались небольшие скалы, порой обрывающиеся прямо в воду.

Скалу со знаком первым узрел Вишена.

— Эй! Глядите, други! Руны!

Тарус глянул: на гладком камне умелый резец вывел две древневаряжские руны, Гэнмар, руна судьбы, и Морк, верности и постоянства. Первая была перевернута. Внизу, под рунами, виднелась стрелка, указывающая влево, прочь от Реки.

— На Яровом мече такие руны! — узнал Вишена. Как не узнать?

Тарус лишь головой качнул. Радоваться ли тому, что Яра с ними сейчас нет, печалиться ли, он еще не знал.

Следы датов сворачивали по стрелке.

— Поглядим! — решил Боромир и взялся за рукоять меча.

Пошли влево, настороженно зыркая по сторонам и стараясь не шуметь. Даты тоже, видать, почуяли неладное, следы их изменились.

Узкая тропа, попетляв меж скал, привела в полого опускающееся ущелье. Неприступные стены вздымались с двух сторон, стиснув путников в узком рукаве.

Вскоре тропу перегородила зернистая красноватая глыба, испещренная надписями на многих языках. Ход огибал ее и справа, и слева.

Семеро путников замерли, всматриваясь в надписи. Были здесь и уже знакомые руны, и незнакомые руны, и южная вязь, и угловатые значки горцев-кочевников Шакташа, и понятные буквы ветхой глаголицы, складывающиеся в непонятные слова. Вишена не смог прочесть ни одного текста, остальные, видимо, тоже; потому все с надеждой воззрились на Таруса. А тот шарил взглядом по надписям, все чаще возвращаясь к центральному рисунку, изображавшему ларец со знакомым до странности знаком на крышке. Тот же знак венчал всю глыбу.

— Что это, Тарус-чародей?

Тот шевелил губами, читая. Наконец обернулся к спутникам. Помолчал.

— Что тут написано? — нетерпеливо заморгал Похил.

Тарус прикрыл глаза и ответил:

— Я прочитаю, а вы уж сами решайте, что это может значить.

И зазвучал его голос, подернувшийся враз веками, ставший таким же древним, как истертые ветрами надписи, как сами скалы:

«Я, Ко, хозяин подземной страны, приду за своим, когда сойдутся три зеленые звезды и три серебряные молнии. Тогда отворятся врата и те, кто смел, — последуют за мною».

С полминуты слышалось только завывание ветра.

— Все? — спросил Боромир негромко.

Тарус кивнул:

— Эта же надпись повторяется на разных языках. Трех я не знаю, но, мыслю, это она же.

— А что она означает, чародей?

Тарус пожал плечами:

— Пока только одно: у Книг есть хозяин. И не очень-то желает он со своим добром расставаться.

Вишена еще раз поглядел на скалу. Знак... Где-то он уже встречался с ним. Но где? Может, в пещере рубинового клада? Звезды еще... И не какие-нибудь: зеленые! При чем здесь звезды? Подземная страна — и вдруг звезды...

— Идем дале! — сказал Тарус, выбирая, в какой из проходов сунуться. Выбрал левый. За «говорящей» глыбой ход расширился и вывел в широкую котловину, окаймленную отовсюду скалистыми грядами. Вдали виднелись люди, шестеро.

— Даты! — выдохнул Озарич и схватился за меч. Впрочем, северяне были далеко.

Если бы легкокрылая пустельга, реющая в жарком приречном небе, могла рассказать, что видит с высоты, поведала бы она вот что.

Шестеро датов — Йэльм, Бролин, Коек, Магнус, Харальд и Верворт — кольцом окружили ларец и стояли в центре каменного мешка, ожидая семерку Боромира, как раз показавшуюся из хода.

С юга берегом Реки подходили к скалам пятеро датов — Ларс, Хокан, Матс, Гунн и Эспен; по пятам их преследовали венеды во главе с Боградом; те и другие недавно свернули к Реке, кое-как переправились и, влекомые неведомой силой, поспешили именно сюда, к ларцу.

Чуть севернее, на противоположном берегу Реки, к переправе готовились даты из первой отколовшейся группы — Свен, Стрид, Херцог, Огрис и Юргорд; вот-вот сюда же должны были поспеть люди Роксалана и Омут.

Песиголовцы, числом тридцать четыре, уже миновали указатель с рунами и стрелкой, резво нагоняя Боромирову семерку.

Четверо крыланов замерли на верхушках скал, обозревая все с высоты. Волки остались внизу, по ту сторону гряды.

И, наконец, несколько сотен печенегов, во главе с Алликас-ханом и Саятом, пробравшиеся сюда еще вчера, хоронились в жидких кустиках у стен по всей окружности котловины.

А над всеми, рассекая тугие воздушные струи, кружила и кружила хищная птица пустельга, крылатый степной охотник.

Саят, колдовством заманивший сюда датов, не слишком-то обрадовался урусам, хотя не особо и огорчился. В свою силу он верил.

Алликас-хан криво усмехался. Вот он, Волшебный Сундук! Почти что у него, Алликаса, в руках! Не подкачал Саят

Могучий, привел северян прямо в печенежские степи, и ходить никуда не пришлось.

Семерка урусов вплотную сошлась с северянами. Ну-ну, поглядим кто кого!

Боромир обнажил меч. Главного воина среди датов он узрел сразу. Широкоплеч, бородат, лицо обветренное, руки все в шрамах-рубцах. Йэльмом кличут. Йэльм-Зеленый Драккар...

«Что за напасть! — удивился Боромир. — Откуда я это знаю?»

— Хей-я! — хрипло крикнул ярл. — Держись, южанин!

Слова были чужие, Боромиру незнакомые. Однако Непоседа понял смысл сказанного.

Два клинка сверкнули серебряными молниями и встретились со звоном.

«Клинки! — осенило Таруса. — Серебряные молнии!»

Крупные ясные изумруды лучились чистым зеленым светом, один на мече Боромира, другой — на мече дата.

«Зеленые звезды! Третья — у Вишены!»

Второй раз клинки Йэльма и Боромира так и не встретились; окутавшись мерцающим голубым сиянием, они застыли в пяди друг от друга. То же сияние, словно волшебный полупрозрачный купол, накрыло обоих воинов; мечи не могли его прошибить, не могли нанести вред ни дату, ни лойдянину.

Тарус подтолкнул Вишену:

— Иди! Ты знаешь, что делать!

Пожарский нерешительно шагнул вперед, обнажил свой меч. Вспыхнул изумруд, мелькнуло на клинке клеймо мастера — часть того самого знака, что красовался на ларце и «говорящей» скале. Вишена окутался зеленоватым сиянием и вплотную приблизился к Йэльму и Боромиру.

— Воины Грома! — пробормотал с досадой Саят. Несмотря на все его старания, троица с изумрудными мечами все же встретилась. Всего, что могло произойти дальше, не взялся бы предсказать никто во всем мире.

Йэльм и Боромир боле не помышляли о поединке. Они слегка поворотились, чтобы рядом смог стать Вишена. Три меча, источая ровный свет, сложились в дивную шестилуче-

вую снежинку, три клейма мастеров-оружейников у гарды слились в законченный знак хозяина Ко.

Скалы вздрогнули. Знак налился алым светом и отделился от клинков.

Отряды Ларса и Боград миновали руны и стрелку. Свен и Роксалан со своими воинами перевалили за середину Реки. Песиголовцы ползком приближались к центру котловины. Крыланы безмолвствовали наверху.

Воины Грома разняли мечи, но огненный знак хозяина Ко остался целым. Задрожали скалы, когда он коснулся земли. С тихим протяжным звуком ушел знак вглубь; из пробитой им дыры вырвался косматый смерч. Скалы задрожали еще сильнее и вдруг обрушились прямо на засевших в засаде печенегов. Те, за миг до обвала почуяв неладное, вскочили на коней и рванулись к центру котловины. Кое-кто действительно спасся, десятка четыре, остальных погребли под собой рухнувшие утесы.

Четверо крыланов, реявших над долиной, камнем пали вниз. Один подхватил ларец с Книгами; трое — Боромира вместе с его мечом.

В этот же миг уцелевшие печенеги схлестнулись с объединенным отрядом лойдян и датов; но вдруг вскочили песиголовцы и перепуганные степные кони, не знавшие доселе подобных тварей, понесли всадников прочь. Битвы не получилось. Песиголовцы нападать на людей не стали.

Смерч, колыхавшийся над котловиной, угас; обломки скал растворились в дрожащем полуденном воздухе, словно и не было их никогда, вокруг простерлась ровная степь, поросшая сивыми кустиками полыни. Громадная неясная фигура хозяина протянула призрачную руку, крылан, прижимающий к груди ларец, кувырком полетел к земле. Ларец подхватил хозяин.

— Гром и молния! — воскликнул Тарус. — Это не хозяин Ко! Я не знаю, кто это!

Увы, данный момент был одним из немногих, когда все чародейство Таруса казалось игрушечным.

Подхватив ларец на лету, фигура осветилась красноватым сиянием и исчезла, точно так же, как минуту назад скалы.

Крылан сумел выровнять полет; остальные трое, не отпуская Боромира, спланировали к своим волкам.

— Боромир! — воскликнул Вишена и, не раздумывая, вскочил на одного из печенежских коней. Его примеру последовал Славута; секундой позже — подоспевшие венеды, Боград и Богуслав, да еще Яр.

Анча, вожак песиголовцев, в два прыжка оказался рядом с Яром. Вороненый клинок взметнулся ввысь; хлопец выхватил свой, готовый защищаться, но песиголовец не собирался нападать.

— Ар-роу! Возьми Коготь Тьмы, человек!

Яр на секунду замешкался, потом протянул левую руку. Анча вложил меч ему в ладонь.

«Диво, да и только. Как я его понимаю?» — подумал Яр, не особо, впрочем, удивляясь.

— Гей-гей! — поддал по бокам низкорослому коньку и умчался вслед за венедами.

Черные волки стрелой неслись к Реке; кони, дробно стуча копытами, следом. Яр отстал шагов на сто.

— Обрыв! Обрыв впереди! — на скаку крикнул Боград Вишене.

Река приближалась с каждой секундой.

«Что они, убиться хотят?» — подумал Вишена, прижимаясь к холке лохматого коротконогого жеребца.

А волки ветром пронеслись к самому краю обрыва, развернули аспидно-черные крылья и, плавно взмахивая ими, полетели над Рекой. Вишена, Боград и Богуслав едва успели придержать коней.

— Ах ты, нечисть лупоглазая! — в сердцах сплюнул Пожарский. У летающих всадников, конечно, должны быть летающие звери, будь они хоть волками, хоть кем. Теперь эта мысль казалась очевидной.

Громкое ржание прервало мысли Вишены. Подоспел Яр, не придержавший своего коня, и с разгону ухнул вниз с обрыва. Пожарский и венеды обмерли.

Плащ на плечах хлопца вдруг затрепетал, разложился надвое и стал крыльями, черными, как безлунная ночь. В руках Яра темнели на фоне белесо-голубого неба два клинка, похожих как братья. Летел Яр гораздо быстрее волков.

Странная это была битва. Плевались алым пламенем рубины, все шесть, мелькали вороненые клинки и сверкающие на солнце полукружия секир. Все смешалось, слилось в единую воздушную пляску-карусель. А после Яр, схватив в охапку Боромира, прижимающего к груди три меча, грузно удирал от крыланов и волков к обрыву. Когда стало ясно, что преследователи его не догонят, крыланы отвернули и отстали.

Тяжело махая крыльями, Яр опустился на край обрыва. Крылья опали и, струясь, стекли по плечам, обратившись в прежний плащ. Алое сияние медленно гасло в глубине рубинов застежки.

Совершенно ошарашенный Боромир встал с колен, вложил свой меч в ножны, два других протянул Яру.

Матово-черные клинки с рунами на гардах впитывали солнечные лучи.

В это же время несколько южнее пристали к берегу люди Свена; чуть позже — Роксалан со своими чикмами.

Все остальные, и люди, и песиголовцы, опрометью поспешали к обрыву и скоро были тут.

Один из клинков Яр вложил в свои ножны. Второй держал в руке.

Они стояли тесной группой, почти кругом. Четырнадцать людей Боромира, одиннадцать датов и тридцать четыре песиголовца.

— Держи, Анча! Спасибо! — сказал Яр, протягивая черный меч вожаку хунткоппов, и тот принял его. Слова лежича поняли все.

К Яру медленно подошел Тарус, пристально поглядел ему в глаза, положил руки на плечи.

— Ты хоть разумеешь, что свершил, хлопче? — тихо спросил чародей.

Тот пожал плечами:

— Боромира отбил...

— Не только, — послышался знакомый голос, и все обернулись. Чуть поодаль стоял белобородый Базун, опираясь на длинный посох.

— Ты вернул ключ ко всем Мирам.

Яр ничегошеньки не понял, да и остальные тоже, за исключением разве что Таруса.

— Три изумрудных клинка — это ключ, с помощью которого можно путешествовать по Мирам. Три зеленые звезды, три серебряные молнии. Крыланы поэтому и хотели похитить один меч.

Никто не проронил ни слова.

— Тот, кого вы разбудили, унес Книги в Мир Красного Солнца. Без Боромирова меча вы туда не смогли бы попасть.

— Снова за Книгами? — подозрительно молвил Боромир. — Не дороговато ли они обойдутся?

Базун усмехнулся:

— Это не просто Книги. Это знание всех Миров, которому нет цены. Вы продолжите поиски, раз уж начали их. А ежели не верите, спросите у себя же. Кроме того, для вас самих важно найти Книги, для всего вашего Мира. И для меня тоже важно, но об этом как-нибудь попозже, лады?

Люди и песиголовцы молча внимали, словно все как один проглотили языки. Наконец подал голос Тарус:

— Кого же мы разбудили, если не хозяина Ко? И почему не его?

Базун погладил седую бороду:

— Третий-то меч, тот, что у Боромира, вы сами сработали. Чтоб поднять хозяина Ко, нужен древний изумрудный меч, Звезда и Молния. Но где он? В каких землях? Кто знает... Потому и вызвали невесть кого. Мало ли созданий дремлет в запределье? Со временем поймем.

Тарус обернулся к Боромиру.

— Ну что, Непоседа? Только начинается поход-то. Ты как?

Боромир оглядел остатки своей дружины.

— Эхма! Будь что будет. Пока не добудем Книги — не отступлюсь! Так, чародей?

Лойдяне одобрительно загудели.

— А ты, Йэльм?

Дат воздел сжатый кулак:

— Хей-я! Мы с вами, южане!

Тарус обернулся к песиголовцам.

— Народ арранков с вами, люди! — прорычал Анча, и его все поняли.

Базун усмехнулся в длинную свою бородищу:

— Чистое тебе братание...

Три изумрудных клинка потянулись друг к другу, готовые сложиться в дивную сияющую снежинку, но Базун предостерегающе поднял сухую длань:

— Своих-то хоть дождитесь!

И тут на обрыв бок о бок поднялись Свен и Роксалан; за ними Стрид и Дементий — пятеро датов и чикмы с Омутом. Омуту подали руки Огрис и Атяш.

Они и не думали сражаться, хотя еще вчера считались врагами. Клинки сделали свое дело. Они искали Книги. Вместе. Заодно. Для всего своего Мира.

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-27С
Внеплановый экспресс-отчет

Время: 157-е сутки, 12.42-13.44-16.50, местное. Объект покинул зону локации. Спустя час зону локации покинул корреспондент Тарус/Т. Еще спустя три часа — корреспондент Саят/С. Корреспондент Расмус/Р остается в зоне локации и активности не проявляет. Судя по данным всех трех переходов, объект, корреспонденты Тарус/Т и Саят/С вошли в сектор ментального ретранслятора-усилителя ХА-32С, полярные координаты СР424/СА705/СС012.

Локация покинутой зоны продолжается.

Конец отчета.

Июль 1990 — июнь 1991.
Керчь—Николаев—Свердловск

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ТЫСЯЧА ЗАМКОВ

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-32С
Внеплановый экспресс-отчет

В момент входа в зону локации корреспондента Тарус/Т засечена мощная энергетическая волна-стейтор биологического происхождения. Определить координаты корреспондента не удается.

Конец отчета.

Глава 1
КОНДОТЬЕР

Переход был похож на мгновенную смерть. Хотя что мог сказать Вишена о смерти, ни разу не умерев? Но он почему-то верил, что смерть именно такова — мутнеет в глазах, пустота в груди, и — тьма...

Он очнулся в густой пахучей траве. Где-то вдалеке противно каркали вороны, словно насмехаясь над его слабостью.

Вишена приподнялся на руках и сел, машинально проверяя, при нем ли меч. Меч был на поясе, как обычно. Тогда он встал на затекшие непослушные ноги.

Солнце, красное не в меру, клонилось к далекому лесу, едва различимому на горизонте. Цепочка холмов перечеркивала равнину, похожую на мохнатый стол, — трава буйно росла везде, куда ни глянь.

Повернувшись к солнцу спиной, Вишена увидел замок. Белый, с высокими островерхими башнями, ясно различимый на фоне вечернего неба.

Силы быстро возвращались; это Вишену обрадовало. Он с удивлением оглядел себя — плечи покрывал чей-то белоснежный плащ.

— Ишь, ты!

Вишена впервые видел такой. Материя незнакомая, тонкая...

Стоп!

Он вспомнил, как пробовал на ощупь плащ Яра, упавший тому на плечи у входа в дулебские пещеры. Та же тончайшая ткань, но не аспидно-черная, а ослепительно белая. На мальчишке плащ казался длинным, Вишене же он пришелся как раз впору. Застежка с затейливым гербом была прохладной и шероховатой, словно резьба на ножнах богатого меча.

Вся остальная одежда была старой и привычной и давно стала для Вишены второй кожей.

Но где же спутники? Где Тарус-чародей, где Боромир, где Славута? Где даты и песиголовцы? Ведь было их почти шесть десятков перед уходом из родного Мира.

«Надо же, — подумал Вишена, — так мыслю, словно до этого только и делал, что по разным Мирам шастал. Чудно...»

Он стоял посреди чужой степи в полном одиночестве.

«Может, нечисть чего наворотила?»

На этот случай у Вишены имелся верный и не раз испытанный способ — волшебный изумруд на гарде меча, вспыхивающий, если вблизи оказывался кто-нибудь из нечистых — леший ли, полевик, черт ли какой — все равно.

Он медленно взялся за рукоять, опуская взгляд.

И остолбенел.

Некогда сверкающий клинок стал черным, как вороненые мечи песиголовцев. А на месте волшебного изумруда — руны, искусно отлитые в металле.

Сначала Вишена подумал, что меч подменили. Но подержав его в руках, понял, что ошибается. Та же привыч-

ная рукоять, знакомая не первый год балансировка... Даже клеймо древнего мастера сохранилось, часть знака хозяина Ко. Но меч стал абсолютно черным, и что это означало, Вишена не мог знать. Эхма, где Тарус-чародей, побратим-всезнайка? Хотя и он, поди, не ответил бы. В эту весну Вишена понял, что и Тарусовы знания не безграничны. Мировто, оказывается, много.

Вздохнув, Вишена неспешно побрел к замку. Шагов через десять он наткнулся на ничком лежащего человека. Руки его с короткими пальцами были раскинуты, затылок покрывали не человечьи волосы, а скорее пушистый черный мех, а на макушке торчком стояли остроконечные треугольные уши.

«Песиголовец...»

Вишена осторожно перевернул его на спину. На морде, и впрямь очень похожей на собачью, застыло выражение не то удивления, не то муки. Впрочем, Вишена не был уверен, что истолковал все правильно. Поймут ли люди песиголовцев настолько, чтобы разбираться в их мимике?

Откинув полу плаща, Вишена извлек из дорожной сумки кожаную флягу, наполненную еще в родном Мире. Вода из печенежской реки струйкой стекла по плотному меху; песиголовец высунул длинный розовый язык и слизнул несколько крупных капель. Еще через мгновение веки его дрогнули. Вишена на всякий случай отодвинулся.

Песиголовец открыл глаза и сел, глядя на Вишену. Взор его был тяжкий, словно свинцовый, глаза темны и колючи. Но Вишену он, видимо, узнал.

— Вода? — спросил он. Речь напоминала ворчание какого-нибудь Полкана с хутора в Тялшине или Лойде. Чудное создание...

Вишена протянул флягу песиголовцу. Пил тот истинно по-собачьи: налил воды в ладонь и мгновенно вылакал. Тому, что речь чужака понятна, Вишена не удивился: привыкаешь даже к волшебству. А здесь вся округа волшебством пропахла.

Песиголовец вернул флягу, напившись; не успел Вишена водворить ее обратно в сумку, в стороне зашуршала трава.

Обернулись: еще один песиголовец подходил, тряся головой.

«Ага, — подумал Вишена. — Небось все наши в траве валяются, в себя приходят».

Он вскочил и принялся за поиски. Песиголовцы тем временем ворчали о чем-то промеж собой.

Однако напрасно Вишена бродил, раздвигая высокое разнотравье, — никого не отыскал. Лишь в одном месте задержался, где трава была подозрительно примята, но вскоре понял, что это он сам тут очнулся, потревожив тугие зеленые стебли пастушьей сумки.

— Эй, плосколицый, — окликнул его один из песиголовцев. — Коли своих ищешь, то зря: нет здесь никого. Не труди ноги.

Вишена вопросительно уставился на них; взгляд сам собой задержался на влажных черных носах.

«Ну да, — рассеянно подумал он, — эти, поди, учуяли бы...»

— Меня зовут Вишена, — сказал он вслух. Прозвище «плосколицый», хоть и отражало в некотором смысле людскую наружность, вряд ли бы пришлось кому по нраву. Впрочем, как и слово «песиголовец» по отношению к этим странным созданиям. Сами-то они звали себя арранками.

Поколебавшись, один сказал:

— Гарх... Это имя.

В иное время Вишена и впрямь мог принять это просто за рык.

— Урхон...

Вряд ли песиголовцы, смертельно враждовавшие и с дулебами, и с прочими людскими родами, испытывали особую радость, общаясь с Вишеной. Но вожак их, Анча, сказал, что покамест арранки действуют заодно с людьми Боромира и Йэльма, а уж вожакам своим псоглавые повиновались беспрекословно.

— Если здесь нет никого, то где же остальные? — спросил Вишена.

— Не знаю, — отрывисто произнес Гарх. — Здесь только мы трое.

— Значит, пойдем к замку, — решил Вишена.

Ничего больше и не оставалось.

Песиголовцы шагали быстро; на ногах у них было по два сгиба — верхний, как колено у людей, а нижний, что у птиц,

назад. Из-за этого казалось, будто они ходят полуприсев. И ступня у них разнилась с человечьей: не вытянутая, а округлая и плоская. Сапоги их выглядели очень непривычно.

Вишена усмехнулся: его сапоги небось тоже кажутся песиголовцам странными.

На полпути к замку встретилась низкая башенка, сложенная из бурого песчаника. Над тесовой кровлей трепыхался зеленый флажок. Дверь была крепко заперта снаружи на внушительный засов.

Когда они прошли мимо, флажок над башней окрасился в цвета Вишениного плаща.

Солнце опустилось совсем низко.

К замку они подошли в сгущающихся сумерках. Гостей заметили: по стене, позвякивая доспехами, пробежал воин, послышались перекликающиеся голоса. Скрипнули, отворяясь, ворота.

Вишена огляделся: рва вокруг замка не было. Странно, он слышал, что любой каменный замок непременно должен опоясываться рвом, полным воды. Даже в родных селениях кое-где устраивали подобную преграду перед бревенчатыми кладками-заплотами.

Песиголовцы теснее прижались плечом к плечу: из ворот показались воины. Семеро. С плеча переднего ниспадал такой же плащ, как и у Вишены, только с алой каймой. Остальные были просто в кожаных куртках с нашитыми металлическими пластинками и гербом на груди: черный орел на белом поле. Все вооружены мечами и короткими пиками; шлемов здесь то ли не признавали, то ли просто не надели в этот раз.

— Приветствую тебя, присоединившийся! Вижу, ты привел двух чужаков. Это отрадно.

Вишена понял смысл сказанного, хотя каждое слово в отдельности звучало совершенно незнакомо. Наверное, Тарус перед хождением в этот Мир наложил толмач-заклинание.

— Назови свое имя! — попросил воин в плаще. Именно попросил, а не потребовал, хотя голос у него все время звучал очень властно.

— Вишена Пожарский, — представился лойдянин.

— Пойдем, Вишена Пожарский, и ты сразу же получишь обещанные деньги. А потом отдохнешь, завтра, не иначе, битва. Дозорные дали знать: орки вышли из Барад-Нарана.

О чем толкует ватаг белых воинов, Вишена не вполне разобрался. Несомненно одно: их принимают как своих, а завтра, видать, враги нападут.

Ладно. Отдохнем. Разберемся.

Он кивнул; обернулся к песиголовцам и призывно махнул рукой, ибо те скорее всего понимали в происходящем еще меньше, чем лойдянин.

Когда проходили мимо стражников, ушей достиг слабый шепоток:

«Странные чужаки какие... Сроду таких не видал...»

«Я тоже...»

Ратники шептались еще о чем-то, но Вишена вместе с песиголовцами прошли мимо, и слов было уже не разобрать.

Замок был совсем невелик. Четыре башенки, стены, да мурованные палаты в центре. Народу в замке раз, два и обчелся: стражники на стенах, пара дворовых да несколько слуг в палатах. Чадили факелы; иного света в помещениях не устроили.

— Вот плата, — сказал человек в плаще. — Меня зовут Сириан.

Вишена машинально принял кожаный кошель, набитый тяжелыми монетами. Заглядывать внутрь он не стал.

Потом их проводили в маленький покой, похожий на горницу где-нибудь в небольшом лойдинском тереме. Взгляд скользнул по лавкам у стен, деревянному столу да четырем ложам за плотной занавесью.

Подали ужин: холодное мясо, хлеб, слабое красное вино и чудные красные плоды, каких Вишена прежде не то что не едал, а даже и не видел никогда. Плоды оказались вкусными, правда, мелкие семена так и норовили застрять меж зубов. И вино было сносным, хотя и кисловатым. Вишена привык к пиву, а вино пил всего раз или два в жизни, в походах.

Постепенно пришли мысли. Об обитателях этого странного замка, о завтрашней битве. То, что придется помочь местным, Вишена уже воспринимал как неизбежное. Рука сама потрогала монеты под шероховатой кожей.

«Во, чудаки, денег дали полный кошель. А ежели я сбегу?»

Но Вишена знал, что не сбежит.

«Орки вышли из Барад-Нарана...»

Орками на дальнем западе называли всякую нечисть, полулюдей-полузверей, однако ловко обращавшихся с железным оружием — мечами, секирами, палицами — и нрав имевших далеко не мирный.

«Куда ж меня занесло-то? В какие края? Где други-побратимы?» — думал Вишена, засыпая. Песиголовцы, наевшись мяса, сопели на соседних ложах.

Разбудил их призывный звук трубы. В коридоре дробно топотали воины, бряцая оружием и гортанно вскрикивая.

Вишена встал и нащупал меч. Вчерашняя слабость сгинула, не оставив и следа. От мысли, что придется помахать клинком, Вишена даже несколько оживился.

Дверь рывком распахнулась — Пожарский и оба песиголовца зашагали за пехотинцем, который повел их наружу.

На дворе было красно от лучей восходящего солнца. Воины с белыми щитами толпились у ворот; на стенах виднелись длинноволосые лучники, то и дело натягивающие тетиву и пускающие стрелу куда-то за пределы замка. Сириан в прежнем плаще выкрикивал команды, пытаясь перестроить пехотинцев у ворот.

Вишена взошел на стену по едва заметно вытертым ступеням. У замка было красно не только от лучей солнца — несколько десятков ратников с красными щитами, всадники на волках в красных накидках приближались к воротам замка. Отряд был небольшой, Вишена даже удивился, чего это Сириан так волнуется. В неплохо защищенной крепости отбиться от такого количества нападавших не составит особого труда.

Он перевел взгляд на орков-всадников. Их волки совсем не походили на крылатых зверей, виденных в своем Мире. Пучеглазые крыланы, выходцы из каких-то темных мест, оседлали огромных угольно-черных волков; здешние же были хоть и довольно крупными, но уж никак не огромными, и вдобавок не черного, а серого с рыжими подпалинами окраса.

Сириан наконец построил своих пехотинцев в некое подобие боевого порядка. Вишена по-прежнему не понимал его суеты.

Над главной башней замка шевелился, как рыбина в потоке, флаг — черный орел на белом фоне; восходящее солнце расцвечивало белое полотнище в розоватые тона.

Орки несли свой флаг — белый полумесяц на кроваво-красном фоне. Какой флаг останется развеваться над замком после битвы? Прежний? Или этот, красный без всякого солнца?

Строй недругов приближался. Вишена не заметил никаких орудий, с помощью которых орки смогли бы вышибить крепкие ворота или взобраться на стены. На что они рассчитывают? Вишена вдруг остро ощутил себя здесь совершенно чужим.

Он спустился к поджидающим внизу песиголовцам и направился к воротам.

Едва орки подошли достаточно близко, Пожарский понял, почему Сириан так нервничал несколько минут назад и зачем собрал всех своих солдат именно здесь.

Ворота, крепкие, окованные железом ворота, казавшиеся такими надежными, исчезли. Растаяли в воздухе, как утренний туман. Под высокую сводчатую арку ступила первая шеренга орков. И тотчас зазвенела сталь.

Туда, где сшиблись два щитоносных строя, соваться было нечего — и Вишена, и песиголовцы привыкли сражаться только мечом и не имели никаких доспехов. И они поднялись на стену.

Орки-всадники остановились напротив ворот, ожидая, пока их товарищи-пехотинцы прорвут строй защитников. Почему-то они в этом не сомневались. Сталь звенела и звенела: крепость не собиралась сдаваться легко. Вишена ясно слышал даже хриплое дыхание ратников.

Потом вдруг раздались крики: трое орков прорвались-таки за спины воинов в белом и метнулись в глубь двора, к подножию лестницы, что вела на стены. Похоже, пора вмешаться.

Вишена выхватил непривычно черный меч и ринулся вниз по истертым ступеням. Рядом, чуть позади, сопел Гарх. Или Урхон — Вишена не разглядел. Да и трудно было различить псоглавых без привычки. Орки, спешащие навстречу, на мгновение замерли, разглядывая человека и арранков, но всего лишь на мгновение. А затем их мечи со звоном встретились.

Вишена обрушился на недругов, словно подрубленный клен, но орки прятались за треугольными щитами, то и дело пытаясь клинками достать противников. Вишена отбивал их выпады без труда, песиголовец, похоже, тоже.

Когда Вишена поразил своего противника в плечо, оба песиголовца уже расправились с орками. Но сквозь строй защитников прорвались еще пятеро. Вновь взметнулся в замахе черный клинок Вишены и мечи арранков. Прикрывая друг другу спины, они встретили орков сталью. На помощь поспешил кто-то в белом со стены — наверное, Сириан, смотреть было некогда. Мельком Вишена удивился: вожак вроде бы раньше рубился у ворот. Вернее, у места, где им полагалось возвышаться.

Прошло еще немного времени, и щитоносцы-защитники легли под ударами длинных пик, в арку гурьбой ворвались орки-всадники. Их тоже осталось немного: лучники на стенах существенно проредили их строй. Вишена погрузился в битву: отбивал удары пик, отмахивался от рычащих, роняющих желтоватую пену, пастей, кромсал чужую, но истекающую такой же красной кровью плоть. Кровь орков пахла совсем как человечья.

Когда последнего орка прижали к стене и расстреляли из луков, в арке вновь появились ворота. Закрытые на крепкий дубовый засов. Окованные железом и на вид очень надежные.

Вишена, тяжело дыша, вытер меч о шерсть поверженного волка. Всадник — рослый коричневокожий орк, разрубленный чуть ли не пополам, валялся рядом в луже собственной крови. Он очень напоминал брошенную при переезде тряпичную куклу, на которую впопыхах наступили. Остекленевшие глаза глядели куда-то в небо.

Из защитников замка уцелело меньше половины.

Сириан, приглаживая всклокоченные волосы, приблизился к Вишене и песиголовцам.

— Ну и ну! Не думал, что твои чужаки способны так сражаться...

Арранки глядели на человека в грязно-белом, запятнанном кровью и потом плаще, Вишене показалось — вопросительно.

— Вчера я, признаться, был несколько разочарован... Хотя — все радовались, кондотьеры не приходили к нам несколько лет. Но рассчитывали, что приведешь кого-нибудь посильнее — демонов или призраков. Лучше всего, конечно, парочку драконов. Таких чужаков, как у тебя, раньше никто не видел. Но сражаются они — за троих каждый! Не хуже демонов...

Вишена слушал, пытаясь вникнуть. Получалось слабо.

— Как они зовутся-то? А то мы и не знаем...

— Арранки, — сказал Пожарский Сириану. — Это Гарх, а это Урхон.

Один из песиголовцев оскалился:

— Наоборот! Урхон — это я. Видишь шрам, человек? Запомни, со шрамом — Урхон, если тебе не под силу различить наши лица.

Вишена виновато развел руками:

— Извините, воины, мне действительно трудно вас различать, но я постараюсь.

Песиголовцы кивнули.

— Где можно напиться? — спросил Гарх. Кончики розовых языков высовывались у них из пастей. Наверное, они бы и рады были их свесить, ровно собаки в зной, но в людском обществе стеснялись.

Сириан подозвал одного из лучников, устало подбирающего стрелы у стены, и песиголовцы ушли за ним на дальний конец двора.

Вишена хотел честно признаться, что понятия не имеет, где очутился, и не больше понимает — почему. Не успел: пронзительно закричал дозорный на северо-западной башне.

— Отряд приближается! Эльфы!

Сириан нахмурился.

— Что, опять? — сочувственно спросил Вишена. Для обороны замка вряд ли хватило бы сил.

Рука Сириана легла на эфес меча, но вынимать оружие вожак белых не стал.

— С эльфами у нас последнее время мир... Но кто знает, что у них на уме...

Вслед за Сирианом Вишена поднялся на северную стену. Из раскинувшегося чуть левее леска показалась цепочка луч-

ников в зелено-коричневых одеждах. На длинном луке переднего колыхалось в струях ветра зеленое полотнище с изображением дерева.

Когда они подошли поближе, Вишена с удивлением отметил, что в цепочке шло четверо песиголовцев, а один из людей, высокий и светловолосый, единственный в отряде с непокрытой головой, показался ему знакомым.

— Хокан! — узнал Вишена дата. — Это Хокан!

Плечи дата покрывал зеленый плащ.

Отряд приблизился к стенам замка; предводитель особым образом помахал импровизированным флагом и вновь повесил лук за спину.

— Все в порядке, — сообщил Сириан. — Сражаться с нами они не собираются. Айда, выйдем к ним.

— Может, лучше пусть они сюда? В зале поговорим, поедим-выпьем...

Сириан странно посмотрел на Пожарского:

— Они не могут войти в наш замок.

Чувствовалось, что Сириан изумлен до глубины души этими словами.

— Ах да, я и забыл... — несколько фальшиво вздохнул Вишена. — Ладно, пойдем.

К ним присоединились несколько ратников из команды Сириана, а также оба песиголовца, незаметно возникших рядом. Вмиг открыли ворота; пройдя вдоль шероховатых стен без малейших следов хотя бы одного штурма, они приблизились к отряду эльфов-лучников.

Хокан заметно оживился, тоже узнав Вишену, а песиголовцы гортанно перекликнулись и хором заворчали.

— Гляди ты! — покачал головой Сириан. — И у них такие чужаки... Хо, да они еще и знакомы! Великие Кондотьеры! Что творится на наших землях?

— Эй, а я тебя знаю! — радостно заорал Хокан. — Ты — Вишена Пожарский, верно?

Поморщившись, словно девица от крепкого словца, Сириан заговорил с предводителем эльфов, предоставив Вишене беседовать с Хоканом без помех.

— За нами идет еще один отряд, в нем твой друг Славута! — сияя, словно начищенный перед турниром меч, сообщил Хокан. — Мы уж отчаялись тебя искать по Иллурии!

«Ну вот. Первое полезное знание — эта страна зовется Иллурия», — подумал Вишена непонятно к чему. Чувствовать себя ничего не разумеющим остолопом было очень неприятно.

— Сейчас мы спешим, но как орков вышибем из Хируэта, наверное, будет совет в Храме Ветров. Там соберутся почти все.

Эльфы и впрямь спешили: Сириан лишь коротко переговорил с их предводителем. Вскинув руки в приветственном жесте, лучники в коричнево-зеленых куртках зашагали на восток, к виднеющимся на самом горизонте холмам.

Почему-то Вишене показалось, что горизонт в Иллурии куда дальше, чем в его родном Мире.

Он глядел на проходящих мимо эльфов, стройных, черноволосых и большеглазых. У некоторых из-под кожаных беретов выглядывали заостренные уши, а пальцы на руках у них были длиннее и тоньше, чем у людей. Но больше всего поражали их глаза — огромные по человеческим меркам, с косым разрезом, бледно-голубые или травянисто-зеленые, с горизонтальным щелевидным зрачком.

Песиголовцы, замыкавшие шествие, обменялись с Урхоном и Гархом рычащим кличем.

— Эх, подоспели бы они чуть пораньше, — с досадой сказал Сириан, провожая процессию взглядом. — На Хируэт пошли, это за во-он той грядой.

Он указал на темнеющие вдали горы.

— Видно, решили выбить орков из Восточного Суладора. Давно пора...

Они вернулись в замок. Сириан сказал, что из Троя и Суури вышла подмога, значит — будет конница и это хорошо. Вишена только хлопал глазами, слушая объяснения Сириана.

Второй отряд эльфов появился под вечер. Вернее, появились трое — два лучника и Славута-дрегович, а эльфы решили заночевать в соседнем леске. Вишена был несказанно рад встретить побратима и чуял, что грядет бессонная за разгово-

рами ночь. Лучники коротко перемолвились с Сирианом и собрались на стоянку; Вишена намерился пойти туда же, чем немало удивил вожака белых. Впрочем, тот начал понемногу привыкать к странному кондотьеру — сражается на славу, и ладно. Лишь бы в бою не подводил.

Гарх и Урхон увязались за Вишеной, едва прознали, что с эльфами выступили и песиголовцы.

Лучники чувствовали себя в лесу, словно дома. Вишена сразу это понял: рядом с ними даже деревья вроде бы выглядели свежее. На стоянке горел костер, совсем не давая дыма, готовилась какая-то снедь. Чуть в стороне на корточках сидели песиголовцы; при виде Урхона с Гархом они вскочили и принялись гортанно завывать: ни дать, ни взять — деревенские псы, встречающие собрата с охоты.

Пока шли, Славута все поглаживал верную свою секиру и довольно щурился. Вишена порывался задавать вопросы, но побратим отмахивался: «сейчас» да «сейчас». Он почему-то решил, что Пожарского нужно сначала накормить.

Еда у эльфов оказалась вкусной и сытной — что-то вроде мясного пирога с кореньями и грибами. А вот питье Вишену поставило в тупик: с виду — вода-водой, а на вкус — сладковатое, чуть терпкое. Как выпьешь, будто жидкий огонь по жилам разливается, усталость снимает вовсе.

Еще как следует не дожевав, Вишена пихнул дреговича локтем:

— Ну, будет томить, рассказывай. У меня с утра голова пухнет — не понимаю ни синь пороха...

— Когда ты пришел? — спросил Славута вместо ответа.

— Вчера. Под вечер.

— С песиголовцами?

— Да, с двумя. Очнулся в чистом поле, гляжу — замок вдали... Туда и подался. А меня — чудаки, да и только! — золотом встретили. Во, — Пожарский побренчал кошелем, — сколько! С утра орки навалились...

— Понятно, — перебил Славута. — Слушай с самого начала.

Дрегович отхлебнул эльфийского питья; Вишена, дожевывая «пирог», умостился поудобнее.

— Вперед всего скажу, друже: этот Мир странен и не похож на наш. Колдовство да чародейство здесь иные, чем ты

привык дома. И люди живут совсем иначе. Большею частью — в замках. Наподобие этого. — Славута неопределенно повел рукой в сторону твердыни Сириана. — Замков разбросано по разным землям тьма-тьмущая, сколько — никто и не знает. Говорят, их построили еще до того, как сюда пришли люди. Тогда замки были пусты, как коридоры в дулебских пещерах.

Вспомнив о подземельях, где совсем недавно удалось побывать, Вишена поежился. Освобожденную от векового сна Тень вспомнил, поединок с нагоняющей отчаяние трехголовой тварью...

— Но однажды кто-то из стародавних чародеев прорубил ход в этот Мир, и сюда попали люди, а также несколько народов из дальних краев. Они захватывали пустые замки, проникая в этот Мир, названный Иллурией, все глубже. Шли годы, даже столетия, пустых замков оставалось все меньше, находить их было труднее день ото дня. Отчего-то началась война на северо-востоке, потом на западе, народы Иллурии передрались между собой и стали отбивать замки друг у друга. Тутто и выяснилось, что замки дают только видимость защиты: если приближается враг, ворота исчезают. Почему — не знаю, это какая-то древняя магия.

Собственно, с тех пор мало что изменилось. Так и воюют за обладание замками, иногда объединяясь с соседями против кого-нибудь.

Изредка сюда проникают чужаки, вроде нас с тобой, и тогда им приходится воевать за одну из сторон. Часто местные народы вызывают подмогу за деньги; те, кто откликается, обычно приводят с собой всякую нечисть, полезную в битвах...

Теперь стало понятно: Вишену приняли за такого воина-наемника, а песиголовцев — за его колдовских подручных... Потому и золото вручили, чтоб воевал на стороне Сириана, а не переметнулся к тем же оркам.

— Вот оно что, — пробормотал Вишена.

Дрегович на миг запнулся, потом продолжил:

— Когда Тарус уводил нас из печенежских степей, он полагал, что мы попадем в этот Мир все вместе, однако чье-то колдовство разбросало нас по всей Иллурии. Я вот в лесу оказался, меня эльфы подобрали, Тарус и Роксалан — на севере,

у мореходов, Боград и Похил — у степняков-наездников... Датов и песиголовцев тоже раскидало.

И еще нас растянуло по времени: тебя ждем уже давно, ты из наших последний, остальные уже все здесь.

Вишена слушал, не веря ушам. Какой же надо обладать силой, чтоб такого наворотить! Да еще провести доку-Таруса...

— Ты давно здесь? — ошеломленно спросил он.

— Почти год, — ответил дрегович. — А Тарус — все четыре. Он первым сюда попал.

— А Боромир где?

— За горами, у гномов. Купава с ним, венед Гонта, Озарич и дат один, Эспен. Ну и песиголовцев там хватает, стянулись к своему ватажку.

— А к оркам никто не попал?

Славута вздохнул:

— Попали... Трое датов: Бролин, Харальд и Херцог. Да быстро разобрались, вырезали всех в замке, а после эльфов пустили. С эльфами, добро, Хокан и Ларс были, а то бы положили их, пожалуй, на месте... Из луков эльфы бьют, скажу тебе...

Славута восхищенно поцокал языком и качнул головой.

— В общем, Тарус уже прознал, что ты объявился, назначен большой совет. Вот выставят орков из Хируэта и Дуйнота, тогда и соберутся все. Как раз весь Суладор очищен будет, к Храму Ветров свободный проход откроется.

Протянув руку, Славута подобрал кожаный мех с питьем, ослабил горловину, отхлебнул; тонкая струйка скользнула по небритому подбородку.

Вишена внимал, пытаясь запомнить и представить себе всю Иллурию.

— Слышь, дрегович, сколько здесь всего народов? Много, поди?

— Нет, — покачал головой Славута. — Всего-то восемь. Там, — он указал на восток, — живут варвары. Там море, ветер и вечные шторма. Их цвет — желтый. На полпути от земель варваров к нам лежат леса, там хозяйничают эльфы, Зеленый Народ. Здесь, как ты уже понял, правят белые люди, воинство Сириана. Земля эта зовется Суладор.

Севернее, за проливом, лежит Лореадор. Юг и юго-запад его занимают высокие и крутые горы; под горами выстроили свое царство гномы, мастера и рудокопы. Их флаг коричневого цвета, и на нем изображен молоток. Севернее гор сплошные равнины, по которым кочуют всадники-степняки. Воины, Пожарский, каких мало. Ох и помучались мы, пока мир с ними наладили... До сих пор вздрагиваю, когда вижу их флажки — бело-голубые, кстати — на кончиках пик.

За следующим к северу проливом расположена похожая на подкову земля, Танкар, край мореходов-прибрежников. Они называют себя Воинами Лунных Заводей, и на синем их флаге желтый трезубец, похожий на отражение месяца в зыбкой волне прилива. Тарус, первым проникший в пределы Иллурии, появился именно в Танкаре.

Дальше к северу есть еще один большой остров с несколькими замками, которые постоянно переходят из рук в руки. Сейчас там обосновались прибрежники, похоже — надолго.

Славута перевел дыхание, и, спустя несколько мгновений, возобновил рассказ:

— К востоку, тоже за проливом, на земле, названной Хаэнедор, хозяйничают орки. Правда, их столица расположена севернее, в пределах южного Аргундора, но в Хаэнедор они просочились давно и удерживаются в своих замках прочно. Ты уже видел их цвета — красные.

Ну а северный Аргундор, большую долину за горными цепями, замкнутыми в почти непреодолимое кольцо, заняли люди. Издавна у них союз и добрые отношения с орками, а с остальными они всегда воевали. Их флаги черны, как ночь, и поклоняются они Смерти. В их рядах сражается самая злобная нечисть, наши лойдинские черти по сравнению с ней — дети малые.

Когда пришел Тарус, мир был лишь между прибрежниками и гномами, остальные воевали каждый со всеми. Потом появились Боромир, Боград, Роксалановы чикмы; среди западных варваров объявился Йэльм-Зеленый Драккар; эльфы нашли Хокана и меня в своих лесах... В общем, нам удалось помирить почти все народы: только орки и люди Аргундора продолжают нападать на пограничные замки...

— Скажи, Славута, — перебил побратима Вишена, — а зачем нам встревать в войны Иллурии? Мы пришли сюда не за тем, чтобы выкуривать из замков одних, помогая другим. Помнится, Тарус говорил...

— Тарус тебе об этом и расскажет, — в свою очередь перебил дреговић. — А коротко скажу: оттого, что Яр сражается за людей Аргундора. И наотрез отказывается поговорить с Тарусом.

Вишена невольно вздрогнул. Яр, мальчишка, которого выбрал хозяином колдовской меч; мальчишка, разбудивший древнюю нечеловечью магию рубинов, а потом — дремлющую под горами Тень...

— У него теперь меч с сапфиром. И он нужен Тарусу, а значит, и всем нам. Так что воевать придется, Пожарский. Чего бы это нам не стоило.

Вишена снова ощутил, что находится в самом начале пути, хотя совсем недавно казалось, что поход за Книгами заканчивается. Так бывает: цель представляется близкой, потому что ясно видна впереди, но уже устали ноги, отшагавшие много верст, а цель приблизилась совсем чуть-чуть, если вообще приблизилась, и ты идешь, идешь, закусывая губу и унимая усталость, твердя про себя: «Ну, вот, еще немного — и все, дойду», но коварная цель по-прежнему маячит на горизонте и манит обманчивой близостью...

Эльфы-лучники, заворачиваясь в плащи, укладывались спать у костра. Песиголовцы, сбившись в тесный клубок, уже улеглись, тихонько ворча. Перед завтрашней битвой каждый стремился отдохнуть и урвать у судьбы несколько лишних мгновений сна.

— Пойду я, пожалуй, — сказал Вишена. — Завтра, поди, против орков выступать. А я вроде как золото отрабатывать должен...

Пожарский поднялся, крепко сжал ладонь дреговича и направился к замку, смутно чернеющему на фоне звездного неба.

На высокой башне, где бдил часовой, мерцал одинокий колеблющийся огонек.

Глава 2
БИТВА ЗА СУЛАДОР

Степь тянулась навстречу, похожая на ровный зеленый стол. Трава сочно хрустела под ногами; непривычным казался лишь красноватый свет иллурийского солнца.

Сириан вел человек семьдесят — щитоносцев, лучников, копейщиков и пяток высоких бородатых воинов с косичками, вооруженных тяжеленными молотами. Часть из них пришла откуда-то с юга, из замка, зовущегося Мартос, столицы белых, часть к утру просто очутилась во дворе. Вишена не видел, как они появились, но и не слышал ночью звука отворяемых ворот. Он больше не пытался разгадать законы чуждого волшебства, просто принимал все как есть.

Над башенкой из бурого песчаника развевался зеленый флаг эльфов. Сначала Вишена подумал, что здесь стал на отдых отряд, с которым шел Славута, но башня была пуста.

Но когда первые воины Сириана поравнялись с ней, флаг на глазах посветлел, а черный силуэт дерева вдруг потек, изменил форму, втянул ветви и раскинул крылья, а потом обрел вид летящего орла.

Вишена даже остановился, разглядывая изменившееся полотнище. В спину неловко ткнулся песиголовец, дремлющий на ходу.

— Ар-рр! В чем дело, человек?

Вишена обернулся, и взгляд его остановился на белеющем под шерстью шраме на щеке псоглавого.

— Гляди, Урхон: эти башни запоминают, кто последний мимо них прошел. И меняют цвет флага сообразно с этим. Странно, правда?

Урхон и идущий позади него Гарх коротко взглянули на белое полотнище.

— Я удивлюсь, если это последняя странность этого края, — проворчал Урхон и смешно пошевелил ушами.

Вишена вздохнул и стал нагонять оторвавшуюся цепочку воинов.

К полудню, когда устроили короткий привал, Вишену подозвал Сириан.

— Здесь руины есть неподалеку. Надо бы заглянуть. Раз уж ты свеженький пожаловал...

Поразмыслив, Вишена открылся:

— Вот что я скажу тебе, Сириан! Наверное, к вам должен был прийти кто-то другой вместо меня. Я не отказываюсь сражаться за вас, просто мне нужно все поподробнее растолковать. Не разумею я в вашей жизни ничегошеньки... Объясни по-людски: что за руины? Зачем туда лезть? Лады?

Сириан не очень удивился и охотно стал просвещать Пожарского.

— В старые времена маги разрушили несколько сот замков. Отсюда и руины — они разбросаны по всей Иллурии. Входить туда могут только пришельцы; пришельцев легко отличить по вот таким плащам. — Сириан слегка подергал за белую ткань, струящуюся с плеч Вишены. — Простые воины всегда видят руину пустой, даже если она занята. Обыкновенно там селится какая-нибудь нечисть: земляные драконы, демоны, призраки, айагры. Чаще всего с ними приходится сражаться один на один, но иногда они присоединяются к войску потревожившего их кондотьера, иногда откупаются золотом, иногда сулят новое заклинание или волшебные вещи. В общем, раз на раз не приходится. Разберешься на месте.

— Добро, — вздохнул Вишена. И пробормотал негромко: — Только с нечистью я еще и не связывался... Тьфу ты, пропадь...

— Я с тобой не пойду, — предупредил Сириан. — Орки могут выслать отряд навстречу. Так что бери своих чужаков — и вперед. После нас нагонишь. Руина во-он там... Холм раздвоенный видишь? На него взберетесь, сразу увидите, рядом с рощицей... Там еще башенка такая же стоит.

— А ежели я не одолею того, кто в руине хоронится? Что тогда?

Сириан развел руками:

— Извини, раз нанялся — придется лезть... Хотя кондотьеров убивают в руинах редко... Одного из десяти. Чаще они гибнут при штурме очередного замка.

— Понятно, — буркнул Вишена. — Утешил, благодарствую...

Песиголовцы молча стояли рядом.

— Пошли, что ли? — сказал им Вишена и зашагал в сторону приметного холма. Белоснежный плащ трепетал на легком ветру.

Песиголовцы споро переставляли свои ноги-ходули с дополнительным сгибом, Вишена за ними едва поспевал. Что Гарх, что Урхон постоянно шевелили влажными черными носами, то и дело облизывая их розовыми лентами языков. С такими спутниками нечего было бояться проворонить приближение недругов — людей ли, орков ли, еще ли кого.

«Хоть в этом повезло», — подумал Вишена.

С одной из макушек холма ясно виднелась березовая рощица, а рядом с ней — полуобвалившиеся стены. Башни разрушились почти полностью, только корявые остовы напоминали о них; серый камень много где зарос мхом и лишайником; на месте ворот зиял темный провал.

Когда они приблизились, стала видна башенка, о которой предупреждал Сириан. С холма ее было не разглядеть, мешали развалины. Когда она открылась взгляду, Вишена рассмотрел желтый флаг с языками алого пламени.

«Гм! — напрягся он, вспоминая рассказ Славуты. — Судя по цветам — это варвары штормового Суладора, если я ничего не спутал. Чего они тут искали?»

Оба песиголовца при виде башенки не проявили ни малейшего беспокойства. Тот, кто проходил здесь когда-то, давно покинул эти края.

«Может, они руину и выскребли?» — подумал Вишена с надеждой. Лезть под землю и рубиться с неведомой нечистью совсем не хотелось. Все в этом Мире было чужим, непонятным и холодным.

Они приблизились к арке, где некогда появлялись и исчезали обманчивые ворота. На полуобрушившейся стене сидело несколько галок, глядя на Вишену и арранков с некоторым подозрением, но без страха. Видать, люди им встречались нечасто.

Во дворе было пусто, если не считать полусгнившей коновязи и расколотой поилки для лошадей. Чернел наподобие драконьей пасти вход в палаты, расширенный кем-то неведомо зачем.

Перед самым входом арранки сдержали шаг, принюхались и замерли. Шерсть на их загривках вдруг встопорщилась, оба тихо заворчали.

Вишена понял, что руина не пуста.

Он молча вынул из ножен почерневший в Иллурии клинок и шагнул к отверзнутому проему. Песиголовцы стали рядом с входом, словно стражи. Взглянув в их карие глубоко посаженные глаза, Вишена почувствовал, что ему желают удачи.

Вниз уходили ступени, длинный коридор вел в глубь палат первого яруса; Вишена поколебался и пошел вниз. Глаза быстро привыкли к полутьме. Впечатывая в пыль следы сапог, Пожарский спускался по крутой лестнице. Где-то впереди брезжил слабый свет: верно, там была труба наподобие дымохода, для воздуха. Когда он спустился, тишина, казалось, стала звенеть.

Подвал замка ширился на добрые полста шагов, а в длину превышал сотню. Зыбкий свет выхватывал в центре неправильной формы пятно, по углам клубился плотный мрак. Стараясь не смотреть на свет, Вишена, выставив меч перед собой, мелкими шажками направился к ближнему из углов. Нога ткнулась во что-то твердое: Вишена глянул — горсть камней размером с голубиное яйцо и большой булыжник с человеческую голову. О него Вишена и споткнулся.

Размышлял Пожарский всего мгновение. Нагнулся, подобрал мелкие камни и вернулся на освещенный пятачок.

Все углы оставались темными, и ничто не нарушало царящего там мрака.

Размахнувшись, Вишена метнул первый камешек в ближний угол. Сухой стук разбудил пяток летучих мышей, с криками они заметались по тесному для крылатых подвалу. Второй, третий бросок: в дальнем углу кто-то тяжело заворочался, потом разом вспыхнули два уголька-глаза. Между ними свободно уместилась бы человеческая ладонь.

Взгляд был тяжелый и мрачный, как удар булавой. Вишена покрепче сжал меч и приготовился к худшему.

Обладатель кроваво-красных глаз поднялся; был он на две головы выше Пожарского.

«Час от часу не легче», — подумал Вишена, смахивая выступивший пот с чела. И краем глаза заметил тусклое свечение в своих руках. Он опустил взгляд: одна из рун на гарде меча горела зеленоватым колеблющимся пламенем. Может, это давали о себе знать волшебные изумруды, чуявшие нечисть в его родном Мире?

Темная фигура бесшумно приблизилась. Вишена ждал гневного рыка, шипения — каких-нибудь звуков, но неведомо кто был безмолвен, как безветренная ночь. Руна разгорелась ярче.

— Кто ты? — хрипло спросил Вишена, потому что тишина и ожидание действовали на нервы.

Вопреки ожиданиям, ему ответили. Низким вибрирующим басом:

— Я — Л'лейл, густар харка. Я вижу, ты в белом плаще. Поэтому сражаться не буду. Бери откуп и уходи, чужак.

Вишена чувствовал, что Л'лейл неотрывно глядит на горящую зеленым руну.

«Небось ее боишься, а не плаща белого», — подумал Вишена.

Вновь зазвучал бас:

— Ты прав, чужак, я не смею выступить против древней магии твоего меча. Бери откуп.

Под ноги Вишене тихо упало что-то продолговатое, подняв ленивые облачка пыли. Пожарский нагнулся и подобрал — это был пояс. Простой кожаный пояс с костяной застежкой, без единого украшения.

— В нем живет заклинание Холодного Пламени. Когда будет нужно, Холодное Пламя поможет тебе и твоим спутникам. А теперь уходи и помни: второй раз путь тебе сюда заказан. На долгие годы, люди не живут столько. Прощай.

Л'лейл повернулся к Вишене спиной и бесшумно канул в темноту дальнего угла. На миг Пожарский узрел приземистый согбенный силуэт, сразу же проглоченный комьями мрака.

Вишена не заставил себя упрашивать: в одной руке меч, в другой — пояс, он взлетел по лестнице, прыгая через две ступени. Поднялся он куда быстрее, чем недавно спустился.

Песиголовцы потянулись к мечам, но, учуяв человека, замерли.

Дневной свет резал глаза.

— Уф!!

Вишена смахнул рукавом обильный пот. Согнул руки, переводя взгляд с вороненого меча на колдовской пояс. Руна на гарде медленно гасла, и скоро перестала отличаться от двух других. Меч скользнул в ножны и был ненадолго забыт.

Пояс при свете дня выглядел совсем непривлекательно: основательно поношенный, невыразительного черно-серого цвета. Костяная пряжка покрыта сетью мелких трещин, под которыми угадывался полустертый рисунок: язык пламени. И три руны под ним, те же, что и на мече.

— О как! — сказал Вишена озадаченно. — Ладно. Заклинание так заклинание. Тарус разберется...

Песиголовцы вопросительно поедали его глазами.

— Сидит там внизу кто-то. На вид — страшноватый. Но биться не пришлось: откупился вот этим, сказал, колдовство в нем живет. — Пожарский потряс поясом. — И возвращаться не велел. Так что — пошли.

Вишена подпоясался откупом Л'лейла, и они скорым шагом пошли прочь от разрушенного замка. На полпути к холму Вишена обернулся и еще раз окинул взглядом свою первую в Иллурии руину.

Флаг над башенкой у рощи теперь был не желтым, а черным, словно кошачий зрачок.

Вишена вздрогнул и остановился. Песиголовцы, глядя на него, тоже замерли.

Кто-то из черных людей дальнего северо-востока скрывался в роще. Вишена вспомнил, что под цветами Аргундора сражался Яр, и тяжкий вздох вырвался из его груди.

— Пойдем, Вижжена! — пророкотал Гарх. — Запомни это и пойдем!

Еще раз взглянув на флаг, Пожарский поспешил за скорыми на ноги песиголовцами, размышляя на ходу.

«А ведь они перестали называть меня плосколицым, — подумал он совершенно не к месту. — Наверное, потому, что я вслух никогда не называю их песиголовцами...»

Когда они вернулись к месту стоянки у башенки по другую сторону холма, там никого уже не было. Но флаг, хвала Перуну, был все еще белым.

Без доспехов и поклажи Вишена с арранками догнали отряд Сириана часа за три. Сначала они шли вдоль цепочки холмов, оставляя их справа, потом вдалеке засинела водная гладь пролива, за которым лежал Хаэнедор, земля, где властвовали орки. Чуть позже холмы появились уже слева, а за холмами, подернутые зыбкой полупрозрачной дымкой, угадывались снежные пики.

Щитоносцев Сириана, успевших соединиться с отрядом эльфов, раньше учуяли песиголовцы: повели носами, поймав встречный порыв ветра, переглянулись. Урхон заметил:

— Догоняем...

Спустя немного времени заметили их и в отряде. Сириан отстал и дождался Вишену. В глазах его читалось больше уважения, чем раньше. Наверное, Сириан уже клял судьбу за то, что послал бестолкового кондотьера, которому нужно все разжевывать и пояснять. Ватаг белых скорее всего знал, кто кроется в руине у разрушенного замка, и не ожидал, что Вишена вернется живым.

— Рассказывай, — велел он Пожарскому.

Тот, стараясь казаться невозмутимым, ответствовал:

— Да чего рассказывать? Слазил, пояс, вон, дали... Даже драться не довелось.

Сириан выжидательно смотрел Вишене в глаза. Пришлось рассказать поподробнее:

— Сидел там некто красноглазый в подвале, Л'лейл, гос... кто-то там, я не запомнил.

— Густар харка? — подсказал Сириан.

— Во-во. Заявил, что сражаться со мной не хочет, откупился заклинанием Холодного Пламени, которое якобы живет в этом старом ремне.

— Ясно... — протянул Сириан. — А почему сражаться не хочет — не сказал?

Вишена пожал плечами:

— Меча моего боится.

Брови Сириана поползли вверх.

— Меча? Ну-ка покажи, если не в тягость.

Пожарский молча обнажил меч. Вороненый клинок казался чем-то нереальным в ярком свете дня.

Сириан мельком оглядел клинок, поглазел на руны и поинтересовался:

— Давно ли его отковали?

— Давно. Не знаю даже когда. В моем Мире он был светлым, а на гарде вместо рун зеленел зачарованный изумруд. Он чуял нечисть и оберегал своих хозяев. Меня тоже.

Сириан вздохнул:

— Добро. Пошли...

— Погоди, Сириан! — задержал его Вишена. — Наверное, я должен тебя предостеречь... Прежде скажи, правильно ли я понял: над башенками остается флаг того, кто последний проходил мимо? Пока не пройдет кто-нибудь еще?

Вопросительно уставясь на него, Сириан ответил:

— Ты понял правильно.

— Тогда знай: когда я пришел к руине, над ближней башенкой развевался желтый флаг...

— Верно! — перебил Сириан. — Недавно Л'лейл сожрал их кондотьера. Мы пропускали через свои земли уцелевших лучников из его отряда.

— Так вот, когда я вышел из руины, флаг был черным.

Сириан побледнел и замер:

— Ты не ошибся, Вишена Пожарский?

Вишена замотал головой:

— Меня это тоже насторожило.

— Ты правильно сделал, что рассказал. Нуш! Сюда!

Сухопарый и длинноногий, как цапля, лучник мигом приблизился. Сириан отослал его с сообщением назад, в замок.

Потом Сириан на ходу долго совещался с вожаком эльфов, песиголовцы присоединились к сородичам из отряда лесовиков, а Вишена радостно приветствовал Славуту.

— Я слышал, ты в руину успел слазить? — сразу спросил дрегович.

— Было такое, — усмехнулся Вишена. — Повезло мне, наверное, без драки обошлось. Как подумаю, что случилось бы махаться с этой образиной... Жутко становится. Непривычно мне здесь, друже, все здесь не так, даже нечисть какая-то чудная...

— Есть такое, — в тон побратиму согласился Славута. — Я уже четыре руины опустошил: трижды пришлось рубиться. Бедная моя секира!

Вишена глубокомысленно заметил:

— Однако я вижу и секиру твою целой, и тебя в добром здравии, так что не стану спрашивать, кто победил...

Побратимы расхохотались; Славута крепко хлопнул товарища по плечу:

— Как же мне не хватало тебя этот год, чертяка!

Дважды Славута выносил из руин золото, раз — карту с потерянной руиной, незаметной даже с нескольких шагов, откуда дрегович потом вывел четырех драконов, погибших при осаде лесного замка Лормарка, но тогда замок удалось отстоять. Отчасти — благодаря драконам. Орки привели в тот раз десяток демонов и рассчитывали на легкий штурм, но возвращающийся из руины Славута ударил оркам в спину...

Вишена понял, что, пока его мотало где-то между Мирами, побратимы не раз обнажали оружие в схватках. И легко можно было кого-нибудь недосчитаться. Пожарский знал, что время жестоко, но таким жестоким его не мыслил никогда.

И еще Вишена понял, что Славута теперь ровесник ему, год прожив в Иллурии и догнав побратима. А Тарус теперь на пару лет старше Пожарского.

Вишена впервые задумался о плате за колдовство — изломанных судьбах. Не в этот раз, нет, здесь все обошлось более или менее гладко, но ведь наверняка с кем-нибудь время вытворяло куда более страшные вещи.

Под вечер стали лагерем меж двух холмов. Намаявшись за день, Вишена уснул сразу после легкого ужина. Он не видел, как эльфы-дозорные подстрелили почтовую сову орков, летящую за пролив, как Сириан читал причудливые орочьи письмена и как обсуждал прочитанное с эльфами. Как с гор бестелесной тенью спустился посланник гномов, а следом за ним явились два рослых орка и зарубили, не разобравшись, часового-мечника, а следом сами легли под эльфийскими стрелами.

Проснулся он только на рассвете, когда его потряс друг-дрегович.

— Вставай, Пожарский! Выступаем.

Вишена кое-как отогнал сон, умылся в ключе, отхлебнул эльфийского напитка и с немалым удивлением разглядел подле Сириана бородатого карлика с мясистым, ровно брюква, носом и остроконечными волосатыми ушами. Одет карлик был в коричневую куртку, обтягивающую могучие плечи и мускулистые ручищи, кожаные штаны, опаленные, как у кузнецов, на бедрах, низкие сапожки с блестящими пряжками. На поясе висела внушительных размеров секира, больше даже Славутиной.

— Это еще кто? — изумленно спросил он товарища.

— Гном, — пояснил Славута. — Простой гном. Привыкай, Пожарский...

Выступили спустя недолгое время. Вскоре Вишена разглядел вдали замок: Славута сказал, что это и есть Хируэт, один из двух захваченных орками пограничных замков Суладора. Над ближней башней полоскался на ветру кроваво-красный флаг с белым полумесяцем. Серебристо поблескивали в лучах восходящего солнца шлемы воинов на стенах.

Ратники Сириана горели нетерпением: глаза их сверкали, а руки тянулись к оружию. Развернув щитоносцев и копейщиков в шеренгу, Сириан дал сигнал к атаке. Во второй шеренге шли лучники, на левом фланге белые, на правом — зеленые. Несколько эльфов покрепче остальных тянули на волокушах целые охапки стрел.

Когда они приблизились, ворота замка растаяли, как туман на солнце. Под аркой застыл плотный строй орков, зашитых в железо доспехов. На сплошном ряду сомкнутых щитов красовалось множество одинаковых гербов: красный круг с полумесяцем.

Как ни странно, у орков не было в замке ни одного лучника.

Пятеро воинов-гигантов с молотами первыми вгрызлись в железный ряд орков. Запело оружие, лучники осыпали защитников крепости тучами стрел, легко посылая их над стенами.

Вишена, глядя на мясорубку в арке, содрогнулся. Сунуться туда не было никакой возможности, да и драться в такой тесноте весьма трудно.

— Эй, Славута! — позвал он побратима. Дрегович, нетерпеливо поигрывая секирой, стоял за спинами сражающихся. — Ну-ка, выдь!

Путаясь в полах зеленого плаща, Славута приблизился. В глазах его читался немой вопрос.

— Давай-ка на стену влезем. Во-он там, в сторонке. Там и нет никого. А?

Славута наморщил лоб и через секунду позвал:

— Хокан! Сюда!

Глаза его заблестели, он явно оценил идею Вишены, но почему сам не додумался до такого пустяка, Пожарский не понимал. Воистину странный мир эта Иллурия!

К Вишене и Славуте присоединились Хокан, семеро песиголовцев, включая Гарха и Урхона, и несколько эльфов-лучников. Они обошли замок с юга, нашли удобное для подъема место — где башня стыковалась со стеной — и, помогая друг другу, взобрались на стену. Отсюда замок казался пустым, только звон стали и бессвязные крики доносились со стороны ворот.

Короткие мгновения бега, и взору открылась рубка под аркой. Орки стояли насмерть, прорвать их строй так и не удавалось. И тогда Хокан издал боевой клич датов:

— Хей-я-а-а-а-а!!!

Тотчас протяжно отозвались песиголовцы, вскидывая мечи:

— Ар-роу!!!

И они ударили по обернувшимся оркам, вкладывая всю силу и ярость. Вишена слился с черным клинком, отражая вражеские выпады и сея смерть. Строй орков дрогнул, ратники Сириана насели с удвоенной силой, гиганты с улюлюканьем взметнули и опустили молоты, лучники неторопливо выбирали очередную цель и разили без промаха.

Защитную шеренгу смяли в считанные секунды. Битва закончилась стремительно, как летний ливень, в живых не осталось ни одного воина в красном.

Когда затих гром железа в стенах замка, стало слышно, что снаружи тоже рубятся. Взгляды опьяненных победой людей Сириана и эльфов обратились за пределы стен: там несколько десятков всадников в белых накидках гнали к проливу остат-

ки отряда орков на волках. Эльфы-лучники, выстроившись широким полукольцом, слали им вдогонку одиночные стрелы, а ранее, видно, дали хороший залп, потому что невдалеке валялось изрядное количество мертвых орков и волков, утыканных стрелами.

— Это конники из Троя! — сказал Хокан. — Вовремя успели!

Славута, отирая секиру оторванным краем чьего-то плаща, заметил:

— Конечно, верхом-то...

На легкое сотрясение почвы Вишена сначала не обратил внимания. Когда оно повторилось, он с тревогой огляделся.

Башни замка дрожали, колебля даже стены. Над башнями трепыхались непонятно какие флаги: они то зеленели, то становились белыми, как снег, чтобы вскоре опять позеленеть.

— Небо! — побледнел Славута. — Мы же в разном цвете! Эй, все кто от эльфов — прочь из замка!

Сириан, вышедший из-под арки, что-то кричал им.

— Да не в ворота! — подсказал Славута. — Вновь через стену!

Эльфы-лучники, песиголовцы, кроме Урхона с Гархом, и Хокан мигом взлетели на стену и споро спустились.

Только теперь замок перестал сотрясаться; флаг наконец приобрел устойчивый белый цвет, и на нем прорезался геральдический орел.

Сириан приблизился; он выглядел взбешенным.

— Как вы оказались в замке? — спросил он гневно.

— Через стену, — пожал плечами Вишена.

— Кто позволил? — продолжал орать Сириан.

— Никто.

— Тогда зачем было лезть?

— Затем, соленый лес, что ты еще час бы в той арке топтался и кучу народа положил, — рассвирепел в свою очередь Вишена. — Воевода, так тя... Воевать научись сначала!

Сириан осекся. Потом сказал, уже тише:

— Здесь я решаю, что делать. А ты подчиняешься мне, не забывай.

— Ну и решай. — Вишена швырнул ему под ноги кошель с золотом. — Я вам не навязывался. Мне орки ничего плохого не сделали. Это не моя война.

Он развернулся и пошел к вновь возникшим в арке воротам, распахнутым перед встречей всадников Троя.

Гарх и Урхон последовали за Вишеной.

Пожарский совершенно не представлял, что станет делать дальше, куда пойдет и зачем. К Тарусу, наверное...

Отвлекло его хлопанье крыльев; какой-то крылатый зверь валился сверху на лужайку перед воротами, оглашая окрестности хриплым клекотом.

Вишена отступил; зверь тем временем, часто, как голубь, взмахивая крыльями, опускался и скоро коснулся земли когтистыми лапами. Голова зверя напоминала соколиную. Меж коричневых кожистых крыльев посреди хитрой упряжи сидел всадник в синем плаще.

Это был Тарус.

Вишена, заслонивши рукой глаза, стоял перед аркой; ветер шевелил его белый плащ.

Наконец зверь успокоился, перестал взмахивать крыльями и сложил их на шерстистой спине. Тарус единым махом соскочил на траву. И в следующий миг заметил Вишену.

— Пожарский! — воскликнул он и раскинул приветственно руки.

Вишена замер; рука его медленно опустилась.

Тарус повзрослел. На лбу прорезались неглубокие еще морщины, а в густых длинных волосах виднелось первое серебро. А ведь он всего на четыре года обогнал Вишену. Значит, сейчас Тарус на два года старше, потому что раньше был на два года моложе.

Они обнялись, крепко, как прежде. Никогда еще Вишена так не радовался встрече с побратимом-чародеем. Но он никогда раньше и не оказывался под чужим солнцем.

Из ворот выступил в сопровождении двух щитоносцев Сириан; предводитель эльфов и гном-посланник тоже приблизились к Тарусу. Все с нетерпением ждали, что тот скажет.

Тарус отстранил Вишену, взглядом давая понять, что, разделавшись с делами, они еще крепко поговорят, и громко объявил:

— Дуйнот взят гномами! Сегодня, вскоре после рассвета. Подмогу из Барад-Нарана и Вольферта отогнали конники Троя и Суури. Суладор наш!

Радостный многоголосый рев огласил небольшую долину, где стоял замок, зовущийся Хируэтом. Воины потрясали мечами, пиками, молотами, луками — все, и эльфы, и люди Сириана. Наверное, они долго ждали этого дня.

Сириан, приблизившись на расстояние двух шагов, раздельно произнес:

— Это отрадно, посланник людей Моря. Но есть и неважные новости: на юге, недалеко от Синура, у руины Двуглавого холма шныряют черные из Аргундора. Наш кондотьер спускался в руину, а когда вышел, над следящей башней развевался флаг Аргундора. Не удивлюсь, если у Храма Ветров перед советом будет ждать засада.

— Значит, на совет явится больше народа. Прочешем все как следует, выставим посты...

— А если черные подтянут силы? Эльфы говорят, у них недавно появились айагры.

— Неужто наш союз не сможет выставить достаточно воинов? Я запомнил, Сириан. Гномы, кочевники и люди Моря учтут сказанное тобой. Спасибо.

Помолчав немного, Сириан протянул Вишене брошенный недавно кошель с золотом.

— Возьми. Я не оправдываю твой поступок, наверное, ты действительно до сих пор не понял где оказался. Об одном прошу: больше не выдумывай ничего. По крайней мере расскажи сначала мне. Уже полчаса мы могли бы быть мертвыми, наши замки и замки эльфов обратились бы в руины, а орки начали бы расползаться по всему Суладору.

Тарус удивленно поглядел на Вишену:

— Что ты уже успел учинить, Пожарский?

— Вошел в замок вместе с несколькими эльфами и их новым кондотьером...

— Хоканом?

— Да. Они вошли через стену, минуя арку.

Тарус всплеснул руками:

— Узнаю тебя, Пожарский! Все наискось... Не делай так больше, пожалуйста. Ты не дома, увы...

Совершенно не к месту Вишена подумал, что с трудом узнает речь друзей. В этом мире они даже говорить стали иначе, чем дома. Да и сам он выговаривал непривычные слова с легкостью, не задумываясь, откуда их знает. Колдовство... Как много его стало с недавних пор в жизни Пожарского...

Он взял кошель и подвесил его к ремню.

— Заклинание? — встрепенулся Тарус. — Откуда? А, понимаю, это ты спускался в руину Двуглавого холма! Что за заклинание?

— Холодное Пламя, если не путаю, — буркнул Вишена.

— Отлично! Пригодится в пещерах Аргундора.

При слове «пещеры» Вишена в который раз вспомнил долгие скитания под землей в родном Мире. И еще вспомнил пещеру Рубинового Клада. Что ждет их в подземельях Иллурии? Наверняка не пиры...

— Совет послезавтра. Лореадор уже выступил. Не опоздайте.

Сириан кивнул.

— Я уведу ненадолго твоего кондотьера, — сказал Тарус и подмигнул Вишене. — И твоих, — обратился он к предводителю эльфов.

Хокан и Славута с готовностью подошли к чародею.

— Пойдемте. — Тарус махнул ладонью. — Вишене нужно многое рассказать. Да и вы кое-что новое услышите...

Крылатый зверь прикорнул на лужайке, Тарус, проходя мимо, хлопнул его по крутому боку.

— Это еще что за страшилище? — спросил Вишена, недоверчиво оглядывая птичью голову и когтистые лапы.

— Грифон, — пояснил Тарус. — В горах — страшная сила. Увидишь еще, Аргундор штурмовать все равно придется.

Они отошли от замка на четверть версты и уселись на траву у дороги, убегающей к мосту через пролив. За проливом лежали земли орков, но мост был еще далеко.

Суждено ли пройти по нему когда-нибудь?

Глава 3
ХРАМ ВЕТРОВ

Справа вздымалась отвесная скала, а слева зиял обрыв; тропа-серпантин уводила воинов в белом на юг, вдоль Мартосской гряды. Там, за изломанными вершинами, лежал в долине Мартос — столица людей Сириана.

Воды пролива ослепительно блестели; странный красноватый оттенок бликов перестал казаться необычным: наверное, Вишена привык. За проливом тоже виднелись горы, только по ту их сторону замки принадлежали оркам.

Храм Ветров стоял на самой слуде. Волны лизали серое тело скал далеко внизу, а на высоте Храма и впрямь хозяйничали ветры. Когда тропа в очередной раз изогнулась и взобралась на гребень, стало видно, что в Храме полно народу. Тут и там развевались флаги всех цветов радуги, кроме красного; не было также и ни одного черного. Около десятка грифонов дремали в отдалении; несколько крылатых лошадей паслись у высоких двустворчатых ворот, на толстых цепях тут же рядом сидели два верховых волка, голодно уставившись на них.

Приглядевшись, Вишена различил парочку дозоров, поднявшихся на окрестные вершины. Наверное, это были гномы, чувствующие себя в горах как дома.

Вишена спустился к воротам, Гарх и Урхон, неразлучные спутники здесь в Иллурии, следовали за ним странной походкой своего племени.

Теперь он знал, почему они застряли в чужом Мире. Во-первых, разбуженная Тень исказила волшебство изумрудных мечей и заклинания Таруса — отряд в момент перехода распался на небольшие группы. Еще чья-то злая колдовская сила заставила взбунтоваться время, и они появлялись в Иллурии по очереди, в течение без малого четырех лет. А главное, вслед за ними в этот Мир проник странный печенежский колдун, и ему удалось увести с собой Яра. К черным людям Аргундора. Тень, утащившая сундук с Книгами, залегла в одну из руин. В какую — Тарус не знал. Изумрудные мечи Вишены, Боромира и Йэльма в этом Мире стали черными, и вместо драгоцен-

ных камней на их гардах возникли руны, подвластные другой магии — магии Иллурии. Они утратили способность становиться ключом в иной Мир, а вернуть ее возможно, только перепрыгнув в любой из соседних Миров. Впрочем, в Иллурии имелся свой ключ: два меча с сапфирами. Ими владели кондотьеры прошлого — пока не гибли в битвах, и тогда мечи подбирали прячущиеся в руинах странные создания и хранили их до тех пор, пока другой кондотьер не спускался в руину и не одолевал в схватке. Ныне один клинок с сапфиром находился в какой-то из руин, второй — в Аргундоре, у Яра. Тарус дважды говорил с Яром и понял, что хлопец, совсем недавно бесстрашно сражавшийся бок о бок с воинами Боромирова отряда, переметнулся на сторону сил зла. Застежку плаща с рубинами хозяина Ко и вороненый меч вместе с ножнами из пещеры Рубинового Клада Яр утратил где-то между Мирами. Тарус почувствовал вмешательство чьей-то чужой магии, против которой все его умение было бессильно. Печенежский колдун призвал на помощь свои темные чары и вызвал из мрака целые орды нечисти. Аргундор поднял голову и захватывал замок за замком. До тех пор пока не будет найден второй меч и не захвачен принадлежащий сейчас Яру — они заперты в Иллурии. Оставалось методично вычищать руины в поисках Тени и второго сапфирового клинка да копить силы для похода на Аргундор.

Вишена вошел в ворота. Стражник с белым гербом на доспехах церемонно грохнул перчаткой о щит — Вишену и других кондотьеров часто так приветствовали простые ратники Союза Шести Народов.

Славута, Хокан и Тарус уже прибыли в Храм; успел Вишена повидаться с Роксаланом, Пристенем, Дементием и остальными чикмами — Атяшем, Палехом, Проном; ожидали Боромира с Купавой, Похила и Боград со своими венедами — Богуславом, Чеславом, Вавилой и Болеславом. Еще ждали Йэльма и его датов и Анчу с несколькими арранками.

Настоящие кондотьеры Иллурии глядели на происходящее с изумлением: впервые столько Проникающих-в-руины собрались в одном месте. Да еще не в чистом поле, а в одном из Храмов! Но на Таруса все глядели с почтением и перечить

ему не смели. Видно, за эти годы чародей заслужил немалое уважение среди Шести Народов.

Послы все прибывали и прибывали: вереница эльфов спустилась со стороны Мартосского перевала, воды пролива рассекла длинная ладья под желтыми парусами, очень похожая на драккар датов, на тропе показались силуэты десятка всадников, на широкую площадку у Храма то и дело садились грифоны, а единственный отбившийся от ватажка Боград венед по имени Гонта прилетел на темно-коричневом драконе. Вишена долго глазел на диковинного зверя, с первого взгляда не особенно опасного, но друг-дрегович успел убедить его, что страшнее драконов нечисти в Иллурии нет. Дракон был невелик, чуть больше крупного тялшинского мерина-тяжеловоза, но суше в кости и гораздо грациознее. Длинные перепончатые крылья складывались сегмент за сегментом на спине, когтистые, похожие на куриные лапы, длинная шея... И тяжелый взгляд глубоко упрятанных глаз, не разберешь какого цвета. Вишене казалось, что дракон разумен, как люди, но никаких подтверждений этому пока не видел.

С эльфами пришли даты — Ларс, Гунн и Верворт; Йэльм-Зеленый Драккар сегодня волею судьбы прибыл на желтой ладье Штормового Суладора; крылья грифонов принесли Боромира, Купаву, Озарича... Вишену встречали возгласами радости, обнимали, а он чувствовал себя виноватым, потому что расстался со спутниками совсем недавно. Это им пришлось ждать его несколько лет.

Когда все, кого ждали, появились, Тарус пригласил в Храм. За низкой символической оградкой возвышались высокие белого камня стены; с трех сторон ко входу вели ступени. Перед темным провалом арки ровнилась небольшая площадка, застеленная сейчас пушистыми коврами. Под своды иллурийской святыни решили всей разноцветной гурьбой не соваться.

Кондотьеры поднимались по ступеням и рассаживались на коврах, образуя широкий круг. Плащи шести цветов тихо шелестели на легком ветерке. Вишена опустился рядом с Сирианом и пришедшими больше трех лет назад датами — Юргордом, Матсом и Огрисом; кроме того, здесь же сидели еще трое кондотьеров в белых плащах. Чуть правее расположились эльфы — этих было много, больше двух десятков. Левее кута-

лись в коричневое гномы, Боромир с Купавой, Озарич, Гонта и дат Эспен; напротив — рослые ребята в желтом да Йэльм с четверкой датов; Тарус и чикмы соседствовали с суровыми на вид крепышами, лица которых были обветренны и загорелы, а плащи полнились морской синевой; а Похил и остальные венеды во главе с Боградом сидели вперемешку с низкорослыми плосколицыми степняками, всадниками по жизни, их плащи отливали бело-голубым. Песиголовцы, согнув оба сустава на ногах, застыли, как резные идолы, за спинами остальных, вокруг своего вожака Анчи. Плащей они не носили, зато каждый опоясывался определенного цвета кушаком.

Вишена подумал, что не хватает Омута и кого-то из датов. К ним судьба отнеслась без приязни: выкинула в земли враждебных орков и аргундорцев.

И еще Пожарский не видел Яра, и это огорчало больше всего. Он не мог забыть восторг в глазах хлопца после памятного поединка с песиголовцами в лесах западнее Лойды: «Спас? Борьба без оружия? Научишь, Пожарский?» Не мог забыть, как выручали его из лап чужаков в остроконечных шапках, обернувшись с Тарусом волками... Теперь Вишена вспоминал, что по мере уменьшения рубинового меча и сражений с тварями из знака в Яре чувствовался неясный надлом, и чем дальше, тем больше. А как угнетал его черный плащ из дулебских пещер!

Не сберегли отрока, подмял его печенежский колдун, запорошил разум...

Вишена тяжело вздохнул.

Тарус поднял руку, призывая к тишине. Негромкие речи тотчас прервались, и глаза собравшихся скрестились на фигуре лойдинского чародея.

— Рад приветствовать вас, посланники Шести Народов Иллурии! Сейчас я говорю не столько от имени Воинов Лунных Заводей, сколько от имени кондотьеров, присоединявшихся к разным народам последние четыре года. Ни для кого уже не секрет, что ранее мы все были знакомы, в другом Мире. Посему разделение здесь приносит нам много неудобств. Напомню, что в ваш Мир мы попали не по Зову Присоединения, а по своей воле и не собирались вмешиваться в ваши войны. Здесь нам нужно только одно: отобрать у кроющейся в

одной из руин нечисти по праву принадлежащее нам. Это не сокровища и не боевые заклинания, какие многие из собравшихся не раз выносили из темных подземелий. Это... — Тарус помедлил, но потом все же открылся, — это Книги. Книги, писанные в нашем Мире и для нашего Мира. Здесь они никому не нужны, мы же отправились в поход за ними пять с половиной лет назад...

«Кто пять, а кто и полгода всего...» — подумал Вишена рассеянно. Тарус тем временем продолжал:

— Все, чего нам хотелось, — забрать Книги и уйти. Вместе с арранками, которых вы приняли за невиданных прежде чужаков-спутников. Но случилось так, что наш ключ злою волей был испорчен и уйти в свой Мир мы теперь не можем, даже если отыщем Книги. Остается одно: найти ключ вашего Мира и воспользоваться им. Обещаю, что мы не станем забирать этот ключ с собой, потому что это вещи Иллурии и им нечего делать в нашем Мире. Кроме того, обещаю, что все золото, которое платили ваши народы за присоединение, тоже будет возвращено. Сейчас мы хотим вот чего: выйти из битв с орками и Аргундором и вплотную заняться руинами. Найти свои Книги, а также первую половинку ключа — меч, зовущийся Ледяным Жалом. Он тоже кроется в руине, но в какой — мы не знаем. После чего мы согласны помочь Шести Народам в штурме Аргундорских твердынь, ибо вторую половинку ключа — меч по имени Зимний Вихрь — сейчас носит бывший наш товарищ, кондотьер Аргундора...

К этому могу добавить, что Воины Лунных Заводей уже согласились отпустить пришлых кондотьеров на поиск. А теперь пусть пришедшие со мною в Иллурию подтвердят любое мое слово.

С этими словами Тарус сел, переглянувшись с Боромиром и Боградом. Непоседа тотчас встал.

— Народ гномов также решил не препятствовать нашему поиску. Мы готовы, Тарус-чародей...

Чикм Роксалан, одетый, как и Тарус, в синий плащ прибрежников, тоже был немногословен:

— Понятно, и я с чикмами готов...

— Мои венеды готовы всегда! — заявил следом за ним Боград. — И Всадники согласны со всем, что недавно сказано.

Вижу, что единственный из моих земляков, кто присоединился не к Всадникам, тоже согласен, и хозяева его, гномы, согласны...

Взоры ненадолго обратились к Гонте. После того как он забрался в логово драконов под разрушенным Гриффинором и сразился с их царицей, а после привел к гномам целый выводок крылатых змеев, с помощью которых орков вышибли из укрепленного Горста за каких-то четыре часа, Гонта прогремел на всю Иллурию. Даже песню успел кто-то сложить, Вишена слышал ее дважды.

Похил молча кивнул Тарусу и Боромиру: он не был венедом и потому имел свой голос.

Три Народа из шести уже высказались в поддержку заплутавших между Мирами кондотьеров. Эльфы перекинулись несколькими словами, затем их кондотьер из старых встал и поклонился.

— Не вижу ни одной причины, по которой Лесной Народ стал бы возражать. Кроме того, мы решили не принимать назад выплаченное золото: присоединившиеся сражались на славу, и ныне Суладор очищен от орков. К тому же призываю и остальные народы: мир, установившийся между нами впервые за долгие годы, стоит дороже нескольких мер золота.

Эльф обернулся к Славуте и Ларсу-хевдингу:

— Вы вольны начать свой поиск, люди издалека!

Дрегович и Ларс с благодарностью кивнули; Хокан и Гунн, почитавшие Ларса за ярла, промолчали; Верворт выжидательно уставился на Йэльма.

Поднялся кондотьер людей Штормового Суладора — настоящий гигант, на голову выше всех присутствующих. Голову его венчал массивный шлем, а длинные волосы заплетались в две косички. Наверное, ему привычнее было рубиться с недругами, чем говорить.

— Мы согласны, чужак-чародей. Пусть идут... И золото пусть оставят себе...

Сказав это, гигант сел, сохраняя на лице все то же невозмутимое выражение. Йэльм-Зеленый Драккар взглянул на Таруса и молча вскинул руку. Братья его — Свен и Стрид, силач Магнус и рыжеволосый Коек-скальд радостно оскалились: конец ожиданию! Конец битвам за туманные цели

воинов Иллурии! С этой минуты каждый день станет приближать их к возвращению в Лербю-фиорд, где ждет их старый колдун Расмус...

Последним высказался Сириан, предводитель Белого Воинства.

— Раз уж все так единодушны, не станем возражать и мы...

Вишена кивнул ему, так же как и трое датов — Юргорд, Матс и Огрис.

Вновь поднялся Тарус:

— Что ж, рад, что нас выслушали и поняли. Спасибо! А теперь — я знаю, у всех достаточно дел в своих землях, кто спешит, того не станем задерживать...

Внезапный шум, донесшийся с пятачка, где приземлялись грифоны, заставил всех обернуться. А в следующее мгновение большинство кондотьеров вскочило. Изумление и гнев засквозили в каждом взгляде.

К воротам в Храм приближались четверо. На плечах троих алели красные плащи орков; вослед четвертому струился черный, как ночь.

Когда они подошли поближе, Вишена узнал черного кондотьера: это был Омут. Значит, трое красных — это Бролин, Харальд и Херцог, впустившие эльфов в предгорный замок Вернон.

— Это наши! — громко сказал Тарус. — Они не сражались за орков и Аргундор.

Посланцы Шести Народов знали это. Наверное, поэтому все четверо были еще живы.

— Что вам здесь нужно? — без приязни спросил Сириан.

Боромир поспешил вмешаться:

— Они пойдут с нами в поиск, это же наши спутники... Чья вина, что выкинуло их в Хаэнедоре да Аргундоре?

— Нет! — отрезал седобородый гном, сидевший подле Боромира. — В свои руины мы их не пустим! Пусть уходят! Когда покинете Иллурию — можете забирать их с собой, но сейчас пусть не попадаются нам на глаза.

Вишена увидел, как горько опустил взгляд Омут, как побледнели даты.

— Это справедливо, Тарус! — поддакнул гному Сириан. — Все, кого они выпустят, станут сражаться на стороне орков

или Аргундора. А вдруг кто-то из них забредет, как Гонта, в логово драконов? Или встретит десяток бегунков? Я уж не говорю об утраченных заклинаниях и золоте — никто не сможет его подобрать, если добудут его они.

Тарус лихорадочно искал выход, но лишь напрасно блуждал по тупикам.

— Омут, друже, ты слышал? Мы не бросим тебя здесь, но тебе нужно схорониться до времени... Пойми, а?

Хмурый рыдожанин вздохнул в бороду:

— Я понимаю...

А Бролин, колдун и внук колдуна, вдруг отчетливо и громко произнес:

— Мы пришли сказать, что знаем о поиске и постараемся чем-нибудь помочь... Йэльм-ярл, тебе не придется стыдиться слабости Бролина-колдуна! Скоро, очень скоро вся Иллурия будет говорить о нас, а Шесть Народов сложат не одну сагу. Я все сказал! Хей-я-а!

Все, как один, даты подхватили боевой клич, и эхо ответило стоголосым хором. Стая ворон с шумом взвилась с покатой крыши Храма Ветров и потянула к Хаэнедору, темнеющему вдали, за проливом.

Даты в красном развернулись и направились прочь. Они пришли сюда пешком, ибо изменили оркам, и ни одна орочья тварь, ни один воин не потерпели бы их рядом с собой. То же можно было сказать и об Омуте, последовавшем за датами. Они обречены скитаться по Иллурии в одиночку, и ни единый замок не даст им приюта.

Стиснув зубы, Вишена глядел в согбенную спину Омута и чувствовал всю давившую на того тяжесть каждой пядью кожи.

Яр, Яр всему причиной — немало натерпелись они с Омутом от нечисти в Рыдогах, немало пережили на пару, и вот теперь Омут клянет себя, что не одернул мальца вовремя. Что не помог. И Яр стал служить злу.

Тарус был белый как полотно — Вишена знал: от ярости.

Красное солнце Иллурии громадной жаркой клюквиной висело в небе, взирая на все с редким равнодушием.

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-32С
Внеплановый экспресс-отчет

Корреспондент Тарус/Т приступил к активному проникновению в узловые точки сопряжения. Промежутки времени между нахождениями в соседних точках сократились до 3—5 суток. Наряду с повышенной активностью корреспондента Таруса/Т отмечена активность субъектов, слежение за которыми передано по роутингу от изделия ХА-27С.

Корреспондент Саят/С сохраняет прежний график посещения узловых точек: раз в 30—40 суток.

Посещаются в основном точки, находящиеся на юге, среднем западе и северо-западе. Относительное спокойствие только на востоке и северо-востоке.

Список активизированного оборудования, вынесенного корреспондентами и субъектами слежения за последние 100 суток:

Корреспондент Тарус/Т:	*Сетчатый генератор стасис-поля, модель Ytnasia-12X.*
	Молекулярный пси-локатор, модель «Ока».
	Транспортный антиграв, модель ВМ-36, грузоподъемность 17 тонн.
Корреспондент Саят/С:	*Импульсный волновод со встроенным лок-резонатором, экспериментальная модель в стадии разработки, экземпляр 1. Последствия применения непредсказуемы.*
	Походный генератор стоп-поля, модель «Щит».
Прочие:	*Полевой синтезатор с произвольной объемной локализацией, модель «Фауст».*
	Еще четыре антиграва, модель ВМ-36.
	Слайдер-покрытие для обуви, 156 пар.
	СВЧ-излучатель, модель Bosh, максимальная мощность — 6000 Вт.
	Дальномер, модель Lee&Like.

Стрим-навигатор неблокируемый, экспериментальная модель версии 2.4 beta.

Объект продолжает находиться в узловой точке сопряжения, полярные координаты CP376/CA002/CC460. Активность нулевая.

Конец отчета.

Глава 4
АРГУНДОР

Здешние скалы были черны, как головешки, и в мрачных долинах меж ломаных хребтов стояли такие же черные замки. Саят долго не мог привыкнуть к горам. Куда приятнее ровные просторы степей, загодя предупреждающие о любом враге, что идет на тебя... Куда приятнее кибитка и шепчущие на ветру шкуры, чем холодные залы, где не на чем остановиться взгляду — только пыль на стенах...

Чем сейчас занят Алликас-хан? Клянет изменника-шамана? Шпыняет нерадивых степняков? Или уже думать обо всем забыл? Когда Саят шагнул за Порог, он был уверен, что отыщет Сундук и сумеет отнять его у Разбуженного, а потом вернется к Алликас-хану. Теперь же Саят Могучий думал иначе. Что ему какой-то степной царек? Здесь он мог завладеть целым миром! Иллурия падет к его ногам — потому что здесь нет шаманов! Здесь полно чар и ни одного чародея! Сначала Саят не поверил — чары пронизывали каждый локоть земли, каждый кувшин воды, каждый глоток воздуха. Но это были дикие чары — ими никто не управлял.

И Саят задумался. В мире, столь насыщенном колдовством, сила его возрастет многократно, нужно только сосредоточиться и изучить местные причуды связи чар и реальности. Извечная война Восьми Народов открывала простой и естественный путь к господству: просто поддержи один из народов, черных людей Аргундора, например, чисти руины на его землях, набирайся чар, с их помощью помогай захваты-

вать новые земли с новыми руинами — и так круг за кругом, пока последний из замков не окрасит стены в черный цвет.

И, конечно, знания Волшебного Сундука: не зря их так вожделеет колдун-урус и упрямые северяне-мореходы. Они сделают Саята живым богом. Если бы все эти людишки не прорвались в Иллурию... Впрочем, тогда сюда не попал бы и Саят.

Тьма благосклонна к Саяту: один слуга уже появился. Мальчишка, носивший рубины. Древнее колдовство подточило его незамутненную душу, и завладеть ею не составило для Могучего особого труда. И вдобавок из первой же руины новый слуга вынес половинку ключа к иным Мирам. Осталось найти вторую и вышвырнуть пришлых из Иллурии. Тех, кто останется в живых...

Правда, как нарочно, народы Иллурии объединились против Аргундора — только южные орки продолжали нападать на Суладор. Пришлось испробовать привычное волшебство: Саят вызвал из Бездны несколько ненасытных созданий, а Аргундор собирал армию. Ничего: еще немного, и черное воинство хлынет из горных долин Аргундора, захлестнет и Танкар, и Лореадор, а орды хаэнедорских орков вторгнутся в восточный Суладор, захватывая замок за замком...

В зал, позвякивая доспехами, вошел латник из охраны.

— Прибыл гонец из Кора. Плохие новости, Саят Могучий... Бэйн просит сопроводить его к воротам...

Печенежский шаман встал, жестом отослав стражника. Предводитель черного воинства Бэйн просит сопроводить к воротам... А раньше повелевал предстать перед собой! Теперь же — просит... Ладно, сопроводим, послушаем.

Мрачными коридорами черного замка Банерон Саят добрался до тронного зала Хал Бэйна, старейшего из кондотьеров Аргундора, чей плащ украшала алая кайма. Бэйн отнюдь не был старым и дряхлым — кондотьеры редко доживают до седин. Почти все присоединившиеся после Бэйна давно сложили головы. Кто у стен танкарских твердынь, кто в степях Лореадора, кто в сырых подземельях руин... Бэйн выжил и теперь правил Черным воинством.

— Приветствую тебя, надежда Аргундора! — Бэйн встал, простирая перед собой руку. — Гонец ждет у ворот, а его новости из тех, что выслушивают тотчас же. Поспешим!

Алая кайма старшего кондотьера Народа струилась словно бы отдельно от черного плаща. Саят знал, что она скоро украсит его плащ.

Во главе целой свиты из советников и стражей они вышли под ветреное небо севера, пересекли внутренний двор и приблизились к воротам. Тяжелые створки северного дуба были распахнуты настежь. Гонец — рослый орк-всадник в красной накидке — только-только примчался с юга, от Вольферта. Охранники не успели еще его выслушать.

Рослые латники вынесли два резных деревянных кресла, устланных пушистыми шкурами, и поставили их у ворот, сразу за аркой. Саят и предводитель черных присели.

— Начинай! — велел Бэйн, поплотнее запахиваясь в плащ. Ветер северных пустошей отнюдь не согревал.

Орк слегка поклонился и заговорил, стараясь произносить каждый звук поотчетливее.

— Месяц назад нас выбили из Дуйнота и Хируэта...

— Знаем! — перебил Бэйн. — Кор присылал сову с сообщением. Новости выкладывай, а не то, что все и так знают.

Орк виновато хрюкнул и возобновил рассказ:

— В Храме Ветров прошел совет Шести Народов...

— И это известно! Новости давай! — Бэйн начинал сердиться, а это не предвещало ничего хорошего. Для орка, разумеется. Саят оторвал взгляд от далекого горизонта и с интересом воззрился на гонца. Тот еще раз поклонился.

— Недавно пришедшие кондотьеры Шести Народов начали планомерно чистить руины — на юге и юго-западе, в горах и степях Лореадора и всем Танкаре.

Саят нахмурился: неужто чародей урусов догадался, что Разбуженный укрылся в какой-то из руин Иллурии? Или ищет ключ? Плохо, рановато он опомнился... Саят надеялся, что у него в запасе еще по меньшей мере год. Надо опередить урусов и мореходов...

— А теперь главное, — произнес орк. — Клянусь, что ни слова не прибавил и ни о чем не умолчал: вчера сова доставила весть из Барад-Нарана.

Четыре кондотьера с двумя десятками драконов, несколькими демонами и парочкой айагров явились к Глаку и Горку и вышибли оттуда весь наш гарнизон. Они напали под утро,

никто не спасся. К вечеру они захватили еще пять замков — Дингор, Скуффлет, Па-Тарк, Веланд и Ульфенор. Сейчас они, наверное, штурмуют Гаром.

— Великие Кондотьеры! Белое воинство? Или эльфы? Откуда у них столько чужаков? — Бэйн вскочил.

Орк чуть шевельнул могучей шеей.

— Это не эльфы, не гномы и не люди Сириана. Кор в растерянности: такого в Иллурии еще не случалось. Над захваченными замками развеваются лиловые флаги, и такие же плащи покрывают плечи четырех кондотьеров. Южный Хаэнедор отныне под властью Девятого Народа.

Бэйн потрясенно опустился в кресло.

— Это невозможно!

Саят лихорадочно размышлял. Неужели в Иллурию открылся ход извне, из других Миров? Но ключ Яра предупредил бы об этом. Мечи Грома ныне затенены Саятом и открыть дорогу в иные Миры не могут. Девятый Народ, Лиловое воинство! И сразу четыре кондотьера... Да с чужаками...

— За взятие Ульфенора лиловые получили несколько призраков — их армия стала еще сильнее. По крайней мере у одного из кондотьеров есть пояс-заклинание. Именно у того, который пришел вместе со слугой Саята Яром. Несколько спасшихся наездников из Скуффлета видели его когда-то в черном плаще.

Теперь пришла очередь изумляться Саяту. Омут? Молчаливый урус, не поддавшийся на его посулы и равнодушный к чарам? Он исчез вскоре после того, как понял, что Яр для него потерян.

Кондотьеры не в состоянии сменить плащ — это закон, древний, как тысяча замков Иллурии. Что ж, пришло время переписывать законы!

Саят сжал кулаки. Порывистый ветер хлестал прямо в лицо.

Руина лежала впереди, прячась в густой траве. От замка не осталось ничего, что напоминало бы о его прежних хозяевах. Несколько замшелых камней да россыпь гранитной крошки — вот и все. Наверное, этот замок разрушили очень давно.

И вряд ли кто-нибудь появлялся в округе с тех пор: места здесь были совершенно дикие.

Яр огляделся. Никого. Только верховой волк, свесив розовую ленту языка, сопит рядом. Его взгляд равнодушен, руина ему неинтересна. Унылые, плоские, как стол, пустоши северного Аргундора ему тоже неинтересны.

Забросив повод от ошейника на спину волку, Яр зашагал к руине. Меч несильно хлопал по бедру, рука машинально взялась за рукоять, придерживая. Камень на гарде привычно холодил ладонь.

Снова камень на гарде. Теперь — сапфир. Яр наморщил лоб, вспоминая. Раньше был рубин. И не только на гарде, но и на пальце... Почему на пальце? Перстень?

Яр поглядел на руку, растопырив пятерню. Если он когда-либо и носил перстень с рубином, то ни одного следа не осталось.

Пестрая змея, шевеля траву, убралась с дороги. Яр проводил ее пристальным взглядом.

Вблизи стало заметно, что полускрытые пластами земли камни когда-то были частью стены. От крутобоких ледниковых валунов они отличались обработанными плоскостями и подобием правильных форм. Хотя над формами уже заметно потрудилось время.

Яр поискал вход и вскоре нашел: под серым камнем, в густой траве. Округлая дыра, ведущая куда-то под землю. Оттуда несло плесенью и затхлостью. Он расшвырял ногой мелкие камни, ловко влез в узкий ход и пополз вперед. Уже через несколько секунд ход расширился, глинистый пол круто ушел вниз, а потолок наоборот — вверх. Яр мягко приземлился, спружинив обеими ногами, и огляделся. Темно — глаз выколи. Однако на этот случай в сумке был припасен короткий факел и огниво.

Когда ленивый огонек отогнал тьму в дальние углы, Яр обнажил меч и побрел в сырое, звучащее тюканьем капель, подземелье.

Ногам было мягко, наверное, пол устилал моховой ковер. Хотя, растет ли мох во мраке? Яр присмотрелся: что-то там росло. Может, мох, а может, еще что.

Коридор уводил все дальше от лаза наружу. Дневной свет растворился без остатка, только огонь факела освещал белесый налет растительности на полу.

Ход привел в просторную пещеру; еще издали Яр услыхал негромкое ворчание. В руине кто-то таился, не зря он сюда пришел.

Подняв повыше факел, Яр презрительно крикнул в темноту:

— Иди сюда, нечисть! Я угощу тебя сталью...

Мрак в одном из углов сгустился, навстречу скользнула гибкая тень. Свет факела отразился в паре мерцающих глаз.

Вовкулак — крупный, на две головы выше Яра. Как он не помер с голоду посреди этих безжизненных пустошей? Не самый сильный обитатель руин...

С ненавистью глядя на человека, вовкулак выбирал миг для броска. Косматые лапы приплясывали от нетерпения, рык растекался по пещере, поблескивая, стекала с длинных клыков слюна. Руки с растопыренными когтистыми пальцами рвали в клочья застоявшийся воздух подземелья.

Быстрый, как молния, нечистый рванулся в атаку. Яр отшатнулся, выставив вперед факел; запахло паленой шерстью. Вовкулак басом взлаял и наотмашь хлестнул рукой. Факел чуть не выпал из руки, Яра развернуло, но он успел полоснуть клинком по волосатому плечу.

От крика содрогнулись своды подземелья. На стальном лезвии темнел кровавый след.

Вторая атака была еще стремительнее, но Яр тоже не мешкал: уронив факел на пол, он сомкнул на рукояти меча обе ладони и принял смрадную тушу на клинок. Захрустели кости, когти впились в невесомую ткань плаща и бессильно разжались. Вовкулак неловко осел на мох — или что там росло в темноте подземелий руины? Меч поразил нечистого в самое сердце.

Яр отдышался, вырвал клинок из тела и вытер о жесткую шерсть. Убирать его в ножны Яр не спешил. Подобрал факел, оглядел углы — так и есть, в дальнем небольшая ниша. Вминая податливую подстилку, подошел поближе. Факел вырвал из темноты несколько сундуков.

С замками возился недолго, хватило пары резких ударов. Крышка первого жутко заскрипела, открываясь.

Золото. Старые потемневшие монеты с чьим-то чеканным профилем и замысловатыми письменами, которые Яр не понимал. Во всех сундуках. Что ж, неплохо. Управился он на удивление быстро. Правда, сиди в руине дракон или айагр... Или, хотя бы призрак — пришлось бы куда труднее.

Захлопнув крышки, Яр вернулся к выходу и ползком пробрался наружу. Волк ждал его невдалеке, улегшись на груду щебня. Яр фыркнул: нашел, тоже, место... Неужели не жестко?

Распустив ремень седельной сумки, притороченной к седлу, Яр разбудил пучеглаза. Тот выполз на свет, недовольно попискивая. Кожистые крылья свисали на манер плаща, трепеща на слабом ветерке. Повертев головой, пучеглаз отыскал взглядом лицо Яра и вопросительно заверещал. Тщедушное тельце, человек в миниатюре, только черный и крылатый, легко уместилось бы на ладони. Лишь голова его отличалась от человечьей: красные навыкате глаза, округлые стоячие уши. Из одежды на пучеглазе был только пояс с секирой — все остальное заменяли крылья, пронизанные густой сетью кровеносных сосудов. Саят повелевал этими странными созданиями, вызванными из каких-то дальних Миров, и использовал как шпионов или посыльных.

— Золото, — сказал Яр пучеглазу. — Запомни: золото!

Пучеглаз раскинул крылья и взмахнул ими; говорить ему больше было бессмысленно. Все равно не запомнит.

Исполнив короткий танец принятого сообщения, пучеглаз потребовал крови. Полоснув ножом по пальцу, Яр скормил ему несколько капель и подбросил вестника в безрадостное небо аргундорских пустошей. Крылья пучеглаза расправились, и он унесся на юг, к Банерону, заставляя всех, кто его видел, удивляться. Ведь летучие мыши днем не летают, а отличить пучеглаза в полете от летучей мыши людям не по глазам.

Яр поднял разомлевшего волка, почувствовав подошвами тепло. С удивлением потрогал россыпь мелких камней, на которой лежал волк: они были почти горячими. Вот почему волк тут улегся! С чего бы камням быть горячими? Непонятно...

Он вскочил в седло и направил серого зверя на запад, к следующей руине. Завтра Яр рассчитывал достичь ее. Если в северных пустошах действительно никто не бродит...

Меч с крупным сапфиром на гарде, тихонько хлопал по мохнатому волчьему боку. Пустоши стелились под мягко шлепающие лапы, а душа Яра была пуста, как вычищенная только что руина.

Глава 5
ХОЛОДНОЕ ПЛАМЯ

— Там, — сказал эльф-проводник, указывая в самую гущу стволов. — Замок стоял на большой поляне, но она давно заросла. Последние десять лет никто туда не проникал. Разве только на пролете кто спустился, да и то вряд ли.

Вишена и Хокан всмотрелись, но различить что-либо в сплошном частоколе стволов могли только истые лесовики-эльфы. Пожарский, хоть и был привычен к чащобе, рядом с лучниками в зеленых куртках чувствовал себя неловким и неуклюжим. Он умел ходить бесшумно, так, чтобы не хрустнула ни одна ветка, но продираться сквозь непроходимые заросли даже не пытался. А перед эльфами они словно бы расступались, чтобы потом сомкнуться еще плотнее. Хокан же вовсе терялся: ему привычны были море и голые северные фиорды, а не зеленое буйство лесов.

Эта руина, зовущаяся руиной Хавиэля, третья на их пути. Первая оказалась пустой, а во второй жил злющий черт, которого одолели с большим трудом, да и то хитростью. Хокан раздразнил его в подземелье и бросился наутек, а Вишена у выхода поймал на ствол молодой осины. Наверное, черт так и не понял, почему кондотьеров двое и почему на них разноцветные плащи. В руине нашлось заклинание: пара невзрачных перчаток. Что они умели, ни Хокан, ни Вишена так и не догадались. Сунули в котомку до лучших времен. Точнее, до встречи с Тарусом.

Потом появился запыхавшийся эльф-гонец с новостью о Девятом Народе. Хокан удивился, словно, хлебнув из моря, ощутил вкус пива; Вишена, не слишком еще прижившийся в Иллурии, отнесся к сообщению более спокойно. Ну, Народ, ну, Девятый, ну лиловые цвета... Остальные восемь казались Пожарскому не менее странными. Тем не менее Тарус вторично сзывал всех, кто ушел в поиск, на этот раз у Храма Равнин, на севере Суладора, невдалеке от пролива. По пути Вишена и Хокан должны были вычистить еще две руины, встретиться со Славутой и Ларсом, ходившими в руины Мятого Леса, и отправляться на север, мимо пограничных замков Штормового Суладора.

Вишена нащупал рукоятку меча.

— Ну что, Хокан? Дадим по сусалам еще одному нечистому? Готов?

Дат невозмутимо пожал плечами: настоящий мужчина всегда готов к битве. Странные люди эти южане... Но воины неплохие — бесстрашные и умелые. Хотя нет в них боевого безумия, как у братьев-берсеркеров Йэльма, Ларса, Свена и Стрида... Хокан тоже взялся за меч.

Они вышли на поляну. Полуразвалившиеся стены сплошь покрывал буйный плющ. Мясистые листья шевелились в струях западного ветра. Эльф остался на опушке, растворившись в подлеске. Вишена, обернувшись, не сумел различить его на фоне деревьев.

Ступая осторожно и неслышно, Хокан скользнул под арку. Вишена ступал след в след, оглядываясь и прислушиваясь. Случалось, что обитатель руины разгуливал неподалеку и, учуяв приближение кондотьера, нападал сзади. Тарус поведал это еще в Храме Ветров, и Вишена почему-то запомнил накрепко.

Темный дверной проем поглотил их; в зале таился зыбкий полумрак. Солнечные лучи наискось пронизывали зал, врываясь через подпорченную кровлю, и рвали полумрак на части. В лучах плясали пылинки. Ход вниз нашелся в углу, у останков массивного шкафа. Здесь же валялась невзрачная куча какого-то полуистлевшего тряпья.

Хокан с опаской заглянул в квадратную дыру: ни лестницы, ни веревки не было.

— Придется прыгать, — сказал он шепотом. — Зажигай факел...

Вишена завозился с огнивом. Горючая ветка занялась чистым бездымным пламенем.

— Бросай!

Миг — и факел, слабо стукнув, упал на каменный пол подземелья. Хокан свесился вниз, высматривая нечистого. Вишена придерживал его за лодыжки.

Тьма выплюнула белесый силуэт, похожий на сгусток тумана. Хокан рванулся, выдергивая туловище из дыры.

— Призрак, — сказал он, вскакивая на ноги.

Вишена отпрянул от хода, сунув бесполезный меч в ножны. Против призрака металл бессилен.

Воины слаженно разбежались по углам. Белый плащ Вишены ясно выделялся на фоне уныло серых стен. Хокана заметить было труднее.

Призрак бесшумно вознесся над дырой, осматриваясь. Это Вишена так думал — что призрак осматривается. Что он делал в действительности, оставалось непонятным, потому что глаз у призрака не было. Но он явно чуял людей и сейчас определял, где те прячутся.

Выяснив, что людей двое и что они разделились, призрак нерешительно заколыхался; затем двинулся в сторону Хокана. Так случалось и раньше: нечистые всегда пытались напасть сначала на Хокана. Наверное, боялись волшебного меча Вишены.

Хокан взмахнул серебряным кинжалом, припасенным специально для визитов в руины. Серебра местная нечисть боялась не меньше, чем лойдинская. Призрак, колыхнувшись, замер, словно наткнулся на стену. Потом поднялся чуть повыше, растекаясь по потолку. Вытянув вперед руку с кинжалом, Хокан шагнул к призраку.

Глухой вздох всколыхнул подземелье, вызвал неуверенное эхо и завяз в неподвижном воздухе. Вишену словно порывом морозного ветра обдало. Хокан нерешительно топтался, поводя кинжалом туда-сюда. Наверное, дат злился: он привык к честным битвам, когда все решает меч, сила и ловкость. Сейчас он просто не знал как поступить. Чего боится этот бестелесный дух? Как его извести?

В следующее мгновение призрак переместился вплотную к Вишене. Так быстро, что тот не успел отпрянуть. Успел только осознать, что белесое облачко вдруг вытянулось на манер ветки дерева и перетекло на новое место, поглотив человека. Теперь Вишена был внутри призрака. Дыхание сразу перехватило, словно ноздри забило дымом, в груди заклокотало. Вишена разевал рот, как карась, выброшенный на берег, но это не помогало.

«Задохнусь к лешему... Вот как они убивают...» — подумал Вишена, слабея.

Хокан кромсал сгусток тумана серебряным кинжалом. С тем же успехом он мог бы кромсать настоящий туман.

Ноги Вишены подкосились, руки опали; левая ненароком задела пояс, вынесенный из руины Двуглавого холма.

Хокана отбросила неяркая вспышка. Именно отбросила, шагов на пять. С трудом удержавшись на ногах, он прикрылся ладонью, пытаясь сберечь глаза.

На кончиках пальцев Вишены плясал мертвенный синеватый огонь. Сквозь тело призрака Хокан видел спутника неясно, огонь же пронизывал зыбкий туман беспрепятственно. Сорвавшись с пальцев, он расцвел диковинным цветком и в мгновение ока сожрал туман без остатка. И вслед за тем — угас.

Вишена, хватая воздух разинутым ртом, пошатывался у стены подземелья. Грудь его вздымалась, будто он что есть духу пробежал несколько верст.

Хокан медленно опустил руку. Призрак исчез. Но побежден ли?

Вскоре Вишена отдышался.

— Ах, ты, пропадь! Едва не задохся!

— Как ты это сделал? — спросил Хокан. Кинжал он по-прежнему сжимал в правой ладони.

Вишена пожал плечами:

— Знать не знаю... Само все вышло. Только успел подумать: гори ты огнем, нечисть! Тут же — пых, и все.

Хокан поглядел на пояс Вишены.

— Небось это и есть заклинание Холодного Пламени...

Взглянул на пояс и Вишена. Непонятно, где таилась грозная сила огня: пояс как пояс, костяная пряжка да истертая

кожа. Однако призрак канул в небытие, сгорев в языке пламени.

— Вот тебе и поясочек... Запомним...

Вишена решительно направился к лазу в логово призрака. Факел еще не погас, освещая небольшой склеп. В углу, прикрытый украшенной крышкой, стоял массивный гроб. Рядом — три сундука с откинутыми накрытиями. Пахло сыростью и плесенью, наверное, от мерзкого вида бесцветных грибов, гроздьями растущих на стенах.

— Я спущусь, — сказал Хокан. — Если что — теперь ты знаешь, как пояском своим пользоваться...

Вишена не стал возражать: призрак на его счету, гордый дат стремится тоже что-нибудь сделать. Его право...

Бесшумно приземлившись, Хокан поднял факел над головой. Шагнул — осторожно, готовый в любой миг отпрянуть.

Гроб был пуст, если не считать мелкой пыли, устилающей каменное ложе. Сколько лет пролежал здесь захороненный человек? И человек ли? Наверное, много. И все эти годы его призрак охранял склеп от дерзких пришельцев из мира живых. Хокан перешел к сундукам.

Два до краев полнились почерневшими монетами, в третьем нашлась небольшая шкатулка. Поверх шкатулки змеились непонятные руны.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил Вишена сверху.

— Золото. И шкатулка какая-то.

— А в ней?

— Сейчас гляну...

Он взял шкатулку в руки, зажав факел локтем, и попытался открыть, но плотно пригнанная крышка не поддалась.

— Не открывается!

— Ляд с ней, наверху посмотрим. Еще что-нибудь?

Хокан осмотрелся. Гроб, сундуки — и все.

— Только пыль.

Он вернулся к лазу наверх.

— Лови!

Вишена ловко подхватил шкатулку, опустил ее рядом с дырой и помог выбраться Хокану.

Солнечный свет привычно резанул по глазам. Выходить из руины победителем было до боли приятно. Особенно отто-

го, что и Вишена, и Хокан знали: однажды они могут не выйти. Сегодня Вишена почувствовал это особенно остро.

Эльф возник на фоне листвы как всегда неожиданно. В зеленых, как июньская листва, глазах застыл немой вопрос.

— Призрак, — сказал Хокан. — Еле справились... Там внизу — золото. И еще вот. — Он показал шкатулку. — Не открывается почему-то.

Эльф внимательно глянул на резную крышку, увидел руны, и Вишена заметил, как брови его поползли вверх.

— Хойла! Это карты окрестностей обоих оракулов Иллурии! Они потеряны сотни лет назад!

— Это как-то может помочь в войне против Аргундора и орков?

Эльф глянул на Вишену как на ребенка-несмышленыша.

— Конечно! Оракул знает, что кроется в любой руине. Можно найти любой волшебный предмет.

Хокан с интересом взглянул на шкатулку.

— Постой, — осенило Вишену. — Значит, мы можем спросить у оракула, в какой из руин прячется Тень и где искать второй меч с сапфиром? И больше не прочесывать всю Иллурию наугад?

— Да! — Эльф широко улыбнулся. — Ты правильно понял.

— К Тарусу! — решительно сказал Вишена. — Как можно скорее. Проведешь?

— Я вызову летателей из Лормарка, — сказал эльф. — Это нетрудно. Но его мы взять не сможем, — добавил он, показав на Вишену.

Пожарский знал почему: он носил цвета людей Сириана, а не эльфов.

Летатели появились ближе к вечеру. Тройка эльфов на крылатых конях. Вишена уже знал, что такие кони зовутся пегасами и способность к полету у них отчасти магическая. Да и так было видно: крылья пегасов слишком малы, чтобы поднять в небо тяжелого зверя. А кони эти могли взлететь даже с двумя седоками на крупе. Правда, так они быстрее уставали.

Летатели-эльфы привели двух свободных пегасов. Пошептались с проводником, долго рассматривали шкатулку, но открыть не пытались.

— Если что — я с ними не полечу, — сказал Хокан. — Лучше с тобой останусь. Еще руина впереди есть. Вдруг меч с сапфиром там? Никакие оракулы тогда не понадобятся...

Вишена пожал плечами, но в глубине души обрадовался: шляться в одиночку по глухим лесам центрального Суладора не было никакого желания. В чужом краю никто не чувствует себя уютно. Да и эльфов Вишена не понимал. Не люди они, и мыслят не как люди. Как с ними Славута год ладил — непостижимо.

— Спасибо, Хокан, — сказал Вишена вслух. — По правде говоря, я ждал от тебя этих слов...

— Эй, кондотьер! — окликнул Хокана эльф-летатель. Толстая коричнево-зеленая куртка, должно быть, согревала его в свежих ветрах высот. — Бери шкатулку и летим в Лормарк!

Дат покачал головой:

— Нет. Я не оставлю сирианца — вместе мы вышли в поиск, вместе и завершим его. Если хотите — забирайте свои карты. Но Тарусу мы все равно о них расскажем.

Эльф помолчал, потом перекинулся несколькими словами с проводником.

— Ладно, как хотите. Иланд поведет вас и дальше — не плутать же вам...

Это тоже было по-эльфийски: хоть пришлые и не согласились с их планом, без проводника Лесной Народ все равно союзников не оставит. Помогать так помогать, без лишних вопросов и удивления.

Летатель протянул руку. Хокан вопросительно воззрился на него, ведь найденную в руине шкатулку держал другой эльф.

— Чего? — не понял дат.

Эльф терпеливо прикрыл глаза.

«Наверное, они никогда не удивляются, — подумал Вишена. — Интересно, они и вправду живут так подолгу, как рассказывал Тарус? Тогда они вообще должны разучиться удивляться...»

— Мы ведь не кондотьеры, простые воины, — пояснил эльф. — Носить предметы из руин мы не можем. Но если ты велишь нам доставить шкатулку другому кондотьеру — все будет в порядке.

— Как это делается? — проворчал Хокан.

— Положи свою ладонь поверх моей, — невозмутимо сказал эльф.

Пятерня дата легла на замшевую перчатку летателя.

— Повторяй за мной: я, Хокан-дат, кондотьер Лесного Народа, добывший ЭТО во мраке руины, взываю к небу Иллурии...

Хокан повторял слово в слово, Вишена с интересом переводил взгляд с невозмутимого эльфа на покорного дата, которому все странности этого Мира явно надоели до чертиков. Но деваться было все равно некуда.

— ...и повелеваю вам, дети Элвалли, доставить ЭТО тем, кто сумеет обратить находку во благо. Хойла!

Эльф спокойно кивнул, убрал ладонь из-под длани дата, вскочил на пегаса и прощально взмахнул рукой.

— Асы! — пробормотал Хокан. — Руке-то как тепло!

Вишена вздохнул:

— Ладно, все равно нам их не понять... Иланд, веди к следующей руине!

Эльф-проводник пробормотал: «Хорошо», бросил взгляд в гущу леса и зашагал к деревьям. Ветви вновь волшебным образом открывали ему путь.

Глава 6
ХРАМ РАВНИН

Дорога рассекала чащу, прямая, словно луч света. Вишена удивлялся: как дожди ее не размыли? Ничем не мощенная и тем не менее ровнехонькая. Наверное, снова заклинания... В Иллурии ни одно дело без чародейства не обходится.

Три дня назад Вишена и Хокан встретили Ларса со Славутой. У озера, зовущегося Око Чащобы. Точнее, звалось оно каким-то другим словом, эльфийским, но Вишена и Славута понимали его как Око Чащобы. А Хокан с Ларсом — по-своему. Толмач-заклинание, наложенное Тарусом при переходе в Иллурию, действовало безотказно.

Ларс и Славута пришли со стороны Мятого Леса, опустошив три руины. В последней им пришлось горячо: старый айагр сражался насмерть. Рука Ларса покоилась на перевязи у груди, а у Славуты был продырявлен бок. Если бы не проводник, умелый костоправ, и как и все эльфы знающий толк в целебных травах, выглядели бы оба похуже... Впрочем, эльфийские снадобья и впрямь были замешаны на магии: уже через день дрегович и Ларс чувствовали себя куда лучше и продолжали поправляться на глазах.

Проводники шагали чуть впереди, вполголоса переговариваясь. Граница лесов лежала немногим севернее, к вечеру рассчитывали ее достичь.

Найденной шкатулкой и Ларс, и Славута живо заинтересовались. Впрочем, Вишена тоже догадывался, что проще сначала все разузнать у оракула, а потом уже целенаправленно лезть в нужные руины.

Красноватое солнце спряталось за деревьями слева от дороги; вскоре после этого живая зеленая стена вдруг отклонилась к востоку, открывая взору обширную плоскую равнину. Дорога сбегала к ней под заметным уклоном. Лес слева тоже скоро кончился, пошли неровные холмы, а когда половина спуска осталась позади, за холмами открылся далекий замок. Желтые флаги трепетали на свежем ветру.

— Это граница Штормового Суладора, — сообщил Славута. Больше для Вишены, потому что остальные знали об Иллурии достаточно. — Чуть дальше, за во-он той грядой, лежит столица желтых, Штормхейм.

Они спустились на равнину. Лесная дорога незаметно растворилась в сочной траве, сапоги теперь подминали мясистые стебли, распрямляющиеся сразу за спинами путников. Стрекотала и щебетала неунывающая живность, равнодушная к людским войнам; Вишене казалось, что вот-вот покажется сероватый сруб-заплот какого-нибудь лойдинского селения. Андоги или Суды. Но на западе висело красное солнце, чуть впереди шагали двое эльфов, а поверх куртки ждал своего часа пояс, убежище Холодного Пламени. Вишена вдруг понял, что уже никогда не станет прежним — бесшабашным витязем Северного Похода, побратимом Боромира, известным и в Лойде, и в Тялшине, и в Рыдогах, и в Чикмасе... Да и Се-

верный Поход, поди, перестанет служить последней вехой. Теперь люд начнет судить-пересуживать о Походе за Тенью, за тридевять Миров, в Иллурию, но Вишена уже не будет просто горд, как прежде, своей причастностью к походу. Что-то неуловимо изменилось в нем.

На ночь расположились прямо на траве. Поужинали не приедающейся эльфийской походной снедью, напились из ручья. Ларс и Хокан, завернувшись в плащи, улеглись; Ларс шипел и негромко ругался — мешала раненая рука. Славута, обернув секиру тряпицей, тоже затих. Вишене что-то немилосердно давило под бок, и он ворочался, устраиваясь поудобнее. Наконец привстал и пошарил под плащом. Нащупал что-то железное, потянул к себе.

— Эгей! Гляди, Славута!

Дрегович приподнялся, всматриваясь.

Широко улыбаясь, Вишена окликнул эльфа-проводника:

— Иланд! В вашем Мире найденная подкова тоже приносит удачу?

Славута, потянувшись, взял находку у Вишены из рук. Внимательно осмотрел. Поднял глаза на побратима.

— Не знаю, друже, принесет ли она нам удачу. Погляди на клеймо.

Вишена поглядел. Подкова была аргундорская.

Храм Равнин открылся взгляду издалека. Точнее, не сам Храм, а окружающая его роща. Славута сказал, что на самом деле рощ там даже четыре. Они окружали Храм, оставив широкие проходы, а в проходах плескались четыре озера. Берегом любого из них и можно было приблизиться к Храму. Ветер, беспрепятственно гуляющий степями, редко оставлял поверхность озер спокойной, волны вечно шумели, и под этот нескончаемый шум народы Иллурии беседовали со служителями Храма.

Вишена разглядывал легкое зеленоватое марево на горизонте — листву четырех рощ.

Когда подошли ближе, Славута заметил, всмотревшись:

— Грифоны... Видать, Тарус уже прибыл.

Дрегович не ошибся, Тарус с Боромиром и Купавой прилетели рано утром. Ждали только венедов Боград с Похилом

да Вишену со Славутой и датами-спутниками. В глазах рябило от разноцветных плащей — белых, желтых, коричневых, зеленых, синих с желтым. И еще Вишена впервые увидел плащи густо-лилового цвета. Они ниспадали с плеч Омута и трех датов — Бролина, Харальда и Херцога, кондотьеров Девятого Народа.

Ближе к полудню, опережая шлейф дорожной пыли, примчались на взмыленных скакунах венеды. Теперь у Храма собрались все — двадцать спутников Боромира и шестнадцать датов во главе с Йэльмом. Не хватало только отступника Яра. Из песиголовцев прибыл лишь Анча. В тени южной рощи у самых стен Храма Равнин начался второй совет.

Тарус долго молчал, изредка поднимая взгляд на Омута. Йэльм точно так же поглядывал на Бролина.

— Как вам удалось снять плащи? — наконец спросил Тарус, обращаясь ко всем лиловым кондотьерам. — Мне казалось, что это невозможно.

Ответил Бролин:

— Я колдун и внук колдуна. Не только ты владеешь чарами, южанин.

В голосе дата сквозила заслуженная гордость.

— Сам ты не мог сотворить нужного заклинания, — возразил Тарус. — Ответь: ты нашел заклинание в руине?

Бролин согласно кивнул:

— Да. Заклинание освобождения от цвета нам отдал демон из Монолита. И я сумел им воспользоваться, освободив себя, братьев-датов и вашего воина, носившего раньше черный плащ.

— Вы же обещали не лезть в руины, — проворчал Боромир, без особого, впрочем, недовольства. — Узнают старые кондотьеры, хлопот не оберемся...

— Это были руины орков, — парировал Бролин. — После совета в Храме Ветров мы отправились в Хаэнедор, вычистили несколько руин и захватили двенадцать замков. Теперь Девятый Народ выживет и без нас. Шесть Народов могут быть довольны: враг ослаблен, и вдобавок появился еще один союзник.

Возражать было глупо. Боромир и не возражал.

— Мы хотим присоединиться к поиску, — сказал Бролин.

— Видят асы — вы заслужили это! — воскликнул Йэльм. — Я горжусь тобой, Бролин-колдун! Когда мы войдем в Лербю-фиорд, Коек уже сложит сагу, где будут слова и о вас, или я не знаю Коека-скальда...

Рыжеволосый дат усмехнулся: сага слагалась уже не первый день.

Тарус вздохнул:

— Ладно... Будем надеяться, что Шесть Народов не встанут на дыбы от того, что к ним присоединился Седьмой. То есть Девятый...

Собравшись с мыслями, Тарус продолжил:

— Теперь к делу. Похоже, поиск облегчается: Вишена и Хокан отыскали старые карты Иллурии. Для тех кто не знает — поясню. На этих картах указаны два места, где можно задавать вопросы оракулам. Не всякие вопросы, но что касается руин — любые. Мы можем точно определить, куда скрылась Тень и где можно найти второй сапфировый клинок. Верворт!

Дат в зеленом плаще передал Тарусу шкатулку. Наверное, ее заранее открыли эльфы, потому что Тарус распахнул ее без всяких затруднений. Гибкий лист старого, но все еще крепкого пергамента пошел по рукам, его разглядывали с редким интересом, ведь никто из пришлых еще не видел карты Иллурии.

Первый оракул прятался за горами южного Хаэнедора, в правом нижнем углу карты. Не так уж далеко от Храма Ветров. Что лежало южнее и восточнее него — карта умалчивала. Никаких обозначений или надписей на полях. Второй — на неприступных утесах внутреннего залива земли Воинов Лунных Заводей, Танкара. Севернее его лежал только могучий горный хребет, а еще севернее раскинулось море.

— Надо же, — пробасил Роксалан. — Совсем рядом с лесами Ак-Фарзона и Ак-Энли. Как его Воины Заводей просмотрели?

Тарус пожал плечами:

— Да в этот залив никто и не заходит... А всадники просто не покидают равнин севернее Тинзкого моста.

— Севернее моста всадников больше нет, — хмуро сообщил Боград. — Я в Дерридон зашел по пути. Оказывается, Ар-

гундор наступает. Недавно черные взяли Щаг и Продиас. Еле удалось мост отстоять.

— А я слышал, что люди из Аменала видели большую эскадру под аргундорскими флагами, — подал голос Дементий. — В Энмуте моряки говорят.

— Значит, нам нельзя терять время, — сказал Тарус. — Чем быстрее отыщем ключ и Книги, тем быстрее вернемся домой. Я думаю, лучше поступить так: Йэльм со всеми датами пусть идет в Хаэнедор. Вам лучше известен юг. А я с побратимами отправлюсь в Танкар. Йэльм, задайте вопрос о сапфировом мече, зовущемся Ледяное Жало. И сразу идите к нужной руине. Попутно отправьте весточку из ближайшего замка — у вас найдется кондотьер любого цвета, встречающегося на юге. Мы тем временем выясним, где скрывается Тень.

Тарус замолчал, потирая виски, затем обернулся к ватажку песиголовцев.

— Ты же, Анча, собери своих воинов и ступайте к Аргундорской гряде. Арранки умеют быть незаметными и в горах, и под горами, и на болотах. Отыщите Яра, кондотьера в черном плаще, и следуйте за ним всюду. Мы должны знать, где он находится в любую минуту. А встретимся все вместе южнее Тинзского моста. Надеюсь, всадники не пропустят черных в Лореадор.

Тарус умолк окончательно и воззрился на Йэльма. Тот согласно кивнул:

— Мудрые слова! У тебя всегда есть что сказать, Тарус-южанин. Мои даты не обманут ничьих ожиданий. Надеюсь, что к месту встречи мы придем вовремя и один из нас будет нести волшебный сапфировый меч. Хей-я-а-а!

Даты дружно подхватили клич.

Песиголовец лишь молча кивнул, подтверждая согласие, и спросил:

— Я отправляюсь немедленно?

Тарус развел руками.

— Чем раньше — тем быстрее вернемся.

— Ар-роу! Кто-нибудь из арранков появится у моста и скажет, где искать черного кондотьера.

Он встал, чтобы идти, но Тарус задержал его, схватив за рукав коричневой куртки гномьих цветов.

— Постой, Анча... Прошу тебя: не пытайтесь отобрать у Яра меч без меня. Обещаешь?

Песиголовец на секунду прикрыл карие навыкате глаза, повел мохнатыми ушами и ответил:

— Хорошо, человек... Если ты считаешь, что это лишнее, мы дождемся тебя. Обещаю.

Тарус благодарно сжал поросшую темной шерстью ладонь.

— Спасибо.

Анча удалился странной походкой племени псоглавых. Его грифон взвился в небо спустя минуту и, мощно взмахивая крыльями, потянул на север, к проливу.

— Поспешим и мы, — сказал Йэльм, вставая.

Но Тарус еще не все сказал:

— Погоди, ярл. У меня есть кое-что для вас...

Тарус извлек из походного мешка стопку продолговатых плоских листов — ни дать ни взять: стельки в сапоги — и раздал всем по паре.

— В них живет одно из заклинаний, найденных Пристенем в руинах Танкара. Заклинание скорого шага. Если прилепить эти штуки к обувке, ноги будут скользить по земле, ровно коньки по льду. Сначала чудно, потом привыкнете. За день чуть не вдвое дальше уйти можно, я пробовал. Если что — можно отлепить и ходить как прежде. Понадобится — снова на подошву и вперед.

И вообще — пользуйтесь вещами, вынесенными из руин. Если это шлем — надевайте его перед битвой. Если пояс — носите, где положено...

— Если перчатки — значит, на руки, — пробормотал еле слышно Вишена. — Спасибо, чародей, запомню...

— ...они для того и предназначены, чтоб помогать в трудную минуту. Не забывайте о волшебных вещах.

Негромкий гомон повис у стен Храма: каждый вспоминал добытые в руинах вещи и делился мыслями с соседом. Хокан толкнул Вишену.

— Слышь, Пожарский, перчатки те не забудь, если что.

— Я уж подумал о них... Может, тебе нужнее? У меня еще пояс есть. Где Холодное Пламя.

Хокан пожал плечами:

— А у меня вон, какая-то штука...

Он извлек из-за пазухи плоскую коробочку с рядом разноцветных выступов. На выступы очень хотелось нажать.

Вишена несколько секунд разглядывал загадочную вещицу.

— Нажимать пробовал?

— Пробовал, без толку.

— Может, она сработает сама, когда надо? Как мой пояс?

Хокан снова пожал плечами:

— Может...

— Держи ее поближе, — посоветовал Вишена деловито. — А перчатки возьми, этими хоть понятно как пользоваться. Небось какое-нибудь заклинание медвежьего хвата, за что ни возьмешься — все в порошок.

Хокан спрятал коробочку, взял перчатки и благодарно хлопнул Вишену по плечу.

— Спасибо, Пожарский. Считай — я твой должник.

Даты ушли ближе к вечеру. К воротам суладорской долины. Странным скользящим шагом. Пожалуй, колдовская поступь позволила бы им догнать всадника на рысях.

Тарус, Боромир и все их спутники тут же выступили на север, к мосту Дар-Хозиса. Кто-то предложил зайти в любой из замков на побережье, сесть на корабль и добраться до цели морем, но Тарус отрицательно покачал головой.

— Нет. Мы все в разном цвете, на один корабль нам нельзя, а делиться на несколько отрядов я не хочу. Дойдем как есть, все вместе.

Закатное солнце освещало Храм Равнин. Двадцать путников, вышедших когда-то из Андоги за Книгами, направлялись к Лореадору. Давно промелькнули в тускнеющем небе и скрылись вдали силуэты грифонов и дракона Гонты, возвращающихся в гномьи замки за белеющими вдалеке за проливом хребтами, унеслись на юг эльфийские пегасы и отвалила от берега длинная ладья под желтым флагом, на которой прибыл в Храм Йэльм-дат, прозванный в родных фиордах Зеленым Драккаром.

Вновь их звала дорога, новая дорога к новой цели.

Вишена вдруг подумал, что, даже если она приведет их когда-нибудь куда-нибудь, всегда найдется новая цель и новая к ней дорога. И, наверное, каждая дорога будет уводить все даль-

ше и дальше от дома. Точнее, от родных мест. От Лойды и Тялшина.

Он вздохнул и стал приноравливаться к колдовской полуходьбе-полускольжению.

Глава 7
ВОЛЯ ОРАКУЛА

Красное солнце светило в левую щеку, а куцые тени, слабо шевелясь, ползли справа. Хокан скользил по травянистой равнине, распугивая кузнечиков. Привыкнуть к скорому шагу оказалось нетрудно, не соврал чародей-южанин. Даты стремительно неслись через равнину, как сваны-призраки, только мысли у них были не как у сванов. Леса эльфов остались справа и позади, их обошли с севера. Теперь рядом тянулось неровное нагорье. Еще немного — Хокан знал, — и откроются ворота суладорской долины, две следящие башенки шагах в пятидесяти друг от друга. Тогда даты повернут на юго-восток, пройдут мимо Троя, Суури и Ангбара, мимо недавно отбитого у орков Дуйнота, мимо хируэтской гряды, и тогда перед ними раскинется Хаэнедор, земля орков. По ней идти придется скрытно. По крайней мере до замков под лиловым флагом. Бролин сказал, что юг Хаэнедора сейчас за Девятым Народом, но в лесах и предгорьях шныряют отряды волчьих всадников. На болота же вовсе лучше не соваться, там орки чувствуют себя куда вольготнее, чем люди. Тем более — пришельцы.

Гряда постепенно сменилась цепочкой пологих холмов; вскоре Хокан различил на фоне неба чеканные профили крыш над башенками. Чьи-то флаги трепыхались на ветру. Должно быть, гномьи, последнее время здесь часто проходили отряды из Дуйнота к мосту Дар-Хозиса и обратно. А может, и белые полотнища сирианцев.

Башенки приближались неправдоподобно быстро, и вскоре стало видно, что флаги над ними черные.

Йэльм хотел остановиться, но по инерции проскользил на десяток шагов вперед.

— Асы! Это же цвета Аргундора!

Хокан до боли в глазах всматривался в зеленую пустоту равнины, словно надеялся увидеть аргундорских воинов.

— Подойдем поближе, ярл? — осторожно спросил силач Магнус.

Словно водомерки, даты приблизились к башенке, той, что западнее. В ней кто-то прятался, Хокан заметил, как дрогнула, закрываясь, дверь, и даже расслышал лязг тяжелого засова.

Йэльм первым отлепил с подошв волшебные листы и сунул их за пояс: сражаться нужно твердо стоя на ногах, а не скользя, как на льду.

В верхней бойнице башенки мелькнули вороненые доспехи, вслед за тем тренькнула тетива арбалета.

Даты рассыпались, на бегу обнажая оружие. Миг — и в высокую дверь-ворота башенки вонзились несколько топоров, по ним, словно по ступеням, взлетел к самой бойнице Магнус, отшвырнул мечом аргундорца и прыгнул внутрь. За ним взобрались Харальд и Верворт.

— Ларс, проверь вторую! — крикнул Йэльм перед тем, как исчезнуть в полутьме за окном башенки.

— Хей-я-аа!

Хокан, Матс и Гунн последовали за Ларсом, Эспен метнулся в сторону, наблюдая сразу за обеими дверьми.

Звон мечей звучал все глуше: даты гнали защитников башни вниз.

Вторая была пуста, Хокан разглядел незапертую дверь. Ворвавшись следом за Ларсом в полутемный круглый зал, он наткнулся на низкий стол. Напротив двери вверх взбегала винтовая лестница. На втором ярусе тоже никого не было, толстый слой нетронутой пыли покрывал пол. Хокан выглянул в бойницу: Херцог рубился с кем-то перед уже распахнутыми створками дверей, а Коек-скальд, метнув ремень с петлей, тащил одного из аргундорцев назад к башенке.

Когда они покинули пустую башенку, все семеро аргундорцев лежали в ряд перед дверьми. Пятеро были мертвы, двое связаны. Из датов пострадали Магнус — ему прострелили руку из арбалета — да Верворт, которому разбили лицо железной наручью.

Рукой Магнуса занялся Бролин.

Пленные не сказали ни слова. Иллурия не знала измен: здесь нельзя было сменить цвет. Можно было либо погибнуть, либо победить. Йэльм знал это, поэтому просто добил аргундорцев, когда те промолчали, словно и не слышали вопросов.

— Обыщите их, — велел Йэльм.

Под доспехами у черных ничего не крылось, но едва Коек открыл единственную на семерых сумку, даты отшатнулись.

Крохотное, ростом с человеческую ладонь, создание выползло из нее, запищало, как летучая мышь. Оно было черным, словно ночь, а глаза полыхали красными бусинами даже в свете дня. И крылья у него были как у летучей мыши, кожистые и перепончатые.

— Сван! — выдохнул в ужасом в голосе Херцог и заслонился руками.

— С-сфанн!! — пропищал крылатый, странно потряс крыльями и прыгнул. Туда, где Бролин только что перевязывал Магнуса. Туда, где натекла небольшая лужица крови.

Ткнувшись лицом в кровь, крылатый перепачкался в красное, хрипло пискнул и вдруг взмыл в небо. Сделав быстрый круг над башенками, он устремился на северо-восток. Надо понимать, в Аргундор.

Когда Хокан вытряхнул сумку на траву, из нее выпало только несколько лоскутов черной ткани да горсть сухих листьев.

Скалы Танкара производили на Вишену гнетущее впечатление. Мрачные, темно-серые, ровно река в ноябре, безжизненные... Только кое-где, на плоских уступах-пятачках, росли на диво крепкие сосны. Совсем как в кухтинских борах. У Вишены даже внутри защемило: что там дома сейчас? Не угадать.

Залив тоже был серый, со свинцовым оттенком, и оттого казалось, что вода у подножия скал — и не вода вовсе, а какая-то иная вязко-тяжелая жидкость. И чайки здесь были серые, взъерошенные и неприкаянные.

Отряд вел Роксалан, успевший за три года исходить Танкар вдоль и поперек. Правда, в такую глушь он еще не забирался, но знал начало горной тропы, которая вела в нужную сторону. Тарус то и дело разворачивал карту и совещался с

ним и Пристенем, тоже немало промерявшим окрестные горы. Тропа петляла, огибая причудливо обветренные скалы, похожие то на кристаллы соли, только темные, то на голову черта, то на нахохлившуюся птицу. В узких щелях тихо журчали ручьи, теряясь в толще камня.

Однажды вдалеке пролетел кто-то на грифоне. Не поймешь, не то гном, не то кто-то из Аргундора. На всякий случай Тарус велел схорониться, и грифон, покружив над заливом, скрылся на юго-востоке, из чего заключили, что скорее всего это был аргундорский летатель.

Вишена часто вспоминал путь через Иллурию. Выйдя их Храма Равнин, отряд кондотьеров в разноцветных плащах дошел до моста через пролив, разделяющий Суладор и Лореадор, миновал гномий замок в предгорьях, зовущийся Дар-Хозис; потом долго шли горной тропой меж двух отвесных стен, пока не выбрались на холмистые равнины Центрального Лореадора. Отклонившись к северо-востоку, попали на степи всадников в бело-голубом. Холмов на их землях почти не было. Так дошли до Тинзкого моста. Здесь было неспокойно, некоторое время назад аргундорцы выбили всадников из нескольких пограничных замков и, похоже, копили силы для похода за мост, на юг. Первые разрозненные атаки всадники отбили, но Боград говорил, что у них осталось не слишком много сил. Вроде бы обещали помочь гномы, но всадники свои замки не хотели отдавать и гномам: мир миром, союз союзом, но замки-то терять к чему?

Почти сразу за мостом, несколько западнее, начинались горы, обрамляющие подковообразный залив. Здесь сняли колдовские накладки с обувки и двинулись обычным шагом. Обогнув залив с юга, поднялись по восточным склонам хребта. Теперь Оракул был совсем недалеко.

Долина, крохотная, словно занесенный случайным ветром одинокий березовый лист на холме, открылась за очередным поворотом тропы. Она густо заросла все теми же крепкими соснами. Тропа сбегала, петляя, к опушке и исчезала среди отливающих медью стволов.

Тарус в сотый раз глянул на карту.

— Здесь! — сказал он. — Где-то среди леса...

— Лес, тоже мне, — пробурчал Дементий. — Постыдился бы, чародей, этот лоскут лесом звать...

— Ладно тебе, — одернул его Пристень. — Гляди сосны какие, прямо как дома!

Дементий вздохнул:

— Дома... Дома, поди, и сосны роднее кажутся. А эти — так, одна видимость. Не наши они. Как и все здесь — от камней до солнца.

— Соскучился, что ли? А, Дементий? — насмешливо спросил Богуслав-венед.

— Тебе-то что? — огрызнулся тот. — Сидел все время в степях, что дома у себя, что здесь — одно и то же, седло да ковыль... А я на берегах этих диких околачивался. Воротит уже от них...

— Зато даты как на побережье появятся — оживают враз, — вставил со вздохом Прон. — Не иначе как оно на их фиорды похоже...

Прон произнес незнакомое слово «фиорды» с особым тщанием.

Дементий подозрительно на него покосился.

— Где это ты ихних словечек нахватался, умник?

— Где, где... — хмыкнул Прон. — Везде... Почаще из замка выползать надобно.

Тарус, до этого не вмешивавшийся в дружескую перебранку, наконец прикрикнул:

— Ну-ка, сороки, попридержите языки! Не дома, чай, за полдником...

Спорщики умолкли. Тем временем спустились к самым соснам. Стволы стояли — один к одному, хоть тут же вали и избу руби. В лесу даже дышалось легче. Вишена с наслаждением втянул в себя пахнущий смолкой и хвоей воздух.

— Эхма... — протянул он.

— Да уж, — поддакнул ему Славута-дрегович. — У эльфов в лесах и то не так...

Что да, то да: эльфийские леса Суладора не вызвали у Вишены никаких чувств. Они были пронизаны чужим духом, чужой жизнью и подчинялись чужим законам. Не людским, эльфийским. А людям никогда не понять эльфов. Здесь же Вишена ощутил себя на короткий миг как в Тялшине.

Тропа исчезла почти сразу, едва опушка скрылась позади за стволами. Тарус уверенно вел отряд в глубь леса. Боромир угрюмо пинал крупные шишки, и они откатывались в стороны, ударяясь о кору цвета меди.

Вишена вдруг подумал, что совершенно не представляет, как выглядит Оракул. Наверное, это даже не человек. И не кто-то другой — эльф, или, скажем, гном. Может, это зверь какой?

«Гадай не гадай, — вздохнул он, — ни за что не отгадаешь. Окажется то, о чем и не думал...»

Сосны расступились, открыв просторную поляну, а посреди поляны росло громадное полусухое дерево-патриарх. Вишена с изумлением смотрел на вековую сосну, без сомнения давшую жизнь всему окрестному лесу. Узловатые ветви, иссушенные ветрами, растопырились во все стороны, земля у ствола во много обхватов была усеяна длинной пожелтевшей хвоей. А уж шишки вокруг валялись — с собачью голову, не меньше. Боромир потрогал одну носком сапога, но пнуть не решился.

— Ну и ну! — выдохнул Роксалан восхищенно. — Сроду такого великана не видывал!

Вишена оглянулся. Чуть выше макушек сосен на краю поляны маячили горные пики, покрытые шапками снегов. Была в этом какая-то невысказанная мрачная красота.

— Это и есть Оракул? — недоверчиво спросил Похил, одергивая бело-голубой плащ.

— А чего ты ожидал? — прозвучал вдруг знакомый голос.

Все обернулись. Чуть в стороне стоял долгобородый старец в белых одеждах. Он опирался на длинный резной посох.

— Базун! — выдохнули разом трое или четверо.

В родном Мире старец с посохом несколько раз выручал Боромиров отряд в трудную минуту. И сейчас все вдруг поняли, что они не покинуты на чужой земле, что хоть кто-то помнит о них и тревожится.

— Долго же мне пришлось ждать! — сказал Базун.

Тарус, казалось, был озадачен.

— Ждать?

— В этот Мир мне ходу нет, — объяснил Базун. — Два Оракула — единственные места, где вы можете меня услышать.

Тарус внимал. Остальные — тоже, никто даже не перешептывался.

— Тогда подскажи нам, в какой руине искать Книги? — спросил чародей, не желая терять время.

Базун ответил не сразу.

— Прямо ответить я не могу, потому что не я здесь хозяин. Однако есть способ это узнать. Нужно выполнить задание Оракула. Тогда ответ на любой вопрос о руинах Иллурии будет вами услышан. Но — только на один вопрос.

— Жаль, — вздохнул Тарус. Возникшая было надежда выспросить у Базуна заодно и о втором сапфировом мече погасла. — А какое задание даст нам Оракул?

— Сейчас узнаем...

Фигура старца вдруг потеряла очертания и расползлась, словно сотканная из тумана. Посох повалился на траву.

— Растаял, — пробормотал Боромир. Удивления в его голосе не было: Базун и раньше исчезал подобным манером.

Вишена вспомнил, как раньше думал о все новых целях и новых к ним дорогах, и ощутил, что его мысли невероятно быстро сбываются. Вот, думал, отсюда уж точно за Книгами путь, ан нет, сначала задание Оракула исполнить надобно...

Базун больше не появился. Прозвучал только его надтреснутый голос:

— Слушай, Боромир-Непоседа, слушай Тарус-чародей, слушайте и вы, воины-храбры! Оракул Танкара откроет вам руину, где скрылась Тень, если вы умертвите десять айагров, воюющих за Аргундор. Даже ходить далеко не придется: эти твари помогали штурмовать замки севернее Тинзкого моста. Там они и поныне остаются. Исполните — глядите на карту, которая сюда вас привела, она все расскажет. Удачи вам!

Голос умолк. Валяющийся на земле посох Базуна тоже куда-то делся, пока все озирались.

— Порой мне кажется, что наш поход бесконечен, — проворчал Боромир. — Эти Книги и впрямь станут бесценными, если мы до них в конце концов доберемся.

Тарус промолчал. Просто радовался знаку, что они на верном пути. А что до нового задания, так за любое знание приходится платить. Несложную эту истину чародей усвоил раньше, чем научился плести заклятия.

И они отправились обратно. Пересекли лес, ступили на извилистую горную тропу. Точно так же тянулись навстречу темные скалы, а внизу плескались свинцовые волны залива.

— Тарус, — окликнул чародея Вишена. — А кто такие айагры?

— Нечисть такая, — вздохнул тот. — Вроде чертей, только куда зловреднее и сильнее. Лучше бы так и не узнал никогда, кто они...

«Опять нечисть», — подумал Вишена и покосился на свой черный, как ночь, клинок. Все три руны на гарде слабо светились зеленым.

Когда залив скрылся за причудливыми изломами скал и тропа потихоньку пошла вниз, путники примолкли. Никто не перебрасывался короткими фразами, как раньше, — они ступили на пустоши Танкара, где хозяйничали сейчас черные люди Аргундора.

— Вон там, — показал на неровную цепочку холмов Боград, — ближний замок. Щаг зовется. Раньше он всадникам принадлежал, но недавно пришли черные и выбили из Танкара всех. Чуть дале другой замок, Продиас, а еще дальше — Нидлтон и Менелот, две старые твердыни всадников в Танкаре. Они оставлены впервые за много лет.

Вечерело. Небо, одетое мрачными тучами, нависало над головами путников и, казалось, гнуло к земле, давило непомерной тяжестью. Порывистый восточный ветер нес пронизывающий холод.

— Ей-право, как аргундорцы здесь объявились, даже погода испортилась, — проворчал Богуслав, кутаясь в плащ. — Костерок бы развести...

— Надо в скалах пошастать, — тоном знатока заявил Дементий. — Авось грот какой отыщем, заночуем как люди, горячего приготовим, отвару напьемся.

Горячее и впрямь не помешало бы после дня на ветру. Путники рассыпались цепью, прочесывая каменистую пустошь, заглядывали в нагромождения валунов. Вскоре подходящее место отыскалось: пещерка размером с небольшую горницу, да еще ход в нее изгибался так, что никакому ветру не достать. Да и огонь снаружи мудрено заметить. Выгнали оттуда деся-

ток летучих мышей, натаскали скудного сушняка и стали на ночлег.

— Дежурить бы надо снаружи, — задумчиво протянул Боромир. — По двое лучше.

— Не помешает, — поддержал Тарус.

Вишена со Славутой переглянулись.

— Давай мы сперва, — предложил дрегович.

Они вернулись к ветру и холоду. Запахнулись поплотнее в плащи и уселись на камни лицом друг к другу, чтобы виднее были пустоши. Славута глядел на север, Пожарский — на юг.

— Неприютные земли, — проворчал, зевая, Вишена. — Как тут люди живут?

— Тут вообще все странно, — согласился дрегович. — Я первое время не мог прямо — до того все чужое. Вовсе на наш мир не похоже... Нечисть — страшная, наша рядом с ней игрушкой кажется.

— А помнишь, — сказал Вишена, — в Рыдогах овинник нас едва не сжег?

Славута вздохнул. Он помнил. Тогда и коней у них увели колдовством каким-то. Свершившееся успело потускнеть в памяти, но совсем, верно, никогда не сотрется.

Завыл вдалеке волк. Славута вздрогнул, всматриваясь в ту сторону.

— Ты чего? — насторожился Вишена. Он уже привык, что в Иллурии даже звери могли быть врагами.

— Это верховой волк, — прошептал дрегович. — У них постромки кожаные в пасти, оттого и воют иначе. Не «у-у-у», а вроде как «ы-ы-ы». Слышишь?

Вишена прислушался.

— Похоже, — сказал он с уважением. — Ни в жизнь бы не догадался...

— Я тоже первое время удивлялся. Эльфы научили, — вздохнул Славута. — Мудрый народ. Настолько же мудрый, насколько странный.

— У кого здесь верховые волки? У орков?

— Не только. В Аргундоре тоже на них разъезжают.

— И больше нигде?

— Нигде, — покачал головой Славута. — Нигде по всей Иллурии, только в Хаэнедоре и Аргундоре.

Вишена поежился:

— Чего их по ночам носит... Сидели бы себе в замках.

— Орки часто нападают ночами, — сказал Славута. — Не учуяли бы нас... Хотя, без дела редко кто большими силами шатается. Пять—восемь волчин с седоками нас не остановят...

Что да, то да, их было двадцать, и каждый терт не в одной схватке, не в одном походе. В Иллурии умели штурмовать замки без ворот, в чистом же поле лойдянам, венедам да чикмам не ровня даже пехотинцы Сириана и быстрые, как ветер, всадники в бело-голубом. Если их, конечно, немного. Даже Купаве не ровня, несмотря что девка. Хотя рядом с Боромиром и не хочешь, а сражаться научишься. Иначе не получится...

Волк завыл ближе, и ему ответили с другой стороны, немного южнее.

— А, пропадь, сюда, кажется, тащатся. Пойду Боромиру с Тарусом скажу.

Славута поднялся и юркнул в пещерку.

Вглядываясь в сгущающиеся сумерки, Вишена подумал:

«Плащ у меня неподходящего цвета...»

Снежно-белый, он и вправду плохо маскировал на фоне мышастых скал.

Вскоре вернулся Славута с Боромиром, Тарусом, Богрaдом Роксаланом и Похилом.

Взглянув на зеленый плащ дреговича, Вишена невольно позавидовал: вот кому красота! Ни в лесу, ни в поле, ни в скалах толком не разглядишь... Особенно в лесу.

— Сдается мне, — шептал Славута, — что они цепью рассыпались и тянут через пустоши. Ищут кого-нибудь или просто дозором обходят.

Понаблюдав с минуту, Боромир позвал остальных. Схоронившись меж камней, стали ждать.

Всадники появились с востока. Мелкой рысью трусили громадные волки, неся закутанных в черное седоков. Их было пятеро, и они действительно растянулись цепью. Между каждым всадником сохранялся промежуток шагов в двести.

Крайний слева направлялся точно к их укрытию.

— Приблизится — зашибем. Потихоньку, если выйдет, — сказал негромко Боромир. — Омут, ты готов?

Молчаливый рыдожанин только кивнул: разговорчивее в Иллурии он вовсе не стал.

Волк начал принюхиваться в четверти версты. Вишена, припав к камню, глядел на всадника во все глаза. Тот подергал за повод, почесал волку меж ушей и направил его точно к пещерке, выглядящей с той стороны просто как россыпь крупных, в три человеческих роста, камней. Гортанно перекликнувшись со своими, аргундорец приближался. Все замерли, никто не шелохнется, только пальцы бесшумно смыкаются на рукоятках оружия.

Когда всадника отделяло от укрытия шагов десять, Омут мгновенно поднялся и метнул тяжеленную булаву. Волк шарахнулся, зарычав, но булава настигла всадника, выбив из седла. Озарич и Гонта, невидимые в коричневых плащах, мигом утянули зашибленного аргундорца в пещерку. Волк растерянно топтался поодаль, Прон, наловчившийся стрелять из арбалета, всадил стрелу ему в бок. Но то ли шкура у того была крепка на удивление, то ли стрела коротка оказалась, не свалился зверюга замертво, заскулил и бросился наутек, прямо к остальным. Вишена уже взялся за меч, решив, что сейчас свалка начнется, но остальные всадники, осмотрев волка и вытащив стрелу, вовсе не кинулись выручать пропавшего собрата. Поорали издалека, позвали, а после вскочили на своих жутких зверей и были таковы. Унеслись на восток, откуда пришли.

— Удрали, — довольно ухмыльнулся Пристень. — До утра теперь не вернутся. Ну а мы их утром так и будем здесь ждать...

Вишена поднялся, отряхнул плащ. Славута стоял рядом.

— Почему он так решил? — спросил Пожарский побратима.

— После захода солнца из замков никто не выходит, — пояснил дрегович.

— Ты ж сам говорил, — удивился Вишена, — что орки часто нападают ночью.

Славута объяснил:

— Нападают-то они ночью, но из замков выходят еще засветло. Идут полночи, потом нападают. А чтобы ночью кто в путь пускался — я не слыхал никогда.

Вишена вздохнул. Удивляться дальше не было уже сил.

Из пещерки вышла Купава, невозмутимая, как окрестные скалы. В схватке, если бы та состоялась, она с самого начала не собиралась принимать никакого участия, считая, что с пятеркой волков великолепно управятся и без нее.

— Если вам еще интересно — горячее поспело, — сказала Купава.

Дементий радостно заверил:

— Интересно, милая! Еще как интересно!

— Тогда не болтайте, а к огню, да поживее! Разогревать по второму разу я не буду. Успеете со своей дохлятиной аргундорской потолковать...

Славута опустил руку Вишене на плечо.

— Ступай, поужинай, потом меня сменишь.

Пожарский кивнул и пошел за всеми, пригибая голову, в отсвечивающий багровым зев пещеры.

Внутри весело полыхал костер и умопомрачительно вкусно пахло. Даже стойкий запах жилья летучих мышей перешибло.

Боромир уже теребил пришедшего в себя аргундорца.

«Неужели заставят говорить?» — недоумевал Вишена. Он уже знал, что в Иллурии пленные заранее считают себя мертвыми и всегда молчат.

Но Боромир не зря водил полки на север и везде слыл хитроумным.

— Правда, что в окрестных замках у вас айагры? — спросил он с неподдельной тревогой.

Аргундорец злорадно осклабился.

— Да, рыжее племя, правда! И в Щаге, и в Продиасе, и в Дипхалле, и в Нидлтоне, и в Менелоте! Вам не взять эти замки.

— Гляди-ка! — цокнул языком Боромир, хитро подмигивая Тарусу. — Неужто много их? Не может быть!

— Больше десятка! — Вишена с удивлением уловил в голосе пленного гордость.

Боромир вздохнул:

— Ну и ладно. Спасибо, что предупредил.

И обернулся к отряду:

— Кто его?

Поднялся Омут.

— Дозволь я... У меня с черными свои счеты.

Вишена взглянул на мрачного витязя-молчуна и внутренне содрогнулся. Аргундорцу завидовать не приходилось.

Омут сгреб волчьего всадника в охапку и повлек к выходу.

Вскоре он вернулся. Один.

Отстояв снаружи нужное время, Славута с Вишеной улеглись спать в пещере. Сменили их венеды-близнецы Чеслав и Вавила.

Наутро, наскоро перекусив и испив остывшего отвара, двинули на восток, к холмам. Скользящий шаг, к которому все успели приноровиться, съедал расстояния вмиг. Вишена слабо представлял, как они будут штурмовать замки. Хоть и немного там защитников, все же с двумя десятками воинов замка не взять. Правда, они не простые воины, а кондотьеры и у каждого в запасе, поди, заклинание из руин. Да и Тарус может кое-что... И все же Вишена пребывал в неведении и растерянности.

Замок открылся взору издалека. Стены его, густо-черного цвета, вздымались среди безрадостных равнин, а башни нависали над стенами.

— Стоп! — скомандовал Боромир, и все послушно стали.

Издалека замок выглядел совсем неопасным. Ватажки разглядывали его некоторое время.

— Ну что? — спросил Тарус. — Поваляем дурака? Выманим?

— Пожалуй, — сказал Боромир.

Вишена ничего не понял. Наверное, у его давно пришедших в Иллурию друзей есть какая-то метода по штурму замков. Он приготовился наблюдать.

Боград с братом Богуславом направились вперед, к замку.

«Наверное, хотят прикинуться случайными путниками и выманить из замка черных», — догадался Вишена. Тогда понятно, почему венеды: они в бело-голубых плащах. Кто может здесь шастать, кроме всадников?

Братья шли прямо к замку. Вскоре их заметили. На стенах мелькнуло несколько воинов, а спустя недолгое время ворота отворились, выпуская гурьбу волчьих всадников. Боград с Богуславом заметались посреди камней и бегом кинулись назад, изображая растерянность и замешательство. Когда всадники

почти нагнали их, оба вдруг пошли скользящим шагом, уравнявшись в скорости с преследователями.

— Ну, братцы, — сказал Тарус, — готовьтесь использовать заклинания.

Он извлек из-под плаща короткий жезл серого цвета. Боромир достал плоскую коробочку, точь-в-точь такую же, как Хокан показывал. Похил взялся за чудную изогнутую штуковину с торчащей вперед толстой трубкой. Роксалан держал в руке короткий кинжал, блестящий, как начищенное серебро, а Дементий вдруг напялил какую-то невзрачную кепку и исчез.

Вишена машинально потрогал пояс, в котором таилось Холодное Пламя. И когда Боград с Богуславом вернулись, а всадники приблизились на десяток волчьих прыжков, Тарус выдохнул:

— Нумо!

Вишена отнял руки от пояса. На кончиках пальцев плясало синеватое пламя, щекоча кожу. Он направил руки на всадников и тряхнул ими.

Пламя, превратившись в бесшумный синий смерч, плеснуло в толпу волков и людей, пожирая и тех, и других. Вишена прищурился и отшатнулся.

«Ну и силища!» — подумал он. В груди ныла неприятная пустота, Пожарский чувствовал себя муравьем, сдвинувшим подрубленное дерево. И неизвестно, куда дерево упадет — кто сказал, что не на муравья?

Всадников разметало. Пламя рванулось к безрадостному небу Танкара и опало, потеряв мощь. Вишена поглядел на спутников.

Боромир с коробочкой в руках глядел перед собой. На уровне его груди прямо в воздухе, без всякой опоры висели несколько крупных валунов. Миг — и они, словно пущенные из пращи, обрушились на уцелевших аргундорцев. Двое все же прорвались через этот смертоносный дождь, но на их пути стоял Тарус с жезлом. Направив жезл на всадников, Тарус едва заметно двинул рукой.

Всадников вместе с волками швырнуло на камни.

Справа невысоко над землей парил Пристень, размахивая мечом. Просто парил, как шмель над цветками. Вишена про-

тер глаза, но Пристень не упал. Шагах в пятидесяти впереди возникший из пустоты Дементий добил раненого волка и теперь бродил среди валяющихся в беспорядке аргундорцев.

Все кончилось в несколько коротких мгновений. Вражий отряд даже не успел понять, что гибнет.

— К стенам! — сказал Тарус, и все заскользили к замку. Даже Пристень опустился на землю и присоединился к товарищам.

Проходя мимо поверженных всадников, Вишена невольно вздрогнул. Некоторые из них были обожжены, некоторые словно побывали в лапах у громадного медведя — казалось, у них не осталось ни единой целой косточки.

На стенах замка застыли мечники в черных латах. А во дворе замка кто-то громко ворчал, пробуждая неприятный холодок между лопаток.

Защитники замка пребывали в растерянности: впервые к стенам приближался отряд из одних только кондотьеров, да еще в разноцветных плащах. Семеро — в сине-желтых Воинов Лунных Заводей. Шестеро — в бело-голубых всадников Лореадора. Четверо в коричневых, гномьих. Славута в зеленом эльфийском. Вишена в белом, цвете Воинов Сириана. И Омут в невиданном доселе лиловом плаще Девятого Народа.

А кондотьеры, владеющие магией из руин, в Иллурии были страшной силой, и в этом аргундорцы только что снова убедились.

— Я подниму вас, — сказал буднично Боромир, держась за свою коробочку. В тот же миг чьи-то мягкие, но исполненные невиданной силы ладони подхватили Вишену и вознесли к самой кромке крепостной стены. Рядом парили Похил, Тарус, Гонта, Озарич, Боград с Богуславом, а чуть в стороне — Пристень. Роксалан и остальные низом двинулись к воротам, уже теряющим четкость и твердость, и готовым вот-вот исчезнуть.

Вишена хлестнул Пламенем, сметая защитников со стен. Внизу зазвенели мечи, но как-то неубедительно, и тут же умолкли. Некоторое время что-то сухо потрескивало, а потом Вишену так же мягко опустило на землю.

И тотчас из ворот вырвались пять громадных фигур. Четверо айагров, могучих четвероруких гигантов, и красный, как вареный рак, демон с витыми рогами.

Отряд рассыпался. Рядом с Вишеной вдруг возник Славута, сжимающий секиру.

— Меч, Пожарский! Меч! На нечисть магия действует только в руинах!

Очнувшись, Вишена убрал руки с пояса и вытащил из ножен вороненый клинок. Одна из рун на гарде ослепительно сияла, словно маленькая зеленая звезда.

На них напал айагр. Он был по меньшей мере вдвое выше человека. Руки, толстые, как колоды, были увиты узлами могучих мышц, и каждый палец оканчивался бритвенно острым когтем. Зубам айагра позавидовал бы кто угодно, от бобра-гиганта, до медведя-переростка. Казалось, они способны сокрушить даже камень.

Славута взмахнул секирой и наотмашь рубанул по левой нижней руке чудища, но тут же был отброшен далеко в сторону взмахом другой. Из остатка пальца хлынула темной струйкой кровь.

— А-а, отродье!! — заорал Вишена неожиданно даже для самого себя и занес меч. Нырнув под занесенную руку, он изо всех сил вонзил клинок айагру в бок почти до половины.

Айагр заревел от боли, и тотчас рядом заревел еще громче другой. Видать, побратимы достали его сталью... Но глядеть у Вишены не было времени. Пока вскочивший Славута отмахивался секирой от двух правых рук айагра, Вишена пытался подобраться и вырвать меч, но мешала раненая рука чудища. Наверное, Вишена долго бы кружил без толку, но тут кто-то всадил айагру в бок арбалетную стрелу. Вреда особого от нее не случилось, но айагр отвлекся, и Вишена, опрометью бросившийся вперед, схватился за рукоятку меча. Повернул его в ране, рванул на себя и улетел спиной вперед, отброшенный ошеломляющим по силе ударом. Оглушительный рев толкнулся в уши.

«А ведь расшибусь, пожалуй», — подумал Вишена и грянулся спиной оземь. Стало темно и больно.

Очнулся он спустя пару минут. Рядом ревел единственный еще живой айагр, а чуть в стороне чадило едким красным

дымом тело поверженного демона. Скривившись от боли, Вишена поднялся на ноги.

— Цел, Пожарский? — с тревогой спросил Славута.

Вишена с натугой кашлянул.

— Слышь, Славута, ты бывал когда-нибудь среди мельничных жерновов? — спросил он.

Дрегович хмыкнул:

— Нет пока, боги миловали...

— Ну а я, считай, уже побывал... — вздохнул Вишена.

Последний айагр взвыл и умолк. Спустя мгновение дрогнула земля. Славута обернулся.

— Все, — сказал он. — Готов.

Замок стоял пустой. Аргундорцы, все как один, были мертвы. И люди, и твари.

Подошел Тарус:

— Ты как, Пожарский?

— Да цел, вроде... Долго я валялся?

Тарус пожал плечами:

— Я не видел, не знаю.

— Минуты три, — ответил Славута. — Недолго...

Чародей хлопнул Вишену по плечу, скрытому белым плащом.

— Один айагр на твоем счету, Пожарский. Молодчага!

Вишена вопросительно уставился на Славуту, потом нашел глазами недвижимую четверорукую тушу.

— Это что, я его? — удивился Вишена. — Я ж только меч выдернул из бока...

— А он тут же и рухнул ровно подкошенный, — пояснил Славута.

Вишена только головой покачал. Руна на гарде медленно гасла. Видать, по мере того как жизнь покидала тела нечистых.

Тарус убрал свой меч в ножны. Щеку его пересекала свежая алая царапина.

— Боград! Входите в замок! И пошли сообщение в Тинз, пусть шлют гарнизон.

Венеды в бело-голубом гурьбой ступили под арку. Вишена глядел, как стены Щага светлеют, и флаг над башней тоже

наливается белым и голубым, и проступает на нем силуэт скачущей лошади.

Отряд всадников Лореадора примчался под вечер, когда Вишена в окружении спутников сидел у стен замка, стараясь не тревожить ноющие ребра.

Тучи над Танкаром разошлись, и впервые за несколько недель пустошей коснулись красноватые лучи иллурийского солнца.

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-32С
Внеплановый экспресс-отчет

Зафиксировано активное применение оборудования, вынесенного из узловых точек сопряжения корреспондентом Тарус/Т и субъектами, слежение за которыми передано по роутингу от изделия ХА-27С.

Корреспондент Саят/С активности не проявляет.

Конец отчета.

Глава 8
ДРАКОНЬЯ БАШНЯ

Вслед за Щагом захватили и Продиас, убив еще трех айагров. Штурм очень походил на предыдущий, только на этот раз Вишена не угодил под тяжелую лапу и сражался до последнего смертельного удара, нанесенного Славутой.

Всадники в бело-голубом, помогавшие у стен, заполучили еще один замок, а кондотьерский отряд ушел дальше на северо-восток, к Менелоту.

Все повторилось: колдовские вещи из руин дарили невиданную силу, а аргундорцы, не успевшие накопить достаточно войск, не могли дать серьезный отпор. Едва последний, пятый менелотский айагр затих, изрубленный мечами, Тарус схватился за карту. Спутники окружили его, заглядывая через плечо.

— Есть! — выдохнул Тарус.

Вишена глянул: на карте Иллурии тускло поблескивала красноватая точка.

— Драконья Башня...

— Это недалеко! — обрадовался Боград. — Дня за три дойти можно, если скорым шагом!

Вишена глянул на карту: нужная руина лежала чуть южнее Аргундорской гряды.

— Не понимаю, — сказал Боромир озадаченно, — это ж как раз на выходе из их логова, из долины Банерона! Неужели они не вычистили ее на проходе?

Тарус пояснил:

— Они могли и не знать о ее существовании. Оракулу же известны даже потерянные руины. Я, например, ведать не ведал, что там руина...

— Что делать-то будем? В Аргундор двинем или Йэльма подождем?

Тарус задумался. Вообще-то он хотел сначала завладеть мечами, а потом уж лезть за Тенью. Но встретиться с песиголовцами договорились у Тинзкого моста, а это тоже недалеко. Только в другую сторону, на юго-запад.

— Может, разделиться? — спросил Боромир.

Тарус поморщился:

— Не хотелось бы... Да, видно, придется.

Вишена подумал, кого пошлют караулить Драконью Башню? Места там, по словам дреговича, гиблые: с севера — гряда, за которой долина с главными замками Аргундора, с юга — сплошные болота, до самого Вольферта. И Черное воинство, поди, шныряет туда-сюда — нужная руина лежала как раз перед перевалом через гряду.

— Эй, глядите! — сказал вдруг дальнозоркий Богуслав. — Кто-то с востока поспешает!

Все обернулись. На горизонте маячила темная точка.

— Опять волчьи всадники? — предположил Роксалан. — Так прибьем же...

Лореадорцы уже заняли Менелот, даже ворота возникли на своем обычном месте в арке, как всегда крепкие и незыблемые на вид.

— Не, Роксалан, это не всадник. Пеший! — покачал головой Богуслав.

Путник приближался. Он, конечно, уже успел разглядеть флаг над Менелотом, и если приближался, значит, друг. Да и пестрое кондотьерское воинство должен уже разглядеть.

— Это песиголовец! — обрадованно воскликнул венед.

Вишена тоже отметил характерную поступь, которую ни с чем невозможно спутать.

Еще издалека псоглавый помахал рукой. Когда он приблизился настолько, что стала различима скалящаяся морда, Вишена уловил даже что-то знакомое. И лишь когда стал виден шрам на мохнатой щеке, узнал:

— Урхон!

Арранк оскалился пуще прежнего. Похоже, он радовался.

— Ты узнал меня, Вишена! Наверное, люди умнее, чем принято у нас думать...

Вишена хмыкнул и подал псоглавому руку. Тот, не мешкая, заговорил:

— Вы хотели знать все о черном кондотьере, что раньше был одним из вас? Арранки нашли его. Мы идем по его следу уже много дней. Анча отослал меня к Тинзкому мосту, чтобы я предупредил вас.

— Где он? — перебил, не утерпев, Тарус.

Урхон оскалился, но не злобно, как рассерженный пес, а довольно:

— У Аргундорской гряды. Идет на юг, к руине.

Тарус спал с лица.

— На юг? К Драконьей Башне?

Песиголовец кивнул, совсем по-человечьи:

— Да. Недавно туда ходил орк-кондотьер... Он не вернулся.

— Яр далеко был от нее, когда ты пошел нам навстречу? — Тарус уже взял себя в руки и говорил спокойнее. Что толку убиваться, когда нужно выправлять происходящее?

— Думаю, что сейчас он как раз на подходе...

— Ваши стерегут его? Они пустят его в руину?

Урхон пошевелил ушами; видать, это означало нечто вроде пожимания плечами у людей.

— Стеречь-то стерегут, но отчего же в руину не пускать? Анча будет ждать его у башни. А потом пойдет следом, куда бы Яр ни направился.

— Упустим, чародей, — хмуро предрек Боромир, стоявший сбоку и внимательно слушавший песиголовца.

Тарус отмахнулся:

— Погоди, не каркай...

Вдруг подал голос Омут-Молчун.

— Там еще одна руина есть, чуть дальше. Так мыслю, что прежде чем идти назад, в долину Банерона, Яр и туда наведается.

— Точно, — подтвердил Урхон. — Он и перед Драконьей Башней по руинам шастал, где-то на севере. Мы его на обратном пути и перехватили.

— Значит, нечего языком молоть. Не хватало еще чтобы Книги достались...

Тарус умолк на полуслове, хотя каждый в отряде ждал: как же он назовет темного печенежского чародея-недруга? Тарус никак не назвал.

— Кто пойдет назад, на встречу с датами?

Он обвел глазами пестрый кондотьерский отряд:

— Похил?

Лойдянин сдержанно кивнул.

— И ты, Боград... Со своими.

— Добро, чародей, — отозвался венед.

Бело-голубые плащи венедов на равнинах Лореадора не вызовут никаких толков-пересудов, да и окрестности Тинзкого моста товарищи Боградa знают куда лучше остальных. А главное — Боград и сам немного чародей... Разберется, если что.

Боград с братом, двое уцелевших близнецов — Чеслав и Вавила, крепыш Болеслав и решительный Похил тотчас же, не теряя ни секунды, направились на запад, вскинув на прощание руки.

— В замках всадников будут знать, куда мы направимся! — крикнул, обернувшись, Боград.

— Удачи! — отозвался Тарус. Но голос его был невесел.

— Интересно, — протянул Боромир, — Йэльм уже успел добыть сапфировый меч?

Тарус покосился на него:

— Хотел бы я знать! Однако в путь, други. К Драконьей Башне...

Нацепив полоски скорого шага, отряд заскользил на восток. К мосту через пролив.

За стрельчатым окном заунывно выл аргундорский ветер. Саят мерил шагами зал в Банероне, ожидая известий. Пора бы уже появиться Ярову пучеглазу с новым словом. Несколько дней назад он стремительно влетел в открытое окно, пропищал «С-солото!» и вцепился в ткань Саятова плаща. Саят его напоил и отправил назад, к Яру. По времени мальчишка-кондотьер уже должен был достичь Драконьей Башни...

Бэйн еще вчера отбыл в Маликор. Видимо, поглядеть на свежий выводок грифонов. Саят усмехнулся: в случае необходимости он мог призвать кое-кого пострашнее, чем несколько грифонов, но зачем об этом твердить раньше срока?

Вновь зазвучали шаги в зале, отдаваясь от стен слабым эхом. Саят ждал...

Ближе к вечеру за окном мелькнула неясная крылатая тень. Саят насторожился, приблизив лицо к желтоватому стеклу. Так и есть, пучеглаз. Устало взмахивая крыльями, носится у окна.

Окно тотчас распахнулось, и крылатый скользнул внутрь. Миг, и он, шурша кожистыми перепонками, неуклюже свалился на стол. Похоже, он очень устал. Затворив окно, Саят приблизился, всматриваясь. Удивленно поднял брови.

Это был не Яров пучеглаз.

Крошечный вестник растопырил крылья и тоненько пропищал: «С-сфанн! С-сфанн!» А потом свалился без сил. Саят тотчас напоил его кровью и, когда пучеглаз блаженно растянулся на столе, сел в кресло.

Это был вестник отряда, который Саят отослал в Суладор на разведку. Они добрались до Суладора, а потом словно растаяли под иллурийским солнцем. Саят искал их, но безуспешно. Если бы они нарвались на воинов Сириана или на эльфов, весть о стычке неизбежно дошла бы и до аргундорской долины. Но отряд исчез, словно его похитили призраки. И вот — вестник. Где он пропадал столько времени? Из Суладора лететь от силы день. Прошло же уже почти двадцать... И что значит принесенное им чужое слово? У Саята возникло нехорошее предчувствие, что никого из того отря-

да он никогда уже не увидит. Люди его волновали мало, но он очень рассчитывал на новости из Суладора. И что теперь делать? Посылать новых разведчиков? А вдруг они тоже сгинут без следа?

Думай, Саят, думай, Могучий...

Рука его сама потянулась к длинной курительной трубке. Приторный дым клубами взмывал к сводам, принимая самые причудливые формы. Саят шаманил.

Одурманенный, он мысленно потянулся к Яру. Тот был где-то недалеко, на болотах. Саят глазами одного из своих крылатых созданий, всегда паривших над Аргундором, ощупывал унылые топкие равнины, отыскивая слугу. Но вместо этого наткнулся на чужаков.

Вошедший в зал стражник в черных доспехах увидел расслабленного кондотьера, едва различимого в клубах сладковатого дыма. Дым принимал самые причудливые формы: то всадника, то чудовищной хищной птицы, то неведомого когтистого страшилища сплошь в броне. Отшатнувшись, стражник выскользнул за дверь. Последнее, что он слышал, был глухой голос Саята. Наверное, Могучий творил заклинания.

Чужаки в разноцветных кондотьерских плащах явно шли по следу Яра. Что же, им нужно устроить хорошую встречу! Саят вызвал гнездящихся в болоте небольших созданий, чья злоба не шла ни в какое сравнение с их размерами. Но эти без подмоги с кондотьерами не справятся, подумал Саят. Нужно вызвать кого-нибудь посильнее.

И он окунулся во тьму, где обитали духи и призраки. Там он найдет помощь.

Однако как быстро колдун урусов добрался до Аргундора! Признаться, Саят не ожидал увидеть его здесь так скоро. Впрочем, ладно, если враг сам идет в руки, почему бы не воспользоваться случаем?

Из тьмы выползал кто-то, похожий на гигантскую змею.

«Пошлю еще крыланов... И пехотинцев. Добьют, если что...»

Воды пролива отражали небо, а солнечные блики сверкали на поверхности подобно россыпи рубинов. Коек-скальд легонько ткнул Хокана локтем.

— Гляди, орм, какой дивный цвет! У нас море таким бывает только весной и в хорошую погоду.

В родных фиордах даты привыкли видеть воду цвета свинца.

— Сложи об этом песню, — усмехнулся Хокан. — Только будь готов, что тебе не поверят дома...

Коек хитро улыбнулся:

— А когда скальдам верили? Их просто слушают, не задумываясь над тем, правда их песнь или выдумка. Чаще всего выдумка так переплетается с правдой, что и не различить...

Хокан еще раз полюбовался синевой.

Даты миновали Ильнир, замок у двух мостов. Один соединял Лореадор с северо-восточной оконечностью Суладора, другой — с землями орков. Севернее, за косым гребнем сбегающих к проливу гор, лежали равнины всадников. А еще севернее, за полосой леса — их цель, Тинзкий мост.

Хокан вспоминал Оракула. Неясная фигура, видимая словно в тумане, похожая на Одина и Мунира одновременно, говорила с датами совсем недолго. Теперь у Бролина есть карта, а у датов — задание. Йэльм вел отряд на встречу с южанами, с Тарусом, колдуном из колдунов, потому что Бролин в одиночку не решился сунуться к развалинам Гриффинора, ведь неподалеку замки гномов... Среди южан же были гномьи кондотьеры.

Оракул согласился указать руину, где крылся меч, зовущийся Ледяным Жалом. Но за это даты должны были пробраться в замкнутую горную долину, где когда-то стоял Гриффинор, гномья твердыня, проникнуть в лежащую в стороне руину, в которой обитал кто-то из нечисти и стерег заклинание Возрождения. А потом с помощью этого заклинания поднять разрушенный замок из руин. Гриффинор издавна принадлежал гномам, именно здесь выводились самые сильные грифоны Иллурии, и если бы замок восстановили кондотьеры другого народа, гномы наверняка разорвали бы мир с людьми и эльфами. Поэтому Бролин и сказал Йэльму: надо искать южан. И только потом лезть в долину Гриффинора.

Хокан с Коеком поглазели на бело-голубые флаги над башнями Ильнира и направились вдогонку отряду. Йэльм уводил датов по восточному склону гор.

* * *

Облачное небо Аргундора нависало над самыми головами; то и дело начинал накрапывать мелкий дождь. Идти приходилось обычным шагом, не скорым: земля была рыхлой и водянистой, сказывалась близость болот. Впрочем, Драконья Башня теперь совсем недалеко, вот-вот покажется.

Слева стеной высились горы, подернутые туманной дымкой. За ними — долина Банерона, логовище Черных Людей Аргундора. Где-то здесь проходила тропа к перевалу. Тарус стремился побыстрее проскочить открытое место и скрыться в предгорьях, потому что посыльные черных и орков то и дело спешили на север или юг по делам своих хозяев. Тогда отряд залегал, укрывшись эльфийскими накидками-невидимками. Только Славуте накидка была без надобности: зеленый кондотьерский плащ и так прятал его на ровной, как убранный стол, равнине.

Вишена заметил, что его белоснежный плащ совсем не пачкается в походе. Вернее, за день появляются на нем пятнышки грязи, но к рассвету он вновь сияет нетронутой белизной, как декабрьский снег. И греет куда надежнее, чем можно ожидать: запахнись поплотней, и никакие холода не страшны.

Когда добрались до первых отрогов, Тарус вздохнул спокойнее. Здесь отряд труднее обнаружить, можно схорониться меж гребней, в узких, похожих на овраги, щелях.

Серая свеча Драконьей Башни открылась взгляду неожиданно; чуть обогнули застывшую на дороге глыбу, тут же ее и увидели. Это и вправду была башня, настоящая, только совсем не похожая на следящие башенки с переменчивым флагом над тесом или черепицей. Она давным-давно была заброшена, камень выщербился и кое-где обвалились стены, в основном сверху; кровля просела и рухнула, так что внутри было так же сыро и холодно, как и снаружи. Даже обычный в этих местах плющ не льнул к этим угрюмым стенам. В слепых провалах окон-бойниц клубился плотный мрак.

Вокруг было безлюдно. Тарус некоторое время приглядывался, потом прошептал:

— Боромир! Вишена! Славута! Давайте за мной.

Непоседа, Пожарский и дрегович с готовностью скользнули за гибким чародеем. У Башни было пусто, ровную площадку перед входом усеивали мелкие камешки. Они замерли перед сводчатой аркой, потянув из ножен мечи. Боромир и Вишена одинаковым взглядом прошлись по рунам на гардах — ни искорки зеленого огня не родилось там.

— Внутри никого, — тихо сказал Вишена Тарусу. — По крайней мере из нечисти.

Тарус заглянул под арку. Неровное пятно света, падающее от входа, постепенно растворялось в потемках.

— Эй, глядите! — вдруг сказал Славута, указывая пальцем в сторону от башни, в россыпь отколовшихся от скалы камней-обломков. Там на миг показался песиголовец, призывно махнул рукой и вновь исчез среди серых глыб.

Тарус не колебался ни секунды.

— К нему!

Они бегом переместились к укрытию арранка. Сам псоглавый показался вновь и присел, чтоб не маячить у всех гор на виду. Между двух неровных обломков скалы и нашли его кондотьеры.

— Ар-р! Опоздали, люди, — без предисловий начал он. — Черный уже вычистил руину и ушел.

Тарус в сердцах сплюнул:

— Ты видел, что он вынес оттуда?

Песиголовец кивнул. Этот жест означал одно и то же у людей и у его племени.

— Да. Ларец. Не то черного камня, не то темно-фиолетового. С железными ручками, весь покрытый резьбой. Не очень большой, но и не скажешь, что маленький. — Песиголовец сокрушенно вздохнул. — Красивая вещь! Дело рук настоящих мастеров...

Тарус некоторое время молчал, потом скрежетнул зубами.

— Это именно то, что мы ищем. Куда его унес Яр?

Арранк вдруг замотал ушастой головой:

— Не Яр. Из-за гор явилась четверка волчьих всадников. Только это были не орки и не аргундорцы — нечисть какая-то, круглоголовые, пучеглазые, черные... Все, как один, в плащах, но не кондотьерских...

«Ну, если даже песиголовец счел их нечистью...» — подумал Вишена.

Тарус насторожился:

— Волки черные и куда крупнее, чем местные?

— Точно, — согласился песиголовец. — Они забрали ларец и вернулись в долину. А Яр двинул дальше, на юго-восток.

— К Зубу Оррина, — процедил Боромир с досадой. — Эхма!

— Это руина невдалеке на болотах, — шепнул Славута Пожарскому.

В четверке волчьих всадников нетрудно было узнать крыланов, преследовавших отряд Боромира еще под родным солнцем. Тарус нахмурился и сел на обломок камня размером поменьше. Остальные в растерянности топтались подле чародея.

— Что ж, — сказал чародей после недолгих раздумий. — Мы все равно собирались штурмовать Аргундорскую долину. Теперь ясно, что этого не миновать. А сейчас направимся за Яром.

Боромир, выслушав это, спросил:

— А ежели колдун-печенег вздумает сбежать назад, в наш мир? Книги-то у него...

— Не сбежит, — заверил Тарус. — Отсюда он не сбежит, поверь мне, Непоседа. Не сбежит, потому что сам этого не хочет. Ему здесь куда привольнее, чем дома, в своих степях. Правда, не пойму, зачем ему здесь Книги: для этого Мира их знания почти бесполезны.

Роксалан недоверчиво покачал головой:

— Неужто Яр в одиночку справился с Тенью?

Оба песиголовца разом присели. Вишена с удивлением взглянул на Урхона: он знал, что тот ничего не боится, видел в нескольких битвах, но тут Урхон явно струхнул. Уши прижал, а присев, стал на полголовы ниже. «Тень, она всему виной, — догадался Вишена. — Древний ужас племени псоглавых...»

Он вспомнил, как бежали арранки от Тени в дулебских пещерах. Хотя от нее попробуй не побежать... Так и веет смертью и пустотой — людям ли выдержать ее дыхание? Арранкам ли?

Некоторое время все молчали.

— Раз вынес ларец из руины, значит, справился, — пожал плечами Боромир.

— Или Тень отлучилась куда-нибудь... — поддакнул Дементий. — Не сидит же она в Башне безвылазно...

— А Яр нам нужен из-за половинки ключа? — спросил Славута, пристально глядя в глаза Тарусу. Тот спокойно выдержал этот взгляд.

— Не только. Вдруг удастся вернуть ему душу?

И они устремились за песиголовцем, который повел их по едва заметному следу волчьих лап. Урхон присоединился к собрату, и перед собой люди постоянно видели две мохнатые остроухие головы. Вскоре пошли болота, покрытые желтыми мхами, тропа петляла, обходя опасные места. Песиголовцы как-то чувствовали топи да мочаги и заранее предупреждали людей. Мхи были пропитаны влагой, и ноги сразу сделались мокрыми. Вишена бормотал под нос свое обычное: «Эх, ты, топь-мочаг, ходун-трясина, крепи-заросли...» — и вдруг ощутил себя точно как в Рыдогах. Даже огляделся, нет ли где поблизости чертенка-озорника?

Чертенок был.

Точнее, это был не чертенок, а какая-то местная нечисть. Некто зеленокожий и пучеглазый. А за чертенка Вишена его принял из-за лирообразных рожек на голове. Увидев людей, нечистый плюхнулся пузом в лужу и замер. Но его уже учуяли песиголовцы и увидели люди во главе отряда. Застыл на месте Тарус, взялся за меч Боромир, шепнул что-то землякам-чикмам Роксалан.

А потом этот зеленый поднялся. Да не один: отряд враз оказался в кольце его сородичей. И кольцо явно собирались сжать. В руках низкорослых болотников словно по волшебству возникли кинжалы и дубинки. Красные выпуклые глаза, казалось, излучали тугие волны ненависти. Вишена, успевший выдернуть меч из ножен, мельком глянул на гарду: две руны светились зеленым. Две. А в руинах, где приходилось сталкиваться со всякой нечистью, светилась всегда одна.

Отряд сжался в комок, стал спина к спине, ощетинившись клинками.

— Мои вещи из руин не действуют, — процедил сквозь зубы Боромир. — Что делать, чародей?

Вишена коснулся кончиками пальцев пояса Холодного Пламени. Привычного покалывания в ладонях он не ощутил, пояс словно дремал, не воспринимая зеленых как врагов.

Кольцо продолжало сжиматься.

— Мои тоже, — на удивление спокойно сказал Тарус. — Отобьемся железом.

Вишена сжал вороненый меч. Тепло от горящих рун достигло рукоятки, согревая сжатые пальцы. Такого в Иллурии Вишена еще не ощущал.

С отчаянным криком чикм Палех рубанул приблизившегося зеленого, меч рассек противника чуть не пополам. Видимо, Палех не ожидал, что клинок так легко пройдет сквозь тело, он на миг потерял равновесие и качнулся вперед. Этого оказалось достаточно. Суковатая дубина зацепила его за край плаща, и Палех был выдернут из плотного строя кондотьеров. Его тотчас облепили несколько зеленых и повалили в лужу. Темная вода сомкнулась над грудой тел, только кольца разошлись. Чикмы отчаянно рванулись вперед, мечами отшвыривая низкорослых болотников, но их точно так же облепили и потащили в стороны. Вишена вцепился в чью-то беспомощно вытянутую руку и изо всех сил уперся в податливый мох под ногами.

— А, тля!!!

Кто-то, хрипя и булькая, рвался из цепких вражьих лап к спасительному воздуху. Свистели мечи, но рассекали они в основном воздух и темную болотную жижу.

— Держу! — натужно выдохнул Омут, выдергивая кого-то из гущи тел. Кажется, это был Дементий.

— Роксалан, держись!

Несколько раз сверкнула Славутина секира.

— Ах-хгр-рр...

— Получай!!

— А-а-а...

Вишена рубанул мечом, несколько болотников отшатнулись, словно от раскаленного прута. Мечи его спутников такого эффекта явно не вызывали.

«Рун боятся», — сообразил Вишена и, вздымая меч над головой, устремился в самую свалку.

— Прон, Прон там! И Пристень! — хрипло голосил кто-то справа.

— Не достать!

— Ар-роу! Урхон илл трай гр-рахх! Грахх! Илл фат трай!!

— Ар-роу!

Кто-то, видно насилу вырвавшись из-под воды, судорожно вдыхал тухлый болотный воздух.

Рядом мелькнул песиголовец; клыки его ослепительно белели.

— Вишена!

Это был голос Таруса. Уклонившись, проткнув одного из зеленых и спихнув в трясину другого, Вишена поспешил на голос.

Рядом тонко закричала Купава, но тут же Вишена углядел кряжистую фигуру Боромира и над кистью его горели три зеленые точки. Пожарский покосился на гарду: третья руна разгоралась призрачным, холодным пока огнем.

— Вишена! Ко мне!

Одновременно снизу наползала волна вязкого ужаса. Кто-то полз к поверхности из самого сердца трясины.

— Роксала-ан! А-а...

Снова сверкнула секира. Отвратительным голосом завизжал смертельно раненный болотник.

Тарус швырнул в сторону шершавое, как древесный ствол, тельце, вглядываясь в свалку. Меч его был в ножнах.

— Вишена!

Пожарский, завалившись на бок, плюхнулся в мутную жижу. Стряхнул с себя неожиданно цепкие руки и насилу поднялся.

— Я здесь, чародей!

Тарус извлек меч из ножен, но сражаться он не собирался. Он воткнул клинок в мох и что-то вполголоса пробормотал.

— Делай как я, Вишена! Как в Кухте! Помнишь?

И кувыркнулся через меч.

Перед глазами Пожарского враз возникла поляна в лесу, пень и колдовской Тарусов кинжал. Когда они оборачивались

волками. Но здесь пня не было, был меч Таруса, но Вишена осознал это, уже кувыркаясь через ухватистую рукоятку. Он уже приготовился спиной плюхнуться в пропитанный влагой мох, но неожиданно легко крутнулся в прыжке и стал на ноги.

Точнее, на лапы.

Меч выпал из Его ладони, когти скользнули по вороненой гарде, на миг заслонив горящие зеленым руны. Перед Ним были враги, и их надлежало убить.

И Он стал убивать. Хватать низкорослых болотников одной лапой, запускать когти им в живот и разрывать их на две трепещущие половины. Запахло горячей кровью.

Кто-то шарахнулся с Его дороги, прячась за узкой лентой отточенной стали. Но люди Его не интересовали. Только зеленые пучеглазые болотники. Справа рвал чужую плоть Его собрат, горбатая гора, перевитая узлами мышц.

Мир стал тесен. А поэтому всех, кто не с Ним, нужно убить.

И Он убивал. Когтями. Рвал податливые тела и отшвыривал их прочь. В болото.

Скоро жертвы, до которых Он не успел добраться, попрятались. С десяток теней шевелились вокруг Него, но это были не болотники. Но кто? Раньше Он знал их. Теперь же не мог вспомнить.

А потом мох стал дыбом и из-под темной стоячей воды стали вздыматься бугристые коричневые кольца, покрытые остро пахнущей слизью. Там, среди колец, полыхнули желтые немигающие глаза, чужие до боли в когтях. Бесконечно чужие. Их можно было только ненавидеть, а ненавидя — вырвать из глазниц с неистовым победным воплем. Он и Ему подобные сражались с такими змеями с начала Миров, и с тех времен впитали жгучую ненависть к этим тварям.

Он не подозревал, что может так ненавидеть. Точнее, не помнил. Присев, Он ринулся в атаку, позабыв об осторожности. Скользкое кольцо захлестнулось на Нем, сдавило так, что затрещали кости, но когти уже пропахали глубокую борозду в теле врага и продолжали вырывать куски плоти. Вот и кость, крепкий хребет, позвонок к позвонку. Сломать его, сокрушить...

Кольцо сжалось сильнее. Он захлебнулся болью и ненавистью, но не ослабил хватки, не разжал когти. Смутное чув-

ство подсказывало ему: уступишь — умрешь. А умирать Он не хотел. По крайней мере первым. Собрав волю в комок, Он мысленно перетек в кончики когтей, удесятеряя их силу. И тогда чужие позвонки под его пальцами отчетливо хрустнули. По длинному коричневому телу прокатилась волна дрожи, одна, другая... Кольцо, едва не раздавившее Его, разомкнулось. И только сейчас Он понял, как ему больно.

Вокруг толпились низкие силуэты в разноцветных одеяниях. От них пахло трясиной, потом и железом. Враги?

Он замер. Пылающие красным глаза ощупали каждого.

— Все, Вишена! Сюда, к мечу! Возвращайся!

Он оглянулся. Собрат Его исчез, превратившись в такую же тщедушную фигуру в сине-желтом плаще. Фигура призывно махала рукой.

Утробный рык потряс болота. Он не хотел возвращаться. Еще не все, кого Он ненавидел, истреблены на болотах. Он чувствовал врагов. Далеко. Значит, нужно идти.

И Он побрел прочь, разбрызгивая густую болотную жижу, обходя ямы, которые чувствовал непонятно как, теряя остатки разума от жгучей боли.

Холодный воздух слегка отрезвил Его.

Глава 9
ЯР

— Проклятие! — воскликнул Тарус. — Он уходит!

Боромир, зажимая колотую рану на левой руке, скрежетнул зубами:

— Что с ним?

Тарус склонился над мечом, торчащим из мха.

— Похоже, он не помнит себя. Турусы-хляби! Я же ничего не спутал, заклятие сработало!

— Что делать? — буднично спросил Славута. Знаменитая секира темнела от вражеской крови.

— Его нельзя упускать!

— Помогите мне встать... — просипел Роксалан. Дементий и Прон подняли чикма-ватажка. Рядом, угрюмо покачивая булавой, стоял Омут.

— Палеха они утянули... — процедил Дементий. — Я его так и не достал...

Тарус хрипло скомандовал:

— Славута, Боромир, Омут — за мной! Остальные — стойте тут, ни шагу в стороны! Отдышитесь...

И выдернул меч из болотистой почвы.

Четверка во главе с Тарусом пошла по следу преобразившегося Вишены. Тот шагал невероятно быстро, изредка глухо постанывая.

— Кажется, он ранен, — сказал Славута. — Однако как он того змея рвал...

Подал голос мрачный Боромир, по-прежнему зажимая рану на руке:

— В кого ты его обратил, чародей? Да и себя...

Тарус неохотно объяснил:

— Это испорченное заклятие превращения в медведя. Точнее, измененное. Я его еще никогда не испытывал.

— Считай, испытал, — буркнул Боромир.

Тарус в сердцах воскликнул:

— Не бередь душу, а? И так весело — дальше некуда.

Боромир смолчал.

Они почти бежали. Оборотень впереди обходил топкие места, так что можно было не опасаться угодить в трясину: где прошел он, пройдут и люди.

И вдруг оттуда, где остались спутники, донеслись невнятные возгласы и далекий звон железа. Боромир замер.

— Это еще что?

Хор голосов слаженно заорал: «Аргундор!»

Тарус выругался.

— Кажется, подмога из долины. Только ее не хватало...

На болота опускались сумерки.

— Что делаем? — с тревогой осведомился Славута.

Тарус глянул вослед уходящему Вишене. И увидел две корявые ольхи прямо на тропе.

— Я сейчас! — крикнул он, бросаясь туда.

Омут, Боромир и Славута переглянулись.

— Чего это он? — озадаченно протянул Боромир. Ватагу, понятно, никто не ответил: мысли чародея недоступны простым воинам.

Тарус торопливо возвращался. Лицо его несколько просветлело, и у Славуты отлегло от сердца. Значит, придумал что-то всезнайка-чародей!

— Назад! К нашим! — скомандовал Тарус. — Веди, Непоседа! Вишену я потом призову, вот, глядите, что он на ветках оставил!

В руке чародей сжимал клочок окровавленной шерсти.

И они поспешили назад, не задавая лишних вопросов. Если Тарус сказал, что отыщет потерявшего память Пожарского по клочку шерсти, значит, так оно и есть.

Звон мечей звучал все ближе. Когда они подоспели к месту стычки с болотниками, стали видны воины Аргундора: десятка три панцирников-меченосцев и четверо волчьих всадников. Кондотьеры сбились в плотный круг и как могли отбивались. Славута и Боромир уже настроились на тяжелую сечу; Омут грозно поигрывал булавой. Но с востока одновременно с четверкой, догонявшей Вишену, явился верхом на волке Яр, а спустя некоторое время — отряд песиголовцев.

— Ну, вяжется! — пробормотал Боромир. — Нарочно не выдумал бы!

Силы были примерно равны. Меченосцы оставили попытки окружить отряд и выстроились в ряд, прикрывшись щитами. Крыланы с топорами в руках спешились. Яр приблизился к ним; волк его приседал под тремя тяжело нагруженными объемистыми сумками. Песиголовцы присоединились к кондотьерам.

— Славута, — негромко сказал Тарус дреговичу. — Глянь влево, во-он, среди мха...

Дрегович глянул: там лежал не замеченный никем меч Вишены, на гарде теперь светилась одна из рун, средняя. Тут же рядом валялись ножны и еще какая-то железная мелочь.

— Подобрать?

— А что, этим отдать прикажешь? — ядовито переспросил Тарус. — Я их отвлеку, а ты потихоньку все подбирай...

Кашлянув, Тарус повернулся к строю аргундорцев и громко сказал:

— Яр! Раз уж судьба свела нас, может, поговорим?

Кондотьер в черном взглянул в глаза чародею. Это был уже не тот мальчишка, какого помнили все по родному миру. За годы, проведенные с Саятом в Иллурии, он возмужал и окреп. И не приходилось сомневаться, что теперь его рука надежно держит меч.

Славута потихоньку пятился к оружию Вишены.

— Нам не о чем говорить, — бесцветно сказал Яр. — Я избрал свой путь, и не сверну с него.

— Разве ты не хочешь вернуться домой? — спросил Тарус вкрадчиво.

— А что я там забыл? Опять хворост в лесу собирать да коров пасти? Здесь я — воин, и меня ценят. Мне нет нужды возвращаться.

— Нам нужен твой меч, Яр. И мы возьмем его.

— Попробуйте, — усмехнулся тот. — Только не выйдет у вас ничего. Ваше колдовство на меня не подействует, потому что я служу колдуну посильнее тебя, Тарус. И ты это знаешь.

Тарус промолчал. Увы, это было правдой. А измотанный недавней неожиданно тяжелой стычкой отряд вряд ли без потерь сокрушит незыблемый щитоносный строй. Даже при помощи песиголовцев во главе с Анчей.

— И Книги вам не отнять — они уже за перевалом, в Аргронде. Ты знаешь, Тарус, силу тамошних мечников.

Славута незаметно подобрал вороненый меч, сунул его в ножны, а ножны спрятал под плащ. Взял с влажного мха маленький медный нож с вырезанными на рукоятке словами «Ты нужен».

«Хм! — подумал дрегович. — Поди, тот самый, которым Боромир Пожарского в Андогу вызывал...»

У него самого был такой же.

Здесь же валялась и сумка Вишены. Дрегович, уже не кроясь, поднял ее и бросил маленький нож внутрь.

— Прощай, Тарус. Мы не станем на вас нападать сейчас, потому что я спешу. И скорее всего мы уже никогда не увидимся. Разве что при штурме ваших замков на юге и западе... — негромко сказал Яр и тронул волка.

Тарус молчал. Он ничего сейчас не мог поделать.

Крыланы вскочили на своих черных зверей и направились вослед Яру. За ними медленно отступали пехотинцы. Скоро под луной на болотах остались только те, кто пришел в Иллурию за последние четыре года.

— Ах-ты, ядрена вошь... — сплюнул в сердцах Боромир. — Мы действительно ничего не можем им сделать?

Тарус угрюмо кивнул.

— Но почему? — с жаром воскликнул Дементий.

— Яр вынес из руины Заклинание от Заклинаний. Он защищен от магии руин. А силой его сейчас не взять, — объяснил Тарус. — Не везет нам, однако... Здравствуй, Анча. Можешь ничего не рассказывать, я все знаю.

Купава перевязала руку Боромира и громко спросила:

— Кто еще ранен?

Ей ответили трое чикмов и Озарич. Остальные отделались царапинами. Все, кроме Палеха — тот уже, конечно, мертв. Первый из их отряда в Иллурии. Никто не сложил голову в руинах или при штурме замков — и вот, на болотах погиб один из чикмов. И вдобавок в чужой личине убрел незнамо куда Вишена, бросив свой волшебный меч и товарищей.

— М-да... Сходили к Драконьей Башне, нечего сказать, — проворчал невесело Боромир. Но он редко долго убивался из-за неудач. Что проку? Лучше подумать, как поправить дело. За это и уважали его спутники. — Дальше-то что, Тарус?

Чародей поднял взгляд от болот.

— Дальше? Первым делом отыщем Вишену. Потом вернемся к Тинзкому мосту и узнаем, преуспел ли в походе Йэльм. А потом будем штурмовать Аргундор. Каждый со своим народом. Другого пути у нас нет.

Над ними вдруг пронеслась бесшумная тень, заслонив на миг луну. Кажется, это был один из крыланов.

— Дай-ка меч Вишены, — сказал Тарус дреговичу. — И в дорогу, незачем нам ждать на болотах...

Отряд двинулся на запад, к проливу. Аргундор провожал их злорадной полутьмой лунной ночи.

На сухое они выбрались, когда забрезжил первый свет. Луна села с час назад, и лишь звезды выхватывали из тьмы смутно видимую тропу под ногами. Тарус велел собрать дров и развести костер, а сам сел на жухлую траву и принялся ко-

паться в своей видавшей виды сумке. Клок окровавленной шерсти Вишены-оборотня Тарус не выпускал из рук. Он извлекал из сумки высушенные травы и таинственные снадобья в пузатых пузырьках мутного цветного стекла. Перед ним была расстелена потертая волчья шкура, на шкуру он и складывал все, что появлялось из сумки.

Скоро костер, ожив, запылал на краю болот. Болота шептали, невнятно и глухо, словно сожалея об упущенных жертвах. Люди и песиголовцы чувствовали себя на редкость неуютно, ерзали у костра и поминутно озирались, бросая взгляды на просторы болот. Там, вдалеке, посреди клубящихся испарений, мерцали тусклые огоньки, медленно переползая с места на место. Даже рыдожанин Омут не знал, что это за огоньки, хотя видел их нередко и дома.

Тарус долго выбирал подходящее для чародейства место, прислушиваясь к чему-то внутри себя; потом развел небольшой костерок в стороне от основного, сжег несколько пахучих пучков травы, капнул в огонь из пары пузырьков и смазал воткнутый в землю меч чем-то темным. Пламя костерка окрасилось в зловещий зеленоватый цвет, а руны на лежащем тут же мече Вишены слабо зажглись. Звучали негромкие слова заклятья. Их никто не понял, да и не пытался понять. Чародейство — удел избранных. Спутники Таруса просто сидели поодаль у совсем по-домашнему потрескивающего костра и просили богов вернуть Вишену, верного спутника и храброго воина. Больше ничем помочь они не могли, ибо сейчас было время чар, а не клинков.

Наконец Тарус встрепенулся.

— Услышал! — прошептал он. — Теперь ждем!

Спустя какое-то время он велел погасить основной костер и всем уйти куда-нибудь с глаз долой. Уже рассвело, хотя низкие тучи скрывали красное иллурийское солнце. Люди и арранки неохотно убрели за одинокий пологий холм, у едва тлеющего зеленоватыми искрами костерка остался лишь Тарус.

Вишена появился незадолго до полудня. Его нельзя было не испугаться: массивное, покрытое темной шерстью тело, сплошь в тугих буграх мускулов, могучие когтистые лапы, веч-

но оскаленная клыкастая пасть и маленькие горящие даже в свете дня глазки, не выражающие ничего, кроме ненависти.

— Ну и ну! — прошептал Боромир. — Страшилище... Помните, похожее в личине Омута к нам в селение заявилось?

Тарус что-то негромко говорил оборотню. Долго. Что именно — издалека было не разобрать. То и дело хватаясь за висящие на шее амулеты, чародей указывал то на Вишену, то на воткнутый в землю меч.

В конце концов усилия Таруса вознаградились, оборотень приблизился к мечу, тяжело кувыркнулся над гардой и приземлился на траву уже человеком. Тарус медленно и устало осел рядом с ним.

— Все! — сказал Боромир вставая. — Пошли!

Вишена лежал без памяти, над ним сразу же склонилась Купава. Тарус вяло махнул рукой:

— Пусть отлежится... Сегодня никуда не пойдем. Устал я... Да и отоспаться всем надо.

— Я выставлю сторожей, — сказал Боромир и поискал глазами Анчу. — Одного человека и одного арранка. Так?

Песиголовец согласно кивнул.

Омут снова разводил костер; кто побрел за дровами, редкими тут на краю болот, кто доставал из сумок припасы. Вишену завернули поплотнее в его плащ и уложили у костра. Ран на нем не было.

День прошел быстро. Все отсыпались, пользуясь редкой возможностью, только часовые неслышно бродили вокруг стоянки. От болот, как путники убедились, можно было ждать любой пакости. Ночью вдалеке кто-то жутким голосом выл, чуть не на весь Аргундор. От этих звуков мороз драл по коже, а люди и арранки гадали, не насылают ли на них новых гадов из каких-нибудь мрачных мест. Едва рассвело, все сочли за благо побыстрее убраться подальше от этих гиблых болот.

Вишена очнулся в предрассветной полутьме. Голова была тяжелая, как с похмелья. С ним что-то произошло накануне, но что? В памяти — пусто, сколько ни шарь. Последнее, что отложилось там, — воткнутый в мох клинок Таруса и кольцо невысоких зеленых болотников, настырных и злобных. А вот потом что случилось? Никак не вспомнить.

Вишена приподнялся на локте и с удивлением не обнаружил на поясе верного меча с рунами на гарде. Он тревожно огляделся и увидел меч в ножнах рядом с собой. Тут же, в полушаге, спал Тарус, положив голову на свою походную сумку. Вишена редко видел спящего чародея. Раз или два до сих пор.

Прикрепив меч к поясу, он привстал. Вокруг погасшего кострища вповалку спали люди и песиголовцы, кутаясь в кондотьерские плащи или походные куртки. Оружие все держали под рукой. Всмотревшись в потемки, краем глаза различил часового, кажется кого-то из чикмов. Встал, отряхнув налипшие на плащ травинки, и бесшумно приблизился. Часовой, однако, услышал его или шаги по земле учуял — обернулся тут же. Это был Пристень, хмурый ратник из дружины Роксалана. Вишена его узнал только перед самым походом. Рядом с ним, почти неразличимый на фоне темной земли, сидел на корточках песиголовец.

— Ожил? — спросил Пристень участливо.

— Да, вроде, — отозвался Вишена. — Только я не помню ни синь пороха... Чего было-то? Отбились от этих зеленых?

Пристень опустил голову:

— Отбиться-то отбились... Только Палеха они утопили.

Вишена виновато потупил взгляд:

— Это из-за меня?

Пристень покачал головой:

— Нет, Пожарский, ты-то тут при чем? Наоборот, если б не ты да не Тарус — куда большей бы кровью отделались.

Вишена непонимающе молчал. Вздохнув, Пристень рассказал:

— Чародей себя и тебя в чудищ каких-то превратил... Вы этих зеленых и раскидали, а после ты со змеем сцепился, что из болота вынырнул. Ревели оба — не приведи душу... Кровь из тебя так и хлестала.

Вишена недоуменно оглядел нетронутую одежду и похлопал себя по ребрам — он был цел совершенно, словно и не бился ни с кем.

— Значит, Тарус снова обернул меня волком?

— Каким еще волком? — проворчал Пристень вполголоса. — Помнишь, как под личиной Омута в Андогу страхолюдище какое-то явилось? Которое потом в лесу сожгли?

Вишена кивнул, он помнил.

— Очень похоже. Только ты ростом повыше получился...

— Не помню ничегошеньки, — развел руками Пожарский.

Пристень продолжал:

— Тарус уже назад, в человека обернулся, а ты вдруг спину показал и на болота убрел. Где тебя черти носили всю ночь и половину следующего дня — это я, извини, уж не знаю. Тарус наколдовал что-то, ты и вернулся. Долго вы друг на друга ворчали да рычали, видно трудно было тебя уговорить, а дальше ты через меч Тарусов кувырк! И снова человеком стал. Повалился без памяти, так и лежал до этого часа. Вот и вся история.

Пристень протяжно вздохнул.

Тем временем, путники просыпались. Поднимались, расталкивали сонь; нехитрая поклажа исчезала в походных сумах. Вишену хлопали по плечам, каждый считал своим долгом подивиться его ярости в стычке, и каждый рассказывал что-нибудь новое.

Когда все готовы были в путь, Боромир разбудил Таруса. Чародей просыпался тяжело, бормоча что-то нечленораздельное. Наконец очнулся; первым делом нашел глазами Вишену.

— Ты как? — с нажимом спросил он.

Вишена двинул плечами:

— Нормально. Только не помню ничего. Но мне уже все рассказали. Ты-то как?

Чародей неловко поднялся, должно быть, у него затекли ноги.

— Нормально... Устал правда. Вымотался.

— Пойдем, что ли? — спросил у него Боромир.

И они поспешили к мосту через пролив. Унылые северные пустоши тянулись и тянулись навстречу. Долина Банерона оставалась справа, за неприступной скалистой грядой. Тарус то и дело глядел в затянутое низкой облачностью небо, словно кого-то высматривал. Остроглазый Славута шепнул Пожарскому, что вроде бы видит какую-то птицу, неотступно парящую над отрядом. Вишена не видел ничегошеньки, как ни всматривался. Спросил Урхона, подойдя, но тот тоже не видел. Да и вообще, сказал, арранки видят хуже людей.

Птица отстала, как только они покинули Аргундор, перейдя по серым плитам моста на землю Танкара. Наверное, это был соглядатай печенежского колдуна.

Вдалеке смутно виднелись башни Менелота.

Дорога постепенно отклонялась к югу. Они шли мимо замков, которые совсем недавно пришлось штурмовать. Теперь над башнями развевались бело-голубые флаги, а патрули всадников Лореадора то и дело проносились мимо, приветственно вскидывая узкие изогнутые клинки. В Продиасе пополнили снедью отощавшие сумки и набрали воды.

На Тинзкий мост отряд ступил под мелким дождем. Люди кутались в плащи, арранки напялили капюшоны курток на самые глаза, спасаясь от вездесущих капель.

Тарус глянул с моста: где могли ждать их даты? Не торчат же они под дождем, схоронились где-нибудь, понятно. Но где?

Голос прозвучал откуда-то снизу:

— Хей-я! Мы уж заждались. Спускайтесь, мы здесь, под мостом.

— Ясное дело, — проворчал Тарус. — Как я сразу не понял?

Под мостом горел жаркий костер, промокшие путники окружили его, радуясь, что можно обсушиться и согреться. Похил и Боград с венедами радостно приветствовали земляков, готовые засыпать вопросами. Вишену хлопнул по плечу Хокан, скаля белоснежные зубы. Славута уже толковал о чем-то с Ларсом. Чародей, не мешкая, присел напротив Йэльма.

— Что расскажешь, ярл? Как поход?

Йэльм погладил густую бороду.

— Не скажу, чтобы плохо, колдун. К Оракулу мы добрались почти без задержек, и он нас принял благосклонно. Но сперва дал задание...

— Понятно, — кивнул Тарус. — Нам тоже дали задание. Десятку айагров убить. А вам какое?

— В том-то и дело, южанин. Нам велели идти к Гриффинору, вычистить соседнюю руину и с помощью того, что в ней добудем, поднять Гриффинор из развалин.

Боромир, прислушивающийся к разговору, вставил:

— Гномы не простят, если над Гриффинором взовьются не их флаги...

— Но, — возразил Тарус, — у вас ведь есть один гномий кондотьер. Эспен, если не путаю?

— В том-то и дело, что один, — ответил Йэльм. — Оракул сказал, что замок сумеют поднять только трое. И все — в одном цвете. Я мог бы сделать его желтым, отдать эльфам или людям Сириана. Девятому Народу, наконец, они это заслужили. Но гномы — что скажут они?

— Они разорвут мир и немедля вышлют грифонов, — не задумываясь, сказал Боромир. — То-то в Аргундоре обрадуются!

— Поэтому я ждал, — заключил Йэльм. — И можешь не говорить, что я поступил правильно, я и сам это знаю.

Тарус усмехнулся:

— Ладно, не буду...

— А ваш поход как? — спросил Йэльм с живым интересом. Тарус сразу поскучнел:

— А у нас плохие новости, ярл. Мы опоздали: Книги уже в Аргундоре. И Яра мы встретили, но меч так у него и остался. Кругом неудача... Придется брать Аргундор. По крайней мере долину Банерона, а это почти двадцать замков.

Все умолкли, обдумывая услышанное. Значит, война. Наверное, долгая, потому что Аргундор силен. Да и орки в Хаэнедоре накопили немало войск. И вдобавок обе стороны много чего вынесли из руин, а что могут магические вещи, все уже успели убедиться.

— К Гриффинору горами не пройти, — сказал вдруг задумчиво Гонта. — Только долететь можно. Нужно в гномьи замки сворачивать, за грифонами. И дракон мой где-то там...

— А остальные как? — спросил Боград. — Гномьи грифоны тут не помогут. У Всадников вообще нет ни грифонов, ни пегасов...

— А зачем туда всем отрядом идти? — рассудительно заметил Бролин. — Пусть гномьи кондотьеры этим и займутся. Когда станет ясно, где прячется меч Ледяное Жало, все разойдутся по столицам своих народов. К войне ведь готовиться нужно. Кому по пути — добудет меч.

Тарус поразмыслил:

— Дело говоришь! Так и поступим. А там — совет не за горами, чую. И скорее всего — в Храме Круч... Оттуда на Аргундор удобно выступить...

— Значит, к гномьим твердыням? К Зорану, Крагмортону и Хамару? — спросил Йэльм.

Тарус согласно кивнул:

— Что скажешь, Анча?

Песиголовец шевельнул ушами:

— Вы уже все решили, люди. Мы не против.

Не успев как следует обсохнуть, путники выходили из-под моста. Даты и венеды, да еще Похил, просидевшие в укрытии, втягивали головы в плечи, очутившись под дождем. Остальным было все равно — мокрее они не станут.

Справа, за мутной пеленой мелких капель, угадывались очертания Тинза, самого северного замка Лореадора.

Приторный дым Саятовой трубки еще не выветрился из зала Банерона. Сам шаман сидел за столом, вертя в пальцах длинный орочий кинжал. Напротив него стоял Яр, только что вернувшийся с юга, из-за гряды. Он не успел даже стряхнуть дорожную пыль с одежды и сапог.

— Говори, хиж! — Голос Саята дышал спокойствием, но Яра едва не передернуло: столько в нем было силы. И Яр начал, первое время нетвердо выговаривая слова, но с каждой минутой все больше уверенный в себе.

— На севере я нашел золото, Могучий. В руине крылся волк-оборотень... Убить его не составило большого труда. Я посылал пучеглаза, ты должен знать.

Саят коротко кивнул.

— В Драконьей Башне, куда не проникали уже много лет, никого не было. Совсем. Но я нашел там ларец, его уже доставили тебе. Внутрь я не заглядывал.

— И правильно сделал, хиж! Не твоего это ума дело.

Яр проглотил сказанное без следа раздражения или обиды.

— У Зуба Оррина я встретил бегунка и убил его. В руине тоже нашлось золото. И еще вот это. — Яр опустил на стол тусклый сероватый браслет, удивительно легкий для своих размеров. — Что он умеет, я еще не понял, не было случая.

— Ты встретил урусов, своих друзей?

— Они не друзья мне, Могучий, — осмелился поправить Яр. — Встретил. Хотели отобрать меч, но побоялись нападать. Крода сказал, что все уже ушли из Аргундора. На запад.

Саят криво усмехнулся и встал.

— Не друзья... Это хорошо, что ты так думаешь. — Он на несколько мгновений застыл в раздумье. — Ладно, иди. Тебя позовут, когда ты будешь нужен.

Яр поклонился и вышел, шурша непроницаемо черным плащом.

Некоторое время Саят недвижимо стоял у стола, потом положил на гладко оструганные доски нож и направился в угол. Там стоял столик поменьше; круглую полупрозрачную столешницу держали в пастях три железные змеи, вставшие на хвост. Отливающий фиолетовым ларец стоял на нем. Приблизившись, Саят бережно опустил на крышку ларца обе ладони.

— Вот он, Волшебный Сундук... Мечта Алликас-хана, — прошептал Саят и неожиданно захохотал. Хан казался ему теперь кем-то мелким, вроде десятника в войске.

Осторожный стук в дверь отвлек его от мечтаний. Саят встрепенулся и отнял руки от ларца.

Вошел пехотинец из внутренней стражи, без доспехов, только при оружии.

— Хал Бэйн просит Саята Могучего к себе! Нужно решить дела, не терпящие отлагательств.

— Дела потерпят, — резко сказал Саят. — А Бэйн подождет. Скажи ему, что я занят.

Стражник поспешно выскользнул, едва поклонившись, Саят не стал его окликать. Его ждал Волшебный Сундук со всеми своими тайнами.

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-32С
Внеплановый отчет категории «Гранит», ЬЬ

Объект вынесен из узловой точки сопряжения, полярные координаты СР376/СА002/СС460, и попал в пределы досягаемости корреспондента Саят/С. Активность корреспондента Саят/С в отношении объекта — нулевая.

Конец отчета.

Стены гномьих замков были темно-коричневыми, а башни — невысокими и зубчатыми. Вишена уже видел их, но мельком, когда шли из Храма Равнин. Тогда отряд спешил, и разглядывать было некогда. Теперь же можно было насладиться их гордым великолепием. Мертвые глыбы под инструментами мастеров-камнетесов оживали и воплощались в причудливые фигуры, завораживающие и совершенные. Вишена не мог оторвать взгляд от них, те же, кто видел это великолепие давно и часто, — Боромир, Гонта, Купава — словно и не замечали ничего.

«Неужели и я бы привык? — подумал Пожарский с тоской. — Как же сонен и ленив человек, не всплеснет лишний раз руками, не застынет перед каким-нибудь каменным дивом во второй раз...»

Песиголовцы — и те вроде больше внимания уделяли окружающему, чем люди. Хотя — гномы ведь тоже не люди. Может, поэтому их искусство не всем понятно?

Перед Хамаром, столицей Подземного Народа, стали лагерем. В замок отправились только те, кто носил коричневые плащи, да Анча с несколькими своими арранками. Гномы устроили разборный навес от непогоды, хотя дождь и кончился, вынесли несколько столов и прислали поваров с туго набитыми кожаными мешками. Костры под руками коренастых, заросших длинными бородами крепышей словно сами по себе вспыхнули и горели ровно и ярко, почти не требуя топлива. Жгли гномы не дрова, а маслянисто поблескивающий черный камень. Но уж горел он... Судя по всему, кондотьерский отряд намеревались как следует угостить. Вишена от души веселился: дома, в родном Мире, гостей бы зазвали в селение, посадили бы в лучшей горнице, а тут даже нельзя в чужой замок попасть. Вернее, можно, но тогда весь замок начинает вздрагивать и сотрясаться и все кондотьеры Иллурии орут на тебя, ровно на мальчишку-проказника, переполошившего взрослых.

Невдалеке виднелся соседний замок, Крагмортон; к нему убегала мощенная гранитом дорога, по которой туда-сюда сновали пешие гномы, телеги, запряженные невысокими степными лошадками, а в воздухе беспрерывно пели крылья грифонов. В замках заранее знали о приближении ушедших в

поиск: Вишена наблюдал, как встретились Гонта и его рыжий дракон, специально присланный из Дар-Хозиса. И раньше казалось, что дракон — это не просто нечисть, что он умеет думать и радоваться. Хотя — черти да лешие тоже нечисть, и не глупее людей...

К Грифинору собирались лететь Боромир с Купавой, Эспен, Озарич, Гонта, Анча с двумя арранками и четыре гномьих кондотьера из старых. Вишена только вздыхал: ему тоже хотелось увидеть развалины легендарного замка, но переноситься через непроходимые горы он не умел. Хотел заикнуться Тарусу, мол, обрати, чародей, в сокола или еще кого пернатого, но после истории на болотах Вишена был уверен, что Тарус откажет. Славута тоже ходил кислый.

Чародей куда-то ненадолго исчез, а вернулся верхом на грифоне. Замки прибрежников были не очень далеко, вот и успел лётом-то. Взглянув в глаза Славуте, Пожарский в который раз вздохнул.

Но, видно, есть еще на свете чудеса: зашелестели на ветру крылья, и у замка грациозно опустились несколько летающих коней. На некоторых восседали эльфы-всадники в зелено-коричневых куртках. Среди всех Вишена углядел белый плащ и двух сирианских пегасов, держащихся чуть в стороне. Славута, Ларс и Хокан тотчас убежали к эльфам, а Вишена, разинув рот, наблюдал, как прямо к нему широким шагом идет не кто иной, как Сириан.

— Здоров будь, Вишена Пожарский! — с улыбкой приветствовал его предводитель Белого Воинства. — Как, освоился уже в Иллурии?

— Осваиваюсь помалу, — пробормотал Вишена. — Что на юге? Орки не нападают?

— Притихли, хвала Небу! Хируэт укрепили как следует, мост стережем — мышь не просочится из Хаэнедора. Да и Девятый Народ юго-восток крепко держит!

— Сириан! Вишена! — уже кричали эльфы. — Отлетаем!

— Пойдем! Меня специально прислали увидеть возрожденный Грифинор. Пегасов все равно два, слетаешь со мной. Люди Сириана никогда не пропускали ничего важного в жизни Иллурии, а такое, поверь, не каждый день бывает. Кондотьеров у нас мало, я еле вырвался, а тебя по замкам уже знают,

успел нашуметь, — улыбнулся Сириан. Наверное, он простил Вишене неосторожный штурм Хируэта с молодецким перескакиванием через стены, не глядя на цвета...

Рыжие грифоны уже взлетели, кругами набирал высоту грациозный дракон Гонты. Мрачный великан в желтом стеганом кафтане под кондотьерским плащом что-то втолковывал Йэльму, а рядом с ними топтались когтистыми лапами по камню две чудовищные птицы с крючковатыми клювами и немигающим взглядом. На пернатых шеях виднелась какая-то упряжь, а у основания крыльев — кожаные седла. Поднимали своих грифонов, поменьше размерами, чем гномьи, Тарус и Роксалан; чародей махнул рукой Вишене и унесся ввысь. Ларс и Хокан летели вместе с эльфами, у тех тоже были свободные пегасы.

— Летал когда-нибудь? — деловито осведомился Сириан.

Вишена ошеломленно покачал головой.

— А верхом ездил?

— На лошадях...

— Ну и прекрасно, — заявил Сириан. — То же самое, ничуть не труднее. Вот повод, вот седло, вот стремена... Только за гриву не хватайся, они не любят. Не робей, этот натаскан за моим пегасом летать, почти и править не придется. Держись крепче, да берегись ветра.

Вишена и сам не понял, как оказался в седле. Действительно, почти как на обыкновенном коне, только сидишь у самой шеи да стремена ближе к передним ногам, чем обычно.

Пегас разбежался и раскинул крылья. Ветер туго хлестнул по лицу, толкнулся в плащ и запел. Плащ Вишена тут же подобрал, чтоб не сорвало. Пегас Сириана летел чуть впереди и выше. Земля провалилась вниз, вдруг как на ладони стал виден Хамар, а потом — и Крагмортон, и еще какие-то замки на западе, близкие горы враз перестали казаться высокими и неприступными — так, бугорки какие-то невзрачные и все. Вишена, завороженный, неотрывно глядел вниз, унимая в груди холодок. Внутри все сжалось, но вместе с тем — ликовало и пело. Мысли перепутались, а от нахлынувших чувств так и распирало. Восторг и врожденное недоверие к высоте вдруг слились воедино, накрепко врезаясь в память совершенно ошеломленного Пожарского, никогда не поднимавшегося выше самых высоких деревьев.

Скоро он освоился. Пригнулся к шее, прячась от ветра, но гриву пегаса не трогал, памятуя слова Сириана. Черными точками маячили впереди грифоны, а пара желтоватых птиц держалась чуть правее и ниже. Крылья у них были узкими и длинными, почти и не двигали ими птицы, парили, как чайки в непогоду.

Горы внизу становились все более дикими, кое-где виднелись уже и снежные шапки. Стало прохладно, но Вишена не сказал бы, что мерзнет. Видно, опять оберегал его от студеного воздуха высоты белоснежный тонкий плащ, неразлучный спутник кондотьера, как раньше оберегал от непогоды и аргундорского ветра.

Далеко-далеко, в едва прозрачной туманной дымке, поблескивали воды пролива, за которым лежал Суладор, земля, где он объявился в этом Мире. Сверху Иллурия казалась не такой и большой.

Вишена вдруг задумался: почему никто здесь не знает, что лежит восточнее Хаэнедора и Аргундора? На западе, ладно, море. Хотя тоже непонятно: прибрежники Танкара ведь опытные мореходы, да и варвары Штормового Суладора тоже могли бы и сплавать на запад, за известные воды. Непонятно почему никто даже не задается таким вопросом — а что там, за границей знакомых земель? Не таких, кстати, и необъятных. Воистину, чужой Мир, чужие законы...

Сирианов пегас, мерно взмахивая крыльями, летел совсем рядом, чуть впереди. Ноги он подобрал к животу, а пышный хвост развевался по ветру. Было что-то неправильное в его полете, но Вишена все списывал на магию, потому что больше списывать было не на что.

Глава 10
ГРИФФИНОР

Среди снежных пиков лежала небольшая овальная долина. Скалы окружали ее сплошной неприступной стеной, поэтому попасть сюда можно было только прилетев. У Вишены,

как обычно, возникла шальная мысль: почему гномы, мастера-рудокопы, не проведут сюда подземный тоннель? Наверное, что-то мешает этому, может, расстояние, может, необычайная крепость породы. А скорее всего нечего тут гномам делать: Гриффинор давно разрушен, а руины под ним вычищены Гонтой, так что ближайшие годы тут никто бы и не появился, не выйди лойдяне и их спутники в поиск.

Пегас стал стремительно снижаться. Грифоны гномов и прибрежников уже спустились на просторную ровную площадку перед остатками замка.

Как убедился чуть позже Вишена, площадка казалась ровной только сверху. Ее покрывала густая трава, росшая пучками, отчего почва походила на кочковатое болото. Благо хоть луж не было...

Толкнувшись копытами в траву, пегас перешел с полета на галоп и особым образом сложил крылья на спине, оперев их на всадника. Крылья были совсем не тяжелые, и Вишена решил потерпеть: вдруг так и надо? Летатель из него был, как из сурка рыболов.

Когда его скакун (точнее — летун), перейдя с галопа на рысь, потом на шаг, и вовсе остановился, Вишена облегченно вздохнул. Не то чтобы он испугался полета, но все же чувствовал себя в небе неуютно. Чужим он был там. А оказавшись вновь на земле, повеселел и расслабился. Но не забывал и о том, что предстоит обратная дорога.

Сириан вел своего пегаса под уздцы, словно обыкновенную лошадь. Крылья устилали широкую спину зверя дивной перистой попоной, из-под которой виднелся передний край седла.

— Ну как? — спросил Сириан.

— Здорово! — честно сказал Вишена. — Хотя дух захватывает с непривычки.

— У всех захватывает по первому разу. А потом привыкаешь... Ладно, пошли.

Грифоны, птицы и одинокий дракон отдыхали в стороне. Кондотьеры собрались у ветхих, поросших лишайником камней, в которых трудно было угадать некогда величественные стены гномьего замка. Тарус говорил о чем-то со старыми кондотьерами гномов; здесь же стояли Йэльм, Боромир и Анча.

Славута, Ларс и Хокан нашлись чуть поодаль, наблюдали из-за спин. Вишена пошел к ним, оставив пегаса на указанном Сирианом месте.

— Сейчас начнется, — шепнул Пожарскому Славута. — Запоминай, друже: думаю, будет довольно красиво. Они любят церемонии.

И Вишена обратился в зрение и слух.

Йэльм как раз показывал остальным добытую у Оракула карту. Вишена знал: на ней указана скрытая руина. Судя по карте она была совсем рядом, в сотне-другой шагов от развалин замка. Гномы смотрели то на лист пергамента, то по сторонам, переговаривались, потом один из них указал рукой направление, и все сместились к горам, почти к неприступной скалистой гряде. Некоторое время шли вдоль нее. Остальные кондотьеры, вынужденно пребывавшие в наблюдателях, тянулись следом. Два гнома вышагивали у самой стены, совершенно отвесной, и заглядывали в каждую трещину, в каждую выбоину в темно-сером камне.

Наконец они своротили с помощью еще троих остроконечную глыбу, за которой убегал в толщу скал узкий ход; чем-то это место напомнило Вишене вход в пещеру Рубинового Клада, только никакого черта, высеченного в камне, здесь не было.

«Интересно, чья магия заставила камень ожить и изменить форму там, дома?» — подумал Вишена отстраненно. Ведь у той памятной пещеры рисунок стал другим, когда они вышли из-под земли.

Посовещавшись, трое гномов достали из-за поясов внушительных размеров секиры, сказали что-то на прощание остающимся и один за другим исчезли в темном лазе, более похожем на обыкновенную трещину.

Глубоко вдохнув, Вишена представил себя на их месте. Когда обволакивает обманчивая тьма подземелья и пытаешься угадать, кто ждет тебя во мраке. Ждет, чтобы умереть и отдать, что хранит, или взять твою жизнь и хранить свое сокровище дальше. Рука сама потянулась к верному мечу, а взгляд опустился на гарду. Точнее на руны. Они были темны. Но Вишена помнил, что в руинах они загорались далеко не всегда.

Перехватив вопросительный взгляд Славуты, Пожарский слегка пожал плечами и показал меч. Славута кивнул, непроизвольно поглаживая древко секиры.

Из хода долго не доносилось ни звука. Все ждали, затаив дыхание: любой из присутствующих здесь людей, гномов или эльфов знал, что это — проникнуть в руину. Даже песиголовцы в общем-то знали, иногда помогая кондотьерам, особенно если нечистые прорывались к поверхности.

Вдруг донесся слабый, едва слышный шум, не то крик, не то топот шагов. Но точно не звон оружия. Славута говорил, что железным оружием из обитателей руин пользуются лишь некоторые демоны и почти все бегунки. Остальные уповают на клыки и когти, да еще иногда на магию.

И вдруг из трещины в скале бесшумным облаком выпорхнул призрак. Белесый, бесформенный, точнее — колеблющийся, непостоянный. Он оторопело застыл, почуяв столько живых рядом с собой. Должно быть, он сидел здесь в полном одиночестве долгие годы.

Все схватились за мечи да секиры, растерявшись в первый миг, только Вишена, уже имевший дело с призраком, потянулся к своему поясу. В кончиках пальцев привычно закололо, и Вишена с облегчением выпустил язык Холодного Пламени прямо в призрака.

Однако тот мгновенно перетек на новое место, увернувшись от синеватой струи, на миг застыл, и проворно нырнул в руину. Все произошло очень быстро, никто не успел и ахнуть.

Теперь из трещины донеслись отчетливые голоса: гномы встречали недруга. Чем встречали, Вишена не знал, но призрак этого очень боялся, потому что вновь выскочил на свет, будто ошпаренный. Вишена вторично метнул Пламя и вторично промахнулся. Оставшийся на поверхности гномий кондотьер с любопытством взглянул на Пожарского, оставив в покое свой внушительный топор.

Теперь призраку некуда было скрыться: из хода выступил один из гномов, сжимая в опущенной руке секиру, а вторую руку, с надетым на палец перстнем, выставив перед собой. Сгусток полупрозрачного тумана дернулся в одну сторону, в другую, явно желая скрыться куда-нибудь во тьму, но кругом были

люди. Одного-двух он, наверное, мог бы умертвить, но всех — не успел бы.

И тут его настиг третий удар Холодного Пламени, на этот раз точный. Призрак вспыхнул, словно соломинка в языке огня, и исчез. Резко запахло, похоже на то, как пахнет после грозы.

Гном с кольцом некоторое время неподвижно стоял, глядя прямо перед собой, потом медленно опустил руку. Его товарищи друг за другом показались из полумрака трещины. Один из них держал в руках книгу в покрытом плесенью переплете. Они озирались, видно пытались понять, куда девался противник, вытуренный из подземелья.

— Его нет больше, — сказал гном-кольценосец, засовывая секиру за украшенный драгоценными камнями пояс и запахивая плащ. — Кто-то его сжег.

— Не понимаю, — проворчал гигант в желтом. — Магия ведь действует только в руине.

— Значит, не только, — сказал Тарус рассудительно. — Около руины тоже, изволь убедиться...

— Вот, — произнес гном с книгой и протянул ее сородичу, вид которого не оставлял сомнений в принадлежности к тем, кто приказывает. — Там был только пустой гроб, а в гробу — только эта книга. Больше ничего, мы проверили.

Тарус уже был рядом и тянул руки к книге. Первый кондотьер Подземного Народа (а о том, что это был именно он, недвузначно говорила алая кайма на плаще) после секундного колебания подал ее чародею, однако сам стал рядом, чтобы видеть. Тарус даже чуть присел, чтобы невысокому гному было удобнее. Любопытные тотчас же принялись глядеть чародею из-за плеч.

Пожарский тоже заглянул: ветхие коричнево-желтые страницы сплошь были покрыты непонятными письменами. Читать такие Вишена не умел, а толмач-заклинание делало понятной только живую речь, а не умершую на некогда белых листах.

«Ума не приложу, откуда Тарус знает, как читаются эти закорючки!» — подумал Вишена с легким отчаянием. Объяснение в духе «на то он и чародей» уже не устраивало его, что-то проснулось в еще совсем недавно всем довольной душе во-

ина-тялша и требовало знаний, оказавшись на поверку неугомонным и ненасытным.

Однако Вишена ошибся: Тарус тоже не смог прочесть из книги ни слова. В который раз пришлось убедиться, что побратим-чародей вовсе не всезнайка, что есть предел и его разумению, и в который раз Вишена подивился удивительной выдержке друга, умеющего внушить в трудную минуту землякам-спутникам непоколебимую веру в себя. Осознание этого непосильного груза на плечах Таруса вдруг ошеломило Вишену своей очевидностью и неотвратимостью.

Помог один из эльфов. Он встал рядом с Тарусом и, поминутно тыча пальцем в страницу, стал что-то негромко втолковывать. Тарус понимающе кивал.

— Гляди, Пожарский! — усмехнулся Славута. — Моргнуть не успеешь, чародей-то наш уже будет шпарить по-ихнему, будто всю жизнь умел.

— Да уж, — согласился Вишена и подумал, что в способности впитывать знания им всем далеко до Таруса.

Тем временем гномы, эльф, чародей и несколько особо любопытных уселись прямо на каменную крошку с книгой и видно было, что в ближайшее время их не оторвешь от древних страниц. Остальные бесцельно бродили вокруг или вполголоса переговаривались, то и дело поглядывая на сидящих.

Ветер, гуляющий на высоте, в маленькую долину почти не задувал, зато растаскивал серые громады туч. В редкие просветы иногда заглядывало солнце.

Ждать пришлось недолго: книгочеи поднялись и гурьбой направились к жалким остаткам крепостных стен. Здесь Первый Гном обернулся ко всем и простер руки, требуя тишины. Гомон враз улегся.

— Друзья! — сказал гном звучным грудным голосом, исполненным достоинства и скрытой силы. — Посланцы Семи Народов! Вожди Белого Воинства, людей Сириана!

Сириан сдержанно поклонился, приложив руку к груди. Вишена на всякий случай тоже, а больше никого в белом у Гриффинора не было.

— Могучие жители Штурмового Суладора!

Теперь поклонился гигант в желтом и, следуя местным традициям, Йэльм.

— Славные воины Лесного Народа!

Поклонились эльфы, Славута и даты в зеленом.

— Посланцы мореходов Танкара!

Настала очередь Таруса, Роксалана и двух кондотьеров в желто-синих плащах. Склонил ушастую голову и кто-то из песиголовцев.

— Собратья-гномы и присоединившиеся воины народа арранков! Я обращаюсь к вам и к тем, кого, увы, сейчас с нами нет, — Всадникам Лореадора и Девятому Народу, новым союзникам!

Поклонились все, кто еще не кланялся. Вишену происходящее начало забавлять, но он постарался не выделяться, чтоб никого не обидеть. Тем временем гном продолжал:

— Издавна в этой долине хозяйничали гномы, и все знали силу наших грифонов! До того самого проклятого часа, когда черные драконы прорвали защиту и сожгли замок, обрушив стены и развалив башни. С тех пор наш народ забыл сюда дорогу, разве только храбрый кондотьер по имени Гонта отважился проникнуть в логово уцелевших драконов под развалинами и даже привести нескольких под наши знамена.

Но наступили новые времена, забыта старая вражда между Шестью Народами, появился Девятый, и новые кондотьеры пришли в Иллурию. С ними приходит и новая магия. И я рад, как рад весь наш народ, что эта магия способна вернуть к жизни нашу твердыню. Сделаем же это во имя Неба Иллурии!

Слаженный хор голосов всколыхнул тишину в долине, и Вишена поймал себя на том, что кричит вместе со всеми, хотя недавно еще криво улыбался, так тронула его несколько витиеватая, но, несомненно, искренняя речь гнома-кондотьера.

По знаку Первого вперед вышли двое гномов, ходивших в руину, и Боромир.

— Постойте! — забеспокоился чародей. — Нужно, чтобы среди троих обязательно был хотя бы один, побывавший у Оракула. Среди ваших кондотьеров только один такой — Эспен.

Поразмыслив, Первый сказал: «Хорошо!» — и указал на одного из гномов. Тот сразу отошел в сторону, а его место в тройке занял дат. Напротив встали Тарус и эльф с книгой в руках.

— Вы должны, — негромко сказал чародей, — вместе повторить заклинание, которое мы вам прочтем.

Трое в коричневых плащах одновременно кивнули.

— Начнем же!

И они начали, старательно выговаривая непривычные слова, складывающиеся в понятную фразу.

«Нет, — подумал Вишена о книге. — Это не мертвая речь. Слова умирают, ложась на бумагу, но они в любой момент могут ожить на устах Знающего».

— Взываем к Небу Иллурии, мы, Проникающие-в-руины! Сила руки и сила духа вольются в извечный поток жизни, и ранее умершее воскреснет, и оживет камень, и воздвигнется разрушенное, потому что так велим мы! Хойла!

Земля дрогнула, едва они договорили. Порыв ветра заставил затрепетать разноцветные плащи, а страницы книги зашуршать. Над руинами Гриффинора вставало зыбкое марево, наподобие того, что пляшет над полями в жаркий летний день, и слышался далекий ровный гул.

Широко распахнутые глаза пытались не упустить ничего.

Почва под ногами дрожала непрерывно. А из-под земли, словно стебли ржи, вырастали призрачные стены, темнея на глазах, вставали угловатые башни, возносясь под самые небеса.

Наконец стены сомкнулись и отвердели, башни застыли, и над ними затрепетали серые флаги. Ворота заняли место в арке, земля перестала дрожать, а потом чей-то низкий и глухой голос, доносящийся, казалось, из самых недр, из-под корней гор, тяжко выдохнул:

— Х-О-Й-Л-А!

Тотчас утих ветер. Перед кондотьерами высился замок, стены его были серого цвета.

— Ничейный, — прошептал Славута у самого уха Пожарского. — Никогда доселе не видел.

Первый Гном взялся за топор и негромко сказал:

— Все, кто носит цвета Подземного Народа, — за мной.

И направился к воротам. За ним подались остальные гномы, Боромир и Купава с мечами в руках, Гонта и Озарич, дат Эспен и песиголовцы во главе с Анчей, кроме одного, носящего желто-синий кушак и прилетевшего с кондотьерами прибрежников.

Ворота растаяли, когда до них оставалось несколько шагов. Гномы подняли отточенные секиры, но на них никто не напал. Казалось, воины в коричневом растерялись.

Осторожно, готовые в любой момент отбить удар, они вошли в замок.

Вишена затаил дыхание. Стало так тихо, что явственно слышалось дыхание грифонов, отдыхающих в сотне шагов от замка.

И тут стены замка медленно, словно нехотя, окрасились в коричневый цвет, а флаги над башнями из серых стали рыжими, с гербом-молотком. Наблюдавшие радостно заропотали.

Вскоре гномы вернулись.

— Замок был пуст, — озадаченно сказал один из них. — Мне никогда не доводилось брать ничейные замки, но предания гласят, что их должны защищать воины в сером, которые, умирая, исчезают без следа.

— Я когда-то брал серые замки, — сказал вдруг один из эльфов. — Это было очень давно, и все обстояло именно так, как ты говоришь. Но я никогда не брал замки, поднятые из руин.

— Так или иначе, — торжественно провозгласил Первый Гном, — Гриффинор возвращен Подземному Народу! Разнесите же эту весть по всей Иллурии!

Вишена глянул на Таруса: тот рассеянно улыбался. Странно. Пожарский был уверен, что чародей уже уткнулся в заветную книгу.

Тогда он поглядел на эльфов, но книги не было и у них. Они оживленно переговаривались.

— Эй, чародей, — вполголоса спросил Вишена. — А книга-то где? Там, поди, много интересного есть!

Тарус обернулся к Вишене с таким выражением лица, словно не мог вспомнить с кем говорит. Мысли его были явно далеко отсюда. И это в такой миг!

— Книга? — переспросил он. — Вот она. — И чародей указал куда-то под ноги.

Вишена поглядел. На камнях лежала небольшая кучка грязно-желтого праха.

— Рассыпалась? — спросил сокрушенно Вишена. — Эхма! Упустил, что ли?

— Нет, — сказал Тарус. — Наверное, она сделала все, что могла, и стала нам не нужна.

Подошел Йэльм с картой Оракула. Тарус сразу оживился.

— Ну, ярл? Никак, новости?

— Хей-я! — радостно сказал дат. — Теперь ясно, в какой руине меч Ледяное Жало! Видишь?

Вишена тоже глянул. На карте рдела светящаяся точка — в лесу, в самом сердце Танкара.

— Гм! — промычал Тарус. — Отринутый Склеп. Неблизко, но могло быть и дальше.

Гномы скрылись в Грифинноре, кое-кто из прилетевших уже брел к крылатым, собираясь отлетать. К Вишене подошел Сириан.

— Я уже улетаю. Ты куда отсюда, Вишена? — спросил он дружелюбно.

Пожарский поглядел на чародея и уверенно сказал:

— В Танкар.

— Ладно. Когда пегас станет тебе не нужен, скажи ему «Джа!», и он вернется в Мартос. До встречи.

Сириан повернулся, собираясь уходить.

— Э! — окликнул его Вишена. — Погоди! Ты же говорил, что он натаскан летать за твоим пегасом. Как я его в небо подниму?

Сириан пожал плечами:

— Скажешь ему «Ту-у!», он и взлетит. А потом поводьями... Чтоб приземлиться командуй «Ко-о!». Да не волнуйся, он послушный. Удачи в поиске!

— Спасибо, — пробормотал Вишена.

Рядом возник Славута:

— Эй, Пожарский! Пошли. Тарус сказал, что нас ждет Танкар.

— Ждет, — вздохнул Вишена. — И я даже знаю зачем ждет.

Оглянувшись на поднятый из развалин Грифинор, Вишена зашагал к своему пегасу, твердя в уме команду взлета.

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-32С
Внеплановый отчет категории «Гром», ЬЬЬ

При участии корреспондента Тарус/Т задействована программа стейтор-регенерации с элементами коррекции естественного хронопо-

ля. Согласно инструкции 001-бис, подраздел 2-1, произведена встречная коррекция с целью уничтожения документации.

Корреспондент Саят/С в отношении объекта активности не проявляет.

Конец отчета.

Глава 11
К ОТРИНУТОМУ СКЛЕПУ

Обратный перелет через горы дался Вишене легче, чем можно было ожидать. Пегас и вправду оказался смирным, повода и команд слушался, а в остальном на седока обращал не больше внимания, чем сом где-нибудь в омуте под корягой на крик петуха в селении. Навстречу то и дело попадались караваны грифонов с поклажей — летели обживать обновленный Гриффинор.

Снижались уже в темноте, ориентируясь по кострам у Хамара. Гномы все-таки устроили оставшимся кондотьерам угощение, под навесом слышались песни и смех. Вишена предвкушал обильный ужин, но пегаса торопить не смел. Мало ли что, может, они и брыкаться умеют... Неровен час слетишь, до земли саженей двести, костей точно не соберешь. Лучше уж потерпеть.

Зато потом он вознаградил себя сполна: и за долгие часы у Гриффинора, и вообще за последние недели скитаний по Иллурии. Эту ночь решено было отдыхать и предаваться веселью, толковать думали днем, как отоспятся все.

Похрапывал люд долго, солнце давно встало, когда зашевелились под навесом первые очнувшиеся. Гномы снова хлопотали у костров; наверное, хотели отблагодарить пришельцев за восстановленный замок, ибо здешние кондотьеры до такого даже додуматься не сумели.

Ночью тучи окончательно разогнало, и теперь бледную голубизну иллурийского неба нарушала только дымка над горами. Вишена полюбовался на далекие пики, дивясь, что еще

вчера проносился над ними на невообразимой высоте. Потом взглянул туда, где вчера оставил трудягу-пегаса, чувствуя легкий укол совести: покормить небось зверюгу нужно было, еще вчера! Но увидел, как рослый пехотинец — человек в одежде цвета Народа Гномов хлопочет у следящей башенки. Вокруг валялись на траве грифоны, именно валялись, лениво подставляя солнцу округлые животы. Пегасы — эльфийские и Вишенин — мирно склонили головы к специальной продолговатой кормушке, и вид имели вполне довольный, а чуть поодаль рвали когтями и клювами розоватые куски мяса давешние птицы желтых суладорцев.

«Хоть с этим порядок, — подумал Вишена неохотно. — А пива я вчера малость перебрал. Зажадничал, сколько без пива шатались, потому и зажадничал...»

Голова слегка гудела, как крынка на ветру.

Приземистый гном с усмешкой протянул ему большую кружку.

— Испей, — сказал он басом. — Полегчает...

Вишена испил и действительно быстро ожил. Пиво было слабее и легче вчерашнего, и вдобавок оно было светлым.

— Уф! Спасибо, доброе питье у вас!

Гном вежливо поклонился и вернулся к хлопотам у костра, поставив предварительно на стол бадью с пивом и несколько деревянных кружек.

Просыпались спутники-кондотьеры, песиголовцы, слышалась разноголосая речь, одинаково понятная всем.

Вскоре из Хамара пришли Боромир с Гонтой и Озаричем. Чародей, уткнувшийся с утра в какую-то гномью летопись, поднял голову.

— Выяснил? — спросил он напрямик.

Боромир кивнул:

— Совет назначен в Храме Круч, он начнется через двенадцать дней. Если чьи-нибудь посланцы не успеют — не станут начинать, дождутся. Но просили всех не задерживаться.

Тарус отложил летопись и встал:

— Тогда нам нельзя терять времени.

Гномы как раз накрывали на стол.

— Но уж поесть на дорожку мы не преминем, — заявил Боромир, подмигивая.

За обедом спорили.

— Надо слетать к Отринутому Склепу. Быстрее обернемся, как раз к совету поспеем, — сказал Роксалан. — Пока грифоны есть.

— А Боград? — напомнил чародей. — Мне он нужен будет там, у руины.

— Зачем? — оживился Славута.

Но Тарус лишь отмахнулся:

— Увидишь...

Славута покорно замолчал, взявшись за пиво.

— Я могу верхом отправиться, — предложил Боград. — Вы, конечно, меня обгоните, но до леса я точно доскачу. На обратном пути и перехватите. Какая разница где его накачивать — у самой руины, или ближе к Лореадору?

«Кого накачивать?» — подумал Вишена, ничего не понимая.

Тарус пошевелил бровями.

— А ведь верно! Так, пожалуй, и поступим.

— Кто с тобой? — спросил Боград. — Всем таскаться ни к чему, мыслю.

Тарус согласился. Покивал, обводя глазами обедающих.

— Со мной Боромир, Гонта... Роксалан и Пристень... Вишена... и Славута. Остальные пусть переведут дух. Если мы задержимся, ты, Озарич, отведешь всех к Храму.

— Добро.

Тарус повернулся к Йэльму:

— Ярл, я знаю, что даты не привыкли отсиживаться в стороне, но тут нужна быстрота, а птички вашего суладорца сейчас улетят на юг. Пегасы же есть только у Ларса и Хокана. Надеюсь, ты поймешь нас.

Йэльм с достоинством кивнул:

— Хей-я! Держи карту, южанин. Ларс и Хокан полетят с вами. Но когда все двинутся на Аргундор, Йэльм тоже в стороне не останется.

— Тогда никто в стороне не останется... — тихо сказал Тарус. — Поспешите, други. Сейчас и отлетаем.

Хокан, не проронивший ни слова, с некоторым удивлением подумал:

«Асы, как изменился Йэльм-Зеленый Драккар! Как величественно кланялся Первому Гному, ну точно какой-нибудь южный конунг! Раньше он был другим, неистовым и неудержимым...»

— Ар-рр! — подал голос Анча. — А мы? Я могу слетать с вами, и двое моих арранков тоже. Грифоны есть.

Тарус недолго раздумывал:

— Летите тоже!

Анча обернулся к своим:

— Ирах! Сач!

Двое псоглавых вскочили. У них голос имел только ватаг Анча. Остальные на советах всегда отмалчивались.

Завершив трапезу, Боград, четверо его земляков-венедов и Похил уложили походные сумы и вскочили в седла.

— Встречаемся у Бартела, — сказал Тарус. — В лес не углубляйтесь, не найдем вас в зарослях.

— А если бы и нашли, — ухмыльнулся Боград, — как спустились бы?

Тарус хлопнул себя по лбу:

— Верно... Хотя, там есть поляны.

— До встречи, чародей!

Степняк молодецки свистнул и погнал коня на север. Его спутники умчались следом, и скоро бодрый стук копыт затих вдали.

— Не будем и мы мешкать, — сказал Тарус. — Собирайтесь.

Вишена привычно укладывал сумку. Что-то продолговатое лежало на самом дне, рука то и дело натыкалась на прохладное железо и резьбу на дереве. Нож. Точно, нож.

Вишена достал его — маленький медный ножичек, скорее игрушка, чем оружие, ведь им и ломоть хлеба не отрежешь как следует. На рукоятке — два слова: «Ты нужен».

— Ха! — удивился Вишена. — Я же носил его в сапоге!

Славута, возившийся рядом со своей сумкой, покосился на побратима.

— Это я его в суму бросил. Когда ты на болотах обернулся... этим... — Дрегович неопределенно пошевелил пальцами. — Оружие с тебя так и осыпалось. Не бросать же?

— Спасибо, — вздохнул Пожарский, пряча ножичек в сапог. И подумал: а одежда не осыпалась?

— Пошли, — скомандовал Боромир. — Хватит возиться.

Их провожали все, кто был под навесом, даже гномы-повара.

Вишена погладил своего пегаса, тот спокойно и по-свойски пихнул Пожарского головой.

— Гонта! — крикнул Тарус. — Не гони своего дракона, мы за тобой не поспеем.

— Если что, я подожду вас у руины!

— Добро, но сам не лезь, пока мы не объявимся!

— Понял.

Шумно захлопали крылья. Грифоны, мощно отталкиваясь похожими на кошачьи, только гораздо крупнее, лапами, набирали высоту. Разбегались пегасы Ларса и Хокана, а дракон скользнул в небо вообще без видимых усилий, всплыл, словно рыбешка, оставив землю далеко внизу.

Вишена привязал сумку и вскочил в седло.

— Давай, родимый! Ту-у!

Пегас мощно поскакал вперед, на ходу расправляя крылья. Равнина провалилась вниз, но это зрелище уже становилось привычным. Уплывала назад следящая башенка, гномьи замки, навес, толпа провожающих. Им махали руками и что-то кричали, но что — не разобрать, ветер заглушал. Стала заметной дорога, что тянулась на север, только с высоты ее и можно было различить, цвет не тот, что у окрестных равнин. Пегас устремился вослед грифонам, стараясь не отстать. Чуть впереди Вишены летели Ларс и Хокан, остальные немного оторвались.

Вскоре заметили скачущих по дороге венедов и Похила, те махали руками. Летатели обогнали всадников, направляясь к лесам Ак-Энли. Внизу попадались замки, но Вишена не знал их названий. Справа чаще встречались замки Всадников, слева — гномьи. Потом стал виден пролив, разделяющий Лореадор и Танкар. Равнина оставалась позади. Танкар был холмист, а на севере угадывались сплошные леса. В них хозяйничали лучники, верные Воинам Лунных Заводей. Справа смутно проступали смазанные расстоянием очертания горного хребта, за которым они видели Оракула в облике Базуна.

Заночевали на большой поляне, которую разглядел Гонта, шастая на красавце драконе то вправо, то влево. Дракон летал заметно быстрее грифонов, а о пегасах и говорить нечего, те едва поспевали за спутниками.

Развели костер, натаскали веток. Песиголовцы вручную поймали оленя-двухлетка и, весело скаля зубы, притащили его к огню. Тарус воскликнул: «Эхма, сто лет не готовил!» — и засучил рукава.

— Углей побольше надо! — тоном знатока сказал Славута. — Пожарский, пошли за дровами!

Вишена вскочил; с ними увязался и Хокан.

Они собирали сушняк перебрасываясь шуточками. Общее веселое настроение передалось и им.

— А чего Ларс с нами не пошел? — спросил Вишена Хокана.

Тот удивился даже:

— Он же ярл! Не пристало ему хворост таскать...

— Странные вы люди, — проворчал дреговић. — В походе нет разницы — ватаг или простой воин. Небось оленину трескать будет наравне со всеми. Тарус наш, вон, не гнушается куховарить...

Хокан помолчал. Потом тихо сказал:

— Не я придумывал наши обычаи. И не вам их менять.

Славута пихнул его плечом:

— Да ладно, не серчай. Главное верить друг другу, а я последнее время вам стал верить.

Когда окончательно стемнело, все уже сидели у костра, жадно втягивая ноздрями аппетитные запахи. Лес окружал их, старый и величественный, а все, кроме двух датов, любили лес. Даже арранки, жители дулебских пещер. Но Вишена знал, что раньше псоглавые жили в западных лесах, Урхон рассказывал.

Ухнул вдалеке филин, заскрипело старое дерево. Вишена отошел в темноту и уставился в звездное небо. Рисунок созвездий здесь был и знакомым, и незнакомым одновременно. Словно кто-то могучий неузнаваемо изменил небо, переместив многие звезды. Вот Ковш, только странно выгнутый и с укоротившейся рукояткой. Одно крыло Коршуна стало замет-

но меньше, а второе загнулось назад, и вдобавок у Коршуна куда-то подевался хвост. Рыб вообще стало не узнать.

Вишена вздохнул. Рядом неслышно возник Хокан.

— Любуешься? — спросил он, задрав голову. — Я тоже часто смотрю на небо, если туч нет. Только небо тут чужое. Гляди, Драккар как перекосило...

Вишена поглядел. Драккаром Хокан назвал Быка. Быку действительно было нехорошо, раз он так скорчился.

Они посидели молча. Со стороны костра доносились взрывы хохота и треск сгорающих веток.

— Послушай, Вишена, — сказал вдруг дат. — Я не знаю, долго ли нам еще предстоит сражаться вместе. Наверное, скоро мы расстанемся, добудем мечи и Книги и вернемся домой. Может случиться, что мы больше никогда не увидим друг друга. Я хочу подарить тебе это. На память о Хокане, вместе с которым ты спускался в руины и рубился с орками. Возьми. Я добыл это в честном бою.

Он протянул ладонь. На ней лежал маленький амулет, подвешенный на сыромятном шнурке. Вишена двумя пальцами взял шнурок. Костяная фигурка закачалась перед лицом. Это был старик в длинной накидке и с посохом. На плече у него сидел, раскинув крылья, ворон.

— Он зовется Тенью Мунира. Покажи любому и скажи, что получил его от Хокана Торнсхавна... Тебя никто не тронет в наших водах.

— Спасибо, Хокан, — сказал Вишена, надевая амулет на шею. Потом сунул руку в сапог.

— Не останусь в долгу и я. Гляди. — Он показал дату медный ножик. — Он, конечно, гнется, и отточить его тебе вряд ли удастся. Но он не для того предназначен. Это нож-вестник. Когда одному из нас, воинов-побратимов, требуется помощь, он посылает этот нож ближайшему из друзей. И помощь всегда приходит. Именно так вызвал меня Боромир-Непоседа перед походом за Книгами.

Хокан взял нож, внимательно разглядывая, насколько позволял скудный свет звезд.

— Постой, — сказал он. — Тут что, надпись? Я не умею читать по-вашему. Что тут написано?

— Всего два слова, — улыбнулся Вишена. — «Ты нужен».

Хокан благодарно сжал плечо Пожарского и спрятал нож под плащ.

Они молча посидели рядом. Два воина, едва не сошедшиеся в смертельной схватке на выходе из дулебских пещер и второй раз — в печенежской степи. И оба были благодарны судьбе за то, что она предоставила шанс сдружиться.

Быстрая крылатая тень вдруг заслонила звезды и скользнула к опушке. Вишена насторожился; затаил дыхание и Хокан, тоже заметив гостя.

«Заметит мой белый плащ!» — с досадой подумал Вишена. И вдруг ощутил, что Хокана рядом уже нет. Дат растворился в темноте.

Некоторое время было тихо, если не считать голоса у костра. Потом в полумраке кто-то злобно зашипел, и оглушительно звякнуло железо. Вишена вскочил.

Звездный свет лился с небес, а от костра падали пляшущие неверные блики. Вишена кое-что видел около себя: траву, ветки. Но уже в нескольких шагах предательские сумерки окутывали все. Казалось, его мог видеть всякий, сам же он оставался почти незрячим.

Крылатая тень вновь показалась на фоне звезд. Мелькнула — и исчезла, унеслась прочь быстрее любой птицы. Размеры ее в темноте оценить было трудно.

— Хокан! — позвал Вишена, взявшись за меч.

— Здесь я, — донеслось со стороны леса.

Дат приблизился. Меч его был обнажен, лицо хранило озабоченное выражение.

— Это крылан, — опережая вопрос, сообщил он. — С секирой. Ловок, гад! Увернулся — и был таков.

— Пошли к костру, — нахмурившись, протянул Вишена. — Похоже, нас выследили.

Они поспешили на голоса и пляшущий свет. У костра, конечно же, никого не заметили, здесь царило веселье и благодушие. Даже жаль было сообщать спутникам дурную весть.

— Тарус! — позвал Вишена негромко. — Поди на пару слов...

И отошел в сторону. Тарус отложил нож, вытер руки о тряпицу и приблизился.

— Что-нибудь случилось?

Вишена со значением сказал:

— У нас были гости.

Тарус сразу все понял:

— Кто? Снова крыланы?

— Да. Мы видели одного, но, может, были еще. Хокан пытался его схватить, но тот отбился секирой и сразу же взлетел.

— Где Хокан?

— Тут я, — с готовностью отозвался дат.

— Ты видел его секиру? Был ли на ней какой-нибудь камень?

— Видел, — спокойно ответствовал Хокан. — И камень видел. Красный. Рубин, наверное.

— Рубин, — повторил Тарус задумчиво. — Ладно, пойдем к костру.

При виде озабоченного чародея веселые голоса тотчас смолкли.

— Только что Хокан с Вишеной видели крылана, — сообщил он сидящим у костра. — Значит, Аргундор знает о нашем поиске больше, чем я думал. Следят за нами.

Боромир озабоченно промолвил:

— Они ведь ночью летают, им тьма не помеха... Неужто и тут опередят, вычистят Отринутый Склеп?

— Нет, — покачал головой Тарус. — Они ведь не кондотьеры, просто воины Аргундора.

Подал голос Вишена:

— А почему ты спрашивал про рубин на секире?

Тарус взглянул на побратима, склонив голову набок.

— Во-первых, хотел убедиться старые ли это знакомые. Похоже, что они. А во-вторых, не дает мне покою Яр. Сдается мне, что сломлен он был вовсе не печенежским чародеем, а рубиновым мечом. Печенег только довершил дело. Помнишь, когда рубиновый меч был еще разбит на кинжалы, я призывал тебя избавиться от него? Помнишь, Вишена?

Пожарский негромко ответил:

— Помню...

— Ты отказался, — сказал Тарус. — И вот что случилось.

Возразить было нечего.

— Ночью дежурить надобно, — решил Боромир. — Я первый.

Ужинали в полном молчании.

Когда настала очередь Вишены, до рассвета оставалось совсем недолго. Гонта сказал, чтобы будил всех, как догорит мерная лучина. И добавил, что ночь прошла тихо.

Потом он улегся, а Вишена принялся бродить вокруг спящих, бесшумно ступая по траве. Слабо мерцали угли в кострище, а на опушке мертвенно светились гнилушки и большие грибы на тонкой ножке. Звенели комары, Вишена отмахивался. Лениво сопели у стены леса грифоны.

Вскоре начало светлеть небо. Зубчатые верхушки деревьев все четче прорисовывались на его фоне. Лучина догорала.

Когда достаточно рассвело, Вишена принялся расталкивать спутников.

Они взлетели на рассвете, и кроваво-красное солнце Иллурии сразу стало целиком видно. Ухнула вниз гостеприимная поляна, а навстречу стелился лес.

Пару раз среди чащобы встречались замки с желто-синими стенами. Вишена любовался ими, потому что зрелище было на редкость красивое. Летели весь день, а лес все тянулся и тянулся, изредка вспарываемый короткими полосами просек. Попадались и просторные поляны, на которые могли опуститься грифоны и пегасы. На такой поляне и заночевали, правда, на сей раз все почти сразу устроились спать, лишь наскоро подкрепившись. Выставили, как и в прошлую ночь, сторожей, но крыланы не показались. Может, отстали, а может, стали лучше прятаться. На рассвете отправились дальше.

К полудню встречный ветер посвежел, донося дыхание моря, но вода оставалась еще далекой и невидимой. Вишена удивлялся: летели дольше, чем представлялось вначале.

Пожарский сразу заметил как возглавляющий группу летателей дракон Гонты стал резко снижаться; грифоны, закладывая лихие круги, ринулись к земле. Пожарский пригляделся: внизу тянулась короткая просека.

Осторожно потянув за повод, он скомандовал:

— Ко-о!

Пегас послушно потянул к началу просеки.

Глава 12
ЛЕДЯНОЕ ЖАЛО

Похоже, Вишена начинал привыкать к взлетам и посадкам своего крылатого товарища. Ступив на землю, он огляделся. Грифоны уже улеглись в конце просеки, только дракон, вытягивая шею, помахивал перепончатыми крыльями. Кондотьеры собрались в тесную группу. Вишена бегом поспешил туда же.

Руина была где-то в лесу, неподалеку.

— Я точно не знаю где она. Надо поискать, — сказал Тарус. Потом заглянул в карту.

— По-моему, в той стороне искать нужно, — предположил Роксалан, показывая на юго-запад. — Ближе к Ак-Энли.

— Чего гадать, — проворчал Боромир. — Растянемся цепью да прочешем лес. Проще пареной репы...

Из-за спин показался вечно невозмутимый Анча.

— Ар-р! Я, кажется, знаю, где Склеп. Точнее, я его чую.

Он пошевелил влажным черным носом, держа его по ветру.

— Тогда веди, — предложил Боромир.

— Погоди, — остановил его Тарус. — Нечего там всем делать. Да и с грифонами нужно кого-нибудь оставить. Кто в руину пойдет?

— Я! Я! Я! — послышалось сразу несколько голосов. Тарус поморщился.

— Эй, чародей! Мы с Ларсом вдвоем уже не раз ходили. Вдвоем сподручнее, — подал голос Славута-дрегович.

— Мы тоже, — сказал Хокан. — С Вишеной.

Тарус поразмыслил. Потом решительно заявил:

— Пойдем я, Боромир и Вишена. Ларс, Хокан, один из вас тоже, кто — решайте сами. Ну и Анча, понятно. Остальные останутся здесь. Роксалан, гляди в оба, крылан не зря шастал около стоянки.

Славута разочарованно вздохнул, но перечить не стал.

— Из-за мечей наших такой выбор? — прищурился Боромир.

— Да, — отрезал Тарус. Боромир удовлетворенно хмыкнул.

Ларс взглянул на Хокана и махнул рукой:

— Иди, дат!

Видно было, что ему очень хочется пойти самому, но ярл решил: раз идет Вишена, значит, сопровождать его будет Хокан.

— Двинули! — взглянув на чародея, сказал Боромир и зашагал за Анчей.

Они углубились в густой лес. Здесь росли сосны, ели, береза, еще какие-то незнакомые Вишене деревья. Хвойных было больше. Сухие иглы и умершие листья мягко стелились под ноги.

Анча иногда останавливался и принюхивался, потом снова уверенно шел.

— Вижу, — вдруг сказал Тарус и вытянул руку.

Все взглянули чуть влево. Там, среди деревьев, темнели обломки какого-то строения. Невысокие, примерно по колено, простенки. Рядом буйно рос молодой подлесок — елочки, ольха, еще что-то зеленое и жизнерадостное.

Когда подошли ближе, стала видна квадратная каменная плита, закрывающая ход в подземелье. Походили вокруг, но другого хода не нашли. Плита была тяжелая, насилу ее сдвинули, и то лишь после того как Боромир срубил неподалеку молодую сосну и использовал ее ствол в качестве рычага.

Открылась квадратная дыра; оттуда пахнуло гнилью и затхлостью. Вишена отвернулся и поморщился: лесной воздух был куда приятнее. Хокан встал на колени и заглянул вниз.

— Темно, — сказал он. — Не видать ничего.

— Готовьтесь, други. — Тарус выглядел спокойным. — Вынимайте мечи.

Вишена спохватился и взглянул на гарду. Горела всего одна из рун, но зато очень ярко, видно даже в свете дня. Перевел взгляд на Боромиров меч — у того тоже одна светилась.

— Думаю, там кто-то не слишком сильный, — сказал Вишена, извлекая меч на волю. — Пошли, что ли?

— Нам вдвоем идти? — на всякий случай спросил Непоседа.

— Втроем, — ответил Тарус. — С Хоканом. Я спущусь и побуду у выхода, а Анча покараулит наверху.

— Ладно, — выдохнул Боромир и первым прыгнул в квадратную дыру. За ним полез Вишена, после — Хокан. Внизу было трудно даже выпрямиться во весь рост, нависал влажный потолок. Глаза постепенно привыкали к полутьме.

— Вон ход, — заметил Хокан. — Узкий какой...

В глубь подземелья вел низенький коридорчик, более похожий на щель. Вишена приблизился и заглянул: там клубилась плотная тьма.

— Темно, — пожаловался Боромир. — Факел зажечь бы...

Тарус, уже спустившийся, крикнул Анче, и тот принес несколько смолистых веток. Их рассовали за пояса; одну подожгли, ее взял Боромир и без промедления полез в тесный ход. За ним Вишена подтолкнул Хокана, а сам пошел последним, потрогав на всякий случай колдовской пояс. Тот спал, не отзываясь на прикосновения.

Ход несколько раз свернул, потом стал резко спускаться, но спускался недолго. Боковых ответвлений они не встретили совсем, зато несколько раз попались круглые тоннели-шахты, отвесно уходящие вверх. Но они вели не на поверхность, потому что света люди не увидели.

Так они шли еще довольно долго. Руна на вороненом мече горела все так же ровно. Вишена изредка оглядывался, но позади смыкалась непроницаемая тьма, и разглядеть там что-либо было выше человеческих сил. Они находились на небольшой глубине, но вверху вполне мог быть и еще один ярус, и Вишена подумал, не пора ли им вернуться да попробовать взобраться по стволу одной из вертикальных шахт. Но почти в то же мгновение ощутил, что следом за ними кто-то крадется.

— Стоп! — прошептал Вишена.

Боромир с Хоканом послушно замерли, вопросительно повернувшись к нему. Вишена знаком указал туда, откуда они пришли.

— Кто там? — спросил Боромир, ничего не разглядев.

Вишена молча пожал плечами. Откуда он мог знать? Просто чувствовал: во тьме кто-то кроется. Наверное, то же почувствовали и спутники, потому что Боромир протянул Пожарскому факел.

— Пойдем взглянем.

Вишена взял смолистую ветвь, небольшой кусочек хода осветился, а мрак, казалось, отполз подальше и стал еще плотнее. В сырой пыли на полу четко отпечатывались их следы. Только их — других следов не было.

В узком ходе разминуться не получалось, поэтому пошли в обратном порядке: Вишена, за ним Хокан и последним Неповеда. Уже через десяток-другой шагов наткнулись на чужие следы, напоминающие отпечатки больших ладоней с короткими кривыми пальцами. Они накладывались поверх людских следов, одна цепочка к ним, вторая от них. Еще несколько шагов к выходу — и следов стало больше, преследователи тоже шли гуськом. Так, разглядывая странные отпечатки, люди вернулись к ближайшей вертикальной шахте. Судя по количеству отпечатков в грязи под ногами, чужаков за ними ходило семеро. У шахты следы обрывались, словно преследователи взлетели по темной трубе в царящий там непроглядный мрак.

— Что будем делать? — прошептал Боромир, нервно двигая мечом. Вишена знал, что у ватага еще толком не отошла левая рука после стычки на болотах, и поэтому он злится.

Хокан сунул меч в ножны, достал длинный кинжал, украшенный какими-то камнями, и сказал:

— Я поднимусь!

Кинжал он взял в зубы. Вишена с Боромиром подсадили его, дат медленно полез вверх, упираясь руками и ногами в стены шахты. Он негромко пыхтел от натуги, и его, конечно же, сразу услышали. Некоторое время звучало только это пыхтение, потом и оно неожиданно смолкло. Вишена подождал немного и тревожно переглянулся с Боромиром. Но сколько они не смотрели вверх, разобрать ничего не смогли.

Рычание и резкий крик Хокана ударили по напряженным нервам, заставив вскипеть кровь в жилах. В истоптанную пыль под шахтой упал сначала кинжал, а потом тяжело рухнул Хокан. Лицо его пересекала темная полоса. Вишена почувствовал, как его захлестывает тугая волна гнева.

Поток Холодного Пламени пронесся по шахте, сметая все на своем пути, и Вишена злорадно усмехнулся, когда наверху

кто-то пронзительно заверещал. А потом усмехаться стало некогда, потому что сверху горохом посыпались зубатые тела и настало время меча.

В тесном ходе негде было разгуляться, Вишена отступил в сторону выхода, Боромир, мгновенно поднявший дата, насилу протиснул его себе за спину и выставил вперед меч, а факел отвел чуть назад. Недруги были низкорослы, пляска пламени отражалась у них в глазах, тускло белели оскаленные зубы.

Вишене было труднее: нападавшие на освещенном фоне выглядели просто темными силуэтами и никаких подробностей рассмотреть он не сумел. В первые же мгновения ему рассекли кулак и вцепились в локоть левой руки зубами. Взревев от боли, Вишена впечатал зубастого в камень стены и стряхнул. По руке потекла теплая струйка. Меч проткнул сгорбленное тело; освободив оружие при помощи ноги, Пожарский отмахивался от остальных. Хотя какое там отмахивался в тесноте-то? Так, еле-еле поводил мечом из стороны в сторону, чтоб никто близко не подобрался.

«Пламенем нельзя, — сообразил он. — Боромира с Хоканом зацепит. Ах, ты, незадача какая!»

Проткнув еще одного, Вишена снова отступил. В тот же миг нападавшие исчезли, как по волшебству. Видно, вскарабкались по отвесной шахте. Ловкости им было не занимать.

В десятке шагов тяжело дышал Боромир и тихо ругался Хокан, поминая сванов, свиней и врагов какого-то Одина.

— Ты как, Пожарский? — спросил Боромир тревожно.

— Руку прокусили, — сплюнул Вишена зло. — Хорошо еще левую... Что с Хоканом?

— По лицу полоснули, — отозвался тот. — Когтями, что ли... Глаза заливает.

— А ты, Боромир? Цел?

Непоседа прогудел:

— Угу.

Потом добавил:

— Что делать-то?

Вишена уверенно заявил:

— Вверх лезть надобно. Чует мое сердце.

— Ладно, — согласился Боромир. — Держи факел, а я тебя подниму. Как я сразу не сообразил, остолоп...

Он достал памятную коробочку с кнопками, с помощью которой вертел в воздухе тяжеленные валуны и поднимал сразу нескольких кондотьеров на стены, когда штурмовали замки черных в Танкаре. Вишена обрадовался: о способностях этой чудо-коробочки он тоже напрочь забыл из-за событий последних дней.

— Давай я тебе руку перевяжу... Истечешь ведь.

Кое-как остановив кровь Вишене и Хокану, Непоседа отступил от шахты. В тот же миг Пожарский ощутил, как его подхватила могучая сила волшебной коробочки и мягко повлекла вверх. Стены шахты были бугристы и неровны, неудивительно, что обитатели подземелий ловко карабкались по ним. Хлестнув на всякий случай вперед себя пламенем, Вишена вновь взял в руку меч. Раненая рука кое-как держала факел, успевший сгореть только наполовину.

«Что за дерево такое? — ни с того ни с сего подумал Вишена. — Смолистое, наверное, страсть...»

Стены шахты внезапно исчезли, и он оказался на верхнем уровне. Здесь было куда просторнее, вместо узкого и низкого коридора Вишена увидел большую пещеру. Первым делом он начертил обугленным концом факела знак Велеса рядом с округлым стволом шахты, чтоб не гадать на обратном пути — та или не та. Пыль на полу здесь была совершенно сухой и сыпучей.

— Поднимай Хокана, — негромко сказал Пожарский в зев шахты.

Вскоре из темной дыры медленно выплыл Хокан, видеть это было донельзя странно. Шагнув на покрытый прахом пол, дат так же негромко сказал вниз:

— Все!

— Осторожно, знак не затопчи, — проворчал Вишена, поглядывая по сторонам. Хокан зачем-то поднял одну ногу и стоял, словно журавль, уставившись вниз. Потом увидел знак, начертанный Вишеной, и отошел в сторону. Тут появился Боромир, но не утвердился на полу, как друзья, а продолжал подниматься, пока не взмыл к самому своду. Повисев там некоторое время, он опустился.

— Сплошной камень, — сообщил он. — Я думал, шахта поднимается еще выше.

— Куда выше? — развел руками Хокан. — Там же лес.

И в этот миг в пещеру ворвался кто-то бледный, слабо светящийся и явно взбешенный. Вместе с ним пришел странный звук: словно гудела туча комаров-переростков, и от этого звука звенело в ушах. А еще через мгновение Вишена почувствовал непреодолимое желание лечь и умереть. Наверное, он так бы и сделал, но пояс Холодного Пламени вдруг изверг целое море огня, и Вишена, вовремя не направивший его на врага, закричал от дикой боли. Факел вывалился из руки и упал на пол, но не погас, а продолжал гореть, еле-еле освещая подземелье. Рядом кричали его друзья. Но их пламя почему-то не сожгло дотла, побушевало, причиняя невиданную боль, и унялось враз. Тотчас прошла и боль. И желание умереть тоже прошло. Вишена опомнился и сжал свой рунный меч. Если ему и суждено умереть, то в бою, и не от страха, а от ран! Он вдруг понял, что снова кричит, но уже не от боли, а от ярости, и с клинком в руке рвется к светящейся фигуре. Но ярость его длилась недолго: нечистый, что заставлял гореть зеленым руну на гарде, ударил чем-то невидимым. Вишене показалось, что на него на полном скаку налетел всадник. Он был отброшен назад и опрокинулся на спину, затылком крепко приложившись о камень. Правый локоть не встретил опоры, и Пожарский едва не ухнул в отверзнутую пасть шахты. Насилу удержался. Не было мочи даже вдохнуть. Но он видел краем глаза, как Боромир взмахнул мечом. Светящаяся руна прочертила во тьме подземелья зеленую дорожку, и неясная фигура отшатнулась, словно кузнец от снопа искр из горна. Хокан Вишену не заметил. Он вскочил, воодушевленный тем, что волшебство изумрудных мечей явно не по нраву обитателю руины. Ощущение было такое, что его некоторое время обнимал рассерженный медведь: ныла каждая косточка, а в ушибленном затылке горячими толчками бился пульс, отдаваясь во всем теле. Вишена увидел, как нечистый отбросил Боромира и приготовился пасть на него сверху, потому что Боромир тоже не удержался и завалился на спину. Но успел выставить над собой меч, и белесая фигура замерла на какое-то неуловимое мгновение. Вишена тотчас прыгнул к ней и сплеча рубанул.

Белесый был плотнее, чем, скажем, обычный призрак, меч прошел сквозь его тело с некоторым усилием, словно сквозь воду, но все же легче, чем сквозь живую плоть. Нечистый взвизгнул, точно щенок, которого куснули, и проворно обернулся.

И тут Вишена, отскочивший в сторону, угостил его Пламенем. Белесый вспыхнул и глухо заухал; Пожарскому показалось, что огонь только пошел ему на пользу. Боромир уже был на ногах и снова пытался достать вражину мечом. Тот не обращал на него ни малейшего внимания, равномерно надвигаясь на Вишену. Факел на полу стал гаснуть, но теперь подземелье освещал пылающий синеватым огнем нечистый.

Впрочем, факел так и не погас: его подобрал вынырнувший из темноты Хокан. По его лицу вновь текла кровь, и Вишене показалось, что он видит какую-то жуткую маску на Хокане. Дат поднял горящую обычным огнем ветку и метнулся ко все увеличивающейся фигуре, ставшей уже не белесой, а мертвенно-синей. Фигура заметно выросла. А когда Хокан ткнул ее факелом, Вишена ненадолго ослеп от внезапной вспышки. Казалось, от нее расплавились даже камни.

Цветные пятна упорно плясали перед глазами, сколько ни тер их Вишена. Он ничего вокруг не видел, боясь пропустить атаку нечистого, но его никто не трогал.

— Боромир, Хокан, вы целы? — спросил он наудачу.

— Я цел! — ответили голосом Боромира. — Не вижу ничегошеньки.

Хокан отозвался чуть позднее:

— Не скажу, что цел, но жив пока.

Факел, видимо, погас. Белесый либо ушел, либо перестал гореть и светиться. Вдалеке кто-то в ужасе заверещал, ему ответили, потом зашлепали по камню босые ноги, но они удалялись. Вскоре и это стихло. Цветные пятна меркли и тускнели, но Вишена по-прежнему ничего не видел, наверное, просто потому, что в подземелье стало совершенно темно.

— Огниво есть у кого-нибудь? — спросил с надеждой Вишена.

Отозвался с некоторым раздражением Боромир:

— А если бы и было, что разжигать? Ветка сразу не загорится...

— А кора?

— Да выронил я все ветки, — признался Боромир.

— У меня есть одна, — сказал Хокан довольно спокойно. — Но нет огнива.

— Значит, мы остались без света, — констатировал Боромир.

— У меня даже руна на гарде погасла! — с некоторым удивлением молвил Вишена. — Выходит, мы его ухлопали?

— Хорошо бы...

— Уходить надо. — Хокан кашлянул. Послышался треск разрываемой рубахи.

Боромир озадаченно спросил:

— Ты чего?

— Да кровь у меня изо лба хлещет. Глаза режет, жизни нет.

— А-а... — протянул Боромир. — Извини, я забыл.

Они спокойно переговаривались в темноте, уверенные, что на них никто не нападет. Вишена даже понял почему: исчезло то странное чувство подавленности, которое нахлынуло с появлением невиданного доселе нечистого. Да и руны погасли, а уже мечам своим и Вишена, и Боромир доверяли без оглядки. Было время убедиться.

— А кто это был? — спросил Вишена. — Не призрак, точно. Те Холодного Пламени боятся. А этому, вроде, понравилось...

— Зато горячее ему не понравилось, — злорадно вставил Хокан. — Эй, Боромир, ты встречал таких прежде?

— Нет.

— И я нет. Надо будет спросить у старых кондотьеров. Я слышал, в старину нечисть была многочисленнее и злее.

— Куда уж злее, — вздохнул Вишена. — Едва сам ему в пасть голову не сунул... Кабы не пояс мой...

— А у него была пасть? — спросил Хокан с неожиданным интересом. — А то я не успел разглядеть.

Вишена вздохнул.

— Шут его знает! Я тоже не успел.

— Что-то вы разболтались! — заметил Боромир. Похоже, он встал. — Уходить надо, говорили уже.

— А меч? — напомнил Вишена. — Зачем мы сюда лезли-то?

— Как ты его найдешь в темноте, дурья башка? — беззлобно сказал Непоседа. — Вернемся, возьмем факелы, потом и отыщем.

— Ладно, — согласился Вишена. — Хокан, ты как, готов?

— Угу.

— Сейчас, я ход нашарю... — сказал Вишена. — Вы стойте, не приведи Велес, столкнемся, свалится кто-нибудь...

Вишена встал и побрел к месту, где, по его мнению, должна была находиться шахта, осторожно пробуя пол перед собой. Бродил он довольно долго, никак не мог отыскать.

— Скоро ты там? — нетерпеливо осведомился Боромир.

Вишена вдруг наткнулся на что-то лежащее под ногами.

— Ой!

— Чего! — враз отозвались друзья.

— Я что-то нашел!

— Что? — снова хором спросили Хокан с Боромиром.

— Сейчас погляжу... Тьфу! Пощупаю...

Он пошарил во тьме руками. Нащупал что-то на манер решетки, прикрытой какими-то истлевшими лохмотьями, потом шершавую палку, изъеденную впадинами, к которой решетка крепилась. Потом что-то округлое, с отверстиями, и, наконец, зубы.

«Да это скелет! — догадался Вишена. — Ребра, хребет и череп!»

— А, чтоб тебя! — вскочил он с колен.

— Что? Что? — наперебой заволновались спутники.

— Да скелет это! Я не сразу понял, щупал его, словно девку.

— Но в пещере ничего такого не было, когда мы поднялись, — возразил Боромир. — Я сверху увидел бы.

— Я-то тут при чем? — спросил Вишена. — Что нащупал, о том и твержу.

Он сделал шаг, чтобы переступить скелет, и споткнулся обо что-то железно звякнувшее. Нагнулся, и нашарил покрытые тончайшим узором ножны. Дыхание враз перехватило.

Вишена осторожно высвободил кожаный ремень из-под мертвеца, нашарил ребристую рукоятку и потащил клинок из ножен.

Тотчас вспыхнул, разгоняя тьму пещеры, крупный синий камень на гарде меча, а клинок льдисто засиял, даже глаза вновь резануло.

— Ах, ты, хлоп глазами четыре раза навскидку! — изумился Боромир. — Меч?

Вишена полностью достал находку из ножен. Сталь сияла, словно впитала в себя свет луны, никакого фонаря не нужно. И камень сиял, как кусочек неба. Родного неба, не белесого иллурийского, а настоящего, пронзительно-голубого.

— Сдается мне, это и есть Ледяное Жало! Провалиться на месте!

Спутники долго, завороженные, любовались мечом. Он того стоил.

Вернул их к действительности далекий крик, едва доносящийся в пещеру.

— А, проклятие! — засуетился Боромир. — Наши-то ждут! С ума, поди, сходят! Пошли, пошли быстрее.

Он схватился за коробочку-леталку. Ход в свете Жала отыскать было совсем нетрудно. Вишену приподняло и аккуратно увлекло вниз. Потом опустило на влажный пол первого яруса и даже слегка придавило к полу.

— Все! — крикнул Вишена вполголоса.

После непродолжительной паузы шикнул Хокан:

— Да потише ты! И так лоб в крови, еще затылок мне расшибешь.

— Ладно, ладно, не ори, — отмахнулся Боромир беззлобно. — Подумаешь, не угадал...

— Непоседа!! — еле-еле донеслось издалека.

Вишена приложил ладонь ко рту и крикнул:

— Идем!!

Хокан и Боромир уже были рядом.

— Куда идти-то? — спросил ватаг, глядя то вправо, то влево вдоль узкого хода. Вишена взглянул под ноги, на истоптанную грязь.

— Туда!

По мере того как они приближались к выходу, меч постепенно мерк. Когда забрезжил слабый дневной свет, он почти совсем погас.

В зале под квадратной дырой, яркой до боли в глазах после долгого мрака, стояли Тарус, Ларс и Пристень. Вверху виднелась треуглая голова Анчи.

— Здесь мы, здесь, — сказал Боромир, щурясь. — Чего разорались?

— Чего? — переспросил Тарус. — Вас не было четыре часа.

— Сколько? — изумился Вишена. — Четыре?

И покачал головой. Времени он совершенно не почувствовал там, в руине. Совершенно.

— Ладно, — сказал он. — Зато гляди, что мы добыли!

И протянул чародею Ледяное Жало.

Чародей принял меч словно ребенка. Коротко оглядел.

— Он! — выдохнул с облегчением. — Кто там был?

— Леший его знает! — пожал плечами Боромир. — Наподобие призрака, но куда крепче.

Вишена тоскливо взглянул наверх, на свободу.

— Может, полезем уже? Надоели мне подземелья. Сколько мы там сидели, четыре часа? Хватит, поди.

Он подал Тарусу ножны и выбрался из ямы. Глаза все еще слепило от яркого солнечного света. Все выбирались наверх, помогая друг другу. Боромир сдержанно описал все, что случилось, остальные молча, ни разу не перебив, выслушали.

— Наверное, скелет — это последний владелец меча. Сказывали, он путался с черными магами Аргундора много лет назад, — предположил Тарус. — Надо же, Холодное Пламя его не взяло...

Лес шумел и постанывал на ветру, окрепшем к вечеру. Стало ясно, что сегодня уже никуда они не полетят, предстояла ночевка на просеке, невдалеке от Отринутого Склепа.

Все, кто оставался, вскочили, едва они показались из леса. Пересчитав идущих, успокоились: все остались целы. Руина снова не взяла дань людской жизнью.

Глава 13
ТЕНЬ НАД АРГУНДОРОМ

Саят и люди Боромира не зря беспокоились о судьбе Тени, что таилась в Драконьей Башне. Яр ее даже не видел, когда вынес Волшебный Сундук. Останки старой башни были

пусты, Тень исчезла. Но когда она вернулась и не нашла своего сокровища, у Аргундора появился еще один враг. Сгусток мрака с горящим пурпурным взором редко показывался на поверхности, предпочитая скользить под землей, поэтому его появление в Аргронде, ближайшем замке за перевалом, никто из черных так и не успел заметить. Тень пришла ночью, и, опустошив замок, скрылась под землей. Волшебный Сундук был совсем близко.

Неспокоен оставался последние дни Саят Могучий. Предчувствие какой-то крупной неприятности неотступно терзало его. Он даже не стал открывать ларец, бесценный трофей Драконьей Башни, тревога когтями драла сердце.

Предчувствие начало оправдываться около полудня: примчался гонец из Маликора на свесившем язык волке. Могучий немедленно присоединился к Хал Бэйну в главном зале, не скрывая своего настроения. Хмурился и молчал.

Гонец поклонился и коротко высказался:

— Аргронд пуст. Там не осталось никого из живых. Но нападали не люди и не любой из Народов Иллурии, потому что нет крови. Флаг над замком так и остался черным.

— Кого оставили в замке? — спросил Бэйн когда гонец умолк.

— В замке — никого. Но рядом в башенках разместился отряд маликорской тяжелой пехоты. Даже если примчится чужой бегунок, замок он не отнимет.

Бэйн кивнул и в упор взглянул на Саята, как бы говоря: «Это по твоей части!»

Саят понял его с полувзгляда. Нужно было что-то делать.

— Я немедленно выезжаю в Аргронд! Коня к воротам.

Один из стражников дернулся бежать, но Бэйн остановил его.

— Я тоже еду! Поднимай мою охрану!

Стражник растворился в коридоре. Саят хотел каким-нибудь словом успокоить и обнадежить Бэйна, но раздумал. С недавних пор он не считал старого кондотьера ни выше себя, ни даже равным себе.

Перед тем как уехать Саят, секунду поколебавшись, выпустил из клетки пучеглаза и хорошенько напоил его кровью. Маленький крылан преданно запищал и вспорхнул под своды малого зала, где всегда клубился полумрак.

Отряд выехал из Банерона и устремился по мощенной плотно пригнанными друг к другу камнями дороге на юг, к Аргронду. Ощущение чего-то непоправимого накатывалось на Саята, как накатывается на печенежское стойбище степная буря.

На полпути к опустевшему замку Саят вдруг схватился за грудь, остановил коня и соскочил на дорогу.

— Что стряслось, Могучий? — удивился Бэйн. Такого Саята он еще никогда не видел.

Саят дрожащими руками раскуривал трубку, торопясь овладеть чувствами оставленного пучеглаза. Истинный мир постепенно мерк, уступая место призрачным очертаниям огромного для крохи-крылана зала в Банероне. Контуры предметов, что окружали пучеглаза, проступали все четче и четче.

Саят безмолвно велел слуге взглянуть на Волшебный Сундук. Пучеглаз перепорхнул поближе. Трехногого стола более не было: железные змеи ожили и свились клубком на полу; круглая столешница валялась рядом. Сундук лежал тут же на боку, крышка его полуоткрылась.

В зал ворвались трое воинов с мечами и растрепанный арбалетчик без единой стрелы. Они торопливо заперли дверь и потащили к ней тяжелый стол. Но тот, кто пробрался в Банерон, не нуждался в дверях.

Пучеглаз перелетел поближе к окну. Отсюда ему — а значит, и Саяту — весь зал был виден как на ладони. Воины продолжали строить перед дверью завал.

Тень просочилась сквозь пол в дальнем углу, самом темном из всех. С ее появлением, казалось, даже дневной свет померк. Огромные красные глаза зловеще пылали. Один из солдат обернулся и страшно закричал, поскользнувшись и рухнув на каменные плиты. Тень неспешно двинулась к людям. В ее движении скользила неотвратимость. Она убила всех, и того, что пал на колени в безмолвной мольбе, и того, что яростно кромсал бестелесный мрак мечом, и того, что бегал от нее по всему залу. И лежащего арбалетчика тоже. Все, кого Тень коснулась хотя бы краешком, замирали навеки.

А потом она обволокла Сундук и исчезла вместе с ним, уйдя вниз, сквозь камень. В зале остался только пучеглаз — даже ожившие змеи куда-то расползлись.

Но тут Тень вернулась. Отделившись от камня, она медленно придвинулась к крылатому слуге Саята. Тот в ужасе заметался, и всем тельцем ударил в мутное оконное стекло. Брызнули острые осколки, поранив крыло, но пучеглаз был уже на свободе. Опираясь на аргундорский ветер, он сделал круг по двору и метнулся на юг, туда, где ждал Хозяин. Последнее, что увидел Саят его глазами, — два багровых пятна посреди непроницаемого мрака за окном черного замка Банерон.

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-32С
Внеплановый экспресс-отчет

Объект вернулся в узловую точку сопряжения, полярные координаты СР376/СА002/СС460, выйдя из пределов досягаемости корреспондента Саят/С. Пассивность корреспондента Саят/С труднообъяснима, протокол V34 прокомментировать действия корреспондента Саят/С отказался.

Согласно протоколу V34 действия корреспондента Таруса/Т трактуются следующим образом.

Задействовав вариационные цепи ментального ретранслятора усилителя ХА-32С по готовой схеме (см. внеплановый экспресс-отчет изделия ХА-27С, код в архиве JM88), корреспондент Тарус/Т сгенерировал несколько всплесков ментальной волны, после чего, откорректировав естественное эхо по трем полученным точкам, установил координаты объекта с точностью до 40 метров.

Подобные же действия были произведены в отношении импульсного волновода со встроенным лок-резонатором (экспериментальная модель в стадии разработки), экземпляр 2, находящегося в узловой точке сопряжения, полярные координаты СН716/CG389/CL288.

Имеются все основания ожидать корреспондента Тарус/Т в точках с указанными координатами.

Внимание! Последствия применения импульсного волновода со встроенным лок-резонатором непредсказуемы!!!

Конец отчета.

Вечер опускался на просеку, залегая тенями в зарослях ольхи и орешника. В лесу уже сгустились сумерки, послед-

ние лучи заходящего солнца просвечивали сквозь свечки еловых верхушек на западе. Просека упиралась в темно-зеленый ельник и сходила на нет, завязнув в переплетении мохнатых колючих лап. У самой стены деревьев, на некотором отдалении от елей, развели два костра. На одном готовили ужин, у второго грелись, потому что вечера в Танкаре стали прохладными. Вишена грелся тоже: плащ плащом, а живое тепло костра приятнее.

Сапфировый меч Тарус аккуратно завернул в волчью шкуру, извлеченную из походной сумы, и положил у костра, рядом со своим клинком.

— Что ты хочешь сделать с ним? — спросил чародея Вишена. Не шли из головы недавние слова Борада. Зачем-то ведь едет он к лесам Ак-Фарзона?

У костра стихли негромкие разговоры. Всегда, когда Тарус начинал что-нибудь рассказывать, разговоры умолкали, ибо речи чародея уводили в легендарные дни прошлых свершений или в манящие чужие миры. Такое больше услышать было негде.

— Этот меч, как и его близнец Зимний Вихрь, известны в Иллурии очень давно, с самых первых битв за замки. Их всегда окружал ореол магии, не всегда чистой и не всегда понятной. — Тарус говорил размеренно и негромко, ритм его повествования вкупе с некоторой торжественностью в голосе завораживал. — Каждый, кто владел мечом, оставлял в нем частичку себя. Нетрудно понять, что волшебство гномов отличается от волшебства людей. А волшебство людей — от волшебства эльфов. Оно не лучше и не хуже, не сильнее и не слабее, оно просто другое. Наслоения чар придавали мечам самые причудливые свойства, но истинной силы им, как мне кажется, так до сих пор и не придали. Потому что чары эльфов мешают раскрыться чарам людей, и наоборот. Представьте телегу, которую в разные стороны тянут несколько лошадей, — если она и сдвинется с места, толку с этого будет чуть.

— И ты хочешь изгнать из меча бесполезные людям чужие чары? — догадался Славута. — А взамен наложить свои?

— Истинно. Только чары, что будут наложены на Ледяное Жало и, надеюсь, на Зимний Вихрь тоже, не мои. Чары не могут относиться к одному конкретному человеку — они пле-

тутся веками и несут отпечаток сотен и сотен людей. Но отпечаток людей — лишь малая толика их естества. На них влияет мир, звезды, другие чары — да мало ли? Но все, что сможем наложить мы с Боградом, родом из нашего Мира, правда с отметиной Иллурии, потому что мы, побывав здесь, тоже стали другими. Боромир, Славута, Вишена, помните поляну в Чикмасе? Твой меч, Боромир?

— Конечно, — сказал Боромир. — Мне даже кажется, что сила меча год от года растет.

— Правильно, — кивнул Тарус. — И будет расти еще многие годы. Но и владеющий таким клинком меняется, потому что чары, вложенные в сталь, очень сильны. Как может измениться человек от магии клинка, легко убедиться, взглянув на Яра: рубиновый меч сожрал его, как сова куропатку. Не меч был послушен воле человека, а человек исполнил волю меча. Таков удел слабых или неопытных.

— А почему ты хотел оставить сапфировые мечи в Иллурии? — спросил Славута, вспомнив обещание Таруса старым кондотьерам Шести Народов в Храме Ветров.

Тарус помолчал. Потом пожал плечами:

— А что я мог им пообещать?

— Ты их действительно оставишь?

На этот раз Тарус молчал гораздо дольше. Ясно слышалось потрескивание костра.

— Не знаю, — честно ответил Тарус. — Может быть, и нет. Будущее покажет.

— А я считаю — нужно забрать с собой, — сказал Хокан твердо. — Ледяное Жало мы добыли в бою, а не на прогулке. И кровь наша пролилась. Сколько лет они лежали бы в руине недвижимо, забавляя нечисть?

Тарус не ответил. Некоторое время он сидел, неотрывно глядя в огонь, потом достал из-под плаща две карты. Одну протянул Ларсу.

— Возьми! Вернешь Йэльму, хоть она и отслужила свое, потому что Ледяное Жало уже у нас.

Свою Тарус намеревался спрятать откуда достал, но его остановил Боромир.

— Погоди, чародей! — Непоседа даже вскочил. — Огонек!

Тарус взглянул, и глаза его широко открылись. Метка Драконьей Башни снова пылала красным.

— Ничего не понимаю! — воскликнул Тарус. — Раньше карта показывала, что руина у перевала пуста!

Чародей сел и глубоко задумался. Никто не смел потревожить его вопросом. Сидел он долго, наконец оторвался от размышлений и, ни к кому не обращаясь, сказал, словно рассуждал вслух.

— Что ж... Оракул сказал, что будет показывать руину, где кроются Книги. Значит, они вновь в Драконьей Башне. Значит, Тень не побеждена Яром. Запомним, запомним...

Все внимали, разве что не приоткрыв рты. У костра стоял даже вызвавшийся приготовить ужин Пристень.

— Эй, — обычным басом окликнул его Роксалан, когда молчание стало невыносимым. — Мы есть сегодня будем или как?

— Все готово, — отозвался бородач.

За ужином многие спорили, и тема оставалась неизменной: волшебные мечи. Так в спорах и засыпали. Не забыли и об охране на ночь. Вишена, завернувшись в плащ, подумал: «Мой-то меч еще наращивает силу или уже успокоился? Надо спросить у Таруса...»

Но он вдруг догадался, что ответит ему чародей. Даже увидел его лукавую усмешку.

«Это чей меч, Пожарский? Не твой ли, часом? Так кто должен чувствовать его силу, я или ты?»

С этими мыслями он рухнул в темные провалы сна.

Крик выдернул его оттуда; еще не сообразив что к чему, Вишена вскочил и потащил из ножен меч. Первая из трех рун еле-еле тлела во мраке.

— Враги! — зычно басил Роксалан. Наверное, он стоял на страже и кого-то заметил. У ельника хрипло клекотали грифоны.

Проснувшийся Славута навалил в кострище веток и раздул пламя. Сразу стало светлее. Ларс и Хокан устрашающе выкрикнули хором: «Хей-я-а!» и врубились в плотную груду тел посреди просеки. В глубине свалки рычал песиголовец и отчаянно ругался Пристень.

«Крыланы, что ли?» — растерянно озирался Вишена в поисках врагов. Наконец увидел: из леса выскочили десятка два невысоких фигур с ножами и короткими пиками.

«Это те, руколапые из руины!» — догадался он, бросаясь навстречу. Рядом возникли Славута с занесенной секирой и Боромир.

Тело работало отдельно от мыслей.

Меч вышиб кинжал у одного из руколапых и отбил брошенную пику.

«За Ледяным Жалом небось вернулись...»

Руколапый развалился пополам, глухо ухнув.

«А Тарус-то где?»

Нога свалила шустрого коротыша, норовившего пырнуть ножом дреговича, а меч довершил дело.

«Где Тарус-то?»

Кто-то повис на плаще, полуоборот, удар локтем и взмах мечом. На плаще возникло темное, пахнущее кровью пятно.

«Ага, вот он...»

Из леса все валили и валили руколапые, десяток за десятком. Бойцы из них были аховые, но смерти они совершенно не страшились и могли смять отряд просто числом.

Тарус воздел над головой Ледяное Жало. Клинок снова льдисто засверкал, а камень на гарде цвел глубокой синевой. Руколапые вместо того, чтобы отшатнуться, с удвоенной силой поперли на чародея.

— К Тарусу! — воскликнул Вишена. Дрегович и Непоседа поняли его с полуслова и, отшвырнув недругов, метнулись на помощь.

Посреди поляны неистово отбивались от наседающих коротышей даты, песиголовцы и Роксалан с Пристенем.

«Где же Гонта?» — подумал Вишена и тотчас увидел венеда рядом со вставшим на дыбы драконом. Гонта что-то кричал.

Встав в ряд, Тарус, Вишена, Боромир и Славута отшвырнули набегавший строй к лесу.

«Не добрались бы до пегасов», — подумал Вишена озабоченно. Он не знал, сумеют ли те защитить себя. Грифоны-то отобьются, в этом сомневаться не приходилось, а насчет пегасов уверенности не было.

Дракон излил на толпу карликов струю багрового пламени, и ночь огласилась визгом и криками, хотя до сих пор руколапые принимали смерть молча.

— Еще! Еще, Денгирмуш!

Дракон послушно окатил врагов пламенем вторично.

И руколапые тут же дрогнули. А через миг — побежали. Не только пострадавшие от ярости дракона, но и все остальные. Просека быстро опустела, лишь распаленные битвой люди и песиголовцы да трупы остались на месте. Неровно дыша, спутники стянулись к чародею.

— Мы видели этих брисингов в подземельях! — сказал Хокан громко. Вишена понял слово «брисинг» как «карлик», «невысокий человечек или дух».

— Это цверги, Хокан, настоящие цверги! — не согласился с ним Ларс. — Поверь мне.

«Цверг» означало примерно то же, что и «брисинг», только с добавлением понятия «злой». Вишена давно уже не удивлялся способности улавливать смысл чужих слов.

— Не иначе, за мечом приходили, — решил Боромир. — Вот, пропадь!

Небо на востоке начинало помалу светлеть. Близился рассвет.

Подошел Гонта.

— Пегасы ваши целы, — сказал он Вишене и датам. — Денгирмуш их защитил.

— Денгирмуш — это твой змей, да? — спросил Вишена. — Ну и имечко...

Гонта пожал плечами:

— Настоящее свое имя он не сообщит никому. Да и не нужно оно смертным.

Боромир недоверчиво вглядывался в таившуюся в лесу темноту:

— Как бы опять не напали...

— Днем они не нападут, — уверенно заявил Ларс. — Они боятся света, свет обращает их в камень.

— А вдруг это какие-нибудь особенные цверги? — сказал Хокан с сомнением. — Мы не дома, не забывай.

До рассвета уже не ложились, наскоро перехватив вчерашнего, остывшего за ночь даже в углях, варева. И, не медля, под-

нялись в утреннее небо. Свежий ветер с моря уносил едкие запахи подземелий.

Больше их в лесах не беспокоили. Только однажды Вишене показалось, что он видит с высоты летящего над самыми деревьями крылана, но может, это была и крупная птица. Дважды ночевали на полянах, готовые в любой миг вскочить и сражаться, но до этого не дошло. Леса Танкара были вовсе не такими спокойными, как казалось сначала, а злые силы гнездились не только на востоке.

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-32С
Внеплановый отчет категории «Гранит», ЬЬ

Из узловой точки сопряжения (полярные координаты CH716/CG389/CL288) при участии корреспондента Тарус/Т вынесен импульсный волновод со встроенным лок-резонатором, экспериментальная модель в стадии разработки, экземпляр 2.

Последствия применения непредсказуемы!!!

Конец отчета.

Яр проснулся от неясного толчка в сознании. Стояло раннее утро, окрашивая болота в бледные северные краски. Пучеглаз в сумке возился и пищал.

«Чего ему неймется?» — с досадой подумал Яр. Хотелось еще поспать. Но пучеглаз не успокаивался.

Он встал, ощущая неясную тревогу. Что-то изменилось в ближайшем окружении. Не в самом Яре, а именно в окружении. Яр повертел головой, осмотрелся, прислушался.

Болота? Они по-прежнему голы и пустынны. Волк? Спит себе, чутко поводя стоячими ушами. Небо? Оно белесое, как и раньше, никого в нем нет, ни крыланов, ни грифонов, только птицы. А птицы здесь подвластны Саяту. Плащ? Нет, он как и раньше струится с плеч, даже забываешь о нем. Оружие?

Стоп! Вот оно!

Яр обнажил меч. Сталь клинка окуталась еле заметным холодным призрачным сиянием, а в глубине сапфира на гарде ожил тлеющий чуть видно огонек. Сияние на клинке пульсировало, и в такт ему билось сердце Яра, то замирая, то ускоряясь.

Яр присел. Такого с ним раньше не бывало. Этот меч он никогда не чувствовал. Вот рубиновый...

Вдруг выступил холодный пот на лбу. Воспоминания прорывались сквозь непроницаемую завесу тумана, воздвигнутую кем-то у него в душе. Меч, рубиновый меч... А чуть раньше он вспомнил перстень на пальце, тоже с рубином. Похоже, с этим было связано что-то важное в его прежней жизни, которую Яр помнил плохо. Но что?

Он поглядел на таящийся в камне синий огонек. Может быть, он поможет вспомнить? Чувствовать меч было невыразимо приятно, и все его естество радовалось ощущению неодолимой силы, единившей его с живой лентой стали.

В сумке вновь завозился пучеглаз.

— Чего тебе? — встряхнул сумку Яр. — Сиди.

Пучеглаз запищал, и ему ответили таким же писком. Сверху. Яр задрал голову. Над ним кружился крылатый вестник, выписывая неровные кольца. И беспрерывно пищал. Яр выставил руку, приманивая посланца. Тот покружился еще немного и, трепеща крыльями, вцепился в ткань крутки.

— Насад! Насад! — тоненьким голосом повторял он.

Назад. Саят призывает к себе. Не иначе, что-то случилось. Что ж, придется возвращаться на север.

Пучеглаз потребовал крови, и Яр, поморщившись, достал кинжал. На левом запястье не было живого места — только порезы, какие полузажившие, какие совсем свежие.

Миг — и несколько капель крови упали на гарду, на сапфир, окрашивая камень в красное, и Яр невольно вздрогнул. Красный камень на гарде — ключ к его памяти.

Пучеглаз жадно припал к сочившейся кровавой ранке.

Глава 14
ЭХО ЧИКМАСА

Едва показались воды пролива и край танкарского леса, Тарус дал знак снижаться. Грифоны послушно заваливались на одно крыло и начинали кружить, постепенно приближа-

ясь к земле. Грациозно скользнул к земле дракон Денгирмуш, неся на спине венеда Гонту. Затрепетала на ветру грива Вишениного пегаса.

Они опустились на плоской равнине шагах в двухстах от леса. Пролива отсюда было не видать, далековато. Это не с высоты глядеть...

Где-то здесь Тарус уговорился встретиться с Боградом и Похилом. Но ни Похила, ни венедов-всадников видно не было.

— Наверное, они восточнее, ближе к Бартелскому мосту. Или вообще у самого Бартела.

Тарус размышлял недолго.

— Гонта! Слетай, поищи земляков. У тебя змееныш пошустрее наших толстопузых грифонов.

Венед кивнул и умчался в небо. Дракон, казалось, не прилагал ни малейших сил для полета. Словно небо его держало. Остальные разбрелись кто куда. Ларс и Хокан сказали, что сходят к проливу, Прон зарядил арбалет, крикнул Атяша и подался на охоту. За ними увязались песиголовцы Ирах и Сач. Славута просто уселся под одиноким деревом и принялся вырезать очередную фигурку из найденного корявого корня. Вишена наблюдал за его работой. Боромир, Пристень, Роксалан и Анча о чем-то беседовали с Тарусом.

Гонта вернулся совсем быстро, соскочил с дракона и сказал, что Боград со спутниками вот-вот появятся. Они действительно ждали у самого Бартела, прямо у стен.

В полдень прискакали Похил и венеды-всадники. Встретились так, будто и не расставались на несколько дней. Тарус с Боградом тотчас ушли в лес искать подходящее для чародейства место, остальные подсели к Вишене и Славуте под дерево и засыпали их вопросами о спуске в Отринутый Склеп. Вишена рассказывал; иногда вставлял слово-другое и дрегович, хотя сам в Склепе не был. Боромир отмалчивался. Помалу перешли к бою с цвергами и вспомнили виденного еще по пути к Склепу крылана.

Всадники тоже привезли новости: Аргундор высадил большие силы на северо-западном острове прибрежников и на западном побережье Лореадора. Несколько замков пали. Черные засели там, не стали расползаться, видно, решили

зацепиться за уже взятые. Одновременно с этим орки ударили по пограничью Суладора, но там их за пролив так и не пустили. Сириан шлет дружины на помощь Девятому Народу. Совет решили провести пораньше, начало перенесено на послезавтра.

— Войной пахнет, — завершил рассказ Похил. — Настоящей. Мы здесь по паре лет, но большой войны до сих пор не видели, так стычки разрозненные и все. Бывалые люди говорят, что последний раз воевали по-крупному лет двадцать назад, тогда черные начисто выбили Всадников из Танкара, эльфы вынесли варваров Штормового Суладора из прибрежных лесов, гномы пытались вытурить орков из замков вдоль проливов, а мореходы как раз тогда зацепились за тот самый остров на северо-востоке. Сотни две замков тогда поменяли хозяев, а с десяток обратились в руины. Кто знает, угоди мы в те времена, может, многие из нас были бы уже мертвы...

— Палех мертв без всякой войны, — сказал Пристень жестко.

— Разве мы не знали на что идем? — пожал плечами Богуслав. — Не к теще на блины отправлялись...

Вишена с тоской подумал: кому суждено вернуться в родной Мир? Никто не мог ответить на этот простой вопрос. Разве только неумолимое Время.

Тарус с Боградом вернулись под вечер. Только-только пришли от пролива даты; ожидали охотников. Плешивый венед нес на плече гномью секиру. Борода его победно топорщилась. Видимо, они с чародеем давно обо всем договорились.

— Времени мало, — сказал Тарус. — Одна ночь всего. Кроме меня и Богрaда, нужны Боромир, Вишена, Славута, Хокан и Анча.

— Я? — удивился песиголовец. — Ар-р! Мне незнакома людская магия! Мне и наша-то незнакома...

— Ничего. Мы из одного Мира, а это главное. Остальные могут смотреть, но близко подходить не стоит.

Тарус пристально обвел глазами спутников.

— Растянетесь цепочкой вокруг нас. Чтоб никакие крыланы и руколапые не прошмыгнули. И... вот еще что. Происходящее может показаться вам странным... Ни в коем случае не вмешивайтесь, даже если заподозрите неладное. Пока я или

Боград на ногах — значит все идет как надо. А до крайностей авось не дойдет.

— А с грифонами кого оставить? — спросил Роксалан.

— Да куда они тут денутся? — ответил ему Боромир. — Пусть себе отдыхают.

— А пегасов они не сожрут?

— Не сожрут, не переживай!

Тарус отстегнул свой меч — не сапфировый, который тоже был при нем, а старый.

— Кто с нами — отдайте оружие спутникам. Только Вишена и Боромир не отдавайте, ваши мечи понадобятся.

Боград отдал секиру брату, Хокан меч свой — Ларсу, Анчин черный клинок взял Пристень, двое арранков еще не вернулись. Славута со вздохом вручил лунную секиру Роксалану. Меч чародея принял Похил.

— Ну, — вздохнул Тарус, — в добрый час. Сперва мы семеро, а прочие позади, шагах в ста.

— Удачи! — нестройно пожелали воины.

Вишена шел рядом со Славутой, невольно вспоминая тот вечер в Чикмасе. Многое успело потускнеть, но совсем, наверное, так никогда и не сотрется. Шумел ветер в кронах, ветки качались у лица и, тихо шурша, скребли по одежде. Почему-то все молчали, предчувствуя близкие и важные часы.

Идти пришлось долго. Боград уверенно шагал впереди всех, не оборачиваясь и не замедляясь. Вишене даже показалось, что Тарус предоставил ему верховодить. Впрочем, тогда, в Чикмасе, тоже всем заправлял Боград, но тогда и Тарус еще не был сегодняшним Тарусом.

Наконец ступили на небольшую круглую полянку. Бревна со свежими следами топора уже лежали, как и раньше, квадратом, углами к северу, югу, западу и востоку. Два — на траве, два — поверх первых. По бокам от квадрата — две кучи хвороста и рубленых веток. Только стоящего торчком бревна Вишена не увидел.

Тарус неторопливо развел костры. С того мгновения, как пришли на эту поляну, оба чародея сразу же перестали спешить, делали все степенно и обстоятельно. Еще Вишена сообразил, что давно перестал думать о Бограде как о чародее, и совершенно напрасно. Вспомнить поход по родному Миру —

семь напастей, рубиновый меч... Плешивый венед тогда служил опорой Тарусу-всезнайке...

— Хокан! — позвал Боград. Это были первые слова на поляне. — Садись здесь.

Дата усадили в квадрат, где в прошлый раз сидел Боромир, лицом к северу.

«Что же? — несколько удивился Вишена. — Меч ему отдать решили, что ли?»

Раньше он считал, что Ледяное Жало возьмет себе Тарус. Воистину душа чародея — потемки.

— Славута, Анча!

Дреговича посадили на западном углу, Анчу — на восточном. Руки велели держать на бревнах, накрест.

— Боромир! Вишена!

Непоседу поставили на юге, между костром и квадратом; Пожарского — на севере. Хокан, сидя меж бревен, еле заметно улыбнулся ему.

Костры как раз вовсю разгорелись. Тарус переступил через ровный ствол и встал перед Хоканом.

— Держи, — сказал он и подал дату сапфировый меч. — Одной рукой за рукоять, другой за клинок. Закроешь глаза, и ни о чем не думай. Почувствуешь силу вокруг себя, попробуй слиться с ней и с силой меча. Главное, не сопротивляйся. А от злого тебя оградят, есть кому. Лады?

Дат кивнул и тут же зажмурился.

— Славута, Анча. Вы — мост. Постарайтесь слить силу леса с силой железа. Поймете потом, о чем я, главное запомните, вы — мост. И тоже не сопротивляйтесь. Теперь вы...

Тарус поочередно взглянул на Вишену и на Боромира.

— Вы — ворота. Попробуйте почувствовать свои клинки, их силу и ту, к которой они потянутся. Вы сразу отличите ее от прочих, и другую, которую они станут отталкивать. Первую втягивайте в себя, вторую — отгоняйте. Запомните, не щит, отбивающий все, а ворота: своих пропускать, перед недругами — закрываться.

Тарус перевел дыхание.

— Ну а мы с Боградом постараемся всю эту кашу правильно размешать...

Тарус вздохнул.

— Сейчас все это кажется вам тарабарщиной, — добавил Боград. — Но скоро вы поймете, о чем мы толкуем. Все. Начали.

Вишена вдохнул поглубже, выставил перед собой меч и закрыл глаза. Первое время ничего не происходило. Совсем ничего. Потом перед глазами знакомо поплыли цветные пятна, рукоятка меча вроде бы стала теплой, и в следующее мгновение Вишена словно в реку сиганул.

Иллурии не стало. Стало ровное, как поверхность озера в безветренный день, поле странного белого цвета. Перед Вишеной бурлил могучий пестрый поток, струи всех цветов радуги кипели, перемешивались и проносились мимо. Сам он представлял себя отдельной струей, эдаким лучиком нежно-зеленого цвета. Поток никак не показывал, что замечает его.

Потом Вишена-лучик заметил, что зеленых струй перед ним становится все больше, а красные, словно осерчав, уходят в глубину. Мысленно обернувшись, он увидел напротив еще один лучик у другого потока; это, несомненно, был Боромир. На месте квадрата зияла черная яма, посреди которой горела единственная белая точка: то ли Хокан, то ли сапфировый меч.

Вспомнив слова чародеев, Вишена сосредоточился и постарался притянуть все зеленое из потока к себе. Выходило плохо. Но он пробовал вновь и вновь, и стало постепенно получаться, зеленого рядом становилось все больше и больше, поток забурлил, и вот уже всплески зеленого едва не задевают за лучик, тянутся к нему, стремятся...

И вдруг с ревом поток разделился. Все зеленое враз слилось в могучую струю и, выгнув крутую спину, перехлестнуло через Вишену, обрушившись на невесть когда вспыхнувший квадрат. Через Боромира перетекал такой же неистовый поток. Встретившись у квадрата, два потока слились в один, завертелись, все ускоряясь, словно водоворот, словно смерч, торжествующе завывая.

Кто-то направлял этот водоворот. Наверное, Тарус и Боград. Белая точка в квадрате превратилась в белую черту.

Поддерживать зеленый поток оказалось совсем нетрудно, куда трудней было его вызвать. Вишена сообразил, что все его

силы уходят в основном на то, чтобы не дать красным струям попасть себе за спину. Только красным — струи остальных цветов Вишену просто не замечали, словно и не происходило ничегошеньки.

Время исчезло. Исчезло все, кроме пляски разноцветных струй, да еще ощущения неповторимой силы.

В какой-то момент Вишена понял, что начал уставать; черта в квадрате стала ослепительной, обжигающей, а два потока по-прежнему сливались в бурный смерч, что покачивался и приплясывал.

Распалось все в одно мгновение, Вишена вывалился в обычный мир, в лес на поляну, пошатнулся и грохнулся на спину, не в силах устоять. Меч он все так же сжимал в руках, руны на гарде горели ослепительным чисто зеленым огнем. Упал он потому, что ноги в сапогах по щиколотки погрузились в плотную землю. «Словно ветка, что вмерзла в лед», — подумал Вишена ошеломленно. Высвободить ноги оказалось очень непросто.

Боромир тоже не устоял, и сейчас сидел на траве, упираясь руками в землю. Славута, словно захмелевший, покачивался и бессмысленно улыбался, у Анчи дыбом стояла шерсть, а сам он, опустившись на корточки, неудержимо чихал. Хокан неподвижно сидел в квадрате, а сапфировый меч сиял, словно продолговатое солнце с синей точкой у одного из концов. И только Боград с Тарусом выглядели просто безмерно уставшими.

Костры полыхали, как гумно в засуху. Успела опуститься ночь, но на поляне было совсем светло, в основном от меча в квадрате.

Боград закашлялся, а Тарус негромко предупредил всех:

— Отходим... К лесу...

Вишена сначала не понял куда, ведь лес был повсюду, окружая поляну плотной ядреной стеной, но потом сообразил: на юг надобно, за спину Хокану. Упрятав меч в ножны, он на негнущихся ногах побрел за остальными.

У первых деревьев лежало бревно, будто специально оставленное здесь вместо лавки. Все и уселись, как ласточки на жердочке, рядком. Сзади подкрался Роксалан.

— Ну как? — шепотом спросил он. — Мы уж не знали что делать... Вечер прошел, полночи прошло, а вы все сидите. Вокруг так и сверкает, словно черти балуют...

Роксалан частил, глотал слова. Видно, переволновался.

— Погоди, друже, дай отдышаться... — протянул Тарус. — Все получилось.

— А Хокан где? — Чикм, видать, не желал, чтоб они отдышались.

— Там сидит. Его нельзя трогать.

— Да? — всполошился Роксалан. — Пойду скажу, там Атяш с Проном, как бы не сунулись на поляну...

Чикм торопливо убежал, огибая открытое место. Пришли Похил с Пристенем и Гонтой и тоже уселись на ствол-лавочку.

Вскоре костры у квадрата из бревен стали медленно гаснуть, стреляя искрами и громко треща. Яркий свет пламени сменился мерцающим рдением углей.

Хокан, держа в руке тускло блестящий меч, пришел с поляны перед самым рассветом.

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-32С
Внеплановый отчет категории «Гром», ЬЬЬ

Корреспондент Тарус/Т, используя аборигенные аналоги антенн-эффекторов, произвел полную зарядку батарей импульсного волновода со встроенным лок-резонатором, экспериментальная модель в стадии разработки, экземпляр 2.

Согласно протоколу V34 ситуация близка к критической.

Конец отчета.

Сервер главного радиуса — на изделие ХА-32С
Рабочая коррекция

Блокада активного вмешательства.
Задействовать протокол V42;
отменить категорию ЬЬЬ;
ввести категорию ЬЬ.

Время перезагрузки: 946-е локальные сутки по основному лучу, 19.00.
Лист перезагрузки согласно протоколу V42.
Метка на исполнение.
Конец.

Глава 15
ХРАМ КРУЧ

Путь по Лореадорской долине был совсем недолгим. Мощенная камнем дорога привела к Зорану, гномьему замку, несколько отдалившемуся от гор. Дальше дороги не было, шли просто по телу равнины, подминая густые травы. Грифонов оставили у Хамара, там же остались пегасы Ларса, Хокана и Вишены. Только дракон Гонты куда-то улетел; венед долго глядел ему вслед. Вишена уже устал рассказывать друзьям, что ждали у гномьей столицы, о всех событиях прошедшей недели — об Отринутом Склепе, о цвергах, о поляне у Бартела и о сапфировом мече. Но его снова и снова просили повторить, и Вишена вдруг понял, что невольно стал добавлять несуществующие детали, что-то менять в рассказе, и вовремя спохватился. А сам подумал: вот так возникают легенды, столь же сильно отличающиеся от правды, как небо от земли.

За Зораном их обогнало посольство Всадников — целая вереница воинов в бело-голубых одеждах на сильных степных скакунах. Впереди ехали несколько кондотьеров из старых. Боград и Похил коротко переговорили с ними, и всадники ускакали вперед.

— У Щага и Продиаса полно аргундорских лазутчиков, — объявил Похил. — Верно, там что-то зреет.

Неясные громады гор маячили слева, на юге, окутанные дымкой. За горами высились стены Гриффинора, и воспоминание о причастности к его возрождению грело многие сердца.

Храм Круч, вопреки названию, стоял на равнине. С трех сторон его окружал насаженный людьми лес, а кручи видне-

лись только со свободной южной стороны. Сюда, на горы, Храм был обращен лицом. На юг убегала и единственная дорога; Боромир сказал, что она потом отклоняется к западу, где стоит на отроге пограничный гномий замок Кармел.

Флаги разных цветов вились перед Храмом. Уже прибыли Всадники, Воины Лунных Заводей и послы Подземного Народа. У белых стен замка было не протолкнуться. Кондотьеры зашли за невысокую ограду, поставленную скорее для красоты, чем для защиты, простые воины остались снаружи. Неумолкающий ни на миг гомон висел во льющемся с гор пахучем воздухе, и Вишене Храм почему-то напомнил пчелиный улей.

С запада приближались посланцы Штормового Суладора — Вишена уже знал, что невдалеке удобная гавань. Прилетели на грифонах два новых кондотьера Девятого Народа; Бролин, Харальд, Херцог и Омут тотчас убежали к ним. Это были настоящие кондотьеры, а не скитальцы по Мирам, случайно занесенные в Иллурию. Из людей Сириана еще никто не появился, и Вишена бесцельно бродил от группы к группе, невнимательно вслушиваясь в разговоры.

«...ни одной пустой руины! Клянусь вам...»

«...только волки. Вот и попробуй отбиться. Да еще почтовых сов сбивают раз за разом, как там орки столько лет держатся — не пойму...»

«...это вам не грифон толстопузый, это куда крепче и быстрее...»

«...полста мечей всего. Не хватит им силы, отобьют замок, как ни жаль...»

«...и потопили оба корабля. Шесть лет мы на том острове сидели, пока не спустились в руину. И что же? Там был выводок длиннокрылов, и они присоединились без боя...»

Вишена бродил, размышляя о странностях Иллурии, Мира вечной войны. Хоть и говорил Похил, что больших битв не случалось уже лет двадцать, что есть, то есть: война в Иллурии лишь затихает, но не прекращается никогда. Какой странный и безжалостный Мир! И вместе с тем — какой несчастный.

Ближе к вечеру у Храма затрубили в рог, сзывали кондотьеров на совет. Значит, уже все собрались. Вишена пошел к

низкой оградке и налетающий с гор ветер шевелил его белый плащ.

Стражи то и дело стучали перчатками о щит, приветствуя подходящих к Храму кондотьеров. Снова были расстелены ковры перед рядом ступенек, взбегающих к сводчатой арке над входом, снова расселись посланцы теперь уже Семи Народов по цветам. Сириан, окруженный несколькими воинами, заметил Вишену и призывно взмахнул рукой. С другой стороны сюда же шли и трое датов в белом. Поздоровавшись, Вишена сел около Сириана. Рядом негромко переговаривались эльфы — много, десятка два. Среди них Вишена разглядел и Ларса, и Гунна с Вервортом, и Хокана, носившего теперь сапфировый меч. Хокан начал привыкать к новому клинку, даже подмигнул Вишене, впервые за два дня.

Дальше разместились гиганты Суладора, потом гномы, Всадники, мореходы и с краешка — шестерка лиловых. Омут задумчиво глядел на высокие пики, подернутые маревом тумана.

Открыл совет Первый Гном, Вишена сразу его узнал. Поприветствовав, как того требовали обычаи, посланцев, он заговорил о деле. Невольно вспомнилась его речь у только-только поднятого Гриффинора — такая же страстная и зовущая.

— Не мне объяснять, как силен сегодня Аргундор. Последние события на побережье Лореадора и на острове Морского Народа — тому подтверждение. Если врагу не дать отпора, он сумеет утвердиться в новых замках, перебросить туда войска и тогда война придет на наши земли. Легко представить, что произойдет дальше. Поднимут голову орки Хаэнедора, они хлынут на запад, и нашим друзьям-южанам придется беспрерывно отбиваться, вместо того чтобы помочь северу, в результате Аргундору будет противостоять меньше сил. Мой народ пока не затронут нападениями, но если отсидеться в замках сегодня, завтра у стен встанут воины в черном, и их будет очень много. Поэтому нужно усмирить Аргундор. Ударить на север, за Щаг и Продиас, выбить черных из Танкара. Затем захватить побережные замки восточнее Тинзкого моста, перебросить войска и штурмовать долину Банерона. Если ударить слаженно, Аргундору пока не хватит сил. Но если мы промедлим и отложим удар, они успеют собрать большую ар-

мию. Думаю, нужно договориться о направлениях удара, а также о том, кому отойдут завоеванные замки. Пока я держу речь от имени севера, уважаемые посланцы Суладора выскажутся несколько позже, о чем уже договорено. Их мы тоже с удовольствием выслушаем.

Первый Гном поклонился собравшимся, вернулся к своим сородичам и сел. Совет проводил его одобрительным гулом. Следующим говорить собрался пожилой коренастый кондотьер в плаще Воинов Лунных Заводей. Он вышел на свободное место перед сидящими и воздел руку, требуя тишины.

— Полагаю, что Народ Гномов предпочтет воевать в горах, потому что умеет это лучше других. Значит, гномьим дружинам нужно сразу идти к аргундорским перевалам. Думаю, к южным, поскольку они ближе. Этим мы добьемся еще и того, что из долины черные не смогут вывести подмогу, если она понадобится где-нибудь вблизи. Даже если они пустят грифонов с всадниками, у наших друзей есть чем их порадовать!

Громкий смех был ответом на его слова.

— Пока гномы будут в пути, Всадники ударят по восточному Танкару — там осталось не так много черных замков и они вполне справятся, тем более что усилиями Ушедших-в-поиск три ключевых замка, и среди них Менелот, уже взяты...

«Нас уже успели наречь! — подумал Вишена. — Но ведь верно, как мы лихо вышибли аргундорцев из их твердынь за Тинзким мостом!»

— Думаю, никто не оспорит право Всадников владеть всем восточным Танкаром!

Совет вновь одобрительно загудел. Особенно громко выражали уверенность кондотьеры в бело-голубом.

— К этому моменту гномы успеют вступить в Аргундор и пройти вдоль гряды к южным перевалам. Всадники перегруппируются и поддержат их на равнине у пролива, потому что черные, без сомнения, предпочтут остановить гномов еще на равнине, чем пустить их на перевал и столкнуться с таким воинством в горах.

Вот тут-то и ударим мы, мореходы. Два флота готовы к отплытию — один высадит воинов на севере, между Зайгонном и Дезертоном, второй войдет в пролив, к Иглару и Темпестону. Долина Аргундора будет осаждена. Что же касается захва-

ченных замков — полагаю, ответ очевиден: долину — гномам, прибрежные замки — нам, а тройку равнинных, конечно, захватят Всадники.

Во всяком случае, мне совершенно ясно, что черным нет места на севере!

Оглушительный шум поднялся после этой речи. Даже стражники за оградой колотили перчатками о щиты и что-то кричали. Вишена заметил, что грифоны у леса беспокойно вертят головами, встревожившись от всеобщего волнения.

Голоса немного стихли, когда поднялся один из Всадников, низкорослый и плосколицый. Он даже выходить не стал, коротко сказал с места:

— Мне нечего добавить к сказанному, как и нечего возразить. Мы готовы выступить немедленно!

Гномы посовещались, и вновь поднялся Первый их кондотьер. Вид у него был слегка озабоченный.

— Нас интересует один из замков Танкара, а именно — Тирфинг. Он стоит у Пепельной гряды, в горах. Всадники же не любят гор. Мы были бы рады утвердиться там.

— Конечно, — негромко процедил Сириан. — Ведь там так удобно выводить грифонов!

Вишена покосился на него, но ничего не сказал.

Некоторое время гномы и Всадники спорили; наконец последним скрепя сердце пришлось принять условия гномов, потому что без них не состоялся бы весь поход — ну кто рискнул бы штурмовать долину Банерона без гномьих легионов, чувствующих себя на горных тропках как дома? А без похода Всадникам не видать и восточного Танкара. Гномы после договора о Тирфинге уселись на ковры чрезвычайно довольные.

— Думаю, самое время послушать юг! — сказал кондотьер прибрежников с места.

Перед советом встал могучий варвар в желтом плаще с алой каймой.

— Воины моего народа собираются отплыть одним флотом, но в пути разделиться. Рукав Суладора доведет нас до самого южного Аргундора, где много лет правят орки; высадимся мы у Хейнала, откуда прямой путь к Турцу и Гимладу. Но часть сил, миновав Казрак, свернет к Адамасту, Ультрану и Цитаделям Льда и Пламени. Хватит оркам там хозяйничать...

Сдержанный гул не успел улечься, а уже собрался говорить высокий эльф. Был он молод или стар, Вишена сказать не мог, ибо эльфы все выглядели молодыми, до тех пор пока не взглянешь им в глаза.

— Мы пойдем лесами, — заявил эльф. — У нас только лучники, и пока флот соседей доберется до Хейнала, первые отряды успеют миновать Трой, Суури, Дуйнот и, наверное, Ильнир. Они поддержат тяжелую пехоту и гигантов Штормового Суладора при штурме волчьих замков. Вторая волна пойдет по Хируэтскому мосту. Здесь мы поможем Лиловому Воинству. Надеюсь, что леса у Барад-Нарана и на восток от Гарома обретут наконец истинных хозяев.

Настала очередь Сириана. Он поднялся и вышел вперед, обведя взглядом слушателей.

— У нас конница и летатели на пегасах. Наверное, незачем нам ждать эльфов с гигантами, мы пройдем до самого Вольферта и Детала с Даркланом. Заодно и прикроем спину гномам у южных перевалов долины. В Хаэнедоре же хватит сил Девятого Народа, чтоб дойти до Барад-Нарана, тем более что эльфы обещали помочь.

Вишена заметил, что юг не стал выяснять, кому отойдут захваченные замки, только эльфы попросили оставить им леса. Это понравилось Пожарскому не в пример больше корыстных устремлений севера.

Кондотьеры еще долго спорили, выясняя малопонятные Ушедшим-в-поиск подробности, и Вишена вдруг подумал: он теперь знает, что это такое — запах большой войны.

От размышлений его отвлек Боромир. Опустив ладонь на плечо Пожарскому, он негромко сказал:

— Отойдем на минутку, друже... Все наши собираются.

Вишена глянул — даты, арранки и отряд Боромира стягивались к восточной площадке над лесом. Тарус о чем-то горячо спорил с Боградом. Рядом с ними стоял Бролин и напряженно вслушивался, глядя то на венеда, то на лойдянина.

— О чем спор? — спросил Вишена, приблизившись.

Тарус поскреб макушку и вздохнул.

— Решаем, как быть дальше.

Вишена простодушно удивился.

— Как так? На Аргундор, с войсками Шес... Семи Народов. Решили ведь уже!

— Так, да не так, — не согласился Тарус. — Книги ведь снова в Драконьей Башне. Зачем нам теперь лезть в долину Банерона? То-то и оно, что незачем.

Пожарский, собравшийся уже было возразить, осекся. Ведь правда! Ни к чему им теперь печенежский колдун. Если только он очередную пакость не устроит...

— Найти Яра и отобрать у него Зимний Вихрь — вот что нужно вперед всего сделать, — уверенно сказал Боград.

— Все равно в Аргундор идти. — Боромир взглянул в глаза чародею. — Даже если в штурм не ввяжемся. И потом: где Яра искать? Сейчас не скажешь. Думаю, идти надо, а будущее покажет.

— Йэльм? — Тарус взглянул на ватажка датов. Тот погладил почерневший в этом Мире меч именем Медвежий Клык, давая понять, что его люди готовы на все.

— Так. Анча?

Арранк пошевелил ушами.

— Ар-р! Мы всюду ходим за вами, люди. Зачем же теперь отставать?

Тарус вздохнул:

— Понятно... И последнее. Боромир, как лучше выступить, своим отрядом или по отдельности, по цветам?

Вмешался Боград:

— А какая разница?

Тарус улыбнулся:

— А разница, друже, простая. Разделившись, мы окажемся растянуты вокруг долины Банерона. А идя сами по себе, не глядя на остальных, придем к Драконьей Башне все вместе и будем готовы к любой неожиданности. И уйти сможем сразу же, если дело заладится.

— Тогда чего гадать? Не станем разделяться, и баста, — отрезал Роксалан. — Так?

Несколько голосов поддержали чикма.

— А как же Семь Народов? Они ведь рассчитывают на нас, — спросил Похил тихо.

— Это не наша война, — упрямо нагнул голову Роксалан. — Мы и так им здорово помогли. И потом: не бросаем

же мы их на краю пропасти! Вон какие рати собрали — разве Аргундору и оркам выстоять против них? Без нас справятся, как пить дать.

— Особенно если отдать перед уходом вещи из руин их кондотьерам, — поддержал ватажка Пристень. — Тогда они точно долину Банерона по камешкам разнесут!

Тарус думал непривычно долго. Прервал его один из стражников.

— Совет желает выслушать вас, Ушедшие! Кто скажет? Ты, Тарус?

«Во, дела, — подумал Вишена отстранено. — Каждый ратник его имя знает...»

Встряхнув головой, Тарус пошел в сторону старых кондотьеров. Он совершил выбор и готовился огласить его остальным. Оглядев вожаков Народов Иллурии, что неотрывно глядели на него, чародей твердо сказал:

— Мы, Ушедшие-в-поиск, пойдем к Аргундорской гряде отдельно от всех. У Драконьей Башни, может статься, поиск и завершится. Тогда мы уйдем из Иллурии навсегда. Но перед этим — сделаем все, что в наших силах, чтобы приблизить победу.

Его слова встретили молчанием, и под это молчание Тарус медленно побрел прочь из Храма.

Вишена вдруг подумал, что чародей никогда не выглядел таким смертельно уставшим.

Послы Семи Народов покинули Храм на рассвете. Пришла пора отправиться в путь и спутникам Боромира. Гномы собирали войско у столицы, следом за ними решили и двинуться. День падал на равнины Лореадора и на горы, расцвечивая их во все цвета радуги. Снова решили не пользоваться скорым шагом, видимо, чтобы не смущать гномов, которых неизбежно обогнали бы. Прижимистые хозяева коричневых замков наверняка пожелали бы немедленно наложить лапу на вынесенные из руин колдовские вещи, ведь Тарус открыто объявил о скором уходе из Иллурии. А колдовство руин еще нужно было отряду. И еще: несомненно, Тарус и Хокан решили не оставлять Ледяное Жало в этом Мире, и заранее обострять отношения с гномами никто не хотел.

Как прибрать к рукам второй сапфировый меч? Вишена думал и не находил ответа. О том же размышлял и Тарус, и Боград. Наверное, именно совпавшие мысли и свели их в голове отряда. Некоторое время шагали молча. Потом подал голос Боград.

— Давай прикинем, что мы можем сделать, чародей. Яра нужно хитростью вызвать в какое-нибудь укромное место. И не пустить туда воинов Аргундора, если они опять пойдут с ним. Думаю, отобрать меч получится только силой.

Тарус кивнул и негромко, ни к кому конкретно не обращаясь, заговорил вслух, словно размышлял:

— Яр у печенега вроде как на посылках, шастает по руинам и добывает разные штуки. Где он может быть сейчас?

Боград вспомнил расположение ближайших к долине Банерона руин.

— На севере, за грядой, у моста через пролив, и на юге — Драконья Башня да Зуб Оррина. Но эти две Яр уже проверял недавно. Думаю, и на севере он уже был. А вот у моста — не знаю. Прошлый раз я там был год назад, но в руину не спускался.

— На севере Яр действительно был, — сообщил Тарус. — Его гномы-летатели видели у Могилы Моллока.

Боград качнул головой, словно бы говоря: «Вот видите!»

— Как зовется руина у моста? Я забыл...

— Так и зовется, — сказал до сих пор лишь вслушивающийся Боромир. — Башня Переправы. Ее не чистили уже лет семь, если только Аргундор не подсуетился.

— Проверим по пути. Правда, старые кондотьеры могут влезть вперед нас, — вздохнул Боград.

Хокан, тоже подтянувшийся в голову отряда, осторожно спросил:

— Слышь, Тарус... Я расскажу, а ты уж сам решишь — к делу это или нет. Ладно?

Тарус заинтересовался.

— Говори!

Хокан поравнялся с чародеем и начал:

— Когда мы, даты, только направлялись к южному Оракулу, в воротах суладорской долины столкнулись с отрядом аргундорских арбалетчиков. Впрочем, мечи у них тоже были.

Мы перебили всех, не потеряв никого. Только Магнусу руку прострелили. Так вот, у них нашлась единственная сумка, где пряталось какое-то крылатое создание, вроде крылана — волчьего всадника, только маленькое. Такое, с перепончатыми крыльями, черное все. Оно повторило последнее услышанное от нас слово, напилось крови Магнуса, что натекла, пока его перевязывали, и улетело, неустанно твердя все то же слово. Короче... я думаю, что это их вестник.

— И ты полагаешь, что, если найти этого или другого вестника, шепнуть ему нужное слово, напоить кровью, он сумеет выманить Яра в нужное нам место?

— Да! — сказал Хокан, гордый своей находчивостью. Но Тарус с сомнением покачал головой.

— А кто сказал, что он полетит именно к Яру? Скорее уж к хозяину своему, колдуну печенежскому.

Хокан сразу поскучнел.

— Но мысль хороша, — подбодрил его Тарус. — Я ее запомню, вдруг и сыграет когда-нибудь. В жизни ведь всякое бывает...

Так ни до чего толком и не договорившись, прибыли к Хамару. Гномы скрылись в замке, а даты, песиголовцы и люди Боромира расположились под уже ставшим привычным навесом чуть в стороне.

— Боромир! Тарус! — сказал Вишена. — Я так понял, мы пойдем пешком, с гномьей дружиной?

— Угу, — промычал Боромир, не отрываясь от кружки с пивом.

— Тогда я отпущу пегаса, — вздохнул Пожарский и направился к недалекой следящей башенке.

Пегас, топтавшийся у стойла с кормушкой, повернул голову в сторону Вишены.

— Привет, крылатый, — сказал ему Вишена и похлопал по шее. Потом отвязал длинный повод и закрепил его на седле, так чтоб не болтался, но и не мешал. — Все, ты свободен. Прощай... и спасибо. Джа!

Мигнув большими голубоватыми глазами, пегас зафырчал, совсем как лошадь, и шагом двинулся в сторону. Потом потрусил рысью, все ускоряясь, перешел на галоп и взлетел. Направился он на юго-восток.

«Нет, — подумал Вишена, провожая его глазами, — все-таки есть в их полете что-то неправильное...»

Рядом стояли Ларс и Хокан, их пегасы тоже поднялись в небо, но летели на юг, к эльфийским лесам Суладора. Даты долго провожали глазами две точки, постепенно растворяющиеся в небе.

— Ну что, Пожарский, — сказал Хокан со вздохом. — Пошли, что ли, пивка опрокинем по кружечке?

«Когда я уже дома пиво пить буду?» — подумал Вишена с тоской и направился к навесу.

Глава 16
ЗИМНИЙ ВИХРЬ

Саят первым прошел в пустой зал Банерона, где раньше стоял на трехногом столе Волшебный Сундук. Мертвые тела остались на тех же местах, где их застигла смерть. Замок был пуст, лишь Саят отважился войти в него, потому что чувствовал: Тень ушла. Но он чувствовал не только это. Тень оставила нечто важное здесь, в зале, и Саят намеревался это найти.

Верный пучеглаз тихо сидел на плече, вцепившись в складку черного плаща. Саят покосился на него — на единственного свидетеля разыгравшихся здесь событий.

Едва колдун приблизился к застывшему арбалетчику, тот рассыпался мельчайшей пылью, хотя шаги Саята были едва ощутимы. Потом — второй воин. Саят замер, глядя на то, что еще совсем недавно было плотью живых людей, а теперь напоминало многолетнюю пыль. Но ведь эти люди все равно обратились бы в такую же пыль, немного позже, но разве это так уж важно? Десятком лет раньше, десятком лет позже...

Саят хлопнул в ладоши, резкий звук разорвал тишину зала и отразился от каменных стен. Пучеглаз тонко вскрикнул, и третий мертвец стал невесомым прахом. Медленно раскурив трубку, Саят прикрыл глаза и попытался уловить остатки присутствия Тени. Густой дым взмывал к потолку, клубился над головой колдуна, словно живой.

И вскоре Саят отыскал след. На стене, рядом с разбитым окном. Вдохнул его вместе с дымом, пропитываясь чужой силой, и почувствовал, что стоит на пороге. Тень — вот кто ему на самом деле нужен!

Саят открыл глаза. Как все изменилось! Совсем недавно ему казался мелким и никчемным Алликас-хан по сравнению с мощью Аргундора и грезами об Иллурии у его ног. Теперь же он свысока взирал на Иллурию с ее начавшейся войной. Что теперь до этой войны? Саят прикоснулся к отблеску страны Ко в следе Тени и понял, что его зовут. Туда. Вниз. Во мрак. Там его сила, и там его место.

Рука медленно протянулась к пучеглазу — единственному, кто видел недавно Тень собственными глазами и уцелел. Пора это исправить.

Пучеглаз доверчиво запищал, но в тот же миг Саят сжал кулак, и писк оборвался. Крошечные кости затрещали, брызнули едва заметные капельки крови. А когда Саят взглянул на ладонь, рядом с искалеченным тельцем бился темный окровавленный комочек. Сердце пучеглаза еще жило. Но недолго.

Саят просидел в зале еще час, уставившись в пустоту и покуривая длинную свою трубку. И только потом вернулся к воротам, где ждал его Бэйн с воинами.

— Входите, — сказал он. — Здесь никого больше нет. И это не вернется.

«Потому что я уйду вместе с этим...» — подумал, но не сказал.

Бэйн хмурил брови. Видно, тревожился: с запада к Аргундору шли гномы и кондотьеры Семи Народов из старого Мира Саята, а на севере вот-вот готова была разгореться битва с мореходами, приплывшими на целой армаде парусников. И юг неспокоен, почтовые совы орков приносят невеселые вести.

— Я хочу видеть Яра, — сказал Саят властно, развернулся и направился в замок. Бэйн двинулся вслед за ним, и лишь потом в воротах показались арбалетчики.

Яра Могучий собирался отослать навстречу гномам с передовым отрядом тяжелой пехоты. Против гномов им не выстоять, но этого и не требовалось: Саят лишь хотел раньше прочих успеть к Драконьей Башне. Чтобы уйти по зову Ко.

А Яр может гибнуть — Саяту он уже не нужен.

* * *

Гномьи рати выступили на следующий день после возвращения посланцев с совета. Кондотьерский отряд и песиголовцы пристроились вослед, и многосотенная колонна потянулась на северо-восток, к Тинзкому мосту. Путь занял два полных дня и большую часть третьего. К этому моменту лореадорская конница лавиной накатилась на Танкар, вышибая аргундорцев из замков, и успела докатиться до Тала на побережье Северного моря. Только за невысоким хребтом еще оставались черные замки, среди них и Тирфинг — тот самый, за который так боролись на совете гномы. Остаток дня и следующий потратили на то, чтобы дошагать до моста за Менелотом, того самого, рядом с которым находилась Башня Переправы. Руина была пуста — ее проверили гномьи кондотьеры из старых, сообщил Гонта, сбегавший к вожакам коричневого войска.

За мостом свернули направо. К гномам-пехотинцам прибавились отряды всадников с кривыми узкими мечами и тонкими пиками. Вишена знал, что летатели на грифонах поднялись в небо вчера рано утром и к середине нынешнего дня должны были достичь южного перевала, того, что ближе, у Драконьей Башни.

Войско отдыхало в полдень, когда дозорные сообщили, что приближаются аргундорцы. Всадники мгновенно вскочили на коней, гномы спешно строились и смыкали щиты. Тарус созвал всех Ушедших-в-поиск, намереваясь помочь в бою магией из руин. Вишена лениво поигрывал мечом, второй рукой оглаживая волшебный пояс.

Аргундорцы шли плотным строем — впереди медленно двигалась сплошь закованная в железо тяжелая пехота с огромными щитами. За этим несокрушимым строем виднелись легкие пехотинцы-мечники и волчьи всадники.

Конница разбилась на две части и, поравнявшись с шеренгами гномов, прикрыла фланги. Повисла нервная предбитвенная тишина, только звякало иногда железо да глухо стучали о землю копыта коней. Два строя сближались.

— Эй, — негромко сказал глазастый Богуслав. — Там Яр! Среди волчьих всадников!

— Где? — тотчас оживились Тарус с Боградом.

— Вон, в центре. В плаще, видите?

— Нет, — сказал чародей, поморщившись. — Далеко.

— Я вижу. — Боград, щурясь, глядел за ряды пехотинцев. — Точно, он.

— Еще кондотьеры, кроме него, есть? А, Богуслав?

Богуслав пошарил взглядом.

— Не видно.

— Значит, — подытожил Боромир, — штучки наши из руин сейчас не полезнее чем камни... Тьфу, я уж настроился побуянить...

— Слушайте! — жестко сказал Тарус. — Извини, Боромир, что я теперь и в бою стал командовать, но в здешних войнах слишком много колдовства. Куда больше, чем у нас. Так что не серчай, воевода, сейчас думать буду я.

Боромир покорно развел руками. Он привык уступать Тарусу везде, где пахло чарами и заклинаниями, а в Иллурии действительно без них шагу не ступить.

— В сечу не ввязывайтесь. Все равно против панцирников в строю мы не воины. Постараемся прорваться сбоку к Яру. Он — наша цель. Точнее, его меч.

Омут мрачно смотрел на Таруса, но молчал.

— И, — голос Таруса еле заметно дрогнул, — постарайтесь его не убить. Просто оглушите.

Вишена покосился на Омута: лицо рыдожанина стало менее суровым, а морщинки вокруг глаз разгладились.

«Он все еще верит, что Яра можно вернуть, — подумал Вишена. — Хотя Тарус тоже в это верит, судя по последним словам».

Вишена теперь покосился на Омутову тяжеленную булаву и понял, что многим из аргундорцев сегодня сильно не поздоровится.

Два строя сшиблись с металлическим лязгом, взметнулись мечи черных пехотинцев и тяжелые гномьи топоры. Захрапели кони, почуявшие волков. Пронесся над полем боевой клич. Война за Аргундор началась, смерть снимала первую жатву.

Вишена плечом к плечу с побратимами миновал основную стычку и врубился в беспорядочную толпу легких пехотинцев-мечников. В какой-то момент песиголовцы пронзительно взвыли; все волки на этом фланге вдруг разом сброси-

ли седоков и в панике рванулись прочь. Наверное, это был какой-то особый клич их племени. Яр тоже упал, но тут же вскочил, сжав меч. Сапфир на гарде заискрился синим, Вишена заметил это, несмотря на то что их разделяло шагов сто, не меньше. Всадники, лишившиеся волков, вставали и хватались за пики. Схватка кипела вовсю — с бешеным кличем рвались вперед даты, рычали песиголовцы, умело работая мечами, расходились побратимы-храбры... Боромир валил мечника за мечником, сверкала секира Славуты, пока не обагрилась кровью, глухо ухал, опуская булаву, Омут, плечо к плечу теснили черных Роксалан, Пристень, Похил и Озарич, рядом с Боромиром кошкой уворачивалась от ударов Купава, ее короткий клинок мелькал быстрее взгляда. Тарус, позабыв о заклинаниях, весь отдался сече, и Вишена видел, что чародей не забыл еще, с какого конца берутся за меч. Черные, видя перед собой кондотьерские плащи, почему-то дрались неохотно и при первой же возможности отступали, хотя их было заметно больше.

Два строя без особых потерь топтались рядом, звенели мечи и топоры, щиты оставались сомкнутыми, с флангов никто не мог ударить: аргундорские Всадники-волчатники сцепились с лореадорскими конниками, и всем было не до обходов. Ушедшие в поиск теснили легкую пехоту, вместо того чтобы ударить в спину панцирникам. Гномы-кондотьеры, надрываясь, кричали, но в пылу битвы их не слышали.

И тут зашумели десятки крыльев над головами — целая туча грифонов с Всадниками тянула с запада. Гномы издали восторженный клич и заработали топорами с удвоенной силой.

И дело пошло: летатели проносились над сошедшимися рядами, выдергивали специальными крючьями пехотинцев из строя, метали тяжелые шипастые шарики, пробивающие даже броню доспехов. Аргундорцы дрогнули. А вскоре побежали. Всадники на волках сумели убраться, легких пехотинцев перебили почти всех, а панцирники, потеряв около половины, отходили строем. Гномы их потрепали и отстали, не желая зря расходовать силы. Небольшой отряд аргундорцев-мечников оказался окружен; среди них был и Яр. Сопротивлялись они недолго, расплющенные между гномьих щитов. Вскоре Яр, сражавшийся отчаянно и бесстрашно, остался в одиночестве.

— Этот наш! — громко предупредил всех Тарус.

Гномы опустили топоры и замерли. Яр затравленно вертелся в круге, выставив перед собой меч.

— Вишена, — сказал Тарус негромко. — Обезоружь его.

Пожарский кивнул и проскользнул в круг. Гномы, позабыв обо всем, сгрудились за спинами передних, вытягивали шеи, толкались. Сели даже летатели, оставили грифонов и присоединились к зрителям. Всадники, не слезая с коней, глядели из задних рядов — невысокие гномы не мешали им видеть все. Гномьи вожаки, позабывшие о желании поскандалить с Ушедшими-в-поиск из-за того, что те в битве действовали наперекор всем, и те приготовились быть свидетелями еще невиданного в Иллурии поединка один на один кондотьеров разных Народов.

Двое медленно кружили, глядя в глаза сопернику. Вишена, в белом плаще и с вороненым мечом, и Яр, чей плащ был чернее ночи, а меч сверкал.

Они сшиблись, отражая встречные удары, и Пожарский понял, что Яр многому научился в Иллурии. Не мальчишка теперь был перед ним, а сильный и искушенный в поединках воин. И вдобавок распаленный недавним поражением.

Вишена выжидал, чтобы поудачнее выбить у Яра меч, и прозевал боковой секущий. Он успел в последний момент заслониться мечом и вдруг грянулся оземь, сраженный чудовищным по силе ударом. Все тело заныло, как по команде.

Яр криво усмехнулся. На запястье у него тускло поблескивал широкий браслет. От этого браслета за версту разило чарами из руин.

Тарус коротко ругнулся — Яру магия была не страшна, тот владел Заклинанием от Заклинаний. При таком раскладе он мог и одолеть Вишену. И что тогда — придется его отпустить?

Тарус боялся даже и думать о таком.

Вишена вскочил, хотя ему казалось, что тело вот-вот развалится на мелкие части. Браслет он тоже узрел и решил, что тот усиливает удары. Значит, нужно уходить от них.

Яр снова атаковал, но на этот раз промахнулся. Вишена уворачивался, пригибался, отпрыгивал; наконец улучил момент и резко взмахнул ногой. Получив сапогом в челюсть, Яр едва не упал и тоже стал осторожнее.

Снова закружили перед щитами двое, выставив мечи.

Выпад — пустота... Выпад — пустота...

Неожиданно Яр сделал ложный замах, Вишена качнулся и понял, что в него метают кинжал. Отбить стальное жало он успел, но меч загудел от столкновения, а руки заныли, онемев совершенно. Яр был уже рядом, занося Зимний Вихрь для смертельного удара. И Вишена решился: отбросил меч, подсек Яру ноги, а когда тот опрокинулся на спину, локтем въехал под дых. Яр разинул рот, уже не помышляя ни о чем, кроме одного — вдохнуть. В следующую секунду Вишена ногой выбил у него меч. А мгновение спустя Яров меч, едва коснувшийся песка, подхватил Тарус.

Вишена тяжело поднялся.

— Вот так-то, парень, — сказал он устало. — Это называется Спас. Ты должен помнить...

Яр беспомощно, но без ненависти поглядел на Пожарского и потерял сознание.

Зрители одобрительно загудели. Бой завершился, гномьи предводители и десятники всадников выкрикивали команды, подбирали убитых, строили своих солдат...

— Молодец, Вишена! — хлопнул его по плечу Тарус. Вишена поморщился:

— Полегче, друже, не то рассыплюсь тут же...

— У него браслет был, ты видел?

— Видел. Силу, кажись, увеличивает. Как я летал, а?

Тарус руками показал как.

— Наши-то все целы?

— Болеслава зарубили, Огриса-дата и двоих песиголовцев. И раненые есть, но легко.

Вишена понурил голову. Он всегда тяжело переживал смерть товарищей.

— Ладно, Пожарский, не серчай. Зато полдела в кармане: ключ у нас. А что до смерти близкой — мы все воины, а не пастухи. Пора и привыкнуть.

— Не могу, — сказал Вишена тихо. — Как к такому привыкнуть? Только вчера вместе у костра грелись...

Тарус помнил еще по Северному Походу эту черту Вишены.

— Пойдем, Вишена. Сегодня ночью нам кое-что предстоит.

Погибших хоронили вечером, чуть не дойдя до южного перевала, у самой Драконьей Башни. Яра Тарус напоил отваром сон-травы, и тот отключился.

— Дня два спать будет, — сказал чародей. — Надеюсь, к тому моменту, когда он проснется, уже все закончится.

Вишена ждал, что ночью Тарус станет накачивать второй сапфировый меч, но ничуть не бывало: когда отряд, перехватив перед сном вяленого мяса, улегся у костров, чародей позвал только четверых: Вишену, Боромира, Йэльма и Хокана.

— Готовьтесь, други. Сейчас по Мирам прыгать станем.

— А меч? — спросил Вишена. — Меч Яра? Ворожить не будем, как в лесу?

— Нет времени, — сказал Тарус. — Да и леса далеко. Недосуг.

— Расскажи, что задумал, чародей, — попросил Боромир.

Появился Боград и молча стал рядом.

— Нам нужно, чтобы мечи Вишены, Боромира и Йэльма посветлели. Тогда мы сможем уйти в свой Мир без сапфировых. Кто знает, позволят ли старые кондотьеры забрать их с собой? Может быть, и нет. А если наши мечи в любой момент смогут послужить ключом — мы застрахованы от неожиданностей. Возьмем Книги — и домой. Светлеют мечи после перехода из Мира в Мир. Поэтому сначала мы прыгнем при помощи Ледяного Жала и Зимнего Вихря. Все равно куда. Потом с помощью трех изумрудных, снова все равно куда. И последний раз, снова при помощи сапфировых, сюда, в Иллурию.

— Но, — сказал Хокан, — сапфировые мечи станут черными когда мы вернемся.

— Ну и что? — пожал плечами Тарус. — Пусть. Если их велят оставить — оставим. А уйдем при помощи своих.

— Но тогда в родном Мире у нас снова будут черные мечи, — тихо заметил Вишена.

— Это будет в родном Мире, — с улыбкой молвил чародей. — Может статься, что больше никогда в жизни нам не придется покидать родной Мир. Хорошо бы. И кроме того, в Книгах наверняка есть ответ, как управляться с клинками-

ключами, не прыгая из Мира в Мир. Или как путешествовать по Мирам без помощи клинков.

— Понятно, — вздохнул Вишена. — Что нужно делать?

— Вам — пока ничего. Пока только мы с Хоканом. Обнажай меч.

Два сапфировых клинка блеснули в полумраке, отражая свет костров. И скрестились. Тарус что-то едва слышно прошептал. Стало совсем темно, но впереди появилось неясное светлое пятно. Оттуда лился приглушенный свет, а на каменистую почву легли неверные зыбкие тени.

— Туда! — сказал Тарус, указывая на пятно. Пожарский тотчас шагнул в неизвестность, как взлетел.

Переход опять показался Вишене мгновенной смертью. А потом по глазам ударил свет, в ноги толкнулась земля; Вишена потерял равновесие и завалился на бок. Рука сама рванула меч из ножен.

Вишена встал на колени, потом совсем поднялся, неотрывно глядя на свое оружие. Меч вновь стал сверкающим, светлым, а на гарде сиял волшебный изумруд. Вишена успел порядком подзабыть, как он выглядит на самом деле.

Невесть откуда налетел порыв холодного ветра, что-то сверкнуло, и рядом возникли Тарус с Хоканом. Их вбросило на каменистую площадку, где стоял Пожарский, боком, и они тоже не устояли. Их мечи стали черными, совсем как Вишенин в Иллурии. Наверное, и руны на гарде возникли, только гореть они стали бы скорее всего синим. Тарус с Хоканом бормотали ругательства, потому что валиться с размаху на камни было не очень приятно.

Вскоре появились и Боромир с Йэльмом. Им помогли встать.

— Гляди, Тарус! Они посветлели! — сказал Вишена со значением. Значит, Тарус не ошибался. Хотя, когда он ошибался? По-крупному — ни разу...

— Какие посветлели, а какие наоборот, — проворчал чародей.

Вишена оглянулся. Что за Мир окружал их на этот раз? Рядом высилась громадная серая скала, у нее росли чахлые сосенки, с другой стороны вроде бы был обрыв. Боромир подошел к самому краю.

— Ого! В горы нас занесло, чародей. Гляди, высота какая...

Тарус глянул — горы были действительно высокие. Внизу расстилалась плоская, как тарелка, равнина, полускрытая белесой дымкой. Впрочем, разглядывать окрестности особо не было времени. Он убрал меч в ножны и кивнул молодому дату:

— Можешь прятать, Хокан. Он пока не понадобится.

Хокан, убирая клинок, усмехнулся Пожарскому.

— Вишена! А ведь это удобно: если меч сменил цвет, сразу понятно, что тебя занесло в другой Мир. А?

Вишена усмехнулся в ответ. Действительно!

— Ладно, поехали дальше, — нетерпеливо пробасил Йэльм. — Выспаться нужно перед завтрашним.

Чародей оглянулся и предложил:

— Вот что, други, давайте-ка подвинемся от края. На всякий случай...

Они перешли поближе к сосенкам у скалы, и тут из гущи игластых веток показался среднего роста белокожий парень в ладной кожаной куртке и потертых штанах со множеством карманов. Он был невооружен, но в лесочке мог прятаться кто угодно, и все пятеро кондотьеров невольно потянулись к мечам.

— Эй! — неожиданно весело сказал незнакомец. — Я не собираюсь на вас нападать.

«Елки-палки, — подумал Вишена как обычно совершенно не к месту. — У нас остались кондотьерские плащи!»

Где-то в глубине души Пожарский был уверен, что в иной Мир они попадут без плащей. Получалось не так.

— Меня зовут Матвей! Я из Шандалара, — представился парень.

Выждав осторожную паузу, ответил ему Тарус:

— Здоров будь, Матвей из Шандалара. Здесь есть еще кто-нибудь?

— Есть, — так же весело отозвался Матвей и указал рукой за спину. — Мои молодцы вот-вот подоспеют. Человек полтораста. А что?

Была в его голосе некая развязность, присущая разбойникам на дорогах. И встречаться с его молодцами Вишене сразу же расхотелось.

— Уходить надобно, — недовольно пробурчал Боромир. — Дальше. Куда угодно. Чего ждать?

— Точно, — оживился Йэльм. — Нас ждут у Драконьей Башни.

Он вытянул меч с изумрудом на гарде перед собой.

— Ждут, — еле слышно хихикнул Хокан. — Спят все без задних ног...

И тут Вишену будто шибануло: услышав чужие, хотя и понятные из-за чар Таруса слова датов, он сообразил, что Матвей говорит на том же языке, что и жители Лойды, Тялшина, Рыдог — языке родичей Вишены! Выговор, правда, чуть другой, но язык тот же!

Рука его тем временем скрестила меч с Йэльмовым. Секунду спустя поверх лег меч Боромира. Изумруды родили слабый отсвет где-то в глубине, и рядом возникло еле заметное днем пятно хода. Тарус повернулся к незнакомцу.

— Прощай, Матвей. Не ломай голову — кто мы и откуда мы. Мы — из другого Мира. И уходим дальше, в следующий Мир. Для тебя нас нет и никогда не было. Удачи тебе!

Матвей топтался на месте.

— Давай! — позвал Вишена Хокана.

Тот послушно нырнул в отверзнутый ход. Теперь мечи можно было разнимать: ход закроется только после того, как мечи окажутся по ту сторону, да и то не сразу. Из Иллурии Тарус и Хокан ушли раньше Йэльма и Боромира, это Вишена заметил.

Вторым в ход окунулся Тарус. Исчезновение каждого сопровождалось порывом ветра.

— Йэльм!

Вожак датов шагнул и пропал; снова порыв ветра.

— Боромир!

Непоседа подмигнул Вишене и исчез.

«Что-то я раскомандовался», — удивился себе Вишена. И повернулся к Матвею:

— Удачи, Матвей! Я — из Тялшина. Прощай...

Пожарский хотел понять, знает этот белокожий парень о его родном Мире или нет. Вдруг знает? Хотя, где ему...

— А остальные откуда? — спросил Матвей.

— Боромир и Тарус — из Лойды, Хокан и Йэльм — из Лербю-фиорда...

Матвей явно не знал ни Тялшина, ни Лойды, ни Лербю-фиорда. И Вишена очертя голову нырнул в ход, чтобы в очередной раз на мгновение умереть. А потом с размаху ткнулся носом в горячий песок. Лицо обожгло, словно он попал на раскаленную сковородку. Вишена вскочил, зашипев от боли, и зажмурился, потому что с неба лились потоки ничем не сдерживаемого солнечного света. Было жарко, как в бане.

Когда глаза немного привыкли, он огляделся. Спутники топтались чуть поодаль, прикрывая ладонями глаза. Вокруг расстилалась песчаная равнина, волнистая, словно море; кое-где виднелись песчаные же холмы округлых очертаний. Редкие кустики жесткой колючей травы бессильно замерли под светом и зноем полудня.

Вишена покосился на меч — черный, как и должно быть. На гарде руны... Другие!

Озадаченно хмыкнув, Вишена побрел, увязая в сыпучем песке, к товарищам. Одновременно он вспоминал, как зовется край, откуда родом Матвей из предыдущего Мира. Шан... дар...

«Шандалар! — вспомнил наконец Пожарский. — Надо не забыть, дома спрошу, не слышал ли кто-нибудь о такой земле».

«А с чего ты взял, что это земля? — спросил у себя Вишена. — Вдруг это селение или река, скажем...»

По щеке скатилась капелька пота. Он медленно, но верно становился мокрым, как мышь, в своей куртке и кондотьерском плаще. Солнце нещадно палило, и даже сквозь подошвы сапог чувствовался горячий песок. Почему-то захотелось пить.

— Ну и Мир! — встретил его Хокан. — Свариться недолго!

— Поехали отсюда, — попросил Боромир, — мочи нет, чародей...

Вишена вдруг подумал, что, если их снова разбросало бы по времени и пришлось бы ждать кого-нибудь из обладателей мечей годика четыре в этом несусветном пекле?

Тарус и Хокан скрестили мечи, чародей долго шептал заклинание, и все пятеро с облегчением окунулись в прохладу аргундорской ночи.

Рядом высились остатки Драконьей Башни. Чуть заметно мерцали в стороне костры у стоянки Ушедших-в-поиск. Почему-то хотелось перейти на шепот.

— Вишена! — негромко спросил Тарус. — Как твой меч?

Глянув, Пожарский довольно ответил:

— Светел! Изумруд на месте!

У Йэльма и Боромира, как выяснилось мгновение спустя, — тоже. А клинки Таруса и Хокана стали черными. Тарус мог быть спокойным — теперь имелся свой ключ к возвращению.

— Я подниму вас на рассвете, — сказал чародей. — Спустимся под Драконью Башню...

Засыпая, Вишена подумал: «Завтра. Завтра, может быть, мы все будем уже в родном Мире».

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-32С
*Внеплановый отчет категории «Гранит», ЬЬ**

Импульсный волновод со встроенным лок-резонатором, экспериментальная модель в стадии разработки, экземпляр 1, также оказался в сфере досягаемости корреспондента Тарус/Т. Практически сразу корреспондент Тарус/Т воспользовался обоими волноводами, настроив их по схеме со встречной динамической нагрузкой. Вопреки предсказаниям теории Шлимана, Василевской лок-резонанс был достигнут — и излишки энергии корреспондент Тарус/Т использовал для трехкратного прокола стейтор-перепонки (по данным изделий ХА-32С, ХА-65С и ХА-14С, код в архиве PU74). Аборигенные антенны-эффекторы числом 3 (три) также были включены в схему, но смысл их включения остается неясен. Выяснилось, что при стейтор-переходе знак лок-заряда меняется на противоположный. В данный момент лок-заряды волноводов экземпляр 1 и 2 изменены в сравнении с первоначальными.

Протокол V42 не усмотрел в данном варианте применения экспериментального оборудования чего бы то ни было опасного или катастрофичного, но сам факт целенаправленного использования корреспондентом Тарус/Т данного оборудования заставляет подвергнуть повторному анализу результаты лабораторных и полевых испытаний.

Координаты нахождения корреспондента Тарус/Т и объекта совпадают с 20 часов 17 минут, 95б-е локальные сутки. Прогноз: в течение

* Примечание. Категория ЬЬ сообщению присвоена модулем превентивного информатирования.

суток корреспондент Тарус/Т совершит попытку завладеть объектом и (предположительно), воспользовавшись имеющимся в распоряжении оборудованием, покинуть зону локации. Вероятные зоны проникновения: сектор ментального ретранслятора-усилителя ХА-27С (95 % согласно протоколу V42). Не исключен вариант вмешательства в прогнозируемые события корреспондента Саят/С. В этом случае протокол V42 прогнозировать события отказался: мало данных.

Конец отчета.

Глава 17
КНИГИ

Проснулся Вишена перед самым рассветом с чувством неясной тревоги. Словно кто-то чужой и враждебный шнырял поблизости, источая неприятную угрожающую волну. Вишена привык доверять своему чутью, обостренному вдобавок долгими скитаниями и волшебством изумрудного меча. Вспомнив, что теперь на гарде настоящий изумруд, потихоньку взглянул на него, откинув полу плаща. Изумруд чуть заметно светился.

Кроме разноголосого храпа, Вишена мало что слышал. Украдкой оглядевшись, он заметил, что Тарус тоже не спит. Прислушивается, приложив к губам палец: не шуми, мол.

Некоторое время ничего не происходило, потом чародей, прикрывшись плащом, приподнялся и бесшумно отполз в сторону. Выждав немного, Вишена пополз следом; грудь и живот елозили по мелким камешкам. Кроясь за угловатыми обломками скал, Тарус стелился, словно рысь, и даже не полз — тек вперед, к Драконьей Башне. За Вишеной потихоньку скрадывал еще кто-то в зеленом плаще, наверное, Славута или Хокан. Впереди неясно зашуршало, словно гигантская летучая мышь вспорхнула.

«Крыланы?» — сразу насторожился Вишена.

Он выглянул как мог осторожно. У руины кто-то топтался. В темном длинном плаще, может быть, и кондотьерском. Но может, и нет. А рядом краснели две пары глаз. Нет, три! Или даже больше.

«Точно, крыланы, — уверился Вишена. — Что они тут делают?»

Ужом Вишена прополз к Тарусу. Рядом бесшумно возник Славута-дрегович. Чародей приблизил, как мог, голову Вишены и прошептал едва слышно в самое ухо:

— Это колдун-печенег! Собрался в руину.

Снова черный опережал их. Рука искала меч, но Тарус предостерегающе сжал кисть Вишены.

— Лежи! Он идет в логово Тени! У нас сейчас два врага — он и Тень. А останется один.

Пожарский замер. Ловко! Стравить двух врагов, а потом сразиться с тем, кто уцелеет! Тарус умел извлекать выгоду даже из нежелательных событий. Повторив те же слова дреговичу, Тарус притих, глядя на Башню. Он думал, что в запасе оставалось не меньше часа.

С востока неторопливо скользил рассвет, глотая комки ночного мрака.

Печенег взмахнул рукой; крыланы тут же укрылись среди обломков и упорных густых кустиков, что росли у Башни, невзирая ни на что. Наверное, вражий кондотьер не подозревал, что совсем рядом стоянка Ушедших-в-поиск, думал, они вместе с гномами и Всадниками ушли ближе к перевалу. Кстати, как он миновал перевал, там же гномьи посты еще с вечера высланы? Наверное, перелетел. Волки могли его перенести, а крыланы умеют летать и сами, без своих черных зверей.

Оглянувшись, фигура в черном плаще нырнула в непроглядную темень под аркой.

Теперь следовало подкрасться ко входу, без лишнего шума перебить крыланов и ждать. Просто ждать. Пока не выйдет печенег с Книгами. А если к полудню он не покажется — спускаться под Башню самим.

— Буди наших! — сказал Тарус в ухо Вишене. — Только без суеты, чтоб не пискнул ни один!

— Добро, — шепнул Вишена одними губами и уполз к храпящим товарищам. Он успел разбудить Роксалана, Пристеня, Озарича и Прона, прежде чем заметил, что Града, Богуслава и Боромира на своих местах нет. Замешкался Вишена лишь на миг, ибо отчетливо понял, что это означает. Наверняка все трое уже у Башни.

Остальных будили Пристень с Озаричем, а Вишена, не зная чему отдать дань — быстроте или тишине, спешил к Тарусу. Но он все же опоздал.

У руины, как призрак, без единого звука возник Боград и скользнул ко входу. Сбоку от него тотчас показались два крылана, у обоих секиры на замахе.

— Берегись! — хором закричали Вишена, Тарус и Славута, но не ожидавший засады венед успел отбить лишь один удар. Вторая секира раскроила ему голову.

Пока они добежали, Боромир с Богуславом рубились со всеми четырьмя крыланами, и Боромир уже был ранен. В лагере проснулись, к Драконьей Башне спешили и даты, и песиголовцы, и все, кто еще минуту назад спал. Крыланы продержались недолго.

Тарус опустился на колени перед неподвижным Боградом. Крови было целое море.

— Боград... Что же ты, друже...

И тут захрипел и начал медленно, как подтаявший снеговик, оседать Дементий. В горле у него торчала арбалетная стрела. Посреди наступившей тишины еще раз пропела спускаемая тетива; путаясь в складках лилового плаща, лицом вперед упал дат Херцог. Вишена закрутил головой в поисках стрелков. И наконец увидел.

Их было всего трое, но рядом обнажили длинные белоснежные клыки четыре громадных волка. Миг, и они прыгнули вперед.

Ярость окутала разум, и Вишена уснул. Остался кондотьер в белом плаще. В руке был меч с изумрудом, а перед ним — враги. Сон — это просто кровавый сон...

Меч вычерчивал смертоносные письмена, свистел рассекаемый клинками воздух. Тетива тренькнула после этого всего раз, а рычание быстро смолкло. Время будто остановилось.

Стены Драконьей Башни заслоняли тусклые иллурийские звезды. Саят прислушался: было тихо, только далеко на болотах кричала ночная птица. Хоть Саят и задержался, урусы, северяне-мореходы и псоглавые не успели проникнуть в руину.

— Оставайтесь здесь, — негромко велел колдун крыланам и трем воинам-арбалетчикам. — И никого не пускать в Башню.

Крылан-вожак оскалился и клятвенно зашипел. Волков, на которых прилетел Саят и воины, отвели в сторону и уложили в зарослях корявых аргундорских полудеревьев-полукустов.

Близился рассвет, небо уже светлело. Саят еще раз взглянул на болота и ступил под выгнутый свод арки. Подобрал факел, зажег его и начал спуск. Может быть, эти истертые тысячами ног ступени приведут его в подземную страну Ко, родину колдовских рубинов...

Спускался он долго, лишь эхо собственных шагов сопровождало его. Но Могучий не крылся: он шел к Тени, так пусть же та слышит!

И она услышала. Внизу был сырой зал; но Тень ждала в другом, чуть дальше. Саят медленно миновал темный ход-коридор, и увидел ее. Сгусток тьмы, бесформенное черное облако и два красных, как рубины Ко, глаза. Саят вздрогнул. Мощь этого создания едва не расплющила его. Напрягая все силы, Могучий пытался уцелеть в потоке нечеловеческой магии, и Тень ослабила хватку.

«Зачем ты пришел...»

Темная Речь, не звуки, а нечто, не имеющее названия на языках людей. Саят понимал ее.

— Ты звала.

«Живым не место во Мраке...»

— Я готов быть первым.

«Нужна сила...»

— Я не слаб. А если ты поможешь... Вместе мы проникнем в Ко, и кое-что там изменится.

Тень рывком приблизилась. Ее гнев был чужим, как шепот умершей травы.

«Мир станет другим...»

— А разве ты не этого хочешь? Я буду с тобой!

И Саят нараспев прочел заклинание Горсти Рубинов, освобождающее от уз жизни. Черный плащ соскользнул с его плеч и осел на влажный камень подземелья. Некоторое время Тень безмолвствовала.

«Идем...»

Саят, не чувствующий более обременяющей тяжести тела, скользнул вслед за Тенью вниз, в непроглядный мрак, который теперь был для него яснее дня. Война где-то там, на поверхности, отныне занимала его не больше, чем солдата сражение двух муравьиных семей, и весь мир наверху сделался меньше мелкой монеты. Его ждала иная сила иных миров.

В зале остался только ларец с Книгами да невесомый кондотьерский плащ.

— Эй, друже, ты как?

Голос был тихий и скорбный. Вишена поднял отяжелевшие веки. Перед ним стоял перемазанный кровью Славута. С недоумением Пожарский взглянул на свои руки — они тоже были в крови. И меч был весь в крови. И плащ. Рядом высилась серая свеча Драконьей Башни, а за ней вставало красноватое солнце.

— Нормально, дрегович... Кого еще?

Славута сразу понял, о чем он.

— Атяша, Дементия, Юргорда и трех песиголовцев. Дата — из арбалета, остальных — волки...

— А Боромир?

— Ранен, но жив. Купава прямо сама не своя...

Вишена рывком встал:

— Где Тарус?

— Вон, у арки...

Быстрым шагом Пожарский пошел туда; Славута двинулся следом. Мертвых отнесли подальше от Башни; они лежали на месте ночевки, рядком; их накрыли плащами, куртками — кого чем. На бело-голубом плаще Богрaда там, где было лицо, расплывалось неправильное темное пятно.

Тарус, завидев Вишену, предостерегающе поднял руку.

— Молчи, Пожарский. Потом...

Вишена спокойно покачал головой.

— Я не о том, чародей. Что печенег?

Тарус понял: Вишена успел отойти. Это его обрадовало — честно говоря, он боялся, что Пожарский натворит глупостей.

— В руине. Давно уже. И там совсем тихо, Йэльм с Хоканом слушали у спуска. И меч Йэльма молчит, хотя раньше изумруд слегка тлел. Я в растерянности, скажу начистоту...

— Давай уйдем, — вдруг предложил Вишена. — Домой. Прямо сейчас. Дались тебе эти Книги! Всех нас здесь перебьют, в этом дурацком Мире...

— Охолонись, Пожарский, — резко сказал чародей. — Выходит, зря наши гибли, что ли? Боград зря голову под секиру подставил, когда до Книг два шага осталось? Что бы он сказал, уйди мы сейчас? Не ожидал от тебя...

Вишена опустил взгляд:

— Ладно... Прости, друже...

Тарус смолчал.

А на перевале кипела битва, видно было даже от Драконьей Башни. Грифоны там так и носились, то взмывая повыше в небо, то стрелой падая к тропе. Похоже, гномам было несладко, а Всадники в горах не помощники.

Приблизился хмурый Роксалан. На щеке его багровела глубокая царапина.

— К нам гномы спешат, — сообщил он. — Кажется, задали им перцу...

Тарус взглянул — к Башне едва не бегом приближались два кондотьера в коричневом. Нужно было идти им навстречу.

Вишена увязался за чародеем.

На лицах гномов боролись друг с другом озабоченность и досада. Но, увидев мертвых и кровь на земле, оба несколько остыли. Видно, хотели узнать, почему Ушедшие-в-поиск уклоняются от боя, но быстро убедились, что здесь тоже не сладко.

— Что? Не ожидали? — с некоторой издевкой сказал Тарус, но тут же мысленно ругнул себя за злость. Ну разве виноваты эти двое в смерти товарищей? И уже спокойнее добавил: — Тут есть кое-кто в руине. Если не хотите, чтоб вам ударила в спину толпа нечисти, — просто уходите к своим, ни слова не сказав.

Один из гномов растерянно пробормотал:

— Но... Нам нужна помощь... Нас сейчас сбросят с перевала...

— Надо отдать им наши вещи из руин, — сказал Роксалан. — Ты ведь говорил, чародей, что они имеют силу только здесь, в Илдурии.

Тарус кивнул:

— Ты прав. Зови наших.

Перед гномами стала расти горка самых разных предметов. Пояс Вишены, пара перчаток, полосы скорого шага, коробочки-леталки, браслет-сила, снятый с Яра, странной формы шлем, короткий блестящий кинжал, жезл, что носил Тарус, изогнутая штуковина с трубкой впереди, плюющаяся смертью, кепка-невидимка мертвого теперь Дементия...

— Берите! — сказал Тарус. — Все это мы вынесли из руин. У вас хватит кондотьеров, чтобы ударить всей мощью магии. Аргундор не устоит. Надеюсь, у вас достанет рассудительности поделиться этими вещами с кондотьерами Семи Народов.

Гномы переглянулись, подобрали трофеи Ушедших-в-поиск, кое-как навешав все на себя, и так же бегом отправились назад, к перевалу, где кипел бой.

Ледяное Жало и Зимний Вихрь остались у Таруса и у Хокана. Вишена это отметил. Чародей некоторое время глядел гномам в спины, потом глубоко вздохнул.

— Что же внизу тихо, прямо не пойму... не нравится мне это...

Он пошел в сторону, где лежал ослабевший Боромир. Голова ватажка покоилась на коленях сидящей тут же Купавы. Непоседа часто терял сознание, но сейчас был при памяти.

— Чародей! — Он закашлялся. — Хорошо, что ты пришел. Мой меч... Недавно изумруд вспыхнул, словно решил сжечь всю округу, и погас. Совсем. Наверное, ты должен знать.

Тарус не успел как следует обдумать услышанное, как с той же вестью прибежал Йэльм. Вишена не мог взять в толк, почему сам не заметил того же, но, верно, это произошло еще до того, как он пришел в себя после стычки с арбалетчиками и волками.

— Все, — объявил Тарус. — Теперь или никогда. Вишена! Славута! Йэльм! Хокан! Идем впятером. Обнажайте мечи!

— У меня секира, — улыбнулся дрегович, но улыбка вышла безрадостной.

Тарус поворотился к лежащему Непоседе.

— Извини, ватаг, что идем без тебя. Но ждать больше нет резона.

— Хей-я-а-а! — воскликнул Йэльм. — Давно пора, южанин! Чего ты мешкал до сих пор? Бой все рассудит, так было всегда и будет всегда.

Тарус с лязгом выдернул из ножен меч.

— Ошибаешься, дат. Не всегда так будет. И то, что мы добудем в руине по праву меча, может когда-нибудь отменить право меча, заменив его правом разума.

Йэльм поморщился, не понимая, зачем отменять право меча. Но возражать не стал. Потому что не поверил Тарусу, хотя тот умел убеждать.

У входа в Башню мялся с ноги на ногу Анча — остальные песиголовцы, гонимые вековым страхом перед Тенью, отошли от руины шагов на триста. Анче было не по себе — шерсть на мощном загривке стояла дыбом, а уши прижаты, ровно у щенка перед матерым кобелем, но он храбрился.

— Ар-р! Я пойду с вами, люди. Хоть мой род и бежал всю жизнь от Тени... может быть, я буду первым, кто не сбежит.

— Как знаешь, — сказал Тарус. — Держи меч под рукой. Хотя от Тени он вряд ли защитит.

И направился под арку. Вишена твердо ступал следом, окровавленный плащ плыл, невесомо шевелясь, за ним. Дальше стремительно шагал Йэльм, воинственно задравший бороду, Славута с секирой наперевес, рядом с ним — Хокан с черным клинком. Решительный Анча. И — чуть позади — Омут, сжимая тяжелую свою булаву, Ларс, Похил, Озарич, Роксалан, Пристень... Настороженные Урхон с Гархом, пересилившие страх, рыжеволосый скальд Коек, силач Магнус, Богуслав, Гонта, дат-колдун Бролин...

Наверху остались только Купава с раненым Боромиром да две дюжины собакоголовых вокруг спящего Яра.

Вишена не оборачивался. Вниз вела спиральная лестница с выщербленными ступенями.

— Факелы! — сказал Тарус, узрев у спуска охапку обугленных с одного конца сучьев. — Зажигайте!

«Наверное, их оставил Яр, когда спускался сюда. Пригодились ему, не помешают и нам», — подумал Вишена, подхватывая из чьих-то рук пылающую ветку. Крутые ступени убегали вниз.

Пожарскому стало вдруг все равно, кто кроется внизу. Хоть печенег, хоть Тень, хоть тысяча чертей. Рядом шагали надежные друзья-побратимы, и те, в чьей верности и храбрости он не раз убеждался здесь, в Иллурии. Когда есть единство — их не остановить.

Изумруд на гарде медленно разгорался.

Лестница привела в темный сырой зал, ничем не нарушаемая тишина рвалась на части звуком шагов. Трещали факелы, изредка фыркая, когда в огонь с потолка падала случайная капля. Зал был пуст, единственный коридор уводил в сторону, кажется на юг.

Второй зал был посуше. В центре его высился большой камень с плоским верхом, похожий на гигантскую черепаху, а на камне стоял, поблескивая сине-фиолетовым, ларец.

— Это он! — сказал Йэльм. — Я уже держал его в руках! Хей-я! Мы пришли к цели!

Люди и песиголовцы, ощетинившись сталью, оглядывались в поисках врага. Но больше в зале никого не было. Изумруды на гардах и руны мечей Таруса и Хокана горели ровным чистым огнем, словно успокаивая: ничего злого рядом нет, есть только что-то чужое.

— Эй, поглядите!

Ларс подцепил мечом какое-то черное полотнище.

— Да это кондотьерский плащ! — узнал Хокан. — Черный!

— Плащ печенега? — спросил Озарич.

Тарус пожал плечами:

— А чей же еще?

— Значит, он мертв?

Тарус пожал плечами:

— Не обязательно. Но в этом Мире его больше нет, это точно.

— А Тень?

— Наверное, — предположил Славута, — они извели друг друга. Начисто. Или вместе провалились в какие-нибудь темные места.

Тарус медленно приблизился к ларцу, от которого исходило неясное тепло. Ларец был настолько чужд злым чарам, что отторгал их, хотя не раз они обрушивались в его резную

душу. Руны на мече Таруса и фиолетовый камень ларца заискрились, тихонько потрескивая.

— Гляди-ка! — удивился Похил. — Он признал тебя, чародей!

Тарус протянул руки и коснулся выпуклой крышки. Сноп фиолетовых искр взметнулся в воздух, пощекотав ладони чародея. Ларец и вправду был теплый. Медленно, словно пытаясь растянуть мгновения, Тарус поднял крышку и заглянул внутрь. Девять кожаных переплетов с золочеными надписями взглянули на него.

— Книги, — прошептал Тарус. — Я искал вас десять лет...

Все сгрудились у камня, в надежде заглянуть в ларец. Вишена, поглазев на причудливо завитые буквы, вздохнул и подумал: «Нужно попросить Таруса, чтоб выучил читать на каком-нибудь из древних языков... Может, там и вправду дельное что найдется. Кто-то ведь это писал, не жалел времени и сил...»

Вдоволь налюбовавшись, Тарус опустил крышку, спрятал меч в ножны и взял ларец за ладные металлические ручки.

— Все! Уходим отсюда!

Без всяких помех они поднялись на поверхность и вышли из арки. Но едва отошли на десяток шагов, под землей что-то глухо заурчало, Драконья Башня, и так полуразрушенная, тяжко дрогнула, сложилась как глиняный домик, и рухнула, став настоящей руиной. Серая пыль взметнулась облаком и повисла в воздухе, медленно опадая.

— Это знак, други, что пора возвращаться домой! — сказал Тарус негромко.

Вишена глянул на перевал — там никого уже не было, даже грифонов в воздухе не видать. Наверное, гномы обратили аргундорцев в бегство и бросились вдогонку, чтоб на их плечах ворваться в черные замки Аргронд и Торибал. Иллурия жила войной. Воинов Лунных Заводей, сошедших с флотов и спешивших с юга эльфов и солдат Сириана, Ушедшие-в-поиск так и не дождались.

Они собрались на месте ночевки — тринадцать датов, двадцать девять арранков и пятнадцать людей из дружины Боромира. Шестнадцатый — Яр — спал, одурманенный зельем Таруса. Они добыли Книги. Все-таки добыли.

— Где наших похороним? Здесь, или на родной земле? — спросил Похил.

— По крайней мере, — сказал Тарус, — в родном Мире. Ты можешь стоять, Боромир-Непоседа?

— Смогу...

Ему помогли. Ослабевшей рукой Непоседа обнажил изумрудный меч и вытянул его перед собой. Вишена и Йэльм, не дожидаясь приглашения, стали рядом. С чистым звоном три клинка скрестились, а в изумрудах родился ободряющий свет. Ход открылся перед путниками, и вел он на этот раз не в чужие незнаемые земли, а домой.

Перед тем, как уйти, Вишена оглянулся. Красноватое солнце над болотами, неприступная Аргундорская гряда и руины Драконьей Башни у подъема к перевалу — такой запомнилась ему Иллурия. Ему, кондотьеру Белого Воинства Сириана. Бывшему кондотьеру.

Ментальный ретранслятор-усилитель ХА-32С
Итоговый отчет

Корреспондент Тарус/Т завладел объектом и покинул зону локации, время — 14.26, 957-е локальные сутки. Как и прогнозировалось, корреспондент Тарус/Т переместился в сектор изделия ХА-27С, сохранив при себе оба импульсных волновода со встроенным лок-резонатором. Остальное оборудование, вынесенное из узловых точек сопряжения, продолжает находиться в зоне локации. Список оборудования прилагается, код в архиве FH32.

Согласно рабочему расписанию приступаю к перекрестному тестированию с последующим переходом в режим ожидания.

Конец отчета.

Глава 18
ОСЕНЬ НАД АНДОГОЙ

Погибших похоронили на слуде над тихой рекой. Сверху была видна вся округа; на дальнем берегу стеной стоял лес. Магнус с Омутом принесли несколько камней и поставили на могилы. Привычное солнце, оранжево-желтое, а не красное,

светило с пронзительно голубых небес, а там, где осень коснулась ладонью крон берез и осин, листья пожелтели и высохли. Верно, стоял конец сентября.

Они находились сильно к северо-востоку от Лойды, днях в десяти, если пехом. На пути лежало всего одно селение, да и то ближе к Лойде. Йэльм рассудил, что датам на юге делать нечего, и решил уводить своих на северо-запад, к морю. Так и не выяснили, сколько прошло в родном Мире времени, пока они скитались по Иллурии. Ярл, Бролин-колдун и Коек долго толковали с Тарусом и Боромиром, договариваясь, что даты будущей весной пришлют книгочеев и колдунов, чтоб познать мудрость Девяти Книг. Когда покинули Иллурию, толмач-заклинание потеряло силу, поэтому объяснялись долго, при помощи Коека-скальда, бывшего у датов за толмача.

Перед самым уходом Хокан подошел к Вишене. Губы дата растягивала улыбка, но какая-то напряженная. Коек тоже приблизился, видно, Хокан хотел что-то сказать Пожарскому.

Речь Хокана Вишена совсем не понял, с трудом даже разделял слова. «Как я в Иллурии разумел эту тарабарщину?» — подумал он отстраненно.

— Он говорит, что по древнему обычаю нашего народа хочет выразить тебе благодарность за то, что ты оказался верным спутником там, в Иллурии. Вы много пережили вместе и не раз плечом к плечу встречали опасности. Он хочет поменяться с тобой именами, южанин, — перевел Коек.

— Именами? — опешил Вишена.

— Да, — кивнул рыжеволосый скальд, — именами. Предания гласят, что обменявшиеся именами еще не раз увидятся на полях битв, но никогда не скрестят мечи в поединке и обязательно встретятся после смерти, на пирах Валгаллы.

Что такое Валгалла, Пожарский спрашивать не стал.

— Это большая честь, южанин. Такого не случалось в фиордах уже лет сто, и с утра Торнсхавн просил разрешения на это у ярлов.

— Я согласен, — сказал Вишена, которому вот-вот предстояло стать Хоканом. Хоканом Пожарским.

«Что я дома скажу?» — подумал он. Мысли прыгали, словно вспугнутые зайцы.

— Тебя, конечно, будут по привычке звать старым именем, но это не страшно, — улыбнулся Коек. — Главное, чтобы ты, воин, помнил свое истинное имя.

Дат в зеленом плаще приблизился к Пожарскому, и они крепко обнялись.

— Гьярн-ма, Хокан! — сказал он, хлопнув Пожарского по спине. Перевод не потребовался.

— До встречи, Вишена! — отозвался теперь уже Хокан Пожарский. Слышать привычное имя из собственных уст по отношению к другому было донельзя странно.

— Это будет дивное окончание для моей саги! — негромко усмехнулся скальд. — Фиорды замрут от восторга, услышав мой голос!

Даты уходили на северо-запад, подчиняясь зову моря, с которым их связывали тысячелетние узы и память предков. Среди них шагал один по имени Вишена Торнсхавн, сжимая в ладони маленький медный нож с вырезанными на рукоятке словами «Ты нужен» на чужом языке.

А тот, кому досталось его прежнее имя, теребил подвешенный на шее амулет — старика, в руке которого был посох, а на плече — ворон.

— Идем, Више... Гм! Хокан, — позвал застывшего побратима Тарус.

Их ждала Андога. Боромир кое-как мог идти сам, а проснувшегося Яра Тарус-чародей снова напоил отваром каких-то трав. Яр больше не спал, но шел покорно и безвольно, словно тряпичная кукла, а глаза его были пусты и безразличны.

Путь слабо отложился у Пожарского в памяти, наверное, сказалось то, что в Драконьей Башне он настроился на тяжелый поединок с Тенью или колдуном-печенегом, а то и с обоими сразу. Но биться не пришлось, и натянутые нервы требовали разрядки.

Он запомнил, как в селении по пути замерли у распахнутых ворот Тарус и Боромир, то и дело поглядывая на разноцветные плащи друг у друга на плечах, но тут же рассмеялись и, обнявшись, вместе прошли за ворота. Иллурия еще долго будет напоминать о себе — подумал Пожарский с удивительным равнодушием. И еще он подумал, что сильно изменился за время этого необычного похода и не зря обрел новое имя.

Запомнил, как перед Андогой их встречала целая толпа лойдян во главе с Заворичем и Позвиздом, дождавшихся-таки побратимов по Северному Походу, хотя ждать пришлось больше трех лет. Как с удивлением глядели на кондотьерские плащи, утратившие свойство становиться на рассвете чистыми, и с еще большим удивлением разглядывали арранков, сбившихся среди такого числа незнакомых людей в тесную группу. Забытое ощущение дома поглотило остальные чувства Пожарского. И только здесь он осознал, что поход наконец завершен.

В Андоге Пожарский расслабился, целыми днями попивая пиво в компании Славуты и Омута. Роксалан с уцелевшими земляками Пристенем и Проном после устроенного в честь возвращения пира отправился домой, в Чикмас, четверка венедов, взяв у дружинников коней, умчалась на восток с печальной вестью о смерти Боград. Ушли восвояси и Похил с Озаричем, простившись со всеми до следующей весны. Тарус проводил Анчу с его длинноухими спутниками, взяв с того крепкое слово прекратить войну с дулебами и отпустить с миром всех людей-невольников, а весной приходить с посольством, чтоб тоже не остаться в стороне от секретов Девяти Книг. Весть о Книгах расползалась по всему краю, десятки людей стекались в Андогу отовсюду, и Тарус засадил писцов копировать записи, мечтая, что скоро свои Книги будут в каждом селении. Он подолгу толковал с пришлыми чародеями и возился с так и не пришедшим в память Яром.

Омут в Рыдоги не пошел — там стало совсем безлюдно, нечисть хозяйничала в пустых хуторах, и сунуться туда не решались даже самые отчаянные смельчаки. Но на весну Тарус наметил визит на болота и ничуть не сомневался, что изгонит нечистых из Рыдог.

Боромир быстро поправился и вертелся как белка в колесе — весь в делах. Поэтому Пожарский, Славута и Омут-Молчун часто оставались предоставленными самим себе. Первое время к ним приставали с просьбами рассказать о походе, особенно ребятишки, но друзья отшучивались и отправляли всех к Тарусу.

Как-то вечером они сидели на ступенях крыльца перед теремом Боромира, прихлебывали пиво и глядели на закат. За-

кат был багровый, точно в Иллурии, и мысли невольно возвращались к пережитому. Белую фигуру, неслышно выскользнувшую из-за угла, заметили не сразу.

— Что пригорюнились, храбры? — прозвучал негромкий голос.

Пожарский вскинул голову — перед крыльцом стоял Базун, такой же, как видели его у Танкарского Оракула.

— Устали, не иначе?

— Базун! — воскликнул Славута. — Ты где пропадал? Мы уже давным-давно вернулись. И не порожними: все Девять Книг добыли! Тарус от них ни на шаг не отходит...

— Знаю, — усмехнулся старец и, опираясь на посох, присел на нижнюю ступеньку. — Все знаю. Молодцы, ничего не скажешь. Вы еще сами не подозреваете, как изменится жизнь нашего края всего-то через лет пять—семь. Но — всему свой час. Мне нечего больше желать, вы исполнили предначертанное. Я и пришел потому, что больше мы никогда не увидимся. По крайней мере вы не увидите нынешнего меня.

— Как так? — не понял Славута. Говорил в основном он, из Омута, как обычно, слова не вытянешь, а Пожарский последнее время ходил смутный и тоже чаще отмалчивался.

— Вы не задумывались — зачем я вам помогаю? — спросил Базун, погладив длинную бороду. — А?

— Ну... — протянул дрегович и вдруг сообразил, что сказать ему нечего. — Не знаем, — наконец с облегчением выдохнул он.

— То-то и оно, — ответил Базун и величаво поднялся. — Это дело давно минувших лет. Мудрые предрекли, что с возвращением в Мир Девяти Книг вернется и старый Базун, но в новом обличье. Так что и от меня вам большое спасибо. Прощайте. Ваши имена войдут в легенды.

Старик в белом беззвучно зашел за угол. Когда Славута глянул туда, никого, конечно же, он не увидел.

— Слыхали? — вздохнул Славута чуть погодя. — В легенды, говорит...

— М-да! — только и оставалось протяжно вздохнуть Пожарскому. — Надо будет Тарусу поведать...

И он отхлебнул пива.

А еще через две недели на осенней ярмарке Пожарский встретил трех селян из Тялшина, из селения Пожар, где он обычно зимовал, если бывал не в походе. Собственно, потому его так и звали — Пожарский.

— Эй! Вишена! Пожарский! — окликнули его, и он, конечно же, подошел. У ладной телеги грелись крепеньким Выр, Рудошан и третий селянин, имени которого Пожарский не помнил. Продавали они шкурки, потому как все трое промышляли охотой.

— Здорово, земляки, — улыбнулся Пожарский. — Только я теперь не Вишена, а Хокан.

— Как так? — несказанно удивились все трое.

— А, — махнул рукой Пожарский. — Больно долго рассказывать...

— Хильнешь с нами? Под оленину? — спросил Выр, показывая полупустой булькающий мех.

— Отчего же? — снова улыбнулся Пожарский и с удовольствием хильнул из чаши-долбленки. Питье согревало, и было удивительно хорошо стоять тут, среди радостных людей, и глядеть, как молодежь, показывая удаль, карабкается на ярмарочный столб за поставой, и даже кое-кто постарше, желая тряхнуть стариной, сбрасывает куртку и лезет вверх под дружный хохот и шуточки окружающих.

— Зимовать придешь сей год? — расспрашивал Выр, который Пожарского знал лучше остальных.

— Думаю, — кивнул тот. — Куда ж мне? После ярмарки, наверное, и двину.

— А давай с нами? — предложил Выр. — В Черном сейчас неспокойно, особенно на болоте.

— Можно, — согласился Пожарский, подумав, что в Черном всегда было неспокойно. — Только я не один буду, со Славутой-дреговичем и Омутом-Молчуном.

— Ну и ладно, — обрадовался Выр, предвкушая долгие зимние вечера в теплой горнице и увлекательные рассказы о далеких странствиях под доброе пиво. — Тогда я наших предупрежу!

— Да! — вмешался вдруг Рудошан. — Вот за что еще хильнуть надобно: ты ж дядькой стал, Пожарский!

— Правда? — обрадовался тот. — Что, сестра родила? Кого?

— Парня! Богатырь, прямо...

Выр наполнил долбленку. Пожарский выпил.

— Эх, крепка, зараза! Как назвали-то?

— Назвали? Базуном... — ответил Выр и поднес к губам чашу.

Пожарский замер, словно громом пораженный. Он почувствовал, что должен немедленно поделиться услышанным хоть с кем-нибудь из друзей, потому что знал: таких совпадений не бывает.

Мимо как раз проходили Боромир с Тарусом в окружении нескольких дружинников, и Пожарский громко окликнул их.

На Андогу опускалась осень, пора сна, но ведь пройдет совсем немного времени, и придет весна, пора перемен.

Базун сказал — больших перемен.

Эпилог

Тень вернулась за ларцом в разгар трескучих февральских морозов. Над Андогой вились дымки из печных труб. Ночь простерла звездные крылья, серебрился снег, как рыбья чешуя. Селение спало, лишь в большой гридне Боромирова терема одиноко светила лучина. Тарус-чародей читал одну из Девяти Книг. Точнее, копию, настоящие Книги лежали в ларце, а ларец — в тайнике, здесь же, в гридне.

Волна тревоги уколола в сердце, Тарус вскочил, чувствуя, как нечто чужое и страшное приближается. Откуда? Снизу! Из-под земли!

Тень вынырнула посреди гридны, у стола, но Тарус уже стоял у двери. Алый взор оглушил его, но заклятие Красного Камня провело непреодолимую черту между ним и Тенью.

— Что? — тихо сказал Тарус. — Не нравится? Я хорошо изучил Книги, не сомневайся.

«Живой... Пусть... Мое...»

Тень выдохнула ледяную пургу, царапнувшую все естество Таруса, покружила по гридне, замерев у тайника, и канула под землю, откуда явилась. Вскоре отступил и холод, сжимавший сердце чародея.

Сглотнув, Тарус попытался расслабиться. Пока не получалось, мышцы были тверды как камень. Он выглянул в сени: на полу валялся хозяйский кот. Именно валялся, а не лежал. Чародей хотел дотронуться до него, но не успел: полосатое тельце осело горкой мелкой пыли.

Постояв с минуту, Тарус вернулся в гридну и проверил тайник. Так и есть, ларец с Книгами исчез. И у жителей Андоги остались лишь копии. Но разве есть разница, если ищешь знания?

Еле заметная улыбка тронула губы чародея. Тень вернулась за своим ларцом. А значит, в Книгах написана правда.

Тарус неторопливо сел за стол и перевернул желтоватую страницу.

ДУША ЧАЩОБЫ

«Придется ехать через Черное», — подумал Выр с неудовольствием. Старый бор жители Тялшина и окрестных земель старались обходить стороной. Мрачновато там... Нечисть, опять же, пошаливает. Кому охота голову в омут совать? Правда, кое-кто отваживался там хаживать, но только если не оставалось другого выхода. Вишена Пожарский, говорят, в одиночку Черное проходил не раз, да и побратимы его — Славута-дрегович, Боромир-Непоседа, Похил — тоже там бывали и ничего, целехоньки.

Но Выр-то не ровня им. Побратимы — воины, меч им привычен. А Выр — простой охотник. И приятель его, Рудошан, тоже охотник. Только и оружия, что пара ножей да луки со стрелами.

Впрочем, людей ни Выр, ни Рудошан как раз не боялись, а против нечисти оружие тоже не особый помощник. Вот Тарус-чародей, наверное, прошел бы Черное насквозь играючи, даже не глядя по сторонам. Черти, поди, разбежались бы с визгом, только он появись.

Выр вздохнул. Телега, груженная ворохами шкурок, тихонько поскрипывала. Рудошан отпустил поводья и беспечно болтал ногами, даже орехи, стервец, щелкал. Словно не в Черное им теперь дорога, а трактом, до самой Андоги, где путников больше, чем леших в лесу.

— Эй, друже, будь начеку, — посоветовал Выр. — В Черное въезжаем!

Угораздило же Мигу так разлиться! Не пройти нипочем, только бором, чтоб его...

— Да ладно, Выре, — отмахнулся Рудошан. — Не беги впереди телеги. Последнее время в Черном никто не пропадал.

— Потому что никто туда не совался, — проворчал Выр. — И Рыдоги вспомни — ведь никого не осталось, все селения обезлюдели.

— Где Рыдоги! — отмахнулся Рудошан. — Сколько дней топать.

Выр только вздохнул. На душе было муторно, и предчувствие навалилось какое-то нехорошее. А предчувствия часто сбывались.

Чаща стиснула поросшую травой и побегами ольхи дорогу; крепкие ядреные сосны с непривычно темной корой и непривычно темной хвоей мрачно простирали к путникам корявые ветви. Воздух стал каким-то серым, словно и не в лесу. Птичьи голоса остались где-то позади, а в Черном только тишина гулко звенела в ушах. Выр невольно передернул плечами.

Постепенно дорога превратилась в тропу, телега еле продиралась меж колючих веток, а конь то и дело пригибал голову и цеплял гривой хвою.

Рудошан догрыз орехи, выплюнул скорлупу и устроился в телеге поудобнее.

— Эй, Выр, лезь ко мне! — позвал он.

Выр отрицательно помотал головой.

— Охота тебе ноги бить, — сокрушенно вздохнул Рудошан.

За очередным поворотом тропы конь стал как вкопанный. Поперек пути лежала сухая сосна в несколько обхватов. Верхушка ее пряталась в переплетении обломанных крон; как рухнуло старое дерево на соседей, так и застыло, чуть не достигнув земли. Человек ползком пробрался бы под мшистым стволом, но как быть с телегой и лошадью?

Выр хотел чертыхнуться, но вовремя вспомнил, что в таком месте имя нечистого лучше не произносить, и только сплюнул с досады.

— Ну вот, приехали. — Рудошан соскочил с телеги, приблизился к преграде и задумчиво пнул ее сапогом. На тропу посыпалась сухая желтая хвоя.

— Чего делать-то будем? — спросил Выр несколько растерянно. — Лесом никак ведь не объедешь...

— М-да... — протянул Рудошан. — Топор-то у меня есть, но сколько мы с такой орясиной возиться будем? До темноты никак не успеть.

Выр даже вздрогнул. Ночевать в Черном? Нет уж, лучше сразу лечь и помереть.

— Да чего ты смурной такой, — сердито сказал Рудошан, роясь под тюками со шкурками. — Словно прижали нас к стене, и деваться некуда. Вечно заранее себя хоронишь!

Наконец Рудошан нашарил топорик и потрогал лезвие пальцем. Топорик был достаточно остр.

Посреди ствола рубить не имело смысла. Рудошан подумал: лучше срубить несколько молодых сосен у пня, и тогда попытаться провести коня с телегой чуть в стороне. Вполне может получиться.

Он подошел к корявому толстому пню. Старая сосна подгнила у самых корней, пень напоминал раскрошенный зуб. Разбросанные рядом щепы успели потемнеть от дождей и времени — сколько уже валяется вековая сосна поперек тропы? И сколько тут никто не ходил?

Рудошан еще раз пнул ствол и с размаху тюкнул топором в заплывшую смолой трещину. Удар неожиданно отдался в ладони, и топорище выпало из руки. Словно не по дереву Рудошан рубанул, а по железу. Боль была неприятная, тупая, ноющая. Пригляделся, хотя было сумрачно, — Черное все-таки. Под слоем загустевшей бог весть когда смолы что-то крылось. Поднял топор (на лезвии образовалась зазубрина), соскоблил смолу. Осторожно потюкал, расщепляя податливую древесину.

Что-то железное. Не то нож, не то крюк какой-то.

— Чего ты там возишься? — нервно окликнул его Выр, топтавшийся у телеги.

— Да, тут в стволе нашлась какая-то штуковина. Топор чуть не загубил, холера... Точи теперь!

Спустя несколько минут Рудошан освободил железку из давних объятий мертвой сосны. Более всего она напоминала обычный клин, но кому понадобилось отливать клин из металла? По крайней мере, Рудошан никогда ни о чем подоб-

ном не слыхивал. Разглядывая находку, он приблизился к Выру. На тропе было светлее, клин казался гладким, словно стекло, и на нем виднелись с трудом различимые письмена.

Рудошан протянул клин Выру:

— Разберешь, грамотей?

— Душа чащобы, — шевеля губами, прочел Выр. — Ничего не пойму. Где ты это взял?

Рудошан повел головой в сторону перегородившей путь сосны:

— Да, в стволе... Не то чтобы торчала — наверное, кто-то вколотил его в трещину, да так и бросил. Правда, сколько лет назад — и представить боюсь. А дерево росло, постепенно и втянуло клин этот в себя. Не иначе.

Выр повертел находку перед глазами. И в это мгновение вдалеке кто-то протяжно завыл. Может быть, волк. Но какой волк станет выть белым днем? Да еще летом?

— Чур меня! — побледнел Выр и выронил клин. Конь дернулся и тревожно захрапел. Вой тотчас оборвался, словно тот, кто выл, теперь прислушивался.

Рудошан поднял клин и сразу увидел, что надпись на нем с двух сторон.

— Эй, тут еще что-то написано! — Он взглянул на Выра и раздраженно добавил. — Да перестань ты трястись!

Выр неохотно прочел:

— Выдь немедля.

Больше на железке надписей не было: два слова с одной стороны, два с другой.

— Гм! — протянул Рудошан и поскреб макушку. — Что бы это значило: душа чащобы, выдь немедля!

Порыв ветра ударил, словно вихрь в поле налетел. Низкий голос тихо произнес:

— Приказывайте...

Выр нервно обернулся. У тропы стояло похожее на бочонок создание, поросшее седым лишайником. Ноги его напоминали толстые пни, а руки — кривые сучья. Рот — как дупло, носа нет вовсе, а глаза красные, что закатное солнце.

Рудошан некоторое время собирался с мыслями, потом неопределенно промычал, благо рот сам собой открылся:

— А-а-а... Дорогу бы освободить!

Лесовик повел рукой-веткой, и ствол старой сосны рассыпался в пыль, а сучья, шурша, упали наземь.

— Еще?

Рудошан вновь отвесил челюсть.

— Кто ты? — нетвердо спросил Выр. Чувствовалось, что ему очень хочется залезть под телегу. Вообще Рудошан знал, что Выр далеко не трус, на медведя мог в одиночку выйти, но как только дело касалось нечисти, вся его храбрость вмиг улетучивалась. Странно, но это так.

— Я — душа чащобы. Приказывай, хозяин!

Лесовик обращался к Рудошану, несмотря на то что клин держал в руках Выр.

— Я твой хозяин? — уточнил Рудошан.

— Да. Ты меня вызвал.

«Наверное, когда сказал: выдь немедля, — догадался Рудошан. — Ну и дела!»

— Ты всегда придешь на помощь? — спросил он.

— Тебе — да. До тех пор, пока ты будешь в Черном.

— А за пределами Черного?

— Ты не вынесешь меня отсюда. Смертному это не под силу.

«Клин, — понял Рудошан. — Он имеет в виду клин. Пока он у меня — будет слушаться. Но вынести клин из Черного нельзя. Интересно, почему?»

— Когда будешь нужен, я позову! — сказал Рудошан, отбирая клин у Выра и пряча его за пазуху. Железо было теплое.

С тем же порывом ветра лесовик отступил за стволы. Подобрав топорик, Рудошан стегнул лошадь.

— Н-но, милая!

Выра не нужно было уговаривать — семенил рядом с телегой. Рудошан задумчиво гладил железку за пазухой. Было до странности увлекательно и одновременно жутко.

В глубине леса вновь завыли, на этот раз ближе. Выр тихо выругался.

Близился полдень. Если все пойдет гладко, они успеют миновать Черное задолго до темноты.

Первое время все шло как нельзя лучше, лошадка бодро трусила по тропе, раздвигая колючие ветви. Рудошан зыркал

направо-налево, а Выр, то ли умаявшись, то ли еще почему, сидел на тюках и глядел назад.

Волка первым почуял конь. Всхрапнул и замер. Выр схватился за лук.

Зверь стоял у ствола сосны и мрачно глядел на телегу. Глаза его горели, ровно угли, даже в свете дня.

— Громадный какой, — побормотал Рудошан, тоже берясь за лук. И, с замиранием в сердце, позвал:

— Душа чащобы, выдь немедля!

Порыв ветра, упругий, как железная пружина, и глухой голос:

— Приказывай, хозяин...

Бочонок возник совсем рядом с волком, который сразу стал казаться мельче и даже хвост поджал.

— Вели этому, чтоб не чинил нам зла! — потребовал Рудошан.

Лесовик повернулся к зверю:

— Уходи!

Волк послушно канул в глубь бора.

— Пока все, — отпустил лесовика Рудошан, удивляясь своей уверенности.

Порыв ветра был уже привычен.

— Холера! — не своим голосом сказал Выр. — Это был вовкулак, ты заметил?

— Еще бы не заметить! — отмахнулся Рудошан. Железка за пазухой жгла ему грудь. — Н-но, милая!

Телега сдвинулась с места.

До вечера душа чащобы отогнала от тропы двух тупых упырей голодного грида. Выр как стал белым еще при виде вовкулака, так и сидел мышкой на шкурках. Рудошан, обливаясь потом, призывал нового слугу и отдавал короткие приказы. Нечисть убиралась с дороги, повинуясь лесовику-бочонку беспрекословно. Но нервы натянулись до предела.

А потом тропа вновь обратилась в дорогу, и впереди показался долгожданный просвет. Черное осталось позади.

Рудошан остановил коня и потянулся к топору.

— Чего? — забеспокоился Выр. Последние несколько минут он заметно оживился, вновь обрел нормальный цвет лица

и перестал напоминать покойника с отчетливо-черной бородой на молочно-белом подбородке.

Рудошан не ответил. Извлек клин из-за пазухи и прыгнул с телеги. Выбрал сосну потолще, обошел кругом и вставил клин в трещину ствола. Обух звякнул, вгоняя железку в плоть дерева.

Сосны дружно зашумели на ветру. Выр, глянув вверх, спросил Рудошана:

— Зачем?

А тот не останавливался, пока не вбил клин полностью. Перебросил топорик в левую руку и обернулся к приятелю:

— Зачем? А тебе бы хотелось расстаться с душой, друже?

Выр непонимающе глядел на него. Но не стал возражать.

В самом сердце старого бора тоскливо завыл вовкулак, но Рудошан даже не обернулся. Впереди виднелось житное поле и стены большого селения — Андоги.

А над Черным гулял ветер.

Декабрь, 1995
Москва

ШАНДАЛАР

ОБЛАЧНЫЙ КРАЙ

(ИСТОРИЯ ПОД ШУМ ДОЖДЯ)

Весна в тот год так и не наступила. Поняли это гораздо позже, когда стаяли февральские заносы и схлынул пронизывающий холод. Зима ушла, отступила за Стылые Горы, но ее место никто не занял. Земля размокла, превратившись в полужидкое отвратительное месиво. Даже сильные шандаларские кони с трудом выдергивали копыта из этой жуткой трясины. А сверху сыпал и сыпал мелкий прохладный дождичек, иногда пополам с мокрым снегом. Не то чтобы беспрерывно: примерно через день или через два на третий. Изредка показывалось Солнце ненадолго, на час-другой, если в плотной облачной пелене случалась прореха. Сначала ждали, что это быстро прекратится, установится ясная погода, потеплеет, подсохнет осточертевшая всем грязища, а там, глядишь, поля зазеленеют, свалится из поднебесья ажурная трель жаворонка...

Не дождались. Ни тепла, ни погоды, ни жаворонков. Тучи ползли низко над Шандаларом, сыпал через день назойливый дождь, а весны все не было и не было.

К исходу апреля люди заволновались: давно пора теплую одежду сбросить и затолкать подальше. До зимы, до холодов. А тут...

Ночью по-прежнему замерзали мелкие ручьи. В тени старых елей грязно-серыми пластами лежал пропитанный водой снег. Грачи, скворцы и ласточки запаздывали.

Пришел май, и ничего не изменилось. Дождь, слякоть, тучи, холод. Над Шандаларом вставал призрак большого голода.

Весна забыла о нашем крае. Без нее не пришло и лето. Пора смены сезонов канула в небытие. А нам предстояло научиться жить без времен года, в час, когда зима уже ушла, а весна еще не явилась и скорее всего так и не явится. Предстояло привыкнуть к вечной грязи и влажности и отвыкнуть от солнца.

Не думайте, что это было легко.

Гоба Уордер, настоятель. Приход Зельги,
летопись Вечной Реки, год 6743-й.

Сырая безлунная ночь вливалась в долину, как вливается в отпечаток копыта на дороге мутная болотная жижа. Дождь моросил четвертый день кряду, а Солнце в последний раз являло свой пламенный лик Шандалару больше трех месяцев назад. Месяцы жители Озерного края отсчитывали по привычке: Луну тоже удавалось увидеть всего раз-два за несколько недель. Виной всему тучи: плотной завесой окутали они Озерный край, словно вознамерились утопить его нескончаемым дождем.

Мирон поплотнее закутался в плащ. К сентябрю верховые лоси шалели перед гоном, и укротить их мало кому удавалось, поэтому месяц-другой путники могли рассчитывать лишь на собственные ноги.

Путь Мирона лежал на юг, к заливу Бост, где в устье Санориса кое-как влачил существование городишко-порт Зельга. По шандаларским меркам город был большим и богатым, но Мирон, повидавший на своем веку немало людных столиц, иначе как дырой и глушью не мог его назвать. В Зельгу изредка наведывались заморские купцы-южане. Шандалар торговал лишь плодами мха-опоки. За долгие годы бессезонья опока, нечто среднее между злаком и ягодой, приспособилась к чудовищной влажности, холоду и буйно разрослась по всему Шандалару. Кое-где ее пытались культивировать и получали более крупные, чем у дички, плоды. Живи в Озерном крае

побольше народу, может, и удалось бы сделать ее популярной на всем побережье. А так — брали купцы по нескольку мешков, и все. Ну и, понятно, дичь, шкуры болотных выдр — то, чем Шандалар славился еще до бессезонья.

Мирон усмехнулся — вспомнил, как старик Копач сватал его к своей внучке. Заживем, говорил, на хуторе, поле расширим — за Векшиным болотом хорошая земля есть. Его, Мирона, — в землепашцы! Смех, да и только.

Громко зашлепал с дороги прямо через трясину болотный заяц. Со времен Сезонов длинноухие сподобились отрастить себе плоские перепончатые лапы, ни дать ни взять — лягушачьи. Вот и скачут теперь по топям, словно горцы на снегоступах. И не тонут, холера! Даже не проваливаются. Людям бы так.

Тогда бы Мирон потопал напрямик, через реку Бусингу, и дальше — берегом озера Скуомиш, к Маратону. Но он не заяц, его удел — извилистая мокрая тропа, которую по привычке зовут дорогой. И приведет она путника в Зельгу еще ох как не скоро.

Вот и остров — поросший ивняком и ольхой бугорок в бескрайнем болоте. Приятно вновь ощутить под ногами землю, хоть раскисшую, но землю, а не коварную пористую мочалку над болотными ямами...

Мирон стряс с сапог налипшие комья глины и принялся устраиваться на ночлег. Натянул закопченный матерчатый конус и развел огонь. Веселые желтые язычки пламени заколыхались на куске огненного камня. Этот кусок грел Мирона и делал вкусной его пищу уже семнадцатый день. Хорошо, что существует такой камень: дров, пригодных для костра, в промокшем насквозь Шандаларе давно не осталось. Палатка служила Мирону лет восемь. Когда-то он очень удачно выменял ее у одного пройдохи-торговца из Лакримы на два родовых хоразанских ножа.

Путник скинул плащ, расстелив его у огня, — немного, да подсохнет за ночь. Нанизал на шампур походное мясо, скупо полил вином (неслыханная роскошь, но сегодня он мог себе это позволить) и принялся готовить ужин. Дождь шелестел снаружи, шептал свою двухсотлетнюю песню, в палатке же было сухо и уютно, а скоро станет еще и тепло.

Скоро Мирон насытился, надул ложе и растянулся у огня. Вытер жирный шампур пучком мха и сунул в заплечный мешок, брошенный в изголовье. Хотел достать оттуда же Знак Воина — маленькую металлическую пластинку с выгравированными тремя рунами, но поленился. Двигаться совсем не хотелось, а так пришлось бы шарить на самом дне мешка.

Знак Воина обычно носили на цепочке, как паспорт и талисман, но Мирон еще вчера снял его, когда хлопотал у огня.

Он отхлебнул вина из плоской фляги; полудрема захлестнула его, будто туман низину. Ему снился Знак Воина — награда за доблесть, визитная карточка умелого бойца и верного защитника людского рода. Под этим небом Знак имели лишь немногие. В Шандаларе, кроме Мирона, его не имел никто. Вернее, сейчас никто. Двое отмеченных Знаком скитались в дальних землях за пределами Озерного края. Первого из них Мирон не видел семь долгих лет, второго не видел никогда.

Проснулся он поздно. В палатке было на редкость тепло; огненный камень рдел большой жаркой искрой. Мирон соскреб бурые пласты нагара, и язычки пламени тут же заплясали в полумраке палатки, осветив ее и бросив на плотную материю причудливые тени.

Мирон выбрался наружу; разминая одеревеневшее после сна тело, направился к ручью. Дождь за ночь прекратился, тучи из свинцовых стали светло-серыми. Кусты окатывали его целыми водопадами холодных капель, и Мирон подумал, что к ручью в общем-то и ходить незачем. Глаза резал непривычный свет: обыкновенно в Шандаларе гораздо сумрачнее, чем в это утро.

Вволю поплескавшись в ручье, Мирон натянул две свои куртки и бодро зашагал назад к палатке, предвкушая скорый завтрак. Идти он старался точно по своим следам: принимать ледяной душ по второму разу совсем не хотелось.

У палатки стоял крепкий длинноволосый парень и вертел в руке Миронов Знак Воина.

Мирон замер. За подобное воровство полагалась немедленная смерть. Рука сама скользнула на рукоять меча.

И он бросился в атаку, издав неистовый боевой клич. В руке незнакомца тоже сверкнул меч; Знак он сунул за пояс.

— Й-э-э-э!

— Й-э-э-э!

Сшиблась сверкающая сталь, которую не брали ни время, ни вездесущая ржавчина. Они рубились, высекая рыжие искры, отхватывая кустам ветви, утаптывая рыхлую грязь на пятачке перед палаткой.

Незнакомец явно не первый день владел мечом: Мирон долго ничего не мог ему сделать, хотя многие искусные фехтовальщики познали мощь Мироновой руки.

Пошли в ход кулаки и ноги: чужак саданул Мирону в ухо, а сам получил сапогом под колено.

Минуты через три Мирон достал ему локоть, а потом плечо, но неглубоко, едва ли глубже кожи. Тем не менее кровь все же хлынула. Но рано успокаиваться: незнакомец ловко отбил боковой секущий, перебросил меч в левую руку и сделал стремительный выпад.

Мирон едва увернулся, но бок словно огнем опалило. Куртка стала липкой от крови — та, что внизу. Даже вторая, верхняя начала окрашиваться в темно-красный цвет у прорехи.

Еще через минуту чужак невероятным блоком отразил Миронов удар, вывернул кисть под совершенно немыслимым углом и выбил у Мирона меч. Мирон тут же поймал противника на замахе, взял руку на излом и швырнул чужака на вязкую землю. Меч его, вращаясь, отлетел даже дальше Миронова.

Они сцепились врукопашную. Мирон насел на незнакомца сверху, но тот мигом перебросил его через себя. Но и сам не успел навалиться: Мирон мягко перекатился и вскочил. Застыли на секунду друг против друга.

Минуты три они обменивались молодецкими ударами; нет-нет, а удавалось то одному, то другому пробить умелую защиту соперника.

Мирон чувствовал, что устает, а чужак все еще стоял на ногах. Так долго Мирон никогда еще не возился. Ни с кем. Крепок, однако, парень!

Вскоре Мирону все же повезло: противник поскользнулся и на мгновение открыл правый бок. Этого хватило, Мирон тут же ударил и опрокинул вора на землю, благодаря судьбу за вражью оплошность. Рука скользнула за пояс. Вот он, Знак Воина на витой цепочке.

В следующую секунду Мирон отпустил чужака и встал.

— Пожалуй, я должен извиниться, незнакомец. Я решил, что ты стащил мой Знак.

Мирон протянул цепочку хозяину. На серебристой пластинке были совсем другие руны. Вместо «Торн, Еол, Ур», «помощь, защита, определенность», он увидел «Ос, Инг, Хагал», что можно было прочесть как «знание, исполнение, внезапность».

Мирон столкнулся с Воином. Вот почему одолеть его удалось лишь благодаря нелепой случайности.

Незнакомец взял Знак и надел на шею. Только потом встал, вопросительно глядя на Мирона, точнее, на его грудь, где под распахнутыми воротами курток полагалось носить Знак. Пришлось нырять в палатку и лезть в мешок.

Узрев Знак, незнакомец успокоился, подобрал меч, отер его о мох и вложил в ножны.

— Ты — Мирон Шелех! — сказал он уверенно. — Тебя я и ищу. По правде сказать, не ожидал тебя встретить так близко от Зельги. Думал, не ближе Хорикона или даже Дороха.

Мирон миновал озеро Хорикон еще три дня назад. А к Дороху даже не приближался, переплыв Батангаро на челне старика Копача.

— Назовись, Воин! — потребовал Мирон. Он имел на это право. Законы есть законы.

— Демид Бернага.

Мирон кивнул — приходилось слышать это имя. Кроме всего прочего, этот парень оказался еще и одной крови — их предки когда-то пришли в Шандалар из одних и тех же земель, далеко с востока.

Ныне в Шандаларе смешались люди отовсюду, из самых разных краев, от Ледовитого океана до сухих заморских пустынь, от глухой тайги на востоке до синей Атлантики на западе. Десятки языков и наречий звучали в каждом селении. Чаще всего число наречий совпадало с числом домов, а то и превышало его. Названия рек и озер разнились на слух: наряду с понятными и близкими Мирону (Буса, Чепыга) хватало явно западных (Вудчоппер, Скуомиш, Корондаль), южных и юго-восточных, отдающих жаром и солнцем (Шургез, Шаксурат), се-

верных, тэльских (Кит-Карнал, Батангаро, Рас-Раман). Мирон боялся представить, что творилось на этих землях во времена Сезонов, когда в Шандаларе было по-настоящему людно. Когда холода еще не прогнали с насиженных мест целые селения и города.

— Зачем ты искал меня? — спросил Мирон, вгоняя в ножны свой меч.

Демид ответил не сразу. Постоял, размышляя.

— Меня послал Даки.

Даки держал таверну в Зельге. Его знали все путешественники и купцы от Адванса до Сулны. Собственно, Даки и сам был купцом, точнее, перекупщиком, поскольку когда-то осел в Зельге, лет сорок назад, и все это время не сдвинулся с места. Говорили, что он вообще не покидает старый трехэтажный дом, где первый этаж занимает таверна, а выше расположены комнаты для приезжих. Сказки, конечно.

— Месяц назад явился торговец с запада — из новых, ты его не знаешь. Среди его товаров был Знак Воина.

Мирон посуровел. Это могло значить только одно: кто-то из Братства погиб. Но кто?

Демид словно подслушал его мысли.

— Руны принадлежали Лоту Кидси.

Мирон сжал челюсти так, что заныли зубы. Лот, третий шандаларец, отмеченный Знаком. Тот, кого он не видел семь лет. Самый старший из Воинов Озерного края.

— Даки вытряс душу из пройдохи-торговца, однако тот молчал, словно заговоренный. А потом исчез. Вроде бы его видели на шхуне, отплывшей на архипелаг, но это так, слухи, никто их не подтвердил. Как медальон попал к нему, мы не выяснили.

Законы Братства гласили: если Воин погиб, убийцу настигнет кара других Воинов. Мирон не собирался нарушать законы, тем более что Лот Кидси был его давним другом и в какой-то степени — учителем. Он потянулся к мечу, чтобы произнести клятву отмщения, но Демид остановил его коротким жестом.

— Погоди, это еще не все. Через неделю другой торговец пытался продать еще один Знак. Знаешь чей?

Мирон вопросительно глядел Бернаге в глаза. Неужели кто-то из друзей? Два Воина, погибшие в один год, — впервые в истории Братства.

— Твой, Шелех. Твой Знак. Он и сейчас у Даки. И ничем не отличается от настоящего, ибо настоящий, без сомнения, у тебя на груди.

Мирон машинально потянулся к металлической пластинке. Два одинаковых Знака? Нет, это невозможно. Знаков много, больше трех сотен на весь Мир, но одинаковых среди них нет. На каждом свои руны, и все Воины, владевшие когда-либо Знаком, подходили к рунам по характеру и нраву. Если Воин погибал или становился слишком старым для битв, Знак забирали траги, подыскивали для него нового обладателя, и тот становился Воином. Постаревшие Воины служили трагам. Погибших просто помнили, отомстив, если было кому. Кто такие траги, никто из Братства толком не знал. Возможно, боги. Возможно, слуги богов. Возможно, маги. Впрочем, это никого не интересовало. Воины просто хранили Мир, такой, какой он есть, не пытаясь изменить. Каждый в своем краю, объединяясь с соседями в трудные времена.

— Помоги свернуть палатку, — сказал Шелех Демиду. — Нас ждет Зельга.

«Значит, Даки решил, что я погиб. И направил Бернагу на хутор, где я зимовал. Хотя нет: Бернага сказал, что ожидал меня встретить, правда, гораздо дальше к северу. Выходит, не поверил Даки в мою смерть. Что бы это значило? В любом случае надо запомнить».

Дождя не было до самого вечера. Они шли к городу, оставляя в податливой сырой земле округлые вмятины. Грязь липла к сапогам, норовя сдернуть их с ног. Мирон то и дело дрыгал ногами, стряхивая ее. Мысли вертелись вокруг ложного Знака — кому понадобилось подделывать его? И зачем? Мирон терялся в догадках и оттого не глядел по сторонам, ступая за Демидом. Тот еще поутру объявил, что от Цеста пойдут прямой тропой, раз уж дождя нет; ну, Мирон и пустил его вперед, мол, коли предложил, так и веди.

Демид неожиданно замер; Шелех едва не ткнулся ему в спину. Рука потянулась к мечу.

Бернага разглядывал что-то у себя под ногами, пристально и с недоумением, угадываемым даже со спины.

— Ну и ну! Кто ж это тут бродил?

Мирон выглянул из-за плеча — тропу пересекали следы, наполненные целыми озерцами мутной воды. Не следы, следищи! Конское копыто, размером с варварский щит, и три пальца толщиной, с барзунскую сосну. Зверь (если это зверь) должен быть не меньше двухэтажного дома. А то и покрупнее. Следы выходили из сплошной топи, вминали мох на тропе и терялись в такой же топи на противоположной стороне.

Шелех огляделся — болото было спокойным, как и всякое болото. Орали лягушки да шелестела на кочках опока.

— Видал такое прежде? — спросил Демид с надеждой.

Мирон покачал головой и протянул:

— Не-е...

— Тогда пошли, да поторопимся!

Демид прыгнул через след, стараясь не задеть его, потом через другой.

Мирон молча согласился, что встреча с неведомым чудищем в самом сердце болот Скуомиша, мягко говоря, излишня. Прыгать он не стал: сошел с тропы и обогнул следы, разбрызгивая бурую болотную жижу.

Они отошли версты на три, прежде чем Демид обронил:

— Развелось в болотах погани... За Эркутом, говорят, змеи расплодились, да здоровущие! Чуть не длиннее плети.

— Я слыхал — изрядно длиннее. Мол, всадников с лосей на скаку сбивают, — сказал Мирон задумчиво. — Врут, поди.

— Ага, — буркнул Бернага, — врут. А здесь тогда кто бродил? Дракон?

— Драконы мельче. Вернее, следы у них мельче. И на куриные очень смахивают. А эти — нет.

Демид даже обернулся:

— Видел ты их, что ли? Драконов-то?

— Видел, — хладнокровно ответил Мирон, — дважды. В горах.

Бернага умолк, переваривая услышанное. Он получил Знак от вездесущих трагов всего два года назад и не успел еще очень многого увидеть и узнать.

Воины продолжили путь. Скоро подкрались вечерние сумерки; вновь зарядил унылый дождичек. Путники выбрали островок посуше, поставили палатку, развели огонь и подкрепились. У Демида надувного ложа не было, зато имелся теплый мешок, в котором он мог спать даже без палатки, называемый странным словом «спальник». Под уютное мерцание огненного камня Воины уснули, окруженные бескрайними болотами, а сверху сыпал и сыпал мелкий дождь, шурша и всхлипывая.

Демиду снился дракон. Точно такой, какого он видел на картинке в книге Дерта-грамотея, — зеленоватый, с длинной шеей и еще более длинным хвостом, с распростертыми перепончатыми крыльями. Разинув клыкастую пасть, дракон ревел, изрыгая струи ослепительно яркого пламени. Рев становился все громче.

Когда рев стал нестерпимым, Демид проснулся. Взгляд его упал на закопченный полог палатки. Рядом приподнялся на своем ложе Мирон.

И вдруг совсем рядом прозвучал низкий утробный рев. Язычок пламени на камне вздрогнул и покачнулся.

Мирон вскочил, натянул куртку и сунулся наружу; Демид, выползши из мешка, поспешил за ним.

Ночь умирала: на востоке посветлело затянутое плотной облачностью небо, а над болотами вместо кромешной тьмы шандаларской ночи висели лиловые предрассветные сумерки. Дождь не прекращался; Демид поежился от холода. Мирон вертел головой, всматриваясь в обманчивый полумрак.

И вдруг они увидели. По болотам брел громадный зверь. Мощные, как колонны, лапы разбрызгивали грязь и тину, лоснящееся тело наклонено вперед; на груди болтались непропорционально маленькие передние лапки, отдаленно напоминающие руки людей; хищно посаженная голова медленно поворачивалась, осматривая дорогу, а толстый, с добрую колодину, хвост волочился следом. Разинув пасть, где угадывались устрашающе многочисленные зубы, зверь заревел; глаза его вспыхнули красным. Островок, на котором стояли Демид с Мироном, вздрагивал при каждом его шаге.

Откуда-то издалека донесся слабый ответный рев; чудище поворотило голову и рыкнуло в ответ, а затем направилось

прочь от островка, ступая теперь вдвое чаще и быстрее. Скоро оно растворилось во мгле, а звук шагов утонул в мягком шорохе нескончаемого дождя.

Воины переглянулись.

— Ты заметил? — глухо спросил Мирон и закашлялся.

Демид кивнул. Он заметил.

На загривке зверя-гиганта смутно угадывался неясный силуэт всадника.

Кто мог оседлать подобное чудовище, шандаларцы не осмеливались даже предположить.

— Знаешь, — сказал Демид, мелко дрожа от пронизывающего предутреннего холода, — что-то мне подсказывает: это связано с проданными в Зельге Знаками. Назревает что-то.

Мирон обернулся к товарищу, оторвав наконец взгляд от однообразных болот.

— Пошли в тепло...

Уже в палатке он подумал: «Хорошо, что огонек не виден снаружи...»

Когда совсем рассвело, они прошли мимо места, где заметили зверя. Следы почти совсем размыло дождем, но даже сейчас легко было понять, что ранее они видели на тропе следы какого-то иного существа.

Мирон мрачно глянул на Бернагу.

— Какие еще у тебя предчувствия?

Демид промолчал.

С этой ночи они оставались настороже, но болота и мокрые приморские равнины больше ничем их не беспокоили, а к нескончаемому дождю шандаларцы привычны сызмальства.

Четыре дня спустя вышли к Зельге. Около полудня Мирон застыл на полушаге, уставившись в небо. Мелкие капли сыпались ему на лицо.

— Эй, Демид! Чайка! Настоящая, морская.

Белая птица, мерно взмахивая узкими крыльями, неспешно летела на юг. Путники залюбовались ею: более свободного создания в Шандаларе не сыскать.

Вскоре из-за близкого горизонта поднялась башня зельгиного маяка, а позже и мокрые крыши окраинных домов. Тропа незаметно вывела к дороге, мощенной темным булыжником. Идти сразу стало легче — на дороге не было грязи и

луж. Вкупе с мыслью о тепле таверны, о горячей пище и кружке доброго эля это несказанно подняло настроение усталым путникам. Шаг ускорился сам собой, благо по булыжной дороге топать было одно удовольствие.

Зельга приближалась с каждой минутой. Стали видны первые дома, а не только высокие черепичные крыши. Два всадника промчались в сторону соседней деревушки, приветственно вскинув руки. Воины помахали в ответ.

Дорога втекла в город, словно ручей в озеро. За окнами домов мелькали лица людей, разглядывавших путников, били часы на башне мэрии, а из редких кабачков доносились обрывки музыки и песен, чаще всего матросских.

Вот и Площадь; широкая улица спускается от нее к пристани; слева — мэрия и храм, справа — таверна Даки. Воины повернули направо. В окнах таверны мерцали отсветы каминного пламени. Над массивной дубовой дверью, сработанной еще во времена смены сезонов, вечно мокрая вывеска: «Облачный край». И ниже: «Заведение Дакстера Хлуса».

Мирон взялся за позеленевшее от сырости и времени кольцо и потянул дверь на себя. В открывшуюся щель хлынул теплый, пахнущий снедью воздух пополам со старой застольной песней:

В Зельге снова попойка,
Каждый вечер у стойки
Дак стоит, прищурив глаз.
В этой старой таверне
Вы бывали, наверно,
Не один десяток раз.

Сколько Мирон себя помнил, в «Облачном крае» пели эту песню. Она давно стала частью городка и частью Шандалара. Моряки и крестьяне, мастеровые и монахи с архипелага — ее пели все. Когда-то давно Дак случайно обмолвился, что песню сложил его старинный друг, матрос по имени Фрол из страны, зовущейся не то Кром, не то Крым, но в Шандаларе никто не слыхал о такой стране. А песню теперь пели не только в Озерном крае, но и далеко за пределами.

Мирон с Демидом стали на пороге зала, затворив за собой дверь. Непогода осталась снаружи, хотелось надеяться, что на-

долго. В камине жарко пылали здоровенные куски огненного камня; чадили факелы, несмотря на дневную пору. Все столы были сдвинуты вместе; горожане, подняв резные деревянные кружки с элем, раскачивались в такт песне, положив свободную руку на плечо соседу.

Гей-гей, кружки налейте,
Гей-гей, трубки набейте
Дорогим туранским табаком.
Гей-гей, помните, братцы,
Гей-гей, грусти поддаться —
Хуже, чем лежать на дне морском.

Кружки с треском сшиблись над столом, роняя искристые брызги доброго заморского эля.

Гей-гей, хватит о смерти,
Гей-гей, пойте и смейтесь:
Нет пока причины горевать.
Гей-гей, наша фортуна,
Гей-гей, добрая шхуна,
На нее лишь стоит уповать.

Людей в таверне собралось больше, чем обычно, да и присутствие мэра с советниками кое о чем говорило. Праздник в Зельге, не иначе.

А вон и Даки за стойкой — ломает печать на только что принесенном бочонке эля.

— Мирон! Демид! Чего стоите? Давно вас ждем!

Шелех повернул голову на голос — за столом призывно махал рукой Лот Кидси, старший Воин Шандалара. Живой и невредимый. У Мирона отлегло от сердца.

Обернулся на шум Даки, швырнул полотенце поваренку и, растопырив руки, выскочил в зал. Мигом наполнили две кружки, и вот уже кто-то стащил с путников плащи, кто-то освободил место за столом, кто-то крикнул, чтобы принесли жаркого; а Мирон вдруг ощутил себя так, словно вернулся домой.

Собственно, так оно и было.

Спустя час, когда Мирон с Демидом успели и подкрепиться, и вымыться, и переодеться в сухое, и согреться доброй порцией эля, стало совсем хорошо.

Праздновали не попусту: Зельга построила два собственных корабля. Долгий труд нанятой тэльской общины мастеров позавчера завершился, и еще пахнущие свежей древесиной суда успешно спустили на воду. До сих пор кораблей Шандалар не имел, и на эти две шхуны возлагались большие надежды. Несомненно, что торговля нуждалась в оживлении, а там, где торговля идет удачно, там и люди живут лучше. Отныне не нужно будет ждать, когда заморские купцы изволят завернуть в Зельгу, и не надо будет платить тройную цену за дерево, зерно, ткани... В общем, народ гулял второй день.

— Сегодня о делах ни слова, — предупредил Лот. — Отдыхайте.

Мирон глянул на Даки — тот молча кивнул.

— Завтра так завтра, — согласился Воин, подмигнув Демиду. — Где там эль?

Эль был совсем рядом.

Наутро голова у Мирона не то чтобы трещала — но уж точно потрескивала. Накануне следовало ограничиться элем, так нет, Даки увел кое-кого из зала к себе в погребок и выкатил бочонок вина. И не какой-нибудь кумской кислятины — настоящего монастырского кагора, крепкого, отдающего жженым сахаром. А потом, помнится, пиво кто-то наверху разливал...

Короче, пока не хлебнул Мирон рассолу изрядно (спасибо, у изголовья добрая чья-то душа целый жбан оставила), утро было не в радость.

Демид тоже отпил, не отказался.

— Ух!

Мирон посмотрел на товарища: тот был на удивление бодр. Пел даже: «Гей-гей, кружки налейте...»

— Какое там наливать, — проворчал Мирон. — После вчерашнего-то. Хватит...

За окнами шел дождь. Небо, одинаково серое, низкое, нависло над Зельгой. Море тоже было серое, но темнее, чем небо. Пристани из окон взгляд не доставал, мешали невысокие деревца на склоне, но мачты новых шхун и трех чужих кораблей виделись ясно.

Вскоре заглянул Даки.

— Проспались, орлы? Спускайтесь, завтрак сейчас подадут. Заодно и потолкуем.

Таверна, несмотря на ранний час, уже открылась. Мастера-тэлы разрезали на части пирог с морошкой; компания моряков-чужеземцев чинно поглощала жаркое, запивая местным пивом. В «Облачном крае» бузить не осмеливались даже самые отпетые гуляки и драчуны. У Даки такие подручные, что не очень-то побузишь.

Парнишка, убиравший со столов, кивнул в сторону малого зала, куда Даки приглашал только своих. Мирон с Демидом прошли мимо стойки, толкнули тяжелую дверь и очутились в небольшой комнате с одним-единственным столом, за которым уже сидели Лот Кидси, мэр, капитаны новых шхун (оба — уроженцы Зельги, многие годы ходившие матросами, а потом и офицерами на кораблях южных купцов), настоятель прихода, местный учитель и сам Даки.

За едой говорили о пустяках, но едва принесли эль и сладкое, Даки перешел к делу.

— Наверное, уже ни для кого не секрет, что двое купцов с запада пытались продать у нас довольно необычный товар — Знаки Воинов. Два Знака, принадлежащие Лоту Кидси и Мирону Шелеху. Сначала я решил, что Воины погибли, а Знаки неким непостижимым образом попали не к трагам, как случалось всегда, а в руки кого-то из людей, а потом и к торговцам. Но тут появился Лот, жив-живехонек и со своим Знаком. Я понял, что Мирон, вероятнее всего, тоже невредим и при Знаке.

Все взглянули на Шелеха — распахнутый ворот рубахи позволял присутствующим видеть его Знак.

— Получалось, что ко мне попали не настоящие Знаки, а копии. Как ими завладели прощелыги-торговцы, я, к сожалению, не выяснил. Не успел. И тот, и другой мгновенно убрались из Зельги, да так ловко, что я даже не смог определить куда. Зато стало ясно, почему в стороне остались траги.

Особо распространяться о случившемся я не стал. Однако теперь, когда присутствуют все Воины Шандалара (впервые за последние семь лет!), я считаю необходимым обсудить эти события, для чего и пригласил вас. — Даки кивнул в сторону моряков и горожан.

Мэр закурил трубку; аромат туранского табака приятно защекотал ноздри.

— Насколько я понял, — заговорил настоятель Ринет Уордер, — лже-Знаки находятся у вас, почтенный Дакстер. Как вы ими завладели?

— Я их купил, — ответил Даки просто. — А что еще оставалось?

— И как намерены распорядиться?

Даки пожал плечами:

— Это предстоит решить.

Лот Кидси, отхлебнув эля, заметил:

— Не думаю, что все это серьезно. Иначе траги давно бы уже вмешались.

— Они тоже не всезнающи.

— Но рано или поздно известие дойдет и до них.

— Да, но не повредит ли это Шандалару? — вступил в разговор мэр. — Мы обязаны об этом подумать. Хоть моя власть и не простирается дальше Зельги, я желаю добра и процветания всему нашему краю.

Один из капитанов, по имени Хекли, поднял руку, испрашивая слова.

— Вопрос: как могут повредить Шандалару лже-Знаки? Ведь это не более чем два кусочка металла на цепочках.

— Знаки были всегда, — сказал настоятель значительно. — Это магические вещи, и в них заключена немалая сила. Даром, что ли, траги так за ними следят?

— Гм... — Хекли не выглядел убежденным. — Часто ли вы пользуетесь магией Знаков, Воины?

Лот, Мирон и Демид переглянулись.

— По правде сказать, вовсе не пользуемся, — ответствовал Лот, как старший. — Мы ведь не траги и не волшебники, а Воины. Однако я заметил, что одного Воина победить хоть и трудно, но можно. А если объединятся пятеро-шестеро носящих Знаки, такой отряд может обратить в бегство целую армию. Такое уже случалось в старину.

Учитель, знаток истории и легенд, закивал головой, подтверждая:

— Было, было. Битва в Артенской долине, так и не состоявшаяся. Двухтысячное войско принца Гартена бежало от от-

ряда в полторы сотни сирских меченосцев, среди которых было восемь Воинов.

— Может, это случайность? Да и давно это произошло...

— Может, случайность. Но скорее — нет. Воины, владеющие Знаками, — огромная сила.

Даки терпеливо поднял руки.

— Мы несколько отклонились. Позволю себе напомнить, что Знаков около трехсот во всем Мире. На каждом — три руны. Нет ни одного Знака с одинаковыми рунами, стоящими в той же последовательности. Точнее, до сих пор не было...

— А не сравнить ли нам эти Знаки с настоящими? — прервал владельца таверны мэр.

Лот и Мирон тут же сняли Знаки, положив их на стол рядом с двойниками.

Сколько ни всматривались люди в маленькие пластины, различий не заметили. Одинаковый серебристый металл, одинаковые руны. Даже казалось, что наносила руны одна и та же уверенная рука.

— Да они похожи, как горошины в мешке! — воскликнул капитан Хекли.

Остальные молчали.

— Различия все же есть, — сказал вдруг учитель еле слышно. Все обернулись к нему. — Правда, отличаются не сами Знаки, а цепочки. Глядите: они завиваются в разные стороны. Вот цепочка Лота... видите? А вот вторая — уже против часовой стрелки. И еще... — учитель взял Знак обеими руками за цепочку, словно хотел надеть его на шею, — у настоящего слева колечко, а застежка справа; у лже-Знака...

— Наоборот! — выдохнул Хекли. — Надо же!

Знаки рассматривали еще несколько минут, но больше отличий не нашли.

— Вы наблюдательный человек, Гейч, — сказал настоятель Уордер. — Удивительно наблюдательный.

Учитель польщенно опустил взгляд.

Мирон подумал, что не каждый бы догадался разглядывать цепочку, а не Знак. Он даже не был уверен, догадался бы сам.

Протянув руку за своим Знаком, Мирон на мгновение смешался — какой из двух выбрать? Но замешательство быстро

прошло. Конечно же, вот этот, еще хранящий тепло его тела. Лот тоже вернул Знак на место, себе на шею. Два оставшихся Даки упрятал в шкатулку, принесенную служанкой.

— Я продолжу, с вашего позволения, — возобновил рассказ Даки. — Мне кажется, в Шандаларе не все ладно. Люди с хуторов на болотах Скуомиша рассказывают о невиданных ранее животных. Часто просто огромных. Поначалу я было решил, что это всего-навсего байки, но когда из разных мест стали доходить схожие сообщения...

Демид вскочил.

— Что такое? — повел бровями Даки.

— Да мы с Мироном сами видели! Чудовище, ей-право! Громадное, ростом с башню мэрии, ходит на задних лапах... На тритона похоже, только большое. А еще следы видели, но другого, тоже большущие...

— Стоп, Демид! — прервал его мэр. — Опиши-ка его поподробнее.

Бернага поморщился.

— Лучше я нарисую.

Даки крикнул в сторону двери:

— Перо и бумагу!

Рисовал Демид совсем недолго; самые нетерпеливые — учитель и Хекли — даже покинули места за столом и встали у него за спиной, выглядывая из-за плеч.

— Вот. — Демид прекратил водить пером по желтоватому листу. — По-моему, похоже. А, Мирон?

Шелех, протянув руку, взял рисунок. Всмотрелся.

Рисовал Демид отменно: несколькими скупыми, но уверенными штрихами он сумел передать и безграничную мощь вздувшихся мускулов, и незавершенное движение зверя. Так и казалось, что тот вот-вот оживет и уйдет в глубь листа бумаги, растворится в белесой мгле, как в тумане.

— Ну и ну... — протянул Мирон. — Не отличить. Ты художник, однако!

Мэр оторвал мундштук трубки от пухлых губ и ткнул в область холки нарисованного чудища.

— А это что?

Демид потупился.

— Это всадник. Мы не рассмотрели — человек ли.

Повисла осторожная тишина.

— Мирон? — Даки вопросительно уставился на Воина.

Шелех ответил не сразу.

— Что-то такое мы видели. Точнее, кого-то. Я не разглядел... темно было... И туман. В общем, я не уверен, но отрицать не могу.

— А я уверен, — вмешался Демид. — Зверем кто-то правил. Даже упряжь видна была. Вот...

Он дорисовал длинный повод от морды к неясной фигуре, едва намеченной парой линий.

Даки долго изучал рисунок.

— Интересно, — изрек он. — А мне один фермер рассказывал о другом звере. Вот о таком...

Перо перекочевало к трактирщику. Рисовал он похуже Бернаги, но изобразить существо с очень длинными шеей и хвостом, четырьмя колонноподобными ногами, крошечной головкой и массивным телом вполне сумел.

— И что поразительно: фермер упоминал о седоке, — Даки вдруг заговорил, ловко подражая интонациям Мирона, — не уверен, говорит, не разглядел, темно, туман, но, говорит, очень похоже.

Мирон усмехнулся. Мэр докурил и теперь выколачивал пепел из трубки, постукивая о край тарелки.

— Что еще странного в Шандаларе?

Каждый задумался, тасуя воспоминания, как карты.

— А разве сам Шандалар не странен? — сказал вдруг учитель. — Вечный дождь, холод. Не зима, не весна, не осень...

— При чем здесь это? — всплеснул руками Хекли.

Учитель вздохнул:

— Не знаю... Но ведь не всегда так было. Раньше и у нас случалось лето. Каждый год...

Закончить он не успел: в дверь настойчиво постучали.

— Да, войдите! — пригласил Даки. Если кому-то позволили побеспокоить хозяина, дело непременно неотложное. Даки своим людям доверял.

Вошел бородатый мужчина в мокрой куртке; шапку он держал в руке. С нее капало на гладко струганные доски пола.

— Приветствую лучших людей Зельги!

— В Зельге все хороши, — с достоинством ответил мэр. — Здравствуй и ты.

— Я торговец из Турана. Меня зовут Сулим, и знают меня везде.

Даки кивнул — торговец и впрямь был известен многим и обладал безупречной репутацией.

Тем временем Сулим продолжал:

— Я слыхал, что вы покупаете такие вещи, почтенный Дакстер.

Он протянул хозяину таверны кулак и медленно разжал его. На ладони лежал Знак Воина.

— Ос, Инг, Хагал, — прочел кто-то руны.

Демид Бернага вскочил. Во второй раз за сегодня.

Такие руны были высечены на медальоне, что висел сейчас у него на шее.

Даки пригласил гостя к столу широким взмахом руки и сказал:

— Да, Сулим. Я покупаю такие вещи. Назови свою цену.

Голос его оставался твердым.

Первые годы были ужасными. Шандалар, край некогда богатый и цветущий, обезлюдел. Крестьяне, труженики полей, тысячами умирали от голода. Размокшие дороги не могли уместить все повозки, телеги, всех пеших путников, бегущих из Шандалара на запад или восток. Получить место на шхуне, отплывающей из Зельги или Тороши куда-нибудь на юг, по карману стало только богачам.

А дожди не прекращались. Реки выходили из берегов, возникали новые русла, бесчисленные озера — гордость Шандалара — расползались, словно кляксы на рыхлой бумаге. Сырые луга затапливались, поля медленно, но верно превращались в болота. Уровень моря поднялся сначала на локоть, потом на второй... Пристани Зельги, Тороши и Эксмута ушли под воду. Оставшиеся, несмотря на невзгоды, горожане построили новые, но и эти продержались лишь год, прежде чем навсегда скрылись под волнами. Влага была везде — вверху, под ногами, на западе, востоке, юге... Лишь на севере царил холод похлеще, владыка Стылых Гор.

А Шандалар, Озерный край, окутался густыми туманами, спрятался от Солнца за непрошибаемой пеленой туч. Реки и озера смыкали свои воды, прокрадывались в покинутые деревни, рождая лабиринт проток, стариц, заливов. Редкие островки ютили обезумевших животных, худых и дрожащих от холода. Могучие шандаларские боры гнили на корню, рушась в податливые мутные потоки.

Страна умирала на глазах. Даже те, кто не сбежал в самом начале, стали подумывать об отъезде. И именно в то время несколько безумцев решили не дать ей умереть.

Не думайте, что это было легко.

Гоба Уордер, настоятель. Приход Зельги,
летопись Вечной Реки, год 6755-й.

Мирон сидел в общем зале за столом с цимарскими моряками: один из трех кораблей, стоящих у причала Зельги, пришел недавно из Цимара. Вероятно, за шкурками выдр — мягким золотом Шандалара. Сидели уже не первый час, поэтому в голове у всех немного шумело. Утренний разговор в зальчике Даки ни к чему, в общем, не привел. Мэр глубокомысленно высказался, мол, нужно все как следует взвесить, и удалился; следом, вообще не обронив ни слова, вышел настоятель Уордер. Учитель виновато попрощался и намекнул, что его обширные знания всегда к услугам Даки и Воинов. Невозмутимый, по обыкновению, Лот Кидси, проводив капитанов и вернувшись, сообщил, что с запада намеревался явиться еще кое-кто из Братства, чуть ли не сам Протас Семилет. Мирон несколько оживился, Демид переполнился решимостью что-нибудь предпринять, но что именно — пока и сам не понимал.

Даки грустно вздохнул, глядя на Воинов. Оставалось лишь немного выждать: в воздухе пахло переменами.

Однако Мирон не предполагал, что ждать придется так недолго. Цимарцы только-только завели речь о новостях на юго-восточном побережье, третий бочонок едва успели откупорить...

На плечо Шелеху легла чья-то легкая рука. Он обернулся — у стола возник монах с архипелага, кутающийся в длин-

ный плащ. Лицо монаха рассмотреть не удавалось, глубокий и низко надвинутый капюшон рождал густую, как шандаларские ночи, тень.

— Два слова от настоятеля Ринета. Прошу к хозяину.

Мирон встал, поклонился цимарцам и поднялся вслед за монахом на второй этаж. Комната Даки располагалась в самом конце узкого коридора. Перед дверью ждал Демид, переминаясь с ноги на ногу.

Монах негромко постучал; рукав плаща при этом сполз, обнажив сухой кулак.

Изнутри донесся зычный голос Даки:

— Входите!

Трактирщик сидел за письменным столом прямо напротив входа. Перед ним лежала раскрытая книга совершенно необъятной толщины, в руке белело гусиное перо. Рядом сидел Лот Кидси, ероша густую шевелюру.

Монах сразу заговорил:

— Я — Рон. Меня послал Ринет Уордер, поразмыслив над сегодняшним разговором в таверне. Он велел передать следующее: Воинам нелишне будет потолковать с одним человеком из Тороши. Зовут его Лерой, а найти его можно на улице Каменщиков, у лавки Эба Долгопола. Спросите у Лероя: как получить ответ на трудный вопрос? А потом — думайте. И да хранит вас Река.

Монах поклонился и тенью выскользнул за дверь. Голос его, внятный и негромкий, растворился в полумраке комнаты. Никто не успел проронить ни слова; Даки так и продолжал сидеть с пером в руке над недописанной строкой в раскрытой книге.

Огоньки свечей давно перестали колебаться, а молчание не прерывалось.

— Гм... — Даки наконец отложил перо. — Садитесь, чего стоите? Вон скамья.

Мирон с Демидом, столбами застывшие посреди комнаты, прошли к длинной лавке у стены с росписями и опустились на гладко струганное покрытие. Снизу, из зала, долетала Фролова песня.

— Ты был прав, Даки, — сказал Лот негромко. В этой комнате, где вкрадчиво мерцали свечи, громко говорить было про-

сто невозможно. — Монастырь не остался в стороне. Но почему настоятель Уордер промолчал утром?

Даки пожал плечами и задумчиво подпер ладонями голову.

— Не знаю... Скорее всего он почему-то не захотел высказываться при всех. А может, хотел сначала посоветоваться с монахами. На острова он, конечно, редко попадает, но в приходе Зельги всегда гостят двое-трое из монастыря. У них даже лодка есть специальная.

Это было правдой: Мирон знал, что монахи не боялись моря. Они вообще мало чего боялись. Особенно обитатели монастыря с острова Сата.

Лот Кидси сосредоточенно вертел в пальцах монету. Шрам на его левой щеке стал совсем белым, не то что семь лет назад, когда Мирон последний раз обнял Лота перед походом Багира.

Тогда шрам рдел, словно огонь в камине, даже рыжая борода не могла его скрыть. Не скрывала, впрочем, и теперь.

— Кто-нибудь слыхал об этом Лерое?

Мирон с Демидом переглянулись и отрицательно развели руками: не слыхали, мол. Даки кашлянул.

— Да где уж вам... Кхм... Это ведь лет тридцать назад случилось.

Он на секунду умолк, и нетерпеливый Демид тут же встрял:

— Что случилось?

Даки одарил его тяжким взглядом. Порылся, видать, в памяти и лишь потом сказал:

— Говорят, ходил он к одному старику ворожею, который будто бы видит прошлое. О чем Лерой его спрашивал — не знаю, да и никто, поди, не знает. А сам Лерой как воротился — молчун стал, каких мало. Долгопол, сосед его, мне сказывал, когда за товаром в Зельгу наведывался, — за неделю если слово-два вымолвит, и то много. Одним словом, темная история.

— Постой-постой. — Мирон догадался, что имел в виду монах-посланник. — Значит, мы должны нагрянуть к Лерою, выспросить, где живет тот старик ворожей, а у него уж разузнать все о лже-Знаках? Так, что ли?

— А жив ли этот старик? — усомнился Демид. — Если лет тридцать назад он уже был стариком...

— Ворожеи живут долго, — оборвал Даки. — Или ты еще что-нибудь предложить хочешь? Валяй, мы послушаем.

Демид смутился:

— Ну...

— Подковы гну, — проворчал Даки. — Ладно уж. Я и сам об этом подумывал. Придется вам для начала в Торошу податься. Долгопола я давно знаю: много лет торгую. У него и остановитесь. Поклон от меня. Ну и гостинцев наготовлю позже. Сделаете все, как монах сказал. Потолкуете с этим Лероем, авось что и расскажет. Хотя, полагаю, разговорить его будет непросто. Если все, что болтали, — правда, знать, путь вам новый к тому старику. Ясно?

Лот Кидси, внимательно слушавший Даки, коротко кивнул. Демид не преминул осведомиться:

— Все пойдем?

— Идите втроем, — посоветовал Даки. — Мало ли что?

— А ты? — невинно полюбопытствовал Демид.

— Я живу в Зельге, — сказал, как отрезал, Даки. Голос его вдруг стал словно жесть. — А ты, парниша, языком мели поменьше. Усек?

Демид притих.

— Цимарцы завтра с утра в Торошу отплывут, — сказал Мирон нейтрально. — Может, с ними договориться? Быстрее все-таки...

Даки мгновенно смягчился, стал обычным: ворчащим и добрым.

— Да говори уж, суше!

Мирон вздохнул:

— И суше, понятно...

Демид заулыбался:

— Это мне нравится. По-честному, без маскировки. Суше, мол, и ноги целее.

— На том и порешим. — Даки поднялся. — Лот, заскочи ко мне перед сном.

Рыжий Воин согласно кивнул.

Когда Мирон потянул на себя тяжелую дверь комнаты, в щель хлынула песня; она становилась все громче.

Пели в большом зале таверны:

Путь наш труден и долог,
Оттого всем нам дорог
Этот временный уют.
От Сагора до Цеста
Ждут нас дома невесты —
Верить хочется, что ждут.

Моряков назавтра ждало море, ждала шхуна и ждал путь, лишь изредка приводящий в таверны, в тепло и уют. Мирон направился к столу цимарцев: договариваться нужно было прямо сейчас.

Гей-гей, кружки налейте...

Так и хотелось подпевать. С высоты крутой лестницы зал открылся, словно море с обрывистого берега. Следом за Мироном спускались Лот и Демид. И гремела в таверне песня, предвещающая новую дорогу:

Гей-гей, наша Фортуна,
Гей-гей, добрая шхуна —
На нее лишь стоит уповать.

Утром под сырой моросью, валящейся с пропитанного водой неба, три шандаларских Воина ступили на борт «Феи», цимарской шхуны. Капитан Торрес охотно согласился доставить Лота, Мирона и Демида в Торошу, испросив чисто символическую плату.

Шхуна была небольшая, двухмачтовая, работы тэлов. Моряки ставили паруса, которые быстро намокли и от этого посерели. Торрес с мостика командовал отходом, приставив ко рту небольшой рупор. «Фея» величаво отвалила от причала и, зачерпнув парусами легкий западный ветер, пошла по свинцовой воде бухты Бост прямо в пролив между островами Лин и Ноа.

Юнга отвел Воинов на корму, к каютам. Торчать под дождем на палубе пассажирам было совершенно незачем. Команда, закончив с парусами, потянулась в кубрик на баке. Навер-

ху остались лишь вахтенные да капитан у штурвала, пожелавший лично вывести корабль из бухты.

Три дня Мирон вынужденно скучал. Бернага, видимо, решил выспаться впрок и вставал всего пару раз к ужину, а Лот увлекся чтением старинной книги, собственностью капитана Торреса.

Устойчивый ветер влек «Фею» на северо-восток. Слева по борту проступали безрадостные берега, часто скрываемые туманом, — когда-то это были холмы, отстоящие от моря на целую версту. Миновали залив Южное Эхо, устье Фалеи, потом — Алиса, а дальше пришлось брать мористее, потому что путь преградил низкий болотистый мыс Урла. Ветер некоторое время дул почти точно в борт, и «Фея» шла заметно накренившись. Из матросского кубрика часто доносилось пение, работы мореходам на сей раз выпало совсем немного. Но Мирон знал, что раз на раз не приходится. Стоит разразиться буре...

К вечеру третьего дня обогнули скалистый остров Гинир и вошли в залив Вар. Свинцово-серые волны грызли податливый берег — он отступал теперь медленнее, чем раньше. Над бывшим островком в устье реки Вармы возвышалась над водой верхушка торошинского маяка, до сих пор действующего. Правда, ныне его видно, только если подойти вплотную. Этот зельгин маяк надстроили семьдесят лет назад, и он вознесся высоко над морем, как во времена Сезонов.

Мирон поймал себя на мысли, что часто сравнивает день сегодняшний с давно минувшими, которых он никогда не видел.

«Старею, что ли? Копач говорил: когда перестаешь мечтать, а начинаешь чаще думать о прошлом — это старость».

Смешно — Мирону не исполнилось еще и тридцати...

Но, наверное, такие мысли приходили неспроста. Ведь им, Воинам Шандалара, предстояло заглянуть в прошлое Знаков, настоящих и поддельных. Заглянуть с помощью старика ворожея, который неизвестно жив ли, а если и жив, то неизвестно, пожелает ли помочь. И вообще неизвестно, где его искать. Трудная задача.

Но Воины за легкие задачи просто не берутся. На то они и Воины.

Почти все паруса на шхуне убрали, лишь два стакселя еще подставляли ветру сырые плоскости. Дощатый настил пристани, покоящийся на толстых сваях, был уже ясно виден с палубы. Одинокая фигура маячника в плаще мокла под мелким дождем. «Фея» шла по инерции, неспешно и важно приближаясь к берегу. Матрос на носу метнул канат-швартов — маячник ловко поймал его и сноровисто намотал на крестообразный кнехт. Парусник вздрогнул от рывка, разворачиваясь носом к пристани. Постепенно выбирая слабину, маячник подтащил шхуну вплотную к деревянному пуарту; на корме тотчас отдали тяжелый стояночный якорь.

— Добро пожаловать в Торошу, — сказал маячник из-под надвинутого капюшона. К пристани уже спешили несколько человек, должно быть, мэр и самые нетерпеливые лавочники.

Воины сошли на берег по широкой доске с тонкими перильцами и набитыми на манер ступеней планками. Из команды за ними последовали лишь капитан Торрес с помощником. Матросы хлопотали на шхуне.

Почти горизонтальный бушприт перегородил причал, под него пришлось подныривать. Лот поблагодарил капитана и вручил кошель с платой. Как раз вовремя: подоспел мэр со свитой. Пока Торрес обменивался любезностями со встречающими, Мирон разглядывал жителей Тороши. Эба Долгопола среди них определенно не было, если верить описаниям Даки. А описаниям Даки верить можно, в этом Мирон убедился не однажды.

Лот запахнулся в плащ, ему показалось, что один человек из свиты мэра слишком пристально на него уставился. Узнал, наверное. Точно, узнал, зашептал что-то на ухо мэру. Мэр обернулся, но Лот, прижав палец к губам, натянул капюшон на самые глаза. Мэр тотчас отвернулся: Воины не хотели быть узнанными, а желание Воинов — закон. Они ведь служат всему Шандалару, а значит, и Тороше в том числе. Значит, так надо.

Мэр был умным и догадливым человеком. Да, впрочем, он и не мог быть иным — пост мэра ко многому обязывал.

— Пойдем, наверное, — как ни в чем не бывало сказал Мирон Демиду. — Я знаю, где улица Каменщиков.

Демид лишь промычал:

— Угу...

Выглядел Демид сонным, словно предыдущие три дня на смыкал глаз.

Шелех кивнул Лоту, и троица Воинов покинула причал Тороши, второго по значению городка в Шандаларе. Внешне он мало чем отличался от Зельги, разве что был поменьше. Такая же площадь перед пристанью, здание мэрии с башенкой и часами, приход и храм, обнесенные невысокой изгородью, напротив — таверна.

Демид, как ни странно, впервые попавший в Торошу, наконец проснулся и с энтузиазмом вертел головой.

— Нам сюда, — сказал Мирон, сворачивая.

От площади влево уходила узкая, мощенная истертым булыжником улочка. Мелкие лужи стояли на мостовой, и капли дождя сеяли на их поверхность расходящиеся круги, а над городком низко нависло темнеющее небо вечернего Шандалара.

— Куда сразу? — спросил Демид, ежась. — К Лерою или к Эбу Долгополу?

Шаги их тонули во вкрадчивом шорохе.

— Наверное, к Долгополу, — сказал Лот рассудительно. — Лерой вроде не очень приветлив. Поговорим с соседями, узнаем его привычки, авось поможет. Да и поздновато уже.

Мирон не мог не согласиться. Больше всего сейчас хотелось выпить чего-нибудь горячего и посидеть у камина. Спешить им особо не приходилось. Да и Лерой почти наверняка уже спал — мастеровой люд укладывается рано, а встает еще до рассвета.

И они пошли к Долгополу. В окнах его большого дома еще мерцал свет, в то время как у Лероя все было погружено во тьму. Незаметно подкравшийся вечер упал на город; часы на площади пробили шесть.

Дом Долгопола размерами уступал всего нескольким строениями Тороши. Видать, дела у торговца шли весьма неплохо. Недавно дом надстроили, теперь он стал трехэтажным. Работы все еще велись, во дворе у одной из стен угадывались леса. Солидный резной забор опоясывал владения Эба. Пожалуй, в таком доме удалось бы выдержать небольшую осаду.

— Где он лес берет? — вздохнул Лот перед красивыми воротами. — Не какая-нибудь болотная сосна. Первосортный бук!

Мелодичный звон колокольца возвестил о прибытии гостей. Неторопливые шаги с пришаркиванием — кто-то приблизился из глубины двора к самым воротам.

— Кто там? На ночь глядя...

Голос был густой, как деготь.

— Путники из Зельги. Передай Эбу: поклон от Дакстера Хлуса, — сказал Лот, переминаясь с ноги на ногу, словно застоявшийся лось перед дальней дорогой.

— Ба! Мне кажется, или это в самом деле Лот Кидси говорит?

Лот засмеялся:

— Нет, не кажется, старый хитрец! Открывай, не мешкай. Я не один.

Зычный голос «старого хитреца» велел кому-то крикнуть Эба, и сразу же загремели металлические засовы.

— Это Гари Слимен, — шепнул Лот спутникам.

Мирон поневоле напрягся: Гари Слимен раньше был Воином. Знак, ныне принадлежащий Мирону, он носил на груди тридцать шесть лет. Его знал в Шандаларе каждый. Вернее, слыхал о нем, ведь видели его лишь немногие.

Левая створка ворот приоткрылась, впуская Воинов во владения Эба. Могучий, похожий на медведя мужчина, совершенно к тому же седой, крепко обнялся с Лотом. Мирону даже показалось, что едва слышно хрустнули чьи-то кости.

— Привет, Гари! Зачем ты здесь? — Лот не скрывал радости.

Бывший Воин ответил все тем же замечательным басом:

— Я у Эба теперь вроде как управляющий. А ты зачем здесь? Я слышал, последнее время ты все больше во Фредонии пропадал.

— Дело... Чуть попозже. — Лот на секунду умолк, оглядываясь. — Встречай смену, Гари! Это Мирон Шелех, а это — Демид Бернага. Нынешний щит Шандалара.

Гари оценивающе вперился взглядом в молодежь. Мирона он прежде никогда не видел, но испытывал к преемнику вполне понятный интерес. Слухи о стычках с сагорскими пи-

ратами, походе на Отранскую крепость и битве с князем Валуа быстро достигли ушей старого Воина, а значит, траги не ошиблись в выборе. Его Знак попал к достойному, и это наполняло сердце Гари гордостью.

Впрочем, траги не ошибались никогда.

Демид молча стоял позади товарищей. Если он и смущался в такой компании, то ничем этого не выдавал. На его счету было пока всего одно серьезное дело: разборка с кочевниками на северных берегах Таштакурума, поэтому он чувствовал себя подростком среди взрослых мужчин.

Но Гари пожал ему руку как равному.

— Слыхал и о тебе, гроза кочевников. И не только я...

В этот миг из дома показался Эб Долгопол: его невозможно было не узнать, ведь описаниям Даки стоило верить. А Даки сказал только, что «Эб поперек себя толще и всегда в длинном вышитом халате, даже когда спит, по-моему. За это его Долгополом и нарекли».

Эб моментально потащил путников в дом, даже толком не поздоровавшись.

— Потом, потом, — отмахивался он, протискиваясь в двери. — Не на пороге же? Входите...

Оглянуться не успели, как очутились за накрытым столом. Мирон поймал себя на том, что всего за несколько дней привык к уюту и роскоши. К хорошему быстро привыкаешь. Мысль, что скоро вновь придется пешком пересекать Шандалар, увязая в болотах, упорно бродила где-то на задворках сознания. Мирон тщетно гнал ее прочь. Дорога и Воин встречаются быстро и расстаются ненадолго, а пока можно наслаждаться покоем, забыв о палатке и походном мешке, брошенных в дальнем углу Эбовой гостиной.

— Помимо наилучших пожеланий, Даки просил преподнести эти книги, почтенный Эбир. Одна из них по рудному делу.

Глаза Долгопола сверкнули: книги в кожаном переплете были едва ли не самой большой ценностью в теперешнем мире. Эб принял их с неприкрытым благоговением. Мирон знал, что торговец недавно купил шахты где-то в горах под Сагором, и книга по рудному делу пришлась весьма кстати.

— Умеет Даки делать подарки, — шепнул Демид Мирону.

Было еще что-то для жены и дочерей Долгопола, но Мирон вручение пропустил, смакуя тонкое туранское вино. Демид скорее всего тоже.

Сразу после ужина Лот заговорил о деле. За столом к этому времени, кроме Воинов, остались только хозяин и Гари. Эбу все рассказать как есть посоветовал Даки, а Гари сам был когда-то Воином и в стороне не остался бы. Лот кратко изложил факты и умолк.

— Кто вспомнил о Лерое? — бесстрастно спросил Эб, когда Кидси закончил.

— Настоятель прихода Зельги Ринет Уордер. Он прислал монаха, из уст которого мы и узнали, что Лерой может посоветовать что-то дельное.

Эб глубокомысленно кивнул:

— М-да... Лерой — и впрямь ходячая загадка.

— Что о нем известно? — спросил Лот, откинувшись на высокую спинку стула. — А то мы даже не догадываемся, на какой козе к нему подъезжать.

Эб забарабанил по столешнице толстыми, как молодые огурчики, пальцами.

— Не очень-то много. Когда я купил дом на этой улице, а было это тридцать четыре года назад, Лерой уже давно жил здесь. Был каменщиком, подручных при нем много состояло, целая бригада. В гильдии с ним считались, да и мастер он был, каких мало. Но знаете, как это часто случается: сапожник, а без сапог. Так и Лерой: многим дома отстроил на загляденье (кстати, и мне тоже), а сам жил с семьей в халупе какой-то, чтоб хуже не сказать. Как-то после выгодного заказа решил он себе дом начать. Халупу свою снес и нашел вроде бы что-то, вмурованное в стену. Одни говорят — шкатулку, другие — чуть ли не сундук. Не знаю, кому верить, да и разница невелика. С тех самых пор Лероя стало не узнать. Работать он бросил, бригаду распустил, жену с детишками к родственникам за Провост отослал. Года два он только пил; не знаю, где деньги добывал, верно, клад его тот самый золотом обеспечил. Только в таверне его и встречали. Мало-помалу поползли слухи, будто прознал Лерой что-то нечистое о своих предках. И никаких подробностей. Сам Лерой молчал как проклятый, а потом вдруг исчез месяца на три. Ни слова никому не сказал —

ушел ночью, чтобы меньше кто видел. Вернулся только к осени, как сейчас помню: у меня все лоси подурели, гон как раз начинался. Иду я к пристани, а он навстречу. «Здравствуй, говорю, сосед. Где пропадал?» А он в ответ: «Слыхали, Эбир, что люди о прадеде моем болтают? Так вот, это все правда». И пошел себе дальше. Я тогда только плечами пожал, забот по горло, не до него. А Лерой еще с полгода пропьянствовал, а потом как отрезало — ни капли. Прежде бочки из таверны не успевал таскать, а то вдруг прекратил, и все тут. Бригаду свою снова созвал, но сам не стал почему-то работать как раньше, только договаривался о заказах и советами помогал, если что не ладилось. Сидит до сих пор дома у себя, редко когда выходит. Почти тридцать лет уже. Чем он занят — ума не приложу. В доме все тихо и чинно. Да, собаки у него появились. Еще давно — здоровущие, черные все как одна, и злые, словно черти. Только Лероя и признают. Боится он кого-то, не иначе. Да кого здесь бояться? Не знаю даже. Вот и все, что я знаю.

Эб умолк, разведя руками. На первый взгляд в истории, приключившейся с Лероем, не было ничего странного. Но Мирон нутром чуял: не все так просто, как кажется. Что мог каменщик узнать о своем прадеде? Что тот в свое время разбойничал? Но разве это повод так круто менять жизнь? Да и бояться кого через столько-то лет? Может, потомков его дружков? Нет, не похоже. Слишком много темных мест.

— Скажите, Эбир... — начал было Демид, но Долгопол властным жестом оборвал его.

— Воины зовут меня просто Эб.

— Хорошо... Эб. Я хотел спросить, не творится ли чего необычного в окрестностях Тороши? Особенно на болотах. Звери там странные или еще что?

Эб пожал плечами:

— Время от времени хуторяне плетут всякий вздор о болотах, но так было всегда, сколько себя помню. Хотя должен признать: в последние годы плести стали заметно чаще. Правда, я никогда не обращал внимания на разные байки. Торгую я нынче в основном морем и на болота уже лет пять как не попадал.

Демид полез за пазуху и извлек сложенный вчетверо лист бумаги.

— А на это что скажешь?

На стол перед Долгополом лег рисунок Демида, изображающий встреченного в топях Скуомиша зверя со всадником. Эб поглядел на рисунок и так, и эдак, поворачивая его пухлыми пальцами.

— А что говорить? Если мухоморов нажраться, еще и не такое привидится... Но рисунок вообще-то хороший.

Гари протянул иссеченную шрамами руку, но рисунок взять не успел: на улице послышался громкий шум, потом истошные крики, проникшие даже за толстые стены Долгополова дома-цитадели. Топот шагов на лестнице, стук в дверь. Взъерошенный привратник на пороге вопит:

— Пожар, хозяин! Дом Лероя горит!

Все мигом вскочили на ноги. Пожары в вечно сыром Шандаларе случались крайне редко. Когда выбегали за ворота, Демид негромко шепнул Мирону:

— Началось, кажется...

Пылающий дом Лероя отделяло от жилища Эба два двора. По улице сновали люди, а за каменным забором заходились лаем собаки.

Пламя было тусклое, трескучее. Непрекращающийся дождь не позволял ему как следует разгореться; но оно и не гасло. Кое-как одетые зеваки сгрудились перед воротами.

За высоким каменным забором происходило нечто странное: в пламени метались неясные тени, что-то с грохотом обрушилось, подняв сноп рыжих искр, зазвенело стекло, жутко завыла собака...

— Помоги! — крикнул Мирон кому-то из глазеющих на пожар горожан, бросаясь с разбегу к стене. Заспанный мужичонка послушно подставил спину, и Воин мигом оказался наверху. Левую перчатку распорол острый осколок стекла, один из многих, вмурованных в кромку забора. Рука, к счастью, не пострадала. Мирон тихо изумился: стекло на заборе? Специально, чтобы не лазили, что ли?

Рядом возник Демид, придерживая ножны с мечом, словно меч мог понадобиться на пожаре.

— Вниз? — крикнул он, скорее утверждая, чем спрашивая.

Мирон кивнул.

— Откроешь ворота, а я в дом! — добавил Шелех уже в прыжке.

Земля упруго толкнулась в подошвы сапог, грязь брызнула в разные стороны крохотными фонтанчиками. Мятущееся пламя выхватывало из ночи то угол какого-то сарайчика, то чахлые кустики боярышника, растущие вдоль забора, то высокое крыльцо дома. Мирон шагнул вперед и едва не наступил на труп огромной черной собаки, валяющийся в жирно поблескивающей луже крови. Бок собаки был рассечен не то мечом, не то когтями.

Острое чувство близкой опасности захлестнуло Мирона, и он больше не расслаблялся. Слева, где приземлился Демид, сгустилась на мгновение шевелящаяся тьма, послышалось неприятное шипение и резко зазвенела сталь. Больше Мирон ничего разобрать не успел: ему навстречу рванулось что-то темное, бесформенное; разглядеть удалось только пасть, полную зубов, да несущийся навстречу клинок. Мирон едва успел выхватить свой меч и заслониться.

Дальше запомнились только разрозненные куски: бешеная рубка непонятно с кем, кровь, крики за забором и нетерпеливый стук в ворота, вдруг возникший из густой тени у забора черный пес, двойник убитого, яростно рвущий чью-то плоть, неистовый клич Демида: «Й-э-э-э!», отражение пламени на его клинке, красноватые отблески на мокрой земле, гул огня, предсмертный хрип собаки, перешедший в жалобное поскуливание...

Неожиданно и сразу противник пропал. Отступил и растворился в слепящем жерле пожара. Мирон его, кажется, только слегка ранил. Демид пятью шагами левее возился с запорами на воротах; на утоптанной грязи под ногами умирал второй пес, разрубленный чуть ли не пополам. По ту сторону забора все перекрыл зычный голос Гари: «Лестницы! Лестницы, чтоб вам...» В доме, объятом алым цветком огня, с треском и грохотом рушились перекрытия.

Ворота наконец отворились, во двор хлынули люди. Мирон к этому времени пытался обойти дом по кругу, но страшный жар и удушливые клубы дыма не пускали.

Потом его догнали Демид и Лот Кидси, и последнее, что отпечаталось в памяти перед тем, как напряжение схватки со-

шло окончательно, это несколько неясных силуэтов с перепончатыми крыльями, взмывших в ночное небо с резкой грацией летучих мышей.

Эб Долгопол вовсю руководил тушением пожара; люд с ведрами и кадками сновал от колодца к дому, пошли в ход багры. Пламя медленно, но верно стало уступать. Помогал и равнодушный дождь. Скоро пламя и вовсе сбили, только клочья дыма неспешно ползли ввысь да чернели везде головешки. Стало вдруг темно, пришлось зажигать факелы.

Мирон угрюмо вычистил меч и отправил его в ножны. В душе пульсировала гулкая пустота.

— Кто это был? — негромко спросил Кидси, перемахнувший через забор в тот самый момент, когда открылись ворота, и потому почти ничего не увидевший.

Мирон после долгой паузы с неохотой ответил:

— Не знаю... не разглядел. Быстро все так...

Рыжий Лот успокаивающе положил ему на плечо тяжелую руку.

— Не бери в голову, Шелех. Мы сделали все, что сумели.

Демид, недвижимо стоящий поодаль, вздохнул:

— Я не я, если это не те, кто разъезжает по нашим болотам на всяких чудовищах.

Кидси, задрав голову, глядел в небо.

— Значит, они способны летать... Это плохо. Очень плохо.

Мирон глухо сказал в пустоту:

— А ведь могли сразу с корабля сюда прийти... И все было бы совсем не так.

— Ну-ну! — Кидси вновь похлопал его по плечу. — Мы не провидцы. Знать будущее никому не дано.

Мирон поднял на него упрямо-колючий взгляд.

— Но мы обязаны предвидеть будущее, Лот, ибо мы — Воины. И никто не простит нам ошибок.

Лот промолчал.

Подошел Гари, кутаясь в незастегнутую куртку. Лицо его застыло, как угрюмая маска.

— Нашли Лероя...

Три пары глаз обратились к нему с неясной надеждой, хотя кто смог бы уцелеть в полусгоревшем доме?

— Он был уже мертв, когда начался пожар. Его закололи прямо в постели...

Первый бой они безнадежно проиграли. С этим спорить не приходилось.

— Пошли отсюда, — сказал Лот отрывисто. — Нечего здесь больше делать.

Трое Воинов медленно зашагали к воротам; суетящиеся горожане предупредительно расступались перед ними.

Гари крикнул вслед, что они с Эбом вернутся, когда управятся с первоочередными заботами и дождутся мэра.

Воины уже вышли на улицу, когда от густой тени напротив двора Лероя отделилась тень поменьше и заскользила навстречу.

— Вы — Воины?

Лот, Мирон и Демид, остановившись, с удивлением рассматривали мальчишку лет восьми с недетски серьезным лицом. Одет он был в слишком просторную куртку с капюшоном, то и дело сползающим на глаза, замшевые брючки с нашивками и ладные яловые сапожки.

— Да, мы Воины, — ответил за всех Лот. Спокойно, как взрослому, ибо мальчишка явно поджидал их неспроста.

— Покажите Знак. Хотя бы один.

Ничего не спрашивая, Лот опустился на одно колено и распахнул ворот куртки.

Мальчишка внимательно поглядел на медальон и удовлетворенно кивнул:

— Хорошо. Я должен передать вам всего два слова. Лерой велел мне это сделать, только если с ним что-нибудь случится. Но обязательно Воинам, и никому, кроме них.

Лот бережно взял его за худенькие плечи, скрытые под необъятной курткой.

— Говори, сынок. Перед тобой все Воины Шандалара. Может быть, твои слова спасут Озерный край.

Мальчишка снова кивнул:

— Да, Воин. Лерой велел передать вот что...

Он на секунду умолк, а потом внятно и негромко произнес:

— Шаксурат. Дервиш.

Мирону показалось, что в непроглядной тени, откуда вынырнул мальчонка, кто-то пошевелился. Рука сама потянулась к мечу в ножнах.

Мальчишка перехватил его взгляд и негромко щелкнул пальцами — из тени пружинисто вышел огромный черный пес.

Часы на площади невозмутимо отбили десять. С момента, когда Воины прибыли в Торошу, прошло чуть больше четырех часов.

Через четверть века лишь один из ста шандаларцев остался в Краю Озер. Страна словно вымерла: ушли не только люди, но и практически все животные, не вынесшие существования впроголодь и по колено в воде. Снег, задержавшийся с последней зимы, стаял и впитался в землю лишь к этому времени. Перестали по ночам замерзать ручьи, зато дождь теперь лил чаще, почти не переставая. Понемногу ожили уцелевшие ивы, зазеленела хилая ольха на островках. Новые болота зарастали мхом; впервые люди обратили внимание на опоку, распространившуюся особенно бурно. Упрямые шандаларцы приспосабливались к непривычной жизни, не желая уступать слепому року. Вышли из обихода некогда знаменитые шандаларские кони — кому-то пришло в голову приручить пару лосей, которые как ни чем не бывало разгуливали на своих широченных раздвоенных копытах по самой жуткой грязище. Ловкий хуторянин откуда-то из-за Вудчоппера догадался строить оранжереи-теплицы, натягивая на каркас из прутьев знаменитую тэльскую прозрачную парусину. Крестьяне из окрестностей Тороши уговорили одного заморского купчину привезти саженцы северного риса, который потом почитал за счастье произрастать в стоячих лужах приморских полей. Рисовые лепешки скоро сделались обычной пищей по всему побережью, от Адванса и Корондаля до самой Сулны. Не стало в Шандаларе дров, трое бродяг-старателей в предгорьях между Орхоном и Кит-Карналом отыскали богатейшие залежи огненного камня и разнесли добрую весть повсюду, где проходили, а молва завершила дело. Там, где пытались культивировать что-нибудь помимо риса и опоки, научились осушать поля, прокапывая це-

лые системы дренажных канавок. Размокшие дороги перестали быть сколько-нибудь надежными связующими нитями между поселениями (хотя верховые лоси без труда проходили по ним), тут же смекнули, что озера и реки позволят теперь добраться куда угодно на лодках. В жизнь прочно вошли челнок и весло, вытеснив запряженную лошадьми или волами повозку. Городки-порты Зельга, Тороша и Эксмут стали единственными воротами и лицом Шандалара, потому что тащиться через болота никто не желал и все гости и торговцы прибывали морем.

Приблизительно в то же время на острове Сата появились первые монахи-поселенцы из Турана, основавшие монастырь. Понемногу они заняли и другие острова Ближнего Архипелага. Первым делом пришлые монахи отправили миссии в приходы Зельги, Тороши и Эксмута, после чего между Шандаларом и монастырем завязались вполне мирные, а главное — выгодные обеим сторонам отношения.

Но вовсе не была легка и радостна жизнь шандаларцев. Дождь, тучи и холод не отпускали страну; притупилась тоска по полузабытому Солнцу, пришлось перетерпеть голодные годы, когда день похож на день, словно капли дождя друг на друга, и точно известно, что завтра будет так же сыро и холодно, как и вчера, и сегодня.

Новая напасть свалилась на наши головы: враги-кочевники.

Никак не могли они понять: что держит людей в столь неприветливом краю? Не слякоть же.

И поползли слухи о несметных россыпях золота, намытых сотнями рек и ручьев, о грудах драгоценных камней, валяющихся будто бы повсюду, и этот призрачный блеск чужого богатства манил разбойников со всего света, любителей легкой наживы и просто непосед-оторвиголов, манил, как манит стаю голодных волков опьяняющий запах новорожденного ягненка, приносимый ветром от людского жилья.

Каждому крестьянину приходилось с мечом в руках защищать свой дом и свои поля. Каждый житель Шандалара стал солдатом. Чуть не ежедневно нас вынуждали прерывать все дела и отстаивать право на жизнь.

Не думайте, что это было легко.

Силай Нещерет, настоятель. Приход Тороши,
летопись Вечной Реки, год 6772-й.

Привычно оттягивала плечи походная сумка, под сапоги стелилась размокшая тропа. Тепло Долгополова дома теперь казалось нереальным. Хорошо хоть второй день нет дождя, не нужно то и дело выглядывать из недр капюшона, как улитке из раковины.

Мирон шагал впереди, прокладывая путь в нетронутой грязи. Несколько раз он проваливался в ямы с полужидкой массой, где что-то противно квакало и булькало. Едва не утопил правый сапог, спасибо Лот помог вовремя. Босиком по болотам не очень-то походишь.

В Тороше задержались совсем недолго. Если Лерой чувствовал, что за ним по пятам ходит смерть и просил передать Воинам всего два слова, значит, он вкладывал в эти слова самое простое и очевидное: отправиться в Шаксурат и отыскать там человека по имени Дервиш. Возможно, этот Дервиш и есть тот самый старик ворожей. В Шаксурате жили в основном потомки выходцев с жаркого Востока, сохранившие и свой язык, и кое-какие обычаи. В той части Шандалара многие реки и озера носили имена, данные переселенцами с Востока: Шургез, Баш, Муктур, Шакра, Таштакурум... Обитателя тех мест вполне могли звать Дервишем, тем более что слово это означало примерно то же, что соотечественники Мирона и Демида вкладывали в понятие «колдун».

Странным было еще и то, что отыскать наутро мальчишку с черным псом Воинам не удалось. Ни Эб, ни Гари, ни остальные горожане, кого удалось расспросить, никогда прежде не видели его и никогда о нем не слышали. Лот поначалу решил, что это чей-то соседский сынишка, тем более что одет он был не как бедняк или бродяга (хоть куртка и казалась чересчур большой), а рядом с Долгополом жили наиболее состоятельные люди Тороши.

К грузу тайн и загадок, окутывающих лже-Знаки, добавилась еще одна.

Следующим утром выступили на запад. Конечно, лучше всего было морем добраться до Зельги или даже до Эксмута, а затем по рекам подняться севернее Корондаля, по Тромлену, Он-Арану и Крусу. Оттуда до места, где сливаются Сурат и Шаксурат-река, всего полдня ходу, а до селения — еще полдня. Но, к сожалению, в Тороше у пристани стоял всего один

корабль — «Фея», а она направлялась на восток, в Цимар. И Воины решили дойти до любого из селений у озера Провост, купить там челнок и дальше подниматься по Эстании, переплыть Хорикон с его неисчислимыми островками, по реке Батангаро, а там снова пешком, севернее Муктура, и как раз выйти к озеру Шакра, на берегу которого и приютилось нужное селение.

Они знали, что болота Шандалара подверглись нашествию неведомых существ и их странных животных. Что пришельцы как-то связаны с лже-Знаками и что они выступают отнюдь не на стороне Воинов. От их рук пал Лерой, единственный кто мог дать хоть какую-то ниточку, возможно, ведущую к разгадке. Ниточка эта все же попала к Воинам, но Лерой-то погиб, а он наверняка мог рассказать гораздо больше.

А пока — в Шаксурат, на встречу с Дервишем, ибо ничего более просто не оставалось.

Рыжая шевелюра Лота, наверное, была видна издалека. Ноги вязли в грязи, сапоги отяжелели, хотелось проклинать все на свете, а Мирон в который раз ловил себя на мысли, что любит Шандалар с его вечной слякотью, несмотря ни на что.

Вскоре достигли реки Алис, неторопливо катящей темные воды на юг как раз посредине между Провостом и Торошей.

Демид, позевывая, осматривался. На юге он бывал редко, знал только окрестности Зельги да дорогу на север. Алис казался ему глубоким.

— Как перебираться-то будем? — спросил наконец он. — Лодку купить негде, а плот связать не из чего.

— Вплавь, — буркнул Лот. — Раздевайся.

Бернага поежился, поглядев во мглистый кисель за рекой. По спине бил озноб от одного взгляда на воду.

Мирон не выдержал и засмеялся. Он-то понял, что Лот шутит, хотя и вышла шутка не в меру прохладной.

— Да не дрожи ты! Смотреть на тебя жутко. Плотина есть выше по течению, по ней и перейдем.

Демид вздохнул с видимым облегчением. Холода он побаивался. Он видел не раз, как купались в озере жители Таштакурума, называющие себя моржами, и не раз перед купанием им случалось проламывать тонкий ледок на воде. Демид мор-

жей не понимал: чего ради лезть в стылые воды озера, когда можно истопить баньку? Сейчас, конечно, он полез бы в реку вслед за Лотом и Мироном, если бы пришлось, но радости при этом не испытал бы уж точно.

— Шуточки у тебя, — поежился Демид.

Лот криво усмехнулся. Он и сам не мог придумать причину, по которой погрузился бы в эти студеные неприветливые волны.

Лот свернул направо, вдоль реки. Здесь росла низкая чахлая трава и грязи почти не было. У берега шумели на легком ветру длинные стебли камыша, юркими тенями шныряли в зарослях выдры, беззаботные и шустрые. Часто бросалась на реке рыба.

Тем временем Алис заметно мелел: стали попадаться островки и даже коряги. Толстые, черные, склизкие. Демид присвистнул: деревьев такого размера в Шандаларе практически не осталось. Только на приморских возвышенностях кое-где сохранились одинокие старые великаны, ведь с холмов вода стекала, но все равно в холодном и влажном климате они гнили заживо.

Вскоре показалась и плотина, сооружение из мощных бревен, позеленевших от старости, и целых груд хвороста. Стена стеной, сырая, сочащаяся потеками воды, покрытая бесформенными пятнами лишайника. По ту сторону плотины разлилось приличных размеров озеро.

— Ого! — оценил плотину Демид. — Кто ж ее построил-то?

— Бобры, — пожал плечами Лот. — А что?

Бернага удивился: бобры ушли из Шандалара в первый же год долгих холодов. Время разрушило их хатки, похожие на беспорядочные кучи ветвей, но эта плотина выдержала две сотни лет.

— Вообще-то ее подновляют время от времени, — пояснил Лот.

— Зачем? — Демид все удивлялся.

— Не знаю, — ответил Кидси. — Раньше купцы, идущие из Зельги в Торошу (и обратно, разумеется), за ней присматривали. Значит, нужно это кому-нибудь, ходить по болотам. Вообще должен заметить, что Шандалар вовсе не так безлю-

ден, как кажется со стороны. Если на болотах не видно людей, это отнюдь не значит, что на болотах совсем никого нет.

«Эк его разобрало, — подумал Мирон не без изумления. — Соскучился, что ли? Он ведь последние лет семь где-то на западе пропадал, война там и посейчас не утихла... Видать, не я один так люблю наш Облачный край, каким бы он ни казался неуютным».

Шелех по-новому взглянул на рыжего Кидси. Нет, тот не всматривался туманным взором в некие бескрайние дали, он уставился себе под ноги, чтобы не влезть ненароком в лужу. Но он улыбался, старый рубака, и меч тяжело хлопал его по боку. И если тень падет на Шандалар, Лот все силы отдаст на борьбу с ней. Мирон не сомневался, что будет стоять рядом с ним, плечом к плечу, до конца. Точно так же, как молодой Демид Бернага, без году неделя как Воин. А если у страны такие защитники, как нынешние Воины, как Даки, Лерой, Эб Долгопол, как старик, Копач и настоятель Ринет Уордер, как учитель Гейч и одноногий Пью, который знает все на свете, как сотни крепких шандаларцев, живущих в холоде и сырости, от Варды до Рамана, от Адванса до Кит-Карнала, не пожелавшие уйти туда, где тепло и Солнце, значит, видят Боги, страна достойна, чтобы защищать ее до последнего вздоха.

Лот первым взобрался на скользкий гребень плотины. Осторожно ступая, он прошел между темной поверхностью озера с одной стороны и журчащими ручейками далеко внизу — с другой. По озеру гуляла мелкая рябь, сносившая всякий мусор к самой плотине.

Демид перебрался так же быстро и легко, движения его были ловкими, уверенными и стремительными на загляденье, словно у давешних выдр в камышах. Настал черед Мирона. Ему уже приходилось ступать по этой черной стене, приходилось не однажды. Главное, пробовать место, куда собираешься поставить ногу, не скользкое ли, и не глядеть вниз. И на озеро не глядеть. Только под ноги, да на ту сторону, где ждут братья-Воины.

Когда троица скрылась из виду в редких зарослях ольхи, к плотине трусцой приблизился большой черный пес, до этого прятавшийся неподалеку. Он осторожно обнюхал место, где

люди взбирались на стену, потом задумчиво уставился за Алис. Хвост пса нервно подрагивал, а уши жадно ловили каждый доносящийся звук.

Правый берег реки мало отличался от левого, разве что на плоском возвышении поперечником верст в пять уныло пузырились полуживые кустики, которым не суждено было стать деревцами. Рыхлая зелень скрыла плотину, и никто из путников не обернулся.

Заночевали на островке, который пришлось долго искать. Примяли густую опоку, сверху поставили Миронову палатку, постелив мешок Демида и громадное двойное одеяло Кидси на дно. Мясо съели холодным, согрели только воды для чая. Ручей тоже пришлось долго искать — Демид потом ворчал, не унимался: «Что за страна — места сухого не сыщешь, а воды набрать чистой все равно негде. Хоть бы дождь пошел, что ли...»

— Да ну тебя, — фыркнул Мирон, с удовольствием прихлебывая из походной чаши-долбленки. — В кои-то веки за шиворот не течет, а он: дождь, дождь.

Демид, наливая дымящееся питье в такую же долбленку, посоветовал:

— Капюшон пониже натягивай, чтоб не текло!

Мирон только усмехнулся.

«Сроднились мы уже с нашими дождями. Точно. Когда в Гурду ходил с Протасом, первые дни не по себе было от света яркого да от бесконечного Солнца. А домой вернулся, влез в трясину по уши, и порядок. Чертовщина какая-то! Так у людей со временем перепонки отрастут между пальцами, ей-ей...»

Мирон вспоминал пронзительно-голубое небо над гурдскими степями, небо без привычных низких облаков, и смотреть в него было жутковато: того и гляди ухнешь в эту нависшую бездну, пикнуть не успеешь. А там — ори, не ори, в этой прозрачной пустоте. Еще странно было видеть далекий-далекий горизонт, видеть так же ясно, как сухую землю под ногами. Мирон чувствовал себя раздетым, выставленным напоказ, и не скрыться, не спрятаться никак невозможно. То ли дело дома: нырнул чуть что в туман, и поминай как звали... Воевать и маскироваться за пределами Шандалара приходилось совсем иначе.

Утром, едва рассвело, продолжили путь. Мирону почему-то казалось, что за ними кто-то украдкой наблюдает, но сколько он ни вглядывался в белесую мглу, не мог заметить никакого движения. Однажды только что-то большое и серое шевельнулось там, но это оказался всего лишь дикий лось, старый и одинокий. Он печально поглядел на людей, тряхнул горбоносой головой и неохотно побрел прочь от тропы, роняя с промокшей шерсти крупные капли.

Задолго до полудня невдалеке показались воды Провоста. Сначала развеявшийся было туман впереди вновь сгустился, что обещало близкую воду.

Когда подошли ближе, из тумана стали выступать первые признаки людского жилья: плетеный забор, небольшая избенка, крытая камышом, теплица на холмике, укрытая прозрачной тканью, крошечная пристань на берегу, а потом уж и само озеро — теряющаяся в тумане беспокойная водная равнина.

Селение было совсем маленьким — четыре избушки да несколько сараев. Легкий дымок поднимался от труб; кто-то неразличимый возился в теплице, а из клубящегося над озером тумана доносился мерный скрип уключин.

— Что за хутор? — спросил без особого интереса Демид, разглядывая избушки.

— Трост, кажется, — ответил Лот не очень уверено.

— Трост, Трост, — заверил друзей Мирон. — Пошли.

Тропинка вывела их к самой пристани; рядом копался в сетях седой старик в кожаной куртке и высоких рыбацких сапогах. В лодке, привязанной к рогатому колышку, судорожно трепыхались несколько крупных рыбин.

Завидев Воинов, старик выпрямился.

— День добрый, — поздоровался Лот, и все трое поклонились.

— День добрый, — отозвался старик настороженно. Потом, видимо, узнав в пришлых Воинов, немного расслабился. — Лот? Лот Кидси?

— Да!

— Ты не помнишь Кирка Дюри?

— Нет, — ответил Лот, нисколько не смутившись. — Не могу же я помнить всех, с кем встречался в сотнях селений в сотне стран. Но очень может быть, что я видел тебя раньше.

— Видел, видел, — оживился старик. — Лет десять назад ты проходил тут с Гари Слименом. — Он повернулся к молодым Воинам. — А это, надо думать, Мирон Шелех и Демид Бернага.

— Точно, — кивнул Мирон и решил не тратить время на бесполезные разговоры.

— Нам нужна лодка, Кирк.

Тот кивнул, смешно дернув головой, совсем не так, как перед этим Мирон.

— Догадываюсь, что она нужна вам насовсем.

— Верно догадываешься.

— Поклажи у вас нет? — поинтересовался хуторянин деловито.

— Какая у Воинов поклажа? — проворчал Лот. — Меч да сумка.

Кирк хмыкнул.

— Есть лодка. Правда, небольшая. Зато легкая и быстроходная.

Он пошел к сараю, выстроенному на самом берегу озера. Вынес ладный челнок из березовой коры, на вид старый, но весьма крепкий, и опустил на землю у ног Воинов. В челноке лежало плоское деревянное весло с отполированной за долгие годы рукояткой.

— Вот. Берите.

— Спасибо, Кирк.

Лот полез в сумку и достал несколько монет.

— На, возьми.

Старик замахал руками:

— Нет-нет, не нужно.

— Бери, бери. — Лот силой вложил деньги ему в ладонь. — Мы же Воины, а не грабители.

При слове «грабители» Кирк вздрогнул, и Лот насторожился.

— В чем дело?

Кирк в сердцах сплюнул.

— Да бродят тут по болотам...

— Кто?

— Не знаю. В плащи кутаются и тащат что попало. Знаки у них такие же, как у вас.

Воины переглянулись. Они помогли бы хуторянам в любом случае, но сейчас вдобавок отчетливо запахло недавними событиями в Тороше.

— Скажи-ка, Кирк, не показалось ли тебе, что эти в плащах — вовсе не люди?

Кирк даже присел. Он повертел головой, словно боялся, что их могут подслушать, и шепотом сообщил:

— Я не знаю, кто они... но у них черные руки! Чтоб мне провалиться!

— Так! — решил Лот. — Прячь челнок в сарай. Мы задержимся.

Кирк мигнул выцветшими водянистыми глазами, занес лодчонку и затворил дощатую дверь, подперев ее палочкой.

— Пойдемте. Голодные небось. Уха поспевает. А потом я людей покличу.

Уху жена Кирка варила знатную, ей все отдали должное. Кирк сходил к соседям, привел еще четверых местных мужчин. Лишь один из них был моложе Лота.

Выходило, что последние месяцев шесть какие-то люди в длинных плащах шастают по округе и, угрожая оружием, отбирают у хуторян съестное, а также все мало-мальски ценное. Тех, кто упирается, бьют, правда, пока никого не убили. Никаких животных с ними не видели, поклажу те всегда уносили на себе, однако на болотах странные следы замечали неоднократно.

Некоторые из грабителей носят на груди Знаки, рассмотреть руны на них пока никому не удалось.

Приходят чаще всего они вечером, реже — под утро. Говор мягкий, с пришептыванием и неуловимым акцентом. Вооружены мечами и широкими кинжалами. Кирк и его сосед Матеус добавили, что кожа у чужаков черная, по крайней мере на руках, потому что лица их разглядеть невозможно из-за капюшонов. И непохоже, что они носят перчатки.

В общем-то особого вреда от чужаков и не было, скорее всего потому, что они изо всех сил стараются остаться незамеченными для остального Шандалара.

Остаток дня Воины, разделившись, провели на болотах, разыскивая логово чужаков или их следы. Мирон отправился на северо-восток. Легкий шум волн на Провосте скоро заст-

рял в тумане, и Шелех остался в глухой тишине, заставившей острее ощутить, что теперь он один. Никто из местных с Воинами не пошел — сослались на неотложные дела. Хлопот по хозяйству у хуторян было не счесть, поэтому не настаивали.

Однообразно хлюпала под ногами выжимаемая из мха вода. Мирон кутался в плащ, зыркая по сторонам. Вновь поползли низкие свинцовые тучи, похоже, собирался дождь. Селение теперь было далеко, добрел Мирон чуть ли не до Трайской топи, откуда вытекал и Алис, и самый крупный его приток. Болота стали совсем бурыми от обилия мха, только кое-где еле-еле зеленела низкая поросль голубики.

Тропой, по которой он шел, пользовались редко. То и дело она пропадала, и Мирон отыскивал ее только по памяти. Память пока не подводила. Мирона вообще редко подводила память.

«Нет здесь никого, — подумал он. — Надо, пожалуй, в сторону уходить».

Впереди тропа вскоре должна была пересечься с другой, ведущей к северной части Провоста. Мирон решил идти по ней на запад, к берегу озера. Вон и тропа нужная уже видна...

С первого взгляда на новую тропу Мирон понял, что по ней ходят, и последнее время часто. Не только люди, отметил он немного позже, когда продвинулся версты на три к западу. Круглые вмятины, похожие скорее на ямы, тянулись вдоль тропы, изредка пересекая ее. Они были заметно крупнее, чем следы, которые видели Мирон с Бернагой у Скуомиша.

Мирон остановился перед следом, наполненным мутной коричневатой жижей.

«Не успела отстояться», — подумал он. Зверь прошел тут не так уж и давно.

Посох, которым всякий путник пробовал сомнительные места, ушел в жижу на добрый локоть. Весил зверь неимоверно много.

«Ё-ё, кажется, стоит порадоваться, что это чудовище жрет кусты, а не мясо. Такого, пожалуй, одолеть потруднее, чем матерого дракона».

Вскоре Мирон наткнулся на отдельный, хорошо сохранившийся след сапога. С виду вроде бы сапог как сапог, а при-

глядишься — короче он, чем человечий, зато шире, в две полные ладони. Мирон присел рядом с отпечатком, изучая.

Соседний был не таким четким, но все же проступал достаточно явственно. От предыдущего он не очень отличался, во всяком случае, у людей правый сапог разнится с левым куда заметнее.

Мирон поднялся, поставил ногу рядом со следом и шагнул, как обычно шагает путник. Сравнил длину своего шага и чужакового. Чужаковый оказался короче на четверть.

Шелех вспомнил, как рубился с кем-то во дворе у Лероя. Еще тогда у Мирона возникло смутное подозрение, что противник ниже его. Судя по следам, это правда.

Мирон прикрыл глаза и сжал воображаемый меч, заставляя вспоминать руки. Низовой блок, боковой, опять низовой...

Точно! Руки помнили лучше головы, потому что голова запоминает лишь то, что поняла или пыталась понять, а руки просто помнят, и все.

Все удары чужак наносил либо снизу, либо навстречу. Боковые целил в пояс, ну чуть выше, может быть. Блоков против ударов сверху руки не запомнили.

«Так-так, — подумал Мирон с удовлетворением. — Это уже кое-что».

Он дошел до берега и вернулся к селению, ничего существенного больше не обнаружив.

Мирона встретил Лот, рыскавший на востоке и уже успевший прийти назад. Ждал он совсем недолго; к выводам Шелеха мало что добавил. Следы огромных тварей тоже попадались ему во множестве, но вот на следы самих чужаков наткнуться не посчастливилось. Надежды отыскать лагерь не оправдались, видимо, грабители не сидели на одном месте. Впрочем, это как раз было понятно: их животным требовался корм, а сколько зелени нужно таким исполинам? Поневоле станешь кочевать.

Но тогда непонятно, почему грабители приходят в селение достаточно регулярно. Поразмыслив, Мирон нашел этому только одно объяснение: всякий раз хутор посещали разные чужаки. Они просто идут куда-то в глубь Шандалара сплошной волной, длинным караваном. А местным жителям кажется, будто в округе обосновалась шайка бандитов.

Перед самым закатом вернулся Бернага, отправившийся на юг. Единственное, что его заинтересовало, это следы у моста через Фалею, следы все тех же громадных животных. Чужаки переправлялись через реку пешком, по мосту, а страшилищ своих гнали вплавь (или вброд — в зависимости от глубины), опасаясь, видимо, что мост не выдержит их тяжести. Приходили, вернее приезжали верхом, чужаки с востока, по раскисшей тропе шириной с улицу, направлялись за Фалею, но туда Демид ходить не стал: не хватало времени. Болота же севернее этой тропы выглядели обычными болотами, даже зайцы Демида не больно пугались, тогда как у моста бросались наутек, едва его замечали.

Кирк сказал: последние несколько суток грабители не приходили, значит, имелись все основания надеяться, что они заявятся ближайшей же ночью. Едва успело стемнеть, Воины расположились в первом же сарае рядом с тропой. Хуторяне разошлись по домам. Зарядил ленивый дождь, зашептал негромко, и ничто, кроме его шепота, не нарушало ночную тишину. Целый ворох сухих стеблей опоки остро пах, щекоча ноздри. Мирон развалился на сене, каждое движение вызывало лавину сухого шороха. В щели лез холодный озерный воздух, все запахнулись в подсохшие за дни без дождя плащи. Демид вознамерился было развести костер, но Лот отсоветовал. Во-первых, сено могло вспыхнуть, а во-вторых, глаза должны привыкнуть к темноте, потому что в любой момент зрение может понадобиться.

Чужаки придут без лишнего шума, поэтому ждали молча. Мирон, откинувшись на спину, размышлял. Просочившаяся сквозь крышу капля упала ему на лицо, и он, сердито зашипев, передвинулся в сторону. Демид то и дело негромко вздыхал, вспоминая что-то свое, Лот затаился, а может быть, заснул. Мирон не стал проверять. Даже если и спит, мгновенно проснется, едва что-нибудь начнет происходить.

Так тянулось довольно долго, Мирон иногда задремывал, всецело положившись на слух. Любой звук возвращал его к реальности: всплеск на близком озере, заунывный вой волкособак на болотах, мышиная возня в сене, вздохи Демида... Ночь захлестнула Шандалар, и лишь чужаки-грабители тащи-

лись, наверное, сквозь дождь, прижимаясь к телам своих покорных слуг-исполинов.

Шаги Мирон ощутил под утро. Именно ощутил, а не услыхал, ибо дождь впитывал все посторонние звуки, как мох впитывает воду. Сознание включилось, и через мгновение он уже стоял на ногах, а рядом бесшумно вскочили Лот и Демид.

По тропе прошли трое, неслышно ступая. Прямо к дому Матеуса.

Лот, чуть приоткрыв дверь, кошкой выскользнул из сарая. Мирон последовал за ним не колеблясь; Демид задержался на случай, если следом за этими чужаками идут отставшие.

Тьма уже перестала быть кромешной, небо чуть заметно посерело.

Раздался громкий стук — незваные гости будили Матеуса. Лот с Мироном прокрались к самому крыльцу, не вызвав никакой тревоги. Чужаки вели себя на удивление беспечно, даже не обернулись ни разу. Демид у сарая молчал — значит там, на тропе, все по-прежнему чисто.

Ну что же, силы равны. Трое против троих. Посмотрим, кто сильнее.

Заскрипела отворяемая дверь, на крыльце появился хмурый хозяин с фонарем в руке. Борода его была всклокочена, словно у рассвирепевшей росомахи.

Мирон взглянул на грабителей — каждый из них доставал Матеусу лишь до подбородка. Фигуры их казались бесплотными, скрытые под длинными плащами. Кроме того, мешал свет фонаря.

Лот не долго думая вскочил на крыльцо, хватил заднего чужака плоской стороной меча по голове и набросился на второго. Мирон тут же занялся третьим, краем глаза заметив, что первый беззвучно хлопнулся Матеусу под ноги.

— Свяжи его! — рявкнул Лот повелительно, и хуторянин на несколько секунд исчез в доме. Вернулся он с веревкой.

Мирон целиком сосредоточился на схватке; его чужак сноровисто уклонился от несложного выпада и мигом извлек длинный узкий меч, похожий на фредонские шпаги. Звякнуло железо, чужак защитился и неожиданно легко перемахнул через перила, словно нетопырь.

Лот ожесточенно рубился со своим, уже внизу, перед самым крыльцом. Не успел Мирон соскочить вслед за вертким противником, тот перекликнулся с товарищем, сбросил плащ и взмыл в небо, еще больше став похожим на большого нетопыря.

Мирон, сжимая бесполезный меч, глядел на светлеющие тучи. От Лота чужак тоже удрал, оставив лишь плащ.

— Вот зараза! — сказал Кидси с досадой. — Упорхнул.

Появился встревоженный Демид. Ему показалось, что у друзей затруднения. Он уставился на Мирона, уныло глазеющего в небо, на Лота, уже овладевшего собой и прячущего меч в ножны.

— Что у вас? — спросил Бернага, слегка успокоившись.

Лот вздохнул:

— Удрали. Оба.

— Совсем как тогда, на пожаре: шасть в небо, и нету, — добавил Мирон, нехотя подцепив мечом валяющийся под ногами плащ. — Вот все, что осталось.

— Но одного я все-таки оглушил, — удовлетворенно заключил Лот. — Вон он, голубец, на крыльце прикорнул.

Демид глянул: там стоял довольный Матеус и ухмылялся во все лицо. Проснулись и остальные хуторяне, потревоженные шумом; спешил к ним кое-как одетый Кирк Дюри, мелькали огни в окнах домов. Небо продолжало светлеть: занимался новый день.

Чужак начал приходить в себя, только когда окончательно рассвело. Лот здорово его приложил: кожа на голове лопнула, обильно текла густая темно-багровая кровь, быстро чернея. За два часа его успели как следует рассмотреть, сдернув с плеч плащ цвета мокрой хвои.

Как и люди, чужак имел две руки, две ноги, продолговатое тулово и голову; на этом сходство кончалось. Несомненно, что летучие мыши состояли с ним в дальнем родстве. Голова была круглая, с огромными подвижными ушами, глазки маленькие и глубокосидящие, рот большой и зубастый, нос напоминал поросячье рыло, но черное и поизящней. Руки длиннее, чем у человека, свободных пальцев три, плюс один противостоящий, на манер людского большого пальца; и еще длинный, заворачивающийся вбок мизинец, к которому при-

росла кожистая перепонка-крыло. Ног не увидели — не стягивать же сапоги? Одежда — кожаные шаровары и ладная куртка без рукавов, скроенная таким образом, чтобы оставить свободными крылья. Мизинец при необходимости легко сгибался у основания, прижимаясь к запястью и локтю, перепонки обвисали на манер накидки и, несомненно, согревали чужака не хуже одежды, потому что были покрыты мягким ворсом, а внутри их ветвились многочисленные кровеносные сосуды. Весил чужак меньше, чем следовало ожидать от создания такого размера, но это Мирона как раз не удивило, ведь существа, способные к полету, не могут быть грузными. Полые кости, отсутствие жира — только кожа да мускулы.

Меч, как заметил Мирон раньше, узкий и тонкий, искусная гарда тонкой работы скрывает почти весь кулак. Клинок хорошо закален и мастерски заточен. Кинжал, наоборот, непомерно широкий, как варварский тесак, и слегка изогнутый.

Знака на чужаке не нашли, хотя Лот утверждал, что на шее у того, с которым он рубился, болтался какой-то медальон, правда, непонятно, Знак ли.

Остановив чужаку кровь, снесли его во все тот же сарай Матеуса, где караулили ночью. Хуторяне, наглядевшись, разошлись потихоньку, забот-то у них не уменьшилось.

Чужака усадили спиной к столбу, подпирающему кровлю. Дверь затворили, чтобы ненароком не улизнул. Огненный камень в банке фонаря горел ровно и ярко, освещая почти весь сарай.

Демида Лот отослал наружу на всякий случай: вдруг крылатые вздумают выручать своего дружка? Как ни хотелось Бернаге остаться, пошел скрепя душу. Старший есть старший, как скажет, так и будет. Глядя на него, Мирон вспомнил свой первый поход на логово сагорских пиратов — тогда он был самым молодым среди Воинов, и точно так же приходилось подчиняться старшим вопреки всему.

Чужак заворочался и открыл глаза. Рука стремительно метнулась к поясу, но, не найдя ни меча, ни кинжала, бессильно упала. Издав невнятное шипение, крылатый замер.

Лот в упор разглядывал его лицо. Теперь оно стало осмысленным, живым, а не бесстрастным, как раньше, когда чужак был без сознания. Он не трус, раз искал оружие, а значит, его

соплеменники уклоняются от схватки по каким-то своим соображениям.

— Кто ты такой? — твердо спросил Лот.

Голос Воина полнился холодом и острой сталью. Даже Мирон почувствовал себя неуютно.

Чужак хранил молчание, упрямо нагнув голову. Кидси выразительно обернулся к Мирону. Тот понял с полуслова: потянул из ножен меч и шагнул вперед. Лот наклонился, сграбастал чужака за куртку, приподнял.

— Говори, отродье! Лучше говори.

Глазки у крылатого забегали. Неожиданно низким голосом он сказал:

— Я — Суорг, меченосец из рода Хла.

— Как зовется твой народ?

Суорг казался удивленным.

— Разве люди ничего не знают о деммах?

— Ты демм?

Суорг не ответил.

— Откуда ты родом?

— С лица Мира.

— Где это?

Демм пошевелил ушами — что сие означало, не поняли ни Лот, ни Мирон. Наверное, прислушивался.

— Это — по ту сторону. Здесь — изнанка, там — лицо. Истинные живут там. Хотя вам наверняка все представляется иначе.

— Что вам нужно в нашем краю?

Суорг оскалился:

— Спроси об этом своих трагов, бледная обезьяна!

Лот отвесил крылатому легкую затрещину.

— Не умничай, длинноухий!

Чужак вдруг ловко вывернулся, отпрыгнул в глубь сарая и пронзительно заверещал. Тотчас заметно дрогнула земля. Потом еще раз.

— Берегись! — не своим голосом заорал с улицы Бернага.

Земля продолжала вздрагивать под чьими-то тяжелыми шагами. От визга крылатого закладывало уши.

— Лот! Мирон! Наружу! Скорее! — надрывался Демид.

Кидси попытался сцапать верткого демма, но тот проворно отпрыгнул. Мирон налег на дверь; в сарай втек тусклый свет дождливого шандаларского утра, смешиваясь с желтым свечением фонаря. Лот наконец схватил за шиворот крылатого, видимо, еще не пришедшего как следует в себя.

Мирон выбрался из тесного помещения, глянул за угол и обмер: прямо на сарай перла серая гора, тяжело переваливаясь и увязая в грязи. Крошечная головка на длинной шее даже не сразу бросилась в глаза. Толстенные ноги попирали землю, сотрясая при каждом шаге всю округу.

Демм опять заверещал; гора откликнулась глупым, но весьма громким мычанием. Очевидно, чужак заслышал ее издалека, обладая более острым слухом (недаром прядал ушами, как лось), и теперь призывал свою зверюгу на помощь.

— Лот, уходи! Да брось ты его к чертовой матери! — голосил Демид срывающимся голосом. Мирон не видел ни его, ни Лота. Очевидно, Кидси не отпускал демма.

Зверь приближался. От сарая его отделяло теперь локтей сто. Судьбе сарая вряд ли приходилось завидовать.

Мирон, преодолевая неприятный холодок в груди, рванулся навстречу.

— Й-э-э-э!!!

Демид встрепенулся, выхватил меч и понесся на подмогу, заходя с другой стороны.

Лот, прижимая к себе брыкающегося и беспрерывно орущего демма, наконец выбрался из сарая, но так ничего и не увидел, потому что дверь выходила к поселку, а не на болота.

Чудовище продолжало мычать и сотрясать землю, неуклонно приближаясь, неотвратимое, как падающая скала. Мирон подбежал почти вплотную. Голова твари высилась на уровне печных труб — не дотянешься.

Демид тоже приблизился и с размаху рубанул по ноге-колонне. Морщинистая кожа лопнула, как гнилой орех, хлынула кровь. Но на чудище это никак не подействовало, оно продолжало переть дальше, словно ничего не произошло.

Пораженный Бернага отпрыгнул в сторону. Мирон, задрав голову кверху, бежал уже к сараю и выбирал удобный для удара момент. Шея в самом тонком месте — у основания головы зверя — была несколько толще тела взрослого мужчи-

ны, а сама голова — вдвое крупнее лосиной. Разума в этой твари было не больше, чем в пивном бокале.

Демид отдышался и бежал сбоку от поврежденной ноги, вновь и вновь взмахивая мечом и кромсая первую рану. Кровь хлестала, словно вода из пробоины в плотине.

Мирон, глядя вверх, выжидал. Вот голова медленно поплыла к земле, ближе и ближе... Размахнувшись что есть силы, Воин обрушил меч на шею чудовища. Удар, другой...

— Й-э-э-э!!!

Голова вдруг отделилась от толстенной шеи и тяжко шлепнулась в грязь; мышцы рук хором заныли, да так, что Мирон невольно охнул.

Чудище на миг замерло, по громадному телу прокатилась волна дрожи; затем пошло дальше, медленно приподнимая обезглавленную шею. Мощное колено разнесло стену сарая в щепы. Но уже на следующем шаге передние ноги подломились, отчего необъятная туша, и так горбатая, сгорбилась еще сильнее, а потом вся эта гора мяса разом завалилась набок, вминая в землю все под собой. Ноги, шея и длинный хвост продолжали дергаться и вздрагивать. Многострадальный сарай рухнул окончательно. Лот сообразил, что стоит, сжимая меч побелевшими пальцами, в боевой стойке и бессмысленно таращится на умирающего зверя. Демид, едва ускользнувший от падающей туши, сидел на мокрой земле и безудержно кашлял, пытаясь унять бешено колотящееся сердце и вернуть в норму дыхание. А Мирон, опустив меч, глядел на дело рук своих, еще не веря.

Дождь невозмутимо сыпал из нависших над самыми головами туч; холодные струйки текли за шиворот. Мирон подумал, что при таком росте чудовище непременно должно задевать макушкой за тучи.

Наконец зверь перестал шевелиться; только сейчас Лот опустил меч и вспомнил о демме. Тот, естественно, под шумок удрал.

И тут до Мирона дошло, что Демид вился как раз у левого бока поверженного гиганта. В груди снова похолодело, Шелех опрометью бросился вокруг туши, на бегу чертыхаясь.

Спустя минуту он увидел и услышал Демида, по-прежнему сидящего на земле. У Мирона отлегло от сердца.

— Жив! Чтоб его! Я уж думал, что тебя подмяло.

Демид закашлялся и поднял голову.

— Эй, Шелех! Прекрасный удар!

Дождь все сыпал и сыпал, сквозь него с трудом пробился окрик Лота:

— Мирон! Демид! Где там вы?

— Пойдем. — Шелех протянул руку, помогая товарищу подняться. — Ты цел хоть?

— Цел, цел, — отмахнулся Бернага, подбирая окровавленный меч.

Рядом с Лотом собрались почти все хуторяне.

Мирон подумал, что день начался на редкость бурно. Каким, интересно, получится вечер?

Ответ на этот вопрос могло дать только время.

Тихая война велась почти двадцать пять лет. Как-то незаметно успело вырасти и состариться целое поколение, не знающее Солнца. Дождь стал привычным, и теперь его никто в общем-то не замечал. А людей, которые помнили, что небо бывает голубым, почти не осталось. То есть многие шандаларцы, путешествующие в соседние страны, видели и небо, и Солнце не раз, но все это оставалось там, за границей болот, за реками, далеко. А дома все в порядке: холодно и сыро.

Охотников искать сокровища в Озерном крае заметно поубавилось — возвращались из болот немногие, и никто — богатым. Шандаларцы возникали из тумана, как призраки, били пришельцев, жадных до чужого добра, и уходили сплошными топями, где немедленно вязла любая погоня. Никто не умел воевать в этой стране лучше тех, кто здесь родился. И местные отстояли право жить по своим законам. А когда нашествие както само собой прекратилось, обитатели промокшей страны вернулись к обычным занятиям.

Несколько оживилась торговля: предприимчивые купцы из Зельги, Тороши и Эксмута снаряжали караваны на рынки Цеста, Фредонии, Сагора, Цимара, Гурды и привозили товары, без которых Шандалар задыхался, — дерево, изделия из металла, ткани... Зельга, Тороша и Эксмут сделались признанными центрами торговли внутри страны. Иногда наведывались

купеческие корабли, чаще всего из Турана, но это случалось далеко не каждый год.

Никто уже не помышлял о бегстве из Озерного края, как раньше, ведь почти все, кто считал себя шандаларцем, родились здесь же, под шорох дождя, и не представляли и не желали иной судьбы.

Стало еще чуть-чуть теплее, во всяком случае, лучше начали себя чувствовать многие растения. Хотя, может быть, они просто привыкли. Вернулись кое-какие птицы и животные — тетерева, куропатки, кабаны, росомахи, волкособаки. Жизнь пульсировала везде, невзирая на грязь и слякоть, а возможно, и вопреки ей.

Шандалар поднялся с колен. Но ему еще предстояло стать по-настоящему сильным.

Не думайте, что это было легко.

Лин О'Круз, послушник. Приход Зельги,
летопись Вечной Реки, год 6796-й.

Лодка, купленная у Кирка, превзошла все ожидания Мирона — не рыскала, не текла, слушалась весла и не боялась волны. Править ею было одно удовольствие. Мирон с веслом устроился на корме, Демид — на носу, а Лот между ними. Походные мешки и запас пищи укрыли куском парусины, чтоб зря не мокли под дождем.

Провожать Воинов пришли лишь Кирк, Матеус да самый молодой из мужчин-хуторян. Мирон чувствовал себя неловко: от одного набега они людей защитили, но деммы наверняка заявятся еще. Впрочем, не сидеть же здесь теперь до окончания Рек? Легче понять причину, влекущую в Шандалар чужаков с лица Мира (или с изнанки, как глядеть), и устранить эту причину. Ведь они обирают и другие селения Облачного края. И все равно было неловко, словно Воины предали свой народ. Разумом-то Мирон, да и хуторяне тоже понимали, что уходить надо, но сердце ведь молчать не заставишь.

Утешало, что деммы до сих пор брали в основном еду, а уж мяса в селении теперь хоть отбавляй. Его и коптили, и солили в бочках, и, предварительно обжарив, заливали жиром в кадках и относили в глубокие погреба-ледники... Туша деммового зверя могла бы прокормить двадцать таких селений.

Дождь зарядил меленький, тихий, видно сразу: не меньше чем на неделю. Мирон потихоньку греб вдоль берега — Провост достаточно велик, чтобы потерять из вида землю, как в море, а пересекать большие озера на хрупком челне — занятие для безумцев. Все равно что пересекать море на том же челне. Идя же вдоль берега, Воины ничем не рисковали, ведь всегда можно пристать.

Обогнув низкий заболоченный мыс, Мирон стал держать точно на север. Демид, по обыкновению, дремал, поклевывая носом. Лот погрузился в размышления и едва слышно барабанил пальцами по борту. Наверное, в очередной раз ругал себя за то, что упустил плененного чужака. Сколько тот мог бы рассказать Воинам! Ведь, по сути, ничего о нем и вообще о деммах узнать так и не успели. Что гонит их в Шандалар? Отголоски каких давних событий? Снова и снова Лот перебирал в памяти дела давно минувших дней и не находил ответа.

Течение в озерах такого размера практически не чувствуется, поэтому челнок скользил по воде весьма резво. Пожалуй, пеший путник, идущий по берегу, их обогнал бы разве что бегом. Но по топким берегам Провоста не больно побегаешь.

Когда Мирон утомился махать веслом, его сменил Демид. Теперь Мирон блаженно дремал на носу.

«Да, — подумал Шелех с сожалением, — всегда бы так. Сидишь и вместе с тем приближаешься к цели. Не то что обычно, только и знаешь, что грязь дорожную месить...»

Так они и гребли по очереди несколько дней кряду. Провост на севере сузился и вытянулся к западу узким языком залива, в который неспешно втекала Эстания — река, нареченная когда-то тэлами-первопроходцами.

По ней поднялись до устья Провы, потом до заросшего кувшинками пролива к озеру Таритау, а оттуда немного осталось и до треуглого Хорикона, известного своими сухими скалистыми островами. День сменялся днем, ползли назад унылые берега, поросшие опокой и ивняком, ничто не менялось вокруг: не становилось ни теплее, ни холоднее, не прекращался дождь, не переставал клубиться туман, особенно с утра и к вечеру. Только по известным с детства приметам путники отмечали движение на северо-запад.

В Хорикон вошли около полудня; берега неожиданно разошлись, и вместо легкой речной ряби в борт челнока хлестнула низкая упругая волна с грязно-серой шапкой пены на макушке. Над восточными отмелями она была повыше, а едва Воины отгребли на место поглубже, пена пропала. Челнок теперь заметно покачивался.

Устья Батангаро раньше, чем стемнело бы, достичь не успевали, поэтому решили заночевать на одном из островов, благо были они холмистыми, не то что болотистые берега. Лот, орудовавший веслом, отвернул немного влево, и скоро стена опоки пропала из виду. Вокруг, сколько выхватывал из тумана глаз, плескалась свинцовая вода Хорикона, и только спустя два часа впереди проступили смутные очертания острова.

Он был скалист и неприступен, но Воины знали, что с северной стороны есть удобная бухточка, где можно высадиться на берег. Осталось только обогнуть крутой мысок, похожий на клюв совы.

Повинуясь уверенной руке Лота, челнок плавно разрезал озерные волны. Скоро бухта приняла его, вобрала вместе с путниками. Вода здесь была спокойнее, да и ветер не так чувствовался, отсеченный скалами. Лот правил к едва заметной расщелине, где обычно взбирались на гребень по неровностям камня. Демид на носу пошевелился и привстал, готовый первым высадиться на островок.

К темноте палатка уже стояла, а огненный камень пылал в небольшом углублении на скале. В этот раз за водой далеко ходить не пришлось — зачерпнули прямо из озера, так что Демиду даже не представилось повода поворчать.

Уже собирались укладываться спать, когда к костру вышел седой старик в ослепительно белом плаще.

— Доброй ночи, Воины.

Мирон сразу понял, что это траг. Белый цвет — их цвет, а больше никто в Шандаларе не стал бы разгуливать, облачившись в белый плащ. Ведь грязно, белое сразу стало бы серым.

— Ты траг? — спросил Лот. По его тону нетрудно было понять, что рыжий Воин нисколько не сомневается.

— Да, — ответил старик спокойно. — Сядем. Пришла пора объясниться.

«Наконец-то, — подумал Мирон. — Вмешались».

Они расселись вокруг огня. От скал тянуло холодом, даже сквозь подстилку из шкур.

— Задавайте вопросы, — разрешил старик. Траги всегда так: ничего особо не рассказывают, но на вопросы отвечают. Мирону казалось, что они постоянно опасаются сболтнуть лишнего. Но что траги могут скрывать от Воинов? Мирон не понимал.

— Вопрос один: что происходит? — Лот старался быть кратким.

— То, чего боялись, но ждали: пришли деммы.

— Кто они?

— Существа с изнанки Мира. Но они считают, что это мы с изнанки.

— Поподробней насчет Мира, пожалуйста, — попросил Лот. — Что такое изнанка? Где она расположена?

Траг вздохнул. Наверное, он не понимал, как можно не знать таких простых вещей.

— По-вашему, как выглядит Мир со стороны?

— Шар, — пожал плечами Лот. — Мир похож на огромный шар, это и дети знают. Мы живем на его поверхности.

— Правильно, — подтвердил старик. — Деммы живут на внутренней его поверхности.

— Значит, Мир — полый?

— Нет. Я же не сказал, что деммы живут внутри шара. Внутренняя поверхность нашей части Мира совпадает с их внешней. Совпадает, но не является ею. Как бы вам объяснить... Представьте песочные часы. Один сосуд — во власти людей, второй — дом деммов. Теперь попробуйте совместить оба сосуда, наложить один на другой, вывернув предварительно любой из них наизнанку. Представьте себе, что они станут существовать в одном и том же месте, никак не влияя друг на друга, независимо. Как две тени.

Траг повел руками — тень от его правой руки наползла на тень от левой.

— Видите? Скала одна, а теней на ней две, и они не мешают друг другу. Так и Мир — у него две поверхности, лицо и изнанка. Нам кажется, что мы живем на внешней стороне шара, и это так и есть. Так же думают и деммы, и это тоже правда. Просто одна внешняя поверхность по отношению к

другой представляется на месте внутренней. Наш Мир — это шары, совмещенные друг с другом. В нем все существует парами-противоположностями: свет и тьма, жизнь и смерть, огонь и вода — все это лицо и изнанка одного и того же. Все зависит от того, из какой части Мира смотришь. Если перейти с лица Мира на его изнанку, эти понятия поменяются местами. Правда, покажется, будто ничего не изменилось, ведь сам ты тоже изменишься. Это сложно, но это так, поверьте мне.

У Мирона голова шла кругом. Лицо, изнанка, шары, поверхности...

— Ладно, — согласился Лот. — Поверим. Что нужно деммам у нас?

Траг развел руками:

— Что может быть нужно захватчикам? Шандалар лежит в области перехода. Образно говоря, в шейке, соединяющей сосуды песочных часов. Здесь они объявились раньше и отсюда могут расползтись по всему Миру людей.

— Что мы должны делать?

Траг улыбнулся:

— Что должны делать Воины? Сражаться! Но прежде... Поддельные Знаки — отдайте их мне.

Он протянул руку Лоту.

— Ну?

— У меня их нет, — сказал Лот, не изменившись в лице. — Разве трагам это неизвестно?

Старик казался удивленным.

— Неужели Даки не отдал их тебе, Лот Кидси?

— Нет. А должен был отдать?

Траг умолк.

— Ладно. Нет так нет, — сказал он, поразмыслив. — Вот еще что: к Дервишу теперь ходить не стоит. Важнее всего найти точку перехода — место, где деммы проникают в наш Мир. Точнее, в нашу часть Мира, если вы помните мои объяснения.

— И?..

— И... — передразнил траг ворчливо. — Заткнуть эту дыру надо.

— Как?

— Там видно будет. Сначала найдите.

Траг встал и, не прощаясь, пошел прочь от моста. Мирон проводил его взглядом: тот направлялся к обрывистому берегу. Темнота ночи быстро поглотила одинокую белую фигуру.

— Гм... — сказал Демид с некоторым сомнением. — Он пошел к воде?

— Ну? — не понял Мирон. — К воде.

— Всплеска никто не слышал?

Мирон поглядел на Лота, но тот уставился в огонь и на слова Демида внимания, похоже, не обратил.

— Нет. Я не слышал, — сообщил Шелех Демиду.

Демид встал и направился за трагом. Отсутствовал он недолго.

— Его нет. А лодка на месте.

— А ты чего ждал? — удивился Мирон. — Далась ему наша лодка!

— Между прочим, это тот самый траг, который вручал мне Знак.

— Ну и что? — Мирон недоумевал.

Демид вздохнул:

— Да так, ничего. Но куда он делся?

Мирон покачал головой.

— Во, чудак-человек! Он же траг. Ты еще спроси, каким образом он очутился здесь, на острове, и откуда знает, что мы направляемся к Дервишу.

— Однако, — возразил Демид, — он полагал, что лже-Знаки у Лота. И ошибся.

Мирон задумался.

— Да, действительно.

Он впервые заподозрил, что траги не всемогущи, во что раньше верил свято и безоговорочно.

— Не нравится мне это, — очнулся Лот. Наверное, он все-таки слушал. — Темнят траги.

Он в упор поглядел на Мирона.

— Всегда они чего-то недоговаривают.

Еще Лот подумал: «И используют нас, Воинов, как люди используют животных. Лосей, к примеру».

И при этом нередко посылают на верную смерть, преследуя какие-то свои неясные цели. Правда, всегда вроде бы за

дело. Но в отличие от животных людям можно было бы и объяснить, во имя чего они гибнут. Особенно Воинам.

В темноте кто-то негромко кашлянул. Все мигом напряглись и подобрались. Мирон решил было, что траг возвращается, но это оказался не траг.

Мальчишка. Тот самый, что направил их к Дервишу. Рядом с ним бесшумно ступал огромный черный пес, поблескивая глазами.

— А, — сказал Демид приветливо. — Привет, малыш. Что ты нам расскажешь на этот раз?

Мальчишка, придерживая пса за широкий ошейник, бросил Демиду небольшой кошель-мешочек. Бернага поймал его на лету.

— Не верьте трагам, — отрывисто сказал гость. Затем обернулся и исчез в темноте, совсем как перед этим старик в белом, только мальчишка вместе со своим четвероногим приятелем цвета ночи направился в глубь острова, а не к берегу.

— Эй! Ты куда? — вскочил Демид. — Постой!

Но Лот удержал его:

— Не ходи, парень. Сиди тут.

Бернага стряхнул руку Лота, однако остался у костра.

— Почему это я не могу пойти?

Лот промолчал.

— Интересно, — вздохнул Мирон. — Теперь мы еще и трагам не должны верить. Кому же тогда верить? Свихнулись все, что ли?

— Нет, — ответил Кидси. — Не свихнулись. Продолжается то, что, видимо, началось давным-давно, задолго до нас. И мы теперь погрязли в этом по уши.

— Знаешь, Лот, — доверительно сообщил Мирон, — я — Воин. Мне не по душе ребусы. Мне не по душе шарады. Я не фокусник из балагана. Покажите мне, с кем драться, и я буду драться. А сейчас я, черти всех дери, ни хрена не понимаю. А поэтому, черти всех дери, давайте спать. Если, конечно, все визиты нам уже нанесены, черти всех дери, на ночь глядя, соленый лес, ковшиком по уху!!!

— Спать, так спать, — неожиданно легко согласился Демид. — О! Погодите! Что нам принесли-то?

Он распустил сыромятный ремешок и вытряхнул содержимое кошеля на ладонь. В сплетении судьбоносных линий тускло блеснули три Знака Воинов. Надо полагать, три лже-Знака.

Голова пухла. Было отчего.

Наутро в полном молчании позавтракали, свернулись, погрузили пожитки в челнок и отчалили. Весло взял Лот. Когда очертания островка стерлись туманом, Мирон негромко попросил:

— Высадите меня где-нибудь на северном берегу.

Для себя он все решил. Еще ночью.

Лот, не переставая бесшумно грести, осведомился:

— Ты что-то задумал?

— Я иду к Дервишу, — твердо сказал Мирон. — И не пытайтесь отговорить.

— Значит, — улыбнулся Демид вызывающе, — мы пойдем вдвоем.

— Ого! — поднял брови Лот. — Оба. Траги будут озабочены.

— Зато мы будем спокойны, — сказал Мирон, благодарно сжав ладонь Демида и ощутив ответное рукопожатие.

— Спокойны вы вряд ли будете, — пообещал Лот. — Ручаюсь.

Впрочем, путь Воина спокойным и не бывает, так что Лот ничем не рисковал, пророча это.

— Но ответьте мне, почему вы решили ослушаться трагов?

Демид набычился:

— Решили — и все. Шли к Дервишу, к нему и пойдем.

— Понятно, — сказал Лот. Как он и ожидал, вразумительно ответить Бернага не смог. — А ты, Мирон?

Шелех молчал. В самом деле — почему? Никогда еще Воин не осмеливался сомневаться в трагах. Воистину все не так в Шандаларе!

— Не знаю, Лот Кидси. Что-то подсказывает мне — мы об этом не пожалеем. Только ты нас не разубеждай. Не получится. Со мной по крайней мере.

— Со мной — тоже! — заявил Демид со свойственной молодости горячностью.

— Мальчики мои, — сказал Лот неожиданно усталым голосом. — Все утро я ломал голову над тем, как уговорить вас пойти со мной к Дервишу.

Мирон взглянул в лицо Кидси-рыжему и вдруг заметил, что тот постарел, и постарел сильно. Тело его осталось прежним, но глаза стали иными.

«А ведь он вдвое старше Демида... — подумал Мирон беспомощно. — Сколько ему еще носить Знак? Пять лет? Десять?»

— Здорово, — проворчал Демид. — Прям идиллия. Единство помыслов и намерений. Но ты-то, Лот, ты сумеешь объяснить, почему решил идти к Дервишу?

Лот уже стал обычным Лотом — целеустремленным и спокойным. Теперь у него даже морщин вроде бы поубавилось.

— Почему? Да потому, что я хочу знать правду. Правду, а не то, что соизволят сообщить мне траги. И если бы вы знали, как я рад, что вы со мной.

— Ну, — хмыкнул Демид, — с виду не самая плохая компания. А, Шелех?

В такие моменты Мирон всегда остро ощущал, что Братство — это не просто слово. И в этом до боли приятно было вновь и вновь убеждаться.

В тот день гребли с каким-то особым ожесточением, и юркий челнок летел по воде, словно у него отросли крылья.

Когда русло Батангаро стало все больше отклоняться к северу, внимание путников приковал левый берег. Высматривали веху — внушительный ледниковый валун, ныне полузатопленный. Но все равно над водой возносилась изрядная его часть. Здесь обычно высаживались на сушу, когда шли на Вудчоппер, Токат или Курталан, а также на озера поменьше, вроде Шакры или Шургеза. Лодку оставляли у вехи — ее потом подбирал кто-нибудь по пути на юг и юго-восток. Воины сами не раз оставляли здесь и верткие челноки, и тяжелые долбленки, и широченные тэльские плоскодонки, удобные в речных зарослях, а возвращаясь, неизменно находили что-нибудь плавучее. У валуна-вехи даже соорудили избушку лет сто назад. А может, и раньше. В ней не переводились припасы, нередко — спасение для незадачливых путешественников.

— Вижу! — радостно воскликнул Демид. — Греби под берег, Мирон.

Веха неясно маячила в тумане бесформенным темным пятном. Вокруг нее не росла даже опока.

— Гребу, гребу, — отозвался Мирон, налегая на весло. — Доплывем, никуда не денемся...

Демиду явно надоело валяться в лодке, хотелось по-настоящему размять ноги.

— Эхма! Побродим по болотам, вспоминать еще будешь челнок этот. И весло.

Бернага легкомысленно отмахнулся.

Повинуясь уверенной руке Шелеха, челн обогнул серовато тушу валуна. Показалась кое-как сработанная пристань: несколько шатких столбиков-свай, вколоченных в илистое дно, с неким подобием настила. Мирон к ней править не стал, подогнал просто к берегу посудину верную, уперся веслом и вытолкнулся наполовину. Демид соскочил и помог, подцепив челнок за носовой прут. Кора мягко зашуршала о зернистый грунт. На суше против причала одиноко ютилась небольшая плоскодонка.

— Гм... — заметил Демид, подхватывая мешки. — Маловато лодок.

— По хуторам сидят... Ходят мало. Из-за деммов, что ли? — предположил Лот не очень уверенно.

Челнок вынесли из воды и пристроили рядом с плоскодонкой, перевернув днищем кверху, чтоб не скапливалась дождевая вода и не портила кору. Весло Мирон затолкал ногой под него.

— Слушайте, — Демид, забросив мешок за спину, попрыгал на месте, поправляя лямки на плечах, — тяжеловата ноша-то! Или отвык?

Лот подобрал свой мешок.

— Ничего. Харчей все равно оставить нужно. Мяса у нас — за две недели не умять.

Выложив в избушке большую часть припасов, Воины напились, наполнили фляги и зашагали на запад. Впереди раскинулась огромная топь, примыкая дальним концом к озеру Муктур. Из топи лениво вытекали три реки. Здесь нетрудно было сгинуть, и сгинуло здесь за долгие годы немало беспутных голов, прежде чем удалось нащупать извилистую тропу — единственный проходимый путь через эти гиблые места.

Шли медленно, пробуя посохом-щупом сомнительные пятачки. Даже на старой хоженой тропе попадались глубокие ямы, в которых завязли бы и лоси. Одежда вмиг стала сырой и грязной. Тощие лягушки торопились убраться с дороги, смачно шлепаясь в трясину то справа, то слева. Что они тут жрали — непонятно. Комаров да мошек Шандалар не знал вот уже двести лет. Разве что червяков каких...

А самым плохим было то, что вплоть до Муктура впереди не сыскать сухого места. Везде хлюпала полужидкая грязь, иногда доходя до колен. В темноте идти не решился бы и самый отъявленный смельчак, ибо в муктурских топях оступиться возможно было лишь однажды. Ночь коротали стоя. Оставаться в избушке у вехи-валуна до утра тоже не имело смысла: за светлое время суток топь пересечь еще никому не удавалось. Даже верхом.

Ночь казалась бесконечной; болота дышали смрадом, рождая причудливые звуки, зачастую довольно жуткие и пугающие, а вдали загадочно мерцали синеватые огоньки, медленно переползающие с кочки на кочку. Никто не знал, что это за огоньки. Вреда они путникам вроде бы не приносили, но редкие безумцы, погнавшиеся за ними, пропадали навсегда.

И шуршал нескончаемый дождь.

Едва посерело небо и тусклый предрассветный сумрак залил болота, двинулись дальше. Ноги гудели от многочасового стояния на месте, было мокро, холодно и мерзко. Мирон подумал: вот ему, коренному шандаларцу, родившемуся и выросшему среди этих унылых болот на пару с дождями, ему сейчас мокро, холодно и мерзко. Каково же тогда жителям соседних солнечных стран, волею судеб попадающим в Озерный край? Наверное, все это кажется им сплошным кошмаром, и они спешат побыстрее разделаться со всеми делами и вернуться домой, к чистому небу, свободному от туч, к Солнцу и теплу. К зелени своих садов, таких странных и непривычных для шандаларца, подальше от непонятной страны, похожей на недобрый сон, от сумасшедших ее обитателей, появляющихся на свет в насквозь пропитанных дождем плащах и не снимающих эти плащи всю жизнь...

С самого утра Мирон переставлял ноги совершенно без участия мысли, витая где-то далеко-далеко. Тело действова-

ло само: пробовало тропу, выбиралось из ям, поправляло заплечный мешок, жевало мясо с луковицей. Усталость схлынула, он вошел в режим похода и мог бы теперь идти так много дней почти без отдыха. К вечеру, правда, захотелось спать, но, перетерпев час-другой, Мирон изгнал бы сонливость надолго.

Топь закончилась еще до темноты. Слева, в озере Муктур отразилось низкое небо, подернутое рябью от падающих капель, равнина впереди постепенно повышалась. Вся вода оттуда неторопливо стекала в топь.

Лот выбрался на относительно сухое место и огляделся.

— Ну, что? — спросил он. — Отоспимся, пожалуй?

У Демида глаза слипались уже с полудня, Мирон тоже не прочь был передохнуть. Устроились они без излишней спешки. Верхнюю одежду отмыли в озере — мокрее она не стала, зато стала заметно чище. Развели костер под тентом, согрели чаю. Сами согрелись. А потом забылись чутким сном усталых следопытов.

Против обыкновения, спали еще часа два после рассвета. Конечно, любой Воин без особого ущерба выдержал бы несколько суток не смыкая глаз, но кому нужны такие встряски? Тем более без причин. Есть время — спи, Воин...

И они отсыпались, наверстывая упущенное. Потому что завтра времени на сон могло не найтись.

Первым выполз из палатки неугомонный Демид. И едва не ослеп.

За ночь ветер окреп и разогнал сумрачные дождевые тучи, а потом улегся, словно и не было его. Лишь легкие белые облачка неторопливо плыли по небу; между ними лилась вниз пронзительная голубизна — потоками, водопадами, а на востоке над топью сияло Солнце.

Демид остолбенел. Озеро теперь казалось не свинцовым, не серым, а бирюзово-голубым, почти как небо. По лужам прыгала яркая-яркая золотистая дорожка. Жалко-блеклые еще вчера болота сверкали тысячей красок, и было светло, поразительно светло, до рези в глазах.

— Эй, землеройки! — заорал Демид в упоении. — Вставайте скорее! Солнце!

Мирон выскочил из палатки, словно ужаленный, даже еще как следует не проснувшись, и окунулся в это праздничное утро, растворился в нем без остатка. Рядом точно так же растворялся Лот, а Демид приплясывал и хохотал, как безумный.

Туман, конечно же, рассеялся, и видно было, что далеко-далеко небо встречается с болотами.

— Эх! — сказал с досадой Мирон. — Рассвет проспали. Первый раз за столько дней проспали — и вот на тебе...

— Да ладно, — обиделся Демид. — Солнце, а он недоволен. Смотри, до вечера, поди, не скроется.

Тучек на небе белело не так уж и много, и эти легкие пушистые комья ничем не напоминали сплошные покровы дождевых фронтов.

— Ей-право, после ночи в топях Шандалар извиняется!

Демид от избытка чувств заорал во все горло, и крик его не застрял, как обычно, в ватной пелене тумана, а разнесся далеко окрест, даже птахи какие-то на озере всполошились и вспорхнули.

Лот усмехнулся и сказал:

— Хороший знак!

В такой день и костер вспыхнул вроде бы сам, без посторонней помощи, и еда показалась особенно вкусной, и палатка, словно по волшебству, уложилась почти без участия рук, не норовя непокорно похлопать мокрыми крыльями. Впрочем, сегодня палатка успела за утро высохнуть, по крайней мере снаружи.

И идти, понятно, было приятнее. А главное — быстрее. Солнце только-только зависло перед глазами, сверкая в прорехи между рыхлыми облаками — впереди ярко засветилась дорожка на воде, переливаясь, словно живая.

— Шакра, — довольно сказал Лот. — Почти пришли. Поселок — на берегу, но дальше, во-он за тем заливчиком...

Сегодня можно было сказать «во-он за тем». В обычный день на таком расстоянии залив не разглядела бы и сова, по слухам, видящая в тумане.

— А вон и местные. — Мирон приставил к глазам ладонь, заслоняясь от Солнца. Необычный для Шандалара жест. — Сети выбирают.

Две лодки торчали невдалеке от берега; в каждой трудились по трое рыбаков: один сидел на веслах, двое колдовали над впечатляющим бреднем, в который, наверное, удалось бы поймать небольшую цимарскую шхуну. Лодки медленно приближались к суше, к зарослям опоки и камыша.

Скоро Воины достигли узкого пятачка суши перед самым озером. Один из рыбаков помахал им рукой и знаками показал, что те сейчас пристанут.

— Подождем, — решил Лот. — Вдруг Дервиш не в поселке живет? Только время зря потеряем.

— Ждать — не лес валить, — беспечно бросил Демид, опрокидываясь на спину у самой воды. — Эх, хорошо!

— Лес? — удивился Мирон. — Где это тебе лес валить довелось?

Лот усмехнулся:

— Да не ври, не ври, шельма! Ежу ведь ясно: на Таштакуруме подхватил присказку эту! Тамошние многому от варваров научились. Способный народ — вечером байку расскажешь, утром ее уже на каждом углу полоскают. Да как — с жаром, с подробностями и без запинки, от зубов все отскакивает.

— Ну вот, — деланно огорчился Демид. — А я уже целую былину сочинить успел. Глянь, Лот, Шелех-то наш уши развесил, ровно девка из захолустья!

Бернага довольно заржал. Мирон несильно пнул его, лежачего, под зад.

— Да ну тебя... Балабол.

Лот подумал: «Пацаны еще. Оба. Что один, что другой». Но Лот-ветеран улыбался, думая об этом.

Скрипели уключины над озером — было слышно, как кто-то из рыбаков посоветовал гребущему плеснуть в них воды. Скрип прекратился, и немного погодя Воины здоровались с плосколицыми раскосыми шаксуратцами.

Лот как в воду глядел: Дервиш в поселке сроду не появлялся. Обитал он севернее, за озером, в одинокой землянке. Там и принимал редких паломников. Найти его как? Да вот Муштаба вас на лодке довезет к самой тропе, пока мы тут с уловом разберемся. А потом и проводит, если надо. Рыбки не хотите, Воины, на ушицу? А на мурху-тош? Вот эту луч-

ше, она пожирнее. Да не за что, не за что. Приходите потом в Шаксурат, угостим, новости расскажем. Есть новости, есть... Муштаба, не эту лодку, другую, она легче! Счастливого пути! Да налей ты воды в уключины, Муштаба! Вот, совсем другое дело...

Муштаба, скалясь, греб, как медведь. Тяжелая на вид долбленка припустила по озеру, словно водомерка; за кормой расцветал низкий бурунчик. Руки рыбака и его тело работали в едином безупречном ритме — раз-два, раз-два... Весла ныряли в воду, словно выдры, без малейшего всплеска. Чувствовалось, что смуглый паренек с хитрыми глазами-щелочками вырос с этими самыми веслами в обнимку. Демид глядел на его работу с завистью, Мирон — с уважением, Лот — равнодушно.

Солнце неторопливо садилось в озеро, по крайней мере так казалось. С севера уже ползла фиолетовая стена дождевых туч, значит, короткий праздник света и тепла заканчивался. Надвигались шандаларские будни. С грязью, моросью, с мокрыми сапогами.

Запад стал розовым, когда Муштаба подогнал лодку к северному берегу Шакры. Здесь росли деревья, горбились пологие холмы. Влажным был лишь верхний слой земли. Местность возвышалась над уровнем озера невероятно высоко — метра на три, а то и на все четыре. Взобравшись по рыхлому косогору, Воины увидели сплошную стену ольхи в два-три человеческих роста; кое-где встречались дрожащие силуэты осин.

— Ого! Настоящий лес! — присвистнул Демид. — Не думал, что такое бывает в Шандаларе.

— Только не вздумай его валить, — ехидно предупредил Мирон.

Бернага отмахнулся.

Где-нибудь в Туране или Цесте деревья такого возраста наверняка уже стали бы втрое выше, да и ствол был бы куда толще. Что поделать, влажность, холод и недостаток Солнца...

В лес убегала заросшая бурой травой неширокая тропинка. Ходили по ней более-менее регулярно, но все же достаточно редко.

— По этой тропе, — объяснил Муштаба. — Никуда не сворачивая. Идти меньше часа. Если хотите, я проведу.

— Спасибо, — поблагодарил Лот. — Мы уж сами. Тебе ведь еще в поселок грести.

— Да чего там, — махнул рукой хуторянин. — Сегодня тихо. Даже в темноте догребу. Тут недалеко.

Распрощавшись с проводником, Лот скомандовал:

— Ну, ходу. Темнеть скоро начнет.

В лесу царил загадочный сумрак; рыхлая зелень нависала над головами и стелилась под ноги. Первое было непривычным для Шандалара, но Воины, повидавшие Мир, не смущались.

Демид присел над большим светло-зеленым листом, изрезанным, словно наличники в домах Зельги.

— Глазам не верю! Папоротник!

— Тут и грибы, поди, есть, — предположил Мирон. — Точно! Вон, глядите!

Крепкий лесовик с коричневой шляпкой притаился под листьями, опавшими в прошлые заморозки.

— Хей, Демид, давай иди слева от тропы, а я справа пойду. Так и на ужин наберем, — сказал Мирон с воодушевлением, сворачивая в сторону. Демид уже брел по колено в папоротниках, щуря в полутьме глаза.

Тропа почти не петляла. Лес монотонно тянулся навстречу; иногда попадались полянки, утыканные желтыми и красными семейками сыроежек. Лот срезал их коротким ножом с костяной рукояткой.

Жилище Дервиша возникло на пути внезапно, будто из-под земли выросло. Хотя по большому счету так оно и было. Лес все убегал вдаль, а на крошечном пятачке перед небольшим холмиком-завалинкой жиденько дымил костер, непривычно потрескивая. Вскоре Лот понял почему: горел не кусок огненного камня, а настоящие дрова, кривые иссохшие сучья.

Он крикнул спутников и присел у костра на вывороченный пень-раскоряку. Вскоре явились Мирон с Демидом, гордо неся в капюшоне десятка три крепеньких лесовиков. Лот невозмутимо добавил к добыче две полные пригоршни ладных молоденьких сыроежек.

— О! — обрадовался Демид. — Неужто на тропе росли?

— На полянках, — великодушно объяснил Лот.

Завалинка оказалась вовсе не завалинкой, а кровлей землянки. Оттуда выбрался совершенно лысый старик, высохший и сморщенный, словно сушеный гриб. Но глаза его бегали весьма живо, руки отнюдь не дрожали, а спина совсем не горбилась. Он был стар, но далеко не немощен. В левой руке он держал небольшой металлический котелок, в правой — боевой сагорский топорик.

— Вечер добрый, отец, — поклонился Лот, встав с пня. Шелех и Бернага тоже поклонились. Три медальона одновременно свесились с трех шей. Глаза старика блеснули, превращаясь в узкие щелочки.

— Что нужно? — Голос у него был звучный и глубокий.

— Совета, отец.

— Разве Воины слушают кого-нибудь, кроме трагов?

— Слушают. Время такое.

Старик неторопливо и тщательно подвесил котелок над костром, пошевелил топориком дрова и, оттеснив Лота, уселся на пень.

— Кто вас прислал?

— Лерой.

Старик обернулся и долго глядел на Лота снизу вверх, запрокинув плоское, как и у всех местных восточников, лицо.

— Лерой мертв.

— Да. И отчасти поэтому мы здесь. Наверное, помочь нам можешь только ты, Дервиш.

На лице старика не дрогнул ни один мускул.

— А вдруг я не Дервиш?

Лот растерялся:

— А кто же еще? Нас прислали рыбаки из Шаксурата. Вернее, указали дорогу.

— Кто именно?

— Молодой такой парень, Муштаба. Остальных мы не знаем. Они сказали, что Дервиш живёт здесь.

— О чем вы хотите спросить?

Лот, не задумываясь, ответил:

— О прошлом.

Дервиш снова уставился на Лота, запрокинув голову.

— Почему бы вам тогда не побеспокоить трагов?

Прежде чем ответить, Кидси тщательно продумал каждую фразу.

— Нас не устраивают слова трагов. Они выглядят лишь частью правды. Если вообще имеют отношение к правде. Кстати, траги не желали, чтобы мы обращались к тебе. Тем не менее мы пришли.

Дервиш неопределенно покачал головой.

— Воины не доверяют трагам? Куда катится Мир?

Помолчав некоторое время, он указал на длинное толстое бревно по ту сторону костра:

— Садитесь.

Воины расселись напротив Дервиша, сложив мешки тут же. Демид даже отстегнул меч, но оставил его под рукой. На всякий случай.

— Спрашивайте. А ты, — Дервиш обратился к Демиду, — займись ужином. Если приготовишь грибы, я не обижусь.

После этого старик надолго застыл, уставившись в костер, словно оцепенел.

Лот некоторое время собирался с мыслями, соображая, с чего начать. До сих пор ему казалось: вот отыщем Дервиша, а там все само собой прояснится. Но что, собственно, они хотели узнать? О чем спрашивать? О Мире? О деммах? О Лерое? Наверное, в первую очередь о лже-Знаках. С них ведь все началось.

Добыв из-за пазухи кошель с медальонами, Лот вытряхнул все три и подал Дервишу.

— Вот.

Старик мельком взглянул, глаза его вновь вспыхнули на неуловимый миг, но он сразу стал спокойным и даже безучастным, настолько, что Мирон с Лотом даже засомневались: а была ли на самом деле та вспышка?

— Они почти такие же, как наши Знаки. Разница...

— Мне известна разница, — сказал Дервиш, не шелохнувшись. Ладонь с медальонами покоилась у него на коленях.

— Говорят, ты видишь прошлое, Дервиш. Поведай нам историю этих Знаков и объясни, какое это имеет отношение к нам и ко всему происходящему в Шандаларе.

Дервиш, оставаясь неподвижным, спросил:

— А что, по-вашему, происходит?

Лот поморщился:

— Зачем бы мы тебя тревожили, если б знали?

— Но все-таки? Есть ведь какие-нибудь догадки, мысли?

Подумав, Лот предположил:

— В Шандалар пришли существа, которых зовут деммами...

— Люди зовут их демонами. Те, кто не посвящен... — перебил Дервиш. — Но продолжай.

— Наверное, это как-то связано с лже-Знаками, а значит — с нами. Но как именно — я не понимаю...

Лот осекся. Из леса пожаловал еще один гость, но его приближения не заметил никто из Воинов.

Большой угольно-черный пес в широком кожаном ошейнике, на который чья-то умелая рука нашила металлические бляшки, неожиданно возник у самого костра. Он недоверчиво покосился на Воинов, но Дервиш успокоил его плавным жестом. Несколько секунд старик и пес сидели неподвижно, пристально глядя друг другу в глаза, потом Дервиш сказал: «Гм!», а пес завозил хвостом по земле, подметая мелкие щепочки и мусор.

— Спасибо, — снова подал голос Дервиш. Чувствовалось, что обращается он именно к псу, но совершенно серьезно. — Эй, повар! Найдется чем угостить зверушку?

Пес обиженно тявкнул, но старик снова успокоил его тем же жестом.

Демид, чистивший перед этим рыбину, подумал и достал из мешка изрядный кусок мяса.

— Пойдет?

Пес облизнулся.

— Полагаю, да. — Дервиш хлопнул пса по мощному загривку, схваченному ошейником. Тот в мгновение ока очутился подле Бернаги и смел мясо, практически не жуя. Потом деликатно обратил внимание Демида на кучку рыбьей требухи и голов и вопросительно воззрился ему в лицо.

— Э-э-э... Если ты спрашиваешь, можно ли это съесть, то да — можно.

Пес вильнул хвостом и немедленно слопал все, что Демид собирался выбросить. Потом благодарно облизнулся, ткнул-

ся Дервишу в колени и рысцой потрусил в лес, но не по тропе, а так, напрямую. Держал он на юго-восток, к муктурской топи.

Уже почти совсем стемнело; ярко пылал костер. На небе бледной монетой висела чуть ущербная Луна, и ее зыбкий свет слоями лежал на листьях деревьев. Иногда она пряталась за быстро ползущими облаками; кое-где ясно виднелись мерцающие точки звезд.

Демид хлопотал у костра, готовя уху. Грибы он нанизал на прутики и намеревался потом испечь над угольями.

— Вы знаете, что несколько сотен людей этого Мира носят Знаки и именуются Воинами, — глухо начал рассказывать Дервиш. Ощущалось, что он не очень рад все это ворошить.

Лот и Мирон торопливо кивнули.

— Пока все Знаки находятся в границах этого Мира, а также у Воинов этого Мира, те, которых вы называете трагами, могут пользоваться магией безраздельно. Поэтому траги и стремятся контролировать каждый Знак, и, должен сказать, тысячи лет это у них получается прекрасно. Потеря хотя бы одного Знака серьезно ослабит их, потеря двух — сильно ограничит в возможностях, трех или больше — практически оставит их без магии. Понятно?

Лот согласно наклонил голову; Мирон осторожно спросил:

— Зачем же тогда Знаки раздавать? Держали бы у себя.

— Смысл как раз в том, чтобы Знаки находились среди людей, и желательно там, где неспокойно, где что-нибудь происходит. Войны, битвы. Знаки черпают энергию Мира, взбудораженную людьми, и передают ее трагам. Отсюда и их сила. Потеря Знака нарушает веками сложившееся равновесие. Воины — идеальные носители, ведь они всегда там, где жарко, где вершится история. Так вот. В Мире, откуда явились деммы, есть свои траги и свои Воины. Вот это, — Дервиш потряс двумя лжемедальонами, — Знаки их Мира. Из-за них я сижу на этом месте вот уже двести лет.

Дервиш умолк, глядя на жадно внимающих слушателей. Демид, помешивая варево, ловил каждое слово старика, даже не глядя в котелок.

— Когда-то давно здешние траги решили завладеть несколькими Знаками деммов, ослабив тем самым их Мир. Уда-

лось это лишь отчасти: Знаки остались в Мире людей, но к трагам в руки так и не попали. Мир деммов оказался заперт, оттуда никто не мог вырваться. Добытые Знаки были надежно спрятаны Воинами-людьми, но траги обоих Миров прилагали все силы, чтобы их отыскать, с той лишь разницей, что траги людей в полной мере владели магией, траги же деммов не владели ею вовсе, не хватало энергии оставшихся Знаков.

Год назад злополучные медальоны, посеявшие свару между Мирами, неожиданно всплыли из небытия. Когда местоположение недостающих Знаков стало известно хотя бы приблизительно, траги деммов сумели каким-то образом наладить проход в этот Мир и направили своих Воинов во главе нескольких больших отрядов. О цели подобного вторжения долго гадать не приходится. Вот такие дела, Воины.

Лот наморщил лоб.

— А если вернуть им Знаки? Они уйдут?

Дервиш развел руками:

— Откуда я знаю? Наверное, должны уйти. А может, и нет — ведь их в свое время обманули. Только вам вряд ли удастся без помех отдать Знаки. Не забывайте о своих трагах. Им уже известно, что медальоны переданы вам. Как только покинете это место, ждите вестников.

— Как же нам поступить?

— Думай, Воин. Могу лишь сказать, что носящему Знак, а также ранее носившему не страшна никакая магия. На вас она просто не подействует, поскольку вы — ее составная часть. Невозможно выбраться из болота, дергая себя за волосы, — понимаешь? А теперь думай.

Лот приподнял брови.

— Другими словами, траги нам не помеха.

— Не совсем так, — перебил Дервиш. — Они ничего не смогут сделать лично вам. Но вокруг много всего — на знакомой тропе может возникнуть глубокая яма. На шхуну погожим днем может налететь вихрь: вам он не повредит, но шхуна пойдет ко дну. И вы вместе с ней. Траги способны влиять на ваше окружение.

— Запомни, Мирон, — сказал Лот.

— Да уж запомнил, — отозвался Шелех. — Скажи, Дервиш, а как чужие Знаки оказались в нашем Мире? Непонятно.

Старик нахохлился, словно замерзший воробей.

— Ну... это долгая история. Не имеющая отношения к сегодняшнему дню. Не стоит, пожалуй...

— Стоит, Дервиш. Не уподобляйся трагам, если уж начал говорить — выкладывай все до последнего.

Старик поколебался.

— Думаешь? Ну, ладно. Расскажу. Но это тяжелое знание, Воины. Хотя в наши времена легкого знания просто не осталось...

Он прокашлялся.

— Как раз на границе нашего Мира с Миром деммов есть неприметная такая дверь. Обычно она накрепко заперта и остается такой сотни лет. Но иногда она сама по себе отворяется; что находится за ней — никто толком не знает. Каждый раз оттуда лезет какая-то нечисть, и ее способны истребить лишь Воины обоих Миров объединившись. Понимаете? Объединившись! Если — не приведи Река! — дверь начинает открываться, старые распри вмиг забываются; траги посылают шестерых Воинов, трех людей и трех деммов, к порогу, и лучше, если у этих троек на Знаках будут схожие руны. Говорят, это помогает. Они стоят у двери, пока она вновь не начнет закрываться. Место рядом с дверью не принадлежит ни людям, ни деммам, оно вне Миров. Последний раз Воинам доводилось стоять там двести лет назад. Тогда Шандалар был цветущим краем, и над ним вовсю сияло Солнце. — Глаза Дервиша затуманились. — Это был чудный край.

Он вздохнул, воскрешая в памяти минувшие дни.

— В тот раз стражи выстояли, но не все. Два демма погибли в схватках с существами из-за двери. И тогда траги людей приказали своим Воинам убить уцелевшего демма, забрать Знаки и уходить от безопасного уже прохода. Демм умер, сражаясь за свой Мир.

Дервиш то и дело останавливался, видно, нелегко ему было рассказывать это.

— Однако Воины-люди устыдились дела рук своих, и траги добытых Знаков не получили. Вот и все. Могу лишь доба-

вить, что с того момента эти трое перестали быть Воинами и перестали быть людьми. Знаки их, я имею в виду Знаки Мира людей, перешли к другим бойцам из молодых.

— И ты, Дервиш, — сказал осененный внезапной догадкой Мирон, — один из тех Воинов.

Старик печально покачал головой:

— Нет. Точнее, не совсем. Помните мальчишку с псом, похожим на нашего недавнего гостя? Он дважды представал перед вами, в Тороше и на острове.

— Еще бы! — Мирон с Лотом непроизвольно напряглись.

— Мы с ним были одним из тех Воинов.

Сердито зашипела сбежавшая из котелка уха; костер мигнул и разгорелся вновь. Демид торопливо снял варево с огня и отставил в сторону.

— То есть? — не понял Лот. Мирон понял не больше и вопросительно таращился на Дервиша.

— Воин распался на две сущности, которые кроются в каждом человеке. Сила и дерзость, опыт и познание, ум и хитрость, вера и умение, память и мечта... Возможность сделать и желание сделать, наконец. Представьте, что разлучают свет огня с теплом огня — почти то же самое. Я — Дервиш — лишь частичка того Воина. Я не человек; не живу, но и не умираю. Мой удел — прошлое. Мальчишка — будущее. Он не взрослеет, но понимает, что может произойти.

— Почему же вы не сойдетесь? — не вытерпел Мирон.

— Невозможно, — пояснил Дервиш. — Я не могу покинуть это место, и это единственное место в Мире, куда он не в состоянии прийти. Заклятия сильны и со временем не ослабевают.

Пораженные Воины молчали, вдумываясь в услышанное. Дервиш поелозил по своему креслу-выворотню, усаживаясь поудобнее.

— Есть мы сегодня будем? — осведомился он хрипло.

Демид тотчас же засуетился, добывая из мешков деревянные миски-долбленки и ложки. Уха расточала аппетитный запах, грозя собрать к костру всех волкособак округи. Костер пригас, только угли рдели да изредка вспыхивали ненадолго, выхватывая из лунной полутьмы то землянку, то поблескивающую лысину Дервиша, то лес за тропой. Разлив уху по мис-

кам, Демид наломал рисовых лепешек из особого запаса, разделил костер пополам, в одну половину подбросил дров для света, а над оставшимися углями принялся печь грибы. Не забывая, впрочем, прихлебывать из своей миски. Уха вышла добрая, некоторое время был слышен только стук ложек о дно долбленок да потрескивание костра.

Потом все долго глядели в пламя, пляшущее на сломанных сучьях. Оно казалось живым: то шевелилось, то вздыхало, то сердито шипело и плевалось искрами. Если в огонь попадала свежая, не успевшая высохнуть ветка, от жара на вздувающейся коре выступал коричневый сок, закипал и испарялся, оставляя в воздухе характерный пряный запах. Давно были съедены грибы, выпит чай, а молчание никто не осмеливался нарушить. Дервиш изредка тяжело вздыхал. Наконец Мирон решился задать вопрос:

— Скажи, Дервиш... Когда ты... Гм! Когда вы были Воином, какие руны украшали твой Знак?

Дервиш холодно ответил:

— Разве есть разница? Ну, Торн, Еол, Ур.

— Значит, мой, — заключил Мирон. — Что ж, запомню. Спасибо.

Лот осторожно вернулся к прежней теме:

— Послушай, а как траги сумели тебя заклять? Магия ведь против вас должна быть бессильной.

— Да, — ответил Дервиш. — Бессильной. Но я ведь говорил, можно воздействовать на что-нибудь, а уж это что-нибудь может воздействовать на Воина. Да и не была это чистая магия Знаков. Кроме того, в Мире людей стало на три Знака больше, а это ощутимое нарушение равновесия в пользу трагов нашего Мира. И запомните еще одно: место у двери — уже не наш Мир. Пока три Воина там, траги остаются без Магии. Даже если три чужих Знака будут у них. Хоть это и звучит странно.

— Что же ты нам посоветуешь, Дервиш? Как поступить?

Старик фыркнул:

— Нянька я вам, что ли? Небось повидали жизнь со всех сторон. Вот сами и решайте. Я свой выбор уже сделал — двести лет назад. Довольно с меня, как считаете? Я полагаю — довольно.

Лот встретился глазами с Мироном, с Демидом, но почему-то именно сейчас не хотелось ничего решать.

— Меня одно радует: Воины Шандалара снова не смогли остаться в стороне. Или не захотели. Наверное, это рок.

— Кто же еще не ладил с трагами? — поинтересовался Мирон, тщетно напрягая память. Вспомнить он ничего не смог. О Воинах-бунтарях он не слыхал никаких рассказов, ни одной истории, что так любят ведать друг другу шандаларцы длинными дождливыми вечерами за кружечкой пива или эля. Знал только, что все, кто расходился во взглядах с трагами, тотчас лишались Знака. Что случалось с ними дальше — оставалось загадкой.

Дервиш обратился к Лоту:

— Ты должен помнить, Кидси! Туранская резня, кодекс чистых ладоней...

Лот кивнул:

— Я помню.

Мирон с Демидом недоумевающе переводили взгляды с Дервиша на Лота. И обратно.

— О чем вы? Какая резня, какой кодекс?

Кидси неохотно пояснил:

— Да, произошла когда-то одна история... лет сорок пять назад. Я тогда пацаном совсем был. Один Воин из Шандалара отказался от звания Воина. Назло трагам, в знак протеста. Теперь его зовут Даки.

— Даки?! Дакстер Хлус — Воин?! Хозяин таверны в Зельге? Быть того не может!

— Может, Шелех. Не стану же я лгать? Ее замяли, историю эту.

— Кто?

— Траги, конечно. Даки носил медальон всего полтора года, и траги все это время хватались за головы, потому что он все делал им наперекор. Знаешь, как люди толковали его руны? Ос, Инг, Хагал. Одинокий Искатель Хлус. Вечно он был всем недоволен... И другим спуску не давал.

Демид исподтишка взглянул на свой Знак. Выходит, старина Даки когда-то носил его на шее. Ни за что бы не подумал, уж на что мирный с виду человек... Знакомые руны обретали неожиданный тайный смысл. Но по прошествии лет

вспомнит ли кто-нибудь, глядя на них, Демида Бернагу, Воина? Он знал, что некогда этот медальон принадлежал великому Освальду Иеро, единственному, вернувшемуся из Страны Растущего Ветра; несколько позже — Теренсу Атри по прозвищу Сумрачный Вестник, хранителю Сагорского перешейка. Перед Демидом этот Знак украшал грудь человека по имени Михей Туча, не шандаларца. За семнадцать лет всего раз он появился в Облачном крае. Тогда Знаки носили всего двое, рожденные здесь: Лот Кидси и Гари Слимен. Перед Лотом — некто Ханмурат, которого помнили плохо, после Гари — Мирон. Третий Знак вручили молодому Демиду после того, как Туча сложил голову у стен Отранской цитадели.

— Переночуете у меня. Тесновато, но поместимся, — разрешил Дервиш. — А утром — в путь. Тут никто надолго не задерживается.

— Скажи, — напоследок спросил Мирон, — за что убили Лероя?

— За то, что он много знал о первых днях холодного Шандалара. За то, что он верил в способность людей вершить собственные судьбы. Это немало, Воины.

Сотня лет без смены сезонов — немалый срок. Шандалар выстоял в первые годы, наиболее трудные, сумел выжить, невзирая на голод и врагов, и дальше. Никто уже не говорил о нем как о крае неисчислимых бедствий. Теперь для окрестных стран-соседей это был непостижимый, малопонятный, но все же вполне обычный Облачный край, со своими нравами и обычаями. Шандаларцам было трудно и тоскливо без дождей, без рек, без болот. Редкому Солнцу, конечно, радовались, но... посмотрели бы вы на жителя Зельги или Тороши, волею случая угодившего в Туран или Цест. День эдак на пятый.

Создавалось странное впечатление, что родившиеся в Шандаларе способны выжить только здесь, в краю дождей и озер. Их нежелание покидать милые сердцу болота вселяло в обитателей ближних стран смутное беспокойство, и совершенно неожиданно на сто седьмой год холодного Шандалара первая волна переселенцев двинулась на эти промокшие земли. Теперь люди не бежали отсюда, а целыми семьями и общинами перебирались жить сюда. Места было хоть отбавляй. Сели-

лись по берегам озер, у рек, на приморских возвышенностях. Шандаларцы приняли гостей сдержанно, но если требовалась какая-нибудь помощь — помогали без лишних слов. Не у всех переселенцев дела пошли гладко, кое-кто, бросив начатое, уезжал навсегда. Но многие оставались. За какие-нибудь десять лет население Шандалара удвоилось, затем первый поток переезжающих постепенно сошел на нет. Разрослись Зельга, Тороша и Эксмут, став настоящими городами. В них даже вновь избрали местные власти во главе с мэрами. Чаще стали наведываться корабли заморских купцов; некоторые моряки-ветераны оседали в шандаларских портах, открывая кабачки и таверны.

Но на северо-западе края по-прежнему было неспокойно. Варвары-кочевники, вконец разорив соседнее королевство Данбар, стали нападать на селения Вудчоппера и Таштакурума, на хутора по рекам Уржа, Тан, Раман, Бата. Несколько лет беспрерывных стычек обескровили эти места, и жители остального Шандалара решили помочь землякам. Трое Воинов собрали небольшой, но хорошо обученный отряд и отправились на северо-запад громить полчища варваров.

Не думайте, что это было легко.

Тит Уордер, настоятель. Приход Зельги,
летопись Вечной Реки, год 6864-й.

В Шаксурате, небольшом селении на южном берегу Шакры, Воины купили добротную плоскодонку, более устойчивую, чем прежний челнок, хотя и менее быстроходную. Правда, теперь им предстояло плыть вниз по течению. И на веслах сидеть могли сразу двое, ширина лодки с лихвой это позволяла.

В гостях пробыли недолго, отведали великолепно приготовленной бастурмы и выслушали историю о шныряющей в округе нечисти. Судя по описаниям, несложно было понять, что речь идет о деммах с их тварями-исполинами. Хуторян заверили, что именно этим Братство сейчас и озабочено, поблагодарили за помощь и угощение и отплыли, не теряя времени, вниз по Шаксурату.

Вдвоем грести — милое дело, Мирон с Демидом, не очень-то напрягаясь, гнали плоскодонку по спокойной реке. Дождь,

зарядивший с утра, к вечеру утих, сверкнуло даже пару раз из-за туч Солнце, но вскоре небо вновь стало непроницаемо-серым.

Траги появились, когда устраивались на ночлег. Их было двое: старый, полуседой, и помоложе, совсем безбородый.

— Здоровы будьте, Воины, — поздоровался старший вполне приветливо.

Лот, хлопотавший у палатки, выпрямился.

— Да уж постараемся, — ответил он настороженно.

— Вам говорили в детстве, что лгать нехорошо? — Голос трага полнился спокойствием и вовсе не содержал в себе угрозы. По крайней мере пока.

— Воины не лгут! — с достоинством сказал Лот.

На голоса из палатки выполз Демид.

— Вот как? — удивился траг. — Странно. Помнится, когда вас спрашивали о лже-Знаках, вы ответили, что у вас их нет.

— Тогда у нас их и не было, — хладнокровно парировал Лот. Вышло очень уверенно и эффектно.

— Да? А теперь, стало быть, есть?

— Теперь есть.

— Замечательно. — Траг потер ладони. — Давайте сюда.

Лот натянуто улыбнулся:

— Возьми, если сможешь.

Рука его словно бы случайно легла на удобную рукоять меча.

Траг нахмурился. Слова Лота ему явно не понравились.

— Ого! Не слишком ли смело для человека?

— Для Воина, — подчеркнул Лот, — не слишком.

Некоторое время траг молчал.

— Я вас уничтожу, — пообещал он тихо.

От реки вернулся Мирон и встал рядом с Лотом. Демид продолжал сидеть у палатки.

— Интересно, как?

Траг сжал кулаки, и вдруг в темнеющем небе, одетом тучами, полыхнула ослепительная ветвистая молния, затем гулко ударил гром. Болота враз затихли: грозы случались в Шандаларе крайне редко. Долго еще лягушки не осмеливались затянуть свои обычные песни.

— А-а, — протянул Лот. — Магия. Ну-ну, попробуй. Знаки, траг, Знаки, что висят у нас на шеях, уберегут нас от нее.

Траг с ненавистью вперился Лоту в глаза.

— Полегче, Лот Кидси, — вмешался второй гость, и Мирон вдруг понял, что это не траг, а человек, бывший Воин. На поясе его красовался тяжелый боевой меч. — Найдется на вас управа и без магии.

— Когда найдется, тогда и приходите, — отрезал Лот. — А пока не лезьте к нам. Ваше время кончается, траги. Миром должны править люди. А вы хозяйничайте у себя на небесах — или где там вы обыкновенно пропадаете?

Воин с проклятием потащил из ножен меч, но Мирон опередил его и шагнул навстречу, поигрывая тускло отблескивающим в сумерках клинком. Демид вскочил на всякий случай.

— Что же ты не нападаешь? — спросил Лот с издевкой. — Хочешь, я отвечу? Ты стар для таких игр. У тебя дрожат руки. А он, — Лот кивнул на Мирона, — полон сил. И ты знаешь не хуже меня, как он владеет мечом.

Безбородый хмуро втолкнул меч назад в ножны.

— Зря ты им служишь, — сказал ему Кидси. — Для них люди — ничто. Куклы. Захотят — пошлют на смерть. А мы — люди, и ты, и я. Лучше бы ты был с нами. И остальным передай мои слова, всем, кто у них на побегушках.

— Что еще наговорил вам этот выживший из ума Дервиш? — Трага так и распирало от злости.

— Достаточно, чтобы больше не слушать ваши басни. Заботы о целом Мире, как же, — сказал Лот, стараясь сдерживать эмоции.

Траг запахнулся в плащ.

— Ладно. Посмотрим, чья возьмет.

Он развернулся и пошел прочь, сердито поддавая ногами выброшенные на берег в давний паводок сучья. Бывший Воин, понурив голову, последовал за ним. Оба гостя исчезли в сгущающейся темноте, только свежий послегрозовой запах, щекотавший ноздри, напоминал о них.

— Ушли, — констатировал Демид. — Выходит, и впрямь не страшна нам их магия.

— Хорошо, если так, — протянул Лот неопределенно.

Мирон только сейчас спрятал меч.

— По-моему, они от нас не отстанут, — сказал он уверенно. — Надо искать деммов-Воинов, да поскорее. И сопроводить их до самого их Мира.

— С деммами еще предстоит договориться. — Взгляд Лота блуждал в пространстве, как летучая мышь в запертой комнате. — Сумеем ли?

Мирон пожал плечами:

— Они ведь пришли за Знаками? Если мы согласны вернуть их добром, чего тогда упрямиться?

— Надеюсь на это. Ладно. Чаю — и спать.

Следующие два дня прошли подозрительно тихо, хотя все ожидали каких-нибудь козней от трагов. Как назло, ни малейших следов деммов или их громадин-зверей встретить не удалось, видно, так далеко на запад они еще не успели забраться. Хотя нет — видели же их в окрестностях Шаксурата? Но так или иначе, приходилось грести дальше на юг, по Сурату, потом через целую вереницу озер: Эклу, Чапонг, Гримш; здесь планировали повернуть на восток, по бесчисленным протокам реки Шоа попасть в Ташт, а там и Скуомиш совсем рядом. Деммов там хватало, Мирон и Демид убедились в этом несколько недель назад.

Сначала все шло в точности как задумали. Они как раз покидали воды Чапонга. На юге раскинулось озеро Онсет, к западу простирался Гримш. Тут, в узком проливе, и подстерегла их целая флотилия лодок и тупоносых неповоротливых плотов.

Мирон с Лотом сразу перестали грести, пытаясь определить, где удобнее пробиться к берегу. На суше еще можно потягаться с нападавшими, три Воина, сомкнув спины, дорого стоят. Но позади тоже чернели на воде несколько плотов. Засаду проморгали, потому что не ждали ее.

Демид стоял, пригнувшись, на носу и сжимал меч.

— Погреби-ка сам, — сказал Лот, вставая.

Мирон послушно сдвинулся и взял второе весло. Лот перебрался на корму.

Одна из лодок приблизилась; в ней стоял высокий плечистый мужчина в развевающемся плаще. В руке у него сверкал узкий хоразанский меч.

— Эй, Лот! — крикнул он. — Ты ли это?

Голос стелился над водой, чуть заглушаемый туманом.

— Протас? — неуверенно отозвался Кидси.

У Мирона отлегло от сердца: Протас Семилет, Воин из Гурды, с которым съеден не один пуд соли и пройдена не одна верста, и по размокшим тропам Шандалара, и по бескрайним гурдским степям, и по глухим лесам Фредонии, и по сагорским перевалам.

— Я, Кидси. Пристанем?

— Пристанем, — согласился Лот.

Мирон немедленно погреб к близкому берегу. Спустя несколько минут плоскодонка, подмяв под днище упругие стебли опоки, ткнулась носом в пологий берег. Лодки и плоты тянулись следом, охватывая их широким полукольцом.

— Не нравится мне это, — процедил Демид, щуря глаза. Пальцы его нервно елозили по рукояти меча, лезвие покоилось на плече. Мелкие капли дождя стекали по отполированному клинку к витой гарде, оставляя на металле мокрые дорожки.

— Да брось ты! — успокоил его Мирон. — Это же Протас!

Демид о Протасе только слыхал, видеть же его ранее не приходилось. Лот хранил молчание, но в глазах его легко угадывалась тревога.

Лодка с Протасом пристала первой, за ней еще несколько. Пяток плотов остались на воде, прочие неторопливо приближались к берегу.

Протас во главе двух десятков меченосцев приблизился. Лот демонстративно убрал меч в ножны, покосившись на Демида, но тот так же демонстративно оставил свой на виду. Без тени беспокойства Протас спрятал клинок.

— Здравствуйте, Воины, — сказал он.

— Семилет! — Мирон растопырил руки для объятий и шагнул вперед, но Протас предостерегающе вытянул ладонь ему навстречу.

— Погоди, Шелех. Сперва потолкуем.

Мирон замер, недоуменным взором пожирая товарища.

— Что с тобой, Семилет? — Мирон показал ему пустые ладони. — Это же я, Мирон!

— Я вижу. — Протас хмурился. Чувствовалось, что ему очень нелегко сейчас.

— Говори, Протас, — предложил Лот. — Нам нечего скрывать.

— Мне тоже нечего скрывать, — кусая губы, ответил Воин. — Знаете, зачем меня послали траги?

— Догадываюсь. Отобрать у нас Знаки.

Протас еле заметно кивнул:

— Правильно. Отобрать все Знаки, сколько у вас найдется. Но сперва — убить всех троих.

Лот не удивился. Методы трагов ему были прекрасно известны.

— Что же, — он развел руками, — мы готовы. Но мы будем сражаться, Протас, ты же знаешь.

— Пропади все пропадом, Лот! Я не стану с вами сражаться! Не верю я трагам! — заорал Протас с ненавистью. — Что вы натворили? Что вообще происходит?

— Я могу рассказать, Протас, — предупредил Лот, не повышая голос. — Но это тяжелое знание, — добавил он, вспомнив Дервиша.

— Поймите меня, — хрипло выдавил Протас. — Я всю жизнь выполнял их приказы. Не знаю, во что вы умудрились впутаться, но не траги стояли со мной плечом к плечу в битвах. И не их кровь смешивалась с моей. Я еще никогда не скрещивал меч с другим Воином в поединке насмерть. Я не хочу этого! — в голосе Семилета сквозило отчаяние.

— Присядем, Протас, и ты все узнаешь. Вот наша лодка. И ребят своих зови, пусть знают правду.

— Тогда я и Дитриха крикну, — сказал Протас уже спокойнее. — Он на плоту.

— Шварца? И он тут? — Лот что-то прикинул в уме. — Гм! Пять Воинов, это уже кое-что!

Говорил он так, словно не сомневался, что весь этот отряд через некоторое время объединится с тройкой шандаларцев.

Когда остальные плоты пристали невдалеке и Дитрих Шварц, всегда серьезный бородатый фредонец, уселся подле Протаса на борт плоскодонки, а ратники столпились рядом, Лот негромко, но чтобы все слышали, изложил историю Знаков из Мира деммов, поведал о судьбе Дервиша и Даки и о возможной войне с чужаками в Шандаларе.

Лот умел говорить убедительно.

— Вот и все. Вам решать, с кем быть.

Меченосцы зароптали, Дитрих вопросительно уставился на Протаса. Тот глядел на Лота, стиснув зубы.

— Что же, — сказал наконец Семилет, — нечто подобное я и ожидал услышать. Знай, Лот, и ты, Мирон, и ты, Демид Бернага: отныне нас четверо. Я — с Воинами, потому что я тоже Воин. А за трагами подвигов я что-то не припомню.

— Пятеро, — коротко, но весомо вставил Дитрих. — И фредонцы с нами, — указал он на отряд.

Только Мирон заметил, какое испытал облегчение Лот Кидси. Неестественная бледность покидала его лицо.

— Эй, Протас, — улыбнулся Мирон, обращаясь к товарищу. — Теперь-то хоть можно тебя обнять?

Протас крепко сжал его плечи:

— Здравствуй, Шелех! Ты снова под ногтем у судьбы, значит, у тебя все в порядке!

— Ага! — хохотнул Мирон, умевший легко менять настроение. — Но теперь рядом ты, Протас, значит, все будет в порядке и дальше. Даже у судьбы ломаются ногти.

— Что делаем? — поинтересовался практичный Дитрих.

Лот, продумавший все заранее, сказал:

— Наверное, поступим так: ты, Дитрих, со всеми ратниками уходи на запад и расскажи обо всем кому сможешь. Думаю, большинство Воинов примет нашу сторону. Да и люди нам вроде бы верят.

— Трагам тоже верят.

— Но нам — больше, — сказал Лот убежденно, и это было правдой. — Когда накатываются кочевники, они видят Воинов, а не трагов. Так что постарайтесь, чтобы как можно больше людей узнали об их темных делишках. А мы вчетвером попробуем вернуть Знаки чужакам-Воинам.

— Времени у нас мало? — предположил Дитрих.

— Не знаю, — честно сказал Лот. — Полагаю, что так.

— По плотам, — скомандовал Дитрих своим меченосцам. — До встреч, Воины!

Он пожал всем руки и пошел к лодкам, ни разу не обернувшись; его люди потянулись частью за ним, частью к плотам, приставшим по другую от плоскодонки шандаларцев сторону. Таков он был, Дитрих Шварц, — невозмутимый и не-

зыблемый как скала фредонец, всегда больше делавший, чем говоривший.

Его проводили взглядами и боевым кличем.

— До темноты еще часов пять, — сказал Лот, глянув на небо. — В путь?

— В путь, — подтвердил Мирон, сталкивая лодку в воду.

Гребли до самого вечера, слушая сбивчивый рассказ Протаса о войне во Фредонии. Кочевники добрались и туда.

Шандалар сеял на них мелкий монотонный дождь.

Утром на стоянку заявились два трага и монах с архипелага, запахнутый в черный плащ по самые глаза. Мирон только головой покачал: ну и компания!

Четверка Воинов настороженно ждала известий.

— Плохие новости, — начал один из трагов.

— Плохие для вас или для нас? — поинтересовался Лот.

— Для всех. Придется, похоже, на время забыть о распрях.

— Неужели?! — скептически обронил Лот, уверенный, что это не что иное, как очередная уловка. — Кстати, нас стало больше, вы заметили?

— Заметили, — ответил траг. — Но речь не об этом. Нам действительно придется ненадолго заключить перемирие.

— Значит, мы воюем? Спасибо за откровенность, — поклонился Лот.

— Это вы воюете. — Траг озабоченно хмурился. — Отдали бы Знаки, и все.

— Ага, — кивнул Лот, — мы, значит, воюем, а вы — ангелы. Кто же тогда приговорил нас к смерти?

Протас, Мирон и Демид не вмешивались, предоставив Лоту право вести разговор, но слушали они во все уши, внимательно и с интересом.

— Повторяю, сейчас не время спорить. Опасность нависла над Миром. Над всем нашим Миром. И над Миром демов тоже. Скажи, Рон.

Вперед выступил монах, откинув с лица капюшон, и Шелех тотчас узнал его: это был тот самый, что передал им в Зельге слова настоятеля Уордера. Что нужно повидаться с Лероем...

— Они не лгут, Воины. Угроза вполне реальна.

— Что же может угрожать Мирам? С чем не в состоянии справиться хваленая магия трагов? Пусть траги деммов бессильны, но вы-то что?

— Дверь открывается, — перебил монах. — Гораздо раньше, чем ожидали. Это дело Воинов.

Лот осекся. Он понял. Но вдруг это всего лишь уловка? Очередная полуложь-полуправда? Дервиш говорил, что нечисть из-за двери способна уничтожить оба Мира. Неужели траги пошли бы на подобный обман?

Что-то нашептывало ему: на этот раз траги не лгут. И еще чувствовалось: развязка приближается.

Лот взглянул на товарищей, те — на него.

— Ну? — спросил Мирон с надеждой. Но Лоту нечего было сказать.

И тут кто-то подергал его за рукав. Лот обернулся.

Задрав голову, рядом стоял Дервиш-мальчишка со своим неразлучным псом.

— Они говорят правду, Воины. Можете им довериться. Но потом, когда дверь станет закрываться, берегитесь.

Траги с ненавистью глядели на того, кому некогда отказали в праве быть человеком. Но молчали. Мир был нужен им целым.

— Удачи! — Мальчишка взял пса за ошейник и ушел в дождь, лишь его детский, неуместный здесь, на болотах, голос продолжал звучать в ушах: «Удачи! Удачи!»

Лот в упор поглядел на трагов, словно хотел отбросить их взглядом.

— Где расположена дверь?

Ответил монах:

— На острове Сата, недалеко от монастыря. В Зельге вас ожидает шхуна. Кстати, Даки передавал привет.

— Ну что же, траги-властители. Можете успокоиться: мы идем. Но не ради вас. Ради Мира. Ради Даки и Дервиша.

Голос Лота был тверд и спокоен. Он знал наверняка, что все, стоящие рядом, согласятся с ним. По крайней мере верил в это.

И еще он знал, что они пойдут на смерть, ибо траги не выпустят их от самой двери, ведь это уже не Мир людей, а значит, на них подействует магия.

— Слышите? Ради Мира.

Лот выбросил вперед сжатый кулак.

— Ради Мира! — повторил Мирон не раздумывая, и его ладонь легла поверх.

— Ради Мира!

— Ради Мира! — Возгласы Демида и Протаса слились воедино, а ладони заняли подобающее клятве место.

Они знали, на что идут. Но шли: ведь на груди у каждого — Знак Воина, а Воины не могут иначе.

— У вас неделя, — сказал один из трагов. — Должно хватить, но поторопитесь.

Белые плащи величаво удалились; Мирон задумчиво глядел им вслед. Интересно, как траги путешествуют? Явно не на своих двоих, уж очень быстро они оказываются в нужном месте. Но увидеть это никогда не удавалось: траги покидали поле зрения пешком, а что происходило дальше — оставалось только гадать.

Монах уходить не собирался; Лот нейтрально поинтересовался, чего он ждет, когда молчание стало нестерпимым.

— Я вас проведу, — ответил Рон.

Мирон помнил его имя еще с Зельги. Впрочем, траги обращались к нему совсем недавно.

— В качестве соглядатая? — ехидно уточнил Демид.

— Нет, — покачал головой монах. — С трагами монастыри не имеют ничего общего. Абсолютно. Вообще они нам малоинтересны, а наши сферы воздействий практически не пересекаются.

— Кто же вам интересен? — задал законный вопрос Лот, укоризненно покосившись на Демида. Похоже, Лот считал, что ехидство тут совсем ни к чему.

— Миры и их взаимовлияние. — Рон отвечал покорно, без малейших следов недовольства и раздражения.

Впоследствии выяснилось, что он был покладистым малым: безропотно греб наравне со всеми, помогал ставить палатку, готовить пищу, старался по возможности исчерпывающе ответить на каждый вопрос. Он многое поведал Воинам за те несколько дней, что пришлось провести вместе. О монастырях, о послушниках — так правильно именовались мона-

хи, — о двери, наконец. Воины впитывали его знания, запоминали каждое слово, ведь знания не бывают лишними.

Выяснилось, что к двери можно приблизиться, лишь когда она открывается или закрывается. Когда она полностью распахнута или заперта, ход к ней исчезает. Открывается она в течение семи дней; только когда она отворится настежь, таинственные обитатели Миров за дверью в состоянии проникать на эту сторону. Воины-люди и Воины-деммы уже должны стоять у порога к этому моменту, ведь на сутки доступ к их родным Мирам прекращается. Сутки — столько предстоит охранять дверь. А потом она в течение семи дней закрывается. В это время любой может ненадолго заглянуть в Мир деммов без всякой магии. Однако Рон не советовал: мрачное местечко. Шандалар, самая сумрачная страна Мира людей, казался по сравнению с ним царством света и красок. Кстати, выяснилось, что Шандалар потому и стал холодным да сумрачным, что на него упала тень Мира деммов. Всего лишь тень! Виной тому все те же три чужих Знака, долгие годы спрятанные в самом сердце Озерного края.

За рассказами Рона время летело на удивление быстро и незаметно. Воды, окружающие плоскодонку, то и дело меняли названия: Онсет, Маратон. Величаво проплыло слева устье Бусы, потом Бусинги. Второе было широченным, добрые полверсты. Маратон тоже становился все шире, пока не втек в залив Бост. Вскоре из тумана важно и неторопливо возникли подмытые берега острова Ноа. На юго-западе легко угадывалась мерно вспыхивающая башня зельгиного маяка. Да и город был теперь совсем рядом.

У причала покачивалась одна из новых шандаларских шхун.

— «Чайка», — прочел, шевеля губами, Протас. Крупные буквы с завитушками на высокой корме были заметны и легко различимы издали. — Ваша?

— Угу! — не без гордости подтвердил Мирон. — Слышь, Рон, а вторую как нарекли? И где она?

Монах охотно пояснил:

— В Туран ушла, за товарами. А нарекли ее «Надеждой».

«М-да, — подумал Мирон. — Подходяще».

Кто-то на шхуне приветственно махал рукой.

— Эгей, на шлюпке! С прибытием!

Воины ответили на приветствие.

В Зельге немного задержались — отчасти из-за того, что следовало отдохнуть, благо время позволяло, отчасти оттого, что Лот хотел переговорить с Даки.

Таверна «Облачный край» вновь приняла Воинов, как способен принимать только дом, но на этот раз они не могли расслабиться и обо всем позабыть, ведь ожидание опасности куда хуже самой опасности.

Мирон почти не спал. Просидел в зале за дальним столом, потягивая эль и слушая разговоры да песни. Под сводами витали причудливые облачка табачного дыма, глядя на них, Мирон предавался размышлениям. Что готовили ближайшие дни? Смерть? Если да, то какую? Доведется ли еще увидеть Зельгу, посидеть в этом уютном зальчике, услышать, как густые голоса матросов и заезжих хуторян затянут: «В Зельге снова попойка...»?

Молчаливый паренек в фартуке изредка подливал Мирону эль.

«Чайкой» командовал старый знакомый — капитан Хекли. К острову Сата отплывали рано утром. Матросов с вечера в город не отпустили, поэтому на причале появились лишь две фигуры, полустертые дождем: Воины-шандаларцы без труда узнали настоятеля Ринета Уордера и Даки. Оба не проронили ни слова.

Ветер благоприятствовал, и острова достигли еще до темноты. «Чайка» вошла в северную бухту; якоря ухнули в свинцово-серую воду, подняв чахлые фонтанчики таких же серых брызг. Матросы быстро наладили трап.

Воины молча сходили на старенькую скрипучую пристань; к ним присоединился лишь Рон в своем длинном монашеском плаще.

— Удачи! — сказал Хекли, вскинув кулак. — Мы будем ждать вас здесь же, Воины!

Матросы глядели на уходящих спокойно: они ничего не знали. Но каждый помнил: там, где Воины, легко не бывает.

У порога нужно было встать завтра в полдень.

— Здесь недалеко есть пещера, — сообщил деловито Рон. — Там по крайней мере сухо.

— Если главное, чтоб было сухо, зачем тогда с корабля сошли? — проворчал Демид из-под капюшона.

— Корабль уйдет, — пояснил Рон. — А через пару дней вернется.

Демид продолжал что-то вполголоса ворчать, по обыкновению. Мирон даже успокоился: раз ворчит, значит, все в порядке.

— Ладно тебе, — успокоил Демида Лот. — Небось не промокнешь, не сахарный.

И уже Рону:

— Далеко дверь-то?

Рон покачал головой:

— Нет, не очень. Пещера, кстати, по пути.

— Ну и пошли, — решил Лот. — Чего тут торчать?

Рон послушно вел их сквозь сгущающиеся сумерки. Где-то далеко скрипели лягушки, напоминая, что в глубине острова встречались пресные озерца, больше похожие на необъятные лужи. Воины ступали вслед за монахом, вытянувшись недлинной цепочкой.

В пещере и правда было сухо. Чьи-то заботливые руки сложили в центре небольшой очаг, а в дальнем углу соорудили ладный деревянный помост, где можно было удобно устроиться на ночь.

— Сюда иногда удаляются послушники, — пояснил Рон. — Отшельничать. По году здесь проводят, а то и больше. Правда, теперь это случается реже.

Он немедленно занялся костром и приготовил чаю из своих запасов, особенно вкусного и ароматного.

«Нас четверо, — думал Мирон. — У порога встанут трое. Кто же останется?» Ему казалось, что следует оставить Протаса, ведь не он заварил всю эту кашу. Но Протас не останется, Мирон ни секунды не сомневался.

Значит, Демид Бернага, как самый молодой.

Допив бодрящий напиток, Лот сказал:

— Надо отоспаться, други. По-настоящему. Так что — на боковую. Рон нас разбудит.

Мирон знал, что Лот прав. Завтра им понадобятся все силы. Как ни странно, заснул он почти сразу, окунувшись в

сон, как в глубокий темный омут. Остальные тоже быстро отключились. Не иначе Рон подмешал чего-то в чай.

Проснулся Мирон оттого, что кто-то склонился над его надувным ложем. Глаза открылись за секунду до того, как Рон потряс его за плечо.

— Вставай, Шелех. Пора.

Голова была ясная и свежая. Это здорово.

Монах успел приготовить плотный мясной завтрак. Правильно, ведь в следующий раз поесть Воинам удастся не раньше чем через сутки с лишним, завтра после полудня. Если, конечно...

Но о худшем Мирон не хотел даже думать.

Каждый жевал свою порцию в полном молчании. Вообще Мирон чувствовал себя неуютно. Даже перед тяжелыми битвами в военных лагерях не бывало так тихо. Тогда все выглядело простым и понятным: впереди враг. Дружина Валуа, отранцы или просто банда варваров. Но — обыкновенных людей, вооруженных мечами и пиками, топориками и кинжалами, и заранее известно, чего от них ждать.

Сегодня никто не представлял, с кем придется схватиться. Рон, знавший, похоже, все на свете, ответить на подобный вопрос не смог, только беспомощно развел руками. И еще траги с их враждебной магией...

Все это Мирон додумывал уже на ходу. Вещи оставили в пещере, взяли только оружие и по фляге с питьем. Так посоветовал Рон.

Остров казался совсем пустынным, только над заливом угадывались еле слышные крики чаек.

Вскоре показалась большая рыжая скала, словно покрытая бесформенными пятнами ржавчины. У самого ее подножия виднелось пульсирующее багровое пятно. Рон вел прямо к нему. Скала приближалась с каждым шагом, пока не заслонила полнеба.

— Пришли, — сказал монах просто.

Скала была самой обычной, но вот это полукруглое пятно локтей пяти в поперечнике казалось входом в пещеру, наполненную красноватым светящимся туманом.

— Еще часа два есть, — продолжал Рон. — Решайте, кто останется.

— Протас, конечно! — не терпящим возражений тоном заявил Демид. Семилет переглянулся с Лотом, улыбнулся и снисходительно похлопал Бернагу по плечу, мол: «Ну-ну, парень!»

— Протас пойдет, — негромко сообщил Лот. — Остаться должен один из нас, чтобы правильно распорядиться Знаками деммов.

— Вот ты и оставайся, Лот, — предложил Мирон. — Уж ты-то сумеешь распорядиться ими мудрее всех.

— С другой стороны, — словно не замечая, говорил Лот, — у порога понадобятся самые сильные бойцы. Самые опытные.

Уловив его мысль, Демид твердо сказал:

— Я не останусь.

Монах слушал этот спор за право умереть вместо товарища с некоторым удивлением. А потом вдруг подумал: а чему, собственно, удивляться? Это ж Воины...

— Поэтому, — заключил Лот, — останется Мирон.

— Я? — не поверил своим ушам Мирон.

— Ты, — подтвердил Кидси. — Ты старше Демида, а значит, умнее и опытнее.

Демид ухмылялся. В другое время он стал бы оспаривать подобное заявление. Но не сейчас.

— Ну и что? — Негодование закипало в Мироне будто вода в котелке над жарким костром. Такого исхода он совсем не ожидал.

— Мечом махать и дурень сможет. А тебе предстоит придумать, как вернуть деммам их Знаки и при этом не подставиться трагам. Я уверен, ты справишься. Жаль, я не могу тебе ничего посоветовать — главное только начинается, и что произойдет завтра, я даже не догадываюсь.

Мирон отвернулся. Негодование гасло. Не требовалось особого ума, чтобы понять: Лот тысячу раз прав.

— Это нечестно, — сказал он тихо.

Лот хлопнул его по плечу.

— Что за тон, Шелех? Пойми наконец, умереть во сто крат легче, чем выжить и победить.

— Но я не хочу, чтобы вы умирали.

— А мы, — резонно заметил Протас, — не хотим, чтобы умер ты.

— Все, — отрезал Лот. — Держи. — Он протянул Мирону кошель с тремя чужими Знаками. — До завтра. И... Прощай на всякий случай.

Рыжеволосый Воин крепко обнял Шелеха и, не оборачиваясь, ушел в багровый туман.

— До завтра, Мирон.

— До завтра.

Шелех обнялся с Протасом, потом с Демидом, провел их взглядом и сердито пнул мокрую землю.

Монах вздохнул.

— Пойду покажу им что к чему, пока время есть, — сказал он и направился к пятну входа. Багровый туман поглотил и его.

И тут шевельнулась неясная пока еще мысль. Никак не удавалось ухватить ее за хвост.

«Два часа, — подумал Мирон. — Хоть глянуть, как там? Успею ведь».

— Эй, Рон! — крикнул он.

Монах вернулся почти сразу.

— Чего тебе?

— Можно мне войти туда? Ненадолго?

Тот, взвесив, разрешил:

— Почему нет? Только быстро, ход скоро закроется.

Мирон торопливо зашагал к монаху. Мысль снова шевельнулась и пропала.

Сквозь туман просвечивала неровная поверхность скалы.

— Входи, — пригласил Рон и исчез в толще камня.

Пересилив себя, Мирон ступил в багровые потемки и вопреки всему не наткнулся на препятствие, а оказался в широком сумрачном коридоре. Красноватый свет струился откуда-то сверху, и оттого коридор выглядел зловеще.

Друзья-Воины стояли в центре перед боковой стеной у почти настежь распахнутой двери. Дверь была толстая, каменная, и совершенно непонятно — что ее двигало. В широком проеме пульсировала влажно поблескивающая перепонка, готовая вот-вот лопнуть; за ней угадывался непроницаемый мрак.

В дальнем конце коридора виднелось знакомое полукруглое пятно.

Мысль тотчас тяжело заворочалась.

— Это ход в Мир деммов?

Рон утвердительно кивнул и направился к Воинам, застывшим у двери.

«Вот оно, — подумал Шелех, — Знаки у меня на поясе, а вон их Мир, совсем рядом».

Он торопливо прошел мимо товарищей, словно не заметив — ведь они уже попрощались, — и оказался перед слабо освещенной стеной, похожей на завесу из тумана. Или перед туманом, смахивающим на стену. На этот раз он шагнул смелее. И только потом поднял голову и поглядел перед собой.

Перед ним лежала широкая мрачная долина. По красноватому небу медленно ползли тяжелые лилово-фиолетовые облака, отбрасывая на каменистую землю густые непроглядные тени. Было темно. Вернее, сумрачно, почти как в коридоре, но Мирон видел довольно далеко.

А прямо перед ним, шагах в десяти, стоял траг в белом плаще. Мир деммов расцвечивал плащ в багровые тона.

— Ну, — сказал траг насмешливо, — кажется, ты хотел тут что-то оставить? Три таких блестящих медальончика в кожаном кошеле? Валяй, я с удовольствием подберу.

Мирон разочарованно вздохнул. Правильно, это было бы слишком просто. В предусмотрительности трагам не откажешь. Собственно, этого и следовало ожидать.

Он развернулся и канул в скалу-близнец рыжей громадины с острова Сата, так и не заметив три темные точки, приближающиеся по воздуху к этой же скале, мерно взмахивая перепончатыми крыльями.

Не говоря ни слова, Мирон прошел в свой Мир, и тотчас на лицо ему упали прохладные мелкие капли.

Он остался наедине с мелким дождем, тремя Знаками чужого Мира и невеселыми мыслями. За сутки ему предстояло придумать, как перехитрить трагов. Как решить извечную проблему переправы через реку волка, козла и капусты при наличии всего одной лодки.

Он сел под жиденький куст ивы и стал думать.

Ближе к полудню вернулся Рон и уселся рядом с Мироном. Еще через некоторое время багровое пятно начало по-

немногу тускнеть, пока совсем не исчезло. Скала стала просто скалой, рыжей и мокрой.

— Все, — сообщил Рон бесстрастно. — Дверь открылась.

Мирон вдруг явственно представил, как по ту сторону мерцающих красным клинков, чмокнув, лопнула трепещущая перепонка и навстречу рванулось что-то клыкастое, закованное в вороненый металл и угрожающее...

Наверное, это было совсем не то, но больше ничего Мирон представить не смог.

Он уткнулся в подтянутые к самому лицу колени и в сотый раз собрался с мыслями.

Варварам тогда задали хорошую трепку и отбросили в глубь их снежных земель. На плоских пятачках среди рек целую неделю пировали волкособаки и тощие северные вороны. Но таково свойство варваров: они гибнут сотнями, а возрождаются тысячами и вновь нападают, невзирая на былые поражения. От набегов страдал не только Шандалар, но и соседняя Фредония, край дремучих лесов.

Неизвестно уже, кому пришло в голову объединиться: фредонцам ли, хозяевам чащ, шандаларцам ли, жителям болот, но так или иначе совместными усилиями удалось основать вдоль границ с варварскими землями несколько сторожевых постов. С тех пор стало спокойнее, ведь варварам уже не удавалось застать селения врасплох.

Объединение и дружба с фредонцами быстро дали обильные плоды: лес, которого так не хватало Шандалару, потянулся от соседей целыми караванами. Правда, караваны вязли в шандаларской грязи, но фредонцы научили соседей стелить поверх размокших троп сплошные бревенчатые гати, а туда, где раскинулись непроходимые топи, лес сплавляли по многочисленным рекам.

Снова Шандалар ожил, и теперь по рекам и озерам нетрудно было встретить вереницы торговцев-плотогонов. А на северо-запад тянулись лодки, груженные рисом и плодами опоки, которые охотно брали лесовики.

Казалось, что наступают хорошие времена, но разразилась война Фредонии с Гурдой, и торговля враз захирела. Воины со своими верными отрядами ушли на запад, а в Шандаларе наступило затишье. Людям, только-только успевшим привыкнуть к более-менее сытой и обеспеченной жизни, вновь пришлось отказывать себе во многом.

А тут еще не то кто-то из переселенцев, не то вернувшиеся варвары занесли в Озерный край неведомую смертоносную болезнь. Эпидемия вспыхнула и распространилась с невероятной быстротой, зараза косила людей целыми хуторами, а лекарства никто не знал.

Неизвестно, что произошло бы дальше, не приди на помощь монахи с архипелага. Они тоже не знали лекарства, но, умудренные опытом предшественников, стали упорно искать спасительное средство.

И нашли. Не думайте, что это было легко.

Сай Леонард, настоятель. Приход Эксмута, летопись Вечной Реки, год 6897-й.

Незаметно опустился вечер, потом пришла ночь, а Мирон с плотно завернувшимся в плащ монахом все так же сидели под кустом, почти не двигаясь. Монах, похоже, дремал. Мирона одолевали мысли.

Задача: вот три Знака. Их нужно переправить в соседний мир. Траги хотят этому помешать. Пока он в своем Мире, магия трагов ему не грозит. Черти бы побрали их магию...

Мирон тягостно вздохнул. Не привык он соперничать со столь могучими противниками.

«Я тут голову ломаю, — возникла сердитая мысль, — а друзья рубятся неведомо с кем...»

Дальше: едва он, точнее, его Знак, покинет этот Мир, траги лишаются магии, и с ними можно говорить уже совсем по-другому. Но как вынести Знак отсюда?

Впрочем, три Знака сейчас находились вне пределов Мира.

Мирон даже дышать перестал. Место у двери — не в Мире! Об этом говорил Дервиш.

Но Воины непременно вернутся в свой Мир после изнурительной битвы. На это и рассчитывают траги.

И вдруг решение пришло к нему, простое, ясное и очевидное, настолько простое, что додуматься до него с ходу было невероятно тяжело. Практически невозможно.

Мирон вскочил.

— Й-э-э-э!!!

Рон вздрогнул и очнулся, недоуменно тряся головой. Он едва успел пригнуться: меч Мирона, описав полукруг, начисто снес гостеприимному кусту верхушку.

— Ты чего? — удивился монах. — Или очумел?

Шелех уже взял себя в руки и убрал оружие в ножны.

— Прости, Рон, я бы тебя все равно не задел. Я кое-что придумал, поэтому и радуюсь.

Монах пожал плечами и вновь привалился к пострадавшему кусту. Шелех же принялся и так и эдак взвешивать новую идею. Изъянов он пока не замечал, но для ее исполнения нужно было каким-то образом вытащить сюда одного из деммов.

— Рон, — негромко спросил Шелех, — ты сможешь после всего заглянуть в Мир деммов? Всего на пару минут?

— Смогу, — ответил монах. — Но это... Как бы тебе сказать... Не принято.

Мирон довольно потер ладони.

— Но если ты думаешь отдать чужие Знаки мне, забудь об этом. Траги не допустят, чтобы я ускользнул. В коридор я еще успею войти, но в Мир деммов — никак.

— Сможешь ли ты привести хотя бы одного демма?

Монах неопределенно развел руками:

— Понятия не имею. Посмотрим.

— Но ты попробуешь?

Рон промолчал.

Теперь время почему-то стало тянуться еле-еле. Мирон то сидел у увечного куста, то вскакивал и бегал туда-сюда. Нетерпение овладевало им, и с каждым часом все сильнее.

Очень медленно светало; во мраке все отчетливее вырисовывалась громада скалы. Серые сумерки клубились у ее подножия. Ночь пряталась по ложбинам и пропадала, уступая место дню — может быть, самому важному в жизни Мирона.

До полудня все равно оставалась уйма времени. Мирон пробовал подремать, но безрезультатно. Монах допил воду из белой фляги и сходил за свежей.

Вскоре явились еще несколько послушников из монастыря. Все они уже достигли почтенного возраста и седин, поэтому терпения им было не занимать. Сели себе полукругом на корточки и застыли, прикрыв глаза. Мирон даже позавидовал.

Он успел потерять всякое представление о времени, когда Рон рядом с ним наконец шевельнулся.

— Всё!

Шелех вскочил как ужаленный. На буром теле скалы постепенно стали проступать смутные очертания багрового пятна-хода. Старцы монахи тоже поднялись; легкий ветер колыхал их длинные плащи и бороды. Мирон побежал к скале.

Из кровавой тьмы нетвердо выступил Демид. Глаза его лихорадочно блестели, меч был весь зазубрен, а левая рука болталась, словно чужая. Он шагнул несколько раз и рухнул на колени. Монахи заспешили к нему, на ходу извлекая из-под плащей небольшие сумки, наверное, со снадобьями.

Вторым показался Протас, несущий на руках Лота. Мирон невольно вздрогнул. Протас бережно опустил свою ношу на землю и обессиленно растянулся рядом.

Лот был мертв. Хватило одного-единственного взгляда, чтобы понять это. На шее зияла глубокая рана, а грудь кто-то будто раздавил.

Мирон зажмурился, сглатывая пересохшим враз горлом липкий противный ком. Но горевать времени не оставалось. Он отогнал боль и стал действовать, как задумал.

— Рон! Давай!

Монах метнулся к скале, а Шелех склонился над Демидом, мало что соображающим. Знак Воина выбился из-под куртки и ясно виднелся на фоне темной выделанной кожи.

Когда появились траги, Мирон стоял на коленях перед мертвым Лотом, сжимая в руке кошель со Знаками, которые намеревался отдать деммам. Он медленно поднял голову и оглядел целую вереницу белых, как молоко, плащей.

Позади, перед ходом к двери растерянно стоял Рон, переминаясь с ноги на ногу, а перед самым ходом застыли трое бывших Воинов и два трага.

Мирон обернулся, заметил это и бессильно опустил руки.

— Вы продержались, Воины. Это хорошо.

Мирон молчал, лихорадочно отыскивая выход.

— Самое время разобраться со Знаками, — продолжал один из трагов, низенький и краснощекий. На его белом плаще змеились тончайшие бирюзовые полосы, которых не было больше ни у кого.

«Их верховный, — догадался Мирон. — Надо же!»

— Как я вижу, один из вас погиб. Его Знак, — требовательно произнес траг, протягивая руку.

«Все они одинаковые», — подумал Мирон с неожиданной тоской.

Он наклонился, нарочито медленно снял Знак с шеи Лота и крепко сжал его в кулаке.

— Отныне, — сказал он с металлом в голосе, — судьбой Знаков будут распоряжаться люди. Ваше время минуло, траги. Вы — в прошлом.

Получилось даже весомее, чем он ожидал.

— Так, значит? — нейтрально заметил верховный. — Ладно, поглядим.

— А эти, — Мирон вытряхнул из кошеля три Знака, — я вручу деммам.

Не успел он перевести дыхание, из клубящегося в ходе тумана показалась невысокая черная фигура. Большие стоячие уши нервно подергивались, отчего голова пришельца выглядела более крупной, чем была на самом деле. В руках демм бережно нес меч в ножнах — даже с такого расстояния Мирон без труда узнал меч Лота.

Престарелые Воины и оба трага отшатнулись, освобождая дорогу.

Демм приблизился к неподвижному Лоту, опустил меч рядом, на несколько отступил и торжественно поклонился, отдавая дань мужеству и отваге ушедшего. Получилось это очень искренне.

— А-а, — протянул траг. — Вот и соседи. Ну, давай, Мирон. Можешь даже вручить ему эти Знаки. Можешь даже про-

вести его. До самого хода — все равно он в свой Мир не попадет. Уж мы постараемся.

«Ошибаетесь», — подумал Мирон, но вслух не сказал ни слова. Он уже знал, что делать.

Демм стоял чуть позади него, и на груди у него поблескивал медальон, украшенный рунами. Повинуясь внезапному порыву, Шелех поклонился ему, подошел вплотную и вручил еще три Знака. Воин-демм, ничуть не удивившись, спокойно и с достоинством принял их и спрятал куда-то под плащ. Точнее, под крыло-перепонку. А может, и удивившись, поди его пойми.

— Пожалуй, я так и сделаю, — сказал Мирон трагам. — Проведу его. До самого хода.

— Но тебя мы из этого Мира не выпустим, не надейся, — заверил траг, намекая, что раскусил план человека. Конечно, уж траги-то понимали, что лишаться магии в такой момент равносильно поражению.

Мирон тряхнул головой, взял демма за локоть и неторопливо повел к скале. Ход виднелся совсем рядом. Экс-Воины настороженно шевельнулись.

— А теперь, — тихо сказал Шелех, — тебе нужно быстро-быстро оказаться в своем Мире.

Демм вопросительно глянул на человека снизу вверх: он явно не понял ни слова.

Мирон на мгновение растерялся, но потом взял демма покрепче, бровью указал на багровый зев входа и легонько качнул головой.

Демм оскалился и кивнул: «Понял!»

И они рванулись в багровый туман, как лоси, удирающие от стаи изголодавшихся волкособак. Мирон, столкнувшись с самым проворным из старых трагов, сшиб его, освобождая дорогу демму. Двое других уже не успевали: демм взмахнул крыльями и за какое-то мгновение покрыл все расстояние до хода.

Больно ударившись о камень, Мирон охнул и упал к подножию скалы, успев краем глаза заметить, что демм влип в коварную шевелящуюся мглу.

Кажется, все удалось. Траги в первую очередь позаботились о том, чтобы задержать Мирона, считая, что до демма со Знаками доберутся минутой позже.

Хором захохотали все обладатели белых плащей.

— Ты думал опередить нас, глупый человечишка? Сейчас ты узнаешь, что такое настоящая магия! — важно сказал верховный. — Хочешь увидеть вновь своего дружка-демма? Вместе со всеми ЧЕТЫРЬМЯ нашими Знаками? Думаешь, он сумел попасть в свой Мир? Нет! Он торчит в коридоре перед запертым ходом! Гляди, сейчас я вытащу его оттуда!

Траг воздел руки к облачному небу и сжал кулаки.

И ничего не произошло.

Некоторое время он не двигался, потом растерянно обернулся к своим. Те заволновались.

Никто не обратил внимания на то, что, едва демм исчез в скале, багровый ход опять явственно проступил на фоне рыжего камня, а щит, поставленный трагами, исчез.

Мирон облегченно вздохнул. Действительно удалось! Потерев ладонью голову, гудящую после столкновения, он поднялся на ноги.

— Я уже говорил вам, траги: вы — в прошлом. Вы и ваша магия. Наступило время людей. Думаю, это будет долгое время. Прощайте.

А сам подумал: «Быстро ли я привыкну к обратной застежке?»

На груди Мирона висел Знак с его рунами, Торн, Еол, Ур, но это был Знак деммов. У Демида — тоже Знак деммов. И третий, с рунами Лота Кидси, который Воины вручат достойному и примут в Братство совсем скоро, некогда принадлежал Воину чужого Мира. А Знаки людей с теми же рунами только что унес крылатый демм. К себе. Как только он покинул Мир людей, магия трагов обратилась в ничто. И Мирон надеялся, очень надеялся, что люди наконец станут хозяевами своего Мира, ибо он всегда назывался Миром людей, а не Миром трагов.

По мнению Шелеха, это было справедливо. Поэтому он и подменил Знаки перед самым приходом трагов.

Жаль, этого не узнал Лот.

Несколько дней спустя, когда у постепенно тускнеющего хода остались лишь монахи, когда Лота Кидси похоронили здесь же, недалеко от рыжей скалы, когда Протас с Демидом

немного оправились после схватки на пороге, Мирон стоял на палубе «Чайки» и глядел на приближающуюся Зельгу. Руки его покоились на гладко отшлифованном планшире.

— Скажи, Демид, — обратился Мирон к товарищу, баюкающему перевязанную руку. — Что было там, за дверью?

Бернага, не спуская глаз с близкого берега, болезненно поморщился. Потом неохотно сказал:

— Когда-нибудь я расскажу тебе, Шелех. Но не сейчас, ладно?

Мирон со вздохом кивнул. Ему казалось, что Демид повзрослел на добрый десяток лет.

Рядом тихонько напевали матросы, знающие только, что Воины в очередной раз послужили Миру, и Шелех жадно вслушался в знакомые с детства слова, словно услышал их впервые.

Все невзгоды — химеры,
Нам нельзя жить без веры,
Добрый свет родного маяка.
Так храни нас Всевышний,
Чтоб под этою крышей
Дак еще поднес нам огонька.

Мирон думал о вере, вере в людей. Как сложится теперь история Мира? Способны ли люди сами вершить свою судьбу, издавна приученные к непрошеной опеке? Хотелось верить, что да.

Гей-гей, кружки налейте,
Гей-гей, трубки набейте
Дорогим туранским табаком.
Гей-гей, помните, братцы,
Гей-гей, грусти поддаться
Хуже, чем лежать на дне морском.

Мирон вздрогнул. Ему показалось, что до боли знакомый голос Лота нашептывает в ухо в такт песне:

Гей-гей, хватит о смерти,
Гей-гей, пойте и смейтесь,
Нет пока причины горевать.

Гей-гей, наша фортуна —
Гей-гей, добрая шхуна,
На нее лишь стоит уповать.

— Хорошо, Лот, — тихо сказал Мирон. — Я не буду грустить, раз ты этого не хочешь. Но я буду помнить тебя.

Всегда.

И он стал вполголоса подпевать матросам.

Четвертый день кряду не было дождя — вот что меня более всего удивляло. А ночами на севере синеватыми точками светились звезды. Я их видел в третий раз за всю жизнь, если не считать эти странные тихие ночи за один.

Здесь, на северо-востоке, обыкновенно бывает холоднее, чем в Тороше, сказывается близость гор, но сейчас я даже ночами потел в двух своих куртках. В полдень над болотами поднимались тяжкие облака вонючих испарений. И над Кит-Карналом туман висел гуще обычного. Я не переставал этому изумляться.

В среду, шестнадцатого марта, я подкреплялся похлебкой из пойманного накануне сома и уже собирался мыть миску с ложкой, но тут из зарослей ольховника показался растрепанный небритый мужчина неопределенного возраста. Может, лет тридцати пяти, а может, и всех пятидесяти. Справедливо рассудив, что он, возможно, голоден, я учтиво пригласил его разделить со мной трапезу, благо похлебки оставалось еще чуть не полкотелка. Путник не отказался.

Пока он ел, я внимательно рассмотрел его. Он был в самом деле небрит: недельная щетина вкупе со взлохмаченной, отродясь не знавшей ножниц и мыла шевелюрой придавала ему на редкость неряшливый вид. Засаленная телогрейка, невозможно уже понять какого цвета, мятые матерчатые штаны и неуклюжие сапожищи в засохших пятнах тины и грязи тоже не делали из него принца. Я предположил, что это какой-то опустившийся старатель, бредущий с прииска в людные места.

Не могу назвать себя образцом опрятности, но даже в этом забытом всеми захолустье раз в два дня я ножом соскабливал с подбородка отросшую щетину и регулярно чистил верхнюю куртку.

Насытившись, путник поблагодарил за угощение и, сославшись на спешку, собрался уходить.

— Я — послушник Назар Кичига из Тороши. Не назовешь ли себя, мил-человек? — спросил я как мог сердечно.

Путник задержался, глядя на меня с интересом, как мне показалось.

— Я вовсе не человек, — сказал он просто. — Я — Весна.

Надо ли говорить, что я удивился такому неожиданному ответу.

— Весна? — переспросил я, собираясь с мыслями. — Но ведь Весна — это явление, а не существо.

— Несомненно, — подтвердил он. — Я и есть явление. Поскольку же ты — человек, меня ты видишь тоже в образе человека. Выдра, к примеру, увидит меня выдрой.

— Но, — возразил я, — тогда ты должен выглядеть как молодая девушка, красивая и пригожая.

— Кто это тебе сказал? — изумился Весна. — Чушь какая! Будешь тут красивым, по грязище всю жизнь чапая! (Он так и сказал — чапая.) Да и заставь попробуй девку всю жизнь по грязи чапать, тепло за собой тянуть! Это я, дурень старый, тяну лямку. Привык уже, верно. Однако, извини, некогда мне болтать. Почитай, двести лет я в ваш край не наведывался.

— Что же привело тебя теперь? — воскликнул я, ибо ни для кого не секрет, что Шандалар давно уже не знал времен года.

— Тень пропала. Раньше здесь повсюду лежала Тень, вот мне ходу и не было. А теперь пропала, я и пришел. Ну, до встречи через год, послушник.

Весна повернулся и ушел на север, а я еще долго глядел ему вослед, держа перед грудью деревянную миску.

Когда же я взглянул на юг, миска выпала из моих ослабевших рук.

Там, откуда пришел Весна, полнеба очистилось от облаков, и ничего более голубого и прекрасного я никогда прежде не видел.

А посреди всего этого великолепия ослепительно сияло Солнце.

Назар Кичига, послушник. Приход Тороши,
летопись Вечной Реки, год 6946-й.

К апрелю Солнце жарило над Шандаларом, словно это не Шандалар, а южный Туран. Тучи попросту исчезли, и эта ужасающая бездна нависла над нами, грозя поглотить все и вся. Дети первое время боялись выходить из домов. А как зазеленели болота! Глаза утомлялись от нестерпимо яркого света и обилия красок. Реки мелели чуть ли не на глазах, самые крохотные пересыхали вовсе. Появились целые тучи мерзкого вида крылатых насекомых, которые нещадно жалили людей и скот. Рис и опока сохнут на корню, а поля, с которых еще совсем недавно приходилось спускать лишнюю воду, теперь требуют орошения.

Становится теплее с каждым днем: куртки, теплые меховые куртки, раньше без которых за порог ни ногой, пылятся по домам без дела, а шандаларцы разгуливают в легких рубашках.

Никто не знает, радоваться или плакать. Мы разучились жить, как весь остальной Мир, а жить по-своему уже не удастся. Но кое-что сохранилось в людской памяти. Говорят, «Надежда» привезла из Гурды пшеничное зерно — кто-то из окрестных фермеров намерен его сеять. Правда, знающие люди утверждают, что отныне нельзя сеять когда вздумается. Для всего будто бы существует свой срок.

Повсюду из земли, высохшей и затвердевшей, лезет веселая зеленая трава — и как семена сохранялись долгие годы? Коровы, впервые в жизни покинувшие стойла, а также лоси едят ее с видимым удовольствием.

Не знаю, что нас ждет. Думаю, мы сумеем полюбить это тепло, это Солнце, этот слепящий свет и отвыкнем от дождей и туманов. Научимся выращивать злаки и овощи прямо под открытым небом. И привыкнем каждую ночь видеть в распахнутых окнах звезды. Звезды над Шандаларом.

Но не думаю, что это будет легко.

Ринет Уордер, настоятель. Приход Зельги,
летопись Вечной Реки, год 6946-й.

ГОД ЖИЗНИ

(ТЕМА О НЕИЗБЕЖНОСТИ)

1

Юго-западный ветер трепал кроны вековых буков и рвал в клочья низкие облака. Но Клим чувствовал: ветер скоро утихнет. Чутье его никогда не подводило.

Поправив заплечный мешок, он размеренно зашагал по утоптанной тропе.

Куда вели его ноги, Клим не знал. Жизнь в крохотном городке на границе степей и леса ему осточертела, даже частые набеги прибрежников не разгоняли навалившуюся скуку. Клим честно сражался на стенах бок о бок с горожанами, а про себя все твердил: «Уйду... Уйду...»

Вот, наконец, решился. Дорога всегда действовала на него бодряще, наверное, среди его предков было много кочевников. И вообще, сидя на одном месте, Клим кис и грустил, а чуть ступит на убегающую к горизонту тропу — глядишь, и ожил.

На этот раз тропа вела его почти точно на запад. Ветер постепенно стихал, растрепанные облака уползали прочь, открывая безупречно голубое небо, но эта голубизна с трудом пробивалась под сень старого леса. Стало заметно светлее.

Клим вдохнул побольше воздуха, пропитанного растительными запахами, и довольно зажмурился. Хорошо! Дорога, лето, и еще ему скоро исполнится двадцать один год, а зна-

чит, он станет взрослым по-настоящему. Можно будет открыто наниматься в охрану, в войско — на любую службу. А уж мечом Клим владел для своих лет... ну, скажем так: недурно. Чем заслуженно гордился.

Через два дня, когда солнце застыло в зените, Клим медленно поднял голову и заслонился ладонью от нестерпимо яркого света.

«Пора», — решил он. Никто не посмел бы упрекнуть его в спешке.

Нарочито неторопливо Клим сбросил с плеч мешок, не спеша развязал его и запустил внутрь правую руку. Так же неторопливо нашарил заветный кожаный чехольчик.

Вот он, знак совершеннолетия! Блестящий серебристый медальон на короткой цепочке. На обратной его стороне двадцать один год назад выгравировали имя и день появления на свет будущего владельца.

«Все», — подумал Клим, надевая медальон. Похожая на две трубочки застежка сухо клацнула и зафиксировалась. Застегнуть ее можно было лишь один раз — в день совершеннолетия, а потом медальон, не снимая, носили до самой смерти. Да и с мертвых не снимали, ибо снять его удалось бы, лишь отрезав голову или разорвав цепочку, но, хрупкая на вид, она не рвалась.

«Теперь я не просто Климка, подросток без голоса и права на слово. Клим Терех, гражданин Шандалара, именем Велеса и во имя его».

Солнце нещадно слепило глаза, но лишь теперь Клим опустил голову. Вздохнув, подобрал мешок и продолжил путь с радостью в сердце, и пела в его жилах кровь предков-кочевников.

Людей Клим встретил спустя шесть дней. Конный отряд, десяток латников, и во главе, как ни странно, — сотник. Пешего да одинокого встретили без враждебности: одиночка городу не угроза, а кроме как в городе, и в немалом, сотнику нечего делать.

— Здоров будь, человече! Кто таков? Куда собрался?

Клим стал, откинув назад отросшие на голове волосы. Собственно, он хотел показать медальон.

— Взрослеющий я... В город иду.

Сотник хмыкнул. Клим доверчиво захлопал глазами.

— На службу, что ли, целишь?

Клим опустил глаза. Сотник вспомнил, как сам много лет назад пришел в город с юга, как долго все смеялись над его смуглой кожей, и враз смягчился:

— Ладно! Гордей! Подбери!

Худощавый латник, забрав в левую руку и пику, и уздечку, протянул правую Климу. Секунду спустя Клим сидел на лошади позади латника, поправляя съехавшую сумку.

Отряд долго полз вдоль тихого ручья, сотник явно не спешил. Кони понуро плелись, изредка тряся головами и позвякивая сбруей. Наваливался вечер, и Клим уже было решил, что придется еще раз ночевать в лесу, но тут отряд наконец выбрался из чащи. Вдали виднелась городская стена, розоватая в лучах заката.

Сотник вдруг оказался бок о бок с Гордеем и Климом.

— Вот она — Зельга! Гляди. Теперь это и твой город.

Клим кивнул, рассматривая высокие башни, чеканно проступающие на фоне неба.

Кони нетерпеливо зафыркали, предчувствуя близкий отдых, и пошли мелкой рысью. Клим покрепче ухватился свободной рукой за кожаный пояс Гордея.

Ворота вопреки ожиданиям были распахнуты настежь. Видимо, Зельга не боялась мелких врагов, а серьезные редко посещали эти места.

Казармы располагались совсем недалеко от ворот. Латники спешились, лошадей уводили высыпавшие из казарм конюхи. Сотник, на ходу сдирая доспехи, мурлыкал однообразную мелодию; валящееся на булыжник железо подбирал парнишка-оруженосец.

— Где Влад? — зычно осведомился сотник, прервав мурлыканье. От доспехов он освободился, оставшись в кожаных штанах, куртке и добротных яловых сапогах. Из оружия при нем остался меч да кинжал за поясом.

Кто-то из солдат, выбревших на шум, с готовностью сказал:

— Известно где — в таверне. Где ж ему еще быть под вечер?

Сотник нашел глазами Клима.

— Пойдем, парниша. Влад — здешний воевода. С ним и поговоришь.

— Погоди минутку, Хлум, — крикнул от дверей казармы Гордей, держа в охапке свои доспехи. Заходящее Солнце отражалось от гладко отполированных пластин нагрудника. — Сейчас железо отнесу...

Видимо, ему не полагалось оруженосца.

Хлум дошагал до ворот и остановился, извлекая из-под куртки потертый кисет. Двое стражей зашевелили, словно кролики, ноздрями, но сотник добродушно прикрикнул на них:

— Неча, неча, сменитесь — тогда накуритесь.

Стражники с одинаковым вздохом отвернулись, пошевелив пиками. Клим отметил, что дисциплинка тут наличествует, но не тупая, а сознательная.

Гордей скорым шагом приближался к воротам в компании еще двух солдат. Мечи все трое взяли с собой. Клим запомнил это. В городе, где жил он раньше, оружие обычно оставляли в казарме. Здесь было не так. Или в любой момент могло произойти нападение, или просто принято так: каждый город создавал и хранил свои обычаи и традиции.

Город Климу понравился. Улицы не то чтобы сверкали чистотой, но и помоев никто сверху не лил. Дома аккуратные, ограды крашены, люд приветлив, нарядно одет и весел, а это приметы благополучия.

Часы на башне пробили девять; когда эхо от последнего удара колокола впиталось в вечерние городские шумы, Клим услышал песню. Слов было не разобрать, но мотив показался Тереху знакомым. Доносилась она из таверны, что заманчиво распахнула двери как раз напротив башни с часами. Хлум с солдатами шли прямо ко входу.

Над солидной дубовой рамой двери висела потемневшая от времени вывеска, но надпись на ней постоянно подновляли свежей краской.

«Облачный край, — гласила надпись. — Заведение Парфена Хлуса».

Внутри вкусно пахло жареным мясом, пряностями, пивом; за столами сидел народ, выпивал, закусывал, громогласно беседовал и смачно хохотал. Поварята в белых колпаках только

и успевали подносить деревянные блюда с жарким. Дюжий молодец, обнаженный по пояс, нес на закорках огромную бочку с внушительным краником; мышцы молодца так и перекатывались под лоснящейся кожей, поросшей рыжими волосами. Бочка с шутками-прибаутками была водружена на один из столов, пожилой мужчина, с виду — купец, сломал сургучную печать, выбил пузатый чоп и повернул краник. В подставленную кружку ударила пенистая струя. Сидящие за столом одобрительно загудели.

— Эй! — Клима пихнули в бок. — Заснул? Пойдем!

Гордей дернул его за рукав и увлек в дальний угол, где царил полумрак. На Клима постояльцы совершенно не обращали внимания, словно он зашел сюда не впервые.

Спустя некоторое время Клима подвели к столу, покрытому алой скатертью. Блюда со снедью здесь стояли серебряные, а питье разлито по серебряным же кубкам, а не по деревянным кружкам, как везде. За столом сидели всего двое: седой воин, что легко угадывалось по иссеченному шрамами лицу, и благообразный розовощекий господин, одетый подчеркнуто по-городскому. Хлум слегка поклонился сначала одному, потом второму и, обращаясь к седому, доложил:

— Обход закончили только что, все тихо и чисто.

Седой кивнул:

— Добро. Садись, Хлум.

Сотник отодвинул стул с резной высокой спинкой и, прежде чем сесть, указал рукой на Клима:

— Вот, встретили путника за Мешей. На службу желает.

Седой внимательно глянул на Клима, внешне оставаясь совершенно бесстрастным.

— Кто? Откуда? Что умеешь?

Седой говорил отрывисто, сверля взглядом Тереха.

— Клим Терех из Сагора. Последние годы провел в Тенноне, что за Вармой. Мечник.

Клим старался отвечать так же коротко.

— Лет сколько?

— Двадцать один.

При этом он слегка выпятил грудь, чтобы медальон стал виден под распахнутым воротом куртки.

— Добро. Сегодня пей и ешь, как любой солдат Зельги. Хлум отведет тебя после в казарму — там заночуешь. А завтра проверим, какой ты мечник.

Седой взялся за кубок, давая понять, что разговор окончен. Сотник сел рядом с ним, жестом отсылая Клима куда-то в зал.

Клим обернулся. Ни одного полностью свободного стола не было, хотя за многими хватало незанятых мест. Но садиться к незнакомым людям было как-то неловко.

Он медленно вышел в центр зала, вертя головой, словно высматривал кого-то.

— Эй!

Клим обернулся на окрик. За столом, где высилась бочка, сидел Гордей и призывно махал рукой.

— Давай к нам, парниша!

Терех, придерживая меч у пояса, чтоб не задеть кого-нибудь ненароком, решительно зашагал к Гордею.

Ему освободили место.

— Садись!

Словно из ниоткуда возникло блюдо с мясом, второе с картошкой, поджаристый ломоть хлеба и кружка с чем-то заманчиво-пенным. В животе сразу заурчало, ведь Клим ничего не ел с утра.

Все это оказалось еще и потрясающе вкусным, без скидок на голод. Местный повар знал свое дело весьма крепко — тарелка Клима опустела очень быстро. Вновь будто из ниоткуда появилась добавка, и Клим отдал ей должное.

Сидящие за столом не обращали на Тереха никакого внимания, и это его удивило: обычно к новичкам подсаживаются, донимают расспросами, ведь пришлый человек — это всегда новости, свежие байки. Здесь люд горланил о своем: поминали какого-то Прона, называя его растяпой и ротозеем, подзуживали сидящего здесь же паренька по имени Марк, а тот звонко хохотал в ответ на все шуточки, обсуждали недавний набег прибрежников на Торошу, судачили о рыбалке на Скуомише — Клим слушал вполуха.

Насторожился он, когда услышал знакомое слово: Теннон. Речь зашла о городке, где провел он последние два года.

— ...скверный городишко: пиво паршивое, народ ленивый, жадный... Охрана их вовсе никуда не годится — старики да долдоны безмозглые. Я там бывал, я знаю.

Вещал белолицый, хрупкий на вид юноша, презрительно кривя губы.

— Неправда! — подал голос Клим. — Зачем врешь, если не знаешь?

Теннон населяли вполне обычные люди — в меру веселые, работящие, а что касается охраны, так там хватало опытных воинов, прошедших не одну битву. Клим знал всех: сколько раз приходилось плечом к плечу отражать атаки плосколицых прибрежников, вооруженных кривыми саблями и разящими без промаха луками.

Белолицый осекся.

— Это еще кто?

Встал Гордей:

— Не лезь к нему, Максарь. Не лезь лучше.

Максарь еще больше скривил губы:

— Тебе-то что? Приблудь всякую защищаешь?

Клим вскипел. Ноги выпрямились сами, и он резко поднялся, собираясь назваться.

Стул Тереха с шумом отъехал назад, плечо снизу ткнулось в поднос, некстати нависший справа, и целая кварта пива выплеснулась ему на голову.

Слова застряли в горле под дружный хохот окружающих. Клим зажмурился; он стоял у стола мокрый, жалкий и растерянный. В плотном хоре смеющихся отчетливо выделялся голос Максаря.

«Черт бы побрал этого поваренка», — с досадой подумал Терех, оборачиваясь. Рука его напряглась для дежурной оплеухи. Глаза щипало от крепкого пива.

Обернувшись, он чуть не утонул во взгляде огромных зеленых глаз с потрясающе длинными ресницами.

Поваренок стянул с головы колпак, и целый водопад огненно-рыжих волос хлынул по плечам.

— Извини, — сказал поваренок. Вернее сказала, ибо это была девушка. — Я не ожидала, что ты встанешь...

Рука Клима опустилась сама собой. Надо было выкручиваться.

Он провел ладонью по своей щеке, задумчиво лизнул и заметил:

— Доброе пиво! Принесешь еще?

За столом снова грянул хохот, на этот раз — одобрительный. Кто-то даже хлопнул его по плечу, мол, молодец парень! Не растерялся.

Девушка, не понимая, хлопала глазами. Она ожидала брань, а не шутку.

— Ты что, помыться решил? — ехидно встрял Максарь.

Клим молча взял кружку из руки соседа, нарочито медленно обошел стол и остановился рядом с белолицым.

— Я из Теннона, — негромко сказал он. — Служил там в охране. И вот что думаю по поводу твоих слов...

Клим опрокинул кружку точно над макушкой Максаря, пиво залило его кудри и потекло на куртку. Максарь разинул от неожиданности рот, потом с проклятием вскочил. Меч его рванулся из ножен.

Клим обнажил свой лишь на миг позже.

— Это еще что? — загремел вдруг властный голос. Клим скосил взгляд, не желая упускать Максаря из поля зрения.

У столика стоял седой. Усы его топорщились, как у рассерженного кота.

— Хорошо же ты начинаешь службу, — жестко сказал он Климу.

Еще несколько секунд седой мрачно глядел то на Максаря, то на Тереха.

— Отведи их, пусть умоются, — велел он девушке, теребящей поварской колпак. — Живо. А вы, — обратился седой к белолицему и Климу, — если сцепитесь до завтра, заказывайте отпевал.

Максарь, скрипнув зубами, вогнал меч в ножны и, не глядя на Клима, пошел вослед девушке куда-то за стойку у дальней стены. Терех последовал за ним, тоже убрав меч.

Они по очереди умылись в большой дубовой кадке. Максарь утерся полотняной салфеткой, швырнул ее на пол и вышел вон, все так же избегая смотреть на Клима. Девушка подала вторую салфетку Климу и негромко предупредила:

— Берегись его.

Клим подал ей мокрую салфетку.

— Спасибо.

На секунду он поймал взгляд ее умопомрачительно зеленых глаз и повторил:

— Спасибо.

Клим хотел спросить, как ее зовут, но почему-то не решился.

Когда Терех вернулся в зал, его окликнул Гордей:

— Эй, парниша! Пойдем со мной.

Клим повиновался. Они вышли на площадь. Часы на башне пробили десять — всего час минул с тех пор, как вошли в таверну.

«В этом городе все происходит на удивление быстро...» — рассеянно подумал Клим.

— М-да, — сказал Гордей. — Зря ты с Максарем связался.

Он помолчал.

— Сегодня его можешь не бояться, слово Влада — закон. А с утра готовься постоять за себя.

Клим пожал плечами и погладил рубчатую рукоять меча. Постоять за себя впервые ему пришлось в семь лет, и с тех пор он здорово поднаторел в этом искусстве.

Смеркалось; они шли засыпающим городом к казармам. Гордей молчал, Терех молчал, город молчал, и лишь сверчки монотонно верещали на чердаках.

В казарме Клим повалился на указанную Гордеем койку и мгновенно забылся.

Утром из крепкого сна его выдернул трубач. Тряхнув головой, Клим сел и огляделся. Солдаты поднимались с коек и нестройно тянулись к светлому проему выхода. Клим побрел за ними.

Во дворе буйствовало солнце, приходилось щуриться. Воевода Влад нарочно выстроил всех лицом к восходящему светилу; ратники терли глаза и заслонялись ладонями.

Кого-то определили в стражу, кого-то в конный обход, кого-то в охрану торговцев; солдаты разбирали оружие и доспехи и разбредались по назначению. Скоро от плотного строя осталась жиденькая цепочка. На дальнем фланге Клим углядел фигуру Максаря.

Влад всыпал по первое число угрюмому ратнику, погоревшему накануне на пьянке, отослал его к штрафникам (Клим отметил — без конвоя) и обратился к Тереху:

— Теперь ты.

— Выйди из строя, — шепнул стоящий рядом Гордей.

Клим дважды шагнул и полуобернулся, чтоб стоять к воеводе лицом.

— Вчера за меч хватался, я видел. Горяч больно? Или первый мечник под солнцем?

Говорил Влад сухо и отрывисто. Клим пожал плечами.

— Ладно. Докажи, что не зря клинок на поясе носишь. Максарь!

Воевода хлопнул в ладоши; строй дрогнул и развалился. Всего несколько секунд, и солдаты образовали замкнутый круг. Внутри остались Клим, Максарь и Влад. Белолицый, криво улыбаясь, потащил из ножен меч. Влад, скрестив руки на груди, отошел в сторону и приготовился наблюдать.

Ладонь Клима легла на рукоять меча, привычно обласкала рифленую кость и сжалась, а в ушах все еще звучал тихий шепот проскользнувшего при перестроении совсем рядом Гордея: «Учти, на самом деле Максарь левша...»

Клим, изготовившись, наблюдал за противником. Меч Максарь держал в правой руке, но теперь стало понятно, что это ничего не значит. Терех и сам умел биться обеими руками, но правой выходило лучше. Он сосредоточился, и спустя мгновение Максарь напал.

Косой рубящий сбоку Клим изящно отвел и атаковал сам, но и его выпад отвели не менее изящно. Некоторое время двое кружили внутри круга, присматриваясь, и снова сшиблись, на этот раз надолго. Максарь завел серию, быстро работая мечом, Клим оборонялся, пока успешно.

Белолицый очень сильно фехтовал, это Терех почувствовал сразу. Удары его были быстры, коварны и нестандартны. Явно самоучка. Как, впрочем, и Клим.

Прощупав умелую защиту Клима, Максарь неуловимым движением перебросил меч в левую руку и обрушился с удвоенной силой. Но Терех ждал чего-то подобного, ведь Гордей его предупредил, поэтому неожиданный финт не смутил и с толку не сбил.

Железо звенело еще около минуты, потом Влад неожиданно хлопнул в ладоши:

— Довольно!

Максарь тут же прекратил атаковать и убрал меч. Клим, успокаивая дыхание, свой просто опустил.

— Ты оказался лучше, чем я ожидал, — честно признался воевода. — Осталось доказать всей Зельге, что ты будешь ей верен. Тогда попадешь в мою гвардию. А пока походишь в караулы да в патрули. Гордей, глаз с него не спускай.

Сухощавый воин сдержанно кивнул.

— Резерв — разойдись! — скомандовал Влад и, не оборачиваясь, зашагал к воротам. Стражи браво отсалютовали ему пиками.

Максарь и еще несколько ратников ушли вместе с ним.

Гордей подошел к Климу и уважительно хлопнул его по плечу:

— Ну, парень, нет у меня слов! Ты первый, кто фехтовал с Максарем и не был унесен из круга! Траги тебя дери! Где ты научился так работать клинком?

Клим пожал плечами:

— В Тенноне. И раньше, в Сагоре.

— Влад изумлен, поверь мне. Не гляди, что он остался бесстрастен. Я его давно знаю. Но теперь и спрос с тебя будет особый: смотри не подведи...

Задачей резерва было бездельничать в казарме или около нее. Запрещалось только выходить за ворота и пить хмельное. Солдаты большей частью отсыпались, иногда фехтовали, чтоб не заржаветь, швыряли ножи в специально установленный щит, правили клинки, чинили доспехи, если требовалось; судачили о том о сем. Клим старался держаться поближе к Гордею, чем-то понравился ему сухопарый воин, да и тот охотно сносил общество новичка, рассказывал о местных нравах и обычаях.

Вечером, освободившись из резерва, Гордей и Клим снова пошли в таверну. Солдаты ходили туда с удовольствием — вкусный стол и доброе пиво полагались им бесплатно. Хозяин Хлус, однако, не оставался внакладе, ежедневно кормя полсотни человек: всякий купец, проезжающий через Зельгу, обязан был часть товара оставить в таверне; жители города и

окрестных деревень поставляли снедь и питье, причем часто приносили больше, чем того требовал закон, потому что гарнизон всегда защищал людей от врагов; солдат в городе уважали, стремились облегчить им службу и обеспечить всем необходимым.

Песню Клим вновь услышал за квартал от «Облачного края». Наверное, ее здесь пели издавна:

Путь наш труден и долог,
Оттого всем нам дорог
Этот временный уют.
От Сагора до Цеста
Ждут нас дома невесты —
Верить хочется, что ждут.

— Скажи, Гордей, а почему таверна зовется «Облачный край»? Что, дожди у вас часты?

Гордей пожал плечами:

— Не знаю... Как везде. Ее назвали так давным-давно, и никто не менял вывеску бог знает с каких времен. Да и зачем? Все привыкли...

Внутри собралось больше народу, чем вчера; свободных мест за столами почти не было. В углу гуляли моряки, видимо, в порт зашел какой-нибудь купец. В центре собралась большая компания горожан, праздновали удачную сделку с соседями. Солдаты большей частью расположились у камина. Гордей без колебаний повернул туда.

Максарь смерил Клима быстрым взглядом и уткнулся в тарелку.

Вчерашняя зеленоглазая девушка вмиг принесла им ужин. Гордею и Климу она улыбнулась; впрочем, она улыбалась всем, но Климу показалось, будто ему она улыбнулась иначе, чем остальным. Клим провел ее глазами до самой стойки.

— Что, приглянулась? — насмешливо хмыкнул Гордей.

Клим вздохнул:

— Красивая... Как ее зовут-то?

— Райана... Райана Хлус.

— Дочь хозяина?

— Племянница.

— Странное имя. Не наше

— А ее отец — тэл. Откуда-то из-за Кит-Карнала. И брат Райаны с виду — тэл тэлом: высокий, светлокожий, волосы — чернее смолы, бороды же нет вовсе. А девка больше на мать похожа, хотя и тэльское в ней что-то есть...

Клим вновь поглядел на Райану — она хлопотала у стойки. Словно почувствовав его взгляд, девушка обернулась.

Они долго глядели друг другу в глаза; Клим отрешился от всего остального — от сдержанного шума в таверне, от едва слышного боя часов; остались только они, Клим и Райана, и еще связавший их взгляд.

— Эй, ты чего? — Гордей хлопнул Клима по плечу. — Заснул?

Клим очнулся. Сколько он сидел, уронив голову на дубовую столешницу? Последнее, что сохранилось в памяти, это зеленые глаза, медленно приближающиеся к его лицу. В огромных зрачках отражалось пламя факелов и он, Клим Терех.

Ничего не понимая, он потряс головой. Сознание было свежим, как после долгого здорового сна.

Клим окинул взглядом зал, высматривая Райану. Как ни в чем не бывало, она убирала посуду с опустевшего стола. Через минуту, пересекая зал, взгляд ее вновь встретился со взглядом Клима; теперь девушка улыбнулась.

Клим чувствовал: за этой улыбкой что-то кроется.

Таверна была уже почти пуста.

— Я долго спал? — смущенно спросил Терех.

— Спроси у Велеса, — буркнул Гордей.

Клим непонимающе захлопал глазами:

— Что-что?

Сначала Гордей озадаченно глядел на Клима, потом хлопнул себя по лбу:

— Это местная присказка. Есть одно местечко — у Камня Велеса. Там якобы можно задать богам вопрос и получить ответ. Или просьбу высказать — говорят, выполняют, если заплатишь.

Терех поморщился:

— Так сколько я спал-то?

Гордей развел руками:

— Откуда мне знать? Весь вечер просидел, уставившись на дно кружки, потом меня Влад вызвал, возвращаюсь — ты спишь. Хорошо еще, что не мордой в блюде...

Клим усмехнулся:

— Я не пьян, Гордей. Совершенно не пьян.

— Да вот и я удивляюсь... Кружек шесть пива выцедил. По глоточку, как заморщина.

— Шесть? — Клим недоверчиво прислушался к себе. Такое впечатление, что он вообще сегодня за пиво не брался.

Он встал. Тело слушалось беспрекословно.

Гордей вопросительно глядел на него.

— Ну-ка, подойди, — попросил он.

Клим четким шагом приблизился.

— Глазам своим не верю, — покачал головой сотник. — Ну и здоров ты пить, парень... Ладно, пошли в казарму. Завтра в патруль.

Утром все повторилось — звук трубы, построение; но сегодня десятник и с ним несколько солдат отправлялись с дозором по окрестностям Зельги. Оказалось, что Климу уже справили латы, на удивление легкие. Вообще-то он не привык к железу на теле, полагаясь больше на меч, однако приходилось привыкать. Гордей помог ему приладить нагрудник и остальное; пику Климу вручил бородач, которого вчера Влад отослал к штрафникам.

Стражники у ворот проводили патруль дружным кличем.

Клим трясся в седле, стараясь держаться так же естественно, как прочие. Верхом ему не часто доводилось ездить, хотя совсем уж профаном он не был. Гордей замыкал группу, вел же ее десятник по имени Агей.

Вскоре добрались до леса. Здесь Агей стал забирать вправо, к востоку. Клим уже знал, что им предстоит пересечь узкую полосу леса, берегом залива Бост добраться до устья Маратона, затем повернуть на запад, достичь реки Чепыги и, идя вдоль берега, вернуться в Зельгу.

На опушке Клим обернулся и взглянул на башни.

«А что? — подумал Клим. — Неплохой город. Кажется, мне здесь понравится...»

Лес был зелен, как глаза Райаны.

Патруль оказался вполне скучным делом. Тряска в седле, царапающие лицо ветви на узких тропинках, потом долгий путь под солнцем. Правда, с высокого берега открывался впечатляющий вид на залив; вдалеке виднелись туманные берега острова Ноа. Но Клим знал, что этот вид скоро ему наскучит. Сырые и топкие подходы к Чепыге, рай для комарья и лягушек, тоже не могли особо порадовать. Под вечер они вышли к Зельге с запада.

На западе тоже были ворота. Ведущая к ним дорога справа круто обрывалась к устью сливающихся рек — Чепыги и Санориса. Стража встретила патруль бодрым постукиванием железа о железо: кто барабанил рукояткой кинжала по нагруднику, кто по снятому шлему. К казарме тоже вышли с другой стороны, и некоторое время пришлось ехать вдоль забора; ватага ребятишек, галдя, сопровождала их до самых ворот.

Избавившись от доспехов, Клим поискал Гордея: тот переминался рядом с десятником, что докладывался Владу. Видимо, воевода спросил и о Терехе, потому что Гордей ответил, обернулся, отыскал взглядом новичка и вскинул кулак с отогнутым большим пальцем.

Клим сдержанно кивнул и решил подождать Гордея, чтобы вместе отправиться в таверну. Но неожиданно воевода и десятник подошли к нему.

— Как первый выход? — спросил Влад.

— Нормально, — пожал плечами Клим.

Влад пошевелил бровями.

— Не ошибусь ли я, если скажу, что всадник ты похуже, чем мечник?

Клим развел руками:

— Там, где я учился фехтовать, лошадей мало...

— Понятно. Впрочем, есть у нас дела и для ходоков — ты ведь ходок, не так ли?

— Так. Был ходоком в Тенноне и Сагоре.

— Чего ж сразу не сказал?

— А меня и не спрашивали...

— Врешь, спрашивали. Что умеешь, спрашивали. Ты сказал — мечник.

Клим напрягся и вспомнил — действительно, он представился как мечник.

— Мечник я во-первых. А потом уж ходок. Да и стоило ли мечника вооружать пикой и садить на коня? Сказал бы — ходок, послали бы в арбалетчики...

Глаза десятника поползли на лоб от подобной дерзости: мальчишка, без году неделя в гарнизоне, а как с воеводой разговаривает!

Неожиданно Влад захохотал:

— Смел! Ценю! Только не перегибай — я человек крутой, чуть что — в штрафники!

Клим не ответил. Он-то понял, что Влад проверял его: если чей-либо шпион, проведя день в городе и гарнизоне, он обязательно попытался бы улизнуть из патруля. Поэтому и решился на рискованное высказывание.

— Ладно. Есть поручение, но о нем поговорим после — в таверне. Гордей, сегодня вы ужинаете за моим столом.

— Понял, — кивнул Гордей.

Воевода отослал десятника, круто развернулся и широким шагом направился к воротам.

Клим проводил его взглядом. Поручение... Небось очередная проверка.

— Пошли, — хлопнул его по плечу Гордей, — квасу с дорожки хряпнем.

Квасом поили у казармы. Несколько солдат с кружками в руках внимали штрафному бородачу, плетущему какую-то замысловатую байку. Когда Гордей и Клим утолили жажду и взяли курс на таверну, из-за забора донесся дружный зычный хохот.

Войдя в «Облачный край», Клим украдкой глянул в сторону стойки — не там ли Райана? Она была там — протирала вымытые кружки. Словно почувствовав его, девушка вскинула голову.

Несколько неожиданно для себя Клим направился к ней. Почему-то казалось, что все без исключения в зале смотрят на него.

Он приблизился и положил локти на стойку.

— Здравствуй, Райана. Меня зовут Клим.

— А я знаю. Клим Терех из Сагора.

— Что ты вчера со мной сделала?

Райана загадочно улыбнулась; губы ее едва двинулись:

— Спроси у Велеса...

— Эй, Терех! — Это Гордей звал, уже сидя за столом воеводы. Влад, сотник Хлум и два десятника ужинали тут же. — Давай сюда!

Клим кивнул, на секунду повернулся к девушке-полутэлле и сказал:

— Ты мне нравишься.

И не дожидаясь ответа, ушел к покрытому алой скатертью столу.

Ему показалось, что Райана вздохнула.

В тот вечер Клим больше ее не видел.

За ужином Терех не без удивления отметил, что воеводе и мэру — тому самому благообразному господину, что сидел здесь в первый вечер, — подают те же блюда, что и простым солдатам. Он ожидал каких-нибудь изысков, однако отличий нашлось лишь два: скатерть и серебряная посуда. К этому Клим не привык: везде, где ему довелось побывать раньше, те, кто стоял повыше, и получали от жизни больше. Это приятно поражало, но понять подобную странность пока не удавалось.

За едой о делах не говорили.

Покончив с ужином, воевода отпил туранского вина и обратился к мэру:

— Ну что, Пирс? Начнем, пожалуй.

Мэр несколько раз кивнул.

— Я получил послание от мэра Эксмута. У них какие-то странности происходят, но не в этом дело. Нужно доставить ему ответ, однако... будет несколько необычных условий. Например, пока не будет вручено это послание, все трое гонцов не могут применять оружие, даже для самообороны.

Клим поднял брови. Почему, траги навечно?

— Во-вторых, ни в коем случае нельзя идти по дорогам, тропинкам, вообще по хоженому. И в Эксмут придется проникнуть не в ворота, а тайком, через стену. В-третьих, идти придется только ночами, днем же ни одна живая душа не должна заподозрить о вашем, — мэр поглядел на Клима и Гордея, — существовании.

И наконец, самое важное. Если на вас нападут, вы должны будете убить себя.

Клим почувствовал, как по спине прогулялся холодок. Вот так дела! Ничего себе заданьице!

Но непонятно другое. Дело явно важное — почему выбор пал на Тереха? Его же здесь никто не знает. Гордей, понятно, свою преданность не раз доказал. Но Клим?

— Если же кто-нибудь из троих откажется умереть, остальные сначала должны убить его, — добавил мэр, пристально глядя в глаза Климу. Взгляд этого розовощекого господина был тяжек, как базальт.

Он явно намекал, что Клим может сломаться.

И еще он сказал — «из троих». Терех, Гордей, а кто же третий?

— Если вы не уверены во мне, — сказал Клим как можно ровнее и спокойнее, — пошлите кого-нибудь другого. Да и вообще, я ведь только появился в Зельге. Не подумайте, что я трушу, просто даже самому последнему тугодуму понятно, что новичкам такие задания не доверяют.

Мэр пожевал губу.

— Мы должны послать именно тебя. По ряду причин. Хотя бы потому, что в послании говорится и о тебе тоже. А главное — там говорится, что ты непременно должен стать одним из троих. Это неубедительно, но подробнее я рассказывать не могу, не хочу и не буду.

— Ладно. — Клим нарочито небрежно пожал плечами. — Я согласен. И клянусь чем угодно, что выполню все приказы.

— Хорошо сказано, — отметил Влад. — Я верил в тебя, парень.

— Итак, — продолжил мэр, — напоминаю.

Первое. Никакого оружия.

Второе. Никаких дорог.

Третье. Идти только ночью, днем крыться так, чтоб пустельга не разглядела.

Четвертое. Если встретится хоть один человек — умереть.

Пятое. В город — ночью, через стену. Дом мэра знает Гордей. Передать ему слова, по очереди, и все. С той минуты вы вновь свободны от всех запретов.

Вопросы есть?

Клим переглянулся с Гордеем. Непонятного становилось все больше.

— Если никакого оружия, как умереть? — поинтересовался Клим.

Мэр кивнул и поставил на стол небольшую шкатулку. Крышка откинулась с легким скрипом.

На черном бархате лежали три короткие серебристые иглы.

— К завтрашнему вечеру вам вошьют их в воротники курток. Нужно просто уколоть себя в горло. А впрочем, куда угодно, но в горло удобнее.

— Яд? — догадался Клим.

— Да. И очень сильный.

— Понятно. А слово? Что передавать-то? Надо же выучить.

— Ты уже знаешь слово. Ну-ка, повтори: рэО тэкА...

Он пристально взглянул на Клима, и тот, разбуженный первой фразой, вдруг осознал, что знает целый кусок какого-то текста. Смысла его Терех не понимал, но мог повторить сколько угодно раз, с любого места, хоть задом наперед. И он начал, шевеля губами:

— рэО тэкА нвЭ рэО крАт'И фОр хЭл щЕрд. оЭлдэ Оми...

Около минуты звучал странный язык. Клим ни разу не запнулся, до самой последней фразы:

— ...зЭнэн эскА.

Он открыл глаза. Предполагать, откуда ему известна подобная тарабарщина, Клим даже и не пытался.

— Прекрасно. Теперь ты, Гордей.

Гордей почему-то тоже закрыл глаза. Видимо, так было легче сосредоточиться.

— вэтЭ фОр дэЕ рэО эспЭ...

Он тоже ни разу не запнулся.

— Вот и все. Больше вам знать ничего и не надо. Оружие оставите в казарме. Советую вам до утра посидеть в таверне, попить пивко, днем отоспаться, а завтра перед полуночью выступить.

И мэр крикнул:

— Хозяин, пива!

Влад и десятники встали, явно собираясь уходить.

— Постойте, — встрепенулся Клим. Все взглянули на него. — Кто третий-то?

Мэр посмотрел на воеводу.

— Максарь, — сказал Влад. — А что?

Клим на секунду смешался:

— Да ничего... Надо же знать...

Когда все ушли, Гордей шумно вздохнул:

— Однако! Ты что-нибудь понимаешь?

Клим развел руками:

— Просто карусель! Два дня как пришел...

Они помолчали. Сам хозяин Хлус принес им небольшой бочонок пива, нацедил по кружке, поставил на стол блюдо с солеными орешками и, не сказав ни слова, удалился.

— Почему Максарь, интересно? — гадал Клим, не надеясь на ответ.

Но Гордей, как выяснилось, знал почему.

— Если ты откажешься кольнуться той дрянью, он убьет тебя голыми руками.

Клим пробормотал:

— Очень смешно... Слушай, а вдруг мы какого-нибудь психа встретим? По чистой случайности — не того, из-за которого должны полечь, а просто полуночного путника?

Гордей пожал плечами:

— Наверное, заранее известно, что никого мы встретить не сможем. До самого Эксмута.

Терех отхлебнул пива.

— Это далеко, кстати? Я там никогда не бывал.

Гордей тоже отхлебнул и захрустел орешком.

— Да не очень... Дня за три-четыре успеем. Вернее, ночи три-четыре. Хотя ночью идти труднее — может, и за пять.

Мысли роились в голове, но обсуждать их охота отпала.

— Откуда ты родом? — спросил Клим напарника.

Гордей хмыкнул:

— А я только хотел попросить тебя рассказать о себе...

Они хохотнули, чокнулись кружками и налегли на пиво. Впереди была ночь, долгий разговор и — Клим вдруг ясно почувствовал — время, когда будешь иметь право на слова: «У меня есть друг».

Утром со слипающимися глазами, слегка пошатываясь, они дотащились до казармы и свалились на койки. В дальнем углу спал еще кто-то. Должно быть, Максарь.

Проснулся Клим под вечер. Выбрел во двор — солнце садилось, все уже подались в таверну, только караульные топтались у ворот. Гордей сидел на пороге и тянул квас из ковша.

— Желаешь?

— А то!

Пить и правда хотелось.

Когда начало темнеть, на порог вышел, потягиваясь, Максарь. Ни на кого не взглянув, он подошел к посту и о чем-то переговорил с часовыми; потом исчез за воротами.

Скоро появился Влад с десятниками.

Играя желваками на скулах, воевода приблизился. Агей бросил на крыльцо дорожный мешок, двое других десятников — еще по одному. Щуплый человечек, похожий на двуногую крысу, опустил на крыльцо три куртки.

— Оружие, — потребовал Влад.

Гордей и Клим отдали свои мечи, расстались с кинжалами и остались с пустыми руками. Клим не знал, как себя чувствует напарник, но сам ощущал себя чуть ли не голым. И это несмотря на то, что и без оружия Терех кое-что умел (спасибо Сагору!), да и любая палка или бечевка в ловких руках становилась страшнее меча в руках профана.

Максарь вернулся спустя минуту.

— Все помните? — сухо спросил воевода.

— Все.

— И клятву?

— И клятву.

— Иглы в правом отвороте воротника. Усекли?

— Усекли.

— Тогда — в путь. И да пребудет с вами удача.

Трое подобрали мешки со снедью и просторными дорожными плащами, кожаные фляги с водой и сошли с крыльца.

Еще четыре дня назад Клим и представить не мог, что окажется в таком переплете.

«А вдруг встретим кого? Вот так глупо умирать?»

Зельга еще не стала для него настолько родной, чтобы сложить голову не в бою, а вот так, непонятно из-за чего. В бою — тут все ясно: вот ты, вот враг, взялся защищать город — защищай, сплоховал — сам виноват. Знал, на что соглашался.

Но вот так... Клим не знал, как поступит, если они кого-нибудь встретят. Не знал, хотя и поклялся Владу и мэру Зельги. Он просто надеялся на лучшее, ибо больше надеяться было не на что.

Они вышли за городские ворота, и одновременно тьма сомкнулась над городом.

Максарь шагал впереди, свернув с дороги в первую же минуту. Клим с Гордеем следовали за ним. Некоторое время слышался только легкий звук шагов Максаря. Гордей недовольно морщился, но этого никто, естественно, не видел. Слабый свет узкого рожка, в который превратилась полная луна, едва обозначал землю под ногами; позади смутно чернели сторожевые башни Зельги. В караулке одной из них горела лучина, и этот огонек был единственным в округе. В городе царила народившаяся ночь, а огней таверны с этого места не рассмотрел бы и филин, ибо даже он не способен видеть сквозь стены. В порту звякнул колокол — на купеческом корабле отбили склянку, и сразу вслед за тем загудели металлом часы на башне мэрии, отмечая полчаса до полуночи.

— Эй, Максарь, ты дорогу знаешь? — проворчал Гордей вопросительно.

Максарь неохотно отозвался:

— Сказано же: никаких дорог.

— Вот попутничка же навязали, — вздохнул Гордей. — Ну хорошо, ты дорогу не по дороге знаешь?

— Знаю. — Максарь говорил равнодушно, словно у него спрашивали, бывал ли он на Луне, и он отвечал, что нет.

— Вот и веди, — заключил Гордей. — А мы за тобой.

Шагов через полста Максарь вновь подал голос:

— Эй, Клим! Райана желала тебе удачи.

Терех чуть не споткнулся.

— С-спасибо. А к чему это?

— Так, ни к чему. Понравился ты ей. Первый, кто ей действительно понравился.

— Ты-то откуда знаешь? — недоуменно спросил Клим.

«Дорогу я ему перешел, что ли? Так ведь и не было ничего. Хотел бы я видеть, как за два дня у парня девку сведут...»

Гордей пихнул его в бок:

— Дак Максарь ее брат! Родной.

Клим чуть не поперхнулся. Но, с другой стороны, испытал и облегчение.

«Хоть сразу не убьет», — мысленно ухмыльнулся он.

Теперь он понял, кого напоминал ему белолицый Максарь: тэла. Чистокровного тэла, хотя на самом деле он был лишь полукровкой.

Они погружались в ночь, зная, что эта ночь может оказаться последней в их жизни.

В первый переход одолели треть расстояния между Санорисом и Кутой; во второй — переправились через Куту на полузатопленном плоту; в третий — миновали озеро Майт и лишь немного не дошли до Эксмута. За это время им не встретился ни один человек, только во вторую ночь долго трусила следом бродячая собака, отстав лишь на переправе через Куту. Скоротав день в перелеске, троица из Зельги дождалась полуночи и направилась к недалекому городу, стоящему на реке Питрус.

Стены его походили на стены Зельги — такие же высокие, хранящие следы былых штурмов, морщинистые от времени, кое-где серебрящиеся лишайником. Через равные промежутки возвышались дозорные башни с узкими бойницами под крышами; на углах башни были повыше и посолиднее, чем просто в разрывах стен. Клим молча следовал за Максарем и Гордеем. Через стену перемахнуть решили поближе к дому мэра, а тот жил в южном пределе, у самого порта. Они обогнули город с запада, потому что северо-восточная часть Эксмута — это порт, и она охранялась даже ночью.

Наконец Гордей остановился и схватил Максаря за руку.

— Здесь! — прошептал он, показывая на стену.

Клим взглянул — почти на самом верху в свете серпика луны смутно угадывалась неровная выбоина.

— Достанем, пожалуй, — оценил Максарь и прислушался: из-за стены не доносилось ни звука.

— Должны, — подтвердил Гордей и обратился к Климу: — Становись сюда. Да упрись в камень покрепче.

Терех стал подле стены, вжавшись в седой лишайник. Гордей ловко взобрался ему на плечи. Максарь, пользуясь живой лестницей, влез на плечи Гордею и дотянулся руками до выбоины.

— Держусь, — сказал он, как следует вцепившись в край.

Гордей повис у него на ногах; Клим уже все понял и, когда Гордей выдохнул: «Давай!» — полез наверх, по Гордею, по Максарю, и скоро оказался на гребне стены. Уцепившись левой рукой за кромку, правую протянул Максарю. Максарь уцепился покрепче — выдерживать вес двоих на кончиках пальцев было не так-то просто. Мгновение — и Гордей очутился рядом с Климом. Вдвоем они подтянули Максаря. Тот тяжело дышал.

— Сейчас, — прошептал он. — Сейчас.

Через минуту он пришел в себя.

Внизу было тихо и темно, как в трюме парусника. Бесшумно спустившись, троица впиталась в лабиринт окраинных улиц.

Дом мэра стоял совсем недалеко от стены, кварталах в двух. В окнах его царила тьма, но этого они и ждали. Условный стук в створку ворот, и сразу же распахнулась калитка. Безмолвный, закутанный в черное привратник впустил их во двор, запер калитку на внушительный засов и повел к задней двери.

Клим чувствовал, что напряжение последних дней достигает пика. Постоянная готовность к смерти измотала его, в голове словно в колокол били — беспрерывно, час за часом. Хотелось побыстрее разделаться с этим странным поручением, упасть и заснуть, и проспать весь день, нет — два дня, а потом сладко потянуться и просто выйти во двор, спокойно поглядеть на людей и не шарахаться боле от каждой тени.

В полутемном зале с завешанными тяжелым бархатом окнами их встретили двое — средних лет плотный мужчина, одетый точно так же, как Пирс, мэр Зельги; и запахнутый в дорожный плащ старик с длинной седой бородой, разделенной на два пучка.

Максарь и Гордей поклонились, Клим, чуть замешкавшись, тоже.

— Рад видеть вас, — сказал мэр напряженно, — это значит, что вы никого не встретили в пути. Ведь так?

— Так, — сказал Максарь без излишней болтовни.

— Тогда начинайте. Вы должны помнить все наизусть.

И Максарь начал:

— фОр мУУт эрщА трО тэцЭ...

Старик в плаще внимательно слушал, шевеля бровями. Иногда шевелились и его губы, словно он повторял сказанное. Мэр просто стоял, устало прикрыв глаза, он явно ни слова не понимал, но был рад, что все подходит к концу. Почему-то Климу казалось, что эта затея стоила многим больших нервов.

Когда Максарь закончил, настал черед Гордея:

— вэтЭ фОр дэЕ рэО Эспе...

Потом говорил Клим, старательно выговаривая непривычные слова, вызывая их из памяти без малейшего усилия. Речь его не мешала мыслям, все время, пока звучал чужой язык, Клим думал о своем, например, кто ухитрился втиснуть в его память это послание? Не Райана же?

Стоп!

Терех даже запнулся. Старик тут же вскинул брови, но Клим сразу собрался, отбросил мысли на некоторое время и продолжил с того же места:

— Ом, псЕ вэтЭ Эспэ фОр дэзнА, дэЕ Ас йЭр...

И так до последней фразы:

— зЭнэн эскА.

Повисло молчание, и Клим вернулся к своему воспоминанию. Когда он забылся в таверне, после того как взглянул в глаза Райане. Не тогда ли в него поместили это странное знание? Очень может быть...

— Спасибо, — скрипуче произнес старик. — Хоть все произошедшее и кажется вам странным, знайте: вы сослужили неоценимую службу Шандалару. Полагаю, вы устали; о вас позаботятся люди мэра. Можете идти и отдыхать. Вы свободны от всех клятв, что связывали вас последние дни. Нил!

Последнее слово старик произнес по-тэльски. Значило оно: «Спасибо, вы сделали все, что могли».

Максарь, Гордей и Клим повернулись, чтобы уйти; они почти уже вышли за дверь, когда старик позвал:

— Эй, юноша! Останься на минутку.

Он глядел на Клима.

— А вы идите, идите, — махнул он рукой остальным.

Мэр удивленно воззрился на старика:

— В чем дело, Дервиш?

Старик не обратил на него внимания. Он смотрел на Клима. Странно смотрел: с печалью и интересом. Долго — около минуты. Потом вздохнул:

— Хэ-ххх... Запомни на всякий случай: скоро ты окажешься перед выбором. Знай, что ты способен заплатить ту цену, которую у тебя испросят.

Клим хлопал глазами, ровным счетом ничего не понимая. Какую цену? Кто испросит? За что?

— Запомнил? Повтори!

— Я способен заплатить испрашиваемую цену. А за что? — не удержался Клим.

— Не забывай меня. Иди, — отмахнулся Дервиш и повернулся к мэру, словно Клим из зала давно уже вышел.

Ничего не оставалось, кроме как отправиться к двери.

Гордей долго пытал Тереха, зачем его оставил загадочный старик, но объяснить этого Клим так и не сумел.

Отоспавшись, они вернулись в Зельгу на подвернувшейся шхуне торговца из Турана. Все быстро закончилось, и Клим с трудом верил в произошедшее — словно кто-то нагнал на него морок. В памяти почти ничего не отложилось, кроме слов старика Дервиша. Немного удивляла странная отчужденность Максаря — казалось, что он не впервые выполняет подобные задания. На вопрос Клима Гордей ответил, что никогда раньше ни о чем подобном не слышал и никогда не участвовал в похожих делах. Насчет Максаря Гордей не знал — тот слыл натурой скрытной и необщительной.

Спустя несколько дней Клима перевели в личную гвардию Влада — три десятка отборных бойцов. Начались изнурительные тренировки — Клим вдруг понял, что до сих пор умел не так уж много. Не было ему равных разве что в работе с мечом. Но искусство воина заключалось не только в этом. Впрочем, он схватывал все на лету, природная смекалка, сила и прежний опыт помогали постичь многие секреты. Как-то незаметно все перевернулось, теперь он обращался за советом все реже, а его чаще просили научить какому-нибудь трюку.

Постепенно он освоился в Зельге, его признали жители — и солдаты, и горожане. Пару раз случались стычки с прибреж-

никами, заходившими в залив на многовесельных ладьях. Клим показал себя в бою с самой лучшей стороны, его зауважали. Вечерами в таверне все чаще слышался его голос: Клима приглашали к своему столу, просили рассказать о краях, где довелось побывать.

Еще он заметил, что посетители таверны в его присутствии перестали позволять себе сальные шуточки в сторону Райаны, хотя прежде Клим слышал их немало. Когда выдавался свободный вечер, он часто уводил девушку в порт, к морю, и они подолгу бродили у прибоя, ни о чем толком не говоря. Раньше трактирщик отпускал Райану неохотно, теперь же иногда сам отправлял ее к Тереху, особенно после того, как его сделали десятником.

Остальные офицеры Зельги — почти все — были женаты и жили в городе, а не в казарме; такую же судьбу прочили и Климу, но тот не спешил. Отчасти оттого, что еще не вжился окончательно в Зельгу, хотя мысль остаться здесь навсегда посещала его все чаще; отчасти оттого, что не понимал, что же его на самом деле связывает с Райаной. Им нравилось бывать вместе, но иногда Клим напоминал себе: ведь он почти ничего о зеленоглазой полутэлле не знает.

Близилась зима, купцы-корабелы заходили в Зельгу все реже, предпочитая торговать у южных берегов моря — в Турране; набеги прибрежников прекратились, патрули далеко от города не отходили; жизнь, еще недавно бившая ключом, поутихла. Долгие вечера горожане проводили в тавернах и кабачках; в «Облачном крае» собирался весь цвет Зельги, здесь всегда было не протолкнуться. Как-то раз в середине зимы Парфен Хлус отозвал Клима в сторону и открыто предложил ему комнату на втором этаже. Ему и Райане. Клим подумал и согласился, если Райана не возражает.

Райана не возражала.

С тех пор он стал реже бывать в казарме, реже видеть Гордея, с которым успел крепко сдружиться, зато заметил молчаливое одобрение в глазах воеводы и мэра. Теперь Клим часто сиживал за одним столом с ними, бывало, его даже просили высказаться по какому-нибудь вопросу и к мнению прислушивались.

Клим и верил, и не верил: всего год назад мальчишка без медальона, наемник, шалтай-болтай, сегодня вдруг вознесся к самой вершине. Странно было видеть бывалых солдат, вдвое старше его по возрасту, которые просили: «Рассуди!»

Но если случилось так, значит, он того достоин.

Иногда он вспоминал слова Дервиша, услышанные в Эксмуте, но чем дальше, тем реже. Как заволакивает неясным туманом ночной сон, так и летние странности погружались в небытие.

Неожиданно Клим понял: прежняя жизнь кончилась. Началась иная. Теперь у него был дом, было дело, была Райана, был друг. И новые мысли.

За окнами сыпал снег, заметая память о бродяге-мальчишке, но в кого превратится он, когда снег растает?

2

— Клим, вставай!

Сон медленно отступал, но вставать отчаянно не хотелось. Он перевернулся на другой бок и засопел.

— Вставай-вставай, время уже! Рассвет скоро!

Райана тормошила Тереха, не обращая внимания на вялое сопротивление.

Через минуту Клим тяжко вздохнул и сел. Встряхнул головой.

Раньше он вскакивал от малейшего шороха, теперь же мог валяться в постели до полудня. Правда — только дома, в комнате на втором этаже таверны «Облачный край». В любом другом месте он оставался прежним — чутким, выносливым и терпеливым. Но здесь — здесь можно было расслабиться, а единожды расслабившись, привыкаешь.

Клим встал и оделся. Чмокнул Райану в щеку, нацепил меч и спустился в зал. Поваренок Трига поднес ему квасу.

Сур и Агей, тоже десятники, ждали за ближним к выходу столом. Зевая на ходу, Клим приблизился и сел. Спустя минуту подошел четвертый из офицеров, живущий в комнатах таверны, — Франциск, мастер оружейников.

Негромко переговариваясь, они направились в сторону казарм.

День казался вполне обычным: Сур уехал в дозор, Агея отправили провести купцов до переправы через Маратон, Франциск с самого начала ушел в кузницу, даже на разводе не появился, Клим с Максарем натаскивали новичков в лагере у стен Зельги. Воевода Влад подался к мэру на встречу с посланниками Гурды. Ничто не предвещало новостей, вот уже который день.

Гонец на взмыленном коне вырвался из леса на простор пригородных полей и во весь опор поскакал к Зельге. Часовой на башне тотчас протрубил «Внимание!»; в лагере насторожились.

Клим, приставив к глазам ладонь, глядел на приближающегося всадника.

— Кто-то из Агеева десятка... — сказал Максарь и сплюнул в пыль. — Не нравится мне это...

Клим покосился на шурина — с ним до сих пор общего языка найти не удалось. Хоть и служили оба в гвардии Влада, хоть виделись каждый день... Ссору при первой встрече никто не вспоминал, но и тепла в отношениях вовсе не прибавилось.

Всадник добрался до первых палаток, ссыпался с коня и, поправляя куртку, протянул Максарю свиток бумаги.

— Мэру! Срочно!

Полутэл командовал первым десятком гвардии и формально был старшим.

Не говоря ни слова, Максарь отвязал свежего коня и вихрем унесся за ворота Зельги.

— Откуда вести-то? — мрачно спросил Клим.

Гонец, утираясь рукавом, ответил:

— Из Тороши...

Спустя час Клим услышал слово «мор»...

Всех лекарей срочно созвали в мэрию. Клим остался в лагере наедине с безрадостными мыслями: однажды он пережил чуму и вспоминал пережитое с содроганием.

«Уж лучше бы прибрежников орда, ей-богу», — подумал он вяло.

Он знал, что произойдет дальше: несколько дней изнурительного ожидания, когда нервы натягиваются как шкоты в шторм, потом первый заболевший, а потом первая смерть.

Первый человек в Зельге заболел через неделю. Ребенок. Сгорел за четыре дня; к этому моменту больных было уже больше сотни. Город словно вымер. Люди сидели по домам, не решаясь выйти на улицу. Только страх бродил по улицам в обнимку со смертью.

Кто вспомнил старое поверье — Клим не знал. Будто бы город может спасти пришелец, явившийся не больше года назад. Люди почему-то верили этой небылице, и обитатели таверны все чаще смотрели на Клима недружелюбно, словно он действительно мог их спасти, но не делал этого. Терех считал подобные россказни чушью и вздором, больше надеясь, что лекари найдут лекарство.

Но однажды утром стало известно, что лекари мертвы.

В «Облачном крае» больных пока не было; пища и вода хранились в глубоком холодном подвале, наверное, это и спасало первое время. По улицам Зельги шатались призраки: те, кого поразил мор, и кому стало все равно. Дважды таверну поджигали, но совместными усилиями огонь удавалось погасить.

Клим перестал выходить из комнаты, чтобы не видеть ненавидящих взглядов. Райана рассказала ему поподробнее о Камне Велеса — что находится тот в трех днях пути от Зельги, что богам можно задать только один вопрос или высказать одну просьбу; какова плата за это — никто не знал. Клим отмахнулся — какие боги? Люди умирают, а тут боги...

В таверне первой заболела Райана — ночью у нее начался жар, а наутро она не смогла встать с постели.

И тогда Клим влез в дорожную куртку, валяющуюся в углу восьмую неделю, прикрепил к поясу меч, взял в подвале несколько полос вяленого мяса и направился к выходу под молчаливыми взглядами обитателей «Облачного края». Дверь со скрипом отворилась, и Зельга погрузилась в тревожное ожидание.

Клим знал, что у него есть четыре дня.

3

Лишь далеко в лесу Клим заметил, что наступило лето.

«Просидели весь май и пол-июня взаперти, словно крысы», — с неожиданной злостью подумал он.

Камень Велеса, как сказал Максарь вчера, искать следовало на южном берегу Скуомиша. Единственным человеком, которого Клим встретил в городе, был шурин. Скривив губы, не то презрительно, не то от боли, он подробно описал дорогу и ушел, не оборачиваясь. Клим буркнул ему в спину: «Спасибо», и вышел за ворота.

Наверное, Максарь тоже болен, раз осмелился выйти на улицу. А может, и нет. Пойми его...

Здесь, в лесу, мор казался чем-то нереальным. Лес о море ничего не знал — и это казалось неправильным. Клим то шел, то трусил, пока хватало дыхания, сцепив зубы и вспоминая беспомощные глаза Райаны, зеленые, как листва.

Обретенный дом обманул его. Если он не сумеет помочь, в Зельге не останется никого. Кто знает, сможет ли он тогда жить? И зарастет ли когда-нибудь эта рана?

Клим шел даже ночью, памятуя о странном походе в Эксмут, и надеялся, что старик Дервиш сказал тогда правду: он способен заплатить богам, и надеялся, что боги его услышат.

Камень Велеса, темную бесформенную глыбу, Клим увидел наутро третьего дня. По Скуомишу гуляли волны; стлался зыбкий туман, скрывая от взгляда острова.

Ноги ныли и гудели, но Клим упрямо шел к камню, хрустя валежником. Вскоре стало видно, что у самого камня курится дымком небольшой костер; согбенная фигура в длинном плаще с капюшоном подкармливала его хворостом.

Клим даже не очень удивился, когда увидел торчащую из-под капюшона седую бороду, разделенную на два пучка.

Подойдя вплотную, Терех вдруг задумался: а как, собственно, общаться с этими богами? Орать на весь лес, что ли?

Когда Клим подошел к самому костру, Дервиш медленно стянул с головы капюшон.

— Я знал, что ты придешь...

Не зная, что ответить, Клим опустился у костра. Прямо на землю, влажную и холодную.

— Что я должен делать? — спросил он чуть погодя. Вдруг навалилась безмерная усталость; Терех с трудом ворочал языком.

Дервиш, ломая очередную валежину, ответил:

— Обратиться к богам. Я научу тебя, как учил всех, кто приходил ранее.

Он отправил валежину в костер и встал.

— Помни: ты можешь отказаться. Но тогда она умрет.

— Кто? Райана?

Дервиш не ответил.

В нетронутой плоти Камня на уровне груди было выдолблено небольшое углубление; там стояла деревянная чаша. Дервиш взял ее обеими руками.

— Напои ее кровью, — сказал он. — Своей кровью.

Клим, совершенно ничего не испытывая, вытащил из-за голенища кинжал и полоснул по руке. Парящая струйка ударила в деревянный сосуд.

— Опусти в чашу свой медальон.

Серебристая пластинка погрузилась в вязкую алую кровь.

Сейчас Клим вдруг заметил, что у Дервиша на шее нет пластинки! Но почему-то это его не очень удивило.

— А теперь произнеси свое имя и обратись к небу, возможно, тебя услышат сразу же.

Со стороны, наверное, это выглядело странно: измученный путник с чашей в руке, с шеи свисает серебристая цепочка и тянется к чаше.

— Я Клим Терех, гражданин Шандалара, во имя Велеса и именем его взываю к тебе, небо: услышь и помоги!

«Может, я просто болен и мне это просто чудится?» — подумал Клим совершенно отстраненно. Чувство реальности покинуло его напрочь.

Он повторял призыв еще дважды, постепенно теряя надежду и жалея, что купился на эту дешевую выдумку. И лишился возможности быть с рядом с Райаной в страшный час — может, это облегчило бы ее страдания.

Откуда появилась фигура в белом, Клим не заметил.

— Я слышу тебя, смертный, и знаю, чего ты хочешь. Но и ты знаешь: за все в мире нужно платить. Готов ли ты заплатить богам?

Клим сосредоточился, собирая воедино разбегающиеся мысли.

— Я не знаю, что нужно богам. Да и есть ли у меня что-нибудь ценное для вас?

Голос срывался, Клим то и дело судорожно сглатывал.

— Я могу служить вам, сколько скажете...

— О нет, это нам ни к чему, — ответил Белый, величественно поведя рукой.

«А что у меня есть, кроме жизни?» — зло подумал Терех.

— Ты прав, платой будет твоя жизнь. Но не вся: мы не так алчны, как о том рассказывают легенды. Год твоей жизни — всего год. И болезнь уйдет. Согласен?

У Клима внутри все замерло.

Год? Всего-навсего год жизни? Умереть на год раньше отпущенного срока и купить тем самым жизнь Райане и нескольким сотням горожан?

— Я согласен!!!

— Да будет так! — сказал Белый. — Все, кто еще жив в Зельге, не умрут от мора. Плату мы возьмем завтра в полдень. Можешь идти, смертный, и ни о чем не жалей...

— Эй! — выпалил Клим. — Скажи, Райана еще жива?

Руки с чашей задрожали сильнее.

— Узнаешь. — Белый рассмеялся и исчез.

Совершенно ошеломленный, Клим некоторое время стоял неподвижно перед Камнем Велеса, потом медленно опустил чашу. Алые капли стекли с медальона на куртку.

— Завтра в полдень... Завтра они приблизят мою смерть на год...

«Если Райана умерла...»

Додумать Клим не посмел.

Он поискал Дервиша — тот стоял у костра, протянув к огню костлявые руки.

Клим бережно поставил чашу в прежнюю выемку, прямо с оставшейся кровью, и приблизился к старику.

— Дервиш, а почему у тебя нет медальона? — зачем-то спросил Терех, словно более важных вопросов не существовало.

Старик шелохнулся.

— Потому что я не человек.

Клим вздрогнул.

— Бог?

Дервиш вдруг скрипуче захохотал и так же внезапно умолк.

— Нет, я не бог.

— А кто же тогда? — недоуменно спросил Клим.

— Узнаешь, — пообещал Дервиш загадочно.

«Узнаешь, узнаешь... — подумал Клим. — Все так говорят. И боги, и люди, и Дервиш, который не бог, но и не человек».

— Может, ты траг?

На этот раз Дервиш фыркнул:

— Еще чего? Сказал же: узнаешь.

— А почему ты в этом уверен?

Старик обернулся к Климу и долго глядел ему в глаза.

— Потому что мы с тобой встретимся еще не однажды. В этом я уверен твердо.

Клима неудержимо клонило в сон, и он опустился на землю прямо у костра.

— Ничего, если я подремлю? — спросил он у Дервиша, едва ворочая языком.

— Спи, — проворчал старик. — Ты свое дело сделал...

Через секунду Терех уже крепко спал.

Дервиш посидел у костра еще с час, потом подобрал котомку с нехитрым скарбом и ушел на юг, к Зельге.

Клим проснулся за полдень. Сладко потянулся, потряс головой.

«Сегодня», — подумал он радостно и взглянул на небо. Солнце уже перевалило через зенит.

— Ого! — воскликнул он. — Проспал! Надо же!

Но зато никто не посмеет упрекнуть его в спешке.

Нарочито неторопливо Клим подтянул поближе мешок, не спеша развязал его и запустил внутрь правую руку. Так же неторопливо нашарил заветный кожаный чехольчик.

Вот он, знак совершеннолетия! Блестящий серебристый медальон на короткой цепочке. На обратной его стороне двад-

цать один год назад выгравировали имя и день появления на свет будущего владельца.

«Все, — подумал Клим, надевая медальон. — Теперь я не просто Климка, подросток без голоса и права на слово. Клим Терех, гражданин Шандалара, именем Велеса и во имя его».

Кровь предков кочевников пела в жилах, и рвалась в дорогу непоседливая душа.

Людей Клим встретил спустя три дня. Двоих парней и зеленоглазую девушку с огненно-рыжими волосами.

— Клим!

Девушка кинулась навстречу и повисла у него на шее.

«Это еще что?» — удивился Терех.

Его крепко хлопнули по плечу.

— Здорово, Клим!

Терех резко оттолкнул девушку; та, не ожидавшая такого, упала в шальную траву. На лице ее застыло недоумение.

— Потише, приятель, — с угрозой сказал Клим хлопнувшему его по плечу худощавому парню. — А то можно и мечом схлопотать...

Тот уставился на Тереха, словно увидел родного дедушку.

— Ты чего? Это же я, Гордей!

— Да хоть туранский султан!

— Клим, ты что, нас не узнаешь? — с дрожью в голосе спросила девушка.

«Психи, — решил Клим. — Надо убираться, пóка ничего худого не случилось...»

— Дай-ка пройти, — попросил он назвавшегося Гордеем.

— Постой, — тот попытался его задержать, и Клим резко ударил локтем.

Гордей согнулся от боли.

Второй, похожий на тэла, белолицый и черноволосый, кривил в усмешке тонкие губы.

— Клим, опомнись! — взмолилась девушка, и что-то в ее голосе не понравилось Тереху.

— Бесполезно, — констатировал белолицый. — Это не он.

— Вот-вот, — подтвердил Клим. — Не я.

Гордей, мучительно хрипя, распрямился.

«Эк я его», — мимоходом подумал Клим.

— Хочешь бить? Бей! Мечом, если хочешь. Но я тебя никуда не пущу! — Гордей говорил с трудом, дыша громко и неровно.

«Так, значит? — сердито подумал Клим и обнажил меч. — Посмотрим...»

Он занес блестящий клинок.

— Кли-им! Что ты делаешь?!

Крик девушки отрезвил его. Рука Тереха опустилась.

«Траги, что творится? — подумал Клим, внезапно устыдившись. — Я чуть не зарубил безоружного...»

Сердито вогнав меч в ножны, он повернулся и скорым шагом направился в лес. Подальше от этой ненормальной троицы.

— Клим, постой! Ты же ничего не знаешь!

Терех ускорил шаг.

— Я иду за ним, — сказала Райана Гордею. — Как хотите...

Гордей последовал за ней.

Клим перешел на бег.

«Что за придурки?» — подумал он, все больше теряясь.

Никто не заметил старика в дорожном плаще, стоявшего в густом орешнике и скептически наблюдавшего за всем, что произошло.

— Как всегда, — проворчал старик. — Никак не могут понять, что нельзя отдать год еще не прожитой жизни...

Клим обернулся: за ним спешила рыжая девушка, чуть дальше трусил Гордей.

И он, подавив неясную мысль, что где-то уже видел эти бездонные зеленые глаза, побежал прочь еще быстрее.

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ ОТРАНА

Пролог

Над Внутренним морем всегда клубился туман: прохладный воздух северных Пустошей сталкивался здесь с льющимися через перевалы теплыми потоками с юга. Туман висел над водой всегда: и зимой, и летом; даже устойчивые западные ветры не в силах были его разогнать.

Торговые корабли неспешно проходили вдоль южного берега, до самых Шхер Шепчущей Горловины. За горловиной бился равнодушный океан. Выйти туда значило миновать все ловушки Шхер. Начиная от коварных отмелей и заканчивая пиратскими лодками.

Раньше пираты хозяйничали тут безраздельно, но несколько лет подряд правители торговой республики Суман вели целенаправленную войну, завершившуюся разгромом двух главных пиратских банд. Захваченные корабли пустили на дно в южном рукаве горловины, пленных продали в рабство — казалось, должно настать полное спокойствие. Впрочем, особой угрозы торговле несколько лет не было: недобитые пираты осмеливались выходить в море только на небольших лодчонках, взять большой вооруженный корабль они и не помышляли.

Капитанам судов оставалось только внимательнее следить за путеводными стрелками.

Из-за тумана строить световые маяки на берегах моря не имело ни малейшего смысла. Корабли то и дело натыкались

во мгле на прибрежные скалы. Запомнить же все проливы и мели человеческий разум был не в состоянии.

Выход нашел геометр и естествоиспытатель Холла, живший в старину: он заметил, что металлические предметы липнут к некоторым камням в горах, а металлические же стрелки, подвешенные на нитях, чуют эти камни издалека и поворачиваются к ним всегда одним и тем же концом.

Мысль Холлы была проста: доставить на берега моря несколько десятков достаточно больших глыб и установить их так, чтобы стрелка, переставая чувствовать пройденную веху, попадала под действие силы следующей. Холла сам вычислил и указал на карте места, где нужно расставить вехи, а также размер глыб.

Дож Сумана, правитель Совета Гильдии торговцев, поверил Холле. Как оказалось, не зря: новая система навигации действовала безошибочно в любую погоду и в любое время года. Темные глыбы-маяки постепенно стали называть «камнями Холлы»; каждый капитан в совершенстве изучил поправки, и теперь ни один корабль не рисковал сунуться к Шепчущей Горловине без путеводной стрелки и опытного капитана. Или лоцмана, если это был чужой, не суманский корабль.

Республика жила торговлей: на юг отправлялись целые караваны судов с товарами для Турана, Шандалара, Фредонии, Гурды, Сагора... Даже с кочевниками загорья торговали: по ту сторону хребта протекала широченная река, зовущаяся Отха. Корабли поднимались по ней до самых степей, где хозяйничали кочевники. Целые караваны ползли к южным перевалам и уходили в глубь не тронутых плугом земледельца ковыльных степей в поисках удачных сделок. Суман весьма ценил одеяла и одежду из шерсти дромаров, странные поделки из твердого дерева, столь редкого в степях, золотые украшения...

Земли Сумана простирались от южного побережья Внутреннего моря до самых гор. За морем, на северном побережье, раскинулось королевство Панома. С северянами у торговцев Сумана давно сложились самые дружеские отношения: Панома отгораживала их от набегов воинственных северных варваров, торговцы щедро платили королю и королевскому войску за защиту. Впрочем, во времена затишья и республика, и твердыни Паномы снаряжали торговые

караваны на север, нагружая лошадей и яков сладостями, бронзой, изделиями мастеров-ювелиров, стеклом, тканями. Назад везли меха, кость, янтарь, самоцветы, собранные в диких северных горах, варварские доспехи из кожи и кости и странное оружие, диковинных животных, волшебные амулеты и колдовские зелья...

Не знающие железа варвары слыли бесстрашными воинами; их оружие из лосиного рога — барги, похожие на крестьянские сапы, — крушило металл королевских доспехов, а о наплечия из бараньих лбов не раз ломались закаленные клинки. Даже арбалеты и метательные топорики не смущали варваров: против железа у них имелась надежная защита — камень, найденный колдуном по имени Отран в северных горах. Камень был черен, как вороново крыло, величиной с матерого секача-шестилетка, продолговатый и гладкий. Железо липло к нему, словно заколдованное, арбалетные стрелы сворачивали прямо в воздухе, мечи в пятидесяти шагах вырывались из рук, стальные доспехи тянули воинов вперед, опрокидывая на землю. К бронзе и оружию варваров Камень Отрана оставался равнодушным. Королевские ратники, завидев черную глыбу на ритуальных салазках, предпочитали отойти и отдать деревню на разграбление, чем вступать в бой.

Кто-то из суманских моряков случайно заметил, что путеводные стрелки реагируют на Камень Отрана так же, как и на вехи-маяки у моря, только с гораздо большего расстояния. Однако на это не обратили внимания...

Хожд и Тиар

С обрыва Хожд видел всю долину. Воздух гор был чист, казалось, что Хожд смотрит в глубь магического кристалла, а не просто в мир с высоты.

Храм, словно ласточкино гнездо, льнул к серым скалам над самыми кручами. Внизу перепрыгивали с уступа на уступ архары, постукивая копытами, мягко перетекали призрачные силуэты барсов; сюда же поднимались только орлы, не знающие преград в горах.

И еще люди.

О том, как же все-таки взобрался первый человек на неприступные утесы, предания умалчивали. Хожд и Тиар попали сюда в огромной плетеной корзине, подвешенной на прочных канатах к блочному подъемнику. Жрицы наверху без устали вращали барабан добрых два десятка минут; рядом с корзиной медленно уползала вниз шероховатая серая скала, а мир проваливался в пугающую бездну. Тропа, по которой они пришли, превратилась в тонюсенькую ниточку, поросшие лесом предгорья живо напомнили одежную щетку, правда, зеленую, и только небо казалось таким же далеким и недоступным, как и снизу. С непривычки дышалось тяжело, холодный воздух высокогорья обжигал легкие.

Впрочем, и Хожд, и Тиар быстро привыкли к обжигающему воздуху высот.

Им было тогда по двенадцать лет — сыну правителя Гильдии торговцев республики Суман и наследному принцу королевства Панома, отданным на обучение в Храм Войны. Жрицы занялись нескладными подростками, и через каких-нибудь восемь лет они превратились в крепких, тренированных парней, способных управиться с любым противником как с помощью оружия, так и без него. Причем совершенно не важно, с помощью какого оружия — традиционного меча или варварского иплыкитета с его кольцом, длинными шнурами и грузиками. Им преподавали тактику и стратегию боя, учили использовать преимущества строя, выбирать место для главного сражения, не бояться быстрых решений и удачно подбирать офицеров.

В Храме готовили военачальников уже много столетий, и всех, кто прошел обучение у жриц, мир помнил долгие годы. Хотя на самом деле мало кто в мире знал, где именно учились побеждать короли Паномы и генералы Сумана. Помнили их подвиги и громкие походы — против пиратов, варваров, против прорвавшихся с далекого северо-востока хоргов, против закованных в железо рыцарей Балчуга, приплывающих из-за океана на целых армадах парусников...

За восемь лет Хожд и Тиар спускались с высот Храма только однажды: когда почти весь теплый сезон обучались верховой езде. Тогда Жрица-Наездница провела их через

Южный перевал в земли кочевников, и без малого год юноши провели на равнинах, оседлав или лошадей, или боевых дромаров, а одно время даже крупных нелетающих птиц с мощными длинными ногами — стерхов, приручённых в незапамятные времена западными кочевниками. Кочевники иногда запрягали этих милых птичек с крепкими, как гранит, клювами в двухколесные повозки, где сидел обыкновенно лучник. Не вылететь из такой повозки во время бешеного бега по степям было совсем непросто, но и этим искусством Хожд и Тиар овладели.

Вчера Жрица-Настоятельница намекнула, что обучение заканчивается. А значит, им предстоит вернуться домой: Хожду — в Порт-Суман, Тиару — в Панкариту, столицу Паномы, в родовой королевский замок. Правда, сначала они должны будут пройти последнее испытание.

Хожд сидел на краю обрыва, свесив ноги над бездной в несколько тысяч локтей, глядел в долину и гадал, каким будет это испытание. Наверное, им предстоит сразиться с кем-нибудь из жриц-воительниц.

Хожд заранее поежился: эти высокие, как на подбор, гибкие и сильные женщины, ненамного старше их с Тиаром, могли разметать гурдскую фалангу с помощью одних лишь кинжалов. И своего искусства, разумеется. После каждого предыдущего испытания у молодого дожа и королевича долго не проходили синяки и ушибы. А ведь жрицы наверняка щадили их, сдерживали удары...

— Зришь? — прозвучал за спиной насмешливый возглас, и рядом с Хождом уселся Тиар, его единственный друг, ведь больше ни с кем, кроме жриц, ученики Храма не общались уже восемь лет. Тиар был высок и строен, как истый паномец, черноволос и длиннорук. Вечерами его чаще уводили жрицы-воительницы, те, что помоложе, жадные на стать.

Хожд же был невысок, коренаст и рыж, с виду сразу смахивал на купца-простофилю, но провести его скорее всего никому не удалось бы: под копной рыжих волос поселилось такое хитроумие, которому позавидовали бы самые отъявленные интриганы суманского Совета Гильдии и двора Паномы. Хожд был невероятно силен, сильнее Тиара, и в борьбе чаще опрокидывал друга на лопатки, нежели опрокидывался сам; в

фехтовании же, наоборот, длинные руки давали преимущество Тиару, и когда молодому дожу удавалось одолеть королевича, он радовался, как мальчишка.

— Думаю вот... Опять, поди, бока нам намнут эти кобылы... — уныло протянул Хожд, кивнув в сторону кельи воительниц.

— На испытании, что ли? — сразу догадался королевич и беспечно махнул рукой. — Пустое, первый раз, что ли? Зато — в последний!

— Зря радуешься, — вздохнул дож. — Наверняка в этот раз они выдумают что-нибудь особенное.

— Что тут можно выдумать? — простодушно удивился Тиар. — Вот ты, вот соперник. Заколи его, заруби — и все.

— Мне бы твою беспечность, — проворчал Хожд. — Вот бы узнать, что они замышляют?

Тиар задумался. Потом легонько пихнул приятеля локтем:

— Слушай, давай у Милины спросим, а? Может, расскажет чего?

Милину, совсем молоденькую девушку, еще не жрицу, работающую пока по хозяйству, королевич знал еще по Панкарите.

— Да она зеленая еще, — оттопырил губу Хожд. — Что она тебе расскажет, сам подумай? Что она может знать? Тогда уж лучше Вайлу потрясти.

Тиар враз утратил беспечное выражение лица, став несколько озабоченным.

— Вайлу не надо... По крайней мере я к ней не подойду.

Хожд уставился на него. Вайла последнее время спала с Тиаром чаще остальных женщин, не скрывая своего увлечения королевичем.

— Что случилось-то?

— Да надул я ее намедни... Велела к ней прийти, а я того... на сеновале заночевал...

Хожд хрюкнул, что означало у него смех. Да, к Вайле королевичу сейчас лучше не приближаться. Зашибет, чего доброго, перед испытанием...

— Может, ты свою потрясешь? — с надеждой спросил Тиар.

Жрицы постарше предпочитали почему-то Хожда. Особенно Жрица-Врачевательница, тридцатитрехлетняя хоритянка, смуглая и спокойная, как горные пики.

— Ага, вытрясешь из нее, как же... Это тебе не твои девки, ради ночи не в одиночестве такого наболтают... Тогда уж сразу пойдем к Настоятельнице и все разузнаем!

Тиар вздохнул:

— Ладно, топаем на кухню.

Они покинули площадку перед обрывом и быстрым шагом пересекли тренировочные корты. Здание кухни жалось к серой скале, оттуда тянуло дымком и пряностями.

Милина хлопотала у очага, несколько девушек вертелись тут же: кто-то нарезал мясо, кто-то мыл овощи, кто-то таскал воду, кто-то подметал в кладовой...

— Эй, Милина! — позвал Тиар. — Выдь на минутку!

Девушка отложила огниво, перекинулась парой фраз с товарками и направилась к двери, на ходу вытирая руки о цветастый фартук из шандаларского ситца.

— Чего вам?

Тиар мельком глянул на Хожда и потянул Милину за руку прочь от входа в кухню, в беседку над водоводом.

— Выкладывай, что знаешь про испытание! — не терпящим возражений тоном потребовал Тиар.

«Повелевает, как король вассалу, — мелькнула мысль у Хожда. — Тоже мне повелитель...»

Когда-нибудь он подпустит Тиару шпильку, и они вдвоем вдоволь похохочут остроте дожа.

Милина, оглядываясь, передернула плечами:

— Не знаю я ничего... Если Жрица-Кормилица придет — мне влетит, между прочим.

С Тиара враз опало все величие, остался вчерашний мальчишка, шалопай и неслух, с выражением разочарования на физиономии.

— Тоже мне жрица... Что ж ты знаешь?

Милина огрызнулась:

— Как похлебку варить знаю! Куда бы вы со своими воительницами делись без нас? Кору бы, поди, со всех деревьев пообглодали.

— Но-но! Повежливее, женщина! — одернул ее Тиар, но чувствовалось, что делает это он просто для порядка, чтоб не потерять навык. — Между прочим, с будущим королем разговариваешь!

— Я с весны на обучение попадаю, — парировала Милина. — Так что если и станешь королем, то не моим.

Жрицы Храма Войны не подчинялись никому, кроме древних законов Храма и Жрицы-Настоятельницы.

Девушка собралась вернуться на кухню, но Хожд мягко поймал ее за руку.

— Послушай, Милина, нам и правда неплохо бы узнать о завтрашнем, — тихо сказал он. — Может, ты слышала что? Расскажи нам, пожалуйста!

И Милина растаяла, как таяли, заслышав голос Хожда, самые суровые Жрицы-из-Высших. Она оглянулась — нет ли кого — и, понизив голос, сообщила:

— За обедом воительница Тага жаловалась, что барс расцарапал ей руку... Это первое.

Милина снова огляделась.

— И второе: ваши мечи с утра носили в кузницу. Зачем — не знаю...

— Что мы здесь делаем? — Окрик раздался неожиданно.

Рядом стояла Жрица-Корминица, возникшая бесшумно, как тень.

— Марш на кухню! — велела она Милине, и та безропотно удалилась, подобрав фартук.

— А вам что тут нужно?

— Хотели узнать, что готовят на ужин, Старшая! — бодро ответил Тиар и преданно выкатил глаза. Вид он имел самый невинный.

— Кости стерха на ужин! — хмурясь, отрезала женщина. — Прочь отсюда! На корты — по три сотни отжиманий каждому! И сообщите Наставнице потом!

Парни поклонились и легкой рысцой убежали на корты. Крупный песок скрипел под кожаной обувкой.

Когда приказанное было исполнено, а Наставница выслушала их, Хожда и Тиара снова отослали на корты.

— Попотейте напоследок, — велела Наставница. — Но завтра вы должны быть свежими.

На ужин им принесли только хлеб, сыр и простоквашу. И ни одна из воительниц не заговорила вечером с ними — впервые за последние пару лет.

Утро началось с пинка. Для Хожда по крайней мере. Он поднял голову над вязанкой соломы, которая сегодня служила ему подушкой, и в который раз подумал, что ночи у воительниц были гораздо приятнее, а главное — никто не будил пинками.

— Вставайте! Начался последний день обучения: идите к восходу.

Наставница уронила слова, как угасающая метель роняет на скалы острые ледышки, и исчезла.

Тиар уже поднялся, его размытый силуэт выделялся на фоне светлеющего входа в келью.

Потирая ушибленный сапогом бок, Хожд тоже встал и закутался поплотнее в плащ. Плеснув в лицо холодной влаги из водовода, они поплелись, зевая, на обрыв.

Солнце вставало, красное, огромное, пожирая клубящийся в ущельях туман. Ежась от высокогорного ветра, двое смотрели навстречу рождающемуся дню, не зная, что произойдет завтра.

Впрочем, что произойдет сегодня, они тоже не знали.

Когда Наставница вернулась, солнце оторвалось от пиков второй гряды и начало взбираться в зенит.

— Пойдемте, щенки! Пришло время доказать, что вы не случайно немного похожи на мужчин!

Наставница была одета иначе, чем обычно: вместо плотных брюк и кожаной куртки Хожд и Тиар с некоторым удивлением увидели ритуальную жреческую накидку; круглая шапочка покрывала голову.

В Храме уже давно никто не спал: со стороны тренировочных кортов доносился мерный рокот бубнов и отрывистые голоса. Когда королевич и дож приблизились, стало видно, что вокруг корта расселись воительницы и все девчонки из обслуги; на некоем подобии трибун разместились жрицы рангом повыше. Жрица-Настоятельница сидела, возвышаясь над всеми, на резном деревянном кресле, установленном на ажурном каркасе из костей какого-то гигантского вымершего зверя.

Тиар заметно волновался, вертел головой и щурился; Хожд выглядел менее встревоженным, скорее — равнодушным, но беспокойство охватило и его. Они с Тиаром научились многому, однако жрицы были мастерицами на всевозможные каверзы. К тому же они любили посадить в лужу мужчину — даже если это юноша-ученик.

Наставница вывела их в центр корта и торжественно поклонилась Настоятельнице — первой Жрице Храма Войны.

С новой силой загремели бубны, на несколько секунд, и вдруг разом умолкли.

— Я привела, сестра, этих двух. Мир готов принять их, сестры-наставницы влили в них часть своего знания. Если ты решишь, что они получили все, что могли, — пусть идут! Храм сполна рассчитался за золото их отцов. И надеюсь, мне не будет стыдно в этот день.

Наставница поклонилась; первая Жрица тоже склонила голову.

— Спасибо, сестра. Тебе никогда еще не было стыдно за обучаемых. Дело не в них, дело в тебе. Пусть докажут, что их отцы не зря платили Храму, а наше искусство нужно миру и еще послужит всем, кто достаточно мудр, чтобы не воевать бездумно. Начинайте!

Жрица Пустых Ладоней поднялась со своего места, отвесила почтительный ритуальный поклон и жестом вызвала одну из своих помощниц.

Дейа, высокая девушка из внешней охраны, ступила на твердое покрытие корта. Из одежды на ней были только шорты и короткая куртка, закрывающая плечи и грудь. Обуви не было вовсе, длинные рыжие волосы схватывала широкая пестрая тесьма.

Наставница подтолкнула Тиара:

— Сперва ты!

Хожд отошел назад и сел на землю, мысленно пожелав другу удачи.

Тиар не обольщался: Дейа заведомо сильнее его в поединке. Потому что опытнее. И еще потому, что занимается боями без оружия всю жизнь, а не восемь лет. Значит, главное — достойно продержаться. Он отогнал прочь мысли и постарался растворить сознание в окружающем.

В голове привычно прояснилось, горизонт, казалось, можно было потрогать руками, а сам он стал быстрым, точным и расчетливым.

Первый удар он отследил и вовремя убрался с линии атаки: нога Дейи мелькнула в нескольких дюймах от его виска. Движение охранницы было стремительным и хищным, попади она Тиару по голове — тот отключился бы, еще не долетев до земли.

От второго не увернулся бы и леопард, пришлось блокировать. Руки Дейи и Тиара сплелись; последовало несколько взаимных атак, безуспешных.

Девушка явно выжидала, не желая сразу заканчивать поединок. Хожд, глядя сбоку, быстро сообразил: Настоятельница хотела увидеть не бесчувственного королевича, а понять, что тот умеет. Дейа сознательно ставила Тиара в трудные положения, заставляя выкручиваться с помощью всевозможных трюков, причем чем дальше, тем сложнее приходилось Тиару.

Подсечка — Тиар подпрыгнул, молниеносный выпад — он отклонился и ответил прямым в корпус; Дейа подалась назад, словно тоже уклонялась, но нога ее уже была послана Тиару в грудь.

Впервые Тиар потерял равновесие и пошатнулся. Удар он отследил в последнее мгновение, успел только чуть повернуться, чтобы не отшибли дыхание. Было больно, но не настолько, чтобы пропустить рубящий ладонью в горло.

Рука Дейи оказалась в захвате, взялась на излом, и девушка, перевалившись через бедро королевича, упала на землю.

Хожд затаил дыхание.

В следующий миг охранница, демонстрируя потрясающую гибкость, сложилась пополам, распрямилась, как тугая пружина, и Тиар не успел пресечь удар по щиколоткам. Подсечка сбила его с ног; два тела откатились в стороны и вскочили, Тиар — лишь чуть-чуть позже Дейи.

В движениях девушки сквозила завораживающая грация дикого зверя, свободного лишь благодаря собственной силе и ловкости. Тиар же казался неуклюжим, но лишь до тех пор, пока не приходилось уходить от очередной атаки. Хожд пару

лет назад купился на эту хитрость: кажущуюся неуклюжесть. Тогда он во второй раз проиграл Тиару схватку...

Похоже, соперница королевича разозлилась и решила задать тому хорошую трепку. Во всяком случае, атаки ее стали резче и злее. Тиар держался на пределе, но стал пропускать удар за ударом. Продлись это еще немного, и он лег бы на корт, но поединок прервала Настоятельница:

— Довольно! Мы видели все!

Тиар опустил руки, поклонился — сначала первой Жрице, потом зрителям и сопернице — и побрел к месту, где сидел Хожд. Дейа тоже поклонилась и ушла к охранницам, сверкнув напоследок глазами. Тиару явно не стоило попадаться ей на глаза в ближайшие дни.

Настала очередь Хожда; его соперницей стала Эйрин, Жрица Ночного Зрения. Она была пониже Дейи, а главное — предпочитала не удары, а захваты и броски. Хожд об этом знал, так как научился у нее не одному трюку.

Ободряюще хлопнув по плечу усталого Тиара, дож вышел на корт, стараясь дышать поглубже, собирая все силы.

Сигнал, и Хожд метнулся вперед, в надежде захватить руку Жрицы. Неудачно — та ловко уклонилась и толкнула Хожда в плечо, лишая равновесия. Если бы он попытался устоять, неминуемо угодил бы под атаку. Оставалось падать, но и это было опасно: Эйрин могла напасть сверху, прижав его к земле. Ее болевые означали смерть для врага и поражение для остальных.

Хожд упал и перекатился; инерция подняла его на ноги, а быстрота и четкость движений уберегли от атаки: Жрица просто не успела к нему.

Они стали кружить, выбирая удобный для захвата момент. Руки их встречались, пальцы скользили по коже. Зрители подбадривали Эйрин: конечно же, все болели за нее.

Когда руки сплелись, Хожд был вынужден топтаться на месте, внимательно следя за ногами соперницы и пресекая попытки подножек. Первое время это ему удавалось, но вдруг земля ушла из-под ступней, небо крутнулось вокруг башенки и верхушек сосен, и Хожд грянулся оземь; спина взорвалась болью, казалось, что натужно заскрипел позвоночник. Хорошо еще, что дыхание Хожд сумел сохранить.

Как он ухитрился зацепить носком правой ноги за голень Жрицы и слегка надавить под колено, Хожд и сам не понял: наверное, сработало тело, помнившее долгие тренировки лучше мозга. Эйрин отшатнулась, взмахнув руками, чтоб не упасть, а Хожд, превозмогая боль, рванулся вперед, вскочил на ноги и послал кулак в незащищенный бок соперницы. Локоть Жрицы почти успел прикрыть брешь, удар просто заставил ее еще чуть-чуть отступить. На трибунах одобрительно загудели.

Хожд выстоял. Еще дважды он оказывался на земле, но прижать себя окончательно так и не позволил. Раз он даже сбил с ног Эйрин, парировав выпад правой руки, подцепив ногу и резко ударив локтем в корпус. Но вслед за тем был отброшен коротким толчком ступни.

Настала короткая передышка. Хожд повалился рядом с сидящим Тиаром. Ныла каждая мышца, отзываясь в голове и позвоночнике.

— Молодчага! — похвалил королевич. — Так ее!

Хожд вяло подставил ладонь; звонкий хлопок возвестил, что первое испытание пройдено.

Когда они отдохнули, на корт вышли две мечницы, поигрывая обнаженными клинками. Второй круг — фехтование, два на два. Жрица-Оружейница, сжимая в руках ремни двух мечей в ножнах, неподвижно стояла посреди корта. Эти мечи она же вручила двенадцатилетним мальчишкам восемь лет назад, едва те ступили на территорию Храма Войны.

Теперь они вышли на испытание вдвоем, плечо к плечу.

Едва взяв в руки меч, Хожд понял, что с клинком что-то неладно. Центр тяжести сместился дальше от гарды, и меч казался совершенно чужим. Изумление в глазах Тиара подсказало, что другу тоже преподнесли сюрприз.

«Вот зачем мечи вчера носили в кузницу, — запоздало догадался Хожд. — Наверное, сменили навершия на более легкие... Привыкай теперь, холера...»

Первое время оружие слушалось плохо, удары выходили корявые, а блоки смазывались, как у новичков. Сталь звенела, высекались искры, ругался одними губами Тиар — дож давно научился понимать приятеля. Мечницы, умело прикры-

вая друг друга, раскачивали смертоносный железный веер, теснили парней к границе корта.

Впрочем, спустя пару минут Хожд немного освоился, да и Тиаровы удары становились раз от разу точнее и опаснее. Веер жриц стал вязнуть во встречной защите, а позже блестящие стальные жала вынудили защищаться и противниц.

Когда Настоятельница сказала: «Довольно!», Тиар даже не запыхался, а Хожд выглядел куда свежее, чем после борьбы.

Он ни на секунду не сомневался, что второй круг пройден. А увидев, как Жрица Клинков сердито выговаривает мечницам, не сумевшим совладать с испытуемыми, даже позлорадствовал. Хотя понимал, что против них вышли не самые искушенные в фехтовании жрицы.

Настал черед стрел и тетивы — Хожду и Тиару вынесли тугие горные луки и по два пучка стрел. Девушки из обслуги мигом вытащили на корт обитые шкурами щиты-мишени и установили их напротив трибун. Дожа и королевича Наставница увела на соседний корт — стрелять предстояло оттуда.

Первым шел, как водится, залп на восемь стрел. Тетива под их тяжестью глухо тренькнула, стрелы летели медленнее, чем одиночные, но Хожд и Тиар не впервые стреляли залпом: целили они сильно выше мишени.

После залпа в щите торчало шестнадцать стрел. Наставница за спинами лучников облегченно выдохнула.

А после они выпускали стрелу за стрелой, особо не целясь, полностью доверившись рефлексам и навыкам; пять секунд — шесть стрел. Скоро небольшой щит был утыкан, как еж. Стрелы раскалывали воткнувшиеся чуть раньше, освобождая оперение. Перед мишенью валялись щепочки.

Когда стрелы иссякли, Тиар повернул голову, подмигнул Хожду и только после этого опустил лук. Звонкий хлопок ладоней вторично всколыхнул тишину на кортах.

Но испытание еще не закончилось: о чем-то пошептавшись с Настоятельницей, Жрица Стрел и Тетивы отослала к испытуемым одну из своих помощниц. С колчаном специальных стрел.

Хожд догадался правильно: это были стрелы с дополнительным пером, прикрепленным под углом к основному

оперению. Тайна давно исчезнувшего народа, кочевавшего некогда по южным равнинам...

Они с Тиаром отошли в сторону, так, что мишень смотрела на них чуть ли не ребром.

Первым выстрелил Тиар, долго угадывая ветер. С тихим свистом стрела прянула в небо. Сначала она летела прямо, но по мере того как скорость ее падала, распрямлялось дополнительное перо. И она стала заваливаться в сторону. Чем дальше, тем сильнее.

В щит стрела воткнулась почти под прямым углом, словно была пущена с центра корта, а не из-за его пределов. Зрительницы одобрительно загудели, словно хотели сказать: «А не такие уж и простофили эти мужчины!»

Вторая стрела, пущенная Хождом, тюкнула и завиляла оперением, как радостный пес хвостом, совсем рядом с Тиаровой.

Пел рассекаемый наконечниками воздух, попеременно звенела тетива луков, с хрустом вгрызались в мишень стрелы... Испытание продолжалось.

А Хожд, целясь в очередной раз, вспоминал слова Милины. В частности, упоминание о барсе. Не зря ведь его ловили? Что еще придумают хитроумные Жрицы Войны, хранительницы древнего знания?

Отпустили их только в полночь. Вторая половина экзамена заключалась в сотнях вопросов, на которые Хожд и Тиар должны были ответить.

В большинстве случаев они знали ответы. А если не знали, приходилось думать: Жрицы задавали только такие вопросы, на которые можно было ответить, обладая достаточными знаниями. Поиск ответа не занимал много времени, оба испытуемых доказали, что научились работать не только руками или клинком, но и головой.

В эту ночь их никто не трогал: у Хожда с Тиаром едва хватило сил дотащиться до кельи и рухнуть на жесткие ложа, завернувшись в плащи.

Обучение закончилось. Настоятельница подтвердила готовность обоих вернуться в мир, лежащий вне Храма; Жрицы Войны сполна расплатились знаниями за золото паномского короля и суманских торговцев. Назавтра в полдень у места,

где опускается корзина подъемника, будет ждать свита встречающих. Вместо мальчишек Храм возвращал отцам мужчин и воинов. Полководцев.

А пока они спали, опустошенные трудным днем, чтобы вскоре уйти отсюда навсегда.

Только утром Хожд наконец стал сознавать, что все закончилось. Его никто не разбудил, как прежде, пинком, никто не гнал на тренировку, не поручал тяжелую и чаще всего бессмысленную работу. Солнце уже поднялось, бросая на пол кельи узкие светлые лучи. Рядом посапывал Тиар.

— Эй! — пихнул его Хожд. — Вставай, Ти!

Королевич потянулся и сел. Взгляд его был блуждающ и туманен, волосы со сна топорщились, как иглы у дикобраза.

— Чего? — зевая, спросил он.

— День уже, — сказал Хожд. — Пошли умываться.

Холодная вода несколько освежила их. Поколебавшись, направились в сторону кухни. Оттуда тянуло дразнящим запахом жареного мяса.

Едва они приблизились, в дверях возникла Жрица-Кормилица. Тиар остановился, словно на стену налетел, а Хожд уныло подумал: «Ну вот, сейчас снова отжиматься пошлет...»

Кормилица поклонилась, глубоко, как не кланялась даже Настоятельнице, и почтительно произнесла:

— Доброе утро, ваше высочество! Доброе утро, дож Сумана! Ваш завтрак сейчас подадут, прошу вас, проходите!

И она плавно повела рукой в сторону трапезной, где Хожд и Тиар ели всего однажды: в первый день, едва ступив на землю Храма.

Несколько сбитые с толку юноши последовали за Жрицей.

В трапезной накрыт был единственный стол на двоих; алая бархатная скатерть покрывала его и свешивалась до самых плит на полу. Вместо деревянных мисок стояли серебряные, рядом лежали вилки и ножи, тоже серебряные, и еще Хожд различил слабый запах вина. Вино им запрещали строго-настрого все эти годы, но нельзя сказать, что они не знали вкус вина... По крайней мере их ни разу не поймали за потреблением хмельного, хотя, наверное, догадывались, что ученики

втихую попивают красненькое с младшими жрицами и с обслугой...

Когда странная трапеза, во время которой оба чувствовали себя слегка не по себе, ведь прислуживали им сама Кормилица с помощницей, закончилась, им так же вежливо предложили навестить Настоятельницу.

В ее покоях было прохладно и пахло чем-то цветочным. Впервые Хожд видел первую Жрицу не в ритуальном наряде, а просто в шелковой накидке и простоволосую, и вдруг понял, что это уже пожилая женщина, уставшая от необходимости постоянно выглядеть неприступной, спокойной и уверенной во всем.

— Я не задержу вас долго, принц, и вас, дож! Всего несколько слов...

Настоятельница говорила негромко, однако каждое слово отчетливо звучало в тишине покоев, эхо дробилось, как дождевые капли, падающие на камень.

— Восемь лет Жрицы учили вас всему, что умели сами, всему, чему нас научили долгие века войн. Теперь вы способны вести за собой армии и побеждать — для этого ваши отцы и привезли вас в Храм восемь лет назад. Помните: то, чему вас обучили, — величайшая ценность. Дороже золота и драгоценных камней, потому что знания нельзя украсть или отнять, они пребудут с вами всегда. Пользуйтесь ими на благо своих стран, и, надеюсь, вы навсегда останетесь чистыми и честными, какими я узнала вас здесь. И еще надеюсь, Жрицам никогда не придется стыдиться ваших поступков там, в Мире.

Идите — и пусть удача не покинет вас...

Хожд и Тиар, не сговариваясь, низко поклонились, и оба знали, что Настоятельница склонилась в ответ.

Вещей у них практически не было: только одежда, но Оружейница перед спуском вручила им мечи, снова привычные, со старыми навершиями, а Жрица Стрел и Тетивы преподнесла по луку и полному колчану стрел.

Провожать королевича и дожа вышли практически все. Нестройная толпа женщин — жриц, воительниц, охранниц, обслуги... У огромной пузатой корзины Хожд и Тиар, переглянувшись, снова поклонились, на этот раз всем, а потом разом вскинули мечи. Их клич далеко разнесся в горах, рас-

сыпаясь многоголосым эхом, и обитательницы Храма оживленно зароптали, прощаясь с теми, кто на их глазах из голенастых подростков, ничего толком не умеющих, превратился в мужчин, о которых скоро заговорит весь Мир.

Заскрипели колеса подъемника, запели туго натянутые тросы, и скоро приземистые кельи Храма и машущих руками женщин заслонило серое тело скалы. Они остались вдвоем, лицом к лицу с высотой и нахлынувшими мыслями. Впереди ждало много нового.

Сай

Пустоши пели, как кувшины на ветру. Ветер вольно гулял по ним от океана до гор на западе — не зная препятствий и границ.

Сай не знал, почему поют Пустоши. Вообще непонятно — что может звучать на ветру? И тем не менее Пустоши пели всегда, сколько он себя помнил. Где-то вдалеке звучали голоса, складывающиеся в заунывную мелодию, но приблизиться к ним никогда не удавалось — голоса отдалялись, потом вдруг затихали, чтобы спустя минуту зазвучать совершенно в другой стороне.

Вскинув на плечо верную баргу, Сай зашагал на север, к Капищу Отрана. Барга тоже умела петь: когда воины Пустошей выходили на битву, они вертели свое оружие над головами, и стоголосый вой часто заставлял дрогнуть поклоняющихся железу жителей Паномы.

Широким шагом меряя равнину, Сай размышлял: зачем вызвал его отец? Он ведь могучий колдун, его почитает весь Север, чем может помочь ему Сай? Только силой рук, ловкостью в обращении с оружием да сотней-другой таких же, как и он сам, бродяг-оторвиголов, которые пошли бы за Саем даже в жерло Огненных Пиков.

Капище было совсем недалеко: к закату Сай рассчитывал обнять отца в его гроте, потому что на людях кланялся ему как колдуну наравне со всеми и только наедине позволял себе расслабиться и отбросить довлеющий ком вековых традиций.

Спутники расположились табором на берегах реки, впадающей во Внутреннее море: им в Капище делать нечего. Отец (устами посланника, конечно) просил не приводить их близко к Капищу, но и не отпускать далеко. Значит, им нашлось дело... Давно пора — бронзовые ножи скучают за поясом, а барги давно не подавали голос. Доброй драке Сай всегда радовался.

Ноги сами выбирали, куда ступить, мелкие камешки шуршали, потревоженные подошвами кожаной обувки. Вдалеке пронесся табунок диких коней, откочевывающих с юго-запада, из-за крайних гряд еще севернее, в земли жутковатых хоргов. Сай проводил стремительных животных взглядом.

«Как южанам удается их приручить? — подумал Сай с легкой завистью. — Слишком они свободны...»

Верхом он, наверное, преодолел бы расстояние до Капища куда быстрее. Сородичи с запада, со стылых болот и чахлых лесов когда-то приручили лосей, но воины Пустошей всегда сражались пешком.

Когда Сай достиг площадки сонных идолов, дыхание его оставалось таким же ровным. Отсюда уже виднелись похожие на скрюченные пальцы скалы-столбы, а от скал — темный зев грота Отрана.

Отец был в гроте — склонившись к алтарю из полированной гранитной глыбы, вглядывался в ритуальный узор на старом, испачканном засохшей кровью амулете. Сай опустил баргу на чисто выметенный пол и приложил ладони к щекам, приветствуя колдуна. А через секунду уже обнимал стареющего крепкого мужчину, седого как лунь, приветствуя отца.

Они не виделись почти год, с тех пор как случилась неожиданная стычка с меченосцами Паномы. Тогда Камень Отрана вновь свел на нет атакующий порыв южан, вырвав из рук несколько мечей и отклонив все стрелы. К счастью, удалось быстро договориться, Сай выдал паномскому офицеру двоих шалопаев из своего отряда: выяснилось, что они втихую решили ограбить пограничную деревеньку и попытались это осуществить. А деревенские крикнули патруль, проходивший неподалеку...

Колдун отстранил сына, выцветшие его глаза лучились гордостью и легкой тоской. Когда-то он и сам был таким же — молодым, мускулистым и беззаботным. Когда водил орды воинов на пономские поля...

— Что случилось, отец? — подал голос Сай. — Ты никогда не звал меня так настойчиво. Я собирался...

— Не важно, куда ты собирался, — перебил колдун. — Где ты бродил последние две недели?

Сай пожал плечами:

— Вдоль реки, по границе Паномы. Там шныряют люди-из-лодок. Дважды мы их обращали в бегство. А что?

Отец нахмурил густые брови, похожие на комки мокрого снега. Сай почувствовал: случилось что-то недоброе. Неужели кто-то напал на стойбище? Или Панома нарушила долгий мир? Или снова кто-то из его молодцов разграбил караван?

— В Капище пробрались воры. Пять или шесть дней назад. Стражей усыпили — они провалялись без малого сутки. Троих просто зарезали — железными ножами.

— Железными? — изумился Сай. — А как же Камень?

— Они подкрались так, чтобы стражи находились между ними и Камнем, а потом разом метнули ножи.

«Стражей, понятно, проткнуло насквозь...» — подумал Сай. Он прекрасно знал силу черной глыбы.

— И что дальше?

— Камень исчез. За ним воры и приходили.

Сай остолбенел. Святыня всего их гордого рода, Черный Камень Отрана, веками служивший щитом от всех, кто носил железо...

— Они все рассчитали. Ты увел свой отряд на юго-запад, Горт отправился к паномскому наместнику, половина стражей разбрелась охотиться... В стойбище остались только женщины с детьми да подростки.

Колдун замолчал. Сай немного выждал, потом осторожно спросил:

— И что же теперь будет?

Отец взглянул ему в глаза.

— Камень нужно вернуть. И займешься этим ты.

Не раздумывая, Сай кивнул.

— Воры пришли с юга и туда же ушли. Пусть твои воины разделятся на тройки и прочешут всю Паному, до самого моря, а если понадобится, то и дальше. А тебе я дам вот это...

Колдун протянул сыну амулет, который рассматривал несколько минут назад, — размером с воробья фигурку, вырезан-

ную из кости. Голова божка-идола стала темной от крови многочисленных жертв, принесенных за многие годы. Два огромных тусклых выпуклых глаза бессмысленно таращились в пространство. Кожаный шнурок вытерся и посерел.

— Возьми. Это поможет найти Камень.

— Как? — спросил Сай, разглядывая лежащий на ладони амулет. Не потому, что не верил. Просто он хотел научиться пользоваться магической вещью. В отличие от большинства воинов Пустошей Сай не испытывал робости перед магией. Все-таки его отец был колдуном, перед которым склонялся весь Север. А в жилах Сая течет такая же кровь, значит, магия рано или поздно покорится и ему.

— Возьми за шнурок, — посоветовал колдун.

Фигурка идола повисла в полутьме Капища, потом медленно и уверенно обернулась к юго-востоку и застыла. Выкаченные глаза глядели в сторону далекого моря.

— Он чувствует Камень и всегда смотрит на него. Найди нашу святыню, и о тебе заговорят Пустоши. А немного позже вожди свободных племен преклонят перед тобой колени. Если Камень вернется в Капище, я скажу: теперь ты этого достоин, Сай!

Рука Колдуна легла на рог оплечья.

— Я верю в тебя, сын.

Сай молчал всего мгновение.

— Й-ээр! Я вернусь, отец, и вернусь с Камнем. Обещаю!

Молодой северянин спрятал амулет, подобрал тяжелую баргу и ушел в льющиеся с лиловых небес сумерки. Он знал, что его ждет: поиск, битва, а затем — слава. Когда-нибудь он поведет за собой всех воинов Пустошей — всех до единого.

Но это еще нужно заслужить.

Рука Сая крепко сжала рукоять барги.

Юхха

Кибитку бросало на неровностях южной степи, деревянные колеса, скрепленные полосами начищенной бронзы, скрипели на осях, словно болотные птицы. Через щели в пологе набивалась серая дорожная пыль. Юхха морщилась: очень

хотелось выбраться из душной кибитки, вскочить на оседланного дромара и погнать его к далекому горизонту, туда, где вздыбился неровный хребет. Раздражала ритуальная одежда. И еще было немного неуютно без привычного кривого кинжала у пояса.

Посольство ползло по плоским, как стол, степям. Шесть кибиток и полсотни всадников. С торговцами Порт-Сумана у Великого Шиха Кочевий имелся железный договор: за две больших меры золота суманский корабль доставит посольство к берегам Турана. С недавних пор Великий Ших загорелся идеей сплотить разрозненные кочевья в единую страну, наметить границы, расширить торговлю и — слыханное ли дело! — построить в степях города. Будто вольные сыновья зеленых просторов усидят в каменных домах. Впрочем, Юхха знала, что Великий Ших отнюдь не наивный мечтатель: не так давно через дальние кочевья проезжала туранская конница, и с предводителем туранцев Ших долго толковал, чуть не неделю. Конников вел Горам, полководец по зову крови, правая рука короля... Перенаселенный Туран мог отправить сотни безродных земледельцев в бескрайние степи кочевий, и те рады будут считать себя подданными Великого Шиха: в Туране получить землю им явно не светило.

На Юххе идеи отца отразились неожиданно и скоропалительно: ее прочили в жены младшему сыну туранского короля. То, что принцу едва исполнилось двенадцать лет, никого не смутило; Ших быстро назначил нескольких верных людей в посольство, набил пятерку кибиток золотом, драгоценными камнями, коврами и прочими дарами, буквально силой стащил Юхху с седла, велел облачиться в брачное и отправил караван в Порт-Суман. Нападения Великий Ших не опасался: в степях который год было спокойно. За горами лежали земли мирных торговцев Сумана, на востоке плескался океан, а на юге, за водами реки Отхи, плотной стеной возвышались медные боры, где водилось только бессловесное лесное зверье. А от пиратов Шепчущей Горловины должны были защитить баллисты и тяжелые арбалеты суманского корабля.

Гортанный крик вывел Юхху из раздумий. Кто-то из всадников перекликался с соседом:

— Вон! Вон, на горизонте!

Второй голос с сомнением произнес:

-- Да это просто ветер...

— Порази тебя гром, Махат! Где ты рос? Это пыль из-под колес!

Махат что-то неразборчиво пробурчал.

Юхха одним движением сбросила ритуальную накидку и осталась только в шортах, открытой куртке из шкуры дромара и мягких тапочках-суманах на высокой шнуровке. Нацепить пояс с кинжалом было делом одной секунды.

Отодвинула край полога; в нос ударил знакомый с детства запах дромарского пота пополам с пылью. Сидящий за вожжами Хил вопросительно обернулся, шмыгнув крючковатым носом.

— В чем дело, госпожа?

Юхха фыркнула: успел нахвататься городских словечек!

— Крикни, чтоб подали Иста.

Любимого скакуна Юхха, конечно же, взяла с собой. Минуту спустя она уже влилась в седло, оглаживая рукой горбоносую морду ликующего дромара. В хозяйку лохматый Ист был просто влюблен. Бескорыстно и глубоко.

На горизонте, окруженная облачком пыли, появилась темная точка.

— Что я говорил? — торжествующе обратился к Махату обладатель первого голоса, усач Рохх, десятник охраны. — Повозка!

Юхха прищурилась. Даже на таком расстоянии она различила, что в повозку запряжен не дромар.

Начальник посольства Их-Тад велел остановиться; натянулись вожжи, дромары со вздохом замерли, впечатав мозолистые ступни в иссохшие травы, стих мерный скрип колес, и только клубящееся облако пыли продолжало неспешно ползти вперед.

Охранники стянулись к передней кибитке, взявшись за дротики и причудливо искривленные палки-хавы.

Неведомый путник приблизился, стало видно, что открытую повозку-арбу на больших колесах влечет крупная птица, высоко над степью вскинув клювастую голову. Мощные ноги двигались без видимых усилий, и это при том, что птица, помимо арбы с лучником, несла еще одного человека на спине.

Юхха успокоилась: арба была всего одна, да и с хозяевами птиц-стерхов люди Кочевий не враждовали. Собственно, это были дальние родственники, обитавшие несколько западнее племен Великого Шиха. Точно так же они кочевали по степям, только вместо дромаров разъезжали на сильных нелетающих птицах. Пожалуй, стерхи посильнее дромаров. Голова их на длинной шее возвышалась над средним дромаром на столько же, на сколько всадник возвышается над пешим.

— Наверное, кто-нибудь из молодых ездил мериться силами с суманскими пограничниками, — проворчал Их-Тад. — Не сидится же им у себя...

Соседи и правда в одиночку и группами часто просачивались за перевалы и устраивали с воинами приграничья бескровные побоища, длящиеся иногда дни напролет. Убивать они никого не убивали — не то тренировались, не то испытывали себя. В предгорных Кочевьях болтали, что стерхеты бьются с пограничниками на деньги: кто проигрывает, тот и платит. Может, в этих словах и была доля правды. В предгорьях болтают всякое.

Поравнявшись с посольством, стерхеты криком остановили птицу. Арба, прокатившись еще немного, замерла. Всадник соскочил в дорожную пыль, лучник остался в арбе.

— Солнце и Ветер! — Стерхет поклонился Их-Таду, отдавая дань уважения его высокому роду. — Благополучия послам Великого Шиха!

— Простор и Свобода, — ответил Их-Тад несколько озадаченно. Эти сорвиголовы уже знали о посольстве! Быстро же вести расползаются по степям.

— Я — Эсхат из кочевья Белого пера. Позволь сразиться с одним из твоих воинов, великий посол. Окажи честь храбрецу...

О себе этот Эсхат был явно высокого мнения. Юхха смерила его оценивающим взглядом: высок, силен... но несколько тяжеловат. Скорее всего ему недостает быстроты.

Их-Тад приготовился ответить, что не пристало послам терять драгоценные минуты на разные пустяки, что время не терпит, но его перебила Юхха.

— Пусть сразится, Тад, — сказала она, намеренно опустив родовое имя. — Для него это действительно большая честь.

Эсхат поклонился, металлические бляшки, нашитые на его стеганый халат, тихонько звякнули. Лучник метнул ему причудливо изломанный хав.

Их-Тад обернулся к своим всадникам, но его снова перебила Юхха:

— Не трудись, Тад, он будет сражаться со мной!

Эсхат чуть не поперхнулся. Поединок с девушкой в его планы не входил. По крайней мере поединок с оружием в руках, а не в постели.

У крутого бока Иста незаметно возник Хил-погонщик. Как всегда вовремя. Он протягивал хозяйке ее хав — ствол степного дерева, очищенный от ветвей и отполированный ладонями до гладкости птичьего яйца. Каждый воин долго приноравливался к своему хаву, потому что двух одинаковых не сыскать было во всей степи.

Помедлив, Эсхат метнулся к стерху, коротким рывком распустил упряжь арбы и вскочил птице на спину. Лучник выпрыгнул на землю, развернул арбу и откатил ее в сторону. Всадники посольства пнули дромаров и образовали широкое кольцо.

Юхха ухватила поудобнее хав, исподлобья глядя на противника. Тот движениями ног правил стерха на сближение. Когда птица и дромар сошлись почти вплотную, изломанные палицы встретились, взломав сухим треском повисшую тишину.

Отражая ловкие тычки и отбивая размашистые удары, Юхха тревожила стерхета выверенными контратаками. А когда Эсхат увлекся и неосторожно отвел глубокий выпад, зацепила его крюком хава за край халата и сбросила на землю. Стерх прыгнул в сторону и нерешительно затоптался на месте.

Дерись они насмерть — Эсхат успел бы уже стать покойником. Но Юххе хотелось задать самоуверенному стерхету добрую трепку. Она выскользнула из седла и жестом отослала Иста. Дромар послушно потрусил к повозкам.

Эсхат стал осторожнее, но скорости ему действительно не хватало. Быстро схлопотав два сильных удара по рукам и оставшись без хава, он так и не сумел хотя бы задеть Юхху.

Девушка холодно взглянула на растерянного бойца и демонстративно отбросила хав. Эсхат медленно взялся за кин-

жал — длинный, изогнутый, широкий у гарды и постепенно сужающийся, острый, словно чешуя басга. Юхха извлекла свой.

Они покружили, поедая друг друга взглядом. Эсхат тянул время, совершенно выбитый из колеи. Видно, не ожидал такой прыти от девчонки. Настроился на легкую победу, а ему надавали по сусалам, будто ребенку.

А потом Юхха ринулась в атаку, быстрая, гибкая и расчетливая, как опытная тигрица. Кинжалы свистели, рассекая воздух. Но кинжал Юххи иногда рассекал не только воздух — полоснул по руке, окрасившись красным, вспорол ткань халата на боку, оцарапал щеку...

Эсхат утратил осторожность и попался на простой крюк: Юхха взяла на излом его руку, вышибла кинжал из ладони и швырнула через спину. Грузно, словно мешок с рыбой, стерхет приложился к поросшей редкими стебельками трав земле. Поднялся он куда медленнее, чем после падения со своей верховой птицы.

Убрав кинжал, Юхха завершила дело голыми руками. И ногами.

Воины посольства победно заулюлюкали, потрясая дротиками и хавами: они-то знали, как страшна в поединке дочь Великого Шиха и как покоряется ей любое оружие.

Эсхат валялся, словно кукла, лицом в пыли. Глаза его стали стеклянными, из носа струилась тонкая красная ниточка.

— Позаботьтесь о нем, — велела Юхха охранникам и повернулась к стерхету-лучнику. Тот выглядел озадаченным. — Никудышные у вас бойцы, — сказала она. — С женщиной совладать не могут...

Лучник вздохнул и опустил голову. Стерхеты всегда были странными людьми — немного не от мира сего. Не зря Великий Ших не решился покорить всадников-на-птицах; слова Юххи звучали как маленькая месть дочери повелителя Кочевий независимым соседям.

Спустя недолгое время посольство снова ползло, рассекая степь, к Суманским перевалам, а Юхха в ритуальной накидке сидела под пологом кибитки, ничем не напоминая дикую кошку; но все в посольстве знали: дикая кошка живет в ее сердце и в любой момент готова выпустить когти.

Рохх и Махат придержали дромаров, в последний раз бросая взгляд назад, где лучник запрягал стерха. Слегка очухавшийся Эсхат лежал в арбе, ноги его уныло свешивались меж тонких оглоблей.

— Да, — глубокомысленно заметил Рохх. — Не завидую я туранскому принцу...

Хожд

Над Порт-Суманом сияло солнце, совсем как в воспоминаниях Хожда. Все годы обучения ему грезилась одна и та же картина: вид из окна второго этажа отцовского дома — причалы, залитые солнцем, корабли с убранными парусами, пестрая толпа на пирсах и перед ними...

Сейчас он видел все это вживе. И ничто не изменилось: ни дробящееся в волнах моря сияние, ни очертания кораблей, ни гомон толпы. Только не нужно было вставать на цыпочки, чтобы увидеть все, что под окном: теперь Хожду хватало роста.

Часы на ратуше, невидимой из этой комнаты, пробили полдень, и тотчас отозвались тяжелым гулом часы в кабинете отца: «Бум-м-м-м... Бум-м-м-м-м...» И так двенадцать раз. От их боя содрогался весь дом. Странно, что не звенела посуда в шкафах и не падали с ажурных столиков дорогие хрустальные вазы. Домашние словно не замечали этих ежечасных встрясок; обостренные Храмом чувства Хожда никак не могли привыкнуть к ним и всегда оказывались застигнутыми врасплох. И зачем отцу эти чудовищные часы?

Пора. Отец собирал в полдень самых влиятельных торговцев Сумана. И намекнул, что присутствие Хожда обязательно.

В библиотеке расположились человек десять — кто в креслах у стеллажей с книгами, кто у окна — в основном заядлые курильщики, — кто за столами. Отец сидел с курильщиками.

Войдя, Хожд с достоинством поздоровался со всеми. Торговцы с любопытством разглядывали возмужавшего сына дожа, которому, наверное, суждено занять в будущем этот

пост. Хожд отнесся к оценивающим взглядам спокойно: Храм научил его многому.

Когда собрались все приглашенные, дож погасил трубку и вышел в центр библиотеки, где его могли видеть все собравшиеся.

— Я созвал вас, почтенные горожане, для того, чтобы обсудить невеселое положение, в которое некоторое время назад попал Суман. Все, наверное, знают, о чем я говорю, но для одного человека придется рассказать все с самого начала. Для Хожда Румма — моего сына, недавно закончившего обучение в Храме Войны. Потому что именно ему мы намерены поручить хлопотную миссию...

Дерег Румм, дож Сумана, глава Совета Гильдии торговцев, прервался и внимательным взглядом обвел присутствующих. Затем продолжил:

— Все прекрасно знают, на чем основана наша навигация: на том, что металлические стрелки чувствительны к расставленным на берегах камням Холлы. Сотни лет капитаны водили суда по морю, проходили без всяких проблем Шхеры Шепчущей Горловины, и никогда наши стрелки нас не подводили. Но с недавних пор творится что-то непонятное: стрелки стали врать. Шесть — уже шесть! — кораблей поочередно сели на мель недалеко от Зеленого Рифа. И были разграблены тут же, хотя пиратам мы не так давно задали добрую трепку и вывели их под корень. Приличных кораблей у них не осталось, а располагая лишь лодками, наши суда не захватишь. Смею предположить, что пираты нашли способ запутать нашу систему навигации и пользуются этим нагло и беззастенчиво, хотя совершенно не представляю, как им это удалось. Терпеть подобное безобразие нет никакой возможности, все обеспокоены скачками цен на суманских рынках, многие торговцы терпят убытки... Надо что-то делать. А посему нужно снарядить несколько кораблей и очистить море от пиратов, и главное — выяснить, почему врут наши маяки. Задача не из легких, понимаю, и поручить ее решено Хожду — пусть покажет, что не зря учился в Храме. Готов, сын?

Ни секунды не колеблясь, Хожд ответил:

— Да, отец. Обещаю тебе и уважаемым торговцам Порт-Сумана, что сделаю все возможное, а если понадобится — то и невозможное, и избавлю страну от неприятностей.

Хожд говорил спокойно и уверенно, зная себе цену.

— Хорошо сказано, — заметил один из торговцев. — Теперь нужно так же хорошо справиться с поручением.

— Сколько кораблей и воинов мне дают? И какой отпущен срок?

— Кораблей и воинов — сколько скажешь. А срок — чем быстрее, тем лучше. Торговля хиреет на глазах, слыханное ли дело! А караванов сколько ни посылай, оборот не тот, что морем... С югом связи почти нет, когда такое было...

Спустя час Хожд отправился в порт — поглядеть на корабли, потолковать с капитанами и офицерами морских пехотинцев. Тянуть он не собирался, дело не терпело отлагательств.

— Присмотришь за ним, — негромко сказал дож Лату Кли, седовласому военному советнику, громившему пиратов, еще когда сам дож учился ходить. — Если все будет делать как надо, не вмешивайся. А если провалит... что ж, значит, зря я платил Храму.

— Надеюсь, что не зря, — ответил Лат. — Мне он понравился. Справится, не сомневайся.

— Посмотрим... Харид, почему твои лавки второй день не торгуют шандаларскими тканями? Только не говори, что у тебя кончились завезенные из Гурды запасы.

Разговор перешел на торговые темы, курильщики запыхтели трубками еще яростнее; покинувший библиотеку Лат еще долго слышал разные голоса. Он тоже отправился в порт.

Тиар

В тронном зале дворца даже тишина казалась торжественной. Развешанные по стенам гобелены, геральдические щиты и портреты королей минувшего, трон на возвышении, доспехи — все дышало древностью и породой. Тиар, облаченный в парадную накидку наследного принца, благосклонно кивал кла-

няющимся придворным. Сам он поклонился только отцу — Балху III, королю Паномы. Такое почтение к собственной персоне все еще забавляло Тиара. В Храме он привык чувствовать себя подчиненным.

Большинство баронов встретило принца с нескрываемым восторгом: натянутые отношения с варварами Пустошей пора было налаживать, но заниматься этим не хотелось никому. Вернувшийся из Храма Войны принц займется именно этим, никто не сомневался ни секунды.

Когда принц занял законное место справа от трона, король поднял руку, и негромкие голоса в зале тотчас смолкли.

— Я собрал вас здесь, мои верные вассалы, дабы поделиться беспокойными мыслями о состоянии дел в королевстве. Ничего особенно неприятного не происходит, зато непонятного — хоть отбавляй. А непонятное имеет свойство быстро становиться неприятным, увы...

С соседями из Сумана у нас давний и прочный мир, но последнее время упали доходы от торговых пошлин, потому что корабли Сумана опять грабят поднявшие голову пираты. Но это проблемы Сумана — с пиратами пусть расправляются сами.

С варварами Пустошей формально тоже мир, хотя изредка случаются мелкие стычки. К счастью, чаще всего неприятности быстро улаживают офицеры прямо на месте. Беспокоит меня следующее: те же офицеры доносят, что небольшие группы варваров слоняются по нашим северным землям, словно что-то ищут. Они никого не трогают, что очень странно, селения и путников не грабят, что еще более удивительно, просто шныряют и везде суют свои носы. Что можно искать в Паноме? Теряюсь в догадках. От варваров можно ожидать чего угодно, поэтому считаю, что нужно усилить гарнизоны в северных провинциях. Сыну же моему, принцу Тиару, повелеваю разузнать, что именно влечет на наши земли варваров. Вести войска к Хлоту ему придется завтра же.

Тиар низко поклонился: вот и первое дело. От него явно ждут демонстрации приобретенного в Храме умения. Что ж, в таком случае нужно показать им, на что способен ученик Жриц.

— Благодарю, Ваше Величество! Вы не будете разочарованы!

Повадки и традиции паномского двора не вытравились даже восьмилетним пребыванием в Храме. Тиар мгновенно вспомнил все церемониальные штучки, хотя ему казалось, что многое он безвозвратно забыл.

Когда придворные разошлись из тронного зала, король подозвал Вакура, военного министра, водившего паномские полки еще при отце Балха.

— Отправишься с войсками, старый лис...

— Ваше Величество сомневается в принце Тиаре? — осторожно поинтересовался ветеран-вояка.

— Не то чтобы я сомневался, — ответил Балх. — Однако так я буду ощущать себя спокойнее. Тебе сразу станет ясно, чего стоит принц как полководец. Если он то, что мы хотели заполучить, не мешай ему. Пусть делает по-своему. Действовать будешь, только если он окажется совершенно беспомощным. Но надеюсь, тебе предстоит побыть просто наблюдателем.

— Я понял, Ваше Величество. Будьте спокойны, — кивнул Вакур и поклонился.

«Назначу ему толкового адъютанта, — подумал он, покидая зал. — Из ветеранов...»

Войска выступили на рассвете, и впереди на породистом туранском скакуне ехал принц Тиар. Провожала его вся Панкарита, невзирая на ранний час. Восходящее солнце сверкало в начищенных доспехах воинов, и казалось, что каждый из них уносит с собой слепящий кусочек. На север, в Пустоши, которые беспрерывно поют.

Ульма

Все улицы Порт-Сумана рано или поздно приводят на набережную, в этом Ульма не раз убеждалась последние годы. Поначалу припортовые закоулки сбивали ее с толку, как и любого чужака, но за год она пообвыклась и быстро научилась ориентироваться даже в смахивающем на лабиринт центре.

Ульма пересекла Гранитную площадь и углубилась в скорняжный квартал. Запах выделанных и невыделанных шкур тяжким облаком витал над кривыми улочками всегда, независимо от времени года. Дома здесь были большей частью старой постройки, успевшие потемнеть от зимних ветров еще до прихода Желтой Чумы; такие же сохранились в квартале каменщиков и вокруг центральных площадей, у дож-вельдинга. Полвека назад мода на крутые черепичные крыши прошла, и взамен обветшалых лачуг дож велел отстроить приземистые дома с покатой кровлей и причудливыми башенками. Порт-Суман вновь изменил лицо, но на этот раз горожане только радовались: многие, кому до сих пор приходилось ютиться в тесных припортовых домишках, получили возможность вселиться в новые кварталы. Если, конечно, их ремесло позволяло выплачивать ренту...

Тараг стоял в самом центре квартала, несколько отступив от череды лавок и аптек. В посеребренных куполах отражались низкие свинцовые тучи. Тяжелые двери мореного дуба были полуоткрыты. Насколько Ульма знала, эти двери не запирались никогда, даже во время мора. Собственно, старики говорили, что только здесь можно было спастись от чумы, если болезнь не успела зайти слишком далеко. Жрицы Тарага умели исцелять многие недуги, и практически все выжившие после мора пили в Тараге чудодейственное зелье. Но таких в Порт-Сумане остались единицы: кого пощадила болезнь, не пощадило время.

Толкнув дверь, отворившуюся совершенно бесшумно, Ульма вгляделась в зыбкую полутьму. Алтарь и полки с книгами угадывались у дальней стены; два ряда колонн поддерживали своды. В левом углу курилась ароматическая свеча.

— Что привело тебя в Тараг, сестра?

Ульма резко обернулась: жрица стояла совсем рядом, словно возникнув из воздуха. Хотя Ульма обязана была заметить ее приближение.

— Ветер с Гор, сестра. Неутомимый западный ветер...

Жрица подняла руку, одновременно с этим развернулась ее темная накидка.

— Ни слова больше! Продолжим чуть позже...

Жрица признала в Ульме посланницу Храма Войны, которому подчинялись все Тараги этого мира, небольшие посольства жриц во всех крупных городах Сумана, Паномы и даже кое-где на юге — в Шандаларе, Фредонии, Гурде... Но почему-то она не хотела, чтобы условная фраза была произнесена здесь, в общем зале Тарага.

Узкая дверь, затем крутая лестница, короткий извилистый коридор — и Ульма предстала перед Жрицей-Хранительницей, главой Порт-Суманского Тарага.

— Я пришла с ветром, что держит на плечах этот мир со времен создания первой горсти земли...

Хранительница кивнула и предложила Ульме сесть на широкую лавку у стены. Еще две жрицы трудились за столом в углу: похоже, переписывали старую книгу, шелестя пожелтевшими свитками и скрипя перьями.

— Приветствую тебя, посланница Храма. Я — Нашаста, Хранительница этого Тарага. Мой слух принадлежит тебе.

— Я — Ульма, ходок в свите Жрицы Наблюдения и Почты Айгаллы. Айгалла приветствует моими устами всех служителей этого Тарага и тебя, Высшая.

Нашаста с достоинством склонила голову. Храм среагировал на ее послание поразительно быстро: она лишь испросила позволения проверить кое-какие слухи, а Айгалла тут же прислала жрицу-ходока. Это хорошо. Во-первых, не придется отрывать от повседневных занятий какую-нибудь из своих служительниц, а во-вторых, как соглядатай эта Ульма-ходок несравненно искуснее ее тарагских жриц. Наверное, Ульма — постоянный наблюдатель в Порт-Сумане. Ведь почтового голубя Нашаста отправила только вчера...

— Рада, что Храм прислушался ко мне. Известно ли тебе, о чем шла речь в моем послании Настоятельнице?

— Нет. Мне велено прийти в Тараг и выполнить все, что пожелает Хранительница.

Нашаста прищурилась, выдерживая паузу. Ульма не проявила и тени любопытства. Впрочем, под началом Айгаллы кто попало не служит... Стоит ли удивляться? Да и прислали наверняка лучшую.

— История проста: семь лет назад из Тарага в Зельге исчез один из Талисманов Пути. Не мне объяснять, что простому

вору он не нужен. Похоже, нашлись его следы. Прошел слух, что сейчас им владеет некто Матвей, бродяга и пират с юга. Его видели в своре Чатта-отступника, где-то в шхерах. Нужно найти Матвея и, если он действительно владеет талисманом, вернуть Храму принадлежащее по праву. Лучше, если Матвей расскажет, откуда у него талисман. Но можно и просто принести талисман вместе с вестью, что Матвей мертв. Хотя я предпочла бы первое.

Ульма бесстрастно поклонилась.

— Я поняла, Высшая. Задание разумнее разделить на две части: первая — выяснить, действительно ли южанин владеет нашим талисманом, и если это так — осуществить вторую, захват талисмана. К первой я готова уже сейчас, подробности второй выяснятся позже. Если тебе нечего добавить, я займусь этим немедленно.

Нашаста вежливо улыбнулась:

— Раз тебе заниматься этим делом — пусть будет так. Любая помощь будет оказана тебе немедленно, только скажи.

— Я вернусь через несколько дней. До встречи!

— До встречи...

Ульму проводили до самых дверей Тарага.

Чатт

Медлительный парусник величаво шел вдоль скалистого берега. Верхушки мачт скрывались в кисельном тумане, вечно клубящемся над водами внутреннего моря. Капитан стоял на мостике и нервно грыз мундштук резной, шандаларского дуба трубки; рулевой косился на него с некоторой опаской. Когда капитан нервничает — жди беды.

Повод для тревоги имелся. Вроде бы пустячный: путеводная стрелка еще утром должна была повернуться и указывать на юго-запад, потому что ближайший камень Холлы они миновали на рассвете. К полудню она должна была почувствовать следующий камень, у Нагорья Трех Братьев. А стрелка глядела на восток, словно завороженная, не отклоняясь ни на румб. Ка-

питан пребывал в растерянности: впереди прятался под волнами Зеленый Риф. Если бы стрелка вела себя как положено, обнаружить опасное место не составило бы труда, но момент был упущен, и судно теперь шло наугад. Если повезет — проскочат... Главное — не терять из виду берег.

Спустя какое-то время стена тумана поглотила скалы, капитан ругнулся и потер уставшие глаза.

— Правь ближе к берегу, — велел он рулевому. — Да поаккуратнее, сто акул тебе в печенку...

Рулевой осторожно повернул штурвал, глядя на предательскую стрелку. Окрашенный в красный цвет кончик медленно пополз над разграфленной на румбы шкалой. Главное, помнить: восток там, куда сейчас глядит эта чертова стрелка...

Волны с плеском бились в борт шхуны. Берег не появлялся.

И вдруг корабль содрогнулся, словно подстреленная птица. Раздался ужасный скрежет, моряки рухнули на палубу, не в силах устоять на ногах. Острые каменные зубья пропороли обшивку днища, в трюмы хлынула вода, корабль опасно накренился, заскрипели снасти, и отчаянный вопль вырвался из десятков глоток.

Шхуна намертво села на скалы Зеленого Рифа. Им не повезло.

И тут из тумана словно по волшебству возникло множество лодок, яликов, корабельных шлюпок и даже несколько наспех сооруженных плотов.

— Пираты! — упавшим голосом воскликнул рулевой, вцепившийся в штурвал и так и не выпустивший его из рук.

Не прошло и минуты, как первые грабители взобрались на палубу. Захваченных врасплох матросов резали бронзовыми ножами прямо на месте, те даже не успевали оказать хоть какое-нибудь сопротивление. Оружие рвалось из рук и улетало за борт, словно в кинжалы и шпаги вселились бесы. Лодки и плоты окружили севшую на мель шхуну, как мелкие хищники павшего исполина.

Лишь одна лодка держалась в отдалении: самая большая, с высокими бортами и пятью парами весел. На дне лодки в специальных деревянных салазках покоился большой продолговатый камень, черный, как южная ночь в новолуние.

Если бы кто-нибудь на шхуне удосужился взглянуть на путеводную стрелку у брошенного штурвала, он бы понял, что стрелка, как прикипевшая, глядит прямо на камень в лодке. Но смотреть было некому: капитан в луже собственной крови застыл у борта, уставившись остекленевшими глазами в белесое марево, рулевой ничком лежал в метре от него, матросов швыряли за борт на корм вечно голодным рыбам, а пиратам не было никакого дела до любых стрелок — их манили трюмы с товарами.

Высокий человек с багровым шрамом на щеке, скрестив руки на груди, наблюдал за нападением на торговца из лодки. Рядом с камнем на круглой банке сидел светлокожий южанин, не то из Шандалара, не то из Сагора. С недавних пор он стал правой рукой главаря пиратов Чатта, хотя никаких особых заслуг никто из головорезов берегового братства за ним не помнил.

Но Чатт знал, что ему нужно. Южанин был дьявольски умен и изобретателен, и это Чатту нравилось.

— Прекрасно, Матвей. Прекрасно! Седьмой корабль за два месяца. Признаюсь, я не ожидал такого успеха, — сказал человек со шрамом на щеке.

Он обернулся, оторвавшись от созерцания накренившейся шхуны.

— Я не зря плачу тебе столько. Волны — свидетели...

— Чатт, я уже говорил тебе: нападения у Зеленого Рифа надо прекращать. Порт-Суман уже после второго разграбленного торговца стал похож на рассерженный пчелиный рой. Удивляюсь, как до сих пор Гильдия не снарядила военную эскадру.

— Вздор, моим молодцам не по нраву сидеть без дела! Все горят желанием отомстить Суману за позор последних двадцати лет. Береговое братство возродится, и сокровища толстозадых суманских купцов очень этому поспособствуют!

Матвей скептически покачал головой:

— Я могу указать тебе еще дюжину удобных для нападения мест. Нельзя дважды таскать мед из одного и того же дупла — в течение одного дня по крайней мере.

Чатт фыркнул:

— Ты что, пасеку у себя дома держал? Только и слышишь от тебя: пчелы, мед...

— Подумай, Чатт, — вздохнул южанин. — Подумай, или будет поздно.

Впрочем, главарь пиратов и сам понимал, что Матвей прав. Надо, чтобы он указал остальные удобные места: осторожность никогда не вредит. И в Порт-Суман сегодня же отправить парочку шпионов: что творится в логове торговцев, нужно знать, да и портовые сплетни нелишне выслушать.

Содержимое трюмов раненой шхуны весело перетаскивалось в лодки. Пираты, улыбаясь до ушей, таскали тюки, сундуки и мешки — ведь занимались они любимым делом. Увлекательнее этого были, пожалуй, только абордажи.

Чатт потер ладонью шрам.

— Матвей, я хочу захватить один из кораблей неповрежденным. Думай. — И повысил голос: — Гребцы! К шхуне!

Плоские деревянные лопасти окунулись в соленую влагу, одинаково легко носившую на себе и торговые суда, и пиратские лодки.

Тиар

Унылые просторы Пустошей монотонно тянулись навстречу. Дважды отряд Тиара сталкивался с группами варваров, и дважды те поспешно отступали к северу. Они явно уклонялись и от схватки, и от разговора. Тиар недоумевал: никогда варвары не отступали. Даже если у них было вдвое меньше воинов, они без колебаний шли в бой. Первоначальный план рухнул, как домик из костяшек домино: Тиар хотел перехватить небольшую группу варваров, и выспросить у них все. Если придется — силой. Но со всем этим боевым железом за шустрыми хозяевами Пустошей не очень-то погоняешься... Даже верхом. Впрочем, лошадей в отряде было всего три: у Тиара, у военного министра да обозная кляча у стряпуна. Тиар не хотел и этих брать, исключая разве что запряженную в телегу с котлом и прочей кухонной утварью клячу. Пришлось... Обычаи, видите ли. Не пристало Его Высочеству Тиару то-

пать пешком по Пустошам! А трястись и выть от скуки в седле — пристало? Пока пехотинцы тащатся, приминая чахлые пучки колючек?

Вакура отец послал, ясное дело, приглядеть за его, Тиаровыми, поступками. Не верит, значит. Правильно: Тиар тоже бы не доверил юнцу серьезное дело вот так, с ходу, без проверки. Так что приходится прикидываться идиотом и терпеть. Впрочем, Вакур держится с пониманием и не лезет с советами. И адъютант его, вислоусый капрал Шрип, ходивший по Пустошам еще с Вакуром-лейтенантом, держится как ни в чем не бывало, хотя явно понимает больше, чем показывает королевичу.

Итак, варвары снова сбежали, едва увидев на горизонте колонну паномских мечников. Что это может значить?

Начнем сначала: скорее всего они что-то или кого-то ищут. А раз уклоняются от встреч, значит, что-то или кто-то представляет немалую ценность. Что ж, будем следовать их примеру, порыскаем по Пустошам — авось чего-нибудь и прояснится...

На лагерь варваров вышли спустя три дня. Случайно, конечно: пересекали русло давно высохшей реки и вдалеке увидели группу воинов на отдыхе. Тиар сразу же повернул коня и ударил пятками в крутые бока. Туранский жеребец пошел легкой рысью, а варвары мигом вскочили и спешно направились прочь.

«Ну уж нет! — подумал Тиар, подгоняя коня. — Сегодня я с кем-нибудь из них потолкую!»

Пешком удрать от всадника не под силу даже самому лучшему бегуну — спины варваров приближались с каждым мгновением. Тиар раскрутил над головой лассо — Жрица Гибкого Хвата в свое время долго ставила ему руку...

Крепкая веревка обвилась вокруг шеи одного из бегущих, натянулась, как струна. Варвар, словно ерш на крючке, судорожно дернулся; ноги его высоко задрались. Спустя мгновение он, хрипя, уже валялся на спине, ухватившись обеими руками за петлю на шее. Тиар ослабил натяжение, чтоб ненароком не задушить пленника.

Соскочив с коня, Тиар сматывал лассо правильными кольцами. Солнце и Луны, он заставит этого дикаря в доспехах из кости развязать язык!

— Йэ-ээр! Отпусти моего воина, кто бы ты ни был! Или я выпущу тебе кишки на корм воронам Пустошей!

Тиар рывком обернулся — совсем рядом стоял могучий варвар, сжимая баргу из лосиного рога. Мохнатая шкура покрывала бочкообразную грудь; оплечья из бараньих лбов, увенчанные витыми рогами, ослепительно белели. Локти скрывались под наручами из тех же шкур, усиленных костяными накладками, меж которых виднелись вправленные звериные зубы. Умелый удар наручи мог запросто убить...

Талию варвара охватывал кожаный пояс, сшитый из отдельных полос; каждую полосу покрывал сложный узор из костяных и бронзовых блях; на поножах бляхи были только бронзовые. Особо привлекли внимание Тиара шипы на наколенниках — длинные, с человеческий палец. У пояса виднелся широкий двулезный кинжал из тусклой бронзы. Ни пращи, ни обычного для жителей Пустошей копья у этого воина не было.

Тиар ослабил лассо.

— Клянусь Светом и Темнотой: я хотел только поговорить с кем-нибудь из обитателей Пустошей, но все бегут, завидев мой отряд, словно нас поразила чума. Я хочу поговорить и поговорю, даже если собеседника придется привязать над костром для вящей разговорчивости!

— Для начала поговори с моей баргой, южанин! — оскалился варвар и занес свою чудовищную боевую сапу.

Выпустив из рук лассо, Тиар обнажил меч и изготовился к защите.

«Вот оно, настоящее испытание... — подумал он, сосредоточиваясь. — Жаль, что этого не увидит Наставница...»

Рог и сталь встретились с сухим треском.

Рукоятка барги была, вероятно, чем-то пропитана. Меч ее не брал, хотя Тиар раньше легко перерубал тележную оглоблю. Каждый взмах варвара сопровождался жутковатым воем, но Тиар знал, что оружие жителей Пустошей способно звучать на замахе, и не удивился.

Соперник королевича обладал медвежьей силой, приходилось отводить его удары, потому что просто встречать их было равносильно попытке задержать падающую скалу. Меч и барга раз за разом сшибались, но ни один из сражающихся

не позволял нанести себе хоть какой-нибудь ущерб. Мощь сдерживалась гибкостью и быстротой.

Некоторое время они кружили друг против друга, выбирая удобный момент: оба сообразили, что нахрапом соперника не взять.

Тем временем отряд Тиара подоспел к месту схватки. Латники вытянулись полукругом; напротив них застыли одетые в кость варвары. Главари бились, словно на арене, и никто не осмеливался вмешаться в их поединок.

Парируя хитроумный удар сбоку, Тиар неудачно двинул мечом; зацеп гарды намертво сросся с зубцами лосиного рога. Руку вывернуло, и меч выскользнул из ладони. Но варвар тоже не удержал оружие: барга и меч отлетели в сторону и шлепнулись на песок.

В руке варвара возник бронзовый нож. Тиар выдернул из-за пояса метательный топорик.

Бронза бессильна против паномских доспехов — грудь прикрыта зерцалом, плетеная кольчуга на плечах, наручи. Впрочем, варвар — умелый воин; найти щель в доспехах трудно, но возможно.

Выпад — Тиар уклонился и взмахнул топориком. Быстрый, как кот, варвар присел, свободной рукой намертво вцепился в кисть Тиара. Королевич среагировал мгновенно и не задумываясь: потянул руку чуть на себя, левой ладонью схватил варвара за локоть, качнулся и коротким движением вывернул предплечье соперника против сгиба. Варвар, взбрыкнув ногами, упал. Ногой Тиар тут же выбил нож, однако и сам остался без топорика: варвар, лежа, поступил так же.

Спустя мгновение варвар уже стоял. В глазах его читалось невольное уважение: он явно не ожидал такого умения и прыти от хрупкого на вид королевича. Продолжили без всякого оружия, голыми руками.

Некоторое время они обменивались ударами, но осторожность у обоих брала верх.

Наконец Тиару надоело. Отступив немного назад, он поднял руку:

— Постой! Ради чего мы бьемся? Я только хочу поговорить.

Варвар вопросительно взглянул в лицо Тиару.

— А кто ты такой, южанин? И что делаешь на границе наших земель?

Тиар вскинул подбородок.

— Я — Тиар, наследный принц Паномы, сын короля Балха Третьего! Назови себя, воин Пустошей!

Варвар расправил плечи:

— Я — Сай, сын Полаха, верховного шамана северных Пустошей. Любой из воинов Пустошей подчиняется мне! Если вы действительно пришли поговорить, не теряй времени, спрашивай, королевич! Я отвечу на любой твой вопрос.

С этими словами Сай подобрал баргу, отцепил меч Тиара и коротким расчетливым движением метнул его хозяину. Тиар так же ловко поймал его и отправил в ножны.

— С недавних пор твои воины шастают по северным землям королевства, нарушая мирный договор. Мы хотим знать причину этого. Крестьяне волнуются, потому что иногда твои воины нападают на них.

— Виновных я немедленно выдаю паномским патрулям! — возразил Сай. — Я запретил нападать на жителей королевства.

— Но тем не менее воины Пустошей не уходят из Паномы. Причина должна быть достаточно веской.

Сай некоторое время помолчал, размышляя. Потом спросил:

— Знаешь ли ты, королевич, о Камне Отрана?

Тиар, конечно, знал. Этот камень притягивал и обращал в пыль любое железо, кроме разве что бронзы. Обладая им, варвары Пустошей хозяйничали на севере безраздельно, даже паномские полки были бессильны против черной глыбы на ритуальных салазках.

— Кто на северных берегах моря не знает о Камне Отрана? Только младенцы... — сказал Тиар, пожав плечами.

— Камень похитили. Его мы и ищем. И пока не найдем, будем нарушать границы, потому что унесли его на юг.

— Кто?

Сай бессильно развел руками:

— Не знаю. Наверное, люди-из-лодок.

— Как же ты рассчитываешь найти Камень, если даже не знаешь, кто его похитил?

Варвар криво усмехнулся и неторопливо полез за пазуху.

Тиар прищурился. Его взору предстал темный от засохшей крови амулет, вырезанный из кости: пучеглазый божок-идол, сложивший руки на пухлом животе. Глаза его, похоже, представляли собой вправленные в кость металлические шарики-бусины. К макушке примыкало костяное колечко, сквозь которое продели кожаный шнурок. Сай взялся за шнурок, позволив амулету свободно свисать. Божок слегка повернулся вокруг оси и застыл, уставившись глазищами на юго-запад, в сторону Панкариты.

— Камень там, — махнул рукой Сай. — Амулет всегда глядит на него. Остается только следовать взгляду этих не знающих сна глаз, королевич.

Тиар коротко поразмыслил.

— Я не могу позволить твоим воинам идти к столице. Это приказ короля.

— А я не могу вернуться на Пустоши без Камня. Это приказ шамана, — не задумываясь парировал варвар.

Тиар остановил взгляд на могучей фигуре Сая. Решение пришло мгновенно, но согласится ли на него этот своенравный дикарь?

— А если я помогу тебе найти Камень? Обещаю, что никто не позарится на него. Да и как — мои воины и близко не смогут подойти к нему, потому что без железных доспехов и без оружия они перестанут быть воинами. Мы переправим Камень к северным границам, где ты со своими людьми подберешь его. Как насчет этого?

Сай поразмыслил.

— Я пойду с тобой, королевич. Только я — остальные воины будут ждать меня в Пустошах. А те, кто сейчас в пределах Паномы, покинут королевство.

Варвар, освободившийся от петли, протягивал лассо Тиару. Тот принял его и водворил на пояс.

— Я согласен, — сказал он вожаку воинов Пустошей. — Куда там глядит твой амулет?

Сай обернулся к своим людям.

— Слыхали? Ждите меня на границе! И всем уйти из северной Паномы. Ничего не предпринимать, пока я не вернусь! Й-э-эррр!

— Й-э-ээрр!!! — дружно отозвались варвары. Не мешкая ни секунды, они развернулись и зашагали на север, к источнику Бешеных Псов, где удобно было разбить лагерь.

Божок глядел в сторону Панкариты.

Хожд

Лодки пиратов густо чернели на свинцовой воде залива, казалось, что из шхер высыпали полчища муравьев. Но Хожд знал, что каждый из этих муравьев сжимает кривой сагорский нож или короткий меч, откованный в гурдских степях. Впрочем, если судить по предыдущим схваткам, пираты почему-то перешли на бронзовые и костяные ножи, на боевые ликийские шипы и даже простые палицы. Хожд смутно чувствовал, что это неспроста и как-то связано с его миссией. Но понять никак не мог.

Арбалетчики притаились за бортом шхуны, абордажники распластались на палубе, сжимая оружие. Только рулевой изображал застигнутого врасплох купца: размахивал свободной рукой и зычно звал капитана. На баке кто-то колотил деревянным молотком не то в гонг, не то в рынду.

«Хорошо, — подумал Хожд. — Правдоподобно! Молодцы!»

Флагманская баркентина шла под торговым суманским флагом. Со стороны никто бы не заподозрил, что вместо товаров она скрывает отборные роты морских пехотинцев, бойцов умелых и тертых не в одном абордаже. А в отдалении, кроясь в тумане, наготове поджидают еще три корабля.

Пиратов ждала ловушка. И они попались на крючок, словно жирный сазан.

Когда борта лодок ударились в обшивку баркентины, а в планшир вонзились десятки бронзовых крючьев, арбалетчики по команде дали первый залп. Из нескольких дюжин пиратов на борт успели подняться всего полторы и тут же напоролись на пики пехотинцев-абордажников. Расчехленные баллисты, урча, метнули тяжелые снаряды, залив всколыхнула могучая волна, несколько лодок разлетелись в щепы, кое-какие перевернулись. Ошеломленные пираты барахтались в

воде, так и не успев сообразить, кто же дал им такой отпор. На отставших лодках спешно гребли к берегу, но два из трех кораблей подмоги уже сбрасывали тик-трапы в опасной близости от скал: один в миле восточнее, второй — западнее. Суманские пехотинцы выбрались на берег и взяли отступивших пиратов в клещи. Четвертый корабль сновал по заливу и топил уцелевшие лодки.

Спустя полчаса все было кончено: кто из пиратов не пошел ко дну или не был убит пехотинцами, связанный по рукам и ногам валялся в трюме под надежным замком и под охраной. Через пару недель их продадут в рабство, и они проклянут злую судьбу, сохранившую им жизни, и переполнятся завистью к своим погибшим в бою товарищам.

Те же немногие, кому посчастливилось прорваться сквозь цепи пехотинцев, торопливо уходили предгорьями к лагерю Чатта. Хожд рассматривал пустынный скалистый берег.

«Пора, — подумал он, — пора высаживаться и разгромить их логово. Только где оно? В каком фиорде?»

— Даггар! — крикнул Хожд пожилому сагорцу, доке по части допросов. — Давай-ка спустимся к пленным...

Даггар осклабился и поправил плоскую сумку со своим жутковатым инструментом. В сумке отчетливо звякнула сталь.

Не прошло и получаса, как Хожд пометил на карте нужный фиорд. Даггар действительно был мастером своего дела. Корабли ложились на новый курс; почтовые чайки разносили приказы капитанам оставшихся на дальнем рейде судов, скрипели снасти, волны упруго бились в выскобленные борта, и пел в парусах свежий ветер.

Атаковать решили на рассвете, потому что к месту подошли перед самыми сумерками. Вплотную Хожд подходить не решился: вожак пиратов слыл хитрой и осторожной бестией. Корабли отдавали якоря за острым скалистым мысом.

Приказав пехотинцам отдыхать перед утренним штурмом, Хожд отпустил капитанов и офицеров и поднялся на палубу. Запад догорал багровым, а над головой уже виднелись самые яркие звезды. Прибой слабо светился, шумели, накатываясь на берег, волны, и в этот шум вплетались еле слышные песни цикад.

«Утром, — подумал Хожд. — Утром я докажу отцу, что не зря провел в горах восемь лет. Хотя еще с неделю придется чистить шхеры от недобитых шаек... Но это уже детали...»

Спал Хожд крепко, как обычно, ибо воину не пристало терять сон из-за такой мелочи, как завтрашняя битва.

Якоря подняли, когда край Солнца показался над волнами залива. Скрип цепей заглушил утренние крики чаек; мачты одевались парусами, а форштевни вспороли поверхность залива. Мыс стал медленно надвигаться, открывая проход в пиратский фиорд. Косая тень от скал лежала на полосе прибоя правее мыса.

Лагерь открылся глазу, едва корабли обогнули мыс. Несколько пузатых домиков наподобие тех, что ставят у моря рыбаки, полсотни шалашей и цепь бугорков у самых скал, видимо, землянки. Одинокая струйка дыма поднималась в небо.

Пехотинцы действовали стремительно, как умели только они — воины Сумана, мастера морских сражений. Матросы еще не успели управиться с парусами, корабли еще не легли на новый галс, а шлюпки, полные пехотинцев, уже отвалили от бортов и устремились к берегу. Хожд глядел на лавину темных точек, захлестнувших логово пиратов, и подумал, что атака пехотинцев очень напоминает нашествие муравьев-кочевников на муравейник оседлых родичей.

Но не зазвучал далекий звон стали, не огласился лагерь хриплыми криками битвы — только чайки встретили высадившихся пехотинцев. Дома и шалаши были пусты.

Хожд ступил на берег спустя десяток минут. Солдаты преданно глядели на дожа, ожидая приказаний.

Пираты убрались из лагеря ночью. Не нужно быть следопытом, чтобы увидеть следы поспешных сборов — повсюду валялись брошенные впопыхах вещи, посуда, обломки мебели и корабельных сундуков. Забирали только ценности, оружие и провизию, все прочее либо бросалось на месте, либо крушилось на части и тоже бросалось. Хожд хмуро бродил среди этого разгрома и молчал.

Пиратов кто-то предупредил. А может, у них дозорные даже в соседних фиордах? Тогда это уже не те пираты, которых громил Дерег Румм, отец Хожда.

«А чего ты ожидал? — рассвирепел на себя Хожд. — Прошел Храм и возомнил себя великим стратегом? Когда пираты раньше выводили из строя вековую систему навигации, дотоле безотказную? Когда они ухитрялись разграбить за два месяца семь кораблей в одном месте?»

Хожд поймал выжидательный взгляд Лата Кли, советника дожа Сумана. Нужно было действовать.

Впрочем, Хожд уже успокоился. Он знал, что делать.

— Рен! — окликнул он капитана морских пехотинцев. — Вышли следопытов и выясни, куда отправились пираты. С грузом они далеко не уйдут. Прижми их к горам и раздави, как клопов на стене.

Пехотинец отсалютовал и исчез. Солдаты развернулись веером и покинули лагерь, чтобы вскоре собраться в нужном месте и начать погоню.

— Капитанам кораблей: приготовиться к отходу. Командам охраны быть наготове, додавим на пути к Порт-Суману всех уцелевших.

Сигнальщик замахал флажками; на кораблях в знак внимания приспустили вымпелы.

— Почтарь! Записывай сообщение.

Хожд на секунду прервался, пока помощник-писарь развернет лист и очинит перо.

«Дерегу Румму, дожу Сумана, главе Совета Гильдии торговцев.

Разбойники оттеснены к Южному перевалу, пехотинцы преследуют их по пятам. Флот возвращается в Порт-Суман. Готов повести к перевалу резервную роту морской пехоты, которая, надеюсь, готова будет выступить немедленно по прибытии флота.

С надеждой на успех — Хожд Румм, дож похода».

Перо доскрипело, лист свернут трубочкой и заключен в капсулу. Еще через минуту взмыл почтовый тольх — в город отправляли тольхов, а не чаек.

Хожд вновь перехватил внимательный взгляд Лата Кли.

— Думаешь, они пойдут к перевалу? — спросил советник с сомнением.

Хожд чуть заметно усмехнулся и развернул карту предгорий.

— А куда им деваться? С востока — Отрог Тысячи Круч. К западу — пограничники. С грузом они могут попытаться усколь-

знуть только по дороге. Дорога одна — до развилки. На развилке можно повернуть на Касут и Порт-Суман, но там пиратам делать нечего. Остается одно: идти к перевалу. Только в степях они смогут отсидеться. Раз они не ввязались с нами в бой, значит, поняли, что ближайшие годы их в покое не оставят.

Лат Кли оторвал глаза от карты и с уважением поднял взгляд на Хожда.

— Разрази меня штормовая молния, если ты не прав! Прямо сейчас можно докладывать дожу, что пиратов следует ловить у перевала. Впрочем, ты это уже сделал...

Хожд медленно свернул карту.

«Я перехитрю тебя, — подумал он, обращаясь к неведомому вожаку пиратов. — Ты умен, ты сумел сбить с толку путеводные стрелки, ты сумел сплотить и организовать разбитых пиратов, но я перехитрю тебя. Рен будет гнать тебя до самой развилки, а я с резервной ротой из Порт-Сумана уже буду поджидать на пути к перевалу...»

От дальних шалашей бегом приближался гонец-пехотинец.

— Дож похода! — даже не отдышавшись, доложил он. — Пираты повернули к дороге!

Лат Кли показал Хожду большой палец.

— Передай капитану Рену: преследовать пиратов до самой развилки! А там уже буду я с подкреплением, — сказал Хожд уверенно.

— Слушаюсь, дож!

Отсалютовав, посыльный бегом устремился к уводившей в горы тропе.

Шлюпки отчалили спустя пять минут. Пиратский лагерь вновь опустел, и только чайки остались рыться в отбросах. Крепкий ветер наполнил паруса, корабли один за другим огибали мыс и быстро уходили на запад, к Порт-Суману.

Чатт

— Шевелитесь, разрази вас небесный гнев! Шевелитесь, дохлые креветки! Пехотинцы никого не щадят!

Пираты, надрывая мускулы, толкали салазки с тяжеленной черной глыбой к близкой уже дороге. Там дело пойдет

легче. Чатт знал: по отполированным булыжникам салазки будут скользить охотнее, чем по диким камням гребня.

Рассветало. С высоты фиорд и гладь моря казались прудом в чьем-нибудь саду. Солнце растопило клубящиеся над водой облака, туман отступил от берега, и стали видны темнеющие за ближним мысом корабли Сумана. На мачтах расцветали паруса — скоро солдаты поймут, что лагерь пуст, и начнут преследование. А дорога еще так далека...

Чатт выругался. Если бы не Камень, они наверняка успели бы убраться за перевал. Со всем награбленным. А на эти денежки можно было снарядить приличный корабль где-нибудь на юге Шандалара. Или в Сагоре. Даже не один корабль — целую эскадру. Надо же, как быстро опомнились суманские купцы...

— Шевелитесь, медузы снулые! — зычно заорал Чатт, но это не возымело обычного действия. Даже на здоровяков халадов.

«Устали... — подумал Чатт. — Неужели придется бросить?»

— Матвей! — крикнул Чатт, призывая южанина-ловкача.

Тот возник рядом, словно только и ждал зова.

Пехотинцы уже шныряли по лагерю, а пристальные взгляды их командиров, казалось, жгли пиратам спины.

— Я здесь...

— Как думаешь: успеем к перевалу?

Матвей взглянул вниз, потом на Чатта.

— Если они не дураки — нет. Не успеем. А они не дураки, как мы уже успели убедиться.

Да, в этом Чатт убедился. Молодой дож действовал незамысловато, зато очень эффективно. Собственно, пираты и сами расслабились, привыкли грабить жирных торговцев, которые и отпор-то толком дать не могут... На последний абордаж даже Камень не взяли, и это оказался не перепуганный купец, а военный корабль с регулярной ротой морских пехотинцев... Матвей не раз говорил Чатту, что нужно менять тактику, но тот отмахивался, опьяненный легкими победами, думал, что еще немного можно подождать. Еще пару кораблей ограбить. Еще десяток сундуков набить. Еще два десятка раздать молодцам. И вот она, расплата...

Единственная ошибка дожа — не стоило ждать утра, надо было напасть ночью, и для Чатта и его людей все было бы кон-

чено. Не учел он, что ближе к главарю больше дисциплины и дозоры на мысе не только хлещут гурдские вина, но и на море глядят иногда...

Чатт сверкнул глазами:

— Да. С Камнем нам не уйти. Но и бросать его мы не станем. Я знаю, что делать, Матвей!

Чатт ухватился за мелькнувшую мысль и, не найдя в ней серьезных изъянов, решил попытать судьбу.

— Уводи всех, кто несет ценности, за перевал! Головой отвечаешь! Деньги и золото нужно сохранить во что бы то ни стало. А мы с Камнем встретим погоню... И запомни, ловкач: от меня еще никто не уходил.

Матвей понимающе кивнул:

— Пожалуй, это действительно выход. Я сам хотел предложить тебе разделиться... А за меня не беспокойся: я еще никого из тех, с кем вместе работал, не надувал. Это мое правило, если ты не забыл.

Чатт осклабился:

— Я не забыл. Но на всякий случай напоминаю...

Пехотинцы дружно покинули лагерь. Лавина темных подвижных точек начала подниматься к дороге. До стычки оставалось около трех часов. Есть время подготовиться.

— В путь! До встречи за перевалом!

— До встречи!

Отряд разделился. Полторы сотни дюжих разбойников с пухлыми заплечными мешками быстро зашагали по горной тропе; оставшиеся навалились на неподатливую тяжесть черной глыбы, стараясь поднять ее повыше в горы.

Матвей

Перевал встретил их потоком теплого воздуха. По мере подъема сила потока возрастала. Вольные ветры южных степей лились на земли республики, ползли к подножию гор и окутывали море пеленой белесого тумана.

Достигнув высшей точки на тропе, Матвей обернулся. Отряд, растянувшийся цепочкой, полз к перевалу, словно

упорный длинный червь. По ту сторону гор воздух был кристально прозрачен, и бескрайние травянистые равнины просматривались на многие мили. Вдалеке виднелся мутный шлейф поднятой пыли: к перевалу кто-то приближался со стороны степей. Но пыль клубилась еще очень далеко; даже если это пыль из-под ног дромаров, всадники прибудут к перевалу не скоро.

Хлебнув из фляги, Матвей присел на плоский обломок камня. Спутники поднимутся к нему не раньше чем через десять минут. Есть время отдохнуть и осмотреться. И подумать.

Над тем, не пришла ли пора нарушить старое правило.

Достаточно ли несут золота пираты, приближающиеся к перевалу? Чатта все равно не пощадят. Военные Сумана всегда были беспощадны к тем, кто мешал торговле. Так не лучше ли за перевалом повернуть куда-нибудь в тихое место? Часть денег раздать сообщникам, а оставшиеся он найдет куда употребить...

Он закурил трубку вишневого дерева, с наслаждением затянулся и приготовился взвесить все за и против.

Порыв холодного ветра застал его врасплох. Сбоку, за серой громадой скалы, где росло несколько чахлых сосенок, что-то сверкнуло.

Матвей чертыхнулся и встал.

У сосенок вновь несколько раз сверкнуло, словно туда то и дело била молния. Но какая молния при ясном небе?

Ледяной ветер налетал тоже оттуда, странный, порывистый, колючий.

Матвей оставил трубку на камне и скользнул к скале. Туда вела еле заметная тропинка. Прячась за сосенками, Матвей выглянул. Он увидел небольшую ровную площадку, усеянную колотым гранитом. На площадке, отряхивая белоснежный плащ, вставал с колен высокий соломенноволосый парень. В левой руке он сжимал сверкающий на солнце меч, украшенный крупным изумрудом.

Вновь налетел порыв ветра, и по глазам резанула короткая вспышка. Матвей заслонился ладонью, но тотчас опустил ее.

Прямо из пустоты на площадку вдруг ворвались еще двое, один в сине-желтом плаще, второй в зеленом. У этих тоже

были мечи. Не устояв на ногах, оба плашмя повалились на гранитную крошку, шипя и тихо ругаясь от боли.

Не прошло и минуты, как появились еще двое, в коричневом и желтом плащах.

Матвей присмотрелся.

Обладатели зеленого и желтого плаща были черноволосы и крепко сложены; остальные повыше и постройнее, кроме того, что в коричневом: этот был и высок, и крепок одновременно. У зеленого и сине-желтого мечи были черны, у остальных — сверкающи и с зелеными камнями на гардах.

Кое-как все пятеро поднялись и стали озираться.

— Гляди, Тарус! Они посветлели! — сказал тот, что в белом плаще. Акцент у него был какой-то странный, незнакомый, хотя Матвей исходил немало земель и знал массу наречий.

— Какие посветлели, а какие и наоборот... — проворчал тот, которого назвали Тарусом.

Крепыш в коричневом плаще глянул с обрыва.

— Ого! В горы нас занесло, чародей. Гляди, высота какая...

Чародей глянул, но вид его, очевидно, не впечатлил. Он сунул вороненый меч в ножны и кивнул спутнику в зеленом:

— Можешь прятать, Хокан. Он пока не понадобится.

Остальные мечи, видимо, могли им понадобиться. Матвей устроился поудобнее, стараясь не шуметь.

— Вишена! — сказал Хокан. — А ведь это удобно: если меч сменил цвет, сразу понятно, что тебя занесло в другой мир. А?

Обладатель белого плаща усмехнулся, а Матвей недоуменно вслушался: Хокан говорил на совершенно незнакомом языке, однако Матвей, не признав ни одного слова, понял смысл сказанного.

Переговариваясь, пришлые направились в сторону его убежища. Матвей напрягся, однако решил не юлить и просто поднялся из-за поросшего редкой травой камня.

Пятеро в разноцветных плащах замерли, держась за рукояти мечей.

— Эй! — сказал Матвей как можно более приветливо. — Я не собираюсь на вас нападать.

Они настороженно глядели перед собой, оценивающе, внимательно.

— Меня зовут Матвей! Я из Шандалара.

Помедлив, ответил Тарус, которого называли чародеем:

— Здоров будь, Матвей из Шандалара. Здесь есть еще кто-нибудь?

— Есть. — Матвей неопределенно ткнул пальцем куда-то за спину. — Мои молодцы вот-вот подоспеют. Человек полтораста. А что?

Тарус не ответил. Зато крепыш в коричневом недовольно буркнул:

— Уходить надобно. Дальше. Куда угодно. Чего ждать?

— Точно! Нас ждут у Драконьей Башни, — поддержал его бородач в желтом. И вытянул перед собой меч с изумрудом.

Тот, что в белом, поступил так же. Два меча скрестились, слабо лязгнув. Мгновение спустя третий меч лег поверх остальных. Изумруды тускло засветились. Тарус на секунду обернулся.

— Прощай, Матвей. Не ломай голову — кто мы и откуда мы. Мы — из другого мира. И уходим дальше, в следующий мир. Для тебя нас нет и никогда не было. Удачи тебе!

Матвей ошеломленно переминался с ноги на ногу. Вишена, тот, что в белом, поторопил Хокана:

— Давай!

Хокан шагнул вперед и исчез. В спину Матвею толкнулся упругий порыв ветра. Только никаких вспышек на этот раз не было.

Тарус ушел молча и не оборачиваясь. Ветер ударился в спину, словно озорной щенок.

— Йэльм!

Воин в желтом исчез.

— Боромир!

Исчез крепыш вместе со своим коричневым плащом.

Вишена на секунду задержался.

— Удачи, Матвей! Я — из Тялшина. Прощай.

— А остальные откуда? — зачем-то спросил Матвей.

— Боромир и Тарус — из Лойды, Хокан и Йэльм — из Лербю-фиорда...

Он исчез так же внезапно, как его спутники. Ветер зашумел и улегся; только слабый послегрозовой запах остался висеть у скалы. А спустя секунду пришел могучий неторопли-

вый поток теплого равнинного воздуха, ничего общего не имеющий с резкими холодными порывами, сопровождавшими непонятных путешественников по мирам.

Матвей долго стоял на гранитной крошке, впервые в жизни растерявшись. Мысли спутались совершенно.

— Да, — сказали ему в спину с нескрываемой насмешкой. — Не каждый день такое увидишь. Но я думала, что ты не слишком удивишься, Матвей-пройдоха.

Матвей рывком обернулся, взявшись за нож.

Опираясь на ствол кривенькой сосны, на тропе стояла девушка в походном плаще и полотняных брюках со множеством карманов. Оружия у нее не было.

Ульма

Матвей стоял перед ней, захваченный врасплох. Ульма наблюдала за ним добрых полчаса, едва тот появился на перевале, окликнула же только сейчас.

Чтобы отыскать головной лагерь пиратов, ей понадобилось всего два дня. Пираты обосновались на удивление близко от столицы. При попутном ветре корабли доходили от причалов Порт-Сумана к нужному фиорду за сутки. Но едва Ульма выбрала ночку, чтобы пробраться в лагерь, пираты вдруг разом снялись и ушли в горы. Очень быстро Ульма поняла: идут к перевалу. Зачем — ее не волновало. Ее волновал только южанин Матвей. Талисман Пути действительно был у него, болтался на шее под рубахой и, насколько знала Ульма, никогда не снимался. Впрочем, понятно, Пройдоха в любой момент мог отправиться в Путь. Недаром его знали все ходоки от Турана до холодных земель на севере, где хозяйничали жутковатые хорги.

— Что тебе нужно? — спросил Матвей. Он быстро взял себя в руки.

— Убить тебя и отнять то, что тебе не принадлежит, — честно ответила Ульма. — Но может, я тебя и не убью.

Матвей оскалился:

— Убить? Ну, валяй, убивай. — Матвей ухмыльнулся. — Что же ты стоишь?

В следующую секунду у него отобрали нож. Как — Матвей не понял. Но нож вдруг оказался у Ульмы, а Пройдоха ткнулся лицом в гранитную крошку с вывернутой за спину рукой.

Ульма критически осмотрела бронзовое лезвие.

— Барахло, — заключила она. — Таким только кур резать...

А насчет Матвея она несколько разочаровалась. Он явно не имел представления об искусстве рукопашного боя. Жрица Пустых Ладоней была бы довольна тем, как Ульма провела связку.

Матвей медленно поднялся, скрипя зубами и хмурясь. Взгляд его стал колючим и злым. Ульма улыбалась.

Но недолго. Вдруг она опрокинулась на спину, а нож вновь перекочевал к Матвею.

Ульма вскочила мгновенно. Чертовщина! Это не боевое искусство, движения Матвея напоминали попытки пьяного устоять на ногах, и первый раз Ульма попалась. Но второй раз она не даст себя одурачить.

Медленно ступая, выжидая момент для верной атаки, они сделали два круга.

— Постой, Пройдоха! Я ведь сказала, что, может, и не стану тебя убивать. Выслушаешь меня?

Матвей недоверчиво взглянул ей в глаза.

— Говори...

Ульма отступила на шаг.

— Семь лет назад из Тарага в шандаларском городе Зельга исчез один из древних талисманов. Талисман Пути. Скажи, его украл ты?

Матвей нахмурился.

— Почему украл? Взял попользоваться.

— Обманув при этом жриц и убив своего напарника...

— Не был он мне напарником! — ощетинился Матвей. — Он первый попытался меня одурачить и завладеть талисманом! А мне тогда некуда было деваться — без талисмана я заблудился бы в сагорских пустынях...

Ульма чуть заметно улыбнулась.

— Прекрасно. Насколько я знаю, сейчас так далеко на юг ты не собираешься. Поэтому верни талисман. Ты им пользовался дольше, чем кто бы то ни было.

Матвей поколебался.

— Верни, — посоветовала Ульма. — Жрицы Храма найдут тебя. Где бы ты ни укрылся.

— Храм? Он имеет отношение к Тарагу Зельги?

Ульма не ответила.

Колебался Матвей недолго. Снял с шеи костяную пластину на сыромятном шнурке, прощально взглянул на нее и протянул девушке.

Ульма осторожно приняла талисман, словно он был сделан из хрупкого стекла. Взглянула в глаза Матвею.

— Я рада, что ты оказался действительно таким умным, как о тебе говорят, — сказала Ульма, но на самом деле подумала, что Пройдоха есть Пройдоха: ему просто нужно в очередной раз выкрутиться.

Ульма повернулась, собираясь уйти.

— Постой! — окликнул Матвей. — Еще одно...

Он вдруг шагнул вплотную к девушке. Та ничего не успела понять, просто почувствовала его губы своими. Поцелуй был короткий и обжигающий, как искра из костра. Секунду спустя Матвей отступил на шаг.

— Зачем ты это сделал? — тихо спросила Ульма.

Матвей пожал плечами:

— Не знаю... Если еще когда-нибудь встретимся, сможем проделать это снова...

Он направился к едва намеченной тропе.

Ульма глядела ему в спину. Рука сама потянулась к обретенному талисману.

Но на шее ничего не было. Взгляд ее догнал Матвея — тот прятал что-то за пазуху.

Гнев захлестнул Ульму лишь на миг. Он — Пройдоха, и этим все сказано.

В следующую секунду метательный шарик настиг затылок Матвея. Матвей рухнул и шумно скатился с тропы в самую гущу сосенок. Ульма, подобрав шарик, спустилась к нему.

Талисман с перерезанным шнурком Матвей держал в левой ладони. Разжав податливые пальцы, Ульма переложила

костяную пластинку в потайной внутренний карман плаща. Повертела головой — вокруг было по-прежнему безлюдно, дружки Пройдохи еще не поднялись к перевалу. Последний раз взглянула на Матвея.

И, не удержавшись, поцеловала. Но на этот раз его губы остались неподвижными.

Ульма встала и быстрым шагом направилась прочь. По давно не хоженной и поэтому едва заметной горной тропе.

Тиар и Сай

Костяной идол неотрывно смотрел на юг, туда, где ждал Сая Камень Отрана. Даже корабельная качка не смущала его, выпуклые глаза уверенно глядели куда-то за горизонт.

Сай вышел на палубу. Матросы на баке, рассевшись кружком, негромко переговаривались. Тиар был на мостике, разглядывал море, конечно. Он занимался этим день напролет, как только погрузились на корабль в небольшом паномском порту. Королевский флаг словно по волшебству открывал все двери и улаживал все дела. Солдаты королевича за каких-то два часа взошли на борт ладных тэльских шхун; эскадра, не мешкая, взяла курс на юг, куда указывал талисман шамана Полаха. Саю выделили каюту, но он отверг удобства и спал под навесом на полубаке, перед грот-мачтой. Матросы косились на него с любопытством, а когда он помог тащить какую-то снасть, видимо, застрявшую, и вытащил ее в одиночку, стали коситься с уважением и даже предлагать едкий туранский табак на перекурах. Но Сай отмахивался, потому что табак среди его соплеменников был непопулярен, и жевал перетертые шляпки веселящего гриба, утеху и отраду жителей Пустошей.

Сай не ожидал, что Камень окажется за морем. Но делать нечего: пришлось плыть. Он надеялся только на то, что за горы ходить не придется.

В полдень показались южные берега — покатые скалы и глубокие фиорды. У одного из них виднелись на узкой полос-

ке земли бревенчатые домики и шалаши. А людей Сай не разглядел. Да и не было их здесь, наверное.

Тиар, стоя рядом с вахтенным, всматривался. Рядом с ним застыли Вакур, военный министр Паномы, и капитан шхуны. Чуть позади, теребя усы, топтался Шрип, адъютант Тиара.

Сай поднялся на мостик.

— Куда смотрит твой талисман? — спросил Тиар, не отрывая взгляда от берега.

— Прямо на этот поселок. Или за него, на горы.

Тиар продолжал изучать берег.

— Что это за поселок? Рыбацкий?

Шрип у всех за спинами тихонько хихикнул. Вакур резко обернулся, и тот застыл, выкатив глаза.

— Что такое, капрал? — осведомился Вакур.

— Это не рыбацкий поселок, господин министр!

Тиар с интересом прислушивался.

— А чей же тогда?

Шрип вздохнул:

— Это лагерь пиратов. Тех, что шныряют по всей Шепчущей Горловине. Здесь у них база...

Вакур прищурился.

— Черт возьми, Шрип, ты был пиратом четверть века назад и поныне знаешь все пиратские лагеря?

Шрип виновато развел руками:

— Ничего не могу поделать, господин министр! На память я никогда не жаловался, а пираты редко меняют устоявшиеся привычки...

— Выходит, Камень утащили пираты? — спросил Тиар. — Неужели они забрались так далеко на север? И зачем?

Вакур вновь перевел взгляд на Шрипа.

— Ну, отвечай!

Капрал вытянулся как струна.

— Не могу знать! Хотя среди пиратов много чужеземцев... Может быть, кто-то из его, — он кивнул на Сая, — варваров к ним прибился...

— Заткнись, морж, — снисходительно уронил Сай. — Никто из воинов Пустошей не сядет на корабль. И никто не продаст святыню Пустошей.

— Ты, осмелюсь заметить, на корабле...

Сай осклабился.

— Я — Сай, сын шамана! Отец велел найти Камень, и я на пути к цели взойду даже на костер, не то что на корабль. Понял, старый ты лось?

Шрип пожал плечами.

— Пиратов кто-то спугнул, — сказал Тиар. — Причем с моря. Наверняка они поднялись в горы. Шрип, там есть дорога, кажется, чуть повыше?

— Есть, Ваше Высочество. Ведет к южной развилке, там можно свернуть либо на Порт-Суман или Касут, либо к перевалу.

Тиар поразмыслил.

— Вряд ли пираты пойдут к Порт-Суману... А вот за перевалом их ждет свобода.

Вакур выжидательно глядел на королевича. Он ждал, когда тот примет решение.

— Высаживаемся! — скомандовал Тиар без тени сомнения. — И по следам, если они ведут туда, куда глядит талисман Сая! Шрип, готовь мое оружие!

Министр едва заметно улыбнулся.

«Король не зря платил Храму, — подумал он. — Парень — прирожденный воин, а теперь он еще и знающий воин. Панома может гордиться».

Корабли приблизились к скалам, шлюпки сновали от них к берегу и обратно. Латники Паномы ступили на камни и плотным строем потянулись к горам.

Шрип, нагрузивший вещи Тиара на двух рабов-фредонцев, успел прочесть следы.

— Ваше Высочество! Пираты ушли к дороге! Их преследуют, если я не ошибаюсь, суманские пехотинцы из отборных рот. И, если это интересно нашему уважаемому другу с севера, пираты тащили с собой что-то очень тяжелое. На салазках. — Шрип по обыкновению хихикнул. — Ума не приложу, что это они волокут...

Сай, раздувая ноздри, словно вышедший на охоту хищник, сказал:

— Покажи-ка мне эти следы, старый плут!

Шрип хитро блеснул глазами:

— Если позволит Его Высочество!

— Покажи, — велел Тиар и поморщился. — Сколько тебе говорить, зови меня просто Тиаром.

Шрип развел руками:

— Не могу: субординация... Министр голову открутит... Или ваш уважаемый батюшка...

Тиар пнул адъютанта под зад.

— Давай веди... законник...

Едва они вышли из лагеря, Сай понял: здесь действительно только что протащили Камень, хотя следы были основательно затоптаны суманской пехотой.

Еще немного, и Сай его увидит.

— Поторопи своих воинов! — нетерпеливо сказал он Тиару и тут же добавил: — Пожалуйста!

Тиар выкрикнул команду, подумав, что наступают новые времена. Потому что прежде варварам было неизвестно слово «пожалуйста».

Хожд

Рота пехотинцев, выйдя из Порт-Сумана, скорым походным шагом двигалась по горной дороге. Недавно проскочили ту самую развилку; Хожд некоторое время глядел влево, в сторону пиратского лагеря, но из головы отряда донесли, что пираты уже прошли здесь и направляются к перевалу. Хожд скомандовал, и рота, ускорив шаг, потянулась туда же.

Еще в Порт-Сумане дож похода велел перевооружить пехотинцев. Чтобы ни у кого не осталось ничего железного. К счастью, эти прожженные вояки умели обращаться с самым разным оружием, и сейчас рота напоминала бы пестро вооруженную пиратскую толпу, если бы не республиканская форма.

Хожд понял все: и как пиратам удалось расстроить систему навигации, и как им удавалось обезоруживать корабельную охрану.

Черный Камень Отрана, священная глыба северных варваров. В свое время короли Паномы не постояли бы за ценой, лишь бы заполучить ее. Но когда с северянами достигли со-

глашения, ко всеобщему удивлению неукоснительно выполняющегося варварами в течение долгих лет, о Камне как-то позабыли.

Теперь он у пиратов. Каким образом разбойники шхер завладели им, Хожд даже не пытался гадать. Дож боялся только одного: что Суман наводнят полчища варваров в костяных доспехах. Их могучие верховые лоси сомнут пограничные посты на западе, и дикая неуправляемая лавина захлестнет республику, ведь с Суманом у варваров соглашения нет. И под предлогом мести за украденный Камень они разорят Суман. Сожгут дотла. Какое им дело, что Суман непричастен к исчезновению Камня, а пираты — такие же враги республике, как и варварам?

Догнать пиратов и отбить Камень — единственный выход. И если варвары объявятся в Сумане, отдать им в обмен на обещание вернуться на свои болота и пустоши, не разоряя республику.

Перевал близился. Даже ночная темнота не мешала — пехотинцы жгли факелы. Стройный топот множества ног отдавался от скал. Если пираты его слышат, пусть знают: им не спастись.

На рассвете подошли к перевалу вплотную. Дорога оборвалась, к гребню вела извилистая немощеная тропа. Одного взгляда на нее хватило Хожду, чтобы понять: Камень здесь не бывал. Никаких следов салазок на земле. И никаких следов его пехотинцев, которые должны преследовать пиратов. А вот следы пиратов есть, и свежие. Только...

Хожд побродил, присматриваясь.

Только следы не всех пиратов. Примерно полтораста человек, все с грузом, прошли здесь вчера вечером.

Лат Кли неотступно следовал за Хождом. Дож уже успел привыкнуть к постоянному присутствию советника, но тот не вмешивался в его действия, просто находился рядом и наблюдал.

Хожд повернулся к нему:

— Вожак пиратов — настоящая бестия, Лат! Я понял, что происходит.

Лат, наверное, тоже понял. И ждал, пока Хожд выскажется.

— Они разделились. Часть пиратов ушла вперед, часть осталась с Камнем. Мы вклинились между ними. А наши пехотинцы идут позади всех. Это плохо, черт возьми... Они вооружены стальным оружием, а у пиратов Камень...

Правда, Хожд отправил капитану Рену сообщение, чтобы ни в коем случае на атаковал пиратов с Камнем, а дождался Хожда со специально вооруженным отрядом, но почтовые тольхи иногда не долетали до адресата... Редко, но такое все же случалось.

— Передовая часть пиратов скорее всего спасает награбленное...

Хожд задумался. Что важнее: вернуть республике и торговцам потерянное золото или завладеть Камнем?

— Алтин! — позвал дож почтаря. — Какие сообщения с запада? Варваров не видно?

— Последнее сообщение пришло вчера, дож похода! На границах спокойно..

— Значит, вперед, за перевал, — решил Хожд. — Денек Камень подождет. Тем более что никуда пираты с ним не денутся, мы ведь будем на перевале!

Хожд видел, что Лат Кли снова доволен его действиями. Что же, сам Хожд тоже был доволен своими действиями.

В косых лучах восходящего солнца воины Хожда начали спуск. А внизу, у подножия гряды, кипела битва. Пираты с кем-то сцепились. Хожд увидел несколько опрокинутых кибиток и всадников на дромарах.

— Кочевники! — прошептал он. — Вот так-так! Час от часу веселее!

Он прикрикнул на пехотинцев и ринулся вниз. Отдавать суманское золото всадникам ему совершенно не хотелось.

Юхха

К северной гряде подошли перед закатом. У самого подъема к перевалу Их-Тад остановил кибитки. Утром погонщики разберут их и навьючат на дромаров: в горы на колесах не поднимешься. Всем, кто трясся под пологом посольских хатаров, пред-

стояло пересесть в седла. Юхха была даже рада этому: кибитка ей до смерти надоела, ритуальная одежда тоже. Хотелось сбросить опротивевшую накидку, вскочить на Иста и с гиканьем погнать его к горизонту, ловя лицом горячий встречный ветер.

Впрочем, медленному подъему по горной тропе Юхха тоже была рада. Хотя люди кочевий будут чувствовать себя неуютно: что может быть лучше степей? Уж точно не горы...

Перевал обрамляли высокие пики, покрытые вечными снегами. Там, в тускнеющем вечернем небе парили орлы.

«Вот истинные хозяева земли... — подумала Юхха с завистью. — Они равнодушны к золоту и роскоши, они одинаково свободны и в горах, и в степях, они не ведают границ, и им не нужны посольства... Зачем люди придумали себе столько сложных правил и традиций?»

Рохх расставил часовых и отправился играть с другими десятниками в кости. Их-Тад в головной кибитке как всегда пил туранское вино и шумно вздыхал. Погонщики зажигали костры, запах топленого жира медленно расползался вокруг стоянки, заставляя голодно принюхиваться шакалов и горных лис. Юхха вспомнила, что Хил, кроме всего прочего, еще и искушенный повар, обещал приготовить мурху-тош.

Ужинали уже в полной темноте. Юхха присела у костра рядом с воинами, хотя Их-Тад вечно ругал ее за это. Дочери Великого Шиха не пристало вкушать простую солдатскую пищу, ей должны все подать в кибитку, но на ворчание посла Юхха давно перестала обращать внимание.

Даже спать она улеглась не в кибитке, а рядом, у колеса, на мохнатой шкуре. В нескольких шагах сопел верный Ист; воины у костра дружно храпели, и только часовые бесшумно бродили во тьме. Юхха глядела на звезды. На Небесный Ковш, на Бабочку. На тоненький серпик луны. Где-то там витал ее сегодняшний сон, и он придет к ней очень скоро.

Испуганный рев Иста вырвал Юхху из вязкой дремы. Девушка вскочила, и в руку сам собой скользнул кривой кинжал.

Рассветало. Ночная темень канула в извилистые ущелья и затаилась там до поры. Юхха глянула в сторону тропы.

Горстка воинов посольства отчаянно отбивалась от толпы пестро одетых разбойников. Юхха сразу поняла, что это разбойники из-за гор: вооружены кто чем, и ни у кого нет хава.

На помощь уже спешил Роxx со своим десятком, хавы со свистом рассекали воздух, вышибая из рук нападавших ножи и топорики.

Вскочив на Иста, Юхха с боевым кличем ворвалась в самую гущу схватки.

— Именем Великого Шиха Кочевий — прекратите! Мы...

Их-Тад пытался остановить разбойников, но ему не дали договорить. Начальник посольства мешком повалился с кибитки, проткнутый сразу двумя дротиками.

Воины Кочевий — великие воины, но разбойников было втрое больше, и напали они внезапно. Как отважно ни сражалось посольство, один за другим падали на землю погонщики, охранники, Хом-проводник... Махат в луже своей и чужой крови стеклянно глядел в утреннее небо, а рядом с ним валялись четверо смуглых бродяг-фредонцев, встретивших смерть мгновением раньше. Хил зарезал двоих разбойников и сам лег под ударами тяжелых дубинок, утыканных кусочками кремня. Роxx сломал шею одноглазому лесовику откуда-то из-за Отхи, но не успел заслониться хавом от бронзового топорика. Голова десятника раскололась, как яйцо стерха, и еще одним защитником посольства стало меньше.

Юхха прорвалась к горстке сражающихся воинов, проламывая хавом вражеские черепа, выворачивая руки и круша ключицы. Ист вдруг споткнулся, сдавленно захрипел и тяжело завалился на бок. Юхха едва успела соскочить и отмахнуться от рослого разбойника с палицей. Взглянула на верного скакуна. В шее дромара торчала арбалетная стрела с костяным варварским наконечником, по густой шерсти стекала тонкая дымящаяся струйка.

— Ист! — закричала Юхха, переполняясь гневом. — Будьте вы прокляты, бешеные шакалы!!!

Рослый разбойник выронил палицу и ткнулся окровавленным лицом в траву. Подняться ему было не суждено.

Время словно остановилось. Юхха сокрушала врагов, исполненная холодной всепоглощающей ненависти. Мир исчез — осталась только битва. Только она, Юхха, дочь Великого Шиха, и враги, которых нужно убить. Всех, сколько их есть.

Один за одним пали последние воины посольства. Пиратов полегло больше шести дюжин, но еще столько же осталось в живых. Уцелевшие потрошили кибитки.

— Эй, Сонд! Здесь золото! Несколько сундуков!

— А у нас ковры!

Ликующие крики пиратов доносились со всех сторон. Те, кто сражался с обезумевшей Юххой, медленно пятились, отбиваясь. Им совсем не хотелось умереть в последний момент, когда их товарищи занимаются дележкой добычи.

— Сто акул мне в печенку, Чатт будет доволен! Мы не только спасли наше золото, но и захватили богатую добычу! Сегодня удачный день, братья! — заорал в упоении Сонд, в прошлом — боцман на пиратском судне, а ныне некто вроде десятника при Матвее и Чатте.

Сгорая от ненависти, Юхха рвалась вперед, к толпе разбойников, но те отступали, не желая сражаться. Клич Кочевий звучал беспрерывно.

И вдруг прогремел стройный стоголосый хор, перекрывая сигналы суманской трубы. К кибиткам плотным строем спешили морские пехотинцы во главе с молодым дожем, рыжим коренастым парнем лет двадцати.

Пехотинцы приближались с трех сторон, отрезав пиратам путь к бегству.

В себя Юхха пришла, только когда последний разбойник был поднят на пики. Тяжело дыша, она огляделась. Вокруг сновали суманские пехотинцы, добивая раненых пиратов.

Ист лежал в стороне, шагах в двадцати. Он был еще жив, но глаза его уже подернулись туманом и полнились почти человеческой тоской.

Юхха упала на колени и приподняла тяжелую горбоносую голову.

— Ист...

Дромар всхрапнул от боли. Из-под наконечника стрелы брызнула темная кровь.

— Он умрет, — сказал кто-то за спиной Юххи.

Девушка, роняя слезы на запятнанную кровью шерсть, коротко размахнулась и вонзила кинжал Исту в шею.

— Прости, друг... До встречи в небесных степях...

Ноги дромара дернулись, и он бессильно обмяк. Юхха опустила голову скакуна на траву и медленно встала.

Перед ней стоял невысокий дож-предводитель, больше похожий на мирного купца, чем на воина. Но Юхха сразу почувствовала, что в схватке он силен.

Ее слезы уже высохли. Она — дочь Великого Шиха, и Юхха никогда не забывала этого.

— Спрашивай, дож!

Она подняла хав и сжала его в руках.

Хожд

— Я — Хожд Румм, дож похода против пиратов, прятавшихся в шхерах Шепчущей Горловины.

— Я — Юхха, дочь Великого Шиха Кочевий.

Хожд отвесил ритуальный поклон. Формально эта смуглая девушка-воин — хозяйка окрестных равнин. Граница Сумана лежит по ту сторону гор, здесь же, у начала степей, Хожд был лишь гостем.

— Когда на вас напали пираты?

— Утром. На рассвете.

— Я прослежу, чтобы ничего из ваших вещей и ценностей не пропало, — сказал Хожд.

Юхха пожала плечами:

— Теперь это уже не имеет значения, дож. Послы убиты, значит, никто не сможет вручить эти дары туранскому королю.

— Послы? — переспросил Хожд озадаченно.

— Да. Их-Тад, Отец Колена, лежит вон там. Великий Ших назначил его послом в Туран. Мы шли за перевал, в Порт-Суман.

— Так вот кого ждут в порту корабли Харида... — догадался Хожд. — Я могу чем-нибудь помочь дочери Великого Шиха?

Юхха снова пожала плечами:

— Вряд ли... Сама я в Туран не собираюсь. И к отцу возвращаться не собираюсь. Пожалуй, я направлюсь с вами в Порт-Суман. Воину всегда найдется занятие...

Хожд не удивился. Он привык видеть женщин-воинов, ведь он обучался в Храме у жриц.

— Тогда тебе понадобятся деньги, чтобы устроиться в городе.

Юхха кивнула:

— У меня их достаточно, разве нет?

— Достаточно, — подтвердил Хожд.

Пехотинцы собрали уцелевших дромаров. Хожд велел вьючить на них скарб и гнать к перевалу.

— Оттуда вот-вот подоспеет еще один отряд пиратов, — сказал он Юххе.

Девушка шевельнула своим причудливо изломанным оружием:

— Тем более я пойду с вами!

Хожд приглашающе повел рукой:

— Мы выступаем немедленно.

Он подозвал капитана и велел строить пехотинцев.

Чатт

Едва ступив на перевал, Чатт ощутил огромное облегчение. Камень был рядом. Несколько силачей-халадов ловко управлялись с деревянными салазками. Еще немного, и отряд спустится на привольные равнины, а там ищи их свищи, дож Сумана...

Вопреки ожиданиям преследующие их пехотинцы не напали. Хотя Чатт не раз видел форменные плащи ниже по склону. Видать, боялись Камня. А это значит, что у них железное оружие.

Но где, черт побери, Матвей с золотом? Должен же ждать внизу, у подножия гряды. Однако там нет никого... Только валяется в траве труп какого-то животного, не то коня, не то дромара...

Чатт прищурился. Дальнозоркий, как многие моряки, он видел с гребня все, что творилось внизу на равнине.

— Вниз! — скомандовал он своим молодцам. — Похоже, мы благополучно унесли ноги!

Словно в насмешку, чуть ниже на тропу вышло несколько пехотинцев. Потом еще несколько.

Чатт выругался. Как им удалось обогнать отряд и оказаться по ту сторону перевала?

А пехотинцев на тропе становилось все больше. Ими кишели все кусты на склонах, каждая ложбина скрывала их. И вооружены они были не железными мечами, а бронзой, костью и деревом.

— Проклятие!

Он хотел приказать халадам развернуть Камень, но, обернувшись, увидел, что почти все его люди бегут назад, прочь от перевала.

— Стойте, идиоты! Там тоже пехота! — заорал он им вслед, но ни один не замедлился ни на миг.

С Чаттом остались всего шесть человек. Все схватились за оружие, обращая побледневшие лица то к равнинам, то в сторону моря, то к Чатту, в поисках поддержки.

Камень равнодушно чернел на салазках, не предвещая больше удачи. Он повидал на своем веку немало и разучился удивляться, еще когда этот мир был молодым.

Чатт ощутил, как в воздухе отчетливо запахло смертью.

Халады бежали недолго: несколько криков внизу на тропе возвестили об их кончине.

Главарь пиратов застыл на кромке перевала. Шрам на его щеке побагровел. Справа перед строем пехотинцев стоял рыжеволосый дож в плаще цветов суманского флага.

Слева приближался плотный строй паномских латников, а чуть впереди шагали двое: высокий стройный воин в белоснежной королевской накидке и могучий варвар в шкурах и костяных доспехах. А за спинами латников мелькали еще и плащи суманских морских пехотинцев.

Латники остановились подальше от Камня, только варвар продолжал упруго шагать, приближаясь к Чатту.

— Эй, вор! — закричал он зычно. — Я — Сай, сын Полаха, шамана северных Пустошей! Я пришел за Камнем и твоей жизнью. Бери оружие, если ты не трус, и встреть смерть в бою! Й-эр-р!

Варвар бешено закрутил над головой тяжелую боевую сапу, и над горами зазвучал жутковатый низкий вой.

Ощущая в груди неприятный холод, Чатт подобрал увесистый бронзовый топор и шагнул навстречу судьбе.

Тиар и Сай

Наверное, никогда по дороге к перевалу не ходило столько людей сразу. Войско Тиара встретилось с пехотинцами Сума-

на, королевич узнал, что где-то здесь же должен объявиться и его приятель Хожд.

Сай посоветовал держаться подальше от Камня — всем, кроме тех, кто не пользовался железом. Впрочем, железом не пользовался только Сай, остальные были начинены сталью, словно королевские леса дичью.

Под вечер, когда перевал был уже совсем близок, навстречу попался одинокий путник, кутающийся в невзрачный плащ; позже выяснилось, что это девушка-жрица. Тиар решил, что она — ходок, поэтому вопросов не задавал. Ему, прошедшему через Храм, девушка поклонилась и направилась в сторону Порт-Сумана.

Утром пираты взошли на перевал, но на спуске их кто-то поджидал. Тиар сразу решил, что там хитрюга Хожд. Удиравших халадов посекли Тиаровы латники, а Сай, узрев главаря пиратов, сразу заявил:

— Он мой!

Сопротивлялся главарь недолго: барга Сая с воем обрушивалась на него, топор Сай быстро вышиб и отшвырнул ногой, а на ножах преимущество было у длиннорукого варвара.

Когда пират рухнул на камни, орошая их кровью, Сай вытер нож о спину поверженного соперника и подошел к Камню.

Воры не посмели коснуться волшебных письмен на ритуальных салазках, нанесенных шаманом Севера. Святыня была просто украдена, но не осквернена, а поскольку воры мертвы, она отмщена.

А потом на перевал поднялся Хожд с пехотинцами, вооруженными так, чтобы не бояться камня. Следом взбирались груженные скарбом дромары — наверное, передовой отряд пиратов на кого-то напал у подножия гряды.

Тиар и Хожд встретились на узкой тропе.

— Приветствую дожа! Прекрасная работа! Я слышал, что горловина очищена от пиратов...

— Поклон Вашему Высочеству, — ответил Хожд, откликаясь на игру друга. — А я слышал, что с Воинами Пустошей заключено новое соглашение...

Хожд намеренно не произнес слова «варвары», потому что смуглый гигант с севера стоял неподалеку и все слышал. Добавить еще что-нибудь торжественное Хожд не успел: Тиар просто обнял его.

— Привет, хитрец! Тебе тоже поручили первое дело, едва ты переступил порог своего дома?

Хожд развел руками:

— Наверное, прошедшие Храм в этом мире нарасхват...

Рядом с ними чинно раскланялись Лот Кли, военный советник Сумана, и Вакур, военный министр Паномы. Оба прекрасно понимали, зачем каждый из них здесь находится, и оба были рады, что им пришлось остаться просто наблюдателями, потому что республика и королевство получили незаурядных полководцев.

Шрип бродил у Камня Отрана, присматриваясь к нему и так, и эдак. Латники опасливо косились на черную глыбу, курили и перебрасывались короткими фразами с суманскими пехотинцами.

А на востоке карабкалось к зениту ослепительное жаркое солнце.

Южный перевал

Пройдет еще немного времени, и перевал опустеет. Вернется в Порт-Суман Хожд Румм, дож успешного похода, очистивший море от пиратов и вернувший Суману почти все, что разграбили с торговых судов. Погрузится на корабль Паномы могучий варвар Сай и ни на миг не отойдет от священного Камня, пока не доставит его на законное место, в Капище Отрана, в самое сердце Пустошей, что беспрерывно поют. Вернется в королевский замок принц Тиар, сумевший договориться с вожаком варваров и помочь ему в поиске, а значит, на северных границах Паномы вновь станет спокойно, ибо варвары уже не те, что раньше, если у них такие вожаки.

Впервые в жизни войдет в большой город Юхха, дочь степей, осмелившаяся нарушить волю отца, Великого Шиха Кочевий. Не бывать ей женой туранского принца, она решила сама распорядиться собственной судьбой. Вот только в какой город она направится — в Порт-Суман или в Панкариту, дом черноволосого паномского принца... Их взгляды встретились всего на миг, но Юхха сразу поняла, что им есть что сказать друг другу.

Вернутся домой латники Паномы и морские пехотинцы Сумана, вернутся, чтобы продолжить службу, первые — короне, вторые — республике.

Вернется в Тараг Порт-Сумана Ульма, вручит Талисман Пути жрицам, а те переправят его в Зельгу, город-порт на юго-востоке Шандалара.

Лишь один человек на перевале еще не знал, куда приведет его судьба в ближайшее время.

Матвей

Голова все еще болела. Чем это приложила его чертова девка-жрица? Не иначе рукояткой ножа. Или камнем.

Матвей очнулся утром, поглядел на битву братства со степными варварами, но вскоре сверху явились пехотинцы, и Матвей спускаться на равнину раздумал.

Он видел, как взяли в клещи всех, кто шел с Камнем, и как убили Чатта. Снова его идея погублена недалеким властолюбцем: Матвей долго готовился к захвату Камня Отрана, но Чатт распорядился этим чудом совершенно бездарно. Второй раз надуть северных варваров не удастся. Значит, снова придется шляться по свету, слушать диковинные истории и шастать по действующим и заброшенным храмам в поисках необычных вещей древности...

— Провались все, — без подъема выругался Матвей и задумался. Куда идти? Понятно, что на юг. Через равнины. А дальше? В Сагор? В Гурду? Или в Шандалар?

Два дня спустя его подобрали на равнинах варвары. Матвей уселся в скрипучую арбу, глядя, как тянется навстречу бесконечный травяной простор и как резво попирает его мощными ногами крупная крючконосая птица, запряженная в двухколесную повозку стерхетов.

Лишь в одно Матвей верил. Верил, что еще не раз появится в Паноме и Сумане. Потому что жизни без дорог он себе не представлял.

УЗНИКИ ВЫСОТЫ

ХОЗЯЕВА ПОДНЕБЕСЬЯ

1

Клауд шумно вспорхнул, взрезал острыми крыльями воздух и канул вниз, за третью кромку. Браслет он упрямо сжимал в массивном клюве.

Сначала ло Вим колебался: глянуть ли за край, или сразу же искать подходящий клен. Раз клауд сунулся вниз — значит рядом плывет еще один Лист. Решил для начала взглянуть, тем более что совсем недалеко, сразу за второй кромкой, росло несколько кленов с шикарными семенами-крыльями.

Так и есть: чуть ниже, метрах в ста к солнцу, величаво парил Лист. Гигантское зеленое блюдце пятикилометрового диаметра. Молодой, лет двадцати. Значит, пока необитаемый. Красное оперение клауда мелькало за второй кромкой; ло Вим отполз от края и бросился к клену. Выбрал крылья, перерубил мечом мясистый стебель, захлестнул упряжь на семенах и просунул руки под истертые кожаные лямки. Теперь он походил на птицу, раскинувшую рыжие чешуйчатые крылья, или на гигантскую стрекозу. У третьей кромки он поймал ветер, взошел на рыхлый полузасохший вал и шагнул за край, в пустоту. Тугие воздушные струи заставили крылья петь; пьянящая радость полета охватила ло Вима, как всегда, он заложил несколько крутых виражей, не в силах выразить восторг иным способом.

Однако клауд мог удрать. Ло Вим чуть двинул крыльями и заскользил к новому Листу.

Сел он за первой кромкой, мягко спружинив ногами. На мясистой плотной поверхности Листа выступил зеленоватый сок.

Клауд, нахохлившись, сидел на верхушке молоденькой пихты и глупо таращился на ло Вима.

Стрела тихо легла на тетиву.

На этот раз ло Вим не промахнулся: клауд, пронзенный насквозь, неловко свалился на толстую хвойную подушку; верхушка пихты так и осталась изогнутой.

Теперь можно было не торопиться. Освободив упряжь, ло Вим бережно уложил ее в заплечную сумку; отыскал поблизости полость и бросил в клейкое густо-зеленое месиво крылья-семена: пусть здесь вырастет клен. Вытер меч и лишь после этого подошел к поверженному воришке-клауду. Первым делом браслет: с трудом разжав клюв, ло Вим наконец коснулся магической вещи. Изжелта-тусклый металл приятно холодил пальцы. Тончайшая вязь, работа древних мастеров... А какие камни!

Браслет он завернул в чистую тряпицу и заботливо уложил на самое дно сумки. Теперь стрела: зачем бросать зря? Поддев ножом, освободил ее, оттер загустевшую кровь и сунул в колчан, а тушку клауда спровадил в полость вслед за семенами клена. Там жадно забулькало: Лист любил мясо. ло Вим тоже любил мясо, но клауда стал бы есть только в очень голодное время, а сейчас, хвала Высоте, пищи на Листах хватало, благо лето. Северная зима сей год выдалась мягкая, да еще Лист не летал в этот раз к полюсу — чем не жизнь? Вот еще бы южную переждать так же...

Солнце плыло к горизонту точно на западе — стояла самая середина лета. Скоро точка заката станет смещаться к югу, а день и ночь будут укорачиваться, пока Солнце вовсе не перестанет прятаться за горизонтом. Впрочем, как и подниматься над ним: будет маячить багровым полукругом, выставив из-за края Мира крутой бок, и будут висеть долгие сумерки южной зимы. А потом Солнце неспешно колыхнется у точки Юга, оставив над горизонтом всего четверть диска, а потом подрастет. Пока в первый раз не спрячется, совсем ненадолго. А еще позже Мир и Высота снова вспомнят, что такое ночь.

Так было на экваторе, где обычно парили Листы. Но на полюсах, ло Вим знал, все совершенно иначе. Полгода туда вообще не приходит Свет. Потом розовый краешек светила осторожно выглядывает из-за горизонта, словно желает удостовериться: нет ли чего страшного? И начинает Солнце кружить, постепенно поднимаясь. А потом оторвется от горизонта, взберется по спирали выше и выше и застынет в зените. Повисит неподвижно — и так же по спирали спустится, чтобы скрыться на полгода. Чудно там на полюсах.

Ло Вим полюса не любил. Полгода мрак и холод, полгода жара — и беспощадные потоки света. Иное дело экватор: день-ночь, зима-лето-зима, всего в меру — и тепла, и прохлады, и тьмы, и Солнца. Не зря Листы почти всегда парят здесь. Кому охота жариться? О холоде речи нет: на ночной полюс Листы не летали никогда.

А вот дневной приходилось видеть: каждый Лист раз в два—четыре года спешил туда, чтобы соединиться с другими в сплошной многокилометровый ковер. Нелетающая и непарящая живность в это время кочевала с Листа на Лист, ветер разносил споры и семена, молодые Листы отделялись от материнских и уходили в самостоятельный полет. Да и люди обычно переселялись на новый, свежий и полный сил Лист именно в эту пору, давая возможность прежнему отдохнуть и восстановиться, ибо жить бесконечно на одном и том же Листе нельзя, ведь он кормит и поит людей, а значит, отдает им часть своей жизни. Люди никогда не задерживались на Листах дольше срока: зачем губить свой летающий Дом?

Лист, приютивший клан ло Вима, нависал чуть не над самой головой. Снизу ясно виделись молодые побеги. Выпуклое тело, похожее на тяжкое зеленое облако, казалось необъяснимо уместным здесь, в небе.

Ветер гнал оба Листа вдоль побережья Кольцевого Океана, опоясавшего Мир по экватору. Ничто не предвещало перемены погоды, Листы так и будут лететь вместе, изредка меняя высоту и сближаясь. А раз так, можно и поохотиться. Проверив оружие, ло Вим быстро зашагал в глубь Листа, решив не спешить с возвращением.

Пихты и секвойи становились все выше — в два-три человеческих роста. Поверхность Листа устилал пожелтевший ко-

вер из плотно слежавшейся хвои и сухих веток. Под ногами шныряли джары — крупные, с ладонь, короеды. Миграция у них, что ли? Обычно их вот так запросто не встретишь.

Ло Вим шагал к лиственной зоне. Деревья росли на Листах всегда одинаково: у полуиссохшего черенка («кормы») — лиственные: платаны, клены, акации, браки. На «носу» — хвойные: пихты, веши, секвойи, сосны. Конечно, одиночные деревья попадались и в чужой зоне, но довольно редко. Только клены, дающие людям крылья, встречались чаще остальных, особенно между второй и первой кромками. Неудивительно: ведь все, имеющие крылья, садились именно здесь, между кромками, и бросали семена в ближайшую полость. А клен — дерево неприхотливое, да и Листы их любят...

«Хорошо бы добыть зубра...» — думал ло Вим на ходу. Хотелось обрадовать клан и Семью достойной добычей. Клыкастые и коварные хищники беспощадно истреблялись на обитаемых Листах; добыть же зубра на стороне считалось доблестью.

Торопливо убрался с дороги желтый барсук, поедавший ягоды вики. Свистали в ветвях пересмешники. Доносился дробный перестук дятлов-кочевников. Лист, несмотря на молодость, кишел живностью.

До полян, обычных на границе хвойной и лиственной зон, взгляд охотника не встретил ничего достойного стрелы или клинка. Оставалось надеяться на лиственную: дичи там, как правило, больше. Травоядные держались ее из-за богатого подлеска, хищники — из-за травоядных. Да и вообще на корме жизни всегда больше, чем на носу.

Ло Вим вышел на поляну; лучи Солнца косо падали на овальную проплешину и после лесного сумрака были нестерпимо ярки. Густая трава, взросшая на зеленом теле Листа, разостлалась пушистым ковром. Табунок оленей рванулся с поляны в чащу. Ло Вим улыбнулся: наверное, до темноты успеет добыть ужин для всего клана.

На хоженную тропинку он набрел, пересекая следующую поляну. Вряд ли зверью по силам протоптать такую. Значит, здесь кто-то живет? Абсурд. Обитай здесь чей-нибудь клан, ло Вим давно бы уже встретил следы человеческой деятель-

ности. Оставалось почти невероятное — отшельник. Много лет ло Вим и клан логвита Анта не слышали об отшельниках. Большинство, особенно молодежь, считали, что их и не было никогда.

Ло Вим замер, глядя на тропинку и погрузившись в размышления. Но ненадолго.

Потому что...

...что-то гибкое и тяжелое обрушилось на него со спины. Бок и правое плечо пронзила острая боль. Тело сработало само: левая рука молниеносно сомкнулась на рукояти кинжала и вспорола бок нападавшему.

Зубр — а это был именно зубр, — взревев, метнулся в сторону. От толчка ло Вим упал. По плечу и раненому боку струил горячий кровавый поток. Оскалив белоснежные клыки, зверь готовился к новому прыжку. Зубки у него были ого-го, не зря же его нарекли зубром...

Собрав в тугой комок волю и остатки сил, ло Вим поднялся на колени, кинжал ткнул в землю, отметив место, и, шипя, извлек меч. Было это ужасно неудобно, однако ло Вим забыл об удобстве — дело коснулось жизни, и думать было некогда. Бой — время мудрости рук.

Зубру тоже досталось: алое пятно расползалось по боку, кровь струила сквозь густую желтоватую шерсть.

Медленно-медленно ло Вим поднялся и осторожно попятился к деревьям. Зубр, рыча, надвигался — неумолимый и не знающий пощады.

Когда шершавый ствол акации встретил спину ло Вима, уверенность вернулась. Теперь сзади он защищен, а впереди меч. Давай же, зубр, отведай холодной стали! Посмотрим, так ли ты силен!

Зубр бросил гибкое тело навстречу ло Виму. Выставив меч чуть наискось, охотник принял смрадную тушу на клинок и рухнул, не устояв под тяжестью зверя. Боль влилась в тело, пот обжег глаза, а после — гулкий удар сотряс затылок, мир поплыл и померк...

Очнулся он далеко за полночь. Тусклыми фонариками мерцали звезды. В висках гулким ритмом отдавался пульс. Ло Вим застонал, ощупал затылок, еле касаясь кончиками пальцев, — боль тотчас запустила ржавые когти в свежую рану,

липкую от запекшейся крови. Позади на траве валялось сухое бревно — должно быть, ствол граба, ибо подобной твердостью больше ни одно дерево, растущее на Листах, не обладало. Об него-то ло Вим и ударился, падая навзничь...

Рядом скорчился мертвый зубр, нанизанный на меч. Кривые, как луны, когти пропахали в теле Листа глубокие борозды, выворотив траву вместе с корнями; борозды полнились твердеющим соком.

Сцепив зубы, ло Вим заставил себя встать и найти силы для того, чтобы вытащить окровавленный меч из зубра и вытереть его пучком травы. После оставалось только рухнуть рядом с мертвым хищником и погрузиться в черное безмолвие накатившего сна.

Засыпая, ло Вим подумал, что запах зубра, даже мертвого, отпугнет всех любителей поживиться раненым человеком.

Вторично сознание вернулось к ло Виму уже днем. Он лежал на опушке, вжавшись в щель между двумя платанами и стволом упавшего граба. Над тушей зубра вилось облако зеленых мясных мух, а в траве шныряли мыши-падальщики. Несколько певчих сов, отяжелевших от ночной трапезы, устроились на нижних ветвях платанов.

Голова еще болела, однако общее состояние стало вполне терпимым. Ло Вим встал, неловко припав на затекшую ногу. Меч он, оказывается, все это время сжимал в руке.

«Да, — подумал он сердито, — поохотился, нечего сказать...»

Прихрамывая, он побрел сквозь лес в направлении края. Назойливая мысль, появившаяся вдруг и неуловимая теперь: о чем-то он подумал ночью... О чем-то важном. Но о чем?

Достиг первой кромки, перешагнул через упругий зеленый валик. Где там клены? Ага, вон, целых три. С семенами.

Только приладив упряжь, ло Вим удосужился заглянуть за край.

Листа рядом не было. ЕГО ЛИСТА НЕ БЫЛО.

«Что за чушь?» — опешил ло Вим. Этого просто не могло случиться. Листы парили рядом уже с неделю, после недолгого шторма. Погода не менялась, устойчивый западный ветер влек летающие чаши вдоль Кольцевого Океана с одинаковой скоростью и почти на одной высоте.

Теперь молодой Лист летел один, затерявшись в ничем не нарушаемой небесной голубизне.

«Звезды! — вспомнил ло Вим. — Еще ночью я видел звезды и не заметил на фоне неба своего Листа!»

Именно эта мысль — подспудное наблюдение охотника — терзала его последний час. Выходит, Лист пропал еще ночью.

Стараясь не паниковать, ло Вим брел вдоль третьей кромки, выбирая место, где можно глянуть вниз. В конце концов, родной Лист просто мог опуститься пониже, или теперешнее пристанище — взмыть. Маловероятно, конечно, но еще менее вероятным представлялось беспричинное исчезновение громадного Листа.

Глянув за край, ло Вим вовсе обомлел. Никакого Листа внизу он, конечно, не увидел, зато вместо далекой морской поверхности, кое-где подернутой светлыми черточками пенных барашков, совсем рядом проплывали горы. Лист летел неправдоподобно низко, едва не задевая за самые высокие пики, и, кажется, летел он быстрее ветра, что уж совсем ни в какую полость не лезло.

Ло Вим долго глядел вниз. Горы скоро сменились унылым каменистым плато со свежими разломами — должно быть, недавно буйствовало сильное землетрясение. Дней пять назад, не больше. Побеги бумбака только-только проклюнулись из щелей, бросив на коричневую кору еще не остывшей земли свежую зеленую пелену.

Здесь же паслась большая стая крыс-оборотней. Еще вчера поди друг друга жрали, пока бумбак не пророс. Так и будут пастись да плодиться до следующего землетрясения. Бумбак сгорит в озерах лавы — он ведь всегда в низинах растет — а уцелевшие крысы вновь примутся жрать сородичей, которые послабей, и ждать, когда все ненадолго утихнет и вырастет бумбак.

Насколько ло Вим знал, внизу из животных ухитрялись выжить лишь крысы, а из растений — пяток разновидностей бумбака, отличающиеся лишь размерами да формой листьев. Вся остальная жизнь давно переселилась на Листы, не выдержав бешеного ритма Нижнего Мира. Наводнения, извержения вулканов, землетрясения, бури — все это наваливалось на Мир и постоянно меняло его до неузнаваемости. Где вчера

текла река, назавтра могли вздыбиться горы. Где зеленел скорый на рост бумбак, воцарялась голая выжженная пустыня. Неизменными оставались лишь Кольцевой Океан и Листы, парящие над всеми бедами и катаклизмами. Бури, тайфуны и смерчи бушевали где-то внизу, а над Миром был лишь вечный ветер да летающие чаши, надежный людской приют.

Ло Вим угрюмо брел к знакомой поляне. Похоже, судьбе угодно сделать его отшельником. Неужто они и впрямь выживают? Не верилось. Как можно жить без клана? Без логвита, без Отцов, без Семьи? Зачем тогда жить?

По правде говоря, ло Вим недолюбливал свой клан. И логвита Анта. Они совершили самое страшное, что случалось на Листах: изгнали человека. Самое страшное, исключая лишь смерть. Человеком этим был отец ло Вима, личность загадочная и скрытная, хранитель старого браслета...

Однако ло Вим предпочитал не лучшее окружение одиночеству. Какие ни есть, а все ж люди...

Говорят, всех, презревших Веру и Закон, кланы изгоняли. Случалось это очень редко. Вины отца ло Вим не понимал — что плохого в старом браслете? Да и самому ло Виму успели несколько раз указать на его меч. Дескать, больно искусно сработан. Пока удавалось отговориться.

Еще рассказывают, что изгнанники стараются сбиваться в группы по десятку-полтора, обживают подходящий Лист и нападают на все кланы без разбору. Чушь, наверное, изгоняют-то их без оружия. Ло Вим ни разу не был свидетелем нападения изгнанников. Вот битвы между кланами — это пожалуйста, это дело обычное...

Настроения не подняла даже жареная зубрятина. Вяло дожевав мясо, ло Вим спрятал остатки в котомку, закусил корешком вузы и пошел ладить жилище.

Времени это занимало не то чтобы много, однако приходилось долго готовиться. Сок агавы — раз (не меньше трех бурдюков), полость найти подходящую — два, подождать, пока выйдет ядовитый газ, — три, и еще следить, чтобы в полость первыми не влезли шмели.

Агава нашлась сразу, шагах в двадцати от поляны. Старая, толстая, истекающая соком. Поверхность Листа вокруг нее пожухла и сморщилась, покрывшись твердой стекловидной

коркой. Два надреза под сучками — и вот уже густой маслянистый сок тонкой струйкой стекает в подвешенный бурдюк. Вскоре отыскалась и подходящая полость — наполненный газом пузырь в теле Листа. Благодаря тысячам полостей многотонные Листы и обрели способность летать. Одновременно они служили Листам желудками: все, что туда попадало, усваивалось без остатка, за исключением лишь семян. Семена Лист выталкивал за пределы полости, где они благополучно прорастали. Вскрытая полость затягивалась в считанные минуты: взмахнул мечом, бросил что хотел и иди себе, много газа все равно не улетучится. Но если плеснуть на края надреза сока агавы, они затвердеют на глазах. Тогда газ выйдет без остатка. Если все так и бросить, Лист нарастит поверх остекленевшего куска новый живой слой, и постепенно полость вновь заполнится газом. Если же облить соком всю полость — и стены внутри, и сверху вокруг щели-надреза, получится отличное жилище. Натаскать туда веток, мха, покрыть плащом — логвитское ложе, год можно проспать!

Отточенный меч вспорол зеленую мясистую массу; ло Вим тотчас же нацедил целую лужу сока агавы, обойдя надрез по кругу несколько раз. Сок быстро впитывался в тело Листа; подставив бурдюк под новую струйку, ло Вим задумчиво глядел на быстро стекленеющее пятно.

Газ выходил из полости минут десять. Когда зыбкое марево над трещиной рассеялось, бурдюк как раз наполнился вторично. Ло Вим взялся за меч, вырубая правильный ход. Листу было больно, он знал, но знал он и то, что людская жизнь — всегда чья-нибудь боль. Лист простит, как прощал не раз и ло Виму, и всем людям Мира, ибо без людей Листам достанет иной боли.

К вечеру ло Вим опрыскал соком все свое жилище; выждал еще час, чтобы мертвые ткани Листа окончательно затвердели, устроил себе постель из пахучих пихтовых лап и выбрался наружу, преисполненный гордости за свою работу. Отдраил потускневший меч, подкрепил силы мясом зубра и уселся спиной к развесистому платану, стоящему поодаль от других деревьев, созерцать звезды в просветы между ветвями, шуршащими на ветру.

Ло Вим любил звезды. Казалось, это далекие костры на небесных Листах, тех, что летают выше Солнца. Смотрит ли оттуда хоть кто-нибудь на тусклую звездочку в ином небе — костер у жилища ло Вима?

А как там клан? Как Семья?

Одиночество гнетет людей, вселяя тоску и неуверенность. Ло Вим неотрывно глядел ввысь; а ветер все шелестел в кронах, и это было странно и непривычно: значит, Лист действительно обгонял ветер.

Два дня ло Вим отдыхал, отъедался и залечивал рану целебными травами. Внизу тянулась бесконечная равнина — теперь Лист летел перпендикулярно ветру и все так же низко. Тушу зубра пришлось скормить соседней полости — начала портиться. Первая же охотничья вылазка завершилась вполне успешно: ло Вим подстрелил двух куропатов, причем вернул обе стрелы. Больше заняться было нечем. Он послонялся по Листу, распугивая зверье, и вернулся к жилищу. Должно быть, зубр здесь обитал лишь один, а других опасных хищников на том же Листе обыкновенно не водилось.

Еще через день ло Вим, отчаявшись узреть в небе чей-нибудь Лист, надел крылья и взмыл над своим летающим пристанищем. Боковой ветер подхватил его, вознеся к самому Солнцу; Мир чернел внизу, беспокойный и меняющийся, подернутый легкой дымкой, и лишь один Лист видел ло Вим из поднебесья — тот, где провел последние дни.

Он метался над Миром, едва не теряя Лист из виду, но только равнина, Солнце и ветер разделяли его одиночество. Обессиленный, ло Вим едва дотянул до Листа вечером, не стал даже есть. Заполз в жилище, как барсук в нору, и забылся тревожным сном одиночки, отбившегося от стада.

2

Наутро ло Вим, злой и невыспавшийся, отправился на охоту. Куропаты так и шныряли в подлеске, подстрелить парочку ничего не стоило.

Отойдя от центра Листа, ло Вим ощутил нечто странное. Лес стал иным, нежели раньше, но уловить изменение никак не удавалось.

Стало вроде бы теплее. Ло Вим распустил верхний шнурок ворота, взял лук на изготовку...

И услышал голоса. Кто-то переговаривался за кромками. Крылья принесли на его пристанище людей!

До кромок было недалеко. Убрав лук за спину, ло Вим пополз вперед, змеей огибая стволы деревьев. Вот и первая кромка, твердый полувысохший нарост, знак близкого края. Голоса доносились из-за нее. Перевалившись через кромку, ло Вим припал к Листу, как жук-джар: растопырив руки и ноги, елозил телом по глянцевой поверхности, усеянной хвоинками и бурой трухой, отнятой ветром у кромок. Деревьев здесь почти не росло.

Вторая кромка — а голоса все еще далеки. Ло Вим скользнул за нее и замер у одинокого клена, странно наклоненного к центру Листа. Да и поверхность что-то круче к краю, чем обычно...

Получалось, что голоса звучат за третьей кромкой. Лист там, что ли? Или парят на чешуйчатых крыльях ло-охотники?

Осторожно и неторопливо, как мудрый ящер-варан, ло Вим достиг третьей и последней кромки, края парящего блюдца. Выглянул и обомлел.

Лист покоился на поверхности Мира. Покинул свою извечную обитель — Высоту — и опустился на каменистую твердь, которую всегда избегал!!

Ло Вим даже приподнялся, чтобы получше рассмотреть раскинувшуюся перед ним плоть равнины, близкую и оттого непривычную. Голоса враз смолкли. Теперь ло Вим увидел тех, кто говорил. Двое в черных плащах, стоящие на камнях, словно на Листе. Они смотрели на ло Вима. Вряд ли это предвещало что-нибудь хорошее.

— Эй, гляди! Кто это там?

Незнакомцы обнажили мечи и бросились к Листу. Впрочем, на него так просто не вскарабкаешься: третью кромку от поверхности Мира отделяло локтей семьдесят—восемьдесят.

Однако черные плащи, похоже, придерживались другого мнения — иначе зачем такая спешка? Ло Вим решил убраться подобру-поздорову; вскочил на ноги и припустил в лес, перепрыгивая через валики кромок.

Дальше началась чертовщина. Чуть левее ло Вима вдруг сама собой открылась полость, и из нее, разбрызгивая нежно зеленый сок, вырвались незнакомцы. Даже скорее не полость,

а словно бы узкий канал в теле Листа. Получалось, что они прошли сквозь Лист, а ло Вим отродясь о таком не слыхивал.

— Стой, охотник!

Бежать уже не имело смысла. Ло Вим замер, взявшись за меч.

Незнакомцы приблизились. Были они невысоки, коренасты и совсем безбороды. И мечи у них отличались от обычных — подлиннее и поуже, с витыми украшенными вязью гардами. А на руках — браслеты. Точно такие же, как и тот, что хранил род ло Вима.

Ло Вим тупо уставился на браслеты. Он-то был убежден, что владеет одним-единственным!

— Бросай меч! Иначе — смерть!

Ло Вим меч, конечно, не бросил. Еще чего — отступают лишь трусы, а его никто не осмелился бы назвать трусом.

— А-хоуи!

Со звоном сшиблись мечи. Мешала незажившая рана. Черные плащи оказались опытными бойцами: ло Вим скоро был прижат к стволу падуба и отчаянно защищался. Меч тяжелел с каждым взмахом.

Однако и противники уставали. Один отступил, второй поминутно отирал со лба обильный пот. Наземная духота навалилась на Лист, привычный к свежим ветрам высот.

Третьего незнакомца, подкравшегося сзади, ло Вим в пылу схватки не заметил. Поэтому и был сбит с ног коварным ударом. А потом на голову его пала тяжелая рукоять меча, и ло Вим отключился.

Очнувшись, он обнаружил себя привязанным к столбу. Голова побаливала, но гораздо меньше, чем можно было ожидать.

Перед ним с полупустым бурдюком воды стоял коренастый черноволосый юноша; чуть в стороне на резном деревянном кресле восседал совершенно седой старец. Вокруг толпились человек сорок, все одинаково приземистые, широкоплечие, все в черных плащах. Лишь старик выделялся белыми, как утренние облака, одеждами и косматой седой бородой. У остальных не было даже усов.

Новая порция воды вылилась на макушку ло Вима, окончательно прояснив сознание.

— Кто ты, человек? — властно спросил старик.

Ло Виму скрывать было нечего: он свободный представитель свободного народа.

— Я — ло Вим, охотник из клана логвита Анта.

— Что ты делал на чужом Листе?

— Охотился.

Старец тяжело встал, опираясь на вычурные подлокотники.

— Не лги, охотник. Откуда у тебя это?

Он протянул вперед раскрытую ладонь со знакомым браслетом. В стороне валялась беззастенчиво выпотрошенная сумка.

— Говори, ибо найдешь смерть в непокорности!

Смерть глупая и бессмысленная — последнее, что стал бы искать настоящий охотник. Медленно, очень медленно ло Вим поднял взгляд с браслета на белобородого старца.

— А почему ты думаешь, что достоин знать правду?

В глазах старика полыхнуло пламя, но ло Вим понял, что неожиданно отыскал нужные слова.

— Удан! Зама!

К старику мигом приблизились два черных плаща. Повинуясь властному жесту, они вскинули левые руки: запястье каждого охватывал витой желтоватый браслет, украшенный драгоценными камнями.

— Смотри, охотник. Такой браслет носит каждый из нас. Сотни лет мы собирали потерянных хранителей по дальним чашам. Этот, — он указал на браслет ло Вима, — последний. Сорок четвертый. Клауды искали его двести шестьдесят лет.

Ло Вим пристально глядел на левую руку старца — никакого браслета там не было. Перехватив взгляд, старик усмехнулся и мягко подтянул свободный белый рукав. Только не левый, а правый.

Его браслет был куда шире и красивее; у ло Вима даже дыхание перехватило от такого зрелища.

— Ты хранитель? — спросил старик.

Ло Вим покачал головой.

— Хранителем был мой отец. Но его изгнали восемь лет назад.

— Он успел сказать тебе Слово?

Узрев в глазах ло Вима недоумение, старик вздохнул:

— Значит, не успел...

По его команде черные плащи перерезали стягивающие ло Вима веревки. Охотник стоял всего несколько секунд, потом рухнул, прямой и негнущийся, как столб. Старик поморщился:

— Людская кровь... Помогите ему!

Ло Вима некоторое время массировали сильные и умелые руки черных плащей, возвращая жизнь онемевшему телу.

— Твой клан преследует носителей древнего знания?

Вопрос прозвучал почти утвердительно.

Ло Вим грустно кивнул. Когда логвит Ант узнал о браслете, отца едва не зарубили в первые же минуты. Правда, стражи ничего не нашли, и последовало лишь изгнание. Ло Вим видел из-за второй кромки, как отец, поймав ветер, ссутулился под рыжими крыльями и навсегда канул за край. Тогда ло Вим снова плакал, совсем как ребенок, хотя не знал слез уже много лет. А сколько ему перепало за меч! Стражи исходили злобой при виде ажурной гарды и мерцающего клинка. Логвит Ант уже несколько раз намекал, что изделиям древних не место в этом Мире...

Наверное, на Листах скоро вовсе не останется вещей, сработанных древними мастерами, ведь почти все кланы похожи на клан Анта. Ло Вим других не знал, иначе уже давно сбежал бы. Как ни тянуло к Семье и клану, браслет властвовал над ним с куда большей силой. И еще... Сбежать... Еще...

Пробуждение было подобно удару грома. Ло Вим стоял на коленях; в глаза ему пристально глядел седовласый старец. Зрачок в зрачок. Ло Вим потерялся где-то во взгляде старика, а тот проник глубоко в ло Вима, завладел мыслями, поселился в желаниях и надеждах.

Ло Вим съежился, почувствовав, что перестает быть самим собой. Но в тот же миг старец исчез из его сознания, оставив после себя странную пустоту и холод. Внутри словно сквозил зимний ветер.

— Ты готов, Хранитель?

— К чему?

Ло Вим с трудом встал. Тело было странно свежим, но не в меру тяжелым. От вязкого воздуха Низа кружилась голова.

— Готов ли ты служить Высоте?

Ло Вим непонимающе воззрился на старика, спрашивающего в общем-то даже не у него, а у черных плащей.

— Готов ли подчинить себе браслет и стать последним из нас, замкнув круг посвященных?

— Готов, Мастер! — нестройным хором откликнулись черные плащи.

Ло Вим затравленно озирался, а невысокие люди в одеждах ночи, взявшие его в кольцо, пристально уставились на растерянного охотника.

Глаза у них были зеленые, как Листы.

— Тогда слушай Слово, Хранитель!

Это звучало как песня.

— ...мы, парящие в Высоте, дети Листов, держим время за руку!

— ...храни последнюю нить, протянутую из вчера в завтра!

— Хранитель станет хозяином, и Солнце склонит перед ним голову, и Мир помашет ладонью, и звезды лягут под ноги!

— ...храни и будь сильным; нет напрасной смерти, есть напрасная жизнь! Храни, и придут те, кого ждешь!

— Храни, и станешь рядом с ними!

— Звени, Высота!

Ло Вим осознал вдруг, что на плечи его накинут черный плащ. День клонился к вечеру — в памяти зиял обидный провал, а голова полнилась звоном, словно его опоили дурманом.

«...последнюю нить, протянутую из вчера в завтра...»

Его вели под руки. Вроде бы к Листу. Потом каким-то узким ходом; ло Вим запомнил только полутьму да скользкую поверхность под ногами.

«...нет напрасной смерти, есть напрасная жизнь...»

Лист, хвойная зона, поляна, еще поляна. Большая полость. Похоже, главная полость. Ого...

«...держим время за руку...»

Черные плащи заняли места вокруг полости, соблюдая правильные интервалы. Полость вскрыли кривым мечом, потемневшим от времени. Гарды на нем, похоже, никогда не было. Но ло Вим удивился другому: вскрывать главную полость?

«...Мир помашет ладонью...»

Запел ветер — Лист набирал высоту. Вопреки случившемуся он все-таки взлетел. При вскрытой главной полости.

На руки ло Виму набросили гибкие плетеные веревки. Или желтоватые браслеты? Нет, все же просто веревки. Двое чер-

ных растянули его, словно пойманного зубра. В полости клокотал сок; в ноздри лез приторный запах.

«...храни, и станешь рядом с ними...»

Ло Вим закричал от боли. Белобородый старик тем же кривым мечом полоснул его поперек груди, рассек куртку и задел кожу. Брызнула кровь.

— Готов ли ты, Хранитель? — изменившимся голосом спросил старик. Глаза его вновь принялись буравить сознание ло Вима, царапая память и вгрызаясь в мысли. Кровь все текла; один из черных плащей собрал немного в долбленую деревянную чашу и выплеснул в полость. Потом кровью вымазали браслет.

Было больно. Ло Вим обмяк, по-настоящему испугавшись; не падал он лишь благодаря веревкам. Старик все больше походил на безумца: размахивал мечом, что-то бормотал, а свежий ветер высоты развевал ослепительно белые одежды.

— Звени, Высота!

И тогда ло Вим понял, что его сейчас убьют. Принесут в жертву непонятным силам, которым поклоняются черные плащи и которые олицетворяет свихнувшийся седой старик. В это не хотелось верить, это казалось нереальным. Чушь, бред, вздор! За что? Он ведь сохранил драгоценный браслет, прятал от глупых стражей... Вот... Вот...

Кривой меч со свистом рассек ветер, вгрызся в трепещущую плоть, вновь обагрившись кровью. Голова ло Вима отделилась от тела и сама упала в разверзнутую полость. В остекленевших глазах застыло равнодушное небо.

Черные плащи отвязали от безвольных рук ненужные уже веревки, сбросили то, что еще совсем недавно было ло Вимом, в полость; туда же швырнули и окровавленный браслет.

— Звени, Высота!!

3

Высота звенела. Звенела могучим ветром, хозяином поднебесья, звенела потоками жаркого света, звенела живой силой свободы. ОН чувствовал ветер грудью. Зеленой тугой пло-

тью. Чуткой тканью Листа. ОН хотел потрогать ветер руками и не мог: рук не было. Было округлое блюдцеобразное тело и смутные ощущения деревьев, едва доносящиеся сверху. Разбираться в них ОН еще толком не научился. Мир маячил внизу, гремел и плевался лавой, бессильный и потому злой. ОН летел навстречу осени.

ОН танцевал в воздушных потоках, огромный и недосягаемый, храня в себе великую тайну — кусочек древнего металла и знания комочка жалкой плоти, именуемой некогда человеком. Лист усвоил без остатка и плоть, и знания, став не просто Листом, но ИМ. В недрах главной полости, в складках черного плаща зрело продолговатое тело, имеющее ноги, чтобы ходить, имеющее руки, чтобы держать меч, имеющее голову, чтобы видеть и доступное общему разуму, чтобы действовать сообща. ОН бережно хранил еще нерожденное дитя, ибо перестал быть просто Листом и просто Человеком. ОН готовился влиться в ряды уже прошедших через это, влиться последним и замкнуть круг посвященных. Влиться и зазвенеть вместе с Высотой.

И тогда зазвенит весь Мир.

Ялта—Киев—Николаев, 1992

ТРЕЛЬ ПЕВЧЕЙ СОВЫ

Буря отнесла Листы далеко на юг, посвирепствовала напоследок и бессильно опала над обширными плоскогорьями. Хаст, два дня не покидавший жилища, наконец смог выйти и вдохнуть свежего воздуха. Не отравленного зловонными вулканическими газами дыхания бури, а настоящего, холодного, как ночь, воздуха Высоты. Ветер улегся; в этих широтах такое случалось. Вдоль Кольцевого Океана, то бишь в экваториальной области, свежий воздушный поток почти никогда не утихал, а бури задевали те места лишь краями. В средних же широтах полное спокойствие чередовалось с чудовищными ветрами, отголосками катаклизмов Нижнего Мира.

За эти два дня Лист охладился и сильно потерял высоту. Обычно зеленые чаши парили в четырех—шести километрах от поверхности; теперь же пристанище Хаста отделяло от Низа неполных два. Впрочем, впереди не менее недели спокойной солнечной погоды, и Лист, конечно, взберется повыше. Хорошо еще, что не на север отнесло — там сейчас зима...

Солнце описывало круги в безоблачном небе, то спускаясь пониже к горизонту, то поднимаясь, но, пройдя лишь полпути к зениту, заваливалось в сторону и начинало сползать вниз.

Хаст, как и все на Листах, знал, что на самом деле это не круги, а медленно сужающаяся спираль. Придет час — и Солнце застынет в одной точке небосвода, но кто знает, куда к этому времени отнесут Лист прихотливые ветры Высоты? Если ближе к экватору, солнце станет висеть невысоко над горизонтом, если к полюсу — тогда где-то рядом с зенитом. Мо-

жет статься, что Лист окажется за экватором, в северном полушарии. В этом случае светило вовсе спрячется за горизонт и наступит ночь, достаточно долгая, чтобы деревья сбросили листву, а многие звери залегли в готовую каждое мгновение прерваться спячку.

Почти все время, пока бушевала стихия и Лист трепало, словно пушинку, Хаст дремал в дальнем жилище. Пробудившись, он не услышал скрипа веш и сосен, а из-за шкуры зубра, висящей у входа, пробивались желтые солнечные лучики. Хаст потянулся, отгоняя остатки сна, и встал на колени.

Снаружи донеслась трель певчей совы — чередование нежного свиста, щелчков и скрипа. Хаст выскочил наружу, словно за ним гнался рассвирепевший зубр.

У него была причина ненавидеть певчих сов.

Тогда он был еще ло Хастом — охотником клана логвита Стипо. Клан уже лет пять обитал на огромном старом Листе, жизнь в котором медленно угасала. Люди не особо волновались по этому поводу: угасать она будет еще лет тридцать, но давно уже решили при первом же удобном случае покинуть стареющий исполин, который дал людям щедрый и безопасный приют. К полюсам во время экваториальных зим он уже много лет не летал, и об участии в Большом Переселении не могло быть и речи. Оставалось надеяться только на крылья. Ждали, когда рядом окажется подходящий незанятый Лист.

Ло Хаст со своим неразлучным другом ло Гри долго и без особого успеха охотился в хвойной зоне. Под вечер их сморило у третьей кромки. Ло Гри подстрелил куропата, ло Хаст — двух зайцев, но этого было слишком мало для опытных охотников. Не должен же клан голодать!

И тогда прозвучала призывная трель певчей совы. Ло Хаст приподнял голову: над бурым валиком кромки мелькнуло несколько крылатых силуэтов.

Совы стремительными серыми молниями ныряли вниз, за край.

«Внизу Лист!» — понял ло Хаст. Не станут же совы от нечего делать шнырять вдали от зеленых чаш!

Ло-добытчики никогда не упускали случая поохотиться на соседнем Листе. А теперь еще и новое пристанище приходи-

лось подыскивать. Упряжь захлестнулась на семенах клена, ветер упруго толкнулся в крылья и подставил тугой бок: летите, жители Поднебесья! Ло Хаст и ло Гри по широкой дуге скользили к зеленоватой громаде парящего чуть ниже Листа. Стайка певчих сов уже успела затеряться в зарослях у первой кромки — птицам не нужно планировать, как людям, птичьи крылья несут без оглядки на ветер.

Тело зеленой чаши спружинило под ногами ло Хаста, сок забрызгал мягкие кожаные сапоги. В тридцати шагах левее опустился ло Гри. Им даже не пришлось договариваться: много раз они охотились на чужих Листах.

Сверкнул меч, вспарывая ближайшую полость, крылья зашуршали о стены и погрузились в темную жижу. Вскинув руку, ло Хаст сунул упряжь в сумку-заплечник и, перепрыгивая через валики кромок, устремился в лес. Ло Гри, все еще возившийся с упряжью, отсалютовал ему.

Ло Хаст не видел, как его приятель сложил упряжь, повертел головой в поисках полости (ближайшая виднелась в доброй полусотне шагов), нагнулся и поднял крылья. В тот же миг коварный порыв ветра из-за края вырвал их из рук и отнес к первым деревьям. Ло Гри насупился, но тут же увидел двух оленей. Рука сама потянулась к луку и колчану, но олени, почуяв неладное, оттянулись в глубь леса. Охотник в ло Гри победил: крылья так и остались лежать на опушке, а он с головой углубился в преследование.

Очень скоро он вернулся с тушей оленя на плечах. Деловито посвистывая, разделал тушу, уложил мясо и шкуру в специальный кожаный мешок и намертво закрепил на себе. Еще раньше огляделся, но кленов поблизости не нашлось, и ло Гри захлестнул упряжь на своих же крыльях. Он рассчитывал доставить добычу клану и побыстрее вернуться: вдруг ло Хасту понадобится помощь? Тяжело нагруженный охотник ступил на третью кромку и шагнул в пустоту. Крылья запели в унисон с ветром; поймав восходящий поток, ло Гри вписался в плавную спираль, взмывая над Листом, который покинул, и одновременно приближаясь к своему.

Обратно он так и не вылетел. Логвит Стипо созвал нескольких ло-охотников в главную полость клана, и до позд-

него вечера ло Гри оставался на совете. А ночью Листы разнесло вольными ветрами Высот.

Ло Хаст к вечеру подстрелил косулю, а перед этим — четырех куропатов. Вполне пристойная добыча. Правда, преследуя косулю, он долго кружил у границы хвойной и лиственной зон и потерял много времени. Он был убежден, что ло Гри давно отправился домой с добычей, ведь клан не должен ждать, голод враг людям.

Бросив добычу за первой кромкой, ло Хаст с наслаждением выпрямился, созерцая свой родной Лист, исполинской громадой нависавший над ним. С кромок рыжими хлопьями сыпалась невесомая труха.

Ну, где там клен, дающий крылья? Ло Хаст огляделся, высматривая взрослое дерево, семена которого подарили людям возможность летать.

Странно, но у кромок охотник не заметил ни одного клена. Обычно здесь их росло больше, чем где бы то ни было: семена-крылья прорастали у полостей, куда опускали их лоохотники.

Ло Хаст пошел вдоль кромки, всматриваясь в зеленые силуэты деревьев. Веши, пихты, секвойи... Но нет кленов.

Вдалеке запела сова, сзывая сородичей на трапезу. Ло Хаст насупился. Счастливые птицы! Им никогда не приходится искать подходящий клен, ведь крылья всегда у них за спиной. Да и не нужно им никуда возвращаться — у сов нет кланов и все равно им, где жить.

Скоро Солнце достигло нижней точки над горизонтом. Дома, наверное, пируют. Ло Гри удивляется: где застрял его верный товарищ?

Ло Хаст вздохнул. Он успел отшагать уже добрых пять километров вдоль кромок. Судя по видимым размерам Листа, оставалось еще километров тридцать пять—сорок, и тогда охотник замкнет круг, вернется в точку, откуда вышел. И по-прежнему ни одного клена! Прямо наваждение какое-то...

Пройдя еще немного, ло Хаст замедлил шаг. Его одолевал голод, а значит, скоро одолеет и усталость. Нужно вернуться к добыче и подкрепить силы, а тогда уж приниматься за поиски. Видимо, на этом Листе клены — редкость.

Если они здесь вообще есть.

Когда он подходил к месту, где оставил тушку косули и пушистые комочки куропатов, вверх взвилась вспугнутая стая певчих сов. Летели они тяжело, словно изрядно поужинали, на лету обмениваясь мелодичными трелями.

Ло Хаст приближался. О Небо!!! Вот куда совы слетались пировать!

От куропатов остались только перья, от косули — окровавленный костяк с ошметками мяса у суставов. Вид у мяса был весьма неаппетитный. Певчие совы сожрали всю его добычу вместе со шкурой.

Изрыгая проклятия, ло Хаст схватился за лук и метнулся к опушке, где несколько десятков сов расселись на нижних ветвях веши.

— Мерзкие твари!

Совы лениво снялись и лениво потянулись в глубь леса. Ло Хаст послал им вслед стрелу и бессильно опустился на колени. Ярость постепенно схлынула.

Что же происходит? Он, опытный ло-охотник, позволил гневу управлять собой. Растерялся, как мальчишка, бросил добычу, не укрыв ее... Стрелу зря потерял...

Скоро ло Хасту удалось восстановить в себе спокойствие. Он встал, прошел к лесу и пошарил под деревьями. Стрела, к счастью, не сломалась — завязла в плотной слежавшейся хвое, прочертив хорошо заметную неглубокую борозду. Ло Хаст сунул стрелу в колчан и потянулся за ножом.

Первым делом — подкрепить силы.

Сломал сухую вешу, разжег костер, срезал с несчастной косули еще пригодные в пищу кусочки мяса и нанизал их на струганные палочки. Испек над угольями. Достал из сумки лепешку.

Утолив голод, ло Хаст сразу почувствовал себя много лучше. Бог с ней, с добычей. Надо искать клен.

Проклятые совы! Ло Хаст представил, как вернется с пустыми руками, как будут хихикать женщины и презрительно коситься удачливые ло-охотники. «Слыхали? У ло Хаста совы отняли добычу!» Тяжелый вздох сам вырвался из груди.

Затоптал остатки костра, подхватил сумку и устремился в лиственную зону. Может, хоть в чаще найдется желанное дерево с семенами-крыльями. Солнце уже карабкалось вверх,

стало немного светлее. Хорошо, что лето: очень долго ло Хаст не увидит ночи. Удобнее.

Очень быстро он понял, что на этом Листе просто нет кленов. Совсем. Невероятно, но так. Охотник обошел чашу по периметру вдоль кромок — ни одного. И в лиственной зоне тоже. Акаций, браков, граба — сколько угодно. Даже парочка дубов встретилась, весьма редких на Листах. Кленов же — ни одного.

Солнце замкнуло в небе три круга, прежде чем он это понял. Странный Лист ко времени прозрения взмыл, нагретый спокойным светилом, километра на три с половиной. Родной Лист еще виднелся далеко внизу у самого горизонта, старые Листы высоко не летают. Эх, сейчас бы крылья! Ринуться в эту зовущую бездну, ощутить плотные токи воздушных струй, поймать ветер и заскользить туда, к крохотной зеленой точке на границе Мира и Неба, к исполинской чаше, где ждет клан, братья-охотники, логвит, Семья...

Оставалась одна надежда: ло Гри, обеспокоенный отсутствием друга, вернется.

Но почему не вернулся до сих пор? Времени прошло достаточно.

Ло Хаст устроился на буром валике третьей кромки, и порывы ветра, всегда ощущающиеся у края, трепали его длинные вьющиеся волосы. Совсем рядом лежала пропасть, отделяющая Лист от Нижнего Мира.

Тройка певчих сов, едва не задев крыльями сухую кромку, скользнула в пустоту. Ло Хаст проводил их злобным взглядом. Если бы не эти птицы, сидели бы сейчас они с ло Гри у костра или в хижине, пили бы эль или пиво после сытного обеда...

И тут ло Хасту пришла в голову совершенно очевидная мысль, ранее почему-то не приходившая.

Каким образом покинул этот Лист ло Гри?

Единственный способ — на тех же крыльях, на которых прилетел. Два-три часа в полости крылья еще выдерживали. Больше — крайне редко.

У охотника перехватило дыхание. Теперь-то уже поздно, его крылья расползлись, конечно, пораженные едким соком полости, но тогда, в первый день, когда совы позаботились о его добыче, крылья еще можно было спасти.

Ло Хаст застонал от досады, отполз от края и бегом кинулся к месту их с ло Гри посадки. Вот и нужная полость со шрамом, затянувшимся несколько дней назад. Меч, чмокнув, пал на зеленое тело Листа. Охотник вскрыл наполненный легким газом пузырь трехметрового диаметра и отошел в сторону, тяжело дыша.

Дурманящая струя, невидимая глазу, ударила из полости, края живой зеленой плоти зашевелились, истекая густой жидкостью, готовые в несколько минут зарастить отверстие. Обливать его соком агавы, чтоб не затянулось, было некогда. Отдышавшись, ло Хаст вновь взмахнул мечом. Отверстие увеличилось. Набрав в грудь побольше свежего воздуха, он глянул вниз.

От крыльев, конечно же, ничего не осталось. Лист усвоил их полностью, только темные пятна да бугристые натеки все той же вязкой жидкости остались в местах, где Лист втянул в плоть обнажившиеся семена клена. Их Лист, понятно, не переваривал, просто выталкивал за переделы полости, чтобы они могли без помех прорасти.

Ло Хаст оторвался от дыры, прочищая легкие. Собственно, на другой исход надеяться и не приходилось.

Больше вскрытых недавно полостей ло Хаст поблизости не обнаружил и немало этому удивился. Выходит, ло Гри оставил свои крылья просто на Листе, а потом вернулся и на них же улетел. Неужели он знал, что здесь не растут клены? Но почему же тогда не предупредил ло Хаста?

Он вернулся к уже затянувшейся полости с семенами клена, единственными на этом Листе. Пока дерево вырастет и начнет давать крылья, пройдет не менее пятнадцати лет. За эти годы Лист раза четыре наведается к одному из полюсов во время Солнцестояния, чтобы соединиться с тысячами других в гигантский летающий ковер. Только тогда, в дни Большого Переселения, ло Хаст сможет покинуть негостеприимный Лист. Но найдет ли он на бескрайнем ковре из многих чаш свой клан? Не факт, что новое пристанище, куда клан, без сомнения, в ближайшее время переселится, устремится к полюсу в это же Солнцестояние. А шастать без конца по разным Листам в межсезонье, во-первых, долго, во-вторых и в-главных — весьма небезопасно. Враждебные кланы не тронут одиночку только во

время Большого Переселения. Да и за изгнанника могут принять, а это почти верная смерть в любое время.

Но все же это хоть какой-то шанс; лучше ли просидеть остаток жизни на дурацком Листе без крыльев? Охотники не могут без крыльев, Небо — их дом, Высота — их стихия. Охотник-ло без полета все равно что дерево без плодов.

Ло Хаст вспомнил певчих сов и в сердцах пожелал всему их крылатому роду никогда больше не подняться в Небо.

Издалека донеслась долгая трель, как показалось ло Хасту — возмущенная.

Он вздрогнул и вернулся к своим мыслям.

Лист наверняка лишь недавно летал к полюсу. Ло Хаст не раз заглядывал за край, за третью кромку, и не заметил ни одного молодого побега. Так бывает лишь в первый год после Большого Переселения, когда юные Листы отделяются от материнских и с этих пор противостоят Высоте в одиночку.

Значит, впереди у него три-четыре года полного одиночества. Ну, в лучшем случае два. Если больше никого не занесет на этот проклятый Небесами Лист.

Или не вернется ло Гри.

Ведь должен же он вернуться за другом? Ло Хаст обязательно вернулся бы, чего бы это ему ни стоило.

Он тяжело вздохнул. Постоял немного у кромки, слушая, как поет ветер Высот, и пошел готовить жилище, благо агавы, в отличие от кленов здесь встречались в изобилии.

А ветер пел неспроста. Поднявшийся еще выше, Лист угодил в быстрый и узкий поток воздуха, царящий на этой высоте, и полетел на восток, прочь от родного Листа ло Хаста, оставшегося ниже и по-прежнему неспешно дрейфовавшего на юго-запад.

С тех пор он не видел людей. Изредка на фоне небесной голубизны темнели силуэты далеких Листов, но все они величаво проплывали мимо. Однажды Хаст разглядел даже крохотную точку, планировавшую к зеленой чаше, — счастливец, обладавший крыльями, возвращался домой. Но ни разу никто из охотников-ло даже не приблизился к Листу, так не любившему клены. За три года Хаст стал совсем другим — хмурым, злым; но и более терпеливым, чем раньше. Теперь он

мог часами наблюдать за муравьиной кучей где-нибудь в лесу или за дятлом, промышляющим жуков-джаров. Или, найдя удобное место у края, смотреть на Нижний Мир, проплывающий под Листом, непознанный и загадочный.

Раньше такое просто не пришло бы ему в голову.

Костры, дым которых на Высоте был виден издалека, никого не привели на помощь. Клен у разрубленной три года назад полости так и не пророс. Наверное, дело было в Листе: тот ненавидел клены так же сильно, как Хаст ненавидел певчих сов.

Бывший охотник вполне благополучного клана и сам не мог понять причин своей ненависти. Однако за три года десятки взрослых птиц упали на Лист, пронзенные стрелами; сколько гнезд разорил он, убивая самку мечом, а яйца или беспомощных птенцов топча сапогами...

Он мстил совам за свое одиночество. Хотя сознавал, что в общем-то не совы виноваты в произошедшем, а нелепая случайность. И от этого становился только злее. Лист, за исключением нелюбви к кленам, ничем не отличался от других парящих над Миром чаш. Та же неподатливая зеленая плоть под ногами; трава, деревья, пустившие корни в эту плоть. На «корме» росли лиственные породы, на «носу» — хвойные. Как и везде, на любом Листе, и никогда еще люди Поднебесья не слыхали о другом положении вещей. Хватало и дичи — зайцев, косуль, куропатов, кабанов. Хаст выследил и убил единственного на Листе волка; больше никого, кто посмел бы угрожать человеку, здесь не нашлось. На зайцев и куропатов охотилось почтенное семейство енотов; с ними Хаст никогда не враждовал. Жизнь текла неторопливо и размеренно, и если бы не тоска по людям, Хаст даже порадовался бы произошедшим в себе переменам. Он стал взрослее, что ли. Даже нет — мудрее. Теперь больше хотелось думать, чем действовать.

Еще через три года Хаст осознал, что Лист никогда не летает на дневной полюс к Большому Переселению. Последняя надежда хоть когда-нибудь вернуться к людям рухнула, словно старая гнилая сосна во время бури. Воистину, он угодил на Лист, проклятый всеми ветрами Высот.

Совы все так же упорно гнездились на «носу» Листа, сколько Хаст ни разорял их кладки. У каждой убитой совы

он отсекал средний коготь левой лапы — самый мощный и длинный — и нанизывал на прочную нить. За несколько лет ожерелье стало внушительным с виду и весьма тяжелым. Хаст вешал его у входа в жилище.

Лист парил меж Миром и Небом, цветущий и безмятежный, и никто со стороны не смог бы предположить, что здесь томится в одиночестве человек, бывший некогда ло-охотником.

День походил на день, как хвоинки на ветке сосны, ничто не нарушало ровного течения времени. До тех пор, пока Хаст, преследуя косулю, не наткнулся в зарослях бумбака на совенка-пуховичка, вывалившегося из гнезда. Рядом на мягкой летней траве камнем застыло тело мертвой совы-матери. Отчего она погибла, Хаст так и не понял.

Он нахмурился и потянулся за ножом. Снова совы! На этот раз они норовят отвлечь его от охоты.

Солнце отразилось от холодного железа, и глаза совенка, поймав этот отблеск, зажглись загадочным зеленым огнем. Клюв его раскрылся, выпуская на свободу крик — еще не трель взрослой птицы, но отчаянный призыв детеныша, мольбу о помощи и защите. Совенок прижался к неподвижному телу матери и тоже замер в наивной надежде остаться незамеченным. Только широкие листья бумбака величаво колыхались, точно диковинные зеленые руки.

Хаст вздохнул. Никогда доселе он не давал пощады совам. А сейчас он вдруг узнал в испуганном и брошенном всеми птенце себя — одинокого и беззащитного в огромном и отнюдь не ласковом мире.

Одновременно Хаст рассердился на себя за нелепую и непозволительную слабость. Ведь если бы не певчие совы, они с ло Гри наверняка так и не заметили бы этот злосчастный Лист.

Коротко выругавшись, Хаст вернул нож в чехол, перешагнул через застывшего птенца и ринулся по следу косули, отгоняя прочь назойливые мысли.

Вечером, когда летнее Солнце достигло нижней точки на небосводе и стало снова подниматься, Хаст готовил на огне мясо добытой косули, вновь и вновь вспоминая обреченного совенка. Не выжить этому комочку теплой плоти, ясно как день, что не выжить. И никто не поможет, ибо законы леса добры лишь к сильным.

Дважды Хаст порывался встать и дважды, сцепив зубы, оставался на месте. Он не должен никому помогать. Кому суждено погибнуть — погибнет, потому что это закон. И не ему, Хасту-одиночке, нарушать законы жизни.

Но может быть, именно потому, что никто не даст себе труда нарушить закон, он и торчит седьмой год на ненормальном Листе? Один, как Солнце в Небе?

Да будь прокляты все законы! Все до единого!

Хаст встал и торопливо зашагал к зарослям бумбака.

Совенок пушистым шариком сидел у ствола молодой пихты. С мертвой мамашей уже расправлялись шустрые мыши-падальщики и белые жуки.

Хаст кашлянул, и мыши тотчас же исчезли в траве. Совенок вжался в кору пихты, сверкая глазищами. Если бы не глазищи, он стал бы совсем незаметным на фоне ствола. Хотя это вряд ли помогло бы: из чащи, колыхая листья бумбака, вытекла пестрая древесная змея. Длинная, почти шаг. Нахмурившись, Хаст подобрал валежину и прогнал змею прочь.

Теперь назад пути не осталось: совенок уже считался съеденным, а однажды спасенного более не бросают Судьбе на забаву. Тем паче если он мал и беспомощен.

Спрятав кулак в рукав куртки, Хаст опустился на колени перед совенком. Тот окаменел, не сводя глаз с человека. Медленно-медленно Хаст протянул защищенную толстой шкурой зубра руку к птенцу, и тот, словно заранее обученный, браво шагнул навстречу и взгромоздился на предложенный насест, аккуратно сомкнув когти вокруг запястья. Хаст затаил дыхание. Птенец несмело пискнул:

— Ски-и-ит!

Когти его прочно обхватили руку, но нигде не повредили куртки. Птенец словно подчеркивал, что доверяет человеку.

— Эх ты, желторотина! — усмехнулся Хаст, вставая.

Птенец раскинул крылья, балансируя, но когти прочнее не сжал, хотя при желании мог легко пропороть и куртку, и руку Хаста под ней.

— Как, говоришь, тебя зовут? — обратился Хаст к совенку, отведя руку далеко в сторону.

— Ски-и-ит!

— Скиит?

Птенец заворчал, будто разбуженный барсук.

— Пошли домой, Скиит, — сказал Хаст и зашагал к жилищу, переполняемый невысказанной радостью.

Потом он долго кормил совенка кусочками сырого мяса; тот жадно глотал, закатывая глаза. Разговаривать с кем-нибудь живым было на удивление приятно, и впервые за несколько лет Хаст не чувствовал себя одиноким.

Ло Гри бесшумно извлек из колчана стрелу и натянул тетиву. Наконечник из тусклого металла, казалось, обрел глаза; сейчас он глядел на жертву: крупную сову, дремлющую на толстом суку корявой веши.

С тихим свистом стрела метнулась вперед к ничего не подозревающей сове, вгрызлась в жаркую плоть, легко проткнув оперение и тонкую кожу. С хрустом ломая полые птичьи кости, окровавленный наконечник прошел сквозь тело и вышел наружу. Жизнь покинула беспечную птицу мгновенно: шурша ветками, сова мягко шлепнулась на прошлогоднюю хвою.

Ло Гри приблизился, вытащил стрелу, распластав тушку отточенным охотничьим ножом, тщательно вытер наконечник о пестрые совиные перья и вернул стрелу в колчан. Еще один взмах ножа — и средний коготь с левой лапы перестал принадлежать законной хозяйке. Острием ножа ло Гри проделал в когте небольшое отверстие и нанизал на тонкий шнурок, где болталось десятка два таких же кривых, словно серп луны, когтей.

Пнув коченеющий комок сапогом, ло Гри прошептал:

— За ло Хаста, проклятая тварь! За друга...

Он убивал сов уже седьмой год.

Проснувшись, Хаст первым делом взглянул на жердь у входа: совенок мирно дремал, вцепившись в морщинистую кору веши когтями. Вчера Хаст приспособил этот нехитрый насест, решив, что птице удобнее отдыхать на ветке, нежели на полу. Рядом висело ожерелье из когтей убитых сов; Хаст наткнулся на него взглядом. Вздрогнул. Но птенец не обращал на свидетельство смертей своих соплеменников никакого внимания.

Хаст поднялся, подошел ко входу. Глазищи птенца распахнулись, сверкнули в полумраке жилой полости.

— С пробуждением! — бодро поздоровался Хаст и неловко снял с сучка ожерелье, стараясь, чтобы совенок не увидел. Но тот внимательно, словно бы даже с интересом, наблюдал за человеком.

«Чего это я? — подумал Хаст с недоумением. — Будто он понимает...»

Негромкий писк был ему ответом:

— Ски-ит!

«Надо его накормить...»

Хаст взял лук и колчан со стрелами, подвесил к поясу меч, скорее по привычке, чем по необходимости, зафиксировал ножны на бедре, чтоб меч не мешал при ходьбе по лесу, велел совенку «сидеть тихо» и ушел в лес.

Ожерелье он выбросил в первую же полость без малейшего сожаления.

Охотник по-прежнему жил в нем, и даже не потому, что он отправлялся за добычей снова и снова: в клане охотник — опора, он заботится обо всех, кто остается в стойбище. Заботится и защищает. Последние годы Хасту не о ком было заботиться и некого защищать. Но его естество требовало защитить хоть кого-нибудь, помимо воли и событий, и отчасти поэтому возникали вспышки непонятной ярости.

Именно поэтому он не устоял и спас птенца от верной гибели. И еще Хаст подумал, что, наверное, именно из-за этого люди и стали людьми: из-за потребности защищать и заботиться.

Лето текло, как Лист в воздушном потоке. Совенок на сытной кормежке быстро рос и набирался сил. Пух мало-помалу заменялся на пестрые перья взрослой птицы, крылья окрепли, постепенно Скиит стал перепархивать с места на место, а раньше ковылял на когтистых лапах. Взрослые совы почему-то перестали появляться вблизи жилища Хаста, а на «нос» Листа наведываться было незачем. Хаст и не наведывался. Дичи хватало и совсем рядом, ни человек, ни совенок не голодали.

Старые знакомые еноты в очередной раз вывели потомство и ушли в глубь лиственной зоны. У границы зон, где обосновался Хаст, развелось много куропатов, чуть ближе к «корме» держался табунок оленей. Их Хаст без нужды не трогал, решив позволить пятнистым зверькам расплодиться.

Лист оставался верен основному потоку Высот: могучей воздушной реке, спутнику Кольцевого Океана. Чуть выше, в слое, где кишел легкий планктон, паслись киты — громадные продолговатые пузыри, свободно парящие над Миром. На гладких серых боках виднелись лоснящиеся шарики прилипал. Изредка вблизи Листа проплывали стайки высотных медуз — удивительно красивых созданий, похожих на невесомые текучие шлейфы. Они обитали в верхних уровнях атмосферы и в слой, где держались Листы, спускались очень редко. Как-то раз Хаст наблюдал нападение трех молний на китенка — бедняга был проколот в несколько секунд, хищники вцепились в мякоть киля под брюхом и рухнули вместе с потерявшей способность летать жертвой прямо в волны Океана. Молнии были королями среди плотоядных: способные набирать воздух в специальную полость и с силой извергать его в любом направлении, они перемещались в потоках независимо от ветра с поразительной быстротой, а привычка нападать втроем—впятером позволяла умерщвлять даже взрослых китов.

Величаво скользили мимо корзинки наусов, прикрытые сверху полетным шаром. Хаст готов был поклясться, что в корзинках кто-то копошится. Вполне возможно, что так же, как Листы приютили людей, нелетающих животных и деревья, и наусы пустили в свои корзинки какую-нибудь мелочь. Наусов часто сопровождали парочки воркующих альбатросов — птиц, совершенно утративших ноги. Они всю жизнь проводили в полете, даже спали, не переставая парить в потоках податливого воздуха. Хаст смотрел на них с завистью: они никогда не расставались с крыльями.

А подняться в Небо хотелось все сильнее и сильнее. Набросить упряжь на гладкие семена клена, поймать ветер шероховатой плоскостью крыла и взмыть, подмяв восходящий поток, над Листом. Хаст закрывал глаза и видел, как сосны и веши проваливаются вниз, казавшаяся необъятной чаша вдруг становится похожей на чайное блюдце и виднеется целиком чуть в стороне и внизу. И даже машет кто-то с поляны, машет рукой, приветствуя ло-охотника...

Хаст вспомнил, как он учился летать; как тайком с тя Гри, подростком, еще не охотником, стянули по упряжи и поднялись в небо, впервые без ло-наставника. Как влетели по

неопытности в стаю пираний, небольших существ, состоящих из зубастой пасти и летательного шарика, как еле сумели вырваться, сломав крылья о плоть вечно голодных хищников у самого Листа, и как вдвоем спасались на одной прилипале... Еле дотянули до кромки — еще немного, и их тела навечно остались бы на поверхности Низа, рухнув с пятикилометровой высоты...

Хаст часто сидел у третьей кромки, наблюдая жизнь Высоты; раньше, во время жизни в клане, на это не хватало времени. Первые годы плена он сосредоточился на лесе, позже стал поглядывать и за кромки Листа. Скиит обыкновенно дремал на шелушащемся валике или пристраивался на ветке молодого деревца, если такое попадалось вблизи от края. Ближе к осени совенок начал летать, с каждым днем все увереннее и увереннее.

Хаст привязался к пестрому птенцу, еще нескладному, как и все подростки, радовался его крепнущим крыльям и хитроумным проделкам; учил его садиться на руку, защищенную шкурой зубра; учил бить куропатов, пикируя на них с веток сосен, вешь и грабов; учил не пожирать добычу тут же, а приносить ему, Хасту. Скиит оказался на редкость сообразительной птицей: обучался быстро и охотно и платил человеку завидной преданностью. Хаст даже научил его приносить выпущенные стрелы. Натаскивал его Хаст без особой цели: скорее от избытка свободного времени.

Пока вдруг не понял, что крылья совенка могут спасти его, бескрылого отшельника, в прошлом — охотника клана логвита Стипо.

К южной зиме Скиит привык к алой тряпице на лапе, больше не рвал висящую ленту с письменами и не позволял ей запутаться в ветвях, когда обосновывался на дереве.

Мысль Хаста была проста: если у него самого нет крыльев, почему бы не поставить на службу крылья Скиита? Если рядом окажется населенный Лист, совенок перелетит на него, найдет людей и позволит им прочесть послание на ленте. Любой клан обязательно поможет ему: кто-нибудь из охотников взмоет в Небо на двойных крыльях и оставит одну пару Хасту. А там уж он сам: найдет нормальный Лист, с кленами и отправится в долгий поиск родного клана. Придется основательно пошарить в Небе, его Лист может находиться где угод-

но, но перспектива бесконечных перелетов совсем не пугала его. По крайней мере это лучше, чем сидеть на странном Листе, отщепенце Высот, не имея возможности подняться в прозрачный воздушный поток.

Солнце застыло точно на юге, наполовину скрывшись за горизонтом; Луна успеет двадцать раз взойти и сесть, прежде чем оно вновь придет в движение. Глядя на половинку багрового диска, Хаст гладил Скиита по клювастой голове.

— Мы еще взлетим вместе, птица... Крыло к крылу... И поохотимся на славу в теплых ветрах Высот...

К первым ночам Скиит безошибочно выполнял приказы Хаста. Ленту с лапы совенка Хаст теперь не снимал. Дважды он посылал крылатого помощника на соседние Листы, но оба оказались необитаемыми. Оставалось терпеливо ждать.

Скиит, казалось, все понимал. С писком он взмывал над пристанищем Хаста и часами кружил, высматривая далекие Листы. Глаза у него были не в пример зорче человечьих. Хаст еще сильнее привязался к спасенному птенцу, подкармливал лакомыми кусочками со своего стола, хотя Скиит давно уже охотился самостоятельно; иногда расчесывал отрастающие перья, а раз пришлось подрезать сломанный коготь. Впрочем, коготь быстро отрос и стерся на кончике, став таким же острым, как раньше.

Третий Лист высмотрел именно Скиит. Хаст еще спал в жилой полости. Солнце давно взошло, ночь достигла к этому моменту всего трех часов. Весна была в самом разгаре: деревья меняли листву, зеленые побеги лезли из набухших почек, выталкивая прошлогодние листья. Совенок с пронзительным писком ворвался в полость, оглушительно хлопая крыльями. Хаст сразу проснулся, но не сразу понял, что происходит. Когда же понял — со всех ног кинулся к краю, за совенком.

Недолгая пробежка через лес привела его почти точно на «нос»; Скиит, по-прежнему пищавший, сел на ветку кореностой, как и все деревья у края, веши.

Вдали и чуть ниже величаво парил Лист, явно обитаемый: Хаст сразу различил столбики дыма, поднимающиеся вверх. Его, наверное, принесло позавчерашним штормом с севера, из-за Океана. Лист продолжал постепенно снижаться, охладившись в холодном штормовом потоке.

У Хаста перехватило дыхание.

* * *

— Ну, малыш...

Он подставил незащищенную руку, и Скиит преданно оседлал ее. Страшные кривые когти не оставили на коже ни единой царапины.

— Лети! Отыщи людей! Люди, Скиит! Люди!

Пестрая птица взмахнула крыльями и ринулась в прозрачную бездну. Маховые перья разошлись, и крылья стали похожи на человеческие руки с растопыренными пальцами. Совенок устремился к недалекому Листу, и Хасту показалось, что его не догнала бы даже молния.

— Скиит! — пискнул его пернатый друг, а потом защелкал и засвистал — впервые в жизни по-взрослому.

Хаст еще долго слышал трели, постепенно утихающие, растворяющиеся в шепоте Высоты. Он сел на кромку и стал ждать, пристально уставившись на соседний Лист, так, что стали болеть и слезиться глаза.

Он ждал долго, Солнце прошло зенит и начало клониться к точке сегодняшнего заката, а он недвижимо сидел перед рыхлым валиком третьей кромки. Хотелось есть, но никакая сила не прогнала бы сейчас Хаста с его поста. Он ждал возвращения Скиита, не в силах поверить, что одиночество продлится и дальше. Шесть лет, даже больше — с него вполне хватит...

Крошечную точку, отделившуюся от Листа, Хаст заметил сразу же. У него перехватило дыхание. Вглядываясь до рези в глазах, Хаст почувствовал, как взмокли ладони.

Скоро не осталось сомнений: к Листу-отшельнику приближался человек на крыльях-семенах клена. Причем на двойных, это Хаст понял по слабому изгибу лопастей на виражах.

Он стоял, еще не веря в спасение.

А когда человек приблизился, Хаст чуть не сполз с кромки на зеленое тело Листа: не узнать ло Гри было трудно. Друг, верный друг детства летел на выручку!

Хаст почувствовал, как по щекам потекли слезы. Он замахал руками, и ло Гри, чуть наклонив крылья, заскользил прямо к нему.

Через минуту ло Гри сел и отстегнул упряжь; две пары намертво связанных крыльев легли между кромками. Хаст...

нет — снова ло Хаст бросился к другу, растопырив для объятий руки.

Почему-то ло Гри молчал, хотя ло Хаст ждал бурных приветствий. Вскоре он понял почему.

Ло Гри расстегнул сумку и вынул оттуда пестрое тельце молодой певчей совы. С лапы свисала алая ленточка с письменами.

Ло Хаст замер.

— Извини, — глухо сказал ло Гри. — Я ее убил...

Он опустил трупик Скиита у ног потерянного и найденного спустя шесть с половиной лет приятеля.

Ло Хаст склонился над враз ставшим жалким и безжизненным комочком плоти и окровавленных перьев. Было видно, куда вошла стрела, и еще ло Хаст заметил, что на левой лапе не хватает самого длинного когтя.

— Скиит, дружище...

Потрясенный ло Хаст поднял взгляд на ло Гри — на шее у того висело целое ожерелье из когтей.

Ло Гри, перехватив его взгляд, снял ожерелье и хмуро уставился под ноги.

— Если бы я не отрезал совам когти, я бы не увидел твоего послания... Я понимаю, что уже поздно и ничего не изменишь, но — поверь, друг, я мстил им за тебя...

Ло Хаст словно завороженный встал с колен, приблизился к хмурому ло Гри и взял ожерелье у него из рук. Несколько секунд подержал в руках, а потом, размахнувшись, швырнул его за край.

Ло Гри покорно проводил ожерелье взглядом.

— Поклянись, — негромко попросил друга ло Хаст, — поклянись, что больше никогда в жизни не убьешь певчую сову.

Ло Гри не колеблясь приложил руку к сердцу, но ни слова не успел произнести: знакомая трель донеслась с опушки, беспечная и радостная.

Хаст, вновь ставший охотником, увидел, как ло Гри вздрогнул.

Николаев—Москва, 1994—1995

ЧУЖИЕ МИРЫ

ОКО ВСЕВЫШНЕГО

(РУКОПАШНАЯ СКАЗКА)

Глава первая

1

В вечернюю тишину вплетались мерные удары гонга. Монастырь встречал закат. Малиново-красное солнце пряталось за отроги Сао-Зу — Великого Горного Хребта, увенчанного пушистыми снежными шапками. Лишь одна дорога вела к монастырю — южная, та, что поднималась снизу, из озерной долины. Никому еще не удавалось перевалить через хребет в этом месте, хотя несколько узких троп уводили высоко в горы. Бродили неуверенные слухи, передаваемые чуть слышным шепотом, будто одна из этих троп ведет сквозь Хребты к самому северному побережью, однако уже много лет никто не ходил за Сао-Зу и не приходил оттуда.

Монахи, собравшиеся на вечернее очищение, отбили положенное количество поклонов и разошлись по кельям-таутам. Ученики первого круга устало брели с поздних занятий, ситы-работники подметали узкие дорожки и тренировочные площадки. Скоро и они уйдут в свой таут — большую общую спальню рядом со зданием кухни. Только привратники в свете лучин будут вести неспешные ночные разговоры.

Монастырь затих, спрятавшись за неприступными стенами, высотой соперничавшими с горными соснами. Темнело; последние лучи солнца таяли в хрупкой свежести воздуха. Холодный ветер тянул с гор, принося дыхание вечного льда.

Путник появился на дороге вместе с первыми звездами. Он спешил; учащенно дыша, опираясь на длинный посох, изредка оглядываясь. Достиг ворот, трижды ударил тупым концом посоха в Круг Путника, чернеющий в центре правой створки.

На стене возник привратник, бесшумно, словно летучая мышь.

— Да будет благословенно имя Каома! — хрипло сказал путник, склонив голову и сделав ладонью ритуальный жест.

— Навеки будет! — почтительно отозвался привратник. — Что привело тебя в нашу обитель?

Ладонь его застыла у груди.

— Прошу крова и защиты.

Привратник кивнул:

— Не совершил ли ты зла и не спасаешься ли от справедливой кары Императора и гнева Каома? (Да будет благословенно имя его!)

— Руки и сердце мои чисты перед Императором и тем, кто Выше, хаат.

— Ворота монастыря всегда открыты для скитальцев, чистых перед тем, кто Выше! Входи, путник.

Правая створка неспешно приоткрылась, пропуская одинокого гостя.

Два монаха встретили его поклоном и застывшей перед грудью ладонью. Путник поклонился в ответ, стоя на отпечатке огромной пятерни у самых ворот; потом опустился на колени, отложив посох, и поцеловал священную землю монастыря.

Он не был здесь сорок семь лет.

— Голоден ли ты, путник? — спросил тот, кто разговаривал с ним со стены, одетый в зеленый плащ Наставника со знаком восьмого круга.

— Нет, хаат, хвала Всевышнему (легкий обоюдный поклон), добрые люди накормили меня в полдень.

Наставник снова кивнул.

— Брат Цхэ, отведи путника в гостевой таут.

Еще поклон, еще хвала Всевышнему, и у ворот опять стало безлюдно, а привратники возобновили свои ночные речи в неверном свете лучины.

Наутро странника отвели к Верховному Настоятелю.

Странник был стар. Седые усы и борода, седая голова, морщинистое лицо. Однако глаза его горели, словно у юного тиг-

ра, а мышцы полнились силой. Чем-то он походил на Настоятеля, только у того усы и борода были гораздо длиннее, а голову он, как и все в монастыре, брил наголо.

— Сатэ? — удивился и обрадовался Настоятель. Путника он хорошо знал, хотя виделись в последний раз они почти полвека назад.

Старик Сатэ поклонился сначала изображению Каома, потом Первому-в-храме и шести его теням-Настоятелям.

— Приветствую тебя, Бин, Первый-в-храме, и вас, Старшие!

Повинуясь жесту Верховного, один из слуг-учеников принес циновку и несколько подушек.

— Садись, Сатэ! И не зови нас Старшими, ведь ты равен нам, хранитель.

Сатэ присел.

— Разве пыль в придорожной канаве равна солнечному свету? Вы — слуги Каома, Старшие в монастыре, а я — одинокий старик, забытый всеми.

Чувствовалось, что подобные речи были всего лишь ритуалом.

— Недобрые вести принес тебе Сатэ, Первый-в-храме.

Выразительный взгляд — слуги покинули таут Верховного, осталась лишь семерка старших да путники. Двое Настоятелей стали у выхода.

— Я слушаю тебя, Сатэ-хранитель.

Странник неотрывно глядел Бину в глаза.

— Весна начинается, Первый-в-храме. Скоро равноденствие, не мне напоминать, что наступит год Тигра. Это будет год Тигра-воина.

— Я помню, Сатэ. Посланники Южного монастыря скоро выступят, ведомые братом нашим, Настоятелем Тао. Обряд будет исполнен.

Тигр приходил каждый двенадцатый год; однако Тигр-охотник ничего не менял в жизни монастырей. Раз в двадцать четыре года приходил Тигр-воин, и тогда весной либо Северный монастырь Каома, либо Южный (по очереди) отправляли друг другу посланников. Отбирались два молодых монаха, по одному от каждого монастыря, родившихся в год предыдущего Тигра-воина. Они уходили сразу после Турнира. Куда — знали немногие. Семеро Настоятелей каждого монастыря да десяток избранных. Возвращались монахи обычно летом; посланники-гости тотчас

отбывали в свою обитель, и все повторялось спустя двадцать четыре года. И еще одно: молодые монахи-избранники, вернувшиеся в монастыри, впоследствии почти всегда становились Первыми-в-храме. Сорок восемь лет назад, когда Бину исполнилось всего двадцать четыре и был он молод и горяч, отправился он в путь вместе с Тао-южанином...

Бин вспомнил и едва заметно вздохнул. На лице его ничего не отразилось — ведь он давно уже не юноша-избранник, а Верховный Настоятель Северного монастыря Каома, Первый-в-храме.

— Клан Орла посягнул на одно из двенадцати Святых Мест. В горах было землетрясение, и ход в тайник обнажился.

Бин нахмурил брови, не перебивая.

— Волею случая это оказалось именно двенадцатое Место. Око Каома едва не попало в руки Орлам.

Тени-Наставники заропотали. Такого не случалось со времени основания монастырей. Око всегда находилось в одном из двенадцати Мест, надежно укрытых от мирских глаз. В год Тигра-воина его переносили. Из первого Места во второе, в следующий раз — из второго в третье, и так далее. Око кочевало по кругу из века в век; монахи двух монастырей всегда находили силы его защитить.

Сатэ продолжал рассказ:

— Глупые Орлы тронули Око раньше срока — они, конечно, умерли, так и не успев поведать своим Верховным, куда перепрятали его. Остался лишь один свидетель, который знает, где сейчас Око. Орлы повсюду ищут его, но не найдут, если вовремя вмешаться.

— Кто он? — только теперь перебил Бин.

Сатэ прикрыл глаза и выдержал приличествующую паузу.

— Юноша-паломник с Архипелага.

— Островитянин? — Бин вскочил, сжав кулаки. — Великий Каома! Судьба мира в руках чужеземца!

Первый-в-храме быстро овладел собой и сел.

— Где он?

— В столице. Прячется и ждет сигнала. Моего сигнала.

— Что ты предлагаешь, Сатэ?

Старик погладил короткую бороду.

— Дай мне семерку избранников, и я приведу его сюда. Заодно и смену себе присмотрю. Надеюсь, что в этот раз избран-

ники достойны... хм... тех юношей, что мечтали перенести Око с десятого Места на одиннадцатое сорок восемь лет назад.

Бин задумался.

— Хорошо, Сатэ. Только вот что: отсюда в Столицу семь дней пути, и из Южного монастыря — четыре. Ведите чужеземца в Южный и возвращайтесь со свитой брата нашего Тао.

Сатэ поразмыслил.

— Ты, как всегда, мудр, Первый-в-храме! Орлы вряд ли сумеют предвидеть это.

Бин поднес руку к груди:

— Мудр лишь Каома, мы же — жалкие слуги его, внемлющие мудрым советам.

Ритуальный поклон.

Хлопок в ладоши. Появился монах-слуга.

— Семерых избранников-до ко мне, младший.

Монах склонил голову и исчез.

— Кто будет первым, как думаешь? — спросил вдруг Сатэ.

Верховный пожал плечами:

— Все хороши. Хотя Даан Геш, пожалуй, покрепче остальных.

— Геш? Сын Линга?

— Да. Он уже Наставник, представь! Уже почти год.

— А прочие кто?

— Рут Ма, братья-близнецы Каат и Ао Хито, Юл Ю, Сань Но и Лоот Зин.

Сатэ покачал головой:

— Никого не знаю. Ты о них никогда не писал.

Верховный нетерпеливо взглянул на громадные песочные часы, которые опрокидывали всего раз в сутки, в полдень.

— Как зовут чужеземца?

— Матурана, Старший.

— Матурана, — повторил Первый-в-храме, шевеля губами, словно пробовал непривычное имя на вкус. — Странные у них на Архипелаге имена.

Сатэ пожал плечами:

— Наверное, наши имена им тоже кажутся странными. Кстати, — Сатэ понизил голос почти до шепота, — он родился в год Тигра-воина. Двадцать четыре года назад.

Верховный неотрывно глядел на Сатэ, соображая, что это может означать.

В таут входили избранники в одеяниях монахов; один был в зеленом плаще без каймы. Единственное, что отличало их от остальных обитателей монастыря, — длинные волосы, собранные в пучок на затылке.

2

Два года назад, весной, Даану и еще шестерым монахам четвертого круга Старшие велели не брить более голов. Вопреки первому обычаю монахов Каома. В остальном их жизнь не изменилась. К исходу года Крысы Даан завершил четвертый круг, первым из своих сверстников. Настоятели предложили ему путь Наставника. Даан удивился: ведь он еще молод. Однако его мастерство позволяло ему стать в один ряд с Настоятелями, мастерами ши-тао. Выдержав экзамен (он сражался со Старшими!), Даан заслужил зеленый плащ и избрал свой кон: им стал шест. И принялся учить первый круг, вчерашних ситов-работников, приемам боя с шестом, не переставая, впрочем, совершенствоваться в пятом круге. Так прошел еще год; Даан успел привыкнуть, что младшие зовут его «учителем», хотя совсем недавно это его забавляло.

Приближался год Тигра. Монахи высших кругов вдруг стали часто появляться на тренировках пятого круга, которого достигли все «до» — лохматые, как прозвали их в монастыре. Иногда они вмешивались и показывали лохматым что-нибудь новое из своего богатейшего арсенала трюков и приемов. Лохматые прилежно запоминали, шлифуя новую технику.

Что-то назревало, Даан чувствовал это. Но что? Внешне он никак не выказывал своего нетерпения, ибо пятый круг есть пятый круг и многому Даана научил.

А потом всех лохматых вызвали к Первому-в-храме.

3

Мирская одежда казалась странной и непривычной. Даан то и дело глядел на себя и других, смеясь одними глазами. Было от чего! Сатэ не обращал на это веселье внимания, уверенный, что оно ненадолго.

Стены монастыря скоро растаяли вдали, и потянулась навстречу бесконечная дорога, ибо под двумя лунами бесконечны лишь две вещи: дороги и познание.

Какая она — Столица? Такой вопрос задавал себе каждый из семерых. С малых лет они почти ничего не видели, кроме монастыря, разве что горную деревушку в половине дня пути, куда, еще будучи ситами или монахами первого круга, часто наведывались за продуктами.

Уже на второй день одежда перестала казаться им чужой и неудобной.

В полдень зашли подкрепить силы в харчевню, притаившуюся на самом краю небольшого придорожного селения. Сатэ договорился с хозяином о плате и вернулся к рассевшейся за столом семерке лохматых.

За соседним столом поглощали рис и мясо двое бродяг из восточных провинций — серебристые рыбки, нашитые на левый рукав курток, свидетельствовали, что раньше эти двое были рыбаками.

Даан не переставал ломать голову над загадкой последних недель. Кто такой Сатэ? Его отлично знают Старшие. Сам Сатэ прекрасно знаком с нравами и обычаями монастыря. Но он не монах, это всякому видно! В том, что Сатэ мастер ши-тао, Даан не сомневался ни секунды. Пожалуй, по уровню старик принадлежал к Старшим. Но опять, опять: Сатэ не монах!

Куда ведет их этот таинственный старик? Первый-в-храме велел избранникам повиноваться ему так, словно он сам Каома.

С шумом и руганью в таверну вошли трое горожан; Даан отвлекся от своих мыслей.

— Эй, хозяин! Накорми нас, да поживее!

Проклятия так и сыпались из уст этих троих. Они ругали все: жизнь, смерть, погоду, дорогу, попутчиков, встречных, харчевню, ее посетителей, хозяина, его стряпню...

Монахи, мысленно воззвав к тому, кто Выше, продолжали обед. Однако от буйных незнакомцев это их не спасло.

— Эй, старик! — сказал вдруг один из них, высокий и плечистый. — Мне кажется, что я тебя знаю!

Сатэ смиренно опустил взор, не сказав ни слова.

— Точно! — Смирение старика подогрело вошедшего. — Ты должен мне пять монет, провалиться и не жить!

— Уважаемый, я впервые вас вижу и никогда в жизни не занимал ни у кого денег.

Спутники высокого засмеялись.

— Ты проиграл мне эти деньги в маджонг, старик! Ну, выкладывай долг, или я оборву твои седые усы!

Сатэ терпеливо изрек:

— Я не играю в маджонг, уважаемый. Только в го, но не на деньги.

Высокий презрительно сплюнул на пол.

— Ты смеешь перечить мне, дохлая медуза? По-твоему, я лжец?

Высокий лениво протянул руку, взял Сатэ за шиворот и поставил перед собой. На недостаток силы он, понятно, не жаловался.

— Это тебе для памяти, — сказал он и ударил Сатэ. Вернее, хотел ударить.

Старик неуловимо для глаза отклонился, и высокий лишь зачерпнул рукой пахнущий специями воздух таверны.

Разозленный неудачей горожанин провел серию быстрых ударов, но Сатэ без труда отбил их одной рукой.

— Ступайте своей дорогой, добрые люди, и не мешайте нам идти своей, — тихо сказал Сатэ.

Однако высокий не собирался отступать. Теперь он пустил в ход ноги.

«Старший не станет сражаться в нашем присутствии, — подумал Даан. — Вмешаться?»

Но его опередил Юл Ю. В мгновение ока он возник между Сатэ и высоким.

Блок, блок, увертка, блок, выпад, блок, захват, удар!

Высокий безжизненно рухнул на дощатый пол. Два его товарища вскочили и, недобро глядя на Юла и Сатэ, сделали шаг вперед. В руках их тускло заблестели ножи, тупые, как кора акации.

— Прошу вас, не делайте этого! — заголосил в углу хозяин.

Юл не двигался; Сатэ же вернулся к столу и сел на свое место. Даан хотел прийти на помощь Юлу, однако старик поймал его за руку.

— Сядь!

Даан повиновался. Тем временем двое с ножами напали на Юла. Сталь со свистом рассекала воздух. Юл мягко уклонялся, приседал, подпрыгивал, вертелся на месте. Вот один из нападавших словно бы случайно наткнулся на кулак Юла и опрокинулся на спину; второй сердито прыгнул, взмахнув ножом, но захрипел, потеряв дыхание и выронив оружие. Юл Ю выбросил ногу назад, не глядя, жестко, по-южному, окончательно свалил первого и молча вернулся за стол.

Когда они покидали харчевню, один из троицы пришел в себя и приподнял голову.

Сатэ и его спутники уже вышли на улицу, лишь Рут Ма задержался в дверях.

— Постигайте ши-тао! — сказал он с издевкой и последовал за остальными.

4

Столица встретила путников пестрыми улицами, яркими одеждами горожан, сдержанным непрекращающимся гомоном. Утро выдалось солнечное, высоко в небе темными молниями метались стрижи.

Сатэ вел монахов вдоль вереницы лавок, аптек, вдоль приземистых домишек зажиточных горожан, вдоль утопающих в зелени домов знати — в ту часть Столицы, где было много постоялых дворов и комнат для приезжих. Сатэ шел, не глядя по сторонам, опустив голову, словно боялся, что его узнают.

Хозяин гостиницы поклонился Сатэ:

— Здравствуйте, уважаемый Ани! Вам комнату?

Сатэ поклонился в ответ:

— Да, Ло. До завтра. Мне и моим молодым друзьям. Мы прибыли как раз к празднику.

Даан не особо удивился, когда хозяин назвал Сатэ другим именем. Им сказали — миссия держится в секрете. От всех, кроме Старших.

Несколько монет перекочевали от Сатэ к Ло; затем монахов проводили в комнаты.

Комнат было две. В каждой могли спать по четыре человека. Сатэ отозвал Юла, Даана и Сань Но и сказал, чтобы они

располагались с ним; во второй остались братья Хито, Рут Ма и Лоот Зин.

После этого Сатэ ненадолго исчез. Хозяин Ло принес монахам прекрасного гиданского чаю.

Сатэ вернулся в другой одежде, одежде нищего, из тех, что тысячами наводняют большие города, прося подаяния, а также втихомолку воруя все, что плохо лежит.

— Слушайте меня, избранники! Я — Сатэ-Старший, но мало кто видел меня в стенах монастыря, ибо я покинул его сорок семь лет назад. С тех пор я больше не монах, однако подчиняюсь тому, кто Выше, и Верховному Настоятелю, Первому-в-храме. Наш поход в Столицу — лишь первый шаг на пути, который ждет одного из вас. Когда посланцы Южного монастыря войдут в нашу обитель, из вас семерых выберут наиболее достойного — вы знаете об этом. Зачем — поймете в свое время. А сейчас мы должны отыскать в городе одного человека.

Зовут его Матурана. Да, он чужеземец с Архипелага. Однако он связан с нами одной нитью, ибо тоже служит Каоме, да будет благословенно имя его!

Монахи привычно склонили головы. Сатэ продолжал:

— Он ваш ровесник. Найти его нетрудно, но клан Орла пытается опередить нас. Наша цель — незаметно увести его из Столицы в монастырь.

Теперь же отдохнем, ибо завтра нам многое предстоит...

Монахи удивленно моргнули: Сатэ вдруг перешел на язык жестов, один из тщательно оберегаемых секретов монастыря.

«Тихо! У стен бывают уши, и надо позволить ушам уйти...»

Даан подавил желание улыбнуться: шорох за дверью он услыхал давным-давно и дал знать Сатэ, но тот, не прерывая речи, показал, что и сам слышит.

Старик бесшумно переместился к маленькому окну. Молодежь загалдела, изображая непринужденную обстановку. Сатэ одобрительно кивнул.

Через некоторое время из дверей внизу выскользнул низенький человечек, пересек улицу и свернул за угол.

Сатэ знал, что там человечка ожидают двое людей из клана Орла.

Снова в ход пошел язык жестов.

Даан и Юл должны были пойти в точно такую же гостиницу, расположенную неподалеку, спросить заклинателя змей по имени Део и ожидать знака чужеземца — выброшенного в боковое окно панциря морской черепашки; дать ответ — особый поклон островитян Са — и уходить с чужеземцем в условленное место. Все предстояло сделать быстро и по возможности незаметно.

Братьям Хито выпало идти с Сатэ слоняться по городу и водить за собой соглядатаев-Орлов, скучающих сейчас под окнами.

Руту Ма и Лооту Зин Старший приказал побродить по округе и ввязаться в возможно большее число драк и ссор, нередко случающихся на улицах, но ни в коем случае никого не убивать и не калечить, а также уберечься от солдат императора и Надзора.

Рут и Лоот немало удивились: вмешиваться в драки монахам запрещалось тысячелетним кодексом. Запрещалось вообще применять ши-тао без крайней необходимости. Но Верховный приказал слушаться Сатэ, будто это сам Каома.

Сань Но должен был незаметно следовать за Дааном и Юлом, держаться в стороне и ни в коем случае ни во что не вмешиваться. При любом исходе Сань Но обязан узнать что стало с Матураной и где его найти. Еще Сатэ посоветовал не удивляться, если Сань увидит поблизости от себя совершенно седого человека в одеждах лекаря, который будет идти следом за Дааном и Юлом, — это друг.

Встречу назначили на южной окраине, у Двух Дорог. На закате. Сатэ подробно объяснил, как туда попасть; руки его так и мелькали.

Первыми комнаты покинули Рут и Лоот. Вполголоса переговариваясь, они пошли влево по улице. Один из соглядатаев ненавязчиво двинулся следом; остальные скрылись.

Настала очередь Сатэ и братьев Хито. За ними увязались все Орлы, кроме одного.

В это же время Даан и Юл, а чуть позже и Сань Но выбрались через окно крытой галереи на крышу соседнего дома, спустились во двор и, немного поплутав по переулкам, направились к указанной гостинице.

Минут через пять хозяин Ло задернул занавеси в комнате Сатэ. Оставшийся соглядатай спрятался в тени дома напро-

тив, немного поглазел на круглые окна и уселся прямо на траву, привалившись спиной к теплым оструганным доскам.

5

На площади толпился народ. Трое бродячих артистов показывали свои трюки в центре живого кольца; зрители громко переговаривались, подбадривали их криками. Некоторые бросали на розовый булыжник мелкие монетки.

Рут с Лоотом долго глазели на представление; «хвост» — высокий длинноволосый парень в цветастом халате — крутился неподалеку. Солнце неумолимо ползло к зениту. Сатэ велел им не спешить.

Часа два спустя артисты закончили представление, собрали монетки, поклонились и исчезли в своем фургончике. Зрители остались довольны, зрелище не обмануло их ожиданий.

Лоот, не поворачивая головы, приглядывал за Орлом. Монахов учили видеть все вокруг, двигая только глазами.

— Отвязаться бы от него... — шепнул он напарнику.

— Сатэ ничего не говорил...

— Значит, не запрещал!

В этот миг один из многих торговцев-лоточников истошно завопил:

— Держи вора!!!

Щуплый немытый оборванец, прижимая к груди украденную брошь, кинулся наутек. Рут немедленно подставил ногу. Тут же нашлись добровольные ловцы-помощники; все скопом они навалились на покатившегося кубарем вора. Брошь отлетела в сторону, ее схватил кто-то из зевак. Лоточник, ругаясь, крича и взывая к справедливости, пробирался меж галдящих горожан. Его толкнули в спину, лоток выпал из рук, грошовые украшения дождем посыпались под ноги. Началась форменная свалка, кто-то кого-то бил, со всех сторон слышались проклятия, стоны и ругань.

Монахи, ограничившись несколькими тумаками особенно ретивым драчунам, выбрались из толпы.

— Бежим!

На площади как раз показались солдаты Надзора в серых мундирах, вооруженные дубинками и пиками.

Они кинулись узкой улочкой, ведущей в сторону императорского дворца. В жаркий полуденный час горожане старались не покидать домов: пили чай на открытых верандах, переговаривались с соседями, выглядывая в раскрытые окна.

«Хвост» показался в конце улицы. Монахи спрятались в коротком тупичке, прижимаясь к шершавой каменной стене. Топот преследователя звучал все ближе.

— Эй, что вам здесь нужно, бродяги?

Позади, у массивной, окованной железом двери стоял рослый горец-велш. Рут выразительно приложил палец к губам, но тот не желал успокаиваться.

— Проваливайте! — Горец злился, а это не предвещало ничего хорошего.

Дверь медленно отворилась, в проеме показалась молодая девушка. Голос ее был подобен журчанию горного ручья.

— В чем дело, Ман?

Золотых и серебряных украшений, сверкающих в свете дня драгоценных камней и жемчужин на ней было больше, чем звезд на летнем небе.

Ман ответить не успел: показался «хвост». Лоот, который стоял к Орлу ближе, не теряя ни секунды, напал на него.

Горец, мгновение поколебавшись, сжал в руке короткую палку и шагнул к Руту. Вздулись твердые, как дерево, мышцы. Монах стоял у него на пути и отступать не собирался.

Лоот наносил удары, уворачивался, отклонялся, прыгал; двигался он как мог быстро. Однако соглядатай оказался неплохим бойцом: выстроил грамотную защиту и тронуть себя не позволил. Он действительно был Орлом: пальцы его рук застыли согнутыми на манер когтей гордой птицы, прыжки были высоки, держался он прямо, не припадая к земле, как Змея или Леопард, но и не вытягиваясь в струну, как это делал бы Журавль. Лоот же придерживался классического стиля монахов Севера: кулаки сжаты, стойка полувысокая, удары в основном тычковые, а не рубящие.

Рут стал в оборонительную позицию, но первый же удар здоровяка-горца швырнул его на камни. Ман, конечно же, не новичок. Не зря он служил привратником, а заодно и телохранителем богатой горожанки. Палка глухо ударилась о гранит, но Рут проворно откатился в сторону.

— Послушайте, уважаемый! — скороговоркой выпалил он.— Мы не воры и не бродяги, не бейте нас, пожалуйста!

Горец еще раз ударил палкой и вновь промахнулся.

У Лоота дела шли получше: найдя слабину в обороне Орла, он методично развивал успех. Обойдя блок, сбил противнику дыхание неуловимым ударом из арсенала Старших и отправил беседовать с духами — минут на десять.

— Уходим, Рут! — сказал он, оборачиваясь.

Ловким финтом Рут ускользнул от палицы Мана, и монахи поспешили прочь.

Горец и девушка-хозяйка некоторое время глядели им вслед.

— Что делать с ним, госпожа? — указал Ман на неподвижного Орла.

— Он жив?

— Сейчас посмотрю...

6

После долго кружения по окрестным кварталам Даан и Юл добрались до указанной Сатэ гостиницы, соблюдая по дороге все меры предосторожности. Добрались без приключений. Слежки за собой они не заметили, лишь седой, как хребты Сао-Зу, незнакомец в желтом плаще императорского лекаря дважды попался навстречу, да иногда, оборачиваясь, видели вдалеке Сань Но, занятого чем-то посторонним: разговорами с лавочниками, ругней с разносчиком рыбы, разглядыванием девушек...

Все окна гостиницы были плотно занавешены; привратник отсутствовал, хотя двери остались полуоткрытыми.

В полутьме, царящей за дверью, слышалось размеренное дыхание спящего служителя.

— Эй, хозяин!

Спящий перестал сопеть и без излишней суетливости вежливо осведомился:

— Чем могу служить? Свободных комнат нет и не будет.

— Здесь ли живет заклинатель змей Део? Скажи, что друзья ждут его на улице, — сказал Даан со свистящим придыха-

нием, характерным для солнцепоклонников юго-запада. — Мы не выносим тьмы.

Даан и Юл вышли наружу, не дожидаясь ответа хозяина. Да, впрочем, он и не ответил.

Перед домом Даан стал, как учил Сатэ, и внимательно присмотрелся к каждому из окон. Юл отошел в сторону, наблюдая, не проявляет ли кто излишнего любопытства. Вдалеке маячил желтый плащ, но это не в счет...

Спустя несколько минут штора в крайнем слева окне слабо шевельнулась и в уличную пыль шлепнулся небольшой, с орех-цу, панцирь морской черепашки. Два чужих непонятных иероглифа украшали выпуклые пластины.

Даан поклонился, приложив руку ко лбу, а потом к сердцу; отступил на восток и неторопливо пошел прочь. Юл последовал за ним.

Вскоре их догнал стройный юноша-островитянин, хрупкий, словно девушка. Сатэ сказал, что он ровесник «лохматых», но выглядел он много моложе двадцати четырех лет. Одежда и прическа ничем не отличались от общепринятых в стране Гор и Солнца.

— Здравствуйте! — негромко сказал чужеземец. — Я — Матурана.

Говорил он чисто, без малейшего акцента.

Даан не любил слабаков. А Матурана выглядел именно слабаком. Мозолей на кулаках нет, мышцы не выделяются, а значит, о ши-тао он не имеет ни малейшего представления.

Вздохнув, Даан вполголоса поздоровался, не сумев скрыть недовольства. Юл остался равнодушным.

Окраинами долго пробирались к Двум Дорогам, избегая людных площадей, опуская взгляд перед редкими прохожими. Лекарь и Сань Но «вели» их, прикрывая спереди и сзади. Солнце успело сползти к самому горизонту и покраснеть. Даан подумал, что Столица — очень большой город, гораздо больше, нежели он ожидал.

Туда же, еще ничего не ведая друг о друге, спешили и остальные: Рут Ма и Лоот Зин, сумевшие избавиться от слежки и до самого вечера толкавшиеся на празднике, Сатэ с братьями Хито, которым пришлось втроем отбиваться от семерых Орлов, а потом долго прятаться от солдат и беспощадного Надзора в припортовых кварталах.

Когда они встретились в условленном месте, выяснилось, что седовласый лекарь бесследно растворился в сгущающейся полутьме. Их стало девять: семеро избранников, Сатэ да юноша-островитянин.

А Орлы, оставшись ни с чем, зашлись, наверное, злобным клекотом.

Глава вторая

1

Шли всю ночь. Столица осталась за спинами, расцвеченная буйными огнями праздничного фейерверка. Пошли по правой дороге, потом перебрались на левую, спрятав следы на дне придорожного ручья. Сатэ перекинулся с Матураной несколькими фразами, но никто из монахов не знал языка Архипелага, поэтому смысл сказанного остался неясен. Островитянин шел легко, дышал размеренно, хотя все избранники решили, что скоро он станет жаловаться на усталость. Ничуть не бывало: тот шагал и шагал следом за Сатэ, поступь его оставалась такой же воздушной и пружинистой, как шаг тонконогой лани.

К утру устроили себе отдых в густых зарослях малины: по дорогам вполне могли шастать лазутчики Орлов. Сатэ надеялся, что следы достаточно запутаны, однако вдвойне осторожный вернее достигнет цели, чем единожды беспечный. Им же ничего не оставалось, кроме как достигнуть цели; в противном случае... Но об этом лучше не думать.

Рассвет застиг посланников Каома спящими; лишь Сатэ бодрствовал, искоса наблюдая за дорогой.

2

Гут Фо, глава клана Орла, гневно сжал кулаки.

— Что значит — исчезли? Вы Орлы или слепые мыши, годные только на корм дряхлым кошкам? Найти! Обшарить все

дороги, весь лес к северу от Столицы! Не отыщете — что же... Вы знаете наш закон: оступившийся достоин лишь смерти.

Трое, стоящие перед Гутом, вздрогнули. Гут не шутил.

— Мы найдем их, господин...

— Надеюсь!

Приспешники Гута, низко кланяясь, вышли. Глава Орлов, мужчина лет сорока, высокий и крепкий, с длинными тонкими пальцами на мускулистых руках, длинной, черной как смоль косой, умным волевым лицом с глазами-щелочками, одетый в богатый халат без рукавов, штаны-баты и мягкие тапочки, сидел в широком кресле работы столичных мастеров. Внешне он оставался спокойным, но в душе бушевал смерч. Чужак, владеющий тайной, исчез так стремительно, что олухи-слуги ничего не заметили. Око Каома почти уже попало к нему в руки — и вот такая незадача.

Однако на этом неприятности не закончились. Вошел Той, правая рука и один из лучших учителей клана Орла. Вид он имел крайне озабоченный.

— Плохие новости, господин. Змея еще жива и подняла голову.

Гут вскочил. Невероятно! Больше семи лет он полагал, что клан Змеи уничтожен навсегда, последние учителя выслежены и убиты им, Тоем и еще двумя лучшими из Орлов, многовековому соперничеству пришел конец и клан Орла стал самым сильным и сплоченным. И вот...

— Говори!

— Трое моих лазутчиков нашли на юго-западных склонах Фын-Бая старую хижину. Вокруг много приспособлений для тренировок, почти все говорят о стиле Змеи. Парень, живущий там, уверяет, что поселился недавно и не понимает их предназначения. Его пытались схватить; сначала он использовал всеобщую технику ши-тао; потом, когда его прижали к скале, технику Змеи. Судя по словам уцелевшего — технику высочайшего уровня. Я ему верю: остальные двое убиты.

— Значит, один из учителей Змеи ускользнул тогда, в год Лошади. И воспитал ученика. Но где он сам?

Той развел руками:

— Похоже, ученик долгое время живет в хижине один. Не меньше года. Почему-то они с учителем расстались.

Гут хмурил брови. О Небо, все разом! Определенно, все ополчились на него.

— Займись этим, Той. Змея должна умереть. Вырви ей жало.

Той понимающе кивнул:

— Она умрет, господин.

В глазах его горела ненависть, холодная, как зима высоко в горах, а пальцы сами собой согнулись лапой орла, птицы отважной и беспощадной.

Гут снова остался один. Что еще принесет ему этот на редкость неудачный день?

3

Тин Пи по прозвищу Ихо, что значит «змея», шагал в сторону Столицы. Все его вещи умещались в маленькой котомке, подвешенной к гладкому посоху. В мелкой пыли оставались четкие следы, отмечая его путь.

Итак, все, о чем говорил Учитель, сбылось. Клан Орла выследил их. По крайней мере его, Ихо.

Давняя вражда кланов была ему непонятна. Он с детства пытался научиться ши-тао, но немногого достиг к двенадцати годам. Всеобщая техника ни для кого в стране не являлась секретом, и достигнуть тут особых высот было трудно. Платить за тренировки в школе Ихо не мог — не хватило бы денег. Да и пришлось бы переселяться в какой-нибудь большой город, что без денег опять же не удалось бы. Так и сидел он в своей деревне, пока невесть откуда не появился странного вида старик. Низкий, сутулый, в выцветшем синем балахоне, весь увешанный какими-то сумочками на ремнях, глиняными горшочками... Ихо не отказал ему в крове и скудной крестьянской пище. Старик, разделив с ним ужин, сразу же смастерил себе ложе: воткнул в земляной пол родительской хижины две палки, натянул меж них веревку в палец толщиной, немедленно улегся на нее, словно на циновку, и преспокойно захрапел, сняв свои горшочки...

Мальчишка сразу зауважал гостя, еще не зная, что ему впервые с тех пор, как умерли отец с матерью, улыбнулась непостоянная Судьба.

Наутро старик первым делом спросил, откуда такое прозвище — «змея»? Тин объяснил, что умеет разговаривать со змеями. Тот попросил показать и вытряхнул из полотняной сумочки здоровущую болотную гадюку. В пору было удивиться — зачем старик таскает с собой эту смертельно опасную змею, но Ихо только плечами пожал: уговорить пеструю гостью заползти назад в сумку не составило больших трудов. Тогда старик задал второй вопрос: как насчет ши-тао?

Ихо показал все, на что способен.

— Плохо, — вздохнул старик. — Попробуй вот так.

И показал как. Рука его изогнулась, до странности напомнив вставшую на хвост змею, да и движения у старика стали какие-то ужасно текучие, змеиные. Ихо попробовал повторить, и, конечно же, ничего не получилось. Но старик что-то в нем разглядел.

В общем, через неделю он покинул родную деревню вместе со стариком, которого теперь предстояло звать Учителем. Они забрались высоко в горы, в такую глушь, что звери их совершенно перестали бояться. Старик учил Ихо одиннадцать лет, выжимая из подопечного все соки и порой заставляя себя ненавидеть. Результаты не замедлили сказаться: юноша быстро понял, что до сих пор, в сущности, ничего не умел. Упорства ему было не занимать, и он тренировался до умопомрачения, пока не опускались от усталости руки и не слипались глаза. Учителю же все казалось: ленится, мало работает. И гонял Ихо еще сильнее.

Однажды утром старик молча понаблюдал за разминкой своего ученика, немного «побеседовал» с ним в паре на зеленой лужайке у хижины, вздохнул и негромко сказал:

— Мне больше нечему тебя учить, парень. Остальное ты должен постичь сам, и тогда через много лет ты станешь великим бойцом. Если, конечно, будешь так же упорен, как в последние годы. Ступай. Помни: никогда и никому не говори, что знаешь технику Змеи. Используй ее лишь тогда, когда без этого останется только умереть. Прощай, Ихо. Ты был не самым плохим учеником.

Ихо вернулся в родную деревню, но там многое изменилось за одиннадцать лет, и понял, что его с ней уже почти ничего не связывает. Поскитавшись пару месяцев по округе, он

вернулся к Учителю, но нашел хижину пустой, и пустовала она уже не первый день. Старик исчез и за полгода не объявился ни разу. Ихо остался в хижине, вспоминал Учителя и ждал, надеясь, что тот вернется.

Потом невесть откуда явились трое Орлов. Ихо всеми силами пытался избежать столкновения, но те оказались не в меру воинственно настроенными. И вдобавок неплохими бойцами. Всеобщего ши-тао, даже с поправкой на одиннадцать лет тренировок, не хватило. Когда не осталось выхода — применил стиль Змеи. Двоих уложил, но третий сумел ускользнуть.

Предстояло уйти отсюда — Ихо знал это. Клан Орла силен, как никогда, и везде у него найдутся глаза и уши. Лишь один враг ему пока не по зубам: монастыри Каома. Ихо собрался, постоял у хижины, вспоминая прошедшие годы, пролетевшие как один день, и двинулся на восток, в долину, навстречу рассвету и Судьбе.

4

Спустя четыре ночи монахи-северяне впервые в жизни ступили за ворота Южного монастыря. Здесь все было очень похоже на родную обитель и вместе с тем разительно отличалось.

Клан Орла зря шарил в Столице и прочесывал дороги: беглецы ушли от соглядатаев, не оставив ни единого следа.

Изнуренные длинными переходами, избранники проспали двое суток и большую часть третьих в гостевых таутах, поднимаясь только изредка. Сатэ пропадал в покоях Первого-в-храме. Матурана был единожды вызван к Верховным, после чего не расставался с избранниками Севера.

Южане относились к ним без вражды, но с заметной ревностью. Вековое соперничество монастырей впитывалось в кровь каждого монаха, переступившего черту третьего круга. До этого что мощные атлетичные южане, что сухие да жилистые северяне были еще неумелыми и неуклюжими учениками без плащей. Слово Верховного оградило избранников Севера от нападок, однако оценивающие взгляды они ловили на себе даже во сне.

Словно во сне прошла и дорога из Южного монастыря в Северный. Орлы, конечно, следили за процессией, но у них достало благоразумия не показываться.

Лишь в стенах родного Храма Даан Геш позволил себе расслабиться. Знакомые лица Высших, улыбки братьев-наставников, кутающихся в зеленые плащи, почтительные поклоны учеников... Напряжение последних двух недель постепенно проходило. Он даже потренировался пару дней.

А потом Верховные объявили о начале Турнира. Ситы и младшие монахи вылизали всю обитель до блеска. Главный таут украсили алыми и желтыми вымпелами с изображением Солнца и серебристыми — с полукружиями двух лун.

Ворсистые ковры устлали арену. Монахи-зрители расположились ближе к выходу; Верховные — Бин и Тао — на возвышении в глубине таута, рядом с возвышением — шестеро теней-Наставников Севера и трое приехавших южан.

По правую руку Верховных в ряд сидели семеро избранников Севера — Даан Геш, Юл Ю, Сань Но, Каат и Ао Хито, Рут Ма и Лоот Зин. Серебристые одежды Гор отливали холодным сиянием. Напротив них застыли в золотых одеждах семеро парней-южан.

Даан не знал их имен, не знал он и кто будет его первым соперником. И кто вторым, если, конечно, у него будет больше одного соперника...

Обряд. Древнее, как сами монастыри, слово. Раз в двадцать четыре года сходятся на Турнире по семь лучших бойцов, чтоб выявить двух сильнейших. Двух, а не одного. Почему? Последние события убедили Даана, что Турнир — лишь ступенька к чему-то более значительному, хотя до сих пор он воспринимал Турнир лишь как состязание, которое не дает победителям почти ничего, кроме почета да алой каймы на плаще.

Он настраивался на поединок. Бин и Тао сказали приветственное слово, зрители загалдели, предвкушая волнующее зрелище, и вот уже Цхэ-хаат вызывает на арену первую пару. Даан напрягся, но первым вызвали Сань Но.

Двое застыли друг против друга — золото и серебро, долина и горы, день и ночь, Солнце и луны...

Соперник выглядел повнушительнее Сань Но. Впрочем, с первых же секунд Даан отметил, что южанину недостает на-

стоящей скорости. Южане вообще не любили скорость, уповая более на точность и мощь. Их статичные стойки казались странными, хотя и внушали определенный трепет.

Сань Но как истый северянин атаковал на предельной скорости; удар следовал за ударом. Южанин, застыв, парировал их едва заметными движениями кистей и колен. Вот и он нанес удар — резкий, исполненный гранитной сокрушительной мощи. Сань Но увернулся, пытаясь сбить соперника с ног нижним «хвостом дарка». Безуспешно: южанин стоял, как скала. Еще некоторое время избранники танцевали на арене, так и не сумев одолеть друг друга.

— Время! — сказал Цхэ, взмахнув полосатой лентой.

Следующим на ковер взошел Ао Хито. И снова ни один из сражавшихся не добился перевеса.

Не повезло Лооту Зин: под конец схватки он попался на ловкий маневр южанина, пропустил удар в грудь и рухнул на арену. Уходил он низко понурив голову под возмущенный ропот зрителей-северян и ликование трех десятков гостей-южан.

Зато Юл Ю тут же восстановил равновесие: его соперник даже уйти сам не смог, и его унесли ситы под восторженный рев болельщиков.

Рут Ма с трудом отбился от великолепного бойца-южанина по имени Су То, но время схватки выдержал до сигнала Цхэ с честью и ушел с гордо поднятой головой. Его приветствовали даже немногочисленные южане из свиты Тао.

Каат Хито на равных завершил свой бой с самым высоким из южан. Страсти накалились.

Настал черед Даана. Его соперник, поводя плечами, вышел в центр арены. Был он невысок, коренаст и низколоб.

— Начинайте!

И снова золото против серебра, Север против Юга...

Крепыш, не раздумывая, атаковал: его удар пробил бы, наверное, винную бочку. Рука чуть-чуть завалилась влево. Даан зафиксировал это в памяти.

Удары сыпались на него один за другим, приходилось уклоняться, падать, вставать, садиться на шпагат, вновь вставать; ответить пока не удавалось. Каждый раз крепыш уводил ударную руку (или ногу) немного влево, словно боялся, что Даан его зацепит встречным.

Не зря боялся: улучив момент, Даан рванулся в ближний, отвел руку южанина еще дальше влево, сблокировал удар колена коленом же, полуобернулся и...

Не ударил. Кулак его застыл у самого виска южанина.

— Стоп! — сказал Цхэ, и Даан увидел, как улыбается Бин, Первый-в-храме. Видит Каома, он сражался достойно!

Перед вторыми поединками осталось по пять избранников с каждой стороны. Перед третьими и последними — всего по два. У северян — Юл Ю и Даан, у южан — Су То и первый соперник Сань Но. Сам Сань Но покинул арену со слезами на глазах: он ни в чем не уступил перед этим высокому южанину, но Настоятели выбирают только двоих...

Последние две схватки увенчали турнир. Юл Ю и Су То долго вынуждали зрителей замирать и вскакивать с мест, а сигнал Цхэ застал их во встречных блоках. Даан, собранный и заведенный до предела, напротив, быстро и красиво разделался со своим оппонентом: пресек «ступню Каома» встречный ударом кулака и, пока ошеломленный южанин пытался сохранить равновесие и удержать горизонт, свалил его заурядным «хвостом дарка».

Опомнился Даан, лишь когда Цхэ повязал ему на шею полосатую ленту и велел стать на колени перед Верховными. Он скосил глаза: рядом с такой же лентой на шее преклонил колени Су То — южанин.

Все ясно. Они — победители. Что же, Су То — достойный боец, Даан уже жалел, что не сможет встретиться с ним на арене. Впрочем, время покажет.

А вот Юла жалко. Он ведь не проиграл, хотя и не победил. Кто знает, что случилось бы, если с Су То довелось бы встретиться ему, Даану?

5

Когда поздним вечером зрители удалились после остальных поединков, не имеющих отношения к избранникам и Обряду, унеся с собой шум, споры и веселье, в тауте остались только Верховные, тени-Настоятели из обоих монастырей, Даан и Су То, снова поставленные на колени, и Сатэ.

Встал Бин, Первый-в-храме Севера.

— Вы постигли многие тайны ши-тао, младшие. Вы оказались лучшими среди избранников-до. Но это не значит, что отныне вам предстоит жить за ладонью Каома. Нет: испытание только началось.

Даан и Су То еще долго показывали Высшим, на что способны. По команде они ломали каменные плиты, пробивали толстые доски, доставали в прыжке высоко висящие кувшины, сражались с Наставниками последнего круга, ходили с завязанными глазами по слабо натянутому шнуру, отвечали на тысячи вопросов...

Даан видел, что ровесник-южанин делает все по-своему, немного иначе, чем северяне, но справляется не хуже.

Испытание закончилось далеко за полночь. Избранников отправили спать, так ничего толком и не объяснив.

— Они вполне достойны, брат Бин! — удовлетворенно сказал Тао-южанин. — Ничуть не хуже тех парней, что побывали на их месте сорок восемь лет назад...

Бин усмехнулся. Он все помнил: тогда на этом же месте в этом же тауте стояли, преклонив колени перед тогдашними Верховными, они с Тао, и легкий ветер, врывающийся в таут, шевелил свисающие с шей полосатые ленты победителей.

Сатэ-хранитель привел Матурану. Юноша приветствовал Настоятелей по обычаю монастырей. Его уже несколько раз выслушивали, но до сих пор не решили, какую роль сыграет он в исполнении Обряда.

Сатэ предлагал послать его с избранниками. Настоятели вежливо сомневались: надо ли? Хранитель отыскал в библиотеке старые записи, из которых явствовало, что много циклов назад островитянин (кстати, родившийся в год Тигра-воина) помогал монахам исполнить Обряд. Это вынудило Настоятелей задуматься и еще раз все взвесить. В конце концов решили подвергнуть испытанию и Матурану.

Бин хмурился. Не нравился ему Матурана. Хрупок, нежен, словно девушка. Мужчина должен быть сильным.

— Готов ли ты служить Каоме, чужеземец?

— Да, Высший. Я служу ему всю свою недолгую жизнь.

Ритуальная татуировка паутинилась на его левом плече, это давно проверили. На островах Архипелага встречались общины, поклоняющиеся Каоме, в монастырях прекрасно

знали это. Изредка появлялись островитяне-паломники и всякий раз находили кров и пищу в обители монахов.

— Постигал ли ты ши-тао?

— Нет, Высший, это ваше искусство, и нам оно неведомо.

И это было правдой. Архипелаг воспитал свое учение и свои стили единоборств. Но ведь любой стиль требует силы и тренировки. А что Матурана? Ни одной рельефной мышцы.

— Как же ты защитишь себя в трудную минуту?

Островитянин прижал ладонь к груди:

— Над всем властен Каома, и если ему угодно будет сохранить мою ничтожную жизнь, я останусь невредим.

— Каома любит сильных.

Матурана покорно склонил голову.

— Докажи, чужеземец, свою силу. Видишь эту черепицу? Разбей ее.

Юноша поднял на Бина твердый на удивление взгляд.

— Я не умею разбивать камни, Высший. Разве это поможет справиться с недругами?

Бин поморщился. Такой попутчик будет избранникам только обузой.

— Хорошо. Тогда попробуй защититься от человека. Брат Фын!

Один из теней-Настоятелей, невысокий монах, глава кона меча, встал и поклонился Верховным. Но Матурана виновато отступил.

— Мне нельзя сражаться, Высшие, если нет угрозы жизни. Учитель говорил о любви ко всем, в том числе и к врагу, а не о ненависти. Он запрещал пускать в ход силу.

На Архипелаге Учителем звали главу общины.

— Оставим это, брат Бин, — подал голос безмолвствовавший Тао-южанин.

«Чужак совсем не так прост, как пытается показаться. Может быть, он слаб телом, но наверняка силен духом».

— Он умен и смекалист; думаю, избранники сумеют защитить его в случае нужды. А нет — пусть пеняет на себя и своего Учителя. Пусть идет!

Бин поразмыслил.

— Ладно, брат Тао! Пусть. Ступай, чужеземец! Ты пойдешь с избранниками. Сатэ очень хвалил тебя, так не подведи же его!

Сатэ вздохнул с облегчением. Последний козырь не понадобился, Матурану допустили к Обряду и так.

Хранитель не хотел без нужды раскрывать истинную сущность островитянина даже Первым-в-храме. Удивительно еще, как монахи не обратили внимания на главную татуировку, что украшала левое предплечье.

Матурана поклонился и покинул таут. Несколько минут все Настоятели молчали.

— До рассвета, братья. Завтрашний день станет первым днем Обряда. Воззовем к Каоме, дабы хранил он наших посланников.

Все на несколько мгновений склонились и направились к выходу.

— Сатэ! — окликнул Бин. — Подобрал ли ты себе нового Хранителя?

Старик обернулся.

— Да, Высший. Мне нужен Юл Ю.

Бин кивнул и проворчал:

— Зачем ты называешь меня Высшим?

Собственно, он и не сомневался в выборе Сатэ. Сорок восемь лет назад в последних схватках Турнира Сатэ сошелся с Тао, и никто не уступил в том поединке. А Бин сумел одолеть бойца-южанина, ныне — Хранителя Седьмого Места. Выбрали тогда Бина как победителя и, конечно же, Тао. А ведь случись все наоборот, будь соперником Бина Тао, а не второй южанин... Сатэ бы с ним тоже справился... Кто знает, не стоял бы сейчас Сатэ в плаще Первого-в-храме, а Бин не был бы Хранителем? Кто знает, кроме Каома?

Бин не возразил:

— Юл Ю твой, Сатэ-Хранитель.

Тот отвесил благодарственный поклон, воздал хвалу тому, кто Выше, и удалился.

Ночь вползала в таут: Цхэ гасил светильники.

6

Даан, Су То и Матурана покинули монастырь на рассвете. Верховные в последнем напутствии сказали две вещи: надеяться только на себя и не пренебрегать случайностями.

Теперь они могли положиться лишь на собственные силы. Невыполненный Обряд означал все, что угодно, вплоть до

конца Мира. Впервые ощутив на своих плечах такую ответственность, посланники надолго погрузились в размышления. Их путь лежал на северо-запад, в горы, к южным склонам Фын-Бая.

Монастырь растаял в неверной дымке высокогорья. Можно забыть о его существовании, пока Око Каома не будет доставлено в Первое Место, в долину Утан.

Когда не подозревающих ничего худого Орлов настигла мучительная и неотвратимая смерть оттого, что они коснулись Ока, Матурана-пленник перепилил путы о выступ камня и оставил тайное убежище враждебного клана, прижимая к груди котомку со святыней. Он, рожденный в год Тигра-воина, мог без вреда ненадолго прикоснуться к ней, но лишь весной и лишь в год Тигра-воина, в год Обряда, когда могучая пульсация божественных сил пригасала и Око готовилось к смене Места. Око не могло долго существовать вне одного из Мест — слишком многие силы перекрещивались на нем, чтобы Мир уцелел. Давным-давно хранители отыскали такие точки, где необузданная мощь Каома нейтрализовалась энергией всего Мира. Но недолго: всего двадцать четыре года. По истечении этого срока Месту необходим долгий отдых, чтобы вновь накопить энергию Мира. В чем и состояла суть Обряда — удерживать в равновесии небесные и земные силы, дабы человеческий род имел где жить, воздавая хвалу тому, кто Выше, глядящему единственным Оком, что навсегда осталось внизу, среди людей.

К концу двадцать четвертого года, к весне все того же года Тигра-воина, Место так выдыхалось и слабело, что даже присмиревшее Око выплескивало наружу потоки своей мощи. Землетрясения и бури становились особенно сильными и свирепыми и случались в эту пору гораздо чаще, чем обычно.

Сейчас же Орлы утащили Око из двенадцатого Места на склонах Фын-Бая. Матурана спрятал его, но ничем не сдерживаемая сила святыни с каждым днем все сильнее сотрясала горы. Бураны и снегопады бушевали на отрогах Сао-Зу. У посланников оставалось совсем мало времени.

В первый день они перевалили через отрог Пе. Огромный диск заходящего Солнца висел над горами, словно перезревший плод южных деревьев. Сытный ужин и крепкий сон восстановили молодые силы, и, когда Солнце нехотя выползло

из-за пиков на востоке, все трое были готовы к новому переходу. В первый день посланники не разговаривали друг с другом, погруженные в собственные мысли. С утра пришли новые, прогнавшие озабоченность. В конце концов они не мальчики. Монахи пятого круга, и если им доверена такая миссия, значит, она им по плечу.

Молчание нарушил Су То — южанин.

— Эй, чужеземец, только ты знаешь, где спрятано Око. Мне кажется, что это несправедливо. Тебя направили с нами, а не нас с тобой. Все решать должны мы с Дааном.

Матурана, весь вчерашний день прошагавший в двух шагах впереди монахов, так что тем волей-неволей приходилось следовать избранному им пути, согласно кивнул:

— Я и не думал оспаривать ваше первенство. Но как я расскажу вам о тайнике? Для этого нужно прийти на место. Знаете озеро Десяти Гротов?

Дан знал, хотя ни разу не видел его и не приближался ближе чем на недельный переход. Оно значилось на картах, издревле изучаемых монахами, одинокое горное озеро, походившее на петушиный гребень.

— В Гротах? — хмыкнул Су То. — Надежно. Сам-то хоть отыщешь его вновь?

Матурана всем видом показал, что на глупые вопросы отвечать не собирается; впрочем, Су То и не ждал ответа.

— Ладно, пошли, — проворчал Даан. — Но не вздумай хитрить, чужак.

В голосе его звенел вечный лед.

«Не наткнулись бы на Око Орлы, пока мы идем к озеру. Наверняка в тех местах шныряют десятки их лазутчиков», — подумал северянин. Он не ошибался: лазутчиков хватало и здесь. За троицей именно в этот момент наблюдали две пары любопытных глаз. С двух сторон...

Посланники спускались в узкое ущелье за отрогом Пе, укутанное плотной утренней тенью. Внизу, параллельно отрогу, тянулась старая тропа. Если, выйдя из каменных врат ущелья, свернуть влево, то тропа спустя день-другой (смотря как быстро идти) сольется с Северо-западным трактом, ведущим в Столицу. Если же свернуть вправо и следовать тропе, она взберется высоко на южный склон Фын-Бая. Туда и стремились монахи с чужаком-островитянином. Озеро Десяти Гро-

тов лизало свое скалистое ложе, зажатое в узкой котловине на полпути к снегам.

Матурана снова очутился на шаг или два впереди Даана и Су То, но Даану с самого начала было все равно, где тот идет, а Су То на этот раз не высказывал недовольства.

Матурана, уныло уставившись в дорожную пыль, вдруг тихо предупредил, не отрывая глаз от земли:

— Справа выше по склону кто-то есть. Только не поворачивайте головы, пусть думает, что мы его не видим...

Даан скосил глаза, насколько это было возможно, но никого не разглядел.

— Ты уверен?

— Я заметил, как он перебегал от камня к камню. Прячется, значит, что-то замышляет.

В словах Матураны имелся известный резон.

Подал голос Су То:

— Да и слева какой-то человек... Даже не прячется. Стоит, смотрит.

Матурана замер, Даан и Су — тоже. Человек слева остался недвижим, а тот, что справа, неожиданно вынырнул из-за скалы шагах в семидесяти выше по склону. Уверенно прыгая по камням, он приблизился.

— Куда шагаете, путники? — осведомился он тоном человека, который имеет право спрашивать.

— В Шатан, город за Фын-Баем, — твердо ответил Даан. На самом деле их цель лежала неизмеримо ближе.

— Что же ведет вас туда? — Незнакомец был не в меру любопытен.

— Дорога, — ушел от ответа Даан. — А тебя что вынуждает расспрашивать мирных путников?

— Любознательность, — парировал незнакомец. — Вы монахи?

Даан и Су То переглянулись; губы их тронула усмешка.

— Монахи вроде бы бреют головы. Или я не прав? — спросил Даан.

Незнакомец тоже усмехнулся, но как-то недобро. Потом процедил сквозь редкие зубы:

— Не всегда... Бывают исключения...

Даан пожал плечами. Незнакомец начал ему надоедать. Наверное, это человек из клана Орла. А их Высшие велели остере-

гаться. Даан размышлял, как от Орла поделикатнее отделаться, но вдруг тот впился взглядом куда-то за спины путников, издал невнятное восклицание, опрометью пересек дорогу и устремился вниз по склону, опережая даже потревоженные им же камни.

Все оглянулись — вдалеке кто-то, вооруженный шестом, сражался со вторым соглядатаем. Прежде чем успел вмешаться недавний собеседник, человек с шестом уложил противника на камни, подхватил котомку и был таков. Скоро он скрылся в зарослях, покрывающих склон ниже дороги.

Монахи снова переглянулись и продолжили путь. Теперь Матурана шагал немного позади них.

7

Наутро после Турнира, когда двое избранников и их добровольный помощник покинули монастырь, Сатэ нашел в дальнем тауте Юла. Тот был мрачен, словно безлунная ночь. Старик молча сел рядом с ним.

Солнце успело заметно подняться, прежде чем он заговорил:

— Сорок восемь лет назад я провел три поединка на Турнире. Дважды я одолел соперников-южан, третьего — не сумел. Но и он меня не одолел. Знаешь, кто это был?

Юл Ю впервые взглянул на Сатэ.

— Кто?

Старик вздохнул:

— Тао, Первый-в-храме Юга. Поэтому полосатая лента так и не обвила мою шею.

— Она досталась Бину, Первому-в-храме Севера, не так ли?

— Ты догадлив, Юл.

Глубокий вздох прозвучал в повисшей тишине.

— Я так надеялся исполнить Обряд! До последней минуты.

Голос Юла полнился горечью.

— За этим я и пришел, — невозмутимо изрек Сатэ. — Слишком это важное дело, чтобы поручить лишь двоим. Или троим, как случилось на этот раз и как случалось раньше.

Юл вскинулся, словно вспугнутый олень. Сатэ продолжал:

— Почему, как ты считаешь, с Дааном и Су То отправили чужеземца а не тебя, скажем? Ведь ты, по мнению Высших, стоишь большего, нежели чужеземец.

Юл молча внимал, жадно, как изголодавшийся путник, добравшийся до таверны.

— Собери всех до-безутешных. Южан тоже. Высшие ждут вас. Знайте: Обряд вершат многие люди, и у каждого своя, известная задолго до начала роль. Настал черед и вам узнать свои роли.

Сатэ встал и бесшумно покинул таут. Юл еще несколько секунд оставался недвижим. В эту секунду он понял, что значит «родиться заново». Хотелось вскочить и бегом броситься на поиски товарищей-неудачников. Но он неторопливо встал и так же неторопливо направился к выходу.

Глава третья

1

Деревня была захудалая, Даан даже назвал бы ее болезненной. Хотя и большая. Люди одеты в невообразимые лохмотья, в глазах нездоровый блеск. Су То презрительно оттопырил губу — в цветущих долинах юга не найти таких убогих лачуг и таких грязных улиц, хотя нельзя сказать, что абсолютно все живут там счастливо и богато. Даан только вздыхал: где-то в глубинах памяти шевельнулось воспоминание о такой же захудалой деревеньке, грязной улице и убогой лачуге, именуемой некогда домом. Лишь островитянин остался невозмутим.

Довольно быстро удалось договориться о пище. Правда, хозяева ничего, кроме рисовых шариков и воды, не смогли предложить, но монахи не из тех, кто привередничает. Медная монета повергла крестьян в немое изумление; путники тут же поспешили убраться. Чувствовался в воздухе какой-то скрытый подвох.

Чутье не подвело: едва вышли на улицу, вспугивая облезлых кур, их окликнули.

Пятеро. Неторопливо ступая, стали полукругом. Четверо невысокие и кряжистые, видимо, из местных, пятый — стройный парень в халате с вышитыми орлами на полах. От него за много шагов веяло Столицей.

— Спешим, слуги Каома?

Говорил высокий. Понятно, главарь.

— Тебе-то что? — процедил Су То как мог неприветливо. Он готов был взорваться.

Даан предупредительно опустил ладонь ему на плечо: не нарывайся, мол! Су То насупился.

Матурана тем временем отступил на несколько шагов в сторону и сделал вид, что происходящее его не касается.

Высокий медлил с ответом, криво улыбаясь в жиденькие усы.

— Злимся, монахи...

Су То нетерпеливо шагнул вперед, но на пути у него моментально выросли двое кряжистых. Один тотчас же оказался в дорожной пыли, ибо южанин шутить не собирался; второй усердно пытался достать Су То.

Краем глаза Даан заметил, что двое оставшихся без дела потихоньку приближаются к Матуране и тот в ужасе пятится.

«Надо выручать», — решил Даан и метнулся туда, но путь ему преградил высокий, приняв боевую стойку Орла.

Даан, не раздумывая, вступил в поединок. С минуту слышалось только шлепанье ног в пыли да громкое дыхание. Ну, еще иногда глухой звук удара. Кряжистые оказались крепкими бойцами, но и только. Даан и Су-южанин же были монахами пятого круга. Высокий, пожалуй, равнялся им по мастерству, но монахов-то было двое...

Вскоре из Орла вышибли дух; из четверых местных дух вышибли еще раньше. Даан и Су То, довольные собой, переглянулись; Матурана, переминаясь с ноги на ногу, стоял поодаль.

Су То обратился к Даану:

— Выбрали же нам попутчика...

Презрения в его голосе было больше, чем снегов на склонах Сао-Зу.

Даан промолчал. Матурана не понравился ему с самого начала, но сейчас не время выяснять симпатии. Потом. Когда они исполнят Обряд.

— Надо уходить... — хрипло сказал островитянин. Наверное, сердце у него сейчас колотилось, словно он полдня без передышки бегал по горным тропинкам.

— Здесь могут еще оставаться Орлы... Они нас ждали, это же ясно...

Даан огляделся. Великий Каома! Он прав, этот слабак-чужеземец. Они-то с Су То упиваются собственной победой, за-

быв обо всем, когда нужно спешить. Наверняка десятки глаз видели, что произошло на деревенской улице, и десятки уст готовы поведать это пытливым ушам.

Первый вывод: они раскрыли себя. Орлам известно, что Даан и Су — монахи. Скорее всего известно и то, зачем они здесь, в горах.

И второй: хоть Матурана и слабак, его, похоже, трудно сбить с толку. Посему он ценен для их миссии. Даан не считал себя глупцом, но все больше склонялся к мысли, что в сообразительности и уме с Матураной ни ему, ни Су То нечего и тягаться.

Мудрые всегда знают, что делают. Поэтому островитянин и с ними. А оспаривать решения Высших молодым монахам пока еще рано.

Все это Даан прокрутил в голове на бегу. И собирался поделиться с выводами с Су, как только предоставится такая возможность.

Деревня осталась далеко позади, погони вроде бы не намечалось. По крайней мере немедленно. Бегущие перешли на шаг.

Матурана дышал теперь более спокойно и ровно, чем тогда, сразу после драки. Даан нашел это весьма странным и объяснить не сумел.

От озера Десяти Гротов путников отделял всего день ходьбы.

Они часто оглядывались, ожидая появления погони, путали следы, свернув с дороги в заросли молодых сосен, но ни в этот день, ни в следующий Орлы так и не вышли из злополучной деревни. Хотя их там насчитывалось больше десятка — сильных и умелых бойцов, верных слуг главы клана — Гута Фо. И заданием их было как раз схватить монахов и чужеземца.

Но на то имелись свои причины.

2

Той стоял перед господином навытяжку, содрогаясь в душе. Да и как не содрогаться? Новости, которые предстояло сообщить Гуту Фо, приятными никак не назовешь.

Монахи-посланники и чужак-островитянин улизнули, поколотив Хти-ястреба и его болванов-учеников, а остальных,

ожидавших в деревне, вообще непонятно кто поколотил. Известно только, что нападавших было много и что исчезли они так же внезапно, как и появились. И ведь пострадали далеко не худшие из бойцов клана!

Вдобавок мальчишка, владеющий стилем Змеи, одолел еще одного Орла, да так убедительно, что тот долго будет отлеживаться. Правда, Змея использовала шест... Но разве это оправдание для хорошего бойца?

Той набрал в легкие побольше воздуха и принялся рассказывать господину невеселые новости. Схожее ощущение Той испытывал дважды в жизни: когда ринулся головой вниз со скалы в холодные воды По-Тхоя и когда столкнулся в джунглях юго-запада со взрослым тигром. Нос к носу.

Предыдущие два раза ему посчастливилось выжить.

Повезло ему и сегодня. Наверняка Гут Фо гневался, но на спокойном лице его не отразилось ничего. Впрочем, не зря он стал главой самого могущественного клана — без великолепного владения собой это никак не удалось бы. Боец такого класса просто обязан прекрасно владеть собой.

Гут Фо задумался. Случайно ли нападение на пост в деревне? Неясно. Впрочем, по-любому лучше выждать, а когда монахи и их спутник с Архипелага возьмут Око из тайника, вот тут и навалиться достаточными силами... Похоже, что десяток олухов, даже хорошо овладевших ши-тао в стиле Орла, — силы недостаточные. Надо еще и голову иметь на плечах.

Кстати: Око, похоже, убивает неосторожных. Придется поручить нести его полным болванам, чтобы людей зря не терять.

Что до мальчишки-Змеи, Гут не сомневался: рано или поздно попадется. Он еще не в том возрасте, чтобы заводить учеников, а ветвь без боковых побегов легко перерубить с одного замаха.

Гут отдал распоряжения, и Той поспешно удалился из покоев господина. Стало легче, но ощущение ходьбы по краю пропасти долго не покидало его, второго в клане.

3

Ихо шел напрямую через лес, взбираясь на склон, не особо крутой, но и не тот, который назвали бы пологим. Иногда

приходилось пользоваться и руками, упираться в плотную землю.

Лазутчики Орлов наводнили местность. Сначала Ихо решил, что это про его душу. Даже когда дежурившие у дороги Орлы пристали к трем случайным путникам (тогда он еще считал их случайными), не усомнился в том, что стал целью наиболее могущественного клана в Империи. Назло всем уложил зазевавшегося соглядатая и хотел уходить на юго-восток, к дороге на Столицу.

Дальнейшее показало, что Орлы охотятся не только на него. Едва удалившись от места схватки с неосторожным стражем, Ихо почуял пробирающихся в стороне от дороги людей. Он не видел их: птицы подсказали, что кто-то движется, укрываясь в зарослях.

Ихо взглянул: оказалось, что обнаружил он одиннадцать человек в серых балахонах горцев-пилигримов. Шли они тихо и быстро, как заправские следопыты.

«Такие же пилигримы, как я — князь», — понял Ихо. Сам не зная зачем, двинулся следом.

Вскоре он обратил внимание на странную вещь: птицы, умолкавшие, когда «пилигримы» и Ихо проходили внизу, долго не подавали голос, даже когда вся компания удалялась на приличное расстояние. Только трещотки-цон предательски стрекотали где-то позади.

Ихо ушел в сторону и залег у корней вывороченной ели. Ждать пришлось совсем недолго, Ихо не успел бы и трубки выкурить, если бы курил. Мимо торопливо протрусили еще двое в балахонах, почему-то отставшие от основной группы.

На всякий случай Ихо выждал некоторое время, но теперь птицы там, откуда пришел он и остальные, вели себя совершенно спокойно, а две пестрые цон, перепархивая с дерева на дерево, сопровождали отставших «пилигримов».

Стараясь не шуметь по пустякам, Ихо двинулся за вереницей торопливых странников.

Потом произошло побоище в деревне — иным словом он не смог назвать события следующего часа. Орлам изрядно перепало, этому стоило порадоваться. Сначала троица, которую он прежде встречал на верхней дороге, разделалась с пятеркой под предводительством одного из Орлов — Ихо уже стал-

кивался с ним и знал, что зовут его Хти-ястреб. Впрочем, если быть точным, сражались только двое, но как сражались! Ихо затаил дыхание от восхищения. Третий, похожий на подростка, остался стоять в стороне. После этого троица в спешке покинула деревню, направившись дальше на северо-запад. Оставшиеся Орлы явно намеревались броситься в погоню, но тут словно тени возникли горцы-пилигримы...

Ихо стал сильным бойцом, поучившись стилю Змеи у старого мастера. Но он не мог поручиться, что сумеет одолеть любого из этих горцев. Оставалось только порадоваться, что его смертельные враги — Орлы — не вызывают симпатий и у незнакомцев. Хотя к Орлам трудно испытывать дружеские чувства. Вставшие на путь зла становятся всеобщими врагами.

Исчезли серые балахоны быстро и слаженно. Только что добивали растерянных соглядатаев и вдруг, повинуясь незаметному со стороны сигналу, стремительно отступили, растворились, как туман под Солнцем.

Ихо поразмыслил и уполз в заросли, так и оставшись незамеченным. Ничто в этом мире не держало его и не привязывало к какому-либо месту. Он решил последовать за троицей, ибо враги Орлов — друзья одинокой Змее.

Горцев-пилигримов Ихо больше не встречал. Зато на следующий день подслушал разговор двух Орлов-дозорных у глубокого ущелья. Именно здесь он впервые узнал об озере Десяти Гротов и о вещи, которую с трепетом в голосе называли «Око Каома». И что трое умельцев, рвущихся к озеру, — монахи. Желание встретиться с ними возросло, ведь Ихо знал, что в монастырях чтут боевые искусства и слуги Каома достигли немалых высот. А поучиться чему-нибудь новому в шитао он всегда был готов.

Чем выше поднимались в горы проскользнувшие мимо дозора путники, тем труднее становилось за ними следить. Сначала лес превратился в кустарник и заросли стланика, потом пошли луга, а вскоре вокруг громоздились лишь неприступные скалы да коварные осыпи.

Ихо решил сократить путь: знал одну неприметную тропу. Может быть, получится успеть к Гротам первым. Всегда ведь удобнее наблюдать за представлением, заранее заняв лучшие места.

Обогнув гранитную скалу, похожую на склонившегося медведя, Ихо остановился. Было тихо, только ветер пел в горах. Темной риской на фоне неба парил вдалеке беркут. Воздух, свежий и прохладный, как и всегда на высоте, полнил грудь пьянящей пронзительной волной.

«И чего меня вечно тянет в Столицу? — сам себе удивился Ихо. — Век бы жил здесь, на Фын-Бае...»

Отыскав чуть заметные впадины на скале, Ихо стал ловко карабкаться по отвесному камню, цепляясь за трещины, за малейшие неровности. Что-что, а взбираться по внешне гладким и неприступным стенам он прекрасно умел.

Прошло совсем немного времени, и он уже стоял на покатой спине «медведя». Отсюда начиналась секретная тропа, уводившая в узкую и неглубокую расщелину. Ихо бросил последний взгляд со скалы: мир, позолоченный закатным Солнцем, расстилался у самых ног, и он на мгновение ощутил себя властелином Мира.

Малую луну уже можно было разглядеть; пройдет около часа, и взойдет большая — желтая и ноздреватая, словно ломоть сыра, в отличие от малой, ослепительно белой, без малейшего пятнышка. Пока она еще виднелась тусклым серпиком, но едва сядет Солнце, она засияет и осветит мир, словно дивный фонарь Каома.

В горах темнеет быстро; Ихо, размеренно дыша, пробирался по расщелине. Скалы по бокам казались стенами причудливых замков. Каменное крошево, за долгие ленивые годы вылущенное с этих стен, негромко хрустело под ногами. Ихо шел в основном на ощупь — плотная тень застилала дорогу. Где-то далеко уныло пел сверчок, одинокий, как пиратский парусник в прибрежных водах. Здесь не водились цикады, неисчислимые на равнинах, — слишком высоко и прохладно.

Расщелина стала шире, стены разошлись, и Ихо оказался в обширной горной котловине. На противоположном ее краю зиял вход в пещеру, пронизывающую скалу насквозь, об этом рассказывал Учитель несколько лет назад. Преодолев путь под землей, можно было выйти прямо к озеру Десяти Гротов.

Стало совсем темно; малая луна ярко освещала небо над головой, но в котловине парил неверный и зыбкий полумрак. Ихо, ступая мягко и неслышно, пробирался ко входу в подземелье, где намеревался заночевать.

Размытые фигуры, шевелящиеся у входа, он заметил, лишь подойдя практически вплотную.

Сначала Ихо решил, что это горцы-пилигримы, узрев бесформенные одеяния. Но тут же понял, что ошибается: неизвестные кутались не в балахоны, а скорее в длинные плащи с невероятно узким капюшоном.

Ихо упал на землю и затаился, но зря — несколько сгорбленных фигур тут же возникли совсем рядом. Двигались они, мягко покачиваясь из стороны в сторону.

Секундой позже Ихо осознал, что это вообще не люди. По крайней мере люди не его расы.

Луна светила в спину, поэтому он мог разглядеть лица тех, кто застыл перед ним.

Кожа у них тускло поблескивала в неверном свете, носы и подбородки начисто отсутствовали, равно как и какая бы то ни было растительность. Глаза, лишенные век, круглые, как монеты, и взгляд, тяжкий, словно гранит. И вместе с тем лица острые, с покатыми лбами и резко очерченными скулами.

Ихо похолодел. Наги! Люди-змеи! Те, что хозяйничают под землей. Старинные предания рассказывали об этих странных существах, живших многие сотни лет под горами, но последние несколько веков никто о них не слыхал. Ихо считал их такими же сказочными созданиями, как, скажем, драконов или великанов, и не мог даже предположить, что столкнется с ними наяву.

Ужас сковал его крепче, чем железные цепи.

Нагов было четверо. Плавно, словно влекомые ветром пушинки, они окружили его.

И тут Ихо внезапно ощутил себя сильным, как никогда. Пришли спокойствие и уверенность, а ужас он загнал внутрь себя и запер на огромный замок. Сдаваться просто так — ну уж нет, не на того напали!

И он стал Змеей. Гибкой, холодной, расчетливой. Руки обрели самостоятельную жизнь, и любого врага встретили бы ядовитое жало и стальные мускулы.

Но наги тоже во многом оставались змеями. А змея никогда не причинит вреда другой змее.

Фигуры в плащах вдруг расступились, освобождая путь; один наг сделал медленный, но понятный жест — проходи!

Ихо выпрямился. Наги пропускали его! Признали своим!

Что же, он не собирается ни с кем враждовать, тем более с теми, с кем и делить-то нечего... Им — тьма и мрачные подземелья, людям — Солнце и зовущий простор.

Поклонившись, он скользнул мимо согбенных фигур; один из нагов, тот самый, что подавал знак, мягко взял его за руку. Ихо напрягся, готовый защищаться, но тот всего лишь вложил ему в ладонь какую-то вещицу, прохладную, шершавую и текучую на ощупь. Рука у нага была чешуйчатая, сухая и холодная.

Снова поклонившись, Ихо зашагал прочь. У входа в подземелье встретились еще двое нагов; жестами они дали понять, что не станут мешать человеку. Ихо торопливо миновал их. Ночевать в этом месте расхотелось, несмотря на подчеркнутое миролюбие нагов. Решил идти через тьму сколько удастся. Собрался зажечь факел, которых много заготовили местные люди еще в прошлом веке, — целый штабель смолистых веток, прошедших специальную пропитку, хранился прямо у входа в пещеру.

Когда Ихо разжал ладонь, подарок нагов засветился тусклым синеватым огнем. К этому времени, поглощенный желанием поскорее уйти, он совершенно забыл о подарке.

Это оказался медальон в виде крошечной змейки на тончайшей ажурной цепочке. Свет исходил от медальона. Несколько мгновений Ихо рассматривал диковинный амулет, потом надел на шею, с трудом протиснув голову в отверстие, рассчитанное на змеиные головы нагов. Медальон тут же погас, зато Ихо с немалым удивлением обнаружил, что факел ему теперь совершенно ни к чему: он видел во мраке, словно кошка. Точнее, даже не видел, а чувствовал мрак, ощущал все живое, от летучих мышей под сводами до паучков в трещинах на стенах, отличал холодный камень от воздуха в проходе. Ощущал так, как, наверное, ощущают мир змеи, как ощутили его присутствие наги там, перед пещерой. Это было странно и вместе с тем — захватывающе.

Поразмыслив, Ихо не стал возиться с факелом, надеясь, что новая способность не пропадет так же внезапно, как появилась. Он быстро зашагал в глубь горы, прикидывая, что принесет ему неожиданная милость нагов, существ из легенды.

Над Миром вставала большая луна, но глазами Ихо этого не видел.

4

Вид на озеро Десяти Гротов открылся посланникам Каома незадолго до полудня на следующий день после схватки в деревне. Накануне вечером Матурана ухитрился изловить горного рябчика, и монахи вкусно поужинали. Ночью по очереди пришлось дежурить, но все дышало спокойствием, и ничего так и не произошло. Утром, едва рассвело, продолжили путь.

И вот первая цель их миссии — Гроты.

— Недурно, — оценил Су То, стоя на обрыве. — Никогда не думал, что горные озера выглядят столь живописно.

Конечно, ему, жителю плоских южных равнин, странно видеть подобные пейзажи.

— Пошли, — проворчал Даан. — После полюбуешься. Веди, Матурана.

Чужеземец направился вправо, где можно было без риска для жизни спуститься со скалы и подойти к воде. Спуск не занял много времени; обогнув озеро, они приблизились к первому гроту. Даан заглянул внутрь: причудливой расцветки сосульки украшали свод. Из полутьмы доносился гулкий стук падающих капель.

Матурана остановился у четвертого справа грота.

— Здесь, — сказал он и принялся снимать одежду.

Даан вопросительно поднял брови.

— Придется искупаться. Вход в тайник — под водой.

«Блестяще, — оценил Даан. — Попробуй отыщи его, если не знаешь, в чем дело...»

Он тоже стал раздеваться; Су То уже стянул куртку и почти стянул рубаху.

— Постой, — обратился к нему Матурана. — Тебе, Су, лучше остаться и покараулить, пока мы с Дааном возьмем Око.

Су рассердился:

— Что-то ты раскомандовался, чужеземец! Твое дело — выполнять наши приказы и помалкивать. Ясно? Я решил пойти и пойду, и ты меня не остановишь!

Матурана пожал плечами:

— Хорошо. Иди. А я посижу тут, — и он равнодушно опустился на горку одежды.

Су понял, что его оставили в дураках, и гневно сжал кулаки. Даан поймал его занесенную руку.

— Не глупи, Су! Он ведь дело предлагает. Сунемся туда втроем, а нас тут подкараулят. Кому хуже? Прошу тебя, делай, как он говорит. Ради нашей цели.

Су То вырвал руку и одернул рубаху. Он продолжал сердиться, но сдержал себя и подчинился голосу разума.

— Ладно... Я остаюсь.

Даан благодарно сжал ему плечо. Видит Каома, монаху-северянину достался прекрасный попутчик!

Матурана тут же встал и кивнул Даану:

— Идем.

Ни одна мышца не дрогнула на его лице — Даан боялся, что насмешка на лице островитянина еще больше озлобит Су То.

Они вошли в грот. По центру его плескалась темная вода, лишь у стен оставалась узкая полоска камня. По ней-то посланники и шли.

Отыскав только ему известную примету, Матурана обернулся к Даану.

Оба были полностью обнажены. По сравнению с чужеземцем Даан выглядел богом. Значительно шире в плечах, сильный и тренированный, с мощной мускулатурой. Матурана же был тощ, как монастырский кот, хотя и подтянут. Мышцы совершенно не выделялись на его теле — ни на руках, ни на груди...

Зато Даан разглядел целых четыре татуировки; понятна была лишь одна, ритуальная, на левом плече. Кроме нее, Матурану украшали изображения змеи, кусающей свой хвост, под левым соском; летучей мыши — под правым; а на левом локте, опустив нос книзу, шел по следу палевый волк.

— Ныряем здесь, — сказал островитянин. — Я найду ход, потом прыгнешь ты. Ход узкий и довольно длинный, по нему придется плыть. Лучше спиной вниз, а рукой ощупывать камень сверху. Скоро почувствуешь пустоту — это крохотная пещерка. Станет мало воздуха, можешь там отдышаться. А сразу за ней, локтях в десяти, наш грот. Понял?

Даан кивнул.

Матурана скользнул в воду. Движения у него были ловкие и экономные, как у выдры. Нырнул раз, другой.

— Здесь, — сказал он, в очередной раз показываясь. — Готов?

Даан снова кивнул.

— Давай. — Голова Матураны исчезла без малейшего всплеска.

Даан подошел к нужному месту, несколько раз глубоко вздохнул и прыгнул. Вода была до жути холодная, даже дух захватило. Точно в указанном месте в каменной стене грота нашлась круглая дыра. Перевернувшись лицом кверху, Даан заработал ногами; одновременно вытянул руку, нащупал склизкий свод похожего на трубу тоннеля.

Вокруг царила полнейшая тьма, Даан плыл и удивлялся: в жизни не предполагал, что его занесет в подобное место.

Вот и обещанная Матураной пещерка, но воздуха в легких еще достаточно. Вперед!

Спустя несколько секунд рука его вновь провалилась в пустоту, и Даан высунул голову из воды. Фыркнул. Отдышался.

С каменного уступа уже тянул ладонь Матурана:

— Выбирайся!

Вода крупными каплями стекала с обнаженных тел. Вопреки ожиданиям в пещере доставало света, чтобы осмотреться. Даан повертел головой.

Крохотный каменный мешок. Стены покрыты изломами, трещинами. Уже знакомые сосульки, свисающие сверху, и точно такие же, но поднимающиеся с пола. Словно зубы исполинского дракона...

— Пришли, Даан. Гляди...

Матурана сунул руки в одну из трещин, змеящуюся на стене, и Даан Геш, избранник Северного монастыря, впервые увидел Око Каома.

Оно слабо мерцало и пульсировало на ладонях чужеземца, похожее на небольшую морскую раковину.

«Скорее напоминает ухо, чем глаз», — растерянно подумал монах.

— Возьми, подержи его. — Матурана протянул Око Даану.

Тот принял магическую вещь и зажмурился. Все силы Мира втекали ему в ладони и через ноги уходили в тело Земли. Он стал всем и ничем — под Солнцем и обеими лунами. Око жгло руки и доставляло неизъяснимое наслаждение, полнило Даана несказанной мощью и верой в собственные силы. Миг и вечность. Свет и тьма. Жар и холод.

Даан не помнил, сколько простоял, зажмурившись и слившись с Оком. Из транса его вывело легкое прикосновение Матураны.

— Пора! Су То заждался уже...

Даан открыл глаза. Островитянин вытащил из той же трещины истлевшие лохмотья, в которых с трудом угадывалась походная сумка.

— Гм! Сгорела. Придется нести в руках.

Даан зачем-то заглянул в трещину — камень слабо светился в месте, где ранее покоилось Око, и даже на расстоянии чувствовалось исходящее от него тепло.

— Ты хорошо плаваешь? — спросил Матурана. — Может быть, лучше я его возьму?

Даан одной рукой крепко сжал Око, другой махнул в сторону воды:

— Не волнуйся! Уж я-то его не потеряю...

Матурана серьезно кивнул и пошел к подводному тоннелю.

Назад плыть было заметно труднее, Даан с удивлением обнаружил легкое встречное течение, но справился с ним без особого труда. Даже с одной свободной рукой.

Когда он вынырнул перед самым выходом из грота, Матурана сидел на корточках прямо над головой, прижимая к губам палец.

Даан, собиравшийся громко фыркнуть, проглотил звук и притих, не вынимая Око из-под воды.

— Я гляну, как там Су, — прошептал Матурана и прокрался к выходу. Даан остался сидеть в ледяном хрустале озера. Тело покрылось крупными пупырышками, а пальцы ног совсем закоченели. Только рука, державшая святыню, ощущала приятное тепло.

Матурана быстро вернулся и помог выбраться на сушу. Глаза, успевшие отвыкнуть от яркого дневного света, резануло при выходе из грота. Су То нетерпеливо топтался у сброшенной одежды.

Даан понял, что должен сделать.

— Держи, брат...

Су принял Око обеими руками, а Даан с Матураной, даже не обсохнув, оделись.

Первая цель достигнута: Око у них. Теперь предстоит путь через всю страну, на юго-восточное побережье, в долину Утан. Око всегда переносили в наиболее удаленное от предыдущего место.

Су все еще стоял с закрытыми глазами, когда Матурана приблизился к нему с походной сумкой и слегка потряс, опустив руку на плечо.

Замечтавшийся южанин пришел в себя. Огляделся, бережно опустил Око в подставленную сумку. Даан готов был поспорить, что Су То очень неохотно расстался с ним, ибо сам познал притягательную силу древней реликвии совсем недавно.

— Нести Око лучше по очереди и передавать друг другу как можно чаще, — сказал Матурана. — Иначе и обжечься недолго...

Даан знал это — долго выносить тесную близость с глазом бога не смог бы никто.

— Первым понесу я, — тоном, не допускающим возражений, заявил Су. Но никто и не подумал возразить.

Они отошли от гротов всего на двести шагов, когда у единственного спуска в котловину показались люди. Много — десятка три.

— Проклятие! — вырвалось у Матураны. — Это Орлы!

Даан и Су То замерли. Южанин прижимал сумку с Оком к груди.

— Нам не отбиться, — негромко сказал Даан. — Что будем делать?

Орлы уже спускались к озеру.

— Отходим к гротам! — решил Матурана. — Там настоящий лабиринт, авось запутаем их и ускользнем!

На этот раз даже Су То подчинился без колебаний.

Чтобы беглецы не сбежали, Орлы разделились и стали огибать озеро с двух сторон.

Даан с отчаянием окинул взглядом отвесные кручи. Спасения ждать было неоткуда. Враги приближались, стали различимы даже довольные ухмылки на лицах.

Монахи и островитянин подбегали к первому гроту; неожиданно сверху, с крохотного уступа над разверзнутым зевом подземелья соскочил ладный парень, совсем не похожий на Орлов. Но Даан не стал его разглядывать: сразу напал.

Парень сжался, руки его, изогнувшись, отвели удары, а прямая, как клинок меча, и такая же твердая ладонь скользнула вплотную к руке Даана и легонько ткнула под ребра.

— Змея? — узнал Даан. — Ладно...

Даан, как и все монахи, знакомился со стилем Змеи еще в третьем круге обучения. Он принял низкую стойку, правая рука взметнулась, словно кобра, вставшая на хвост; левая застыла перед грудью, подпирая локоть правой.

Парень раскрыл рот, собираясь что-то сказать, однако Даан снова напал на него. Удар ядовитого жала пришелся в пустоту, руки монаха непостижимым образом переплелись с руками незнакомца. Даан дернулся назад, но поздно: одной рукой тот блокировал обе руки Даана, вторая изготовилась к удару, и что-то подсказывало монаху, что этот удар станет последним.

Но противник почему-то не стал атаковать. Даан, опомнившись, немедленно вывернулся с помощью трюка, не имеющего ничего общего со стилем Змеи (не зря наставники из Высших посещали занятия до-лохматых), и нанес несколько сокрушительных тычков, увы, вновь пришедшихся в пустоту.

— Да подожди ты! — воскликнул парень, уворачиваясь от новых атак Даана. — Я не враг! Змея не помогает Орлам!

Даан остановился. Действительно, кланы Змеи и Орла издавна смертельно враждовали.

— Я могу увести вас. Поспешим, если не желаете неравной схватки.

— Зачем тебе это нужно? — хрипло спросил Су То.

Парень ответил без раздумий:

— Никогда не откажусь от соблазна насолить Орлам!

Матурана коротко выдохнул:

— Веди! Да побыстрее!

И они кинулись вслед за неожиданным союзником. Тот повел их во второй справа грот.

— Здесь темно, — предупредил он. — Возьмемся за руки, я знаю дорогу.

Матурана протянул незнакомцу руку; следом шел Су То, повесив сумку с Оком на шею; замкнул цепочку Даан.

— Как твое имя? — спросил посланник-северянин.

— Тин Пи. Но все называют меня Ихо, Змея.

Даан сокрушенно вздохнул:

— Кажется, ты владеешь стилем Змеи лучше, чем любой из монахов. Даже лучше, чем Настоятели.

Ихо не ответил.

Скоро стало совсем темно, для всех, кроме владеющего магическим медальоном проводника. Толстый слой пыли, устилающий путь, сглатывал звуки шагов.

Орлы тем временем подоспели ко входу в грот. Той отрывисто отдавал приказания. Немедленно зажгли факелы, и погоня возобновилась.

Той нетерпеливо потирал руки: неожиданно предоставилась возможность одним махом выполнить оба задания господина — и Оком завладеть, и пленить мальчишку-Змею. Наконец-то удача повернулась к клану лицом.

Огонь помог Орлам — они быстро нагоняли слепых беглецов, даже Ихо, ориентирующийся в кромешной тьме, не смог ускорить их передвижение. Гортанные выкрики Орлов звучали все ближе.

И вдруг впереди зажегся тусклый свет. Иссиня-лиловый, мертвенный. Су То издал сдавленное восклицание.

Поперек подземного хода, там, где вправо и влево ответвлялись такие же коридоры, стояли несколько людей в плащах с очень узкими капюшонами. Каждый держал в руке нечто вроде факела, на кончике которого и горел тот самый синий огонь. Точнее, даже не огонь: вместо живой пляски пламени во тьме светились неподвижные искры, такие же неподвижные, как звезды, только звезды обыкновенно мерцают, а эти точки испускали ровный немигающий поток синего света.

— Не бойтесь, это наги, — сказал Ихо самым обыденным тоном и потащил ошеломленных путников вперед, прямо на фигуры в плащах. Едва они приблизились, шеренга нагов дрогнула, образовав проход, а когда они миновали немую стражу, наги снова сомкнули ряд. Даан оглянулся. Недвижимые фигуры человеко-змей внушали смутный страх, и почему-то пришла уверенность, что Орлам тут нипочем не пройти.

Словно в подтверждение, Ихо перешел на шаг.

— Ну, все. Можно уже не спешить.

Позади зазвучали панические вопли; скоро все стихло. Орлы, вероятно, предпочли спешно отступить, превратившись из преследователей в беглецов. До самого выхода под открытое небо монахи, островитянин и Ихо никого не встретили, даже нагов.

Су То вспомнил зловещие фигуры с синими факелами, и его передернуло. Есть моменты, когда самый храбрый человек поддается страху.

— Во имя Каома! Как тебе удалось договориться с этими жуткими созданиями?

Ихо нахмурился:

— Ну, Змея я или нет?

Они опережали Орлов на день, что было весьма неплохо.

Глава четвертая

1

Даан все удивлялся, как быстро темнеет весной. Казалось, совсем недавно Солнце еще висело над горами, даже не успев как следует покраснеть, и вот уже валится на мир дремотный полог ночи. В лесу, как выяснилось, темнело еще быстрее.

Но леса скоро остались позади, как и Фын-Бай; теперь путь лежал через обширные плоскогорья, простирающиеся к северо-западу от Столицы. В горах посланникам удалось остаться незамеченными, хотя незримое присутствие Орлов чувствовали все. Приходилось быть настороже каждую секунду, даже во сне.

Око передавали друг другу каждые два-три часа. Лишь Ихо оставался непосвященным в секретную миссию, хотя тоже мог прикоснуться к святыне, ибо родился в год Тигра-воина двадцать четыре весны назад. Но он и не стремился что-либо выведать и никогда не задавал лишних вопросов. Просто присоединился к посланникам, заявив, что им некоторое время по пути. Но Око он ни разу не нес. Остальные трое приняли на себя удар божественных сил. Если невзрачная на вид сумка задерживалась на плече подольше, сразу чувствовалось, как магическая вещь начинает высасывать энергию, и тогда постепенно наваливалась смертельная усталость.

Ощущение близкой опасности вкупе с грузом ответственности примирило даже Су То с Матураной. Южанин имел обыкновение придираться к чужеземцу по любому поводу, а

чаще вовсе без всякого повода. К удивлению Даана, Матурана безропотно сносил все придирки. Сам Даан держал свою неприязнь при себе, ибо считал главным исполнение Обряда, а не мелкие дрязги, совершенно в пути неуместные. Впрочем, чужеземец показал себя с самой лучшей стороны: большой опыт путешествий и завидное знание местности сильно упростили задачу монахов. Последнее сильно удивляло Даана. Чужак знает его родную страну неизмеримо лучше! Парадокс. Хотя странного тут было совсем немного: монахи очень редко покидают обитель, а паломники только и делают, что бродят взад-вперед по Империи, от гор до океана.

Теперь на пути чаще попадались деревни и небольшие городки. Прохлада высокогорья сменилась ласковым теплом равнины, а наступавшая с юга весна заставила цвести все, что только могло цвести.

В городок, очередной на пути к Утану, они вошли затемно. Миновав лачуги бедноты, ютящиеся на окраине, попали на главную улицу, единственную, где все без исключения дома были каменными. Городок спал, лишь изредка из-за плотных занавесей наружу просачивался вкрадчивый свет ночников.

Даан поправил висящую на плече сумку. Плечо ныло. Глянул направо, налево. Куда идти, в какие двери стучаться?

— Чуть дальше есть таверна, там можно снять комнату на ночь, если не скупиться, — сказал Матурана. В который раз он словно угадывал мысли Даана, давал ответы на еще не заданные вопросы. Колдун он, что ли?

— А деньги есть у кого-нибудь? — поинтересовался Ихо. — Боюсь, я уже забыл, как выглядят монеты, так давно они мне не отягощали карман...

Су То фыркнул. Он совсем не одобрял тот факт, что теперь их стало четверо, хоть Ихо вовсе не осложнял им жизнь. Молчал Су лишь благодаря Даану, напомнившему, что Высшие велели не пренебрегать случайностями и что Ихо однажды уже отменно послужил Всевышнему.

Они шагали по улице, пока Матурана жестом не остановил всех.

— Пришли. Наверное, будет лучше, если мы с Ихо пойдем в таверну и договоримся о ночлеге, а заодно и проверим, все ли здесь спокойно, вы же подождете нашего знака где-нибудь в тени.

Даан согласно кивнул:

— Хорошо, чужеземец. Будь осмотрителен.

— И об ужине не забудь! — буркнул вослед вечно недовольный Су То.

Матурана кивнул и поманил Ихо за собой.

Не прошло и десяти минут, как все четверо сидели в чистенькой тесной комнатушке над главным залом таверны и уплетали холодное мясо с лепешками, запивая остывшим соком ло-чуну. Судя по лучезарной улыбке хозяина, невзирая на поздний час мгновенно устроившего и свободную комнату, и неплохой ужин, Матурана напомнил ему, как выглядят монеты.

Насытившись, усталые путники заперлись, задули светильник и провалились в глубокий освежающий сон. Даан опустил сумку с Оком на циновку рядом с собой и Су; уже засыпая, он разглядел, что рука южанина сомкнулась на видавшем виды кожаном ремешке у самой застежки.

Никто из них не услыхал слабого скрипа двери, донесшегося снизу. Таверна имела два выхода: на улицу и во двор. Мальчик-слуга неслышно выскользнул из дома и канул в густую темноту, царящую во дворе. Вскоре после этого погас светильник и в комнате хозяина.

Ночью Су То внезапно проснулся: ему показалось, что кто-то прикоснулся к драгоценной сумке. Он приоткрыл глаза, напрягшись, словно тигр перед броском.

Над ним склонился Матурана. Сияние малой луны, проникая в комнату сквозь пыльное стекло окна, освещало лицо островитянина.

Су То вскинулся, согнув руку так, чтобы можно было и защититься, и ударить.

— Что нужно?

Его шепот никого не разбудил.

Су полагал, что Матурана, застигнутый врасплох, растеряется. Ну, хотя бы вздрогнет. Ничуть не бывало: лицо его осталось бесстрастным.

— Ты меня звал?

Южанин чуть потянул за ремень сумки, сразу ощутив приятную тяжесть Ока, скрытого под толстой материей. Это успокоило.

— Никого я не звал!

Матурана внимательно, словно видел Су впервые, уставился ему в глаза.

— Странно. Мне показалось, что ты меня звал.

Су почуял неладное, но, поскольку Око было на месте, счел полезным все замять, притвориться спящим и выждать. Мало ли что задумал этот чужак! Появился шанс вывести его на чистую воду.

— Нечего наедаться на ночь глядя! Мерещится потом всякое... — обронил он сердито. И улегся, не выпуская сумки. Матурана сокрушенно вздохнул и тоже улегся.

Су То ждал напрасно: до самого утра ничего больше так и не произошло.

Зато после восхода Солнца события закрутились самым неожиданным образом.

Сначала все шло как нельзя лучше: путники по очереди умылись в фонтане во дворе, выпили чаю и слегка закусили, убрав остатки завтрака в корзинку с едой, приготовленную в дорогу. Даан поблагодарил хозяина, но тот неожиданно отмахнулся, избегая смотреть четверке в глаза. Тут Даан и почувствовал, что не все в порядке.

Не успели они выйти на улицу, хозяин исчез, прислуга тоже, зато везде появились Орлы: и у комнаты, которую они только что покинули, и на лестнице, и в зале, и даже на улице — Даан выглянул в окно.

Положение казалось безвыходным: Орлов было слишком много, чтобы отбиться в не особенно просторном месте, а уйти им просто не дадут. Тем не менее Даан и Су То изготовились к обороне.

Вперед вышел предводитель Орлов; из угодившей в ловушку четверки его имя знал только Матурана: Орла звали Той.

— Эй, вы двое! Нам нужны лишь монахи, поэтому можете убираться!

Матурана, словно только этого и ждал, засеменил к Тою, бестолково прижимая к груди корзинку с припасами и подобострастно кланяясь:

— Спасибо, господин, спасибо!

Из корзинки косо торчали зеленые перья лука, свертки с жареными цыплятами.

— А ты чего ждешь? — сердито обратился Той к Ихо.

Тот насупился, оглянувшись на монахов.

— Я с ними!

И стал в боевую стойку.

— Ну, ладно, змееныш!

На самом деле Той вовсе не собирался отпускать ни Матурану, ни Ихо. Он стремился лишь разделить путников, чтобы схватить их без излишних осложнений. Но Ихо уперся, Той на секунду забыл о Матуране, и тот беспрепятственно покинул таверну. Когда предводитель Орлов осознал свой промах, было уже поздно: Матурана удрал. Но он не слишком расстроился, чужеземец не являлся важной фигурой. Господин велел добыть Око, пленить монахов и уничтожить Змею. Все это почти исполнено — так какое ему дело до трусливого островитянина, бросившего своих товарищей в беде?

— Взять их!

Орлы скопом кинулись в атаку. Схватки не вышло: получая многочисленные удары, нападающие висли на руках противников и скрутили их за счет простого численного превосходства. Не прошло и двух минут, как все трое были крепко связаны.

Шестеро Орлов недвижимо валялись на выскобленном полу.

Той, криво усмехаясь, приблизился к Су То, у которого через плечо висела сумка с Оком Каома.

— Вот и все, мои юные друзья. Кажется, ваш поход досрочно завершился.

Су То глядел на него с ненавистью, Даан — холодно, но спокойно. Ихо вообще не глядел — закрыв глаза, погрузился в себя.

— Лао! — резко приказал Той одному из своих подручных. — Возьми то, что в сумке у этого полумертвого южанина.

Лао торопливо приблизился к плененным и полез в сумку. Су То напрягся изо всех оставшихся сил, но тщетно: веревки еще глубже вгрызлись в тело. Два дюжих стража крепче сдавили его плечи и запястья.

— Ну-ну, не трепыхайся...

Голос Тоя звучал насмешливо.

Су То впал в отчаяние. Они не оправдали доверия Высших и не уберегли тысячелетнюю реликвию. Им нет прощения — даже смерть ничего не искупит.

Крик Тоя, преисполненный злобы и досады, вернул его с небес на землю. Су широко распахнул глаза, несказанно удивленный.

Лао извлек из сумки круглую фарфоровую вазу, расписанную оранжевыми драконами. Вазу, а не Око Всевышнего!

— Искать! Искать островитянина с корзиной! — заорал Той, щедро отпуская пинки своим людям. — Шевелитесь, мерзкие твари!!!

Ихо, словно забыв, что его пленили смертельные враги, хохотал самым издевательским образом.

И тут в голове Су То что-то щелкнуло: ночью он проснулся не ДО того, как Матурана пошарил в сумке, а ПОСЛЕ того. Око к моменту пробуждения Су уже было спрятано в корзинке с пищей. Матурана нарочно его разбудил. Но зачем? На чьей стороне он играет?

Рассерженные Орлы метались по городку.

2

Монахов и Ихо привязали к столбам-опорам в просторной комнате-тауте одного из домов, принадлежавшего какому-то богатому купцу. Трое приставленных к ним стражников играли в маджонг, усевшись невдалеке за стол. Орлы исчезли, прочесав весь городок. Наверное, прочесывали округу.

Су То гадал, что на уме у Матураны? Чужеземец оставался их единственной надеждой.

Час истекал за часом, близился вечер, стала донимать жажда. Охранники все так же дулись в маджонг, не обращая на пленников ни малейшего внимания.

Островитянина первым заметил Даан. Троицу привязали так, что все глядели в разные стороны: Су То — на двери, Ихо — в угол и в окно, Даан — в сторону веранды, отделенной от таута невысокой, по пояс, перегородкой.

Матурана легко перемахнул через перила веранды и спрятался за столбом-опорой.

Даан с облегчением убедился, что не ошибся в нем, ибо не верил, что островитянин просто сбежит. Теперь, если ему посчастливится освободить хотя бы одного из пленников, можно надеяться на успех.

Удостоверившись, что охранников всего трое, Матурана, более не кроясь, прыгнул через перегородку. Игроки оторвались от костей.

— Эй! Вы только поглядите — удача сама плывет к нам в руки. Все его ищут, а он вот где: сам пришел!

Стражи, уверенные в легкой добыче, встали из-за стола. Матурана шагнул вперед и замер.

Даан затаил дыхание: как же слабый и неловкий чужеземец справится с тройкой крепких Орлов? Надо было незаметно перерезать путы Даану, Су То или хотя бы Ихо... И пока освобожденный занимался бы стражниками, Матурана смог бы развязать остальных...

Ихо изо всех сил скашивал глаза, пытаясь увидеть, что происходит; Су То оставалось лишь гадать насчет этого да вслушиваться, потому что события разворачивались точно у него за спиной, а пошевелиться он мог не более чем муха, угодившая в паучьи тенета.

Зато Даан видел все. Один из стражников, лениво поигрывая ножом, подошел вплотную к Матуране; двое других остались у стола.

— Привет, заморыш. Давай я тебя свяжу. Даже бить не стану, по крайней мере сильно.

Матурана покачал головой, показывая, что не согласен:

— Нет. Лучше развяжи вот их.

Стражник заржал, обернувшись к приятелям:

— Слыхали? Может, впрямь развяжем?

Приятели тоже заржали. И тогда стражник резко ударил Матурану свободной рукой. Матурана упал на пол...

Стоп!!! Даан выпучил глаза. Это стражник упал, а не Матурана!

Поверженный и сам не понял, как очутился на полу. Проклятие! Этот заморыш еще и брыкается.

Охранник замахнулся ножом.

На этот раз Даан кое-что заметил. Матурана мягко поймал Орла за руку, сделал округлое плавное движение, теперь уже на пару с охранником, шагнул чуть в сторону...

Стражник, нелепо вывернув руку, врезался лицом в каменный пол, словно начисто забыл о равновесии. Матурана стоял вполоборота к нему, вытянув обе руки перед собой. Нож был уже у него.

Даан ничего не понял.

Тут опомнились двое оставшихся охранников — они разом кинулись на островитянина, но тот вдруг крутнулся на месте, и они проскочили мимо, даже не задев его. Едва Матурана оказался за спинами противников, он схватил одного за локоть. Стражника развернула собственная инерция; второй снова кинулся на Матурану, с другой стороны, но лишь наткнулся на первого.

Это напоминало больше пляску, чем драку. Матурана грациозно вышагивал, держа стражника уже не за локоть, а за кисть, и прикрывался им от второго. Второй пыхтел, пытаясь обойти напарника и добраться наконец до Матураны, но везде натыкался на своего приятеля, совершенно очумевшего. Первому казалось, что он вот-вот упадет, однако он все не падал, Матурана водил его за руку, как козла на поводке.

Потом локоть первого вдруг непостижимым образом совместился с физиономией второго, и тот безжизненно рухнул на пол, заливая все вокруг себя кровью; а первый неожиданно задрал ноги и с размаху опрокинулся.

Теперь Матурана недвижимо застыл. Руки он вытянул в стороны под разными углами.

Даан наконец снова обрел способность дышать. Он не видел объяснения всему произошедшему.

Матурана скользнул к нему, на ходу доставая нож. Опали осточертевшие за день путы.

— Освободи остальных, а я гляну, все ли тихо, — сказал Матурана, передавая Даану трофейный кинжал.

Все было тихо; трое стражников, не шевелясь, валялись на полу. Настала пора покидать этот негостеприимный город.

— Где Око?

— В корзинке.

— А корзинка?

— В кустах у дороги. Пошли!

Как-то незаметно Матурана стал командовать, и невозможно было ему не подчиниться.

По-настоящему Даан успокоился, лишь когда они вернули святыню в сумку и поручили ее Су То, а сами под покровом темноты направились к югу.

Матурана сказал, что там река.

3

Мутные воды разлившейся по весне Кухэ несли утлый челнок, сработанный из древесной коры. Даану казалось, что челнок вот-вот развалится, но хрупкая посудина, ведомая твердой рукой Матураны, рассекала пологую волну и неслась на юго-восток, к океану. Они едва втиснулись в этот челнок вчетвером, а потом боялись двинуться, потому что вода едва не переливалась через борт. Но зато они удалялись от злополучного городка неизмеримо быстрее, чем пешком.

Матурана был мрачен, остальные, наоборот, радовались, что опасность и плен позади, а Око спасено.

Под вечер пристали к берегу. Лес подступал почти к самой воде, оставляя лишь узкую, кое-где поросшую травой полоску. Хвойные деревья здесь уже практически не росли — путники забрались далеко к югу от хребтов Сао-Зу, — попадались в основном дубы и гигантские тэ-платаны.

Су То вытащил челнок на сушу и спрятал его в густых зарослях кустарника. Матурана, утомившийся за полдня непрерывной гребли, принялся ломать ветки себе на постель, но Даан остановил его:

— Подожди, островитянин. Сначала ты покажешь свое искусство.

Матурана нахмурился; Ихо и Су, заинтересованные, приблизились.

— Я видел, как ты расправился со стражниками Орлов. Но ничего не понял. Это не ши-тао, верно?

Чужеземец, видимо, настроился играть в молчанку. Он отвернулся и вновь стал готовить себе ложе.

— От меня так просто не отделаешься! — Даан начинал злиться. — Защищайся!

Он справедливо решил, что, если напасть на Матурану, тому ничего больше не останется, как применить свое умение.

Удар пришелся в пустоту; не встретив препятствия, Даан на секунду потерял равновесие, а Матурана вдобавок легонько подтолкнул его. Этого оказалось достаточно — монах рухнул на еще не готовую постель. Ихо засмеялся.

Даан тоже улыбнулся. Первое, что он усвоил: Матурана использует энергию противника в собственных целях. Выхо-

дило, что Даан сам себя уложил, а Матурана лишь не препятствовал этому. Ну, может, чуть-чуть помог, толкнул легонечко. Обыкновенно таким толчком даже ребенка с места не сдвинешь.

Кардинально иной подход. Прямо противоположный привычному. Там, где Даан поставил бы жесткий блок, затратив столько же сил, сколько и нападавший, Матурана ограничился едва заметным движением руки.

Новый удар, но уже такой, чтобы не потерять равновесие в случае промаха. На этот раз Матурана просто уклонился.

— Прекрати, Даан. Я не хочу с тобой сражаться.

— Да ладно! Мы ведь не всерьез. Как на тренировке: ты показываешь новый трюк, а я учусь.

Матурана ловко ушел от очередного выпада.

— Не надо, Даан. Нельзя вступать в единоборство, если нет угрозы жизни. Я и так сегодня чересчур много дрался. А ты предлагаешь снова нарушить заповедь, не замолив прежние прегрешения.

Вмешался Су То:

— Что ты лопочешь, чужеземец? Тебе нужна угроза жизни? Получай же!

Если Даан бил хоть и сильно, но в безопасные места, то южанин атаковал всерьез, на поражение.

Но и его удары не достигли цели. Матурана чуть повернулся, поймал Су То за руку, поднырнул под нее, снова полуобернулся...

Теперь Су То стоял, нелепо выгнувшись. Островитянин легонечко нажал на его согнутую в локте руку, как на рычаг. И южанин мешком повалился на землю.

Матурана застыл над ним, чуть присев. Руки по-прежнему протягивал вперед, словно собирался еще не раз нажать на невидимый рычаг. Пока Су То падал, можно было без труда нанести три, а то и больше смертельных удара, таких же, какой нанес Су То первым. Но чужеземец даже не двинулся.

И тогда Даан впервые увидел сердитого Матурану.

— Послушайте, костоломы, именующие себя слугами Каома! Будь у вас хоть капелька ума, я бы поговорил с вами. Но поскольку вы умеете только дрыгать ногами и крушить все вокруг и не даете себе труда хоть немного поразмыслить, позволь-

те мне исполнить Обряд. Не мешайте хотя бы, если уж не помогаете!

Даан устыдился. Действительно, чем-то не тем они с Су То заняты. Обряд, Обряд прежде всего!

Вдруг явственно представились укоризненные лица Высших.

Су То угрюмо встал. Матурану он больше не трогал, но Даан догадывался, что творится у него на душе. Самолюбивый южанин дважды посрамлен тем, кого он считал слабаком и недоумком, а южане такого не прощают.

Вздохнув, Даан побрел готовить себе ложе. В кустах раздавался треск: это Ихо, беззаботный, как всегда, ломал ветки.

4

Несколько дней Матурана молчал, словно рыба. Вечером неизменно садился, подогнув ноги под себя, лицом к заходящему Солнцу и надолго застывал, отрешившись от всего окружающего. Даан не беспокоил его, памятуя о внезапной вспышке ярости. Ихо всем видом показывал, что его дело — сторона и ссориться он ни с кем не намерен. Ни с монахами, ни с островитянином. Лишь Су То затаил обиду. Желание приструнить чужака и поставить его на место переполняло южанина, однако пока не представлялось удобного случая. Но главным он считал все же исполнение Обряда.

Когда вышли на широкий тракт, ведущий в Столицу, стали попадаться многочисленные путники, пешие и конные; все спешили, словно это последний день их жизни. В город направлялось больше народу, чем покидало его. Путь по людным местам был связан с определенным риском; но и напасть на посланников открыто никто не отважился бы.

У городских ворот дежурил большой отряд императорской гвардии. Всех приходящих досматривал средних лет офицер, чересчур серьезный и важный на вид. Когда наступил черед монахов предстать перед ним, Даан заволновался: офицер задавал всем массу каверзных вопросов, на первый взгляд совершенно ненужных.

— Куда направляетесь? — надменно осведомился он.

Матурана легонько подтолкнул открывшего было рот Даана и ответил сразу за всех:

— В монастырь, господин. Мы — паломники с Архипелага.

Офицер подозрительно поглядел на них.

— Что-то не больно вы похожи на жителей островов.

Исподлобья глядя прямо в глаза Матуране, он произнес несколько слов на наречии Архипелага; даже монахи и Ихо поняли, что этим языком он владеет еле-еле.

Матурана коротко ответил по-своему, четко выговаривая каждое слово, потом преувеличенно горестно вздохнул:

— Судьба милостива к сильным. К таким, как вы, господин. Нам она улыбается редко.

Подобревший от лести офицер глянул на путников уже без прежнего недоверия: ну чем могут угрожать огромному городу четверо бродяг, к тому же прекрасно сознающих, что они не более чем бродяги?

— Зачем тогда заходить в Столицу? Обошли бы стороной.

— О-о! — протянул Матурана мечтательно. — Мы хотели взглянуть на этот сказочный город и его счастливцев-жителей. Хотя бы одним глазком! Императорский дворец, говорят, настоящее чудо. Молва о нем дошла до самых дальних краев.

— Глупцы! К дворцу вас и близко не подпустят.

— Может быть, хоть издали повезет его увидеть. И потом, у нас закончилась еда.

— За еду надо платить, — сказал офицер, почему-то оживившись. — У вас есть чем?

— Заработаем, господин. Но для вас... — Матурана многозначительно умолк и незаметно сунул офицеру монетку.

— Гм... Ну, что же, — прогудел офицер несколько фальшиво. — Полагаю, нет ничего худого в том, чтобы на Архипелаге лишний раз убедились в великолепии нашей Столицы и нашей несравненной мощи. Поглядите на все, а потом расскажете дома о том, сколь велик этот город и его правители. Пропустить их!

Два рослых солдата освободили проход, и путники ступили под широкую арку северных ворот.

Даан только головой покачал. В прошлый раз Сатэ провел семерых монахов в Столицу, даже не взглянув на начальника стражи, и тот не посмел и пикнуть.

Столица вобрала в себя путников, невообразимый бурлящий муравейник.

Су То знал город не лучше Даана: большую часть жизни он провел в Южном монастыре. Ихо тоже оказался здесь впервые. Оставалось надеяться на Матурану — в который раз. Даан не переставал поражаться чужеземцу. Его послали в помощь монахам-избранникам, на деле же выходило, что заправлял миссией именно он, а монахи лишь помогали. Да и то только тогда, когда требовалась грубая сила.

Миновав грязные окраинные кварталы, четверка ступила в пределы Кольца Площадей. Здесь никогда не бывало безлюдно, Кольцо — это вечный неумолкающий рынок. Сотни и тысячи мелких лавчонок, аптек, харчевен, полчища торговцев-лоточников, повозки крестьян, груженные мешками с рисом, овощами, фруктами, тушками битой птицы, низкие бочки на скрипучих колесах, полные живой рыбы и креветок, тучные южане, продающие съедобных собак, несъедобных собак, собак для охраны, собак для боев, собак для поиска и еще собак одно-небо-знает-для-чего, и, конечно, толпы, несметные толпы покупателей — горожан и приезжих. Шум и гомон не стихали ни на секунду. Кто-то на все лады расхваливал привезенный товар, кто-то азартно торговался, кто-то жалобно причитал, видимо, обманутый или обворованный, а у столба тэкая кого-то нещадно били.

Даан, более-менее готовый ко всему этому с прошлого раза, и тот враз растерялся в этом бурлящем котле, покрепче сжав сумку с Оком. О Су То и Ихо вовсе говорить не приходилось, Матурана же, напротив, чувствовал себя здесь как дельфин в море.

Он вел спутников за собой, прямо через торговые ряды, небрежно отмахиваясь от особо настырных продавцов, расталкивая нагловатую шпану и умело лавируя в толпе почтенных горожан.

— Эй, чужеземец! — окликнул его Су То. — Мы, кажется, намеревались купить еды.

Матурана застыл, потом терпеливо обернулся.

— Я помню, не волнуйся. Купим. Только не здесь — это место для столичных толстосумов.

Су То со вздохом поднял руки, предоставляя островитянину полную свободу. Впрочем, что ему еще оставалось?

Наконец они пересекли площадь и свернули в узенький переулочек. Шероховатый камень стен легонько царапал плечи. Откуда-то тянуло дымом и жаренным со специями мясом, орал прямо над головами полоумный петух, да вкрадчиво шелестели бамбуковые завесы на дверях.

Матурана еще несколько раз сворачивал. Как он ориентировался в подобном лабиринте — оставалось загадкой. Даан просто шел следом, отчаявшись что-либо понять.

Однако вскоре Даан догадался: в этом квартале живут выходцы с Архипелага. То и дело слышалась их непонятная речь. Некоторые обменивались с Матураной короткими фразами, а сморщенный старичок, сидевший на пороге приземистого домика, о чем-то серьезно спросил у Даана.

— Не понимаю, — покачал головой монах, надеясь, что повторят по-бодхайски, но старичок вновь застыл, словно мумия.

— Он спрашивает, не ты ли его пропавший сын, — пояснил, не оборачиваясь, Матурана. — Он у всех это спрашивает. Уже сорок лет.

Даан оглянулся. Старик тоскливо глядел в пустоту.

Наконец Матурана толкнул скрипучую деревянную дверь с изображением цветущей на фоне гор вишни, и путники оказались в тесном внутреннем дворике. Где-то тихо журчала вода.

— Сюда, — указал островитянин на очередную дверь. Вошли.

В помещении, выстланном циновками, стоял тяжелый канцелярский стол, пара табуретов и низкие деревянные нары, покрытые цветастыми одеялами. Матурана выгнал из смежной комнаты каких-то развеселых девиц и ненадолго исчез. Вернулся он с подносом, уставленным разнообразной снедью; следом вошел мужчина, в котором нетрудно было распознать соотечественника Матураны. Мужчина принес кувшин с холодным соком ло-чуну.

— Это мои спутники, — представил вполголоса Матурана. — Даан Геш, Су То и Тин Пи. Поприветствуйте главу общины — Басагурена.

Монахи и Ихо склонились в почтительном ритуальном поклоне.

— Наверное, вы проголодались, — сказал Басагурен приветливо. — Поговорим немного позже. Я покину вас ненадолго, а вы тем временем подкрепите свои силы.

Басагурен с достоинством склонил голову, как и подобает старшему, и вышел.

Поданные кушанья тоже несли явную печать Архипелага. Они были странными, но невкусными их не назвали бы ни монахи, ни Ихо.

Когда все четверо насытились, Матурана соизволил кое-что объяснить. Даан обрадовался, опасаясь новой вспышки раздражения от Су То.

— Это — район Фахардо, здесь живут мои соотечественники. Эдакая страна в стране, уголок, где действуют нравы и обычаи Архипелага, поэтому принимайте все как есть и ничему не удивляйтесь. Я привел вас сюда не зря: во-первых, мы здесь в полной безопасности, хотя Орлы и знают наше местонахождение...

— Откуда? — сердито перебил Су То.

Матурана мягко ответил:

— Они следовали за нами, едва мы миновали стражу у ворот. Неужели ты не заметил?

Су То промолчал. Оглядываться ему как-то не приходило в голову. Да и что можно разглядеть в толпе?

Даан тоже не заметил слежки и сейчас несколько растерялся, ощутив слабость перед могучим кланом. В самом деле, против них чуть ли не весь мир, каждую секунду приходится быть настороже, но врагов так много, что всех заметить просто не успеваешь...

А Ихо дважды замечал Орлов, но полагал, что те не видят путников. Очевидно, он ошибался.

Тем временем Матурана продолжал:

— У нас есть шанс прибиться к одному из торговых караванов, следующих на юг, раствориться в толпе погонщиков и стражей. Так за нами труднее будет уследить, да и небольшая передышка нам не помешает.

— Какая передышка? — взорвался Су То. — Мы и так опаздываем. Не крути, чужеземец!

Матурана терпеливо объяснил:

— Не злись, Су. Отдыхая, мы будем неуклонно приближаться к Утану. Какая разница — пройти весь путь пешком и в одиночестве или проехать его в повозке вместе с большим караваном?

Даан не сразу оценил идею островитянина. Ведь если они наймутся в богатый, а значит, большой караван, Орлам будет во сто крат труднее. Любое нападение на человека из каравана, даже на самого захудалого далата или погонщика, расценивается как нападение на весь караван, а это сотни людей, многие из которых получают деньги за его охрану, а многие являются владельцами товаров, повозок, лошадей, верблюдов и буйволов, запасов еды, и, следовательно, потеряют деньги в случае удачного нападения. За свой карман и свои жизни каждый будет сражаться, как тигр. Матурана в очередной раз преподал им урок находчивости и расчета.

— Я попросил Басагурена разузнать, не идут ли в ближайшее время на юг или юго-восток большие караваны. Сейчас весна, пора торговая, очень может быть, что нам повезет.

Даан кивнул.

«Интересно, — подумал он, — как справлялись с Обрядом монахи прошлого? Вдвоем, без всезнайки-чужеземца? Бин и Тао, например?»

Но за ними не охотился могучий клан Орла. Два путника с сумкой могли заинтересовать разве что мелких грабителей, отирающихся у дорог, но у подобного сброда одолеть избранников Каома шансов попросту не было.

Басагурен вернулся довольно скоро.

— Могу обрадовать вас, молодые люди. Завтра выступает караван Лун Гу, направляющийся в Даоден, но вряд ли вы успеете наняться, слишком поздно. А через четыре дня в Токин уйдет другой, его хозяйка — Дон Хи. Сюда попасть больше надежды.

— Даоден ближе к Утану, чем Токин, — заметил Су То. — Жаль.

Матурана пожал плечами:

— Ненамного. Но все же попытаемся наняться к Лун Гу.

По лицу Басагурена легко было угадать, что в такой исход он верит слабо.

— Пойдем, я напишу рекомендательное письмо.

Обернувшись, Матурана взглянул на монахов.

— Решайте, кто пойдет со мной, кто останется здесь с Оком.

— Останешься, Су? — спросил Даан без нажима.

Су То кивнул: он всегда предпочитал находиться поближе к святыне.

— Останусь. Лучше рядом с ним буду именно я. — Рука южанина погладила Око, упрятанное в невзрачную полотняную сумку.

Даан обрадовался: отправившись вместе с островитянином, Су То наверняка постоянно бы во все вмешивался и задирал его, а сейчас внимание к себе привлекать нежелательно. Пусть остается, Даан не станет ссориться с Матураной. День ото дня он все больше уважал чужеземца.

— А мне что делать? — спросил, прищурившись, Ихо. — Здесь ждать?

Даан развел руками:

— Как хочешь. Ты ничем не связан, хотя почему-то помогаешь нам.

— Тогда я пойду с вами. Много раз я собирался в Столицу и вот наконец попал сюда. Не сидеть же взаперти?

— Ладно, — кивнул Даан, вопросительно глянув на Матурану. Тот, похоже, не возражал.

— Тогда не будем терять времени. Мы постараемся вернуться побыстрее, Су.

Южанин молча вскинул руку.

Снова Даан со спутниками окунулись в непривычную городскую суету. Казалось, что жителям Столицы больше нравится сновать по улицам и площадям, чем сидеть дома. Впрочем, Даан удивился бы, узнай он, что большая часть горожан находилась сейчас именно в многочисленных домах и внутренних двориках.

Как и полагал Басагурен, в караван Лун Гу уже набрали всех, кто требовался в пути. Седовласый управляющий богатого столичного торговца внимательно прочел письмо, прикрыл глаза, потом извинился и сказал, что, к сожалению, не может нанять людей дополнительно, а те, кто уже нанят, рекомендованы не менее уважаемыми людьми, нежели Басагурен. Вот если бы денька на два-три раньше... Все, что мог сделать управляющий, это посоветовать обратиться к людям Дон Хи — там еще оставался шанс получить работу.

Матурана вежливо поблагодарил и вместе с друзьями покинул дом Лун Гу. Приходилось надеяться на вторую возможность, хотя Матурана немного опасался женского своенравия, совершенно непредсказуемого.

Дон Хи жила совсем недалеко: через площадь, ближе к императорскому дворцу. Узкая улочка ответвилась от округлого простора очередного мини-рынка. Короткие тупички, как правило заканчивающиеся крепкой дверью, часто обитой листовым железом, открывались справа и слева.

— Здесь! — сказал Матурана, взглянув на вычерченные на стене иероглифы.

Со двора доносился приглушенный гомон.

Островитянин приблизился к двери и громко постучал. Почти тотчас же дверь бесшумно отворилась, в проеме возник рослый привратник.

— По поводу работы? — осведомился он.

— Да, уважаемый, — поклонился Матурана.

Даан несколько удивился: кланяться привратнику? И называть его уважаемым?

— Проходите. Управляющий там, — привратник неопределенно взмахнул рукой, затворяя дверь. На этот раз она глухо звякнула — кованое железо подало голос.

«М-да... — Даан рассеянно оглядел дверь. — Такую и тараном не сразу разобьешь. Крепостные ворота прямо, только поменьше...»

Матурана, кивая встречным, прошел в глубь двора, где в тени раскорячился необъятный стол, желтоватый от множества бумаг. За столом восседали несколько человек. По двору беспрерывно сновали люди с печатью озабоченности на лицах.

Ихо и Даан, озираясь, следовали за островитянином; наконец все трое присоединились к нескольким бедолагам, мающимся у стола в ожидании, пока кто-нибудь обратит на них внимание. На их глазах пожилого трудягу наняли погонщиком, выдали ему какую-то записку и отослали в один из постоялых дворов в Кольце Площадей, где формировали караван. Это заметно приободрило ожидающих.

Некоторое время чиновник, который ведал наймом, шептался с сидящими по соседству коллегами, потом обратился к Матуране:

— Вам что?

Островитянин с легким поклоном протянул письмо Басагурена. Около минуты чиновник читал, шевеля губами.

— А... Община... Ладно. Что вы умеете делать? Погонщики и работники-далаты нам, пожалуй, уже не нужны, учтите.

Матурана не задумался ни на секунду:

— Мои друзья более всего пригодятся в охране.

Чиновник с недоверием прищурился:

— В охране? Туда берут только самых доверенных. Впрочем, рекомендация у вас отменная, и я уверен, что она подлинная. Эй, Ман! — крикнул чиновник, повысив голос.

Появился давешний привратник. Держался он так, словно выше него здесь стояла только хозяйка.

— Вот, предлагают себя в охрану. Рекомендованы Басагуреном из островной общины. Что скажешь?

Ман придирчиво оглядел всех троих. При виде Матураны он поморщился.

— Поглядим, на что вы способны. Ты, — указал он на Даана. — Физиономия у тебя какая-то знакомая...

Даан изготовился к защите. Ман напал. Он не стремился ударить монаха, просто раз за разом ставил того в трудное положение и глядел, как тому удается выкручиваться. Бойцом Ман был на редкость искусным и Даан мгновенно взмок.

— Прекрасно, — оценил привратник, останавливаясь. — Этот годится. Теперь ты, — вызвал он Ихо.

Тот медленно приблизился.

Даан, восстанавливая дыхание, наблюдал. Ихо тоже держался неплохо, причем технику Змеи он совершенно не использовал. Видно было, что ему трудно.

— Сойдет, — удовлетворенно мурлыкнул Ман. Дышал он на удивление ровно. — Не знаю, как ты дерешься обычно, но того, что ты показал, — достаточно.

Ихо молча поклонился, в душе изумившись. Привратник понял, что всеобщая техника — лишь маскировка, что свои главные козыри Ихо показывать не пожелал. Непростой, однако, этот привратник...

Ман повернулся к Матуране, и Даан затаил дыхание — сейчас он увидит чужеземца с его непонятной техникой в деле!

Но монах был жестоко разочарован.

— Я не стремлюсь в охрану. Мое место скорее среди проводников. Ведь ни один караванщик не откажется от знающего проводника.

— Проводник? — Ман недоверчиво склонил голову набок. — Не похож ты на проводника. Кто ты такой? Если тебе известны дороги на юг, почему я тебя вижу впервые? Помоему, ты лжешь. Никакой ты не проводник.

Чиновник, криво улыбаясь, барабанил пальцами по столу. Он наблюдал за происходящим с таким явным удовольствием, что казалось: еще чуть-чуть — и он засветится.

— Испытай меня, — предложил Матурана невозмутимо.

— Как? Отвезти на юг, бросить в степи и глядеть, куда ты пойдешь? — осведомился Ман ехидно. — Впрочем, ладно. Если ты такой прожженный бродяга-следопыт, угадай, откуда я родом.

— Ман — это настоящее имя или найденное? — неожиданно спросил Матурана.

— Настоящее.

— Значит, западный Го Дун-Бай, долина Вел Ши.

Ман несказанно удивился:

— Верно, во имя Каома! Я велш. Хм... Хорошо, скажи: сколько селений лежит между холмами Четырех ветров и Бодхайской грядой?

— Ни одного, — ответил Матурана не задумываясь. — Там озера.

Ман, пристально глядя на островитянина, приблизился и медленно-медленно взял его за левую руку.

— Да, — сказал Матурана непонятно к чему.

Горец-велш на мгновение замер, потом рывком приподнял рукав свободной рубахи чужеземца. Даан успел краем глаза заметить цветную татуировку: идущего по следу волка.

— Великий Каома! Ты — Идущий-по-Следу?

— Я же сказал: да, — спокойно подтвердил Матурана.

Привратник выглядел растерянным.

— Я уж думал, что вас совсем не осталось... Но ты ведь слишком молод!

— Даже император когда-то был молодым, — невозмутимо заметил Матурана.

Даан не знал, кто это — Идущие-по-Следу. Никогда раньше о них не слыхал.

Чиновник, так и не сообразивший, что к чему, встрепенулся:

— Ну так как, Ман? Ты берешь их?

Ман горячо всплеснул руками, как это умеют горцы, и сразу все стало ясно.

— Конечно! Сегодня удачный день, Лю! У нас теперь лучший из проводников, сейчас о таких и мечтать не смеют! Да и

эти двое нашей охране не чета, разве что Поон с ними сравниться может.

Матурана поднял ладонь.

— Еще одно, уважаемый, — обратился он к Ману. — Нас на самом деле четверо. Ручаюсь, что наш отсутствующий товарищ не разочарует начальника охраны. Он не менее хорош, чем Даан или Тин Пи.

— Да-да, — вставил Лю-чиновник. — Басагурен в письме рекомендует четверых.

Ман оживленно закивал:

— Отлично! Четвертый — твой соотечественник или бодхаец?

— Бодхаец-южанин.

Привратник расплылся в улыбке:

— Сегодня нам определенно везет. Мы ведь идем на юг. Вы наняты. Впиши их, Лю. Давай-давай, не сиди, словно цон на ветке. А я пока обрадую хозяйку.

Ман направился к дому, но вдруг застыл на полушаге и вновь смерил взглядом Даана.

— Все-таки знакомая у тебя физиономия. И дерешься ты знакомо. Но я никак не вспомню...

Даан был уверен, что горец ошибается: не могли они встречаться прежде.

Матурана толковал с Лю о плате, Ихо, позевывая, глазел по сторонам, Даан размышлял, почему это хозяйка должна радоваться еще трем охранникам и одному проводнику, и тут из дома вышла красивая молодая женщина, одетая не хуже императрицы.

«Дон Хи, — понял монах. — Богато живет...»

В запасе оставалось целых три дня.

Глава пятая

1

— Если он такой ценный проводник, почему же тогда Лун Гу его упустил? — спросил Су То. Голос его не предвещал ничего хорошего.

Даан терпеливо пояснил:

— Никто не знал, что он — Идущий-по-Следу. Лун Гу тоже не знал.

— Сказали бы Лун Гу, пошли бы в Даоден, — отрезал Су То. — Крутит что-то твой дружок-чужеземец.

Даан на секунду задумался. Известная логика в словах южанина имелась. Но почему-то Даан был уверен, что Матурана ничего не сказал бы и Ману, если бы тот сам не догадался.

— Зря кипятишься, Су. Матурана уже не раз доказал верность Обряду.

— Тогда почему он все скрывает от нас? Ведет своими путями, решает все сам. Мы ему не нужны, это же ясно! Его интересует лишь Око, а оно может интересовать только нас, избранников Каома. Он опасен, Даан, не будь слепцом. Ихо тоже появился — вроде бы случайно. А я уверен: он с чужеземцем заодно.

— Да успокойся ты, Су. Они же нам помогают! Было время убедиться в этом.

Су не сдавался:

— Теперь еще оказывается, что чужеземец — Идущий-по-Следу. Но кто они — Идущие? Ты знаешь?

— Нет.

— И я не знаю. Кто может ручаться, что они с Орлами не заодно? Никто.

Даан устало прикрыл глаза, а когда снова открыл их, в комнате стоял Басагурен, бесстрастно глядя на монахов. Даан машинально поднялся, отдавая дань уважения старшему; Су То нехотя последовал его примеру.

— Уважаемый, — обратился к нему Даан, — кто такие Идущие-по-Следу? Вы можете нам рассказать?

Басагурен долго глядел на монахов, потом отрицательно покачал головой и вышел за дверь. Даже если он что-нибудь и знал, с монахами знанием не поделился.

Даан огорчился. Басагурен был соотечественником Матураны, а значит, у Су То появился лишний повод злиться на островитян.

— Давай уйдем, — тихо предложил Су То. — Безо всяких караванов. Сами. Видит Каома, так спокойнее.

Даан вдруг понял, что отговорить южанина ему не удастся. Поэтому он и не пытался. Только устало опустился на застеленные нары.

Тревога — она будет его спутником до самой долины Утан. Лишь в этом Даан нисколько не сомневался. Прочие изгибы будущего крылись в тумане еще не наступивших дней.

2

— Госпожа, — обратился к Дон Хи горец-велш, — я должен вам кое-что рассказать.

Хозяйка, лежа на цветастых шелковых подушках, читала желтоватый свиток, недавно присланный управляющим. Она давно усвоила: все, что считает необходимым сообщить верный Ман, действительно заслуживает внимания. Поэтому свиток был незамедлительно отложен в сторону.

— Слушаю тебя, Ман.

— Это касается нанятых сегодня в караван новичков — проводника и трех охранников.

Дон Хи насторожилась:

— Ты не уверен в новом проводнике?

Горец протянул руку, выставив ладонь вперед:

— Нет, госпожа, проводнику я как раз верю больше, чем себе, и на то есть веские причины. Беспокоит меня один из новых охранников.

— Продолжай, — велела Дон Хи.

— Он отменный боец, госпожа, — задумчиво протянул горец. — Боюсь — лучший в охране.

— Даже лучше Поона? — перебила хозяйка.

— Может быть.

— Даже лучше тебя?

Ман помедлил с ответом.

— Ему недостает опыта. Я с ним справлюсь.

— Это все?

— Я как раз подхожу к самому главному. Помните, как двое бродяг поколотили у наших ворот человека из клана Орла?

Хозяйка кивнула — такое случалось не каждый день. Глава клана Гут Фо тогда прислал ей богатые подарки и рассыпался в благодарностях за то, что о его человеке позаботились в доме Дон Хи. Мало кто в столице мог похвастать, что заслужил благодарность Гута Фо.

— Этот новенький дерется точь-в-точь как те бродяги. У них одна и та же техника. И мне известна эта техника. Ею пользуются лишь монахи Северного монастыря.

Дон Хи возразила:

— Но ведь и у тех двоих, и у сегодняшнего длинные волосы! Они не могут быть монахами.

Ман развел руками:

— В монастырях не обучают посторонних. По крайней мере до такого уровня, как у этих. Кстати, полагаю, что четвертый круг они все уже прошли и успели изрядно продвинуться в пятом, а это не меньше двенадцати лет Постижения. Чтобы стать такими мастерами, нужно тренироваться с детства. И именно в монастыре.

— Ну хорошо. Однако чем это может угрожать каравану?

— Я не удивлюсь, если они не в ладах с кланом Орла.

Как обычно, Ман предоставил хозяйке самой делать выводы. Дон Хи задумалась. Гута Фо она недолюбливала, его подручных тоже, но Орлы имели огромное влияние и в Столице, и в других уголках Империи. Трения с кланом были крайне нежелательны. Впрочем, Ман все же нанял этого странного юношу, значит, скорее всего все обойдется.

— Ты говорил об этом кому-нибудь?

— Нет, госпожа.

Дон Хи ожидала именно такого ответа.

— Присматривай за ними. За всеми новичками, — сказала хозяйка и потянулась к отложенному свитку.

Ман сдержанно поклонился и вышел.

3

Уйти решили под утро. Ихо и Матурана вернулись из города поздно и сразу же улеглись, даже не поужинав. Монахи легли раньше, чтобы поспать хотя бы несколько часов.

Рано утром Даан и Су То встали и тихо-тихо, боясь потревожить Матурану и Ихо, вышли во дворик. Там было ненамного светлее, чем в комнатах: до восхода оставалось еще не менее получаса. Сумку со святыней нес Су То.

Квартал еще спал, как и весь город. Только где-то за Кольцом Площадей слышался далекий стук кузнечного молота,

наверное, из квартала мастеровых. Работа там велась даже ночами.

Утренняя прохлада приятно щекотала кожу. Даан поежился. Ему совсем не хотелось уходить, оставлять непостижимого чужеземца и спокойного Ихо, ведь эти двое прекрасно послужили Всевышнему. Почему так настроен против них его спутник-южанин? Даан не понимал. Ну, пусть Матурана и Ихо не монахи. Ну и что с того? Великий Каома не видит разницы между торговцем и воином — перед его взором равны все смертные. Каждому воздастся за его поступки, а не за принадлежность к какому-либо сословию.

Калитку, ведущую на улицу, заперли еще вчера вечером. Су То ловко вскарабкался на каменную стену и огляделся — ни души. Он призывно махнул Даану и мягко прыгнул со стены.

Немного поплутав извилистыми улочками, они вышли к Кольцу Площадей. Рынок тоже еще спал: торговцы на все лады храпели, расположившись на телегах с товаром, на мешках, на прилавках, а то и просто на булыжнике, подстелив всего лишь тонкие циновки. Откуда-то из-под повозок лениво брехнула собака, отрабатывая хлеб сторожа, но, убедившись, что прохожие вовсе не покушаются на хозяйский скарб, тут же затихла.

Дорогу к городским воротам Даан отыскал без труда. Собственно, тут заблудиться умудрился бы только крот: широкая улица убегала от рынка к северной стене. Вообще-то монахам нужно было на юг, но они боялись не найти прохода через Столицу. А путь к северным воротам они запомнили вчера.

Одинокий страж дремал, опираясь на копье. Из привратницкой доносился могучий храп. Монахи хотели проскочить незаметно, но страж проснулся, едва они приблизились.

— Эй! Куда претесь в такую рань?

— В горы, — осторожно ответил Даан. — На Фын-Бай. Мы там живем...

— Что в мешке? — раздраженно перебил привратник.

— Еда. Припасы...

— Покажите.

Сказали это повелительным, не терпящим возражений тоном.

Даан не успел и слова вымолвить; Су То покорно взялся за сумку с Оком, приблизился к стражу и выключил его едва заметным движением локтя.

Даан подхватил обмякшее тело, чтоб доспехи не загремели, ударившись о булыжную мостовую.

Опустив привратника без малейшего шума, Даан выпрямился. Су То возился с запором.

— А, семь драконов... Заперто.

— Брось, Су. Некогда.

Даан кошкой взлетел по воротам на остроконечный гребень.

Спустя минуту они уже припустили прочь от городской стены. Солнце вот-вот должно было взойти, восток порозовел, первые птицы подали голос.

Оставляя Столицу справа, монахи направились на юг, к далекой еще долине Утан.

4

Той вошел к Гуту Фо, пытаясь не утратить невозмутимость. Глава клана Орла читал бессмертный трактат Моона Гая, переплетенный в скрипящую кожу. Он не пошевелился и не поднял глаз от страницы.

— Что скажешь, Той?

Гут Фо говорил ровным и бесстрастным голосом.

— Рано утром монахи бросили чужеземца и Змею в островной общине и покинули город! Они вышли через северные ворота, но направились на юг, мимо стен. Я выслал за ними слежку.

— Слежку? — Гут Фо стремительно встал. Полами дорогого халата прогулялась едва заметная волна; шелк искрился, отражая утреннее солнце. — Их давно пора схватить, Той! Я сам не понимаю, почему терплю твое бездействие. Сколько ты будешь огорчать меня? Жалкие четверо щенков против самого могучего клана в Империи — и мы не можем с ними справиться! Я недоволен, Той, крайне недоволен. Не поискать ли мне нового помощника?

Той побледнел. Но возразил: все же он был смелым человеком.

— Хозяин, вы прекрасно знаете, что это не просто молодые несмышленыши. И островитянин с ними не просто ост-

ровитянин. И четвертый — не мальчишка-неумеха, а Змея, и умелая Змея. К тому же нам не везло.

Гут Фо фыркнул. Гнев его отступил вглубь, лицо вновь стало спокойным.

— Не везло! Не может же вам все время не везти — на небе что-то перевернулось бы. Действуй, Той, и постарайся не разочаровать меня на этот раз.

Той поклонился:

— Постараюсь, господин.

Он вышел из покоев Гута Фо, надеясь, что удача наконец-то соизволит улыбнуться ему.

5

Матурана проснулся рано с неясным чувством тревоги. Он не сразу понял, что в комнате с ним находится только Ихо, но когда заметил исчезновение монахов, не удивился. Он давно ждал чего-то подобного. Удивляло, что Су То терпел так долго. В том, что зачинщик расставания именно Су То, а не Даан, Матурана не сомневался ни секунды. Южане есть южане, они не терпят, когда им утирают нос.

Караван выступал через два дня на третий. Значит, у Матураны было чуть более двух суток на поиски и сутки на возвращение. Оставив Ихо досыпать в комнате, островитянин выскользнул во двор.

Квартал просыпался; Матурану в общине хорошо знали, поэтому он сразу принялся за расспросы: не видел ли кто, как уходили его спутники-бодхайцы, южанин и горец? В городе ничего невозможно скрыть, Матурана еще раз в этом убедился. Четвертый по счету соотечественник поведал, что видел, как незадолго до рассвета Су То и Даан отправились к Кольцу Площадей, в сторону северных ворот. И вели себя так, словно намеревались оставить свое отбытие в тайне.

У ворот Матурана заметил усиленную стражу. Это могло быть связано с монахами, если они утром прошли через пост при помощи силы. Короткие расспросы утвердили его в этой мысли: кто-то утром оглушил стражника, но ворота не тронул. Даже карманы бесчувственного солдата не удосужился

обшарить, а там было чем поживиться. Но почему Даан и Су направились к северным воротам? Неужели они не прямиком в сторону Утана?

Поразмыслив, Матурана предположил, что они побоялись заблудиться в незнакомом городе и пошли уже известной дорогой. Вскоре он утвердился и в этой мысли: следы монахов, найденные без особого труда, вели вдоль городских стен и почти сразу отклонились к югу. Матурана вздохнул. Взрослые ведь люди эти монахи, но ведут себя, словно капризные дети. И как таким можно поручать Обряд? Определенно, пора менять устоявшийся порядок вещей. Обычаи предков, конечно, надо чтить, но, когда они начинают мешать жизни, их приходится менять. Монастыри слишком уж цепляются за прошлое.

Еще через тысячу шагов Матурана убедился, что не он один идет по следу монахов. За ними спешил отряд в полтора десятка человек, и Матурана понял, что это, конечно же, Орлы. Больше некому.

Он взглянул вперед. Виднелся южный тракт, к которому направлялись монахи; по нему неторопливо тянулись путники — пешие и конные. Хватало и повозок, запряженных буйволами или лошадьми. Вокруг раскинулись возделанные поля, там и сям на них маячили конические крестьянские шляпы. Сетуя на капризы судьбы, Матурана поспешил по следу.

Монахов угораздило уйти в самый неподходящий момент. Островитянин прекрасно сознавал, что незамеченными они могут дойти только до столицы, а дальше любопытных ушей и глаз на их долю хватит до самого Утана. Поэтому он и стремился пристать к каравану. И сейчас, когда это почти удалось, монахи исчезают. Великий Каома, как теперь глядеть в глаза Басагурену? Ведь Басагурен помог и с письмом, и вообще. Получается, что Матурана подвел его. И всю общину подвел. Потому что договор под двумя лунами ценился превыше всего. Да и как иначе? Как тогда можно вести дела? Как торговать?

Если Матурана не вернет монахов до отхода каравана, в столичной общине, да и во всех остальных, можно больше не появляться. С ним даже не заговорят: он нарушил уговор. Обещал и не выполнил обещание.

Вскоре следы вывели на дорогу и растворились, затоптанные всеми, кто прошел здесь позже. Оставалось внимательно

нее следить за обочинами, чтобы не прозевать место, где монахи или Орлы свернут с дороги.

На одинокого путника без поклажи смотрели без удивления — мало ли людей спешит по делам помимо торговых? Может, это вестник. Или беглый. Тогда вообще лучше держаться от него подальше. Матурана стремительно шагал по укатанной дороге, обгонял повозки и пешеходов, уступал дорогу всадникам, мимоходом кланялся вельможам, чтоб не вздумали прицепиться. Этим только дай повод. Тем более, Матурана чужеземец. Могут пристать просто от дорожной скуки.

Вскоре Матурана заметил Орлов. Десяток крепких ребят трусили по дороге, еще четверо по обочинам. Двое по левой, двое по правой. Видно, тоже приглядывались к следам.

Опустив голову, чтоб труднее было разглядеть его лицо, Матурана поспешил вперед.

6

Когда Ихо приподнял голову и осмотрелся, солнце уже успело изрядно подняться. В комнате для гостей, кроме Ихо, никого не было; из глубины дома доносился жизнерадостный щебет вчерашних развеселых девиц.

Ихо встал и вышел во двор, к фонтану. Что же, если монахам и островитянину нравится играть во взрослые игры и думать, будто Ихо слепец и ничего не замечает, — пусть думают. Пусть исполняют свой Обряд, несут Око Каома самостоятельно. Ихо не в обиде. Просто будет рядом с ними, и все. Пока есть пара свободных дней до отправления каравана, он побродит по Столице, поглазеет на городскую жизнь. Когда еще доведется сюда попасть?

Ихо с наслаждением умылся; вода была холодная, совсем как в горных источниках. Потом его зазвал пожилой островитянин в соседний двор и накормил странной едой Архипелага. Блюда были иные, чем вчера, но столь же вкусные. Островитянин плохо говорил по-бодхайски, объясняться пришлось в основном жестами. Поблагодарив за угощение, Ихо показал, что собирается в город. Хозяин кивнул и, указав на Солнце, на запад и на блюдо с едой, легонько хлопнул по столу.

Ихо догадался, что его приглашают на ужин, и благодарно потряс руку островитянина.

Потом он отправился бродить. Решил, что главное — получше запоминать дорогу, и зашагал по узкой, похожей на ущелье улочке.

Вскоре кварталы островной общины остались позади, а перед глазами открылся рынок Кольца Площадей. Ихо влился в толпу, стараясь никого не толкнуть. На призывы настойчивых торговцев он только улыбался; предлагали ему что угодно — от жареных креветок до длинных низок жемчужных бус. Не видя заинтересованности, торговцы отвязывались и подступали к новым прохожим. Повозки с товарами стояли без всякого порядка, как придется, приходилось меж них лавировать, огибая группы людей. Прямо на булыжной мостовой играли в маджонг, Ихо тоже схватили за рукав и предложили сыграть. Он отказался, широко улыбаясь. Но мальчишка лет двенадцати настойчиво подталкивал его к играющим. Ихо мягко отстранил зазывалу, и рядом тотчас выросли двое парней постарше.

— Эй, ты зачем обижаешь моего брата? — неожиданно радушным голосом сказал тот, что на вид казался покрепче. Ихо усмехнулся и направился в сторону, собираясь просто уйти. Но там тоже стояли двое и нехорошо ухмылялись. Этим было далеко до радушия первого, от них веяло желанием подраться, и желательно всем против одного. Ихо вздохнул. Потом предельно скучным голосом обратился к радушному:

— Послушай, заботливый брат. Я не играю в маджонг, и у меня нет денег, которые можно отнять. Поэтому угомони своих подпевал и ищи жертву побогаче.

За спину ему скользнули сразу двое, Ихо прервал речь и переместился в сторону; теперь справа его защищала низкая повозка, груженная корзинами с виноградом.

Наверное, Ихо пришлось бы драться, не появись в этот момент солдаты Надзора. Игроки в маджонг и зрители тотчас отвлеклись от назревавшей ссоры; Ихо не стал ждать — обогнул телегу и торопливо зашагал прочь.

Рынок на площадях тянулся навстречу. Стараясь обходить стороной места, где играли в маджонг и лайан, Ихо брел, поглядывая по сторонам. Находиться в центре толпы было очень непривычно, но забавно. Ихо привыкал к новому ощущению.

Потом он вспомнил первый день, когда за ним и монахами следили Орлы, и, спохватившись, стал часто оглядываться.

Как выяснилось, не зря. Довольно скоро он обратил внимание на высокого парня в халате, лицо которого показалось ему знакомым. Он вроде бы и не обращал внимания на Ихо, рассматривал товары, перебрасывался словами с продавцами, смеялся их шуточкам. Но все время держался неподалеку.

Ихо его вспомнил: с ним пришлось сразиться у отрога Пе, незадолго до встречи с монахами и Матураной. Тогда Ихо обошелся всеобщей техникой и шестом. Обойдется ли сейчас? Кто знает, может, он и не один. В родных горах Ихо легко ушел бы от соглядатаев, скрылся в каком-нибудь ущелье или в зарослях. А здесь, в городе, преимущество было на стороне Орлов.

Ихо отошел за цветастую палатку торговца рыбой и осторожно выглянул: парень подозрительно глядел в его сторону. Но Ихо, похоже, не видел. Вытягивал шею, вертел головой. Потом стал делать лихорадочные знаки кому-то невидимому перед левым рядом.

«Уходить нужно», — подумал Ихо. Связываться с Орлами в непривычно шумном городе совсем не хотелось. Он осторожно выглянул из-за палатки, но в пестрой толпе выделить второго соглядатая не смог. Да и как его выделишь? Удивительно, что Ихо узнал первого в такой толчее. Это Матурана мастак обнаруживать слежку и, наверное, уходить от нее. А Ихо привык к безлюдью долин Фын-Бая...

Второго Орла он заметил, едва отошел от рыбной палатки. Высокий, как и все Орлы, горожанин, почему-то не в халате, а в обычных батах и светлой рубахе. Он глядел на Ихо в упор, словно пытался просверлить того взглядом. На секунду замешкавшись, Ихо толкнул проходящего мимо парня прямо на Орла, а сам метнулся в сторону. Через толпу приходилось продираться, как сквозь густой кустарник. Сквозь кустарник было даже легче. Но далеко Ихо не ушел, он завяз в сразу же насторожившейся массе завсегдатаев рынка, а Орлы пронизывали ее будто нож масло. Вмиг Ихо был окружен, и первый Орел напал на него. Ихо отшатнулся и встал в стойку.

Противников было четверо, всеобщей техники хватило всего лишь на несколько мгновений, а потом пришлось отражать резкие удары и выпады нитью кобры. Орлы словно обрадова-

лись и насели с удвоенной силой. Ихо почувствовал, что долго не продержится. Он приседал и льнул к земле, потому что Орлы предпочитали высокие стойки и удары на верхнем уровне, но это все равно не спасало. Уже несколько ударов пришлось не отводить, а принимать. Еще минута, и Ихо пропустил подсечку, едва успев увернуться от мощного добивающего сверху.

Зрители, образовавшие плотную стену вокруг стычки, не вмешивались — Орлов в Столице побаивались. Нечего было и надеяться на чью-нибудь помощь. Из последних сил отбиваясь, Ихо выискивал щель в плотных рядах людей, а там придется уповать только на везение.

Но помощь вопреки ожиданиям пришла.

Двое невысоких гибких парней, в халатах, как и Орлы, но не в красноватых, а в светлых, вдруг прорвали живое кольцо на площади и сбили с ног двух Орлов, встав рядом с Ихо. Тот молча отбивался от четвертого.

Оба нежданных помощника использовали технику Змеи, но их манера сильно отличалась от стиля, которому обучался Ихо. Они меньше работали ногами, но зато движения рук получались куда сложнее, чем привык Ихо. Кроме того, они прекрасно работали в паре, действуя как единый организм, четверорукий, четырехглазый... Легендарный Тан Дао, да и только...

Один застыл, изобразив правой рукой змею, вставшую на хвост; на его полусогнутые ноги, прямо на колени, вскочил второй, оттолкнулся и прыгнул, быстрый, как тень. Два пальца вытянутой руки поразили одного из Орлов в грудь, и противник упал.

Тем временем Ихо расправился со вторым, тем самым, кого уже победил с помощью шеста совсем недавно. Трое против четверых — это не то что в одиночку...

Уцелевшие Орлы переглянулись; один из них громко свистнул. Тотчас за их спинами встали несколько человек. Ихо пересчитал — семь. Среди них оказался и недавний любитель маджонга, тот, что заступался за своего малолетнего брата. Он тоже узнал Ихо и радостно шагнул вперед.

— Ты вздумал удрать от нас? Ха! От нас еще никто не удирал...

Больше он ничего не успел добавить — Змея нанесла удар в шею. Парень осел на булыжную мостовую, словно пустой джу-

товый мешок. Подмога оказалась похлипче, чем Орлы из первой четверки, вот те действительно были мастера. А эти — просто уличные шалопаи. Даже Ихо это понял. Положив троих подряд, Змеям удалось вырваться за пределы кольца. При этом полег еще один из настоящих Орлов, Ихо только порадовался.

Потом был долгий бег по улицам, сначала по людным, а позже — по кривым закоулкам ремесленных кварталов. Ихо не понимал, гонится ли кто-нибудь за ними. Голова гудела, в первые минуты стычки с Орлами ему здорово досталось, и сейчас Ихо соображал туго.

Его провели в узкие сводчатые ворота; на стене рядом с воротами умелой рукой была нарисована желто-зеленая змея, свившаяся кольцами. За воротами открылся просторный двор, давно не метенный. В деревянных обломках у стен с трудом угадывались приспособления для тренировок. Кто-то их крушил без разбора, и происходило это очень давно — дух запустения прочно обосновался в этом месте. В окнах низенького, похожего на таут домика отсутствовали стекла, мебель тоже была сломана, и везде лежал толстый слой пыли.

Один из незнакомцев пропустил Ихо в дверь, огляделся и скользнул следом. Второй прошел внутрь еще раньше.

— Ты из клана Змеи? — жестко спросил тот, что казался постарше.

Ихо покачал головой:

— Нет. Я одиночка.

Он хотел добавить, что Учитель, вероятно, принадлежал к этому клану, но вовремя прикусил язык. Ведь старик, заменивший ему родителей, предупреждал: никому никогда не говорить о владении запретной техникой.

— Кто тебя учил? — последовал новый вопрос, но Ихо лишь слегка улыбнулся в ответ.

— Брось, Хон, он ничего не скажет, — перебил второй. — И будет прав.

Хон пристально взглянул на Ихо и вздохнул:

— Ладно. Не хочешь — не говори, мы не станем тебя донимать расспросами. Только знай: мы — твои друзья. И когда встретишь своего Учителя, обязательно скажи ему: клан Южной Кобры еще жив. Пусть приходит к нам, Орлы сильны только в Столице и на севере.

— Ладно, — сказал Ихо.

— Мы сегодня уходим из города. Если хочешь — пойдем с нами. Тебе будут рады.

Ихо очень хотелось последовать за новыми знакомыми, потому что их техника заворожила его и вновь проснулось желание научиться чему-нибудь новому. Но он отрицательно развел руками:

— Нет, не могу. Я нанят на работу. И меня ждут друзья, которым я должен помочь.

— Ясно, — кивнул Хон. — Если обещал...

— Расскажите, как вас найти, — перебил его Ихо. — Я приду, обязательно приду. Как только смогу.

— Знаешь город Сай Хэ? На южном побережье?

Ихо не знал.

— Это недалеко от Токина. Спросишь. А в городе, — Хон улыбнулся, — ищи изображение кобры.

— Понятно, — отозвался Ихо. — Обещаю, что приду.

— Меня зовут Хон То, моего брата — Чон. Если хочешь, назови свое имя.

— Мое имя — Тин Пи, но все зовут меня просто Ихо.

Хон снова широко улыбнулся:

— Слыхал? И с таким прозвищем он пытается скрываться!

Тихий смех нарушил тишину покинутого дома.

— Нам пора идти.

— Постойте. — Ихо поморщился, взявшись за ноющий бок. — Где мы находимся? Как мне отыскать дорогу к островной общине?

Хон, казалось, удивился:

— Островная община? Что ты там забыл?

— Один из моих друзей родом с Архипелага. В общине мы скрывались от Орлов.

— Твои друзья тоже недолюбливают Орлов? Впрочем, чему удивляться? Мы выбираем друзей среди подобных себе... А находимся мы в старой школе клана Змеи, разоренной Орлами почти сорок лет назад. Если ты выйдешь из ворот и свернешь налево, вскоре окажешься у Кольца Площадей. Сверни еще раз налево и выйдешь как раз к кварталам общины. Но будь осторожен, не попадись Орлам снова...

— Давай его проведем, — предложил Чон брату. — Боковыми улицами. Мы ведь никуда не опаздываем.

— Правильно, — согласился Хон. — Давай. Я и сам об этом подумал.

Он выглянул во двор — все было тихо. Троица неслышно покинула школу и направилась к Кольцу Площадей.

— Ты здорово работаешь ногами, — похвалил Хон. — А вот техника рук какая-то странная. Но вообще мы удивлены. Давно не встречали такого крепкого бойца в стиле Змеи, да еще совсем незнакомого.

— А что, есть и другие? — оживился Ихо.

Хон подтвердил:

— Есть. И много.

Ихо на секунду остановился. На сознание словно накатила щемящая волна, и вдруг он понял, что бесцельное существование последних лет закончилось. Жизнь вновь обретала смысл — искать себе подобных. Таких, как Учитель.

Ведь помогать монахам и Матуране он стал оттого, что нашелся общий враг. Если бы не исчез Учитель, Ихо вряд ли прибился к ним.

До общины он добрался ближе к вечеру, простившись с братьями на пустынной улочке.

— Сай Хэ, — прошептал он. — Недалеко от Токина...

И побрел к знакомому островитянину ужинать, потому что ни монахов, ни Матураны в комнате не нашел.

7

Влажными тропками, что тянулись вдоль оросительных канавок, монахи вышли к южному тракту. Несмотря на ранний час, на тракте было людно. Даан взглянул на Су То. Путник как путник, не отличишь от остальных.

— Ну что, Су? Рискнем? Или пойдем скрытно?

Южанин насупился. Раньше подобные вопросы просто и естественно решал Матурана, теперь же приходилось выбирать самому. Это оказалось не так просто, как представлялось вначале. Боязнь ошибки вдруг вселилась в Су То, а раздражение и неприязнь к чужеземцу вспыхнули с новой силой. Даже оставшись в Столице, он умудрялся доставлять Су То неприятности!

— Решай сам, — буркнул он неприветливо.

Даан только вздохнул. Как бы не пришлось жалеть об этом уходе, подумал он с внезапным унынием.

— Рискнем! — решительно сказал Даан вслух и ступил на гладкие булыжники тракта. Су То последовал за ним, поправив сумку с Оком на плече.

И они зашагали на юг размеренной поступью опытных ходоков. Обгоняли неторопливо ползущие телеги со скарбом, товарами, овощами. Спешили убраться с пути стремительно скачущих всадников. Провожали взглядами колесницы вельмож. И терпеливо втаптывали минуты и часы в рыжую дорожную пыль.

Наверное, точно так же они бы шли вместе с караваном, но тогда в душе не нашлось бы места тревоге. Даан мимоходом глазел по сторонам: жизнь крестьянских равнин была ему, монаху-северянину, в диковинку. Су То тоже вертел головой, даром что южанин.

Смутное беспокойство Даан ощутил ближе к полудню. Словно кто-то пристально смотрел ему в спину. Многим знакомо это чувство: вроде бы нет никаких причин тревожиться, однако оно гложет и гложет, и не раз, доверившись ему, потом приходилось радоваться. Даан стал часто озираться, опасаясь слежки, но как отыскать слежку на тракте, где все двигаются потоком, рекой? Понятно, всех, кто идет навстречу, можно не принимать во внимание. Но как выделить излишне любопытных среди попутчиков? Не те ли сумрачные люди на скрипучей повозке под тентом? Нет, не похоже, они и на дорогу-то не смотрят, полностью доверившись двойке исхудавших лошадей, что понуро плелись, цокая подковами по булыжнику. Или вон те шумные парни в одинаковых черных балахонах... Хотя это наверняка студенты. Интересно, что позвало их в путь? Может, они не городские и отправились домой, когда случился перерыв в учебе? Даан слыхал, что в школах есть перерывы. Даже слово специальное ему когда-то называли, обозначающее отдых для студентов. Даан порылся в памяти, и нужное слово, как всегда, быстро отыскалось. Каникулы. Точно.

Даан отвлекся от разглядывания студентов, едва не налетев на медленно тащившегося старика в каких-то невообразимых лохмотьях вместо одежды.

— Эй! — устало сказал старик с сильным акцентом Архипелага. — Осторожнее!

— Простите, уважаемый, — смутился Даан. — Я не хотел вас толкнуть...

— Когда идешь по дороге, смотреть нужно вперед, а не за спину! — назидательно сказал старик, указывая пальцем в сторону, куда надлежало смотреть.

— Да-да, конечно, — поспешил согласиться Даан. — Простите еще раз.

Монахи обогнали старика. Су То недовольно проворчал:

— Чего ты извиняешься перед каждым бродягой...

Даан промолчал. Не хотелось заводиться. Насколько помнилось, раньше извинений Даан никому не приносил, ни бродягам, ни вельможам. Тем не менее он не стал возражать спутнику. Как ему объяснишь, что... Даан не мог подыскать нужные слова.

В общем, не похож был этот старик на простого бродягу. Балахон его только напоминал одежду бродяг: Даан заметил, что балахон был чистым. Где вы встретите бродягу в чистой одежде? И вообще старик выглядел ухоженным: борода подстрижена, башмаки вполне крепкие, даже ногти на руках чистые — Даан и это успел отметить.

Даан перестал оглядываться.

— Су... — сказал он поморщившись. — У тебя нет чувства, что за нами идут?

Южанин набычился и негромко спросил:

— И тебе тоже показалось? Я не хотел попусту беспокоить тебя, раз ничего особенного не заметил, но в спину нам пялятся — это точно.

Теперь Даан не сомневался. Если и Су То почувствовал слежку, за ними действительно наблюдают. Монахи пятого круга привыкли доверять чутью.

— Давай сойдем с тракта, — предложил Даан. — Словно решили отдохнуть.

— Тогда нужно дойти до какой-нибудь придорожной харчевни. Или хотя бы до простого родника.

— А они есть по пути?

Су То пожал плечами:

— Должны быть.

Даан поразмыслил. Таким способом они, конечно, могут выявить соглядатаев, но удастся ли избавиться от них? Впрочем, их еще нужно выявить. Этим для начала и стоило заняться.

Но харчевен вдоль дороги, как назло, долго не попадалось. Не видели они и просто отдыхающих путников, поэтому шли и шли дальше, невольно ускоряя шаги.

Около полудня Су То не выдержал:

— Великий Каома! Так мы приведем их прямо к первому Месту, в Утан. Давай задержимся здесь — гляди, вон кто-то отдыхает.

Невдалеке и впрямь виднелось несколько повозок; вокруг них хлопотали торговцы-шаны. Тянуло дымом и запахом готовящейся пищи.

Су То, не дожидаясь ответа Даана, повернул к ним. После истертых тысячами ног булыжников тракта земля показалась мягкой и податливой, как ноябрьский снег. Даан последовал за южанином.

Торговцы при их виде оставили хлопоты и подозрительно воззрились на непрошеных гостей. Наверное, здесь водилось немало охотников пополнить дорожные сумы за счет других.

— День добрый, почтенные! — миролюбиво сказал Даан, приблизившись. — Легок ли был ваш путь? Удачны ли сделки?

Один из шанов, грузный мужчина в возрасте, с трудом маскируя неприветливость в голосе, осведомился:

— Что тебе за дело до нашей торговли? Ступайте своей дорогой и не лезьте к нам. Не то...

Шан не стал уточнять что именно произойдет если монахи не уйдут, но, наверное, он хотел сказать, что им не поздоровится.

— Не думайте, что мы лихие люди, — сказал Даан невозмутимо. — Мы мирные путники, просто у нас закончилась вода. Нет ли здесь поблизости источника?

Шан недоверчиво смерил их взглядом. Потом обернулся и негромко позвал одного из своих спутников:

— Гаат! Налей им воды.

Невзрачный паренек, весь какой-то затравленный и помятый, мигом принес большую чашу. Даан с наслаждением выцедил половину и передал ее Су То. А сам тем временем поглядел на тракт.

Прямо напротив них стояла повозка, вокруг нее сгрудились человек двадцать. Похоже, у повозки что-то стряслось с передними колесами. Хозяева, громко причитая, суетились, зеваки наперебой давали советы.

Су То вернул чашу Гаату и негромко, чтоб слышал один Даан, сказал:

— Это они и есть. Не владельцы повозки, а зрители. И повозку сломали они — вон те двое, в красных халатах. Я видел.

Красные халаты. Цвет клана Орла. Даан вздохнул. Неужели снова придется от них отбиваться?

Соглядатаев насчитывалось десятка с полтора. Многовато.

— Напились? — поинтересовался из-за спин шан-предводитель. Даан спохватился и обернулся к нему.

— Да, уважаемый. Спасибо.

— К чему мне твоя благодарность? — пожал плечами собеседник. — Лучше будет, если вы пойдете своей дорогой.

Даан заметил, что он тоже с тревогой приглядывается к Орлам на тракте. Боится, что ли?

— Пойдем, — шепнул Даану Су То. — Теперь мы знаем, кого опасаться.

Поклонившись торговцам, они пошли к тракту, но не к месту, где застряла злополучная повозка, а немного южнее. Орлы тотчас утратили интерес к ремонту и рассыпались: часть побежала к месту, где Даан и Су намеревались выйти на тракт, часть осталась у повозки, часть направилась прямо к монахам.

Даан замер. Все. Стычки не избежать. Как не вовремя они пустились в самостоятельный путь! Матурана и Ихо — бойцы не из слабых, хоть островитянин и сражался исключительно редко. Если бы их было четверо — появился бы шанс против полутора десятков Орлов. Вдвоем же отбиться скорее всего не удастся.

Впрочем, если бы их было четверо, и Орлов бы послали больше. В который раз Даан позавидовал дальновидности Матураны: пойди они с караваном, чихали бы сейчас и на сотню Орлов.

Но увы, окрестности Столицы — не северные горы. Даан, чувствовавший себя уверенно только в горах, понял, что просчитался. Пошел на поводу у Су То, и вот результат. На удивление скорый.

Су То тоже остановился, поудобнее перевешивая сумку с Оком. Выглядел он спокойным. Интересно, жалеет он об уходе или нет?

Орлы приближались. С двух сторон. Даан обернулся, прикидывая, сумеют ли они уйти прочь от тракта. До самого горизонта простирались крестьянские поля. Плоская, как стол,

равнина не могла укрыть и средних размеров собаку, не говоря уже о людях.

Оставалось уповать на собственные силы и на добрую волю всемогущего Каома.

Первые Орлы оказались совсем рядом, и Даан с головой погрузился в схватку. Мышцы слаженно заработали, а кулаки и ступни затянули старую песню смерти.

Даан заранее настроился на поединок со многими, поэтому с некоторым удивлением отметил, что ему противостоят лишь двое. Правда, оба очень искусные, Даану приходилось весьма туго. Расслабив внимание, он разглядел, что у них появились неожиданные союзники. На Орлов, оставшихся на тракте, насели хозяева сломанной повозки. А совсем рядом с монахами возник недавно встреченный на дороге старик, притворявшийся бродягой. Тот самый, которого Даан едва не сшиб с ног. Рядом с ним бестолково топтались шестеро — целых шестеро! — Орлов, а еще двое неподвижно валялись на земле. Су То сражался с одним и явно побеждал, потому что его противник лишь с трудом отбивался и все время отступал к тракту.

Осознав, что все поворачивается не в их пользу, Орлы перегруппировались. Рассыпались, как стая воробьев, и взяли троицу в кольцо.

Даан, Су То и старик оказались рядом.

Архипелаг. Снова Архипелаг — Даан подумал, что острова вдруг стали слишком сильно чувствоваться здесь, в самом центре Бодхайской Империи. Старик ведь сражался совсем как Матурана, не ударами, а увертками и бросками.

На дороге Орлов положили — Даан с удивлением разглядел у повозки черные балахоны студентов. И еще с той стороны спешил не кто иной, как Матурана, и лицо его было сердитым до невозможности.

Орлы разом напали. Даан сбил одного, Су То сцепился со вторым, а с остальными быстро и невероятно красиво справился старик. Все естество Даана протестовало и говорило, что так не сражаются, но тем не менее Орлы, скопом кинувшиеся на старика, почти все промахнулись; двое из них странным образом крутнулись, потеряли равновесие и упали. Прежде чем они достигли земли, старик коротко коснулся их руками. Результат — у одного сломанная шея, а у второго, похоже, ключица. Следующая атака — еще двое валятся на землю.

И все сразу закончилось. Орлы проиграли схватку со стариком.

— Великий Каома! — сказал потрясенный Даан. Старик, без сомнения, великий мастер. Равный Высшим, равный даже Верховным Настоятелям — Бину и Тао. — Как это называется, уважаемый? Это ведь не ши-тао?

Старик, снова ставший мирным и на вид совершенно безобидным, с интересом поглядел на Даана.

— Верно. Это не ши-тао. Это айдзу-то-домэ. Тебе понравилось?

— Очень! — честно признал Даан.

Тут подоспел Матурана. Гневно глянув на монахов, он не удостоил их даже словом. Зато низко поклонился старику:

— Здравствуйте, Учитель!

Даан и Су То даже рты приоткрыли от изумления. Чудеса продолжали вязаться в причудливый узор, и тона Архипелага проступали в нем все отчетливее.

Самостоятельный поход незадачливых монахов выдался совсем коротким — неполных восемь часов.

Глава шестая

1

Караван полз по предрассветному городу, словно диковинная змея. Десятки повозок, вьючные лошади, буйволы, верблюды и даже два невесть откуда взявшихся яка. Далаты и погонщики шагали по улицам, перебрасываясь короткими фразами: поход только начался, и настроение у всех было приподнятое. Стражи, проводники и торговый люд отсиживались под тентами. Только всадники из конной охраны носились вдоль вереницы повозок и вьючных верблюдов, наблюдая, чтоб никто не отстал. А то совсем недавно какие-то шутники в Чжуне нанялись в караван погонщиками и спустя семь минут после отхода от постоялого двора завернули пару повозок в боковые улочки и этого никто не заметил! Даже хозяин, ехавший у соседа под тентом. Повозки потом нашли в припорто-

вых кварталах, пустые, конечно же. Груз ковров работы мастеров Архипелага растворился в многолюдном городе без следа. Над несчастным торговцем коврами смеялся весь Бодхай.

Даан сонно таращился на подернутые утренними сумерками улицы Столицы. Рядом дремал Су То, вновь завладевший сумкой с Оком. Ихо, зевая, возился за спинами Матураны и начальника легкой охраны Поона. Последние дни перед выходом Ихо большей частью отлеживался после стычки с Орлами в Кольце Площадей.

Больше всего Даана беспокоил Су То. Южанин выглядел невозмутимым и равнодушным, но Даан подозревал, что он много чего высказал бы Матуране при случае, и поэтому старался не оставлять их наедине.

Из южных ворот караван вышел одновременно с рассветом. Багровый диск Солнца всплыл над горизонтом и с каждой минутой становился все более ослепительным. Под тентами сразу стало светло, полумрак рассеялся, уступая место народившемуся дню. Даан уныло глядел на тракт, по которому они с Су То проходили несколько дней назад. До сих пор, вспоминая это, Даан чувствовал себя неловко. Особенно перед Матураной. Впрочем, островитянин не сказал монахам ни единого слова, не бросил ни одного упрека. Но Даан знал, что Матурана сердится. Да и как не сердиться: от до-избранников, которые пуще всего должны беспокоиться о благополучном исполнении Обряда, последнее время больше помех, чем помощи. Получалось, что практически все, что было сделано для исполнения Обряда, — заслуга в основном Матураны. Спрашивается: зачем ему лишние хлопоты? Зачем терпит он рядом с собой нерадивых монахов?

Даан готов был сгореть со стыда.

Он даже узнал то самое место, где стояла телега, сломанная Орлами. Конечно, никаких следов недавней стычки не сохранилось, слишком много людей прошло здесь с тех пор и слишком много повозок прогрохотало колесами по старому булыжнику.

Пока у легкой охраны дела не было. Да и не предвиделось: вооруженные стражи бдили и в пути, и на стоянках, легкая же охрана вмешивалась только при нападении на караван. Даану, Су То и Ихо даже мечей не дали, хотя практически все,

кто попал в подчинение к Поону, получили оружие. Матурана вскоре после того, как покинули Столицу, выпрыгнул из повозки и убежал в голову каравана. Там же большей частью пропадал и Ман, горец-велш.

На второй день мощенная булыжником дорога кончилась. Остались позади возделанные поля и небольшие крестьянские деревушки. На пути каравана раскинулись бескрайние южные степи, где гонял облака пыли ничем не сдерживаемый ветер. Далеко на юго-западе лежали могучие горные хребты и Крыша Мира — Сагарматха, но отсюда горы не разглядел бы и взмывший в прозрачную высь орел. Там, на юге, всего в дне пути от океанского побережья, раскинулась неприметная долина Утан, скрытая от чужих глаз среди пологих холмов песчаного взморья. Но караван не дойдет до нее. Свернет задолго до того, как холмы можно будет различить в белесой приморской дымке.

Тянулась навстречу плоская, как пол в тауте, равнина, тянулись одинаковые дни. Караван медленно, но упорно, словно влекущий непосильный вес муравей, продвигался вперед. Днем Даан и Су То тряслись в повозке Поона, вечером сидели у костра и слушали разговоры и песни далатов и погонщиков. В караване собрался люд из самых разных мест — и горцы, и горожане, и жители восточного побережья. Темы для разговоров не исчерпаются до самого Токина, цели каравана, ведь Бодхай велик и его уголки непохожи друг на друга, а человеческой любознательности нет предела. Монахи, мало что повидавшие в жизни, жадно слушали эти вечерние рассказы.

Будни ежедневных переходов были до того однообразны, что Даан всерьез засомневался: а нужно ли нанимать столько охранников? Казалось, что в сердце степей напасть на караван просто некому. Впрочем, пусть все так и течет: меньше хлопот, Око целее, Утан ближе... Честно говоря, Даан уже устал от постоянного груза ответственности. Требовали отдыха измочаленные нервы. Ежесекундное ожидание подвоха утомило даже железную волю монаха.

На восьмой день проводники остановили караван раньше обычного. До заката оставалось еще немало времени. Даан выглянул из повозки: в голове каравана собрались человек сорок, о чем-то ожесточенно спорящих. Даан покосился на Су То — тот дремал вполглаза, по обыкновению. Ихо еще с утра ушел к Матуране.

Рывком вскинув тело в воздух, Даан выпрыгнул из повозки. Легкие облачка пыли поднялись у его ног и, клубясь, медленно поплыли на восток, хотя ветра совершенно не чувствовалось. Из-под тентов выглядывали купцы и далаты, озабоченно глядя на небо и туманный горизонт справа, на западе. Даан тоже поглядел: небо, как обычно в весеннюю пору, было прозрачным и бездонным. Горизонт выглядел как всегда, разве что на западе он был несколько темнее, чем на севере или, скажем, юге.

Матурана и Ман стояли рядом с караванщиками. Ман что-то негромко втолковывал вену, главному среди них. Остальные просто слушали, не смея вмешаться. Тут же, чуть в стороне, Даан заметил Ихо и приблизился к нему.

— Что стряслось? — спросил он негромко.

Ихо так же негромко ответил:

— Проводники всполошились... Говорят — погода портится.

Даан с удивлением взглянул на безобидно голубое небо без единой тучки.

— Гм... Что-то незаметно. Мне по крайней мере.

— Матурана сказал, что степь — не горы. Тут все иначе. Знаешь, я ему верю...

«Конечно! — подумал Даан. — Уж Матуране-то можно верить...»

— А чем нам помешает плохая погода? — сказал он вслух. — Дождь каравану не помеха, разве что дорогу развезет... Но все равно надолго это задержать не может.

Однако Ихо озабоченно покачал головой:

— Дождь что... Буря, похоже, надвигается, а что такое буря в степи — недавно рассказывали. Слыхал?

Даан слыхал. Рассказ особого доверия не вызвал, но впечатление произвел. Казалось невероятным, что ветер способен вытворять все, что ему приписывали. В горах ветер — тоже не подарок... А здесь ему нет препятствий. Да и проводники наверняка знают, что говорят и что делают.

Повозки расположили кольцом, покрепче привязав тенты к деревянным стойкам; животных ввели внутрь кольца, под защиту возникшей стены на колесах. Далаты скрепляли повозки между собой, вбивали в слежавшуюся землю длинные колья. Даан только головой качал, глядя на эти приготовления. Неужели буря так страшна? Хотя ему ли судить?

Небо на западе стремительно потемнело, солнце валилось в лиловую тучу, наползающую на степь. Далаты забегали быстрее, стараясь завершить все приготовления до ветра. Кони и буйволы беспокойно топтались, подавали голос, словно жаловались судьбе; наверное, тревога людей передалась и им. А может, они просто чуяли надвигающийся шторм. Верблюды и оба яка, наоборот, оставались спокойными, словно ничего не происходило, а они находятся в родных стойлах.

Туча уже заняла полнеба; вскоре налетел первый порыв ветра — резкий, неприятный, несущий мельчайший песок. Швырнув его в лицо людям, ветер торжествующе взвыл.

Даан отступил к повозке Поона и забрался под колышущийся тент. Ихо, пригибая голову, последовал за ним. В уютном сумраке повозки завывание ветра казалось не таким зловещим. Су То сонно что-то проворчал и вновь затих.

«Здоров же он спать!» — подумал Даан. Впрочем, сам он тоже спал последние дни много: грех не воспользоваться подвернувшейся передышкой.

Караван, вцепившись в сухую землю южной степи, подставил буре защищенный бок. Повозка скрипела, как стая саранчи, и заметно раскачивалась. В самый разгар бури под тент забрался Матурана. Волосы его были взъерошены ветром.

— Ух! — сказал он, отряхивая с одежды песок. — На день, не меньше. Отсыпайтесь, слуги Каома...

Су То недовольно взглянул на него: в повозке коротали непогоду несколько стражей, подчиненных Поона, и сам Поон. Но Матурана ничем не рисковал, ибо все живущие под двумя лунами могли считать себя слугами Каома.

— Мы и так уже от сна опухли, — вздохнул Ихо.

— Если хочешь, — лениво сказал Поон, — назначу тебя в ночную стражу.

— У меня меча нет, — ответил Ихо.

Поон ухмыльнулся:

— Ничего! Ман говорит, ты и с шестом неплохо управляешься...

«А Ман-то откуда это знает? — удивился Ихо. — Или Матурана разболтал?»

Впрочем, если островитянин рассказал велшу что-нибудь о навыках нанятых людей, значит, без этого не обойтись.

— Кстати, — продолжал Поон. — Неплохо бы поглядеть, на что вы способны. Ман считает, что вы сильнее моих людей.

— Ман ошибается, — вмешался Матурана. Голос его звучал лениво и равнодушно.

Су То приподнялся на локтях, от него так и расползалась волна негодования, но, столкнувшись с металлическим взглядом Даана, Су проглотил готовое сорваться с языка возражение и лишь тяжко вздохнул.

Поон отмахнулся от Матураны, словно от назойливой мухи:

— Да о тебе и речи нет, чужеземец! Я спрашиваю о людях из моей охраны, а не о проводниках! Проводники и не обязаны быть бойцами, так что помалкивай...

— Мы, конечно, не ровня тебе, Поон, — придав голосу максимально уважительный тон, сказал Даан. — Но, поверь, тоже кое-что умеем. Не зря же Ман нас нанял?

Поон кивнул:

— Это правда. Ман не стал бы нанимать неумех. Какую технику вы используете?

— Всеобщую. — Даан неопределенно пожал плечами.

Несколько мгновений Поон колебался.

— Кажется, ты не сказал всей правды. Всеобщей техники маловато для настоящего бойца. Особенно для отобранного Маном.

— Ты проницателен, — уклонился от прямого ответа Даан. — Но настоящий боец не станет попусту раскрывать свои секреты. Даже на словах.

— Вот поэтому я и хотел поглядеть на вас в деле.

— Спохватился, — буркнул Су То. — Который день уже в пути...

— Ничего. — Поон ничуть не смутился. — Каома учит не торопиться.

— Каома учит все исполнять в срок, — машинально поправил Даан. Потом подумал, что отменное знание Учения может выдать в нем монаха. Хотя Учение постигают все, каждый в той мере, которая отпущена ему свыше. Вдруг Даан ревностный последователь Учения?

— Верно! — согласился Поон. — Вот буря утихнет, пока снимемся — как раз успею на вас взглянуть.

И он откинулся на вытертую шкуру. Ветер затянул унылую песню непогоды, повозка раскачивалась, как живая, и скрипела.

Даан подумал, что не зря вспомнил о сроках: у них оставалось не так уж много времени. Скоро мощь того, кто Выше, вновь наполнит Око, и прикосновение к нему станет смертельным. И если они не успеют доставить Око к первому Месту, мир окажется у края бездонной пропасти.

2

Непогода бушевала всю ночь. Лишь к вечеру следующего дня порывы ветра начали слабеть, а жалобный скрип повозок стал заметно тише. Да и сами они больше не раскачивались, будто лодки на волнах. Отоспавшиеся люди оживились, тут и там из-под тентов выглядывали, щурясь, пытливые лица. Даан тоже выглянул. Небо посветлело, хотя песка в воздухе носилось еще предостаточно. Ветер уже не сбивал с ног; кое-где из повозок выбрались далаты и бродили, громко перекликаясь и постукивая сапогами по колесам.

— Эй, просыпайтесь! — Даан пихнул Су То и Ихо. — Сейчас, наверное, сниматься начнем.

Ихо недовольно заворочался:

— Какое сниматься? Вечер скоро. До утра никто не сдвинется.

Даан вздохнул и выпрыгнул на жесткий песок. Ветер еще не совсем унялся, швырнул в лицо горсть колючего песка и негромко взвыл. Даан выругался.

В тот же момент он споткнулся о тело мертвого далата-работника. Багровая лужа не успела еще засохнуть и потемнеть. Даан замер, спиной почувствовав опасность.

В тот же миг на него напали. Сразу двое. Оба по самые глаза закутанные в облегающие серые балахоны пустынников. На коротких мечах виднелись свежие кровавые потеки. Даан уклонился, сшиб одного из напавших и подобрал меч.

Справа от него зазвенело железо: кто-то из стражей рубился, невидимый, за повозкой.

Когда Даан прикончил и второго пустынника, Поон, Ихо и Су То выбрались из-под тента на шум и сейчас недоуменно глядели на трупы.

— Нападение! — прошипел Поон и дважды громко свистнул. Это был знак для охраны. А потом в круг повозок ворва-

лась целая орда пустынников. Даан заметил, как Су То поднял короткий меч и шагнул навстречу серой лавине. Еще оставалось время встать рядом с ним.

Когда Даан очнулся от сна битвы, мышцы ныли, требуя отдыха. Меч, руки и одежда были в крови — большей частью в чужой. Су То он потерял в поднявшейся суматохе; несколько раз он видел Ихо и Матурану; кажется, оба были целы, но присмотреться времени не оставалось. Почти всех пустынников перебили; из стражников уцелела лишь половина. Погибли также несколько купцов, с десяток погонщиков и далатов. Караван отбился.

Вен с помощниками, храня на лицах печать озабоченности, обошли стоянку. Ман и начальники охраны молча следовали за ними. Был выставлен кольцевой дозор; Ман лично проверил вооружение каждого стражника. Понятно, сегодня никуда уже караван не двинется.

Монахи и Ихо присели на песчаный бугорок, наметенный бурей у колеса повозки. Спустя несколько минут к ним присоединился Матурана. Су То взглянул на него, по обыкновению, неприязненно. В битве он чужеземца не видел.

— Что скажешь, островитянин? — спросил его Даан.

Матурана, казалось, не слышал вопроса.

— Кто пойдет со мной? Надо прочесать окрестности до темноты.

Все трое с готовностью приподнялись, потом обменялись быстрыми взглядами.

— Су, останься с Оком, — попросил Даан спокойно. — А я схожу.

Как обычно, это сработало. Южанин соглашался на все, лишь бы Око оставалось у него. Даан удовлетворенно вздохнул, хотя он устал после битвы с пустынниками, а сейчас предстояло несколько часов тыняться среди податливых песков и, возможно, снова сражаться.

— А я? — спросил Ихо.

Матурана колебался всего мгновение.

— Пошли.

Степь, совсем недавно выглядевшая цветущей и беззаботной, теперь больше походила на бесплодные пустыни запада. Ветер нанес целые барханчики песка, волнистые, словно по-

дернутый рябью океан. Травы прижались к почве, изогнув высохшие стебли, а те, что не сумели зацепиться корнями, унесло в пыльную даль. Даан знал, что первый же дождь смоет рыжий налет песка с плодородных степных земель, трава вновь зазеленеет и встанет в полный рост, и будут в зарослях шнырять увальни-бэхи, жирующие до следующей бури.

«Все, все под двумя лунами колеблется от жизни к смерти и опять к жизни. Мир непостоянен, и непостоянна воля того, кто Выше. Мы не можем уклониться от качания этого маятника, иногда только удается его чуть задержать. Да и то, когда он освободится и ускорится — шатаемся от поднятого им ветра...»

Даан не заметил, как караван исчез за горизонтом. Их окружила вылизанная бурей степь. Песок и сухие стебли хрустели под ногами. Матурана присматривался к волнистому рыжему налету, словно ожидал разглядеть следы злодеев-пустынников. Но ничто не нарушало правильную поверхность, песчинка к песчинке составлявшую мертвые волны.

— Ты знаешь, что за люди на нас напали? — спросил Ихо островитянина. Он даже не сомневался, что ответ Матуране известен. И он не ошибся.

— Знаю. Это люди Поющих Песков. Живут они далеко на юго-западе, за озерами и Бодхайской грядой.

— Что же привело их сюда? — удивился Ихо. Он краем уха слышал об этих кочевниках, берущих дань с каждого проходящего каравана. Но так далеко на восток их власть не распространялась.

— Наш караван. Точнее, мы четверо... и известная тебе ноша.

Ихо настороженно покосился на Даана, но монах сам с интересом прислушивался. Вот будь здесь Су То — он бы не потерпел, когда посторонние много рассуждают об Оке Каома.

— Неужели они тоже мечтают завладеть святыней? — спросил с недоверием Ихо. — Я думал, Обряд держится в строгом секрете...

— Нет. Они даже не знают что именно мы несем. Скорее всего их наняли Орлы. Ничего не объясняя. Поэтому они и забрались в чужие земли.

— А здешние бродяги, — поинтересовался Даан, — напасть могут?

Матурана на ходу пожал плечами:

— Вообще-то им заплачено. Но у Миина Кана в своре тоже сущие головорезы. Если Орлы предложат им больше, нападут.

Даан покачал головой. Дела! Оказывается, пустынные земли давно поделены, и хозяйничающие на них разбойники берут мзду за право прохода. Наверное, немалую. Неужели торговля приносит такие барыши, что хватает и на откуп от этих ненасытных?

Вскоре Матурана остановился, пристально вглядываясь в слабые росчерки на песке. Здесь прошли скорее всего незадолго до того, как буря утихла, но уже позже самого страшного времени. Даан и Ихо тоже уставились под ноги, но видели лишь неясные оплывшие вмятины, заметные, только если долго их высматривать. Матурана же так и зыркал по сторонам, словно книгу читал.

— Понятно, — сказал он некоторое время спустя. — Они долго следовали за нами. А перед бурей прятались от людей Миина. Значит, с Миином стоит поговорить.

Даан переглянулся с Ихо. То, что Матурана прочел на песке, для них осталось тайной за семью печатями. Поражаться способностям чужеземца уже не было сил. И ведь он ровесник и монахам, и Ихо, а насколько больше знает об окружающем мире! И это он еще в чужой земле. А дома? — тут же возникал невольный вопрос. У себя дома он наверняка чувствует себя еще увереннее...

Спустя час или полтора их окликнули. Матурана петлял по степи, словно кого-то выискивал. Собственно, Даан сразу понял, что он ищет того самого Миина Кана. Или его подручных.

Перед путниками словно из-под земли возникли трое закутанных в такие же, как и у пустынников, балахоны, только не серые, а буро-зеленые. Рук их, скрытых под одеждой, Даан не разглядел, но не сомневался, что каждый сжимает какое-нибудь оружие.

Матурана заговорил с ними на полупонятном диалекте, то и дело вкрапляя целые реплики из жаргона столичной шпаны. Даан понимал его плохо; Ихо — с пятого на десятое. Но общий смысл Ихо все же уловил.

— Они знают о нападении, — шепнул он Даану. — Спрашивают, много ли наших погибло.

Даан исподлобья взглянул на Ихо, словно удивлялся, что тот понимает странно исковерканные фразы.

— Требуют доплатить за охрану... — продолжал переводить Ихо.

Матурана спокойно возразил, а когда один из троих потянул из складок балахона меч, добавил короткую хлесткую фразу. Вспыльчивый обернулся и свистнул; появился четвертый, ведя под уздцы низкорослых мохноногих лошадок. Матурана и двое степняков вскочили в кожаные седла, причем островитянин скользнул на круп лошадки так ловко, что невольно подумалось, будто он всю жизнь только и занимался, что шатался верхом по окрестным степям.

— Я к Миину загляну, — негромко сказал он Даану. — Вернусь затемно. Передай Ману, что все будет улажено. Караван во-он там, держите закат за правым плечом и скоро выйдете.

— Удачи, — спокойно пожелал Даан и направился к каравану. Здесь не задают лишних вопросов и ничему не удивляются — понял он. Ихо молча последовал за ним. Он ведь тоже был из понятливых.

Кольцо повозок они разглядели вдали, когда начали сгущаться сумерки.

3

Матурана вернулся ночью. Малая луна отсветила свое и склонилась к югу; а над Миром вставала большая, желтая, как сыр, в ноздреватых разводах пятен.

Вернулся он не один, а в окружении дюжины диковатого вида степняков-подручных Миина Кана. Ни на кого не глядя, все соскочили с коней и направились к повозке вена. Даан заметил, что у Матураны руки схвачены за спиной жгутом из жил быка-сона. Как чужеземец умудрялся при этом скакать на коне и не падать — осталось загадкой. Лицо у него хранило печать безразличия, но Даан сразу понял — произошло нечто непредвиденное.

Буквально через несколько минут у повозки Поона возник запыхавшийся страж:

— Даан Геш, Су То и Тин Пи — немедленно к вену!

Монахи переглянулись, а начальник легкой стражи недовольно нахмурился:

— С каких это пор моими людьми распоряжается вен? Его дело — вести караван.

Страж виновато развел руками:

— Что-то стряслось, не иначе, Высший. Эти, — он недовольно повел бровями в сторону центральных повозок, — в балахонах, оружием так и бряцают...

Поон не ответил, просто выскочил в темноту южной ночи вместе с троицей. Звезды тускло мерцали на угольном развороте неба, их свет скрадывался желтым сиянием большой луны. Меж стоящих кольцом повозок шелестели, пожирая высохшую траву, костры, вокруг которых расселся караванный люд. Не слышалось обычных вечерних разговоров, все настороженно молчали. Сначала буря, потом пустынники, теперь еще кто-то...

Под тентом вена было светло и просторно; натянутые шкуры впитывали копоть горящих светильников. Вен с напряженным лицом сидел перед наспех собранным угощением. Рядом развалился на подушках один из пришлых. Остальные, разбившись на две группы, устроились поближе ко входу: Ман и несколько купцов из тех, что побогаче, да пяток степняков, недвусмысленно обнаживших мечи. Матурана на коленях стоял перед веном.

— И ты нанял их, Ман! Этих пройдох! — выговаривал велшу первый караванщик. — Как ты мог!

— Их рекомендовал Басагурен, — холодно отозвался Ман.

— Наверное, письма были поддельные! — продолжал сокрушаться вен, косясь на предводителя степняков.

— Письма были настоящие. — Голос Мана остался ровным и бесстрастным. — И нам не в чем упрекнуть этих людей. Они честно выполняют свои обязанности, и нареканий от Поона я не слышал.

Вен всплеснул руками, как показалось Даану — преувеличенно горестно.

— Из-за них у каравана трудности! Я вынужден буду требовать компенсации с островной общины и поставлю в известность госпожу Дон Хи...

— Госпожу Дон Хи я поставлю в известность сам. А что до трудностей — мне неизвестны претензии клана Гута Фо к этим

путникам. И мне нет до этого дела. Пусть забирают всех четверых, если хотят, но дополнительно платить Дон Хи за проход по этим землям не будет.

Вен с готовностью обернулся к предводителю степняков, слушавшему без единого звука, но, несомненно, с живейшим вниманием.

— Ну, уважаемый? Что скажет хозяин степей на это предложение?

Видимо, Орлы посулили степнякам денег за задержку каравана. И теперь Миин торговался, пытаясь понять: какой куш больше? Тот, что можно содрать с испуганных караванщиков, или же предлагаемый Орлами? Вен, конечно, рад был избавиться от трех охранников и проводника и не платить при этом ни гроша.

Предводитель пришлых не спешил. Пожевав губами для пущей важности, он гнусаво объявил:

— Хозяин подумает. Мы забираем эту четверку с собой. А вам не советую сниматься с места, а то, знаете ли, в степи всякое случается...

Он поднялся. Даан перехватил его взгляд, устремленный на сумку, висящую на боку Су То. У Даана похолодело внутри. Что он знал об Оке?

Монахов и Ихо крепко взяли за локти и вытолкнули из-под тента. Су То тут же, не разбираясь, положил ближайшего степняка неуловимым «ударом грома», но когда у горла южанина оказался кривой, острый, словно зуб дарка, нож, осталось только замереть. Даан даже этого не успел: клинок уперся ему между лопаток. А из освещенного пузыря повозки на это смотрели удовлетворенный вен и бесстрастный горец-велш. Когда монахов утихомирили, из повозки выпихнули и островитянина.

Потом была недолгая скачка через степь. Руки Даана, Су То, Ихо и Матураны привязали к стременам, и они вынуждены были изо всех сил нестись рядом с резвыми степными лошадками. В темноте недолго было сломать или вывихнуть ногу, но всадникам на это было глубоко наплевать.

К стоянке Миина Кана они прибыли совершенно измотанными. Су То судорожно сжимал сумку с Оком, готовый умереть за нее, но умереть ему не дали. Огрели по затылку древ-

ком тулана и отобрали святыню. Даан смотрел на это чужими глазами. На что надеяться? На чудо?

Матурана отчужденно уставился в пустоту. Бородатый и толстый предводитель степняков, скаля неровные желтые зубы, принял сумку из рук одного из своих прихвостней и вынул Око Каома.

Даан даже дышать перестал. Миин взял Око голыми руками!

Дыхание вернулось, когда все степняки из своры Миина, сбившись в тесную толпу, стали передавать друг другу Око. Ненадолго, всего на несколько секунд. Они словно приносили какую-то клятву, хотя Даан не слышал ни единого слова. Но надежда тут же вернулась к нему: ведь касаться святыни могут только родившиеся весной в год Тигра-воина. Остальные люди умрут, прикоснувшись к ней. Не сразу, но неизбежно умрут. Степняки этого явно не знали. А значит, монахи, Ихо и чужеземец скоро останутся со связанными руками среди трупов. Если только степняки не убьют их раньше.

Даан обернулся к Матуране — едва заметная улыбка тронула уста островитянина. Он, конечно же, все понял.

Вершителей Обряда, связав попарно, оставили коротать ночь рядом с лошадьми. Запах пота и навоза впечатался в ноздри, но четверо измученных пленников скоро перестали его замечать. Миин явно не собирался говорить с ними, по крайней мере до наступления утра. А до утра Око успеет раздавить здоровье нечестивцев мощью небес и тверди.

Засыпая, Даан разглядел на фоне заходящей луны странно знакомый силуэт. Пригнувшись, человек скользнул во тьму, растворился в густой ночи. Даан готов был поклясться: с этим человеком он встречался, и притом недавно. Однако вспомнить его не мог, сколько ни напрягал память.

Тяжелый сон овладел им, как цунами прибрежной деревушкой.

Разбудил Даана луч солнца, что нагло ломился в глаза, не успевшие привыкнуть к свету. Был полдень. Пленников никто не удосужился разбудить. Некормленые лошади беспокойно топтались рядом. Даан пошевелился, потревожив Су То, к которому был привязан колючей просмоленной веревкой. Небось степняки отобрали ее у какого-нибудь торговца снастями, направлявшегося в один из южных портов... Су То тихо

зашипел от боли. Волосы его слиплись от запекшейся крови, Даан видел это. Если скосить глаза, можно было разглядеть даже разбитое лицо южанина. Досталось ему вчера...

— Попробуем встать? — спросил Даан. Су То молча кивнул, забывая, что обращен к товарищу боком и тот может и не увидеть. Но Даан увидел.

С третьей попытки им удалось кое-как подняться и даже, пошатываясь, некоторое время простоять. Но путы и затекшие от долгой неподвижности мышцы не позволили простоять долго — они упали на колючие стебли степной травы, припорошенной рыжим песком, следом недавней бури. Впрочем, того, что Даан успел заметить, было достаточно.

Трое степняков недвижимо валялись у походного шатра, и сразу было ясно, что они мертвы. Либо на шаг от смерти. Око опалило их дыханием божественных сил, а выдержать такое могли лишь избранные.

Рядом закряхтел Ихо; Матурана не издал ни звука, хотя Даан понял, что чужеземец давно не спит. Безучастно вперившись в пустоту, он застыл, как каменный идол у ворот Храма. Даже выражение глаз такое же, словно глядит он внутрь себя, а не перед собой.

— Скоро Око убьет всех, — хрипло сказал Даан и закашлялся. — Кто нас тогда развяжет?

Матурана не ответил. Зато отозвался Су То:

— Попробуй ослабить веревки у меня на руках.

И легонько коснулся одеревеневших ладоней Даана пальцами. Даан попробовал. Получалось плохо, руки совсем не слушались.

«Проклятие! — подумал он. — Когда перемрут люди Миина, мы останемся одни посреди степи, совершенно беспомощные. Нас сожрут шакалы, если раньше не убьет жажда».

Без воды можно выдержать дня три. Это при том, что почти сутки как они не пили и жажда уже дает о себе знать. Вот-вот начнут докучать голод и Солнце. Точнее, Солнце уже начало: пекло немилосердно, и спрятаться от него шансов не было. Негде. Разве что в шатер Миина, но там скоро такая вонь стоять будет, что лучше уж Солнце...

Из шатра донесся болезненный стон. Колыхая кожаный занавес у входа, один из степняков силился выйти наружу.

Ноги едва несли его; шатаясь, он выпутался из скрипящих складок, сделал несколько неверных шагов и рухнул лицом в землю. Жизнь уходила из него медленно и мучительно, но у осквернившего святыню быстро не осталось сил даже на то, чтобы стонать. Даан внутренне содрогнулся. Не приведи Каома к такой смерти!

К вечеру жажда стала нестерпимой. Попытки развязать или хотя бы ослабить путы ни к чему не привели — веревки стягивали запястья и лодыжки так же надежно, как и ночью. Ничего не вышло и из затеи доползти до шатра и поискать воду. Вдвоем Даан и Су То сумели лишь немного сдвинуться с места около лошадей, совершенно при этом обессилев. Солнце нещадно жгло непокрытые головы, вытягивало из пленников последнюю влагу. Лишь когда оно склонилось к горизонту, стало полегче, хотя духота казалась нестерпимой. Бунтовало иссохшее горло, а губы вдруг стали чужими и бесчувственными. Даан где-то в глубине души поражался: совершенно не замечаешь роли воды, если удается пить каждый день. Но стоит часов тридцать остаться без питья, и даже думать ни о чем другом не получается...

Несколько раз в шатре раздавались тихие стоны. Невозможно было определить — стонет это один человек, или же смерть настигает степняков по очереди, и стонут они перед последним шагом в этом мире — шагом за порог.

Удивительно, но степные лошадки покорно стояли у вбитого в землю кола, служившего коновязью, хотя нетрудно было понять, что жажда докучает и им. Пленники погружались в тяжелую, полную болезненного бреда ночь, с ужасом думая о завтрашнем дне, когда снова встанет Солнце.

Во второй день они парами доползли до шатра, ободравшись до крови, но внутрь протиснуться так и не сумели. Ни Даан с Су То, ни Ихо с Матураной. Голод, потерзав их, отступил, зато жажда едва не сводила с ума. Стоны в шатре прекратились. Последний из людей Миина, наверное, рожденный в год Тигра-воина, но не весной, и поэтому продержавшийся дольше всех, медленно уполз в степь. Сколько ни звал Ихо, чего ни сулил и чем ни угрожал — он остался безмолвен. Даже не посмотрел в сторону пленников.

Ночью Даану снова померещилась знакомая фигура. Наверное, начинался бред. Впрочем, посреди ночи Ихо тоже стал кого-то звать, но крики его умирали в темноте, и ни намека

на ответ не прозвучало. Но Даан теперь не знал, что и думать. В самом деле, не мог же привидеться знакомый незнакомец одновременно двоим? Впрочем, в их положении, пожалуй, мог и всем четверым.

Утром Даан очнулся от короткого прикосновения к лицу. С трудом разлепив веки, он увидел склонившегося над собой мужчину в пропыленной дорожной одежде. В руке пришелец держал плоский кувшин. Даан вперился в него взглядом — была ли внутри вода? Мужчина вынул затычку из узкого носика и поднес кувшин ко рту Даана.

Никогда еще вода не казалась такой вкусной, хотя на самом деле она отдавала тиной и была слишком теплой. Хотелось пить еще и еще, но Даан подумал о спутниках и после нескольких добрых глотков с неохотой оторвался от живительного сосуда.

Незнакомец невозмутимо напоил всех четверых и лишь после этого перерезал веревки на запястьях пленников.

— Ман сказал, что караван вам незачем догонять. Удачи.

После этого он развернулся и неторопливо ушел в степь, ни разу не взглянув себе за спину.

Даан поднялся и на непослушных ногах побрел к шатру. Су То, разминая затекшие руки, шел рядом. Отбросив кожаный занавес, монахи вошли внутрь и сразу увидели Око: оно покоилось на ковре, перед мертвым Миином Каном. Тут же рядом валялась и сумка Су То; только сейчас Даан обратил внимание, что она изрядно обветшала и вытерлась. На швах торчали непослушные выбившиеся нити, обожженные на кончиках.

Глядя на Су То, вернувшего Око в сумку, а сумку — на плечо, невозможно было не улыбнуться, настолько южанин выглядел счастливым. Даже синяки и корка запекшейся крови во всклокоченных волосах казались чем-то несущественным и пустячным.

Потом они нашли мех с водой и напились до свинцовой тяжести в желудках. Хотелось пить еще, впрок, но больше в них скорее всего не влезло бы. Потом напоили оживившихся лошадей, Ихо даже насыпал им зерна из притороченных к седлам мешков. Нашлась пища и людям: Даан принес несколько лент копченого мяса и головку козьего сыра. Они отошли подальше в сторону от стойбища степняков, чтобы дух смерти, витающий у шатра, не мешал.

К полудню вершители Обряда почувствовали себя настолько лучше, что решили немедленно трогаться в путь. Вскочив на неприкаянно топчущихся лошадей, они отправились на юг по старой караванной тропе. Матурана снова вел монахов, а Ихо молча следовал за остальными. Что-то неуловимо изменилось в отношениях между ними. Во всяком случае, Даан чувствовал, что стал другим после этих дней и ночей в сердце степи. И никогда не стать ему прежним — старательным монахом, знающим о мире за стенами обители лишь понаслышке.

Свободные лошади увязались следом и мерно топотали позади, а навстречу распахивалась необъятная степь, надевшая на этот раз приветливое лицо. Но четверо в седлах знали, как легко она меняет лица, и теперь были готовы ко всему.

4

В который раз Той замер на мгновение перед дверью в покои Гута Фо. Глубоко вдохнул и вошел, словно окунулся в холодный горный поток.

Гут Фо резко обернулся и, будто не замечая помощника, провел быструю серию ударов, от простого «среднего когтя» до «дыхания Бога-Хти». Той невольно залюбовался: техника главы клана была совершенна, как тристишия Гая.

Завершив серию и очистив дыхание, Гут Фо открыл глаза и набросил халат на широкие плечи.

Той молча ждал, пока хозяин обратит на него внимание. А тот словно в размышления погрузился: застыл на полпути к креслу, с сомнением покачал головой. Потом все же сел и холодно воззрился на Тоя.

— Что же помешало тебе на этот раз, верный мой помощник?

Той еще раз прокрутил в голове загодя подготовленные фразы.

— Пока неясно, хозяин. От клана Поющих Песков караван отбился собственными силами, и не скажу, что охрана сильно при этом утруждала себя. Я не верил в эту затею с самого начала, если вы помните.

Гут кивнул: он действительно помнил.

— А что же пройдоха Миин? Ты достаточно заплатил ему?

— Конечно, хозяин. Заплачено ему сполна, и дошла весть, что Миин захватил святыню. Но от него никто не явился в условленное место — боюсь, стряслось нечто непредвиденное.

Гут проявил следы заинтересованности:

— Ты хочешь сказать, что он затеял собственную игру?

Той пожал плечами:

— Не исключено. Я навел справки — его люди не пришли за обычной данью сразу в несколько мест. Такого еще не случалось. С тех самых пор, как Миин зарезал Черного Бада и занял его место.

Гут побарабанил пальцами по гнутому подлокотнику. Потом встал.

— Готовь своих людей, Той. Едем к Миину. Пора показать всем этим гордецам, кто на самом деле хозяин.

В дверь осторожно стукнул мальчик-слуга.

— Гонец к мастеру Тою! — сказал он ломающимся подростковым голосом.

Той вскочил, испрашивая разрешения идти, но Гут Фо коротко рубанул ладонью пахнущий благовониями воздух:

— Пусть идет сюда!

Тотчас слуга ввел гонца — пыльного юношу с печальными, навыкате, глазами горцев-станов. Юноша поклонился и, не дожидаясь команды, обратился к Тою:

— Миина Кана нашли. И его, и всех его подручных. В степи. Мертвых. Раковины с ними нет, лошадей тоже кто-то увел. По следу отправились люди Хти.

Гут Фо исподлобья взглянул на Тоя:

— Едем! Немедленно!

Той поклонился и, жестом отсылая гонца, вышел вслед за ним в полутьму коридора.

Глава седьмая

1

Утан был теперь совсем близок. К завершению Обряда Су То оживился, Даан же чувствовал только пустоту в душе — он слишком устал. Впал в обычное молчаливое оцепенение Ма-

турана, и только Ихо сохранил остатки любопытства и живо вертел головой, разглядывая прибрежные скалы. За ними тяжело ворочался океан, доселе невиданный монахами. Даан узрел его именно таким, каким описывали монастырские свитки, — похожим на реку, но лишь с одним берегом. И еще Даан знал, что океанскую воду нельзя пить.

Четверка мохноногих лошадок неторопливым шагом продвигалась на запад вдоль берега. Берег был высокий; кое-где он круто обрывался в воду, кое-где громоздились причудливые скалы, вылизанные океаном, кое-где удалось бы, пожалуй, спуститься к волнам, прыгая с камня на камень. Где-то недалеко в таких же скалах пряталось Первое Место. Цель их похода.

Лошадки без седоков следовали чуть сзади. Иногда они отставали настолько, что совсем пропадали из виду, но всегда догоняли четверых всадников. Их не гнали — зачем? Пусть идут, если хотят. Вдруг что-нибудь случится с какой-нибудь из верховых, всегда можно будет пересесть на другую. Да и следы не четырех, а полутора десятков коней могли сбить с толку преследователей. Правда, насчет этого не обольщался даже Даан, не говоря уж о Матуране: любой следопыт без труда отличит следы лошади с седоком от следов свободной.

Когда впереди показались щетинистые горбы поросших лесом холмов, Матурана натянул поводья. Холмы, смыкаясь в неровную цепь, опоясывали небольшую уютную долину.

— Дошли? — осторожно спросил Ихо.

Матурана проворчал:

— А разве мы уже там?

Ихо пожал плечами и вздохнул.

Матурана вновь тронул лошадку, а Даан, взглянув на пыльную землю, различил едва заметную тропу, что вела как раз к холмам.

Священное место пряталось за холмами, в крохотной долине. Где-то в прибрежных скалах, изобиловавших гротами.

«Неужели Орлы потеряли наш след? — подумал Даан с надеждой. — Закончить бы все, сдать Око хранителям — и отоспаться. С чистой совестью, не вздрагивая ночью от каждого шороха...»

Но чутье подсказывало: так просто все не закончится. Орлы наверняка готовят финальный подвох, ведь это их последний шанс. Упустят — придется ждать двадцать четыре года.

И совершенно непоследовательно Даан подумал, что сейчас, в эти самые дни, родились те, кому вершить следующий Обряд. Двое (или трое) младенцев, которым предстоит стать сначала монахами, потом — избранниками-до, победить на Турнире... А третий — скорее всего островитянин — будет постигать секреты странного искусства, зовущегося айдзу-тодомэ... Но сперва они — Даан, Су То, Матурана и Ихо (что бы там ни говорил южанин, Ихо тоже помогает исполнять Обряд) — должны донести Око до священного Места в долине, чтобы Мир не рухнул, как домик из костяшек маджонга. И чтобы были эти двадцать четыре года — время, за которое сегодняшние младенцы успели бы повзрослеть.

Холмы ползли навстречу, словно огромные ленивые черепахи. Даан глянул налево — плоское полотно моря увеличивалось в размерах по мере того, как они поднимались. Холмы из степи казались низкими, но стоило глянуть на далекую полосу прибоя, как сразу чувствовался перепад высоты. Тот, кто вырос у отрогов Сао-Зу, умел чувствовать высоту.

Четверо всадников упрямо карабкались на морщинистый купол. «Наверное, скоро нас перехватят хранители Места, — подумал Даан. — Не могут же они нас не встретить?»

Мысль неожиданно подбодрила — до сих пор как-то не приходило в голову, что у первого Места вершителей Обряда станет больше, а значит, не так страшны будут недруги. Даан тут же поделился ею с Матураной; глаза Су То сузились еще сильнее, а Ихо откровенно обрадовался. Островитянин же вместо ответа молча протянул руку к северу. Даан ударил пятками в упругие теплые бока, заставляя лошадь развернуться.

Вереница черных точек ползла по степи к холмам, за которыми пряталась долина Утан. Хранителям не мешало бы поторопиться...

Они рванулись к вершине, несясь по едва намеченной тропинке. Миг, и долина открылась им во всей красе — густо заросший зеленью островок свежести в сухих приморских степях; серые зубы скал, торчащие там и сям из зелени; и словно обрамление этой драгоценности — неровное кольцо пологих, сросшихся боками холмов.

Поток теплого солоноватого ветра захлестнул их на лысой макушке горы. Здесь Матурана вдруг придержал коня и крикнул:

— Стойте!

Монахи и Ихо послушно натянули поводья. Это уже стало привычкой — слушаться Матурану. Они сначала повиновались, а потом уж начинали соображать: зачем, собственно?

Два десятка всадников поднимались на холм по северному склону. Островитянин неотрывно глядел на них.

— В чем дело? — сердито осведомился Су То. — Не лучше ли поспешить вниз? В долину?

— Там Место, — тихо сказал Матурана. — Нельзя выдать его.

— Но у нас Око, — возразил Даан. — Разве оно не важнее?

Островитянин побледнел. Покусывая губу, он нерешительно переводил взгляд с буйных зарослей в долине на приближающихся всадников. Впервые Даан видел растерянного Матурану.

«А почему я сразу решил, что эти всадники — враги нам?» — подумал Даан чуть погодя. Надежды на лучшее вдруг шевельнулись у него в груди, но это были пустые надежды: прошло совсем немного времени, и он разглядел, что всадники облачены в красные халаты Орлов.

— Нам некуда идти, — наконец подал голос Матурана. — Похоже, наступает главный час Обряда. Либо мы выстоим, либо...

Он недоговорил.

Даан рывком соскочил с невысокой степной лошадки. В нем проснулась решимость.

— Спешивайтесь! Спиной к спине! В конце концов, нас не так-то легко взять, клянусь Всевышним!

Они прыгнули на вылизанную солеными ветрами землю. Спустя несколько минут всадники в красном окружили их. Предводитель Орлов мрачно поглядел на замершую в оборонительных стойках четверку, встряхнул длинной черной косой и обернулся к соседу справа:

— Это и есть те самые щенки, что водили тебя за нос целых два месяца, Той?

В голосе его слышался нескрываемый сарказм. Той лишь развел руками. Предводитель склонил голову:

— Что ж... Посмотрим, устоят ли они против тебя. Иди и возьми Око!

Даан почувствовал, как вздрогнул собрат-южанин при этих словах. Орлы все знали о Святыне двух монастырей!

Четверка вершителей Обряда теснее сдвинула спины. Будь что будет, но взять их будет очень непросто!

Той неторопливо приблизился; критически оглядел всех четверых. Потом медленно указал пальцем на Ихо со словами:

— Сначала ты, змееныш!

Но Ихо лишь оскалился в ответ:

— Подходи сам, курица щипаная! Или боишься?

Той усмехнулся. Он явно был не из тех, кто заводится от оскорблений. Хитрость не удалась, что ж, поищем иные пути, — ясно читалось на его лице. Спешить ему вроде некуда...

Надтреснутый старческий голос прозвучал словно гром среди безоблачного неба:

— Эй, почтенный! Погоди. В чем виноваты эти юноши? Может, я смогу помочь, если они не могут?

Той, не поворачивая головы, замер.

— Это еще кто?

Похоже, Той ждал реакции главаря, но тот, сложив руки на груди, с интересом воззрился на происходящее. Даан скосил взгляд, пытаясь увидеть обладателя надтреснутого голоса. И увидел знакомого старика — Учителя Матураны. Того самого, что уже помог им однажды на южном тракте. Ветер шевелил его немыслимые одежды. Даан повеселел: старик стоил десятка Орлов!

Предводителю красных халатов что-то шепнули на ухо. Наверное, об этом самом старике.

— Ты — Урдинаран? — спросил хозяин Орлов жестко.

Старик островитянин кивнул.

— А ты, не иначе, Гут Фо, глава клана Орла. Я не ошибся?

Гут Фо гордо вскинул голову:

— Не ошибся, чужеземец. Думаю, лучше тебе убраться восвояси. На свой любимый Архипелаг, например. Как тебе такая мысль?

Старик со вздохом развел руками:

— Не могу же я бросить своего ученика в беде! Сам посуди...

Гут Фо мгновение поразмыслил.

— Каома с ним! Забирай своего ученика и катись. Чужеземцев не тронем, хотя должен заметить, что твой воспитанник доставил моим людям немало головной боли!

Урдинаран улыбнулся, и морщинки сеткой разбежались вокруг его глаз.

— Плохо ты знаешь моих воспитанников, Гут! Он не уйдет, я уверен...

— Тогда воззови ко Всевышнему! — прервал его Гут Фо, давая знак Тою. Той плавно перетек в боевую стойку.

Но тут вдруг мешком повалился на землю один из Орлов в кольце и к Урдинарану молча направился почтенного возраста бодхаец в выцветшем фын-байском широкополом халате. По дороге его пытался схватить за одежду один из Орлов помоложе, но старик ссутулился еще сильнее, руки его на миг превратились в пару гибких змей, и Орел отпрянул, словно перед ним и впрямь возникла ядовитая тварь. Старик замер рядом с Урдинараном.

— Учитель! — воскликнул Ихо ликующе и тут же осекся. Ведь вокруг Орлы! Враждебный клан...

— Великий Каома! — изумился Гут Фо. — Сегодня положительно удачный день. Змея приползла защитить змееныша. Что ж, не придется тебя искать по всей Империи. Спасибо, что пришел.

Гут Фо оглянулся на присмиревших в кольце подручных.

— А вы что вылупились, бездельники? Два человека приблизились к нам неизвестно откуда, а вы даже не шевельнулись!

Свирепо скрипнув зубами, Гут Фо вновь перенес внимание на стариков, островитянина и Змею. Похоже, со Змеей он собирался сразиться сам.

— Ай-яй-яй, — укоризненно протянул кто-то из-за спин притихших Орлов, что, оглядевшись, вновь принялись наблюдать за происходящим. — Что творится под двумя лунами! Молодые здоровые люди угрожают почтенным старцам! И даже собираются на них напасть! Ну-ка, поглядим, может, трех старцев вам одолеть будет сложнее.

Даан скосил глаза на голос. И увидел не кого иного, как седовласого Сатэ, человека-загадку. Улыбка шире растянула лицо молодого монаха. Сатэ! Он владеет ши-тао не хуже Высших!

А за спиной Сатэ чернели балахоны студентов. И что-то подсказывало Даану: никакие это не студенты. Кто? Он пока не знал.

Повинуясь едва уловимому знаку Гута, десяток Орлов метнулся к Сатэ и его спутникам. Однако старик прошел сквозь шеренгу атакующих играючи, словно раскаленный нож сквозь масло, и встал рядом с Урдинараном и Учителем Ихо. «Сту-

денты» же ловко отбили быструю атаку Орлов и быстро разорвали неровное кольцо, что окружало по-прежнему жмущуюся спина к спине четверку.

— Ну и ну! — протянул Су То и дернулся было на помощь черным балахонам, но его остановил Сатэ:

— Куда? Может, пора подумать о завершении Обряда?

Су То замер, сжав сумку с Оком. Даан встрепенулся, с опаской покосившись на Гута Фо, Тоя и остальных Орлов-главарей. Неужели вот так и позволят уйти?

— У водопада вас ждут Хранители Первого Места, — сказал Сатэ жестко и властно. — Ступайте!

Одновременно с яростным кличем атакующего Орла Даан, локоть к локтю с Су То, рванулся в долину. Он успел заметить, что на пути Гута Фо и Тоя возникли Урдинаран, старик-Змея, Ихо, Матурана, еще кто-то, а потом в ушах засвистел ветер, а ноги без устали понесли их с южанином вниз, навстречу плотной зелени и шороху водопада. Мысли мелькали, как деревца вдоль тропы.

Конечно, Обряд — слишком важное дело, чтобы поручать его лишь двоим неопытным монахам. Или, как в этот раз, четверым — двум монахам, островитянину и бродяге из сильно поредевшего клана Змеи. Конечно, их сопровождали невидимые помощники, не показываясь на глаза и, похоже, стараясь выручать лишь в последний момент, если вспомнить дни в жаркой степи и неутолимую жажду... И Даан даже догадывался, кто именно сопровождал их: перед самым уходом с вершины холма он узнал одного из «студентов». Это был Юл Ю, давний приятель, бок о бок с которым он шагал в монастыре по тропе Постижения.

Двое, сжимая в руках потертую походную сумку, мчались к древней тайне бодхайских монастырей — одному из двенадцати Мест, способных сдержать мощь того, кто Выше.

2

Хранитель был стар, как Сатэ, или Бин, или Тао. Или Учителя Ихо и Матураны. Из-под низко надвинутого капюшона смотрели многомудрые глаза, какие бывают только у стариков, до конца дней сохранивших острый ум и ясную память.

Он стоял на влажных камнях, а рядом с высоты валились сверкающие струи, заставляя оживать зыбкую горбатую радугу.

Даан и Су То, перейдя на шаг, приблизились.

— Да будет благословенно имя Каома! — неожиданно густым басом произнес старик и поднес правую ладонь к груди.

— Навеки будет! — хором отозвались монахи, кланяясь. Су То осторожно запустил руки в сумку и извлек Око на свет дня.

Похожая на морскую раковину святыня уже ощутила мощь свежего Места. Даан давно почувствовал себя легче. Повинуясь древнему ритуалу, оба монаха сплели руки, по-прежнему держа Око перед собой. А потом и Хранитель коснулся ладонями Святыни, позволяя тому, кто Выше, узнать себя.

Око вдруг налилось красным и будто бы потяжелело. Даан поборол жгучее желание отдернуть руки. Но ладони сами собой доверили тяжесть Святыни Хранителю и оторвались от Ока. Вместе с ладонями Су То. Теперь Око держал Хранитель Первого Места. Один из участников Турнира, в котором победили Бин и Тао-южанин сорок восемь лет назад. Один из неудачников, проигравший второй свой поединок Сатэ, который, в свою очередь, не сумел в третьем одолеть Тао...

Даан вдруг ясно понял: всего избранников-до четырнадцать. С самого начала. Двое — победители — переносят Око в новое Место. А остальные становятся Хранителями. Сатэ — Хранитель. И Юлу Ю предстоит стать Хранителем. Но прежде они ведут победителей через всю страну, от Места к Месту. Скрытно, чтобы те не заподозрили опеку и каждую опасность, каждую преграду преодолевали, полагаясь лишь на собственные силы. Наверное, чаще всего будущим Хранителям так и не приходилось вмешиваться; двое же избранников так и оставались в полной уверенности, что исполнили Обряд без чьей-либо помощи. А правду узнавали только со временем.

Интересно, понял ли это Су То?

Низкий тягучий голос стек откуда-то сверху, и на миг на небе бледными монетками стали видны обе луны.

— Х-х-х-а-а-о-о-м-м-м-мммм...

Тот, кто Выше, благодарил за исполненный Обряд.

Хранитель с Оком в руках величаво развернулся и шагнул прямо в водопад, враз промокнув до нитки. Даан и Су То тотчас двинулись следом.

Вода была холодна до сбившегося дыхания, но никто не издал ни звука. По ту сторону искрящихся струй в мокром кам-

не чернела узкая щель. Рядом стояли двое: крепыш-мужчина лет пятидесяти и Сань Но в черном студенческом балахоне; правые ладони их застыли перед грудью. Даан встретился взглядом с Сань Но — тот был суров и серьезен, но как бы глубоко он ни прятал радость, она все равно находила выход наружу.

«Новый Хранитель, — понял Даан. — Остальные наверху утихомиривают Орлов, а он, конечно, призван Обрядом...»

Старик торжественно передал Око крепышу; тот, подержав его в руках, вручил Сань Но.

— Х-х-х-а-а-о-о-м-м-м-мммм...

Водопад глушил звуки, но голос того, кто Выше, проникал всюду.

Не замечая текущих по лицу и одежде шустрых струек ледяной воды, Даан внимал действу. Его роль завершилась, теперь он стал просто наблюдателем. Как и Су То.

Сань Но тем временем поднял Око над головой и ступил в черноту хода. Неверный красноватый свет тотчас полился у него из-под ладоней, обволок студенческий балахон и замерцал в полумраке небольшого грота. Сань Но уходил в глубину, к плоскому, похожему на языческий алтарь куску какого-то самоцвета. Сияние Ока дробилось на отдельные искорки, отражаясь от алтаря.

Оба старых хранителя вошли в грот следом за Сань Но, потом настала очередь монахов. На камнях оставались темные потеки от мокрой одежды.

Сань Но бережно, словно драгоценную вазу, опустил Око на алтарь; тотчас вокруг Святыни вспыхнул белый светящийся круг.

— Х-х-х-а-а-о-о-м-м-м-мммм...

Красноватое сияние блекло. Око Каома снова стало недоступным: даже Хранители не смогут его тронуть целых двадцать четыре года. До весны ближайшего года Тигра-воина. Точнее, тронуть-то смогут, а вот выжить после этого — нет. Око обратит в пепел любого, кто дерзнет нарушить его покой.

— Мы исполнили Обряд... — громко сказал старейший из хранителей Места. — Воздадим же хвалу тому, кто Выше, за то, что не покидал нас в эти нелегкие дни...

И опустился на колени перед Оком Каома. Остальные опустились секундой позже. Включая монахов-избранников. Точнее, теперь уже избранников в прошлом.

Когда Даан и Су То вновь вышли в безумие весеннего дня, перенеся новое купание под ледяным потоком, их ждали Бин и Тао. Первые-в-храме. Они сидели на тонких походных циновках, пили крепкий гиданский чай из расписанных даркáми пиал и неспешно беседовали.

Даан оробел. Сразу вспомнились все те глупости, что успели натворить они с Су То во время исполнения Обряда. Если бы не Матурана... Сцепив зубы, Даан заставил себя подойти и поклониться, не забывая воздать хвалу имени Каома. Рядом тенью скользил Су То. Даже непривычно было видеть его с пустой сумкой на боку.

Верховные прервали беседу, едва молодые монахи приблизились на несколько шагов и склонились в почтительном приветствии. К удивлению Даана, Бин и Тао встали, опустив пиалы с недопитым чаем на циновку, и столь же почтительно поклонились в ответ. Им, едва продвинувшимся в пятом круге! Даан даже растерялся.

Выпрямившись, Бин, Первый-в-храме Севера, заговорил. Длинная седая его борода заколыхалась в такт речи.

— Поздравляю вас, избранники! Вы сумели завершить то, ради чего стоят под Солнцем и двумя лунами наши монастыри. Не скажу, что вы всегда поступали наиболее разумно, но никто из вас не трусил и всеми силами приближал эту минуту, когда можно спокойно вздохнуть и воздать хвалу тому, кто Выше. Мы, Верховные, благодарим вас за это, как благодарит весь Мир.

И Верховные снова поклонились. А Су То легонько съездил Даана по боку, намекая, что нужно ответить подобающими моменту словами.

— Мы старались, Высшие... — чужим голосом выдавил Даан. — И рады, что не обманули ваших ожиданий. По правде говоря, нам очень сильно помогли чужеземец островитянин и юноша из клана Змеи. Наверное, стоит поблагодарить и их...

Су То, конечно же, упрямо насупился, а Бин согласно кивнул:

— Им воздадут должное, не беспокойтесь. А сейчас, — Верховный взглянул на вершину холма, — поспешим, нас ждут.

Бин, Тао, а затем и Даан с Су То поклонились Первому Месту, принявшему бремя божественных сил, Хранителям и зашагали вверх по тропинке.

И впервые за много дней Даан почувствовал облегчение. Потому что постоянно быть в ответе за благополучие Мира под силу лишь богам. Люди же нуждаются в отдыхе, потому что даже самый сильный рано или поздно устанет.

3

Даан так и не понял, что же произошло с Орлами. Когда Верховные поднялись на вершину, там остались только Матурана и Ихо со своими Учителями, Сатэ, одиннадцать новоиспеченных Хранителей в черных студенческих одеждах и несколько Хранителей постарше. Даана и Су То все встретили ритуальным поклоном. Ни тел Орлов, ни их лошадей Даан так и не увидел. Но сомневался, что их отпустили: слишком близко подобрались они к древней тайне, и слишком темны были их намерения. Видимо, дальнейшее было уже давно обговорено: маленьких степных лошадок избавили от скудных припасов и отпустили в безбрежье степи. Только Ихо и его сутулый Учитель оставили себе пару, потому что направлялись в Сай Хэ, что недалеко от Токина. Ведь там ждал дружественный клан — клан Южной Кобры. Их поблагодарили за верность Всевышнему, напомнили, что в любом из монастырей Змею всегда ждет кров и стол, и пожелали легкой дороги. Даан простился с Ихо с искренним сожалением, потому что успел привыкнуть к его молчаливой поддержке и умеющей терпеть натуре. Даже Су То, нетерпимый к чужакам, сдержанно похлопал его по плечу. Двое — Учитель и ученик — скользнули в седла и направили лошадей на закат.

Матурана и старик островитянин уходили на восточное побережье. Может быть, там они намеревались сесть на корабль и отбыть на Архипелаг, а может, и нет. Идущий-по-следу никогда не раскрывает своих планов, об этом Даан давно уже догадался. Матуране он пожал руку.

— Прощай, Матурана. Я не знаю, кто ты и что тобой двигало... но если бы не ты — не уверен, что мы дошли бы.

— Дошли бы, — проворчал Су То. И добавил: — Я тоже прощаюсь, чужеземец. Готов признать, что ты изо всех сил вел нас к сегодняшнему дню, но это не значит, что я стал лучше к тебе относиться. Тем не менее я желаю тебе удачи. Надеюсь, что мы больше никогда не встретимся...

— Встретимся, — возразил Матурана. — Ведь ты когда-нибудь станешь Первым-в-храме Юга. А пути еще не раз приведут меня в обитель монахов. Может, ты станешь к тому времени не таким упрямым.

Рук они друг другу не подали, ограничились легкими кивками.

Даан повернулся к Урдинарану:

— Удачи и вам, почтенный! Дважды вы нам помогли. И мне очень понравилось ваше искусство... хоть Матурана и тщательно скрывал его.

— Тебе еще предоставится шанс с ним познакомиться, — проскрипел островитянин. У него снова возник сильный акцент, который куда-то пропадал во время препирательств с Орлами.

Чужеземцы стали спускаться по восточному склону холма.

Ну а монахов звали хребты Сао-Зу. Даже южан — того требовал обычай. Удачное исполнение Обряда всегда завершалось шумным праздником в одном из монастырей. В этот раз праздновать предстояло в Северном. Вереница путников потянулась в степь, и никто посторонний не понял бы, что среди них оба Верховных Настоятеля. Они увидели бы только нескольких старцев в окружении мужчин помоложе.

Даан вспомнил слова Матураны: «Тебе ведь предстоит стать Первым-в-храме»... Он сказал это Су То, а значит, это касалось и Даана. Сначала, конечно, Верховным станет Рат Шу, сорокавосьмилетний монах двенадцатого круга, тот, что исполнил Обряд в прошлый раз. Даану же предстоит еще много лет Постижения. Но смотреть на него все равно теперь станут как на Следующего-за-Первым.

«Интересно, это трудно — быть Верховным Настоятелем?» — подумал он. И тут же понял, что очень скоро придется взвалить на плечи ношу потяжелее той, от которой счастливо избавился сегодня. Ношу, которая — воистину! — под силу лишь богам.

И он новыми глазами поглядел на Бина и Тао. Потому что никогда раньше не задумывался: каково было им последние два месяца?

— На Сао-Зу шапки таять начали, — улыбнулся задумавшемуся другу Юл Ю. Оказывается, он шагал рядом, шурша студенческим одеянием. — Лето.

И Даан улыбнулся в ответ, вспоминая привычные снега горных пиков и свежий воздух высот. Вспоминая здесь, в зной-

ных южных степях. Шагая в туманное завтра и навстречу встающей малой луне. И еще понял, что никогда уже не вернется былая безмятежность.

А Каома — по-прежнему — глядел в Мир единственным Оком.

Опускался вечер. Первый спокойный вечер вне стен родного монастыря.

4

Ман отнял ото лба ладонь, которой заслонялся от солнца.

— Разошлись, — зачем-то сказал Поон. — И что дальше?

Горец невозмутимо поправил уздечку.

— Едем.

— За кем?

— За островитянами. Мне ведь нужен проводник, а не монах, верно?

Поон вздохнул:

— Они и вправду бойцы не чета моим... Кто же знал, что они монахи?

Ман фыркнул и вскочил в седло.

Начальник охраны медлил.

— Все равно не пойму — что они здесь делали? Так далеко от монастырей? И при чем здесь чужеземцы?

Горец-велш снисходительно поглядел на Поона:

— Хочешь совет, Поон? Забудь обо всем, что видел. И никогда никому не рассказывай. Чтобы не разделить судьбу... Ну, ты понял, да?

Поон поежился:

— Легко сказать, забудь...

Он прыжком оседлал своего коня и натянул поводья.

— И-и-э-ххх! Ладно, поехали за твоим драгоценным проводником...

Ман не ответил. Он думал, как быстро Матурана засечет их у себя на хвосте. Вряд ли позже темноты — в этом он был уверен.

Холмы снова обезлюдели. Вероятно, надолго. Еле слышный стук копыт быстро затих на востоке. Мир же обрел равновесие еще на четверть века. Небольшой срок, не правда ли?

МОНАСТЫРЬ ЭСТЕБАН БЛАНКЕС

Не могу сказать, что ранее я никогда не слыхал об этом монастыре. Во всяком случае, название тихо дремало у меня где-то на задворках памяти. Но я точно знал, что прежде никогда не видел этих стен, хотя исходил Картахену вдоль и поперек еще в юношеском возрасте.

Моя профессия обязывает знать все. Тем более — город.

Но все же я с удивлением отметил, что нахожусь здесь впервые.

Дальнее предместье, сущая глушь. Косая лощина меж двух холмов — кому пришло в голову строить монастырь в лощине? Обычно подобные постройки возводятся на вершинах холмов, на пригорках. На возвышениях, одним словом.

Еще тогда я подумал, что это необычный монастырь.

Он был отделен от города большим, похожим на гигантский лишай пустырем. Пыльные куры рылись в кучах мусора, на кур охотились жирные черные крысы. На крыс — худые бродячие коты. На котов — стаи облезлых псов, злющих и трусливых одновременно. Я не удивлюсь, если местные жители скажут мне, что у них пропадают младенцы из хижин.

По-моему, это не просто псы. Не просто бродячие собаки. Это — гнусные твари, отпрыски отвратительных волкособачьих свадеб. Они не сторонятся людей, как настоящие волки. И страшны в стае, как бывают страшны только обладатели серых шкур и ненасытных глоток.

Я машинально потрогал перевязь с метательными ножами под легким летним плащом. От стаи, пожалуй, в одиночку

не отбиться. Может быть, вот она — разгадка? И монастырь тут, собственно, ни при чем. Стая. Их просто растерзала местная стая. Позабыв ненадолго о страхе перед человеком.

Я вздохнул и, решительно взбивая сапогами пыль, двинулся к стенам по извилистой тропинке, что вилась меж мусорных куч. Туда, где виднелись массивные монастырские ворота.

Чем ближе я подходил, тем тягостнее становилось у меня на душе. Хотя особых причин тому я не усмотрел — возможно, на меня действовал дух запустения, отпечаток которого с приближением к монастырю чувствовался все сильнее. А может, повлияла мрачная архитектура монастыря. Замшелые головы числом семь возносились к праздничному небу, но не становились от близости к небу менее мрачными. Наоборот, небо над монастырем начинало казаться мрачным, несмотря на яркость и голубизну. Головы храма, увенчанные круглыми шапками с алонсовскими крестами на куполах, все были разного размера. И еще создавалось впечатление, что они строились в разное время, потому что камень, из которого они были сложены, имел разные оттенки. Головы повыше и на более толстых башнях — потемнее. Которые поскромнее — светлые, словно время еще не успело оставить на них темную накипь промелькнувших лет. На самой высокой голове под самым куполом виднелись выложенные из несколько более светлого камня слова: Эстебан Бланкес. На второй по высоте — Карлос Диего Лараззабал. На остальных тоже все еще можно было разобрать чьи-то имена — имена, неподвластные времени. Интересно, что это были за люди?

Лавируя в море мусора, я вплотную приблизился к воротам. Они были массивны и ветхи, как рукописные экземпляры Завета. Только поразительная стойкость римской лиственницы к гниению позволила им дожить до сегодняшнего дня — дерево оказалось долговечнее железа. Петли и запоры проржавели и искрошились, а ворота остались относительно целыми, хотя на внешней стороне створок рыжели ископаемые разводы поколений и поколений южного лишайника.

Левая створка сорвалась с умершей верхней петли и лежала нижней кромкой прямо на земле, вросши в нее на несколько пядей. Косая щель между покосившейся левой и относительно ровно стоящей правой сплошь была затянута сивой паути-

ной; в паутине танцевали на ветерке иссохшие мумии мелких насекомых.

М-да. Сюда давно никто не приходил. Впрочем, разве это единственный путь внутрь? Высокий монастырский забор тоже мог пострадать. Кто сказал, что Сантьяго Торрес и Фернандо Камараса прошли именно в ворота, а не в какой-нибудь давний пролом?

Я бы не удивился, если бы выяснилось, что они сюда прилетели. На воздушном шаре, например, или на помеле, позаимствованном у одной из сотен картахенских ведьм.

Улыбка еле-еле коснулась моих губ. Наверное, от мыслей о ведьмах.

Но почему-то страшно не хотелось нырять в щель между створками, и, смею вас заверить, вовсе не из-за паутины.

Что-то удерживало меня от приближения к монастырскому храму. Что-то такое, чему люди до сих пор не нашли разумного объяснения. Инстинкт. Чутье. Предвидение.

Но моя профессия как раз и заключается в том, чтобы нарушать инстинкты и идти вперед вопреки предвидениям.

Впрочем, осторожность тоже является частью моей профессии. Трусливая умная осторожность. Частью и залогом успеха.

Кому нужен мертвый сыскарь?

Никому. Только объекту сыска.

Поколебавшись, я все же решил сначала обойти монастырь по периметру. Снаружи забора.

Замшелые (а точнее — покрытые лишайником) стены охватывали монастырское подворье неровным кольцом; кольцо имело два характерных выступа около скитских башен. Грубо вытесанные блоки, наверное, еще в незапамятные времена привезли из каменоломен севернее Картахены. Теперь там прибежище дикого зверья. Дикого и одичавшего.

Замкнув кольцо, я с непонятным разочарованием убедился, что стены вокруг монастыря нигде не повреждены, и если Торрес и Камараса приходили сюда, они воспользовались именно воротами. Недавние мысли о воздушном шаре и ведьмином помеле — это лишь нервная шутка, не надо удивляться...

Паукам достаточно двух-трех дней, чтобы затянуть щель своими тенетами. Ну, возьмем для простоты неделю, паутина между створками ворот явно не первый день кормит хозяев и служит проклятием местным мошкам.

Торрес исчез полтора месяца назад. Камараса — чуть менее двух недель.

Они вполне могли войти на монастырское подворье и покинуть его тоже могли, так что паутина ни о чем не говорит.

Ладно. Надо и мне входить.

Или не надо?

Я замер перед створками. Что-то не пускало меня внутрь. Предчувствие. Или страх.

Не знаю.

Я долго стоял, не решаясь нарушить целостность паутины; пот липкими струйками стекал по лицу, по шее, по спине, и мне неудержимо захотелось содрать с себя пропыленный плащ.

«Это не предчувствие, — подумал я с некоторым унынием. — Это страх, Мануэль Мартин Веласкес. Обычный страх, который тебе трудно пересилить».

А вдруг — не обычный? Никто в Картахене не осмелился бы назвать меня трусом. А если и осмелился бы — это была бы неправда. Но сейчас я ничего не мог с собой поделать.

Легкий шорох за спиной вернул меня к действительности; рука незаметно скользнула под плащом к перевязи, и прохладный металл ножа мгновенно придал мне уверенности.

Медленно-медленно я обернулся, ожидая новых звуков, но за спиной было тихо.

Собака. Или волкособака — тощий длинноногий зверь с голодным ненавидящим взглядом глядел на меня из-за мусорной кучи. Из пасти его свисало что-то похожее на грязный лоскут.

Я мягким движением выпростал руку из-под плаща. Если собака всего одна — она мне не страшна.

Мое движение спугнуло эту тварь, она как-то неловко, бочком отпрыгнула от кучи. Я опять шевельнулся, и собака пустилась наутек, поджав тонкий, почти крысиный хвост. Добычу свою она уронила, и непохоже, чтобы сильно жалела об этом.

С минуту я провожал ее взглядом, пока пегая спина не потерялась на фоне пестрых отбросов городской свалки.

Свалка рядом с заброшенным монастырем — странное место, не правда ли? Не оттого ли покинули эту обитель монахи — последователи Эстебана Бланкеса, что рядом стала неудержимо

разрастаться вонючая свалка? Этот печальный, но закономерный итог человеческого существования?

Везде, куда приходит человек, вскоре начинают возникать свалки и мусорные кучи.

Оставив в дорожной пыли отпечатки сапог, я дошел до места, где недавно стояла собака. Почему-то мне захотелось взглянуть, что же она жевала перед тем, как испугаться меня.

Действительно, тряпка. Грязная и, по-моему, недавно изрядно намокшая. Вряд ли от собачьей слюны. Я брезгливо расправил этот лоскут носком сапога — под темными наслоениями угадывалась плотная ткань, похожая на материал летнего плаща или куртки. Ткань простая, без рисунка; лоскут был неровно оборван и в нескольких местах продырявлен. Причем это не были следы уколов шпагой или ножом. Ничего общего это не имело и с собачьими зубами — такие треугольные рваные дыры остаются, только если ненароком зацепиться полой плаща за что-нибудь острое и, не заметив этого, рвануть. Хрясь! И готова дыра, проклятие ленивого холостяка. И с дырой ходить стыдно, и зашивать неохота.

Я сокрушенно вздохнул. Ну не люблю я чинить одежду, с детства не люблю, хотя приходится очень часто. Не люблю, несмотря на то что мать моя была швеей, и хорошей швеей. Отбоя не знала от заказчиков. Благодаря ее неплохим заработкам я и не стал подзаборной шпаной, как большинство сверстников, а получил кое-какое образование.

На нашей улице читать умеют три человека. Один из них — я.

А может, оттого я и не выношу вида иголки с ниткой, что насмотрелся этого вдоволь еще в детстве и теперь от одного вида портняжных ножниц меня воротит? Не знаю...

Кстати, о портняжных ножницах. Жену одного моего клиента убили такими. Если вздумаете кого-нибудь прирезать — никогда не пользуйтесь портняжными ножницами. В особенности если вы брезгливы, как я.

Плюнув напоследок на неизвестно чем привлекшую внимание бродячей собаки тряпку, я уже собрался вернуться к воротам монастыря, как вдруг внимание мое привлекло пятно подозрительно правильных очертаний. С самого краешка, рядом с оборванной кромкой.

Я присел.

А ведь это не пятно! Это вышивка, почти погребенная под слоем грязи. Вышивка в форме букв. Причем не с лица, а с изнанки ткани.

Две буквы. «Ф» и «К».

Я замер. «Ф» и «К». Это может означать, например, «Фиеста Кастилья» — есть такая гостиница в Картахене. Для богачей и знати, меня туда даже на порог не пустят. Особенно благоухающего после посещения окрестностей монастыря Эстебан Бланкес. Лакеи и служки «Фиесты Кастильи» вполне могут носить одежду с гостиничным знаком.

Но это также может означать и «Фернандо Камараса». И тогда цена этой вонючей реликвии наверняка сильно возрастет.

Я полез под плащ и достал специально припасенный для подобных находок холщовый мешок. Кое-как затолкав внезапно подорожавшую тряпку внутрь, я подвесил мешок к боку и прикрыл плащом.

До ножей слева теперь трудно добраться, ну да ладно. Пока неприятностей не предвидится.

Я вернулся к воротам, полный решимости наскоро осмотреть монастырское подворье, заглянуть в кельи, скитские башни и в храм и тащиться к Сальвадору Камараса, почтенному дядюшке пропавшего восемнадцатилетнего обормота.

От ворот меня отделяло не более пятнадцати шагов. Почему-то с каждым шагом от моей решимости оставалось все меньше и меньше, и завершилось все тем, что я снова застыл перед воротами и обнаружил, что дальше идти просто не могу.

Не могу.

Не знаю почему.

Меня прошиб пот. Чертовщина какая-то! Такое впечатление, что меня просто не пускают внутрь! Но кто? И каким образом?

Без толку потоптавшись еще пяток минут, я решил убираться отсюда подобру-поздорову. Наверное, это снова какое-нибудь предчувствие. А я стараюсь им доверять.

Пойду к Сальвадору, суну ему под нос сегодняшнюю находку, он скорее всего на меня наорет, обзовет каким-нибудь нехорошим словом и вытолкает взашей за ворота. Потом, правда, меня нагонит его дворецкий (приблизительно напротив рынка Эдмундо Флорес), пятидесятилетний отставной матрос,

обладатель потрясающих баков, зычного голоса и неистребимой тяги к крепкому рому. Он хлопнет меня по плечу, басом скажет, что хозяин извиняется за вспыльчивость, просит продолжать поиски, и вручит ежедневные четыре монеты. Потом многозначительно кашлянет и выжидающе уставится куда-то в сторону. И мы пойдем с ним в ближайший матросский кабачок, где и останется одна из монет, будем пить ром, дворецкий будет вспоминать былое, а я слушать и тоскливо ожидать внезапного озарения. Ну а вечером я притащусь, покачиваясь, словно под ногами у меня не булыжная мостовая, а палуба галеона, домой, велю Генису согреть воды, с наслаждением вымоюсь и рухну спать. А наутро все начнется сначала.

Как выяснилось, я ошибся. Сальвадор на меня не наорал и не выгнал. Но об этом — чуть ниже.

Для меня все это началось двенадцать дней назад. Спустя сутки после исчезновения Фернандо Камараса, племянника Сальвадора Камараса. А Сальвадор Камараса — ни много ни мало — дож Картахены и глава торговой гильдии.

К тому моменту я занимался, как сам считал, совершенно заурядным делом — разыскивал некоего Сантьяго Торреса, мелкого купчишку, задолжавшего небольшие деньги коллегии Альфонсо Баройя. Баройя вовсе не собирался прижимать Торреса к ногтю, наоборот — его коллегия поддерживала торговлю маслом и благовониями, и Торрес был одним из распространителей, причем не из худших. Альфонсо Баройя интересовало, куда подевался его мелкий партнер? Вероятно, Торрес имел устоявшуюся сеть сбыта, и Баройя не хотел ее терять.

Так или иначе, Альфонсо Баройя поручил своему помощнику отыскать пропавшего купчишку, а помощник, не долго думая, нанял меня за полмонеты в день. Поскольку иных предложений, повыгоднее, у меня не было и не ожидалось, я взялся.

В Картахене, конечно, часто пропадают люди, как и в любом достаточно большом городе. Вряд ли их всех начинают разыскивать — во всяком случае, вояки городского магистрата этим не занимаются, предпочитая выколачивать налоги у рыночных завсегдатаев. Да и заметит ли кто-нибудь исчезновение какого-нибудь бродяжки? А если и заметит — хоть кого-нибудь это взволнует?

Другое дело — более заметная публика. Когда пропал Фернандо Камараса, об этом мгновенно узнал весь город.

Я к тому моменту ни на шаг не продвинулся в поисках Сантьяго Торреса, хотя сумел более или менее внятно установить, чем он занимался в утро перед исчезновением. Ничего такого он не делал, за что можно было бы ухватиться. Как назло.

И вдруг в мою берлогу пожаловал Сальвадор Камараса, собственной персоной. Я опешил. Дож Картахены — у меня в гостях?

Слава Богу, надолго он там не задержался, а то я сгорел бы со стыда.

Я уже говорил, что не очень люблю чинить одежду? Так вот, убирать в своей берлоге я тоже не очень люблю, а Гениса к себе просто не пускаю.

Ну, в общем, дож посулил мне четыре монеты в день, лишь бы я отыскал его дражайшего племянника, которому только недавно стукнуло восемнадцать. В этом возрасте у многих молодых людей в голове заводится всякая блажь. К тому же тронуть племянника дожа вряд ли посмели бы и местные головорезы, и головорезы пришлые. Скорее всего, думал я, парня обуяла жажда странствий, и он околачивается где-нибудь в порту. Хуже, если ему уже удалось пробраться на какой-нибудь корабль и он ныне находится далеко в море. Но Фернандо не видели всего лишь три дня, и я прекрасно понимал, что выяснить, отходили последнее время из Картахены какие-нибудь корабли или не отходили, будет проще простого.

А возможно, все еще тривиальнее. Ушел парень в запой в каком-нибудь кабачке и благополучно валяется под столом. Впрочем, нет, племянник ведь дожа. Любой кабатчик Картахены счел бы своим долгом доставить его домой после первой же отключки.

В конце концов он мог связаться с какой-нибудь девицей, а в этом возрасте можно провести в постели неделю, и не надоест.

И оставался мизерный шанс, что беднягу действительно убили, если он пьяный возвращался домой. Мизерный, потому что в затрапезный кабак приятель дожа не пойдет, а в центре нечасто ошивается всякая шваль с ножами за пазухой.

В общем, я понадеялся, что быстренько отыщу Фернандо, получу оговоренное вознаграждение и преспокойно вер-

нусь к поискам Сантьяго Торреса, пока помощнику Альфонсо Баройя не надоест платить мне по полмонеты в день. Случай с Торресом казался мне куда более безнадежным.

Понадеялся я зря. Начал я, как обычно, с шатания по городу, разговоров с уличными торговцами, с мальчишками (между прочим — ценнейший источник информации!), расспросов — словом, с рутины. Стал прокручивать путь Фернандо Камараса с момента, когда он ступил за ворота дядюшкиного дома.

К вечеру я установил, что Фернандо и близко не подходил к порту. Непохоже и чтобы он заворачивал в кабаки — по крайней мере в центре, в приличествующие его положению великовозрастного бездельника-богача. Сначала он слонялся по рыночной площади и, видимо, кого-то поджидал. Потом в компании некоего седобородого («Бородища — до колен!» — сказал мне десятилетний Хосе) мужчины пошел в направлении собора Санта-Розалины. Этот бородач, вероятно, был португальцем, потому что Хосе сказал, что он вместо «с» все время произносил «ш», а «о» — скорее как «оу».

Про португальца, понятно, вывод сделал я, а не Хосе.

В собор эта парочка заходить не стала, и следующий свидетель видел Фернандо спустя некоторое время выходящим из библиотеки Ксавьера Унсуе.

Тут я насторожился: Сантьяго Торреса перед исчезновением тоже видели около библиотеки! Правда, непонятно было, заходил он туда или нет.

В тот день я ничего больше выяснить не сумел, а на следующий оказалось, что старый книгочей Унсуе тоже исчез.

Мне сразу же перестала нравиться эта история. То есть не подумайте, конечно, что я радуюсь, когда бесследно пропадают люди и поэтому я получал аж четыре монеты в день. Просто до сих пор я считал, что случаи эти — неизбежная дань хаотичному року. Теперь же мне казалось, что за этими исчезновениями стоит что-то на редкость нехорошее.

Сальвадор Камараса, по-моему, преисполнился самых мрачных предчувствий. Я слышал, он послал солдат и они прочесали все побережье у Картахены. Обнаружили четыре трупа, выброшенных морем, но тела Фернандо среди них не было. Я на всякий случай поинтересовался, нет ли среди утоплен-

ников также Сантьяго Торреса или книгочея Ксавьера Унсуе. Оказалось — нет.

Почти неделю я тщетно шастал по трущобам Картахены в надежде отыскать какие-нибудь следы Фернандо — его одежду, нательный крест (оказалось, у Камараса кресты особые, фамильные), нож его, наконец. Да что угодно.

А потом мне сказали, что Ксавьер Унсуе вернулся и как ни в чем не бывало открыл свою библиотеку.

Вот такого поворота я, признаться, совершенно не ожидал.

Ясно, что я помчался в эту библиотеку, обгоняя собственные мысли.

Конечно, старый книгочей знал всех своих посетителей наперечет — в Картахене не так-то много людей, умеющих читать. А желающих читать — и того меньше. Я, например, у Ксавьера Унсуе был третий раз в жизни. И снова вовсе не затем, чтоб почитать какую-нибудь книгу.

Да, и Сантьяго Торрес, и молодой Камараса захаживали к книгочею, и уже довольно давно. Заходили они в библиотеку и в дни своих исчезновений. Ни на что не надеясь, я поинтересовался: какие же книги они читали в роковые для себя дни?

Разные, сказал книгочей. Совершенно разные. Торрес — трактат какого-то древнего агностика с непроизносимым именем, а молодой Камараса — «Гнев Кальдерона» Алехандро Кальво Сиквенца. Ну, конечно же, что еще может читать восемнадцатилетний юноша, как не героические эпопеи, доверху наполненные звоном стали, пушечной пальбой и треском мушкетов? Я сам когда-то с удовольствием прочел «Гнев Кальдерона», только не у Ксавьера Унсуе, а при соборе Санта-Розалины. Священник, помнится, поглядел на меня осуждающе, когда взгляд мой упал на эту книгу, — по-моему, он ожидал, что я попрошу что-нибудь богословское. Но к книге допустил, потому что умеющий читать сын портнихи не казался ему настолько потерянным человеком, насколько, без сомнения, казались мои уличные приятели, которые читать не умели.

Итак, книги разные, сказал книгочей. Но кое-что общее у них все же есть.

Я насторожился.

Что?

Обе книги, пояснил книгочей, в свое время принадлежали ныне заброшенному монастырю Эстебан Бланкес. У Кса-

вьера Унсуе много книг оттуда. Они все стоят на отдельной полке.

И я почувствовал след. Печенкой, позвоночником — думайте что хотите. Я даже задышал чаще, как гончая на лесной тропе.

Но дело не совсем в этих книгах и не в их принадлежности, продолжал старик. Дело в другой книге, которую он сам уже начинает бояться. Да что там начинает — Ксавьер Унсуе боится ее, боится давно и прочно. Эта книга тоже стоит на упомянутой полке.

Ее никто и никогда не просит почитать. Но тем не менее ее периодически касаются чьи-то руки.

Ксавьер Унсуе не имеет привычки подглядывать за своими читателями, и они, как правило, остаются предоставленными самим себе в просторном зале библиотеки. Без сомнения, они вполне могут встать и выбрать другую книгу, если взятая непосредственно у хозяина им вдруг не понравится. И без сомнения, они это делают.

Беда в том, что люди, которых вдруг начинают интересовать книги с этой полки, иногда пропадают.

Не знаю почему, но после этих слов книгочея я едва не примерз к полу. Именно тогда я впервые ощутил чью-то злую волю — ту самую, что не пускала меня сегодня за ворота монастыря.

И как часто пропадают, поинтересовался я, с трудом ворочая языком.

Редко. За пятьдесят четыре года, с того самого момента, когда монастырь Эстебан Бланкес был покинут, а книги из монастырской библиотеки были проданы, пропало двенадцать человек. Включая Торреса и Камараса, спросил я. Да, включая. Правда, раньше между подобными случаями проходили годы, и лишь в последний раз исчезновения разделили всего две недели. А в предпоследний? Два года. Два года назад пропал иностранец, Вернер Шпреедихт. Точно так же бесследно, как и его девять предшественников. И что же, все эти несчастные читали книги из монастыря? Нет, не все, сказал Унсуе. При нем — не все. Но, без сомнения, все двенадцать прикасались к той самой роковой книге. С чего это он взял? Да с того хотя бы, что книга эта всякий раз пропадала вместе с читателями.

Тут я, наверное, глупо захлопал глазами, потому что ничего не понял.

— Я думаю, — сказал Ксавьер Унсуе, — что они забирали книгу с собой. Когда это случилось в первый раз, я даже не заметил пропажи. Книгу принес мне блаженный Хуан Сантаелена, потому что знал: у меня в доме много разных книг, и надеялся, что еще одна меня обрадует, а сам он получит свое пиво. Хуан нашел книгу в монастыре. Точнее даже — в храме монастыря, у самого входа.

Когда спустя одиннадцать лет пропал Габриэль Роберто Мартинес, поэт из Веракруса, я вдруг вспомнил об этой книге. И убедился, что ее снова нет на полке. Я нашел Хуана Сантаелену и спросил, не желает ли он еще пива? В общем, он вторично принес мне эту книгу из монастырского храма, а заодно сообщил, что поэта там не встретил.

Хуан приносил мне эту книгу еще трижды, пока не умер — от старости или от болезни.

С тех пор я нанимаю для похода в монастырь какого-нибудь бродягу. Я ни разу не ошибся. Книга всякий раз оказывается там. А сейчас она где — там или здесь, спросил я. Голос у меня почему-то все время норовил сорваться. Уже здесь, сказал Унсуе. А кто-нибудь из прежних пропащих потом находился? Живым ли, мертвым ли? Нет, ответил Ксавьер Унсуе. Ни разу. Все, кто имеет дело с этой книгой, исчезают без следа, а сама она неизменно отыскивается в монастырском храме. Обычно — просто лежащей на пыльном полу. Почему же, спросил я, с Хуаном Сантаеленой и остальными наемниками ничего плохого не происходило (я даже слегка порадовался собственной догадливости)? Они ведь тоже прикасались к этой книге и, возможно, даже раскрывали ее.

Унсуе усмехнулся.

Блаженный Хуан Сантаелена не умел читать, объяснил книгочей. И наемников книгочей всегда специально подбирал заведомо неграмотных.

И тогда я набрался храбрости и попросил:

— Покажи мне эту книгу, Ксавьер Унсуе. Надеюсь, что мне не придется жалеть о своих словах...

Книгочей не стал отказываться, как я опасался. Но он сразу предупредил, что трогать книгу не станет. Он никогда в жизни не касался этой книги, даже в самый первый раз, когда еще ничего не подозревал. И он советует мне хорошенько по-

думать, прежде чем брать ее с полки и усаживаться за огромный читальный стол.

Я подумал. И чуть не пошел на попятную. Но все же сумел себя пересилить.

Это было вчера.

А книга, кстати, называлась «Око бездны». Что-то философское. Имени автора на страницах я так и не отыскал. Даже на титульной.

Когда я уходил, Ксавьер Унсуе глядел на меня, словно на приговоренного к смерти.

Сальвадор Камараса меня не выгнал и не наорал даже. Он сумрачно поглядел на едва различимые под грязью буквы. И велел служанке принести какой-нибудь из плащей пропавшего племянника.

В общем, это была метка Фернандо Камараса.

— Глядите, сеньор, — сказала служанка, печально глядя на меня и протягивая вывернутый наизнанку плащ. — Вот такая же метка. Я сама ее вышивала. Я всегда вышивала на одежде молодого сеньора его инициалы.

Наверное, она любила этого непутевого парня.

— Всегда? — спросил я зачем-то. — А читать-то ты хоть умеешь, а, мастерица?

— Да, сеньор. И читать, и писать. Правда, не очень хорошо...

Я заткнулся. М-да. Странные нравы в доме дожа Картахены. Грамотные служанки — сроду я не видел грамотных служанок.

Впрочем, дети портних тоже редко бывают грамотными...

Я честно поведал насупленному Сальвадору все, кроме странной и мистической истории с книгой. Рассказал о стаях голодных собак, хозяйничающих на свалке. Рассказал, что этот лоскут — единственное, что мне удалось отыскать, да и то случайно. И вскользь заметил, что мне не нравится монастырь на отшибе — надо бы туда наведаться с ротой солдат и пошарить по скитам, по кельям. В храм заглянуть — там наверняка имеется чердак, вон какой свод высоченный.

— Спасибо, — сказал Сальвадор с непонятной мне сдержанностью. — Остальные не сумели найти даже грязного лоскута. — И он выложил передо мной не четыре монеты, а целых двадцать.

— Вам спасибо, — пожав плечами, сказал я. Залпом допил предложенное вино и сгреб монеты в ладонь.

Честно говоря, я чувствовал себя не лучшим образом. Все-таки я замолчал большую и, похоже, очень важную часть рассказа. А я всегда старался делать свою работу хорошо. Но с другой стороны — как рассказать? На месте дожа я бы взашей вытолкал сыскаря, плетущего подобные байки, еще бы и батогами попотчевал.

Словом, все упиралось в единственный вопрос: а верю ли я сам? Верю ли Ксавьеру Унсуе и его невероятному рассказу?

Я думал об этом, возвращаясь домой. Всю дорогу.

Наутро вчерашние россказни старого книгочея уже казались мне чистейшим вздором. Ну, сами посудите — заброшенный монастырь, какая-то загадочная книга, пропавшие люди, ну прям чистейшей воды умбертоэковщина. К тому же трупов никто не видел. Да и стоит ли верить Ксавьеру Унсуе? Он слыл в Картахене человеком неглупым и образованным, но не следовало забывать и о его возрасте. Во всем городе вряд ли сыщется человек старше его. Кто знает, может быть, некогда ясный и цепкий ум стал с годами сдавать? И старый книгочей вдруг обнаружил себя живущим в мире призраков и потусторонних сил, которых никто, кроме него самого, не замечает?

В общем, не усидел я на месте, хотя намеревался отоспаться в своей берлоге и не вставать раньше полудня.

Первым делом я попытался отыскать наемника Унсуе — того самого, которого он якобы посылал в монастырь поискать беспокойную книгу. Это оказалось довольно трудным делом, и преуспел я только к обедне.

Аугустин Муньос — так звали моего героя. Был он малорос, коренаст, волосат и вшив. Пришлось сморщить свой привередливый нос и некоторое время дышать сквозь зубы. Муньос принадлежал к той породе людей, которым неведомо понятие «завтра». Он жил текущей минутой, а там — хоть трава не расти. Обитал он в сложенном из хвороста шалаше за рынком Эдмундо Флорес, на обширном пустыре. Задворках торговых кварталов, на месте бывшего болотца. Люди посостоятельнее строиться здесь не пожелали — слишком топко, и этот пятачок посреди города облюбовали нищие, попрошайки, калеки — все те, кто познал лишь гримасы судьбы и уже

не надеялся дождаться от этой капризной сеньоры приветливой улыбки.

Я знал, что живу небогато, но по сравнению с обитателями Муэрта Фолла я мог чувствовать себя королем. В кармане у меня позвякивало целых четырнадцать монет — наверное, больше, чем у всех обитателей пустыря, вместе взятых.

— Да, — сказал, а точнее, даже не сказал, а проскрипел Аугустин Муньос. Нечистая борода его зашевелилась, и я заметил под волосами розоватый шрам на горле. — Да, старый Ксавьер Унсуе посылал Муньоса к монастырю Эстебан Бланкес. И обещал за это целую горсть медяков. И не обманул, храни его дева Стефания! Аугустин Муньос много лет не пил столько пива сразу, сколько выпил пару дней назад с приятелями...

Мысли Муньоса вращались в основном вокруг пива, и мне стоило немалых трудов вытянуть из него рассказ о самом монастыре.

— Монастырь как монастырь, клянусь девой Стефанией, только безлюдный. Ворота покосились, паутина везде... В храме — пылищи-то, пылищи! Ей-ей, в Селеш Родригес столько пыли не бывает, даже в сезон ветров.

Книга лежала на нижней ступеньке лестницы, прямо в пыли. Что? На обложке? Нет, на обложке пыли не было... А-а-а! Муньос догадался! Если бы на обложке тоже лежала пыль, это означало бы, что книга забыта на лестнице давно, верно? Верно, клянусь девой Стефанией! Нет, Муньос не умеет читать, поэтому не открывал книги. Да ничего особенного не заметил, взял ее под мышку и поковылял к выходу. Нет, все было тихо, даже эхо там какое-то глухое, наверное, из-за пыли. Собаки? Как же, собак там полно, все такие злющие, ровно... ровно... ну, злые, словом. Но у Муньоса был с собой посох, так что собаки боялись приближаться.

Куда потом направился? Да прямо к дому Унсуе и направился. А потом в таверну «Карменчита», там пиво очень дешевое...

Итак, старый книгочей не лгал мне хотя бы в части своего рассказа. Я не видел ни одной причины, по которой Аугустин Муньос стал бы сочинять небылицы, да и вряд ли он был способен сочинить что-либо путное или хотя бы складное. Каж-

дое его слово казалось мне правдой, наблюдением ничем не запятнанной бродячей души.

Аугустин Муньос действительно ходил на днях в монастырь Эстебан Бланкес и действительно принес оттуда какую-то книгу.

Какую-то. Вот это — единственный момент, который прояснить было невозможно. По словам Муньоса, книга была «такая, с закорючками на обложке и толстая, как каравай хлеба, клянусь девой Стефанией».

Ссыпав в подставленную коричневую ладонь Муньоса несколько мелких медяков, я покинул Муэрта Фолла, исполненный сомнений и растерянности.

Еще через некоторое время я переговорил с тремя стариками из припортовых кварталов (там почему-то много долгожителей). Все трое прекрасно помнили темную историю с исчезновением Вернера Шпреедихта — впрочем, я и сам помнил эту историю. Тогда даже бездельники из магистрата некоторое время бегали рысцой и пытались неуклюже выведать подробности пребывания немца в Картахене. Его так и не нашли, как, впрочем, и подробностей.

Один из стариков помнил даже давнее исчезновение рифмоплета из Веракруса — говорил, что целых четыре дня по Картахене расхаживали горластые глашатаи и зазывали знать послушать эту птицу в субботу вечером в гостиницу «Фиеста Кастилья». Кое-кто, говорят, пришел, да только самого рифмоплета в назначенный час разыскать не удалось; старик смутно помнил кое-какие отголоски этого скандала.

Все трое вспомнили и блаженного Хуана Сантаелену и в один голос показали, что умер тот в возрасте не то шестидесяти с чем-то лет, не то пятидесяти с чем-то. Умер тихо и мирно в хижине посреди Муэрта Фолла, упокой небо его невинную душу.

К вечеру из предместья, где был расположен монастырь Эстебан Бланкес, вернулись солдаты. Они обшарили весь пустырь, основательно разворошили свалку, словно грабители хозяйские перины в поисках спрятанных драгоценностей. Нашли останки убитого ножами подростка и труп старика, обглоданный собаками. Они исходили все монастырское подворье вдоль и поперек и не отыскали ничего, кроме пыли. Ничего солдаты не нашли и в кельях, и в скитских башнях, и в

трапезной, и в зале храма, и в подземельях храма, и на чердаке храма.

Насчет подземелий, правда, солдаты выражались довольно расплывчато, и я понял, что особенно далеко никто не забирался. Сальвадор Камараса, говорят, имел бледный вид, когда выслушал доклад капитана, но не проронил ни слова.

Ну кто в здравом уме полезет глубоко в подземелья заброшенного монастыря?

Впрочем, пыль все равно рассказала следопытам, что ко входу в подземелья никто давным-давно не приближался. Зато совсем недавно кто-то шастал по храму. Двое людей прошли к лестнице на чердак и поднялись, а еще двое дошли только до лестницы, а затем вернулись и ушли прочь. Первые двое, по словам следопытов, с чердака не спускались. Чердак же остается совершенно пустым, и на нем следов никаких нет. Такое впечатление, что эти двое поднимаются по лестнице и на самом верху растворяются в воздухе.

Следопыты опознали в одной из цепочек следов отпечатки башмаков Фернандо Камараса.

Я думал надо всем этим весь вечер. Лежа одетым поверх постели и уставившись на огонек светильника.

Выходит, это вовсе не собаки. Выходит, стоило мне войти тогда в монастырский храм, и я сам бы все это рассмотрел и распутал. Но что же меня не пустило? Предчувствие?

Что за пугающая тайна прячется в этих древних стенах? Как она связана с книгой, зовущейся «Око бездны»? Что за странное, наконец, и зловещее название для философского трактата?

Во что ты вмешался, Мануэль Мартин Веласкес, сын портнихи и горе-сыскарь? Дыхание каких сил коснулось тебя?

Я снова и снова задавал себе этот вопрос и не заметил, как заснул. Во сне я видел книгу, она сама собой раскрывалась, но я никак не мог прочесть ни единого слова, буквы словно бы расплывались, а потом вдруг из глубины страницы отчетливо проступило чье-то молодое лицо, искаженное не то мукой, не то яростью, и я откуда-то знал, что это лицо поэта Габриэля Роберто Мартинеса, рожденного в Веракрусе и канувшего в небытие на окраине Картахены. Немота одолела меня, и я, не в силах задать вопрос, отчаянно жестикулировал, но

Мартинес меня не замечал. А потом вдруг оказалось, что это лицо никакого не поэта, а старого книгочея Ксавьера Унсуе. Книгочей взглянул на меня и отчетливо произнес: «Зло приходит из бездны по грешные души. Покуда существует грех, зло будет приходить».

Я проснулся мокрый как мышь; в окно просачивалась зыбкая полутьма близкого рассвета. Светильник был погашен, и масло наполовину заполняло пузатый стеклянный сосуд.

Светильник не мог погаснуть, пока не выгорело все масло. Значит, кто-то его погасил. Не я же? А Генису запрещено входить в мою берлогу.

Пот прошиб меня вторично, и тут я понял, что ощущаю странный запах — тонкий и чуждый человеческому жилищу. Что-то замешенное на мускусе. Одеревенев от внезапного ужаса, я затаил дыхание; мне казалось, что в комнате я не один, что стоит лишь пошевелиться, и откуда-нибудь из темного угла вырвется нечто и...

Что — «и...» я никак не мог вообразить, и от этого отчаяние мое становилось лишь глубже.

Я успел много раз умереть и воскреснуть, пока тело мое перестало быть средоточием ледяных волн, гуляющих под кожей, а естество мое перестало быть комком полуживотного страха. Рассвет вливался в окна Картахены, и, к счастью, в мое окно он вливался тоже. Берлога моя была пуста — в том смысле, что никого и ничего постороннего в ней не появилось — и захламлена, как обычно. Только след странного запаха да неведомо как погасшая лампа.

«Зло приходит из бездны, — подумал я. — Клянусь девой Стефанией, как сказал бы Аугустин Муньос!»

Я вдруг понял, что частичка моей души принадлежит уже не одному мне. «Око бездны». Зло смотрит из бездны, и недавно оно углядело меня.

Холодная дрожь снова сотрясла мое тело.

Бог мой, да я так невесть чего навыдумываю! Прочь отсюда, прочь из четырех стен, на воздух, на улицу, под утреннее небо...

Я с грохотом ссыпался по лестнице, тревожа соседские сны, и с завистью подумал, что соседям наверняка снится что-нибудь приятное. Прохладный утренний ветерок и какая-то первозданная невинность нарождающегося дня ошеломили

меня, и я застыл на булыжной мостовой напротив дома, в котором появился на свет и в котором вырос, словно увидел дом впервые. Восток розовел, и вразнобой щелкали птицы, встречая просыпающееся Солнце.

Если и осталась где-нибудь тьма, то разве что в виде осадка на задворках моей души.

Но я прекрасно знал, что тьма никогда не уходит бесследно и безвозвратно. Особенно из души.

Помощнику Альфонсо Баройя надоело платить мне по полмонеты в день спустя неделю. Что же, сказал я, никто не посмеет заявить, что Мануэль Мартин Веласкес не старался.

Никто и не заявил. Но Торреса мне можно было больше не искать. Как и Фернандо Камараса. Однако история эта все не шла у меня из головы. Ночные кошмары посещали меня еще дважды, но не такие леденящие, как в самый первый раз. Я мало-помалу обретал былое душевное равновесие, хотя что-то внутри меня все-таки переменилось, я это чувствовал.

Не могу сказать, чтобы меня тянуло к монастырю Эстебан Бланкес, но я поклялся, что при случае постараюсь распутать странную загадку с исчезновением людей.

Прошел год. Целый год. Я за это время отследил много неверных жен и мужей, отыскал немало украденных вещей и даже разобрался с убийством помощника Альфонсо Баройя — бедняга ненадолго пережил Сантьяго Торреса, но погиб безо всяких загадочных историй: его зарезали на рынке Эдмундо Флорес за горсть серебряных монет, которую он получил с распространителей масла за неделю торговли. Когда я поймал убийцу — заезжего гастролера из Борита-Фе, — чинуша, заправляющий магистратом, долго тряс мою руку и заверял, что попытается выбить мне регулярное жалованье. Я, естественно, не поверил и оказался совершенно прав. В общем, время шло.

Однажды вечером я обнаружил на своей улице прогуливающегося книгочея Ксавьера Унсуе. Он выглядел таким же старым, седым и бодрым, как и год назад. Только в глазах его появился какой-то нездоровый лихорадочный блеск.

— Веласкес! — воскликнул он, завидев меня. — Я полдня тебя дожидаюсь!

— Что нибудь случилось? — спросил я настороженно.

— Случилось, — мрачно сказал книгочей. — Мы можем где-нибудь поговорить?

— За углом есть вполне пристойная таверна.

— Пристойная? — фыркнул Унсуе, как показалось мне, с легким презрением. — В этом районе разве бывают пристойные заведения?

— Для этого квартала — вполне пристойная, — спокойно парировал я. — Там тебя гарантированно не зарежут в первую же минуту. К тому же там меня знают.

В «Маньяна» меня действительно знали. И даже могли накормить и напоить в кредит, если бывали трудности с монетой. Хорошо, что такие трудности последнее время случались все реже — я слыл удачливым и пронырливым сыскарем, и все больше людей обращались ко мне. Я, если честно, даже стал задумываться о более приличествующем жилье в более приличествующем квартале Картахены.

— Так что же стряслось? — спросил я, когда мы уселись за стол в самом дальнем углу таверны и пригубили первое пиво.

Старик поднял на меня испытующий взгляд. Снова заблестели его глаза, а в паутине глубоких морщин словно бы запутался немой вопрос.

— Скажи-ка, Веласкес, — спросил книгочей немного погодя. — С тобой никаких странностей не происходит? Ну, там, дурные сны или необъяснимые желания... наведаться к Эстебан Бланкес, например. А?

Я задумался. Сны... Сны бывают, этого не скрыть. А вот необычных желаний я припомнить не смог. Впрочем, я понимал, о чем на самом деле спрашивает книгочей. Печать той самой книги. Он считает, что раз я открывал «Око бездны» — на меня легла некая зловещая печать. И якобы однажды я обнаружу, что не принадлежу сам себе.

— Нет, Ксавьер Унсуе, — ответил я, как мне показалось, вполне искренне. — Я не чувствую над собой проклятия. Что же касается дурных снов — так они всем периодически снятся. Даже праведникам. Это все, что ты хотел услышать?

Книгочей продолжал сверлить меня взглядом. Скорее всего он не поверил, что я ничего особенного в себе не замечаю. Потом угрюмо уставился в полупустую пивную кружку.

— Книгой снова заинтересовались, — сказал он тихо.

Я едва не подскочил на лавке. Неужели пришло время разгадать загадку книги и монастыря? Я ведь поклялся разгадать

ее когда-нибудь. Правда, мне совершенно не верилось, что случай подвернется так скоро.

— Кто? — спросил я, подавляя в себе целую бурю противоречивых чувств.

— Рикардо Эчеберья. Студент.

— Как давно?

— Он ходит ко мне уже второй год. Сегодня утром я заметил, что он подходил к полке с монастырскими книгами.

— И это все? — протянул я с сомнением.

— Он дотрагивался до книги. Я видел. Возможно, даже не в первый раз.

— И что ты хочешь от меня?

— Проследи за ним, — шепотом попросил Унсуе. — Я так больше не могу.

— Не можешь чего? — жестко спросил я. — Не можешь молчать, когда твои читатели идут на смерть?

Унсуе враз стал казаться даже не старым — дряхлым.

— Раньше, выходит, мог? — продолжал я. — А, книгочей? Что это с тобой вдруг случилось?

Я понимал, что поступаю жестоко. Но остановиться не мог.

Некоторое время мы просидели в звенящем молчании. Наконец я слегка оттаял.

— Сколько у нас времени? У нас... и у него?

— Не знаю, — все еще шепотом ответил Унсуе. — Думаю, с неделю.

— Где он живет?

— В студенческом приходе Санта-Розалины, невдалеке от собора. Знаешь, где это?

— Знаю, — вздохнул я. — Как, говоришь, его зовут? Родриго Эчеберья?

— Рикардо. Рикардо Эчеберья, — поправил меня книгочей. Впрочем, я прекрасно запомнил имя и с первого раза. Я ведь сыскарь все-таки, а не выживший из ума нищий с Муэрта Фолла.

— Ладно, — отрезал я. — Я займусь этим. Постарайся никуда не отлучаться из своей норы, ты можешь мне понадобиться в любое время.

Я встал и бросил на стол медную монетку.

— И вот еще что, — добавил я несколько мягче. — Прости, что я был с тобой так резок, Ксавьер Унсуе...

Мне показалось, что от меня испуганно отшатнулось что-то огромное и темное. Словно заметило во мне нечто губительное для себя.

М-да. И это называется, я никаких странностей около себя не замечаю.

За неделю я изучил жизнь Рикардо Эчеберья буквально по часам. Чем занимается, куда и когда ходит, когда спит, когда ест — словом, все-все-все. Я не мог не заметить, что ведет он себя не совсем обычно — часто замирает на улицах, словно в задумчивости, а потом вдруг начинает недоуменно вертеть головой, словно не может понять, где находится и как здесь очутился. Знакомые его тоже отметили, что Рикардо последнее время стал рассеян и часто не замечает вопросов, с которыми к нему обращаются. Отец Гонсалио, который преподавал в Санта-Розалине философию, слово Господне и литературу, все это подтвердил и высказал предположение, что юноша просто устал.

Мне так не казалось. Друзей у Рикардо было немного, и, слава Богу, никто из них не знал о природе моих истинных занятий и интересов. Я что-то сочинил им о причинах, по которым якобы разыскиваю Рикардо, и едва успел отделаться от них и затеряться в толпе, когда сам Рикардо показался вдали на улице. Он брел повесив голову в сторону студенческого прихода; брел с северо-востока. Библиотека Ксавьера Унсуе находится именно там.

Я внимательно наблюдал за ним из-за палатки торговца свечами.

Вот на ком печать безысходности видна была с первого взгляда — такой вид бывает у неизлечимо больных.

Я впервые разглядывал Рикардо Эчеберья так близко.

Он миновал ворота прихода, рассеянно кивнул старику привратнику и, прижимая локтем небольшой сверток, направился ко входу в камчой.

Почти сразу же я заметил и Ксавьера Унсуе. Неуклюже пытаясь казаться незамеченным, он шел следом за Рикардо; при этом старый книгочей смешно вытягивал шею и старательно вертел головой. Я поспешил ему навстречу.

Меня он не заметил — я подождал, пока Унсуе пройдет мимо, и легонько дернул его за рукав.

Книгочей вздрогнул и обернулся. Затем облегченно выдохнул:

— Это ты, Веласкес! Как вовремя я на тебя наткнулся!

Я не стал уточнять, кто на кого наткнулся в действительности.

— Эчеберья взял книгу! «Око бездны» сейчас у него! Подумать только, я в первый раз заметил пропажу книги раньше, чем пропажу своего читателя...

Унсуе так исступленно и так громко шептал, что прохожие стали оборачиваться, я потянул его с площади прочь, в тихое место под оливками напротив собора.

— Думаешь, это знак, что он собирается направиться в Эстебан Бланкес? — спросил я, когда уверился, что посторонние уши нас не услышат.

Унсуе взглянул на меня, как на умалишенного.

— Конечно! Зачем еще ему книга?

Я пожал плечами:

— По-моему, в монастырь он мог бы и без книги отправиться. Что-то тут не так...

Книгочей сглотнул; кадык под дряблой кожей на горле дернулся, словно пытался вырваться на свободу.

— Не знаю. Все, кто приходит в Эстебан Бланкес без книги, ничего там не находят. Только пыль и запустение. Думаю, книга позволяет заглянуть туда, куда остальным смертным путь заказан.

— Заглянуть — и остаться там навеки? — саркастически хмыкнул я.

— Как знать, — задумчиво сказал Унсуе. — Возможно, заглянув, и мы не захотели бы вернуться в Картахену.

Я помолчал.

— Ладно, — вздохнул я. — Пойду его отговаривать...

Книгочей вцепился мне в руку:

— Нет!

Я удивленно замер.

— Почему — нет? Он же пропадет! Пропадет, как и все остальные!

Ксавьер Унсуе продолжал держать мой локоть с неожиданной для человека его возраста силой.

— За ним нужно проследить, Веласкес! Пойти в монастырь следом за ним и самим все увидеть. И понять.

Я задумался. В самом деле. Ну, отговорю я сейчас этого одержимого студента, хотя что-то заставляло меня усомниться в успешности подобной попытки. Найдутся ведь другие. Потом. Кто знает, в чьи руки попадет эта книга, когда старый Унсуе умрет?

Действительно, следует разобраться во всем. Я не верил, что книга открывает путь в некий аналог христианского рая, — тогда она не называлась бы «Око бездны» и не внушала бы трепет. И никто не сказал бы мне, что зло глядит из бездны, — даже во сне не сказал бы. Это злая книга. Иначе бы из-за нее не пропадали люди. Возможно, подсмотрев за Рикардо Эчеберья, я сумею понять, как зло опутывает людей и заманивает их в монастырь. И научусь разбивать его оковы.

И тут же взыграла во мне обычная людская мнительность.

Эй, Мануэль Мартин Веласкес! Очнись! Опомнись! Какое зло? Какие оковы? Не выдумывай ерунды и не бери на себя роль того, кто судит — что есть зло, что есть добро. Не твое это дело, ты ищи жуликов и неверных жен да дуй свое пиво в грязных тавернах. Бороться со злом — удел героев.

Да и как его представить и овеществить — зло? Что ты ожидаешь встретить в монастыре? Что или кого? Дьявола с колодой карт? Свору адовых псов, щелкающих зубами? Ты хоть знаешь, что такое настоящее зло?

Нет.

Тогда чего суешься?

Но ведь я поклялся.

Это не имеет значения.

А что тогда, черт побери, имеет значение под этим небом? Что? Серебряные монеты? Так я их уже получил. За ненайденного мною Фернандо Камараса. И за ненайденного мною Сантьяго Торреса. Если изменять собственным клятвам — как себя уважать впоследствии? И как жить, себя не уважая?

— Идет! — потормошил меня Ксавьер Унсуе. — Дева Стефания, он идет!

Я взглянул, стараясь подавить злость на самого себя. Рикардо Эчеберья с тем же свертком под мышкой решительно шагал через площадь прочь от ворот прихода. Шагал быстро и целеус-

тремленно, направляясь вдоль по улице, ведущей к портовому спуску. Оттуда как раз удобно свернуть в сторону дальнего предместья, где расположен монастырь Эстебан Бланкес.

Все. Рассуждать нет времени. Пора действовать. Следить так следить.

И я двинулся следом за студентом. Ксавьер Унсуе остался стоять под оливками, хотя я полагал, что он отправится за мной.

По-моему, он испугался.

Я умею идти за человеком по улицам Картахены и оставаться при этом незаметным. Не спрашивайте как — словами этого не объяснишь, да и не люблю я выдавать свои секреты. Но за Рикардо Эчеберья смог бы прокрасться и полный дилетант: студент шел не оборачиваясь и совершенно не глядя по сторонам. Только иногда зыркал под ноги — но лениво и даже как-то нехотя — и снова, казалось, засыпал на ходу. Странно, но быстрая ходьба вовсе не развеивала впечатление о том, что этот незадачливый парень со свертком под мышкой на ходу дремлет. Наоборот, даже непонятным образом усиливала. Возможно, оттого, что у него двигались только ноги, корпус же и голова и прижатые к телу руки оставались в неподвижности, как у манекена в мастерской моей покойной мамаши.

Мы миновали поворот к порту; как я и ожидал, Эчеберья свернул направо и углубился в кварталы Тортоза Бенито — нескончаемые кривые улочки, двух- и трехэтажные домишки, кое-как слепленные из известняка, глухие заборы и пыльные ветви персиков и олив над заборами. За этими неприступными оградами то и дело взлаивали цепные псы — более удачливые родичи тех, что бродили вечно полуголодными по городской свалке около Эстебан Бланкес. Я иногда обгонял Эчеберья, торопливо минуя многочисленные боковые улочки, дожидался его и снова обгонял. Я кружил вокруг него, словно хищник вокруг ничего не подозревающей добычи.

И все время вспоминал, что пока еще могу его остановить.

К монастырю Эчеберья вышел даже раньше, чем я ожидал. Неутомимый ходок этот студент, а ведь сразу и не скажешь. Я устроился за высокой и наименее смердящей кучей — по-моему, вывезенным строительным мусором — и приготовился наблюдать.

Рикардо Эчеберья вышел из окраинного переулка и стал торопливо спускаться в лощину по извилистой тропе.

Солнце лишь мало-помалу клонилось к отдаленным мусорным кучам на дальнем краю лощины. Только бы этот студент не стал выжидать до ночи, подумал я с неясным напряжением. Торчать здесь в темноте? Нет уж, увольте. Не стану я находиться рядом с Эстебан Бланкес ночью и парню этому не позволю. Возьму за шкирку и отведу в приход, к таким же, как он, обормотам с ветром в голове.

Откуда появились собаки (или волкособаки), я заметить не успел. Просто несколько мусорных куч у тропинки вдруг оказались сплошь под лапами этих тварей. Их было много, десятки, и все они стояли вдоль тропы и молча глядели на Рикардо Эчеберья. Словно почетный караул на торжественном выходе короля в Эскуриале.

Впервые за последние час или два Эчеберья очнулся от своего непонятного оцепенения. Он завертел головой, оглядывая собачий караул, и крепче прижал к себе сверток.

Собаки молчали. Ни рыка, ни лая — могильное и оттого кажущееся зловещим молчание.

Противный и такой знакомый холодок прогулялся по моей спине — впервые за сегодня.

Эчеберья, как мне показалось, на дрожащих ногах шел мимо собак, и они тянулись к нему влажными носами, не издавая ни единого звука. Это было до жути неправильно, неестественно, невозможно — молчаливая стая. Холод, бездонный холод терзал мое тело.

Дыхание бездны.

Эчеберья скрылся за воротами. Собаки внутрь даже не пытались сунуться, покружили у щели и помалу потрусили куда-то в сторону.

Я проворно вскочил и тоже поспешил к воротам. Стая тотчас замерла, повернув головы в мою сторону, и мне вдруг показалось, что это не много существ, а одно — многоголовое и чужое.

Мороз стал злее, но не смог поколебать мою решимость.

Мануэль Мартин Веласкес не отступает от собственных обещаний... По крайней мере пытается в это верить.

Клочья потревоженной паутины шевелились на краях створок. Я разглядел впереди спину Рикардо Эчеберья — студент входил в храм. Меня он не замечал, по сторонам не глядел и ни разу за весь путь от Санта-Розалины не оглянулся.

Мягко и бесшумно я поспешил за ним.

У входа я прислушался — шаги студента раздавались внутри, но еле-еле. Мне казалось, что они должны были звучать громче.

Я заглянул — Эчеберья как раз приближался к лестнице на чердак.

Шаг. Еще шаг. И еще.

Вокруг было тихо и пусто, но это только сильнее било по нервам и подпускало холоду.

И вдруг, когда Эчеберья поднялся на пару ступенек к чердаку, а затем медленно-медленно развернул свой сверток и, словно завороженный колдовским сном, опустил книгу на камень лестницы, я ощутил: что-то мгновенно изменилось в монастыре.

Точнее, в храме.

Еще миг назад там, наверху, было пусто и пыльно.

Теперь — нет. Там появилось что-то. Точнее, не совсем так. Там исчезло все, что являлось просто чердаком над храмом Эстебан Бланкес. Теперь там возникло какое-то другое место, и в этом месте обитало нечто.

Не могу объяснить лучше.

Рикардо Эчеберья, по-прежнему сонный и покорный чужой воле, поднимался по ступеням. Мне мучительно захотелось окликнуть его, остановить, задержать, спасти. Я еще мог это сделать — лестница была достаточно длинная.

Но я промолчал.

И студент беспрепятственно поднялся на самый верх и ступил туда, где раньше был просто чердак, а теперь возникло то самое чужое место.

Не могу сказать, как долго я торчал у храмовых врат, пригвожденный к полу. Наверху было тихо.

А потом Рикардо Эчеберья закричал. Это не был вопль ужаса или испуга. Это был глас обреченности.

Я сам не заметил, как взлетел по лестнице на самый верх. Помню, я очень удивлялся, что сапоги не скользят, словно по льду. Говорят, что лед скользкий.

Все-таки это оставалось похожим на обыкновенный пыльный чердак, но только необъяснимым образом увеличившийся в сотни раз. Зыбкий свет сочился откуда-то сверху, был он слабым и неверным и скорее скрадывал, чем освещал.

Рикардо Эчеберья стоял на коленях чуть впереди меня, метрах в двадцати, и к нему по стылым камням ползло нечто. Нечто бесформенное, похожее на мешок или бурдюк. Оно было таким чужим, что даже не вызывало обычного страха. Оно само было страхом.

Злом из бездны.

Всхлип — всхлип, не крик — примерз у меня к гортани. Я окаменел. Стал таким же камнем, как свод храма, пол чердака. Как монастырские стены. Но я мог видеть — в отличие от настоящего камня.

Когда оно приблизилось к студенту, снаружи еле слышно взвыли собаки. Студент упал — оно стало наползать на него, словно чудовищная, безликая и бесчувственная амеба. И я буквально всем естеством ощутил, что студент исчезает, растворяется в окружающем, теряет сущность. Расстается с душой. Руки его безвольно дергались — слабо-слабо. Скребли камень.

Я не мог представить, что он чувствует. Но я точно знал — Рикардо Эчеберья страдает. Страдает так, что смертному вообразить это невозможно. А потом это бесформенное вдруг отрастило две словно бы руки — могучих и длинных — и стало мять Рикардо Эчеберья, будто пластилиновую куклу. Лепить из его плоти каменную статую. Не знаю, почему каменную, — возможно, потому, что в только что живом человеке не осталось ни капли тепла. Потому и пришло мне в голову такое сравнение.

Несколько выверенных движений — и кукла отброшена в сторону; она, нелепо разведя руки в стороны и изогнувшись, как от непереносимой боли, прыгает по полу и неожиданно встает на ноги. И застывает — это более не человек, это просто статуя, имя которой Боль и Страдание.

Отныне и навсегда.

Я откуда-то точно знал это — навсегда Боль и навсегда Страдание.

А секундой позже я заметил еще кое-что.

Эта статуя не была единственной на внезапно разросшемся чердаке храма Эстебан Бланкес. Их были сотни. А возможно, и тысячи — злу всегда хватает времени. Они стояли как лес, как застывшая толпа, каждый в своей позе, но все носили одно и то же имя.

Боль и Страдание навсегда.

А потом зло взглянуло на меня. Этот взгляд оказался холоднее, чем самый первый сон о бездне.

Я не помню, как оказался снаружи. И понятия не имею, почему бездна меня отпустила, а не превратила в одну из статуэток, замороженных и выпитых до донышка на самом краю вечности. Я валялся меж двух мусорных куч, прижимая к груди проклятую книгу, а мой сапог осторожно обнюхивала тощая черная собака.

Одежда была липкой — снаружи от грязи, изнутри от пота. Руки с книгой тряслись, несмотря на то что я прижимал их к телу. Небо полнилось звездами, чуть в стороне от Картахены висела едва выщербленная луна, заливая зыбким призрачным светом необъятный пустырь и монастырские стены, похожие на клок темноты, упавший с густо-фиолетового неба.

Эстебан Бланкес. Средоточие зла. Которое всегда возвращается, потому что мир полон таких людей, как ты, Мануэль Мартин Веласкес. Который вместо того, чтобы попытаться задержать одурманенного Рикардо Эчеберья, сумел лишь стать свидетелем его гибели. Даже нет, не гибели — гибель это просто шаг за край, в черноту.

Я вдруг остро понял, что такое рай. Не кущи и не пение ангелов, вовсе нет. Рай — это благо черноты, это шанс не превратиться в статую по имени Боль и Страдание, обреченную на вечность подле зла, а возможность просто исчезнуть во мраке.

Ты не дал этого шанса студенту, Мануэль Мартин Веласкес. И покуда существуют такие, как ты, — зло будет возвращаться.

Осознание этой простой истины отозвалось во мне судорожным всхлипом. И одновременно пришло знание. Не обращая внимания на близость собаки, я сел и раскрыл книгу. Сразу на нужной странице.

Ты не можешь прогнать зло. Но отогнать, отогнать на долгое время — можешь.

За жизнь всегда платят жизнью, Мануэль Мартин Веласкес. За страдание — страданием. За предательство — искуплением. Но плата никогда не бывает слишком высокой.

Отгони зло своим именем — отгони как можно на более долгий срок. Чем тверже останется твой дух во время корот-

кого пути к монастырскому храму и крутой лестнице, тем дольше книга будет дремать на полке какого-нибудь книгочея. Пусть ноги слабеют и оскальзываются на мусоре, зато у тебя достанет сил ни разу не оглянуться и не замедлить шаг.

И пусть безмолвный собачий караул будет тому свидетелем — ты ни разу не оглянешься на этом пути.

Вскоре после рассвета через пустырь-свалку проковыляли два человека. Старый книгочей Ксавьер Унсуе и нищий, которого звали Аугустин Муньос. Они направлялись к монастырю.

— Что-то собак не видно, — озабоченно пробормотал книгочей. — Ты же говорил, что тут пропасть собак!

— Не видно, и к лучшему, клянусь девой Стефанией, — беспечно ответил Муньос, при каждом шаге вдавливая в мусор пятку отполированного сотнями рук посоха — обычной деревянной палки. — Никогда мне эти твари не нравились!

Аугустин Муньос предавался мечтам. О том, как он сейчас вынесет из этого странного, но ничуть не опасного места книгу, отдаст ее простофиле-книгочею, получит несколько монеток... А у «Карменчиты», где очень дешевое пиво, уже с нетерпением поджидают приятели по Муэрта Фолла...

Наконец виляющая тропинка привела их к обветшавшим воротам.

— Никого! — с отчетливым удовлетворением объявил Аугустин Муньос. — Я быстро! Да не трясись ты, я тут много раз бывал.

Книгочей неуверенно кивнул. Он до последней минуты надеялся, что по дороге встретит Веласкеса и Эчеберью. Он и сейчас еще продолжал надеяться.

Муньос скользнул в щель между створками и, постукивая посохом о вымощенное камнями монастырское подворье, поковылял ко входу в храм. Вход почему-то напомнил Ксавьеру Унсуе ненасытную пасть, Врата Ругиана из книги Айтора Вилларойя «Предел невозможного».

Книгочей вздрогнул от собственных мыслей. Слишком уж зловещим получилось сравнение. А потом он вдруг заметил: вид храма как-то неуловимо изменился. И старый камень поднимающихся к небу голов будто бы посветлел. И кресты вроде бы стали поблескивать на солнце.

Да и покрытые лишайником стены вдруг стали казаться чуть ли не празднично-нарядными.

Ксавьер Унсуе медленно-медленно, по-стариковски подволакивая ноги, вошел на монастырское подворье. К входу в храм он не стал приближаться. Почему-то его потянуло на зады, за храм, к дальней из скитских башен.

Он шел долго, недоверчиво прислушиваясь к собственным ощущениям. Под ногами сухо похрустывала мелкая каменная крошка.

За храмом Ксавьер Унсуе обернулся и еще раз поглядел на изменившееся сердце монастыря Эстебан Бланкес. На храм в центре подворья.

И вдруг понял, что изменилось.

Голов у храма теперь было не семь, а восемь. Маленькая, всего по пояс, башенка из кремового камня возносила на уровень человеческой груди такой же маленький купол, увенчанный алонсовским крестом. Отчего-то Ксавьеру Унсуе подумалось, что она очень похожа на молодой древесный побег, который со временем вырастет и потемнеет.

Но эта мысль мелькнула и исчезла, едва старый книгочей увидел под маленьким куполом ослепительно белую надпись — еще ослепительно белую, не успевшую потемнеть от времени, как на других, уже выросших головах храма Эстебан Бланкес.

Три слова. Имя.

Мануэль Мартин Веласкес.

— Эй, книгочей! — закричал от входа в храм Аугустин Муньос. — Ты где? Получай свою книгу!

Но Ксавьер Унсуе не услышал этого зова. Прижав руки к сердцу, он медленно осел на древние камни монастырского подворья и мертвыми невидящими глазами вперился в небо над окраиной Картахены.

Содержание

КЛИНКИ
Клинки 7
Душа чащобы 382

ШАНДАЛАР
Облачный край (История под шум дождя) 391
Год жизни (Тема о неизбежности) 501
Черный камень Отрана 537

УЗНИКИ ВЫСОТЫ
Хозяева Поднебесья 609
Трель певчей совы 626

ЧУЖИЕ МИРЫ
Око Всевышнего (Рукопашная сказка) 647
Монастырь Эстебан Бланкес 764

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых
разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ БУКВА

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

ДЮНА



В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны» «Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны» «Капитул Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконненов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2006 году в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман новой трилогии — «БАТЛЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!



По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу: Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 615-4338, 615-0101, 615-5513 107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Васильев Владимир Николаевич
Чужие миры
Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.В. Демидова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!



ISBN 5-17-038159-X